

ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

2016 выпуск №1 (31)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Бабинцева Л. Н. (Иркутск) 9

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Баротов Ш. Р. (Бухара, Узбекистан) 17

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ БАРЬЕР ПРОШЛОГО ОПЫТА И ФОРМИРОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Березуцкий В. И. (Днепропетровск, Украина)..... 24

АСИММЕТРИЯ ДИАЛОГА В СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Дмитриева Л. Г., Сергеева Д. Н., Насырова А. А.(г.Уфа)..... 31

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ В СИСТЕМЕ ВОЗРАСТНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ КАЗАХОВ

Игибаева А. К., Касымбекова Г. К.(Усть-Каменогорск, Казахстан) 34

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА ОЖИДАНИЯ

Карапетян В. С., Арутюнян Н. С. (Ереван, Армения) 38

ДОВЕРИЕ В МАСС–МЕДИА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Клюева Н. В., Павлова В. А. (Ярославль)..... 45

ПРОБЛЕМА «МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО» В ФИЛОСОФИИ И ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Козлов В. В. (Ярославль) 51

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Курилович М. А. (Минск, Республика Беларусь)..... 65

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ПОКОЛЕНИЮ, КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К ВРЕМЕНИ	
<i>Кутукова Т. Ю. (Ярославль)</i>	73
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
<i>В. А. Мазиллов (Ярославль), В. А. Янчук (Минск)</i>	78
ПЕРВЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИ: РОЖДЕНИЕ ПАРАДИГМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ	
<i>Мазиллов В. А. (Ярославль), Стоюхина Н. Ю. (Нижний Новгород)</i>	85
КРИЗИС ПСИХОЛОГИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ	
<i>Мазиллов В. А. (Ярославль, Россия)</i>	100
К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССА ПОРОЖДЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ	
<i>Нагдян Р. М. (Ереван, Армения)</i>	116
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЙ СЕМЬИ	
<i>Пермина С. В. (г. Челябинск)</i>	123
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОДАРЁННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА	
<i>Ю.П. Поварёнков (Ярославль)</i>	132
ПИРАМИДА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ОНТОГЕНЕЗЕ	
<i>Пузырёв А. В. (Орехово-Зуево).....</i>	140
МЕТАСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД. ФАКТОРЫ ОПОСРЕДУЮЩЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТУПКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	
ЛИЧНОСТНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛИЗМА	
<i>Сокольская М. В. (г. Хабаровск)</i>	164
ОСОБЕННОСТИ ФОРМУЛИРОВКИ ПРОБЛЕМЫ КЛИЕНТОМ НА НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ	
<i>Стрельцова А. В., Ключева Н. В. (Ярославль)</i>	173
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ МОЛОДЕЖИ	
<i>Овчинникова Н. Ф. (Ярославль)</i>	178
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА	
<i>Сабирова Д. А. (Бухара, Узбекистан).....</i>	182

КОНТУРЫ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО – ВОЗРАСТНЫХ НОРМ

Чернов А. Ю., Курышева О. В. (Волгоград)..... 187

**МИСТИКА ЛЮБВИ В АРХЕТИПИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИАЛЬНОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗМА**

Шабанов Л. В., Сметанкина Л. В., Лычагина С. В. (С.-Петербург) 194

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ**

**ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЭКСТРЕМИСТОВ, ТЕРРОРИСТОВ**

Абдрашитова Т. А., (Астана, Казахстан)..... 204

МАРКЕТИНГОВАЯ КУЛЬТУРА

Биктагирова А. Р. (Уфа, Башкирстан) 210

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ
КАЗАХСТАН**

Булатбекова А. Б., Сарбасова С. Б. (Астана, Казастан)..... 214

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ**

Верещагина А. А. (Калининград)..... 226

**ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
СОПРОВОЖДЕНИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**

Власова Г. И. (г. Санкт-Петербург) 231

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ**

Гирфатова А. Р. (Уфа)..... 236

**СЕМЕЙНЫЕ ПОРЯДКИ КАК УСЛОВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЬИ**

Куницына В. Н., Юмкина Е. А. (С.-Петербург)..... 239

**ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИНДРОМА
«ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ» У СОТРУДНИКОВ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

Логутова Е. В. (Оренбург) 245

**МЕТОД РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОКАЗАНИЯ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ)**

Львов В. М., Черкасова А. А., Кобяк М. В. (Тверь) 255

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ДЕФЕКТОЛОГА В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	
<i>Мазур Е. Ю. (Москва).....</i>	268
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРАВОВЫЕ, ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.	
<i>Малых Т. А. (Иркутск).....</i>	272
ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК МЕТОД РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПСИХОЛОГА	
<i>Донченко И. А. (Запорожье, Украина).....</i>	279
ГЕНДЕРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	
<i>Дунаева О. Н. (Челябинск).....</i>	286
ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ БОЛЬНЫХ С ОНКОУРОЛОГИЧЕСКИМ ДИАГНОЗОМ	
<i>Иванов Е. А., Турчин А. С. (Санкт-Петербург).....</i>	293
ЕДИНАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ АГРЕССИИ И АУТОАГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	
<i>Карпов А. М. Герасимова В. В. (Казань).....</i>	301
ЭМПАТИЯ КАК МЕХАНИЗМ ВНУШАЕМОСТИ В БОЛЬШОЙ ГРУППЕ	
<i>Козлов В. В. (Ярославль), Гордеев М. Н., Власов Н. А. (Москва).....</i>	307
ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ДУХОВНОГО КРИЗИСА	
<i>Милютина Е. В. (г. Полевской, Россия).....</i>	316
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ РЕБЁНКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	
<i>Морозов А. В. (Москва).....</i>	329
ЖАНРЫ СОВРЕМЕННОГО КИНОИСКУССТВА КАК НОСИТЕЛИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ И ЭНЕРГИИ В СВЕТЕ ВОСТОЧНОЙ НАТУРФИЛОСОФИИ	
<i>Нелидов С. Н., Дмитриева П. Н. (Алматы, Республика Казахстан).....</i>	339
КАРЬЕРА, КАК ПУТЬ САМОРЕАЛИЗАЦИИ	
<i>Ободкова Е. А. (Ярославль, Россия).....</i>	349
ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНАМИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ : СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	
<i>Сандомирский М. Е., Гимранова Э. Ф. (Москва).....</i>	353

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ РАЗВИТИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	
<i>Стародубцева Г. А., Фролова О. П. (Иркутск)</i>	357
ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ У ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ ГОЛОСА	
<i>Барабанов Р. Е. (Москва)</i>	363
СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ	
<i>Вербина Г. Г., Вербина О. Ю. (Чебоксары)</i>	371
ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАЦИЙ У ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ: ВЗГЛЯД НА НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ	
<i>Воронцова О. Г. (Иркутск)</i>	377
ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ПСИХОТЕРАПИЯ	
<i>Гордеева Е. Г. (Москва)</i>	384
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ	
<i>Гюлмамедов А. Б. (Иваново)</i>	389
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В РАЗВИТИИ РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРОФЕССИЯХ СОЦИОНОМИЧЕСКОГО ТИПА	
<i>Деревянко О. И., Финькевич Л. В. (Минск, Республика Беларусь)</i>	396
СОБЫТИЙНО-КОГНИТИВНЫЕ И АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ КАК ОСНОВА УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТОМ	
<i>Кашапов А. С. (Ярославль)</i>	407
КРЕАТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ	
<i>Кашапов М. М., Солодчук О. Н.</i>	416
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ САМООТНОШЕНИЯ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ СОВМЕСТНО-РАСПРЕДЕЛЕННОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Клюева Н. В., Котина Н. Н. (Ярославль)</i>	424
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ КОПИНГА	
<i>Кривобоков А. С. (Ярославль)</i>	430
ВЫСОКООРГАНИЗОВАННЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ	
<i>Мантикова А. В. (Абакан, республика Хакасия, Россия)</i>	437

НАРУШЕНИЕ БАЗОВОЙ АФФЕКТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ УЧАЩИХСЯ СТАРШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА ОТКРЫТЫХ СМЕННЫХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ	
<i>Метельская Ю. С. (Ярославль)</i>	447
О РАЗРАБОТКЕ ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	
<i>Бовин Б. Г., Федорова Е. М. (Москва)</i>	456
РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДОШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ИГРЫ	
<i>Т. М. Панкратова, Н. Н. Пушкова, Е. В. Белякова</i>	462
СОЗНАТЕЛЬНОЕ ОТЦОВСТВО	
<i>Соткин А. С., Козлов В. В. (Ярославль)</i>	469
ФОРМИРОВАНИЕ БАЗОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РЕБЕНКА В ПЕРИНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД.	
<i>Степанов О. Г., Панова Н. В. (Челябинск).....</i>	477
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЭТАПАХ КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	
<i>Субботина Л. Ю. (Ярославль).....</i>	486
РАЗЛИЧИЯ В ПОКАЗАТЕЛЯХ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ, ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ, КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И УРОВНЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДОЙ У ЖЕНЩИН С НОРМАЛЬНОЙ И ОСЛОЖНЕННОЙ БЕРЕМЕННОСТЬЮ	
<i>Ульянич А. Л., Агаркова Л. А., Бухарина И. Ю., Толмачев И. В. (Томск)</i>	497
КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕАКЦИИ В РОМАНТИЧЕСКИХ И СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СИТУАЦИЮ, ВЫЗЫВАЮЩУЮ РЕВНОСТЬ	
<i>Фурманов И. А. (Минск, Республика Беларусь)</i>	506
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ВАЖНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-НЕГАТИВНЫХ КАЧЕСТВ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ.	
<i>Чемякина А. В. (Ярославль)</i>	524
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	530

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Бабинцева Л. Н. (Иркутск)

Аннотация: В статье рассматривается проблема социально-психологической компетентности личности. Дается анализ взглядов на проблему как зарубежных, так и отечественных ученых. Определяется понятие и функции социально-психологической компетентности. Выделяются уровни сформированности, а также структура социально-психологической компетентности.

Ключевые слова: социальная компетентность, коммуникативная компетентность, социально-психологическая компетентность, функции социально-психологической компетентности, структура социально-психологической компетентности.

The article touches the problem of socio-psychological competence of the person. The study analyzes different looks at the issue among foreign and Russian scientists. The article also defines the concept and functions of the socio-psychological competence, determines its levels of formation and its structure.

Keywords: social competence, communicative competence, socio-psychological competence, the functions of socio-psychological competence, the structure of socio-psychological competence.

Залогом успешности человека в современном мире является не только овладение необходимыми для жизни в обществе знаниями, умениями и навыками, но и развитие таких личностных качеств как общительность, самостоятельность, эмоциональная устойчивость, умение владеть механизмами саморегуляции, которые позволяют управлять своими эмоциями и распознавать эмоции окружающих. Все эти качества являются составляющими социально-психологической компетентности, которая позволяет человеку эффективно взаимодействовать с другими людьми, ориентироваться в любой социальной ситуации, принимать верные решения и достигать поставленных целей.

Для того чтобы специалист «на выходе» мог быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и демонстрировать высокую эффективность в профессиональной деятельности современные государственные стандарты образования нацелены на формирование различных компетенций.

Но, прежде чем решать практические вопросы по формированию социально-психологической компетентности нужно провести теоретический анализ самого понятия и разобраться в её структуре.

Социально-психологическая компетентность (далее СПК) до недавнего периода не рассматривалась целостно, как интегрированная личностная характеристика. Отечественные и зарубежные

исследователи останавливали свое внимание лишь на отдельных гранях социально-психологической компетентности личности. Для выделения специфики и сущности понятия социально-психологической компетентности необходимо начать с анализа содержания более общего понятия по отношению к понятию социально-психологической компетентности – понятия «социальная компетентность».

Социальная компетентность – владение когнитивными, эмоциональными и моторными способами поведения, которые в определенных ситуациях ведут к долгосрочному соотнесению положительных и отрицательных воздействий (У. Пфингстен и Р. Хинте) [25].

Куницына В. Н. социальную компетентность понимает, как систему знаний о социальной действительности и о себе, систему сложных социальных умений и навыков взаимодействия, сценариев поведения в типичных социальных ситуациях, позволяющих быстро и адекватно адаптироваться, принимать решения со знанием дела, учитывая сложившуюся конъюнктуру, действия по принципу «здесь, сейчас и наилучшим образом» извлекать максимум возможного из сложившихся обстоятельств» [13].

О. В. Сафронова [22] и Т. И. Самсонова [21] в своих работах также рассматривают социальную компетентность как способность к конструктивному использованию знаний, умений, навыков и способностей, которые позволяют человеку эффективно взаимодействовать с социальным окружением, в т.ч. в контексте профессиональной деятельности.

У Беденко Н. Н. [1] в диссертационном исследовании социальная компе-

тентность определена как – владение приемами совместной (групповой, кооперативной) деятельности, сотрудничества, общения, а также лидерство и социальная ответственность за результаты своей деятельности. Автор говорит о том, что «социальная компетентность человека предполагает, что он, прежде всего:

- относит себя к членам общества;
- владеет морально-этическими нормами, свойственными обществу;
- осознает необходимость ориентации всей деятельности на благо общества;
- принимает на себя социальную ответственность за последствия своих поступков;
- сотрудничает с другими членами общества;
- способен к гибкой смене социальной роли;
- готов к изменениям и способен воздействовать на процесс изменений в межличностных отношениях;
- стремится и умеет вызвать в обществе интерес к своей профессиональной и общественной деятельности;
- стремится к соответствию своего профессионального и общественного статуса индивидуально-личностным качествам.

Левикова Е. В. [15] и Пономарёв М. С. [19] говорят о том, что высокий уровень социальной компетентности является залогом успешного социального функционирования индивида. В состав социальной компетентности входят как деятельность составляющая, так и когнитивные компоненты, наряду с эмоциональными составляющими и социально-психологическими характеристиками личности.

К психологическим характеристикам авторы относят такие психологические особенности, как характерологические и личностные черты, представления о способах построения конструктивного межличностного взаимодействия и уровень социального интеллекта [15, 19].

Основные функции социальной компетентности – социальная ориентация, адаптация, интеграция общесоциального и личного опыта. Структура социальной компетентности включает коммуникативную и вербальную компетентность, социально-психологическую компетентность и межличностную ориентацию, эго-компетентность и собственно социальную компетентность (оперативную компетентность)» [13].

Перейдем непосредственно к изучению понятия «социально-психологическая компетентность».

В словаре А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, дано следующее определение социально-психологической компетентности – это «способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми в системе межличностных отношений. В состав социально-психологической компетентности входит умение ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовать эти способы в процессе взаимодействия. Особую роль здесь играет способность поставить себя на место другого. Социально-психологическая компетентность формируется в ходе освоения индивидом систем общения и включения в совместную деятельность» [20].

Обращаясь к понятию «социально-психологическая компетентность» социальные психологи вкладывают в него различное содержание. СПК отождествляют: с межличностной компетентностью, коммуникативной компетентностью, компетентностью в общении. Часто термин «социально-психологическая компетентность» используется для обозначения социально-психологических способностей или социально-психологических качеств [22].

Миронова О. И. пишет о том, что СПК как обеспечивающая эффективное взаимодействие с окружающими людьми, включает в себя коммуникативную компетентность, необходимую для построения эффективного коммуникативного действия. Коммуникативная компетентность включает в себя социально-перцептивную компетентность как обеспечивающую ориентировочную часть коммуникативного действия и аутопсихологическую компетентность, необходимую субъекту для самоконтроля и самоуправления при осуществлении операционального состава коммуникативного действия. В социально-перцептивную компетентность входит аутопсихологическая компетентность, позволяющая субъекту производить адекватную самооценку в ориентировочной части коммуникативного действия, адекватно понимать свою предметную и межличностную позицию [17].

Многие авторы считают понятия социально-психологической и коммуникативной компетентности синонимичными.

М. Аргайл в своей книге «Психология межличностного общения» говорит о понятии «общей социальной компетентности», объединяя им профессиональную и коммуникативную компетентность. Он

называет следующие компоненты социальной компетентности:

- социальная сенситивность (точность социальной перцепции);
- основные навыки взаимодействия (репертуар умений, особо важный для профессионалов);
- навыки одобрения и вознаграждения, которые существенны для всех социальных ситуаций.
- равновесие, спокойствие как антитеза социальной тревожности [24].

Е. В. Арцишевская и М. К. Кабардов рассматривают коммуникативную компетентность как доминирующую форму активности личности, сформированность соответствующих навыков и умений [8].

Ю. Н. Емельянов также отождествляет СПК с коммуникативной, которую в общем виде определяет как уровень сформированности межличностного опыта, т.е. обученности взаимодействию с окружающими, который требуется индивиду, чтобы в рамках своих способностей и социального статуса успешно функционировать в данном обществе [6].

Буртова Н. Б. [3] определяет коммуникативную компетентность как совокупность знаний, опыта, качеств, способностей человека, позволяющая эффективно выполнять коммуникативные функции. В структуре коммуникативной компетентности автор выделяет: социально-психологический (совокупностью сформировавшихся у личности интересов, желаний, идеалов, ценностей, склонностей; убеждений, мировоззрения), индивидуально-психологический (особенности ощущений, восприятия, внимания, памяти, мышления, воли, эмоций, воображения, психическое состояние субъекта) и психофизиологический

(тип высшей нервной деятельности, темперамент, экстра- и интровертированность, возрастные и гендерные различия) уровни.

Также автор говорит о том, что в целенаправленном сознательном развитии коммуникативной компетентности ведущую роль играет саморегуляция как важный уровень регуляции активности индивида [3].

Немецкие психологи Р. Ульрих и Р. Ульрих [26] сформулировали семь характеристик социально-компетентного человека, в соответствии с которыми он в состоянии:

- принимать решение относительно себя самого и стремиться к пониманию собственных чувств и требований;
- забывать блокирующие неприятные чувства и собственную неуверенность;
- представлять, как следует достигать цели наиболее эффективным образом;
- правильно понимать желания, ожидания и требования других людей, взвешивать и учитывать их права;
- анализировать область, определяемую социальными структурами и учреждениями, роль их представителей и включать эти знания в собственное поведение;
- представлять, как, с учетом конкретных обстоятельств и времени, вести себя, принимая во внимание других людей, ограничения социальных структур и собственные требования;
- отдавать себе отчет, что социальная компетентность не имеет ничего общего с агрессивностью и предполагает уважение прав и обязанностей других.

Т. Шибутани говоря о СПК личности, отмечает, что она представляет собой «специальные знания об обществе, о политике, экономике, культуре и т.д.

То есть, по своему содержанию она напоминает то, что в свое время называлось мировоззрением. СПК позволяет личности ориентироваться в любой социальной ситуации, принимать верные решения и достигать поставленных целей».

Автор акцентирует внимание на особом значении эмпатии для СПК; эмпатия оказывает влияние на когнитивную сферу, глубину проникновения в ситуацию, идентификацию [23].

Н. В. Калинина с соавторами, определяют СПК как интегративное личностное образование, представляющее собой систему знаний об обществе, умений, навыков поведения в обществе, систему отношений, проявляемых через личностные качества человека, его мотивации, ценностные ориентации, позволяющих интегрировать внешние и внутренние ресурсы для достижения социально-значимых целей и решения жизненных проблем [9, 10].

В. Н. Куницына, В. М. Погольша и Н. В. Казаринов [14] предлагают следующее определение СПК – это межличностная ориентация: представление о разнообразии социальных ролей и способов взаимодействия; умение решать межличностные проблемы; выработанные сценарии поведения в сложных конфликтных ситуациях.

Многие авторы исследовали СПК в контексте профессиональной деятельности руководителей разного звена.

А. В. Евсеев определяет СПК как способность руководителя организовать эффективное взаимодействие с подчиненными в системе деловых и межличностных отношений. Знания, умения и навыки, которые формулируются, проявляются и развиваются в ходе управ-

ленческой деятельности и общения с подчиненными и являются новыми, несводимыми и невыводимыми ни из одного из отдельно взятого свойства его личности являются интегративными качествами социально-психологической компетентности [5].

Коновалова Т. Ю. [12] изучая СПК руководителей ОВД выделила *удовлетворительный, средний и высокий уровень сформированности* социально-психологической компетентности.

Данные уровни определяют сформированность следующих качеств: эффективность общения, уровень развития психических процессов, уровень развития общительности, уровень рефлексивных коммуникативных способностей, скорость включения коммуникативных способностей в процессе общения; набор способов общения, умение или неумение управлять процессом общения, выраженность коммуникативных способностей.

А. А. Деркач, А. В. Евсеев, М. И. Мусатова [4] в СПК руководителя выделяют следующие компоненты: *деятельностно-процессуальный* (субъект труда рассматривается в социально-психологических процессах, порождаемых общением в ходе совместной деятельности, и выявляется характер связей, необходимых для организации эффективного взаимодействия с подчиненными), *структурно-личностный* (авторы включают мотивацию, стиль управленческой деятельности, установки, ролевые позиции, направленность его личности) и *функционально-личностный* (ключевыми понятиями являются понятия «социально-перцептивная компетентность», «коммуникативные способности и умения»), которые позволяют успешно осуществ-

влять социально-психологическую деятельность. При чем каждый компонент они выделяют во взаимосвязи с другим.

Л. И. Берестова выделяет функции СПК: познавательную, регулятивную, контроля и оценки, самооценки. Автор считает главной и определяющей познавательную и регулятивную функции, которые выступают стержневыми [2].

Изучая СПК будущих социальных психологов Овчарова Е. В. выделила три компонента в структуре социально-психологической компетентности.

1. *Мотивационно-ценностный* основой которого являются желания общаться с другими людьми, интерес к внутреннему миру других людей, желание внести свой вклад в общечеловеческую культуру. На его формирование влияет такое личностное качество, как «открытость».

2. *Операциональный* компонент включает в себя знания, техники, временную направленность (ориентация на прошлое, настоящее и будущее) а также способы восприятия мира (образное, реалистическое или абстрактное). На формирование влияют такие качества, как «рефлексия», «практические знания» и «владение специальными техниками и методиками, умение их применять».

3. *Функциональный* компонент содержит в себе эмоциональный фон, работоспособность, уровень тревожности. Влияет на формирование данного компонента такое личностное качество, как «эмоциональная стабильность».

Мотивационно-ценностный компонент является наиболее значимым (базовым). От его сформированности зависят операциональный и функциональный компоненты [18].

Квитчастый А. В. изучая особенности СПК субъектов разного уровня образования, выделил в структуре социально-психологической компетентности разные характеристики, степень выраженности которых зависит и не зависит от уровня образования.

К характеристикам СПК, которые не зависят от уровня образования, относятся социально-перцептивные навыки, умения управлять своими эмоциями и осуществлять социальное влияние, а также навыки самомотивации и отдельные аспекты коммуникативной толерантности.

К характеристикам СПК, которые зависят от уровня образования, относятся общая коммуникативная толерантность личности, умения отслеживать свои эмоциональные состояния и распознавать эмоции окружающих, эмпатические навыки, умения находить взаимопонимание с окружающими, адаптироваться в группе и склонность к участию в коллективной деятельности [11].

Сафронова О. В. [22] дает следующее понятие СПК: **Социально-психологическая компетентность** выражается в способности человека осознавать и контролировать свое социальное поведение, понимать поведение других, понимать психологические механизмы возникновения того или иного эмоционального состояния, владеть механизмами саморегуляции, необходимой для успешного выполнения данной деятельности, в способности видеть социально-психологические проблемы в своей деятельности, умения их формулировать и искать пути их адекватного разрешения.

Автор конкретизирует некоторые особенности СПК:

1. СПК может быть рассмотрена как характеристика (качество, свойство, компонент, способность, целостное образование) субъекта определенно-го вида деятельности;
2. содержание СПК зависит от целей и структуры профессиональной деятельности и ее специфических требований;
3. предпосылками СПК являются следующие компоненты: волевой потенциал личности, система коммуникативных свойств, интеллектуальные характеристики, система отношений личности, мотивационные факторы, направленность;
4. СПК обеспечивает соответствие субъекта деятельности самой деятельности, профессиональной группе, предмету деятельности:
 - соответствие деятельности проявляется в успешности (эффективности, результативности) личности при решении основных задач деятельности, в достижении ведущих целей деятельности, в высоком уровне адаптации к деятельности;
 - соответствие профессиональной группе выражается в соответствии личности групповым ценностям и нормам, в наличии ее социально-психологического влияния на других, веса в глазах других;
 - соответствие предмету деятельности в профессиях, связанных с обслуживанием клиентов проявляется в удовлетворенности клиентов от взаимодействия с субъектом деятельности [22].

На наш взгляд, подход Сафроновой О. В. к определению социально-психологической компетентности личности наиболее полно отражает суть данного понятия, так как он говорит не только об эффективном взаимодействии с другими людьми, но и о владении механизмами саморегуляции, которые необходимы для успешного выполнения своей деятельности.

Библиографический список:

1. Беденко Н. Н. Социальная компетентность личности в современной урбанистической культуре: дисс. канд. философ. наук./Н.Н. Беденко. Тверь, 2004. 144 с.
2. Берестова Л. И. Социально-психологическая компетентность как профессиональная характеристика руководителя: дисс. канд. психол. наук /Л.И. Берестова. Москва, 1994. 208 с.
3. Буртова Н. Б. Коммуникативная компетентность личности и социально-психологические факторы её развития: на примере студентов – будущих педагогов-психологов: дисс. канд. психол. наук /Н.Б. Буртова. Томск, 2004. 176 с.
4. Деркач А. А., Евсеев А. В., Мусатов М. И. Модель социально-перцептивной компетентности современного руководителя // Материалы научной сессии посвященной 75-летию академика А. А. Бодалева. М.: 2001. С. 39–46.
5. Евсеев А. В. Формирование социально-психологической компетентности молодых руководителей: автореф. дисс. канд. психол. наук /А.В. Евсеев. Москва, 1998. 20 с.
6. Емельянов Ю. Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности: дисс. канд. психол. наук/ Ю. Н. Емельянов. Л.: ЛГУ, 1990. 403 с.
7. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.

8. Кабардов М. К., Арцишевская Е. В. Языковые и коммуникативные способности и компетенции//Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 43–48.
9. Калинина Н. В. Формирование социальной компетентности как механизм укрепления психического здоровья подрастающего поколения// Психологическая наука и образование. 2001. № 4. С. 16–21
10. Калинина Н. В. Психологическое сопровождение развития социальной компетентности школьников. дисс. доктора психол. наук /Н.В. Калинина. Самара, 2006. 410с.
11. Квитчастый А. В. Особенности социально-психологической компетентности субъектов разного уровня образования: автореф. дисс. канд. психол. наук/А.В. Квитчастый. Москва, 2012. 26 с.
12. Коновалова Т. Ю. Социально-психологическая компетентность руководителей отделов внутренних дел и методы ее развития: дисс. канд. психол. наук /Т.Ю. Коновалова. Москва, 2004. 235 с.
13. Куницына В. Н. Социальный интеллект и социальная компетентность //Б.Г. Ананьев и ленинградская школа в развитии современной психологии: Тезисы научно-практической конференции. – СПбГУ, 1995. С. 34–36.
14. Куницына В. Н., Погольша В. М., Казаринов Н. В. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
15. Левикова Е. В. Социальная компетентность подростков, больных шизофренией: дисс. канд. психол. наук /Е.В. Левикова. Москва, 2011. 223 с.
16. Майсурадзе Ю. Ф. Роль образования в повышении компетентности руководящих кадров// Научное управление обществом. М., 1997. С. 272–298.
17. Миронова О. И. Компетентность руководителя в оптимизации материальных условий деятельности персонала: сущность, структура, условия и факторы развития: дисс. канд. психол. наук /О.И. Миронова. Тамбов, 2003. 207 с.
18. Овчарова Е. В. Социальная компетентность будущих социальных психологов и технологии ее формирования в вузе: дисс. канд. психол. наук / Е. В. Овчарова. Ярославль, 2008. 213 с.
19. Пономарев М. С. Социальная компетентность у подростков с дезадаптивным поведением: дисс. канд. психол. наук /М.С. Пономарев. Москва, 2006. 131 с.
20. Психология. Словарь /Под общей ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.; Политиздат, 1990. 494 с.
21. Самсонова Т. И. Социальная компетентность подростков и технологии её формирования: дисс. канд. социол. Наук /Т.И. Самсонова. СПб, 2006. 193с.
22. Сафронова О. В. Социально-психологическая компетентность работников таможенной службы: дисс. канд. психол. наук/ О. В. Сафронова. СПб, 1998. 225 с.
23. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 544с.
24. Argyle M. The psychology of interpersonal behaviour. Penguin Books. 1975. 277p.
25. Phingsten U., Hintesch R. GruppentrainingSozialerKompetenzen. Weinheim: PpsychologieVerlag Union, 1991. 145 p.
26. Ullrich R., Ullrich de Muynck R. Diagnose und TherapieSozialerStorungen. Das Assertivenes – Trainings – Programme ATP. Munchen: Pfeiffer, 1980. 284 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

*Баротов Ш. Р. (Бухара, Узбекистан) –
доктор психологических наук, профессор*

Аннотация: Сложность целей и задач человеческой деятельности, вытекающих из новых социально-экономических и социально-психологических задач, вызывает необходимость совершенствования содержания, форм и методов психологической службы на основе усиления взаимосвязи, взаимодействия и преемственности всех её компонентов.

Особое значение приобретает выявление и оптимизация современных социальных – психологических и научно-практических моделей организации психологической службы, применяемых в разных сферах жизни общества. Поиск и внедрение в жизнь наиболее оптимальных моделей может стать своеобразным эталоном более эффективного социального соотношения между личностью и деятельностью, личностью и обществом.

Опорные слова: психологической служба, социально-психологической эффективности, социальная психология, научная практика.

Annotation: The main aim of this research is to investigate theoretically and empirically the social-psychologic and scientific-practical of the formation of psychologik service in Uzbekistan, which comply with the requirements of the harmony of modern man and society development.

The need for psychologik service is especially strongly felt in the following instances:

- insufficient implementation of individual and social-psychologic educational methods fitting each student's activity development;

- insufficient use of modern psychologic knowledge in the student's admission to school, his education and vocational orientation;

In the scientific – theoretical stage of the research the criteria of social-psychologic protection are defined; in the empiric stage a range of the common average common indices these criteria display in the activities of individuals in educational and labour institutions is adduced and made the general object of the research.

The creation of a comparatively favourable condition in forming scientifically and theoretically based psychologic- protectional factors (regulative- emotional activeness, successful relations, successful individual method) in individuals proved on activities is proved on empiric evidence as being characteristic to educational and labour organizations where psychologik servise has been set up. This in its turn, paves way for carrying out a number of researches concerning to improving psychologik service conception based on social-psychologic and scientific- practical principles in Uzbekistan.

Key words: psychological service, scientific-practical, sociopsychology.

Социальная ценность моделей психологической службы зависит от степени соответствия основным требованиям, предъявляемым самой жизнью на данном этапе общественного развития. Настоятельная не-

обходимость организации такой службы обусловлена как возрастанием роли человеческого фактора, так и развитием самой психологической науки, которая все более активно включается в решение практических задач, возникающих в различных сферах общественной практики.

Важные вопросы, требующие для своего решения психологической компетенции, а следовательно, обращения к психологической службе возникают в рамках экономической инфраструктуры в энергетике на транспорте, в области связи, сельского хозяйства, управления, бытового обслуживания и т.д.

Видное место психологическая служба должна также занять в сфере здравоохранения, культуры, спорта в открывающихся Центрах восстановления здоровья и работоспособности, других областях общественной практики. Эффективное решение важных задач, постоянно возникающих в каждой из указанных и других сферах жизни общества, с необходимостью требует не только прогрессивного развития и совершенствования всей системы государственных, общественных и экономических отношений, но и активного использования многоплановой психологические службы. Чем шире и активнее будут применяться психологические знания и достижения психологии для решения практических целей и задач общества, тем больше это будет способствовать социально-экономическому развитию.

Необходимость психологической службы обусловлена запросами общества, заинтересованного во всестороннем развитии каждого человека, в оптимизации и повышении эффективности деятельности коллективов и отдельных личностей. Многие – психологи и социологи

(Э. А. Фарапонова, 1966; Д. И. Фельдштейн, 1989; Е. В. Шорохова, 1974; Г. Б. Шоумаров, 1994; Д. Б. Эльконин, 1972; В. А. Ядов, 1979; Б. Р. Кодиров, 1990; Н. С. Smith, 1955; S. M. Sayles, 1972; Heins Heckhausen, 1980; G. Ollport, 1980; D. O. Hebb, 1955; A. H. Maslov, 1954; C. R. Rogers, 1951; E. Stones, D. Anderson, 1972; C. Witzlack, 1982 и др.) своими теоретико – экспериментальными исследованиями внесли определенный вклад в развитие практической психологии, который служит фундаментом для определения социально-психологических и научно-практических основ организации психологической службы. Особенно значимыми являются результаты многолетних исследований, проведенных под руководством И. В. Дубровиной (Москва) и Х. Й. Лейметса, Ю. Л. Сызрда (Таллин) по психологической службе в общеобразовательных школах. Опыт внедрения психологической службы на промышленных предприятиях (Ю. М. Забродин, В. В. Козлов, В. В. Новиков Е. В. Шорохова Л. Чупров И. Н. Каричкий, С. Б. Малых и др.) занимает особое место в странах СНГ.

Социально-психологические и научно-практические особенности системы психологической службы – ведущая роль в ней человеческого фактора – обусловлены неизбежностью обращения к психологии, поскольку никакое усовершенствование управления учебным и трудовым процессами без учета индивидуальных, интеллектуальных и эмоциональных резервов человека невозможно. Следовательно изучение потенциальных возможностей психики человека, создание на этой основе программ оптимизации совместной деятельности и деятельности отдельных личностей, внедрение

этих программ в практику управления учебным и трудовым процессом, проверка их социально-психологической эффективности является ключевой задачей организации психологической службы.

Наша работа заключается в том, что в ней разработана модель социально-психологических критериев эффективности психологической службы.

Психологическая служба впервые рассматривается и экспериментально изучается как системное, иерархически организованное образование, включенное во множество связей и отношений с другими факторами социально-психологического развития, функционирующее в качестве личностного феномена и компонента психологической защиты, все элементы которого развиваются во взаимодействии и взаимообусловленности и вместе с тем имеют качественную специфику, задающую каждому из них собственную логику развития.

Сформулирована и экспериментально доказана совокупность гипотез, по-новому объясняющих взаимосвязи между личностью и успешностью психологической защиты человека в зависимости от уровня социально-психологического развития человеческой деятельности. Предложен ряд новых методических приемов, позволяющих оценивать, уровень успешности психологической защиты и эффективность психологической службы, в частности методики «Индивидуальный стиль», «Отношение», «Нормально-эмоциональная активность»

В работе определены основные направления психологической службы в Узбекистане, модели такой службы, применяемые в учебных заведениях и трудовых организациях.

Были выявлены критерии, с помощью которых можно прогнозировать в социально-психологическом аспекте продуктивность (или непродуктивность) применяемой организации психологической службы.

- Выделены иерархические системы социально-психологической защиты, обеспечивающие гармоничное соотношение между личностью и деятельностью, выявлены их показатели в процессе психологической службы.

Предложена и разработана структура психологической службы в трудовых учреждениях, отвечающая задаче максимального содействия социально-психологическому развитию личности.

Изучение архивных материалов и соответствующих публикаций периодической печати, а также анализ работы ныне действующих центров психологической службы свидетельствуют о том, что в Узбекистане к настоящему времени накоплен интересный опыт организации и использования такой службы

Анализ социально-психологической и психолого-педагогической литературы показал, что психологическая защита человека и деятельности тесно связана по критериям «отношений», «удовлетворения от совместной деятельности», «социально-психологической удовлетворенности эмоциональными состояниями», «нормально-эмоциональных возбуждений» и прочим.

В процессе исследования нами были выявлены, показатели этих критериев, которые проявляются у личностей в некоторых трудовых и учебных организациях. Так, по критерию «отношение» были определены такие его психологические особенности, как осознанность (или

неосознанность), устойчивость (или неустойчивость), активность (или пассивность), а также наличие эмоционального, когнитивного и оценочного компонентов отношения. Нам представляется целесообразным выделить виды «отношения» именно по сочетанию этих признаков: активно-положительное, положительное, индифферентное. Следует отметить, что активно-положительное, положительное и индифферентное отношения личности к той или иной деятельности широко описаны в социально-психологической литературе. Однако, в нашем исследовании отношение рассматривается как фактор социально-психологической защиты человека. По критериям «удовлетворение от совместной деятельности» были изучены 2000 учеников из общеобразовательных школ и 865 человек из трудовых коллективов показали что от 45,55 до 58,85%% учащихся из учебных заведений и от 60.1% до 72.4% работников трудовых организаций были социально удовлетворены совместной работой. но вместе с тем 41,2–55,0%% учащихся. 27.6–39.9%% работников трудовых организаций не были удовлетворены совместной деятельностью партнёрами которой являлись ученик-ученик. рабочие-рабочие, ученик-группа, рабочие – коллектив, ученик-учитель, рабочие руководитель. Оказалось, что причина неудовлетворения совместными действиями заключается в социально-психологической несовместимости и непонимании людьми друг друга.

В связи с критерием «социально-психологической удовлетворенности эмоциональными состояниями» респонденты обследовались по методика Уэссмана – Рикса «Самооценка» эмоциональных

состояний» по следующим шкалам: 1) Спокойствие – тревожность, 2) Энергичность, бодрость – усталость, 3) Приподнятость – подавленность, 4) Уверенность в себе – чувство, беспомощности.

Как показали результаты исследования, по первой шкале- спокойствие в процессе деятельности проявили только 44,0% учащихся и 38,7% работников трудовых организаций; вместе с тем, тревожное состояние было обнаружено у 68,6% учащихся и 61,3% работников трудовых организаций.

По второй шкале- энергичность, бодрость были обнаружены у 50,8% учащихся и у 45,0% работников трудовых организаций, а проявление усталости соответственно у 49,2% и 45,9%. С приподнятым настроением (третья шкала) относились к учебе 61,0% детей и к труду 54,1% рабочих, при этом подавленность отмечалась у 39,0% детей и 45,9% рабочих. По IV шкале – уверенность в себе проявили 31,4% учащихся и 47,4% работников трудовых организаций, а чувство беспомощности было обнаружено в процессе учебной деятельности у 68,6% детей и у 52,6% работников трудовых организаций в процессе выполнения трудовой деятельности.

Приведенные цифры показывают, что у большинства учащихся и работников трудовых организаций в процессе деятельности проявляются тревожность. Озабоченность, изведенность страхом, беспокойство или неопределенность, неврозы, большая усталость, подавленность, угнетенность, т.е. они чувствуют себя довольно неспособными иногда несчастными, некомпетентными и т.д. Указанные и другие данные, обнаруженные в эмпирическом обследовании нашей

выборки, говорят о необходимости создания психологической службы в этих организациях и выявления определённых критериев её эффективности, связанной с психологической защитой человеческой деятельности.

Анализ наиболее значимых результатов методики «Отношения» посредством которой выявляется уровень сформированности основных критериев, позволил установить, что успешное отношение к деятельности имеет важное значение для социально-психологического развития личности. Как уже отмечалось, на первом и втором этапах исследования для успешного выполнения учебных задач по программе обучения и развития в процессе активно-положительного отношения школьников к деятельности требуется достаточная сформированность всех указанных критериев в их взаимодействии. Если отсутствует или недостаточно развит один из компонентов при выполнении учебных заданий, общая активность и успешность учебной деятельности, уровень проявления и развития успешного отношения к ней в значительной мере снижаются в условиях экспериментальных и контрольных школ.

Иную картину мы видим в экспериментальных школах, в которых регулярно функционировала психологическая служба, где центр тяжести падает на активизацию школьника как субъекта учения, на увеличение роли социальных и интеллектуальных компонентов деятельности. Привлекая школьников к активной самостоятельной деятельности, напряжённым поискам решения, давая им возможность (учитывая их индивидуальный и интеллектуальный потенциал) находить различные варианты организации, и испол-

нения, наиболее оптимальные, с точки зрения социальных факторов, простоты и оригинальности, использование психологической службы приводит к тому, что школьники подходят к своей работе как к своеобразному виду творчества, а это в свою очередь активизирует их личность и в достаточной степени стимулирует их деятельность.

Специальные исследования, проведенные под нашим руководством. и социально-психологический анализ процесса организации трудовой деятельности работников трудовых организаций показали, что, как правило, без психологической службы не обеспечивается в достаточной мере социальное развитие личности. Так, в комплексном лонгитюдном исследовании тружеников организации и их деятельности нами обнаружена неравномерность в темпах и уровнях эффективного использования своих потенциальных возможностей, что приводит к дисгармонии требований деятельностных и личностных возможностей и является одной из причин психической перегрузки людей. Которая вызывается продолжительной, напряженной работой в силу либо малоэффективных приемов трудовой деятельности, либо недостаточной сформированности когнитивной и операциональной мотивации и низкого уровня факторов психологической защиты – нормально-эмоциональной активности, успешного отношения, успешного индивидуального стиля в сочетании с чувством когнитивного, эмоционального и личностного дискомфорта в процессе труда.

Так, рабочие тех трудовых организаций, где функционировала психологическая служба, проявляли удовлетворение

самим собой и умение приспособиться к деятельности.

Таким образом, использование психологической службы создает благоприятные; условия для проявления у человека нормально-эмоциональной активности в процессе деятельности, для развития личностных и операциональных качеств.

Анализ полученных в ходе исследования данных позволяет говорить об эффективности влияния психологической службы на развитие межличностных отношений, которые связаны, как правило, с благоприятным самочувствием в коллективе, приподнятым настроением, удовлетворенностью и психологическим комфортом.

Положительный или отрицательный опыт взаимоотношения с людьми, однозначно формирует и соответствующую систему внутренних отношений личности, которые без психологического подхода, без учета индивидуальных возможностей, изучения способностей рабочих, как нам представляется, не могут проявлять на достаточном уровне успешное сотрудничество. Это подтверждается и известным постулатом социальной психологии о том, что система – отношений определяет характер переживаний личности, особенности восприятия действительности, характер поведенческих реакций на внешние социально-психологические. Воздействия. Это объясняется тем, что составляющие психическую организацию человека от самых низших до высших ее подструктур-связаны так или иначе с отношениями, причем функциональные возможности человека в организации деятельности могут быть определены лишь на уровне активно -положительного отношения к ее задаче.

Анализ высказываний респондентов, данных анкетирования, беседы и результатов дополнительных исследований показал, что потребность в труде, получение удовлетворения от деятельности, развитие мотивов отношения к выполнению трудовых заданий и формирование социально-психологических качеств расширяются в процессе психологической службы.

Основной вывод, который следует из материалов исследования, состоит в том, что влияние трудовой деятельности предприятия на развитие активности личности не путем «жесткости», а за счет большей гибкости управления, формирования способности к самоуправлению, повышает относительную автономность развития индивидуального стиля деятельности для каждого человека. Все это заставляет пересмотреть отношение к процессу самой деятельности в трудовых коллективах в рамках социальной психологии, поскольку именно она предоставляет средства познания основных закономерностей межличностных отношений, поведения и состояния.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы, имеющие значение для развития теоретического и эмпирического направления в социальной психологии:

Психологическая служба необходима для обеспечения социально-психологического развития человека и его деятельности в обществе. Человеческая деятельность оказывается более эффективной при соответствующей организации психологической службы при которой чаще всего создаётся комплекс социально-психологических условий, благоприятной влияющих на развитие успешной дея-

тельности и формирование иерархических систем социально-психологической защиты, обеспечивающей гармоническое соотношение между личностью и деятельностью.

Изучение и анализ научной литературы по социальной психологии свидетельствует о недостаточности специальных исследований, в которых бы определялись и разрабатывались критерии психологической защиты, оптимально влияющие на социальный процесс деятельности человека. По итогам проведенной нами научно-исследовательской работы было установлено, что о проявлениях социально-психологической защиты в процессе деятельности можно судить по следующим показателям: а) по сформированности успешного индивидуального стиля деятельности человека; б) по проявлению успешного отношения, раскрывающего определенные социально-психологические параметры отношения к саморазвитию, совместному труду, в целом к социальному процессу деятельности; в) по нормально-эмоциональной активности (успешная саморегуляция, приспособление самого себя к деятельности, удовлетворение самим собой).

Выделение и обоснование факторов психологической защиты как средства психологической службы, на определенном уровне выявляющей её социальный продукт в системе учебных и трудовых организаций позволяют рассматривать данную работу как разработку нового подхода к исследованию проблем социальной психологии. В рамках этого подхода решаются такие фундаментальные теоретические проблемы, как раскрытие социально-психологических основ психологической защиты, её факторов,

обеспечивающих гармоническое соотношение между личностью и деятельностью, а также вопросы диагностики социально-психологических возможностей, связанные с решением задач школьной практики, прежде всего в проведении коррекционной работы с учащимися, в определении социально-психологической эффективности действующей системы обучения.

Значимость полученных в ходе нашего исследования данных обусловлена тем, что на основе предложенных нами критериев психологической защиты человеческой деятельности, во-первых, можно определить специфические показатели эффективности психологической службы в системе образования (причём в разных типах образовательных учреждений) в системе производства и во многих других сферах общественной практики; во-вторых, в дальнейшем разработать критерии психологической реабилитации для отдельных учащихся и рабочих, в-третьих, определить специфические критерии эффективности психологической службы в области психологии обучения и психологии труда.

Литература:

1. Дубровина И.В. и др. Рабочая книга школьного психолога – М.: – Просвищенние 303 с.
2. Козлов В.В. Истоки осознания: теория и практика интегративных психологий – М.: Междунар. акад. психолог. Наук. 1995–304 с.
3. Руководство по психотерапия. – Т.: Медицина, 1985.– 719 с.
4. Баратов Ш. Р. Социально–психологические и научно–практические основы психологической службы в Узбекистане. Автореф. Докт. дисс. – Т.: 196–38 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ БАРЬЕР ПРОШЛОГО ОПЫТА И ФОРМИРОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Березуцкий В. И. (Днепропетровск, Украина)

Аннотация: Статья посвящена анализу психологических проблем, возникающих у студентов медицинских ВУЗов при формировании клинического мышления. Рассматриваются особенности применения эвристического метода обучения для преодоления психологического барьера прошлого опыта у будущих врачей.

Ключевые слова: психологический барьер прошлого опыта, клиническое мышление, диагностический процесс, медицинский ВУЗ

Summary: This article analyzes the psychological difficulties encountered by medical students during the development of clinical thinking. The features of the application of heuristic teaching method to overcome the psychological barrier of the past experience of the future doctors.

Keywords: psychological barrier of past experience, the clinical thinking, diagnostic process, medical university

Клиническое мышление – термин, который является предметом постоянных споров, поскольку до сих пор нет единого мнения по поводу его содержания. Хотя мнения единого нет, потребность научить будущего врача профессионально мыслить при постановке диагноза имеется. Решать эту практическую проблему приходится педагогам пропедевтических клинических кафедр, обучающих основам диагностики – общей хирургия, пропедевтика детских и внутренних болезней. Как с точки зрения практикующего врача, перед которым ежедневно возникают диагностические задачи, так и с точки зрения педагога, ежедневно пытающегося обучить будущих врачей их решению, проблема разногласий – совершенно надуманная. Исходя из поставленной перед доктором задачи, цель совершенно ясна и однозначна: установить причину недомогания и оказать помощь больному. По поводу средств достижения споры тоже излишни: нет большей ценности, чем жизнь и здоровье челове-

ка, поэтому необходимо использовать все имеющиеся в распоряжении средства. Первое, чем уже должен располагать врач к моменту постановки конкретной диагностической задачи – знания о проявлениях и механизмах возникновения заболеваний, полученные в ходе обучения в ВУЗе. Второе – исходные данные, которые необходимо получить в ходе первого контакта с больным: жалобы; данные истории заболевания и истории жизни больного; данные, полученные в ходе объективного исследования – осмотр, пальпация, перкуссия (выстукивание), аускультация (выслушивание). И третье – данные дополнительного исследования при помощи лабораторных или инструментальных методов. Процесс логической обработки перечисленных данных с целью постановки диагноза и есть то самое легендарное клиническое мышление. Сам термин впервые ввел в обиход основоположник медицинской педагогики и выдающийся клиницист А. Г. Захарьин. Клиническим мышлением

он считал профессиональное, творческое решение вопросов диагностики, лечения и определения прогноза болезни на основе знания, опыта и врачебной интуиции [1].

Значение клинического мышления переоценить невозможно, поскольку от его эффективности зависит здоровье, а часто – и жизнь пациента. Без сомнения, процесс это непростой. *Это видно даже из данных сухой медицинской статистики: расхождение клинического диагноза (поставленного при жизни больного) и патологоанатомического (поставленного по результатам вскрытия того же самого больного) по-прежнему – не редкость.* Такое расхождение означает, что лечили больного не от того заболевания, которое вызвало его смерть [2]. Анализ врачебных ошибок показывает, что довольно часто причины таких расхождений кроются именно в неумении врача клинически мыслить, а обучаются такому мышлению уже на младших курсах медицинского ВУЗа. Способность врача видеть организм больного как единое целое и, в соответствии с основополагающим принципом отечественной медицины, «лечить не болезнь, а больного» [3] закладывается именно в ВУЗе. Реализуется этот принцип благодаря выверенной десятилетиями междисциплинарной интеграции, лежащей в основе системы высшего медицинского образования. Все дисциплины связаны между собой как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикальная связь прослеживается весьма отчетливо: теоретические базовые дисциплины 1-го курса, такие как химия, физика, анатомия, плавно и вполне преемственно сменяются на 2-м курсе нормальной физиологией, гистологией,

а на 3-м – патологической анатомией, патологической физиологией и пропедевтическими предметами «введения в специальность». На 4-м курсе преобладают факультетские клинические дисциплины, сменяемые на 5-м госпитальными. Не менее выражены и горизонтальные связи: например, патологические анатомия и физиология, изучающие механизмы развития заболеваний, обеспечивают основу для понимания формирования клинической картины, что уже является предметом изучения пропедевтических дисциплин [4]. Фактически к окончанию 3-го курса студент заканчивает изучать базовые дисциплины, а оставшиеся 3 года только совершенствует свои клинические знания. Именно на третьем курсе студент по своей теоретической подготовке полностью готов к освоению клинического мышления. Однако реализация этой теоретической готовности наталкивается на очень существенное препятствие. Студенты на практике решительно не видят междисциплинарных связей и не способны использовать знания из анатомии или физиологии в клинике. Преподаватели «доклинических» кафедр, где обучаются студенты младших курсов, эту проблему видят и стараются развивать у студентов клиническое мышление доступными им средствами, наводя междисциплинарные мосты [5, 6]. Тем не менее, студенты третьего курса, обладая уже серьезной теоретической базой, все еще не в состоянии оперировать клиническими данными при постановке диагноза.

Клиническое мышление продуктивно и характеризуется степенью новизны получаемого на его основе нового продукта, а в нашем случае продукт мышления – это диагноз конкретного больного.

Мышление не может быть продуктивным без опоры на прошлый опыт, предполагает выход за его пределы, открытие новых знаний, благодаря чему расширяется их фонд и, как следствие, – увеличивает возможность решения новых, более сложных задач [7]. Анализ затруднений, которые массово возникают у третьекурсников, показывает, что вызваны они как раз неспособностью выйти за пределы своего прошлого опыта. Феномен этот хорошо известен и получил соответствующее название – «психологической барьер прошлого опыта». Более того, этот феномен абсолютно неизбежен, поскольку условия для него заложены в самой системе клинической подготовки.

В этот барьер неминуемо и упираются все будущие врачи на третьем курсе, поскольку весь их предыдущий опыт диагностики ограничивается узнаванием отдельных признаков заболевания или набора его признаков. Это соответствует программе обучения: сначала студент изучает отдельные признаки заболевания (симптомы), потом учится складывать их в группы (синдромы) и только потом – учится формировать синдромокомплексы, позволяющие поставить диагноз. Невозможно освоить все сразу. На первый взгляд, и здесь не усматривается серьезной проблемы: вроде бы система медицинского образования предусмотрела разумную ступенчатость в освоении искусства диагностического мышления. Действительно, вертикальная интеграция клинических дисциплин предполагает на 3-м курсе освоение диагностики только основных проявлений наиболее часто встречающихся заболеваний, а только на 4-м курсе – способность различать сходные по внешним проявлениям забо-

левания (дифференциальная диагностика). И преподавателей 3-го курса, волнующихся по поводу неспособности их подопечных клинически мыслить, можно было бы успокоить поговоркой «*дураку неоконченную работу не показывают*», если бы не одно *но*. Многолетние практические наблюдения и научные исследования показывают, что «оконченную работу» не удастся увидеть и умному: студент, не освоивший клиническое мышление на 3-м курсе, продолжает использовать в диагностике метод «совпадения симптомов» и в дальнейшем на старших курсах, в интернатуре и в роли практикующего врача тоже [8]. Неспособность мыслить диагностически в период обучения на кафедрах «введения в специальность» ошибочно не воспринимается как катастрофа (коей она на самом деле является) не только самими студентами, но и многими преподавателями – ведь все еще впереди, это лишь первый этап. Успешно перебравшись на 4-й курс, будущие врачи со спокойной уверенностью в эффективности освоенного метода диагностики по «совпадению симптомов», приобретают еще и твердую уверенность в ненужности всех базовых дисциплин первого-третьего курсов. Дальнейший путь совершенствования они видят в накоплении и расширении собственной базы клинических симптомов, для того, чтобы иметь возможность охватить этой базой все возможные клинические случаи заболеваний. Путь заведомо провальный, предопределяющий наперед большое количество случаев «несовпадений» знакомых признаков заболеваний с симптомами реального больного. Самое трагическое, а потому и неприемлемое в этой ситуации то, что каждое очередное

«несовпадение» симптомов при использовании метода «совпадений», приводит к несовпадению (нарочитая тавтология) клинического и патологоанатомического диагнозов. Таким образом, последствия не преодоленного своевременно психологического барьера прошлого опыта преследуют врача во время всей его карьеры.

Устав от малопродуктивных попыток привить клиническое мышление своим подопечным и наблюдая ежедневно на практике серьезные последствия такой педагогической неудачи, преподаватель поневоле начинает сомневаться как в своем педагогическом таланте, так и в интеллекте студентов. Действительно, интеллект человека выражается не в том, что он делает на основе подражания. Ум человека проявляется в относительно самостоятельном приобретении, «открытии» новых для себя знаний, в широте переноса этих знаний в новые ситуации при решении нестандартных для него задач. В этой стороне психики и выражается продуктивное мышление, его особенности проявляются в формирующихся у человека качествах ума, определяя *уровень обучаемости* личности. *Продуктивное мышление предполагает* не только широкое использование усвоенных знаний, но и *преодоление барьера прошлого опыта*, изменение привычного хода мыслей и *разрешение* назревшего кризиса противоречий между имеющимися знаниями и требованиями проблемной ситуации. После таких глубоких и справедливых выводов остается только объявить студентов «необучаемыми» и с чувством выполненного долга «умыть руки». Многие так и делают. Однако не стоит забывать, что студенты еще *«не научились учиться»*. И их *неспособность преодолеть* этот пси-

хологический *барьер* – не следствие слабости интеллекта или отсутствия знаний, а *результат неумения пользоваться* этим *интеллектом*. Обучение этому необходимо для врача навыку является прямой обязанностью педагога. Преподаватель должен создать психолого-педагогические условия для преодоления барьера прошлого опыта. Под психолого-педагогическими условиями понимают определенную организацию образовательного процесса в совокупности педагогических методов, средств и особенностей психологического микроклимата, обеспечивающую целенаправленное педагогическое воздействие на студентов [9].

Самый подходящий момент для преодоления этого барьера будущими врачами – третий курс: студентов буквально мучает упомянутый уже *кризис* противоречия между имеющимся в их распоряжении обширными теоретическими знаниями и неумением ими пользоваться. Преодоление этого психологического барьера позволяет будущим врачам «прозреть»: они начинают видеть междисциплинарные связи, начинают понимать, как при постановке диагноза можно пользоваться знаниями анатомии, физиологии, химии и даже физики. Пути преодоления этого барьера возможны разные, но самым надежным в данном случае представляется вмешательство преподавателя [10]. Помочь «прозреть» будущему врачу преподаватель может разными способами и у каждого педагога есть излюбленные методы, но наиболее перспективным представляется эвристический метод. Именно он по совокупности своих качеств больше всего похож на алгоритм клинического мышления и, соответственно – на ход диагностического поиска.

Педагогический словарь дает следующее определение эвристическому методу: частично-поисковый метод, заключающийся в организации поисковой, творческой деятельности на основе теории поэтапного усвоения знаний и способов деятельности. Целостная задача требует следующих умений: анализировать её условие; преобразовывать основные проблемы в ряд частных, подчинённых главной; проектировать план и этапы решения; формулировать гипотезу; синтезировать различные направления поисков; проверять решение [11]. Система специально разработанных учебных задач помогает обучающемуся овладеть умением самостоятельно выполнять каждый из этапов решения. Наиболее выразительной формой эвристического метода является эвристическая беседа, состоящая из серии взаимосвязанных вопросов, каждый из которых служит шагом на пути решения проблемы и которые требуют от студентов осуществления небольшого поиска. Педагог направляет поиск, последовательно ставит проблемы, формулирует противоречия и т.д. Необходимо отличать эвристический метод от исследовательского метода, предполагающего поиск решения целостной проблемной задачи. Каждое слово этого определения очень точно описывает этапы решения диагностической задачи, то есть – этапы клинического мышления.

Целостная задача, которая стоит перед врачом – постановка диагноза. Решение этой задачи действительно требует умения анализировать результаты обследования больного (условия), преобразовывать основную проблему (определение механизма развития заболевания) в ряд частных, подчиненных главной (определение

механизма формирования отдельных признаков заболевания). Проектирование плана и этапов решения – соответствует составлению традиционного плана поэтапного обследования больного. Формулировка гипотезы соответствует формулировке и обоснованию возможных вариантов предварительного диагноза, синтез различных направлений поиска при решении клинической задачи представляет собой составление плана диагностического поиска сопутствующих заболеваний. Проверка решения при решении диагностической задачи сводится к верификации предварительного по результатам выполненных в соответствии с планом дополнительных лабораторных или инструментальных исследований. Алгоритм последовательно формулируемых преподавателем вопросов на каждом этапе диагностического поиска заставляет студента самостоятельно рассуждать и находить правильные ответы. Обсуждение, часто коллективное, проводимое преподавателем именно в форме эвристической беседы, приучает студентов генерировать гипотезы, обосновывать их, отстаивать свое мнение. Пройдя многократно путь диагностического поиска по ключевым вопросам преподавателя, студент приобретает новый опыт и утверждается в своем навыке.

Возможности эвристического метода обучения будущих врачей клиническому мышлению выходят далеко за рамки учебной программы, расширяя кругозор студентов и подготавливая их к реальной профессиональной деятельности. Такой метод обучения предполагает конструирование студентами собственного содержания процесса обучения. При эвристическом типе обучения студенты

не просто усваивают готовые знания, а самостоятельно конструируют методы их приобретения и использования [12].

Используемая как интеллектуальный инструмент клинического мышления врачебная интуиция, в отличие от инстинктов животных, носит эвристический характер [13]. Творчество само по себе всегда бессознательно: только при проверке и использовании продуктов творческой деятельности применяется сознательный анализ. Творческий процесс мышления предполагает богатое воображение, под которым следует понимать бессознательную способность комбинировать факты новыми способами. Интуиция, в том числе и врачебная, – это способность переносить нужные воображаемые образы в сознание. Интуитивные решения в диагностическом процессе также основываются на имеющемся багаже знаний и поэтому даже студент третьего курса способен пользоваться интуицией [14].

Эвристический метод, единожды усвоенный будущим врачом, работает на него всю жизнь и гарантирует творческую основу клинического мышления. Только творческая основа мышления, не привязанная к определенным стандартам, позволяет избегать врачебных ошибок. Следует обратить внимание, что даже определение понятия врачебной ошибки характеризует ее как добросовестное *зablуждение врача, основанное на необычном, атипичном течении заболевания*, на недостатке диагностических или лечебных средств и методов или на недостатке опыта и знаний конкретного врача [15]. Атипичное течение заболеваний стало встречаться настолько

часто, что этот термин употребляется все реже. Вследствие быстрого роста числа факторов, определяющих клинические проявления заболевания, патологические процессы приобрели свойство изменять привычный ход течения. Это явление получило название «патоморфоза заболевания». При столкновении с ожидаемым вследствие его частоты патоморфозом клинической картины болезни врачебное мышление стандартного типа дает сбой, «пасует». Эвристический метод обучения помогает преодолеть психологический барьер прошлого опыта будущему врачу, он же помогает не теряться при каждой следующей встрече с незнакомыми и непонятными симптомами. Такие встречи для практикующего врача в первые несколько лет – ежедневная рутина, поскольку курс обучения в медицинском ВУЗе не позволяет охватить все разнообразие даже стандартных проявлений заболеваний. Даже при очень узкой специализации врач должен знать всю «смежную», то есть – похожую по внешним проявлениям патологию. А семейному врачу, который должен уметь диагностировать ВСЕ заболевания, достичь полного знания не суждено никогда! Даже формальный подход к регламентированию деятельности врача предполагает систематическое повышение квалификации и периодические экзамены, подтверждающие то, что врач не утратил старые знания и приобретает новые. Практикующий врач учится всю свою профессиональную жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дебердеев И. Р. Роль клинического мышления в профессиональной деятельности врача // БМИК. 2014. № 11. С. 1174.

2. Шерифова Н. Р. Врачебные ошибки и их причины // БМИК. 2013. № 11. С. 1271.
3. Лифшиц Г. И., Филипенко М. Л., Шевела А. И. Персонализированная медицина: лечить не болезнь, а больного // Наука из первых рук. 2012. № 2 (44). С. 58–65.
4. Лисаченко О. Д. Роль междисциплинарной интеграции в формировании клинического мышления студента // Вісник проблем біології і медицини. 2012. № 3. С. 133–135.
5. Веснина Л. Е. Особенности формирования клинического мышления при преподавании физиологии // Вісник проблем біології і медицини. 2013. № 1. С. 188–191.
6. Купрюшин А. С., Купрюшина Н. В., Вишнякова Ж. С. Формирование клинического мышления при преподавании морфологических дисциплин // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5–1. С. 58–61.
7. Турчина Ж. Е., Белобородов А. А., Данилина Е. П. Некоторые аспекты формирования клинического мышления у студентов младших курсов // Сибирское медицинское обозрение. 2013. № 4. С. 88–90.
8. Моисеева О. Н. Психолого-педагогические особенности формирования профессионального мышления будущего врача // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 5–2. С. 456–459.
9. Краснов А. Н., Давыдкин И. Л., Моисеева О. Н. Психологические аспекты алгоритмизации принятия профессиональных решений как средства обучения клиническому мышлению // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2–2. С. 358–363.
10. Манина В. А. Психолого-педагогические условия преодоления психологических барьеров у студентов // Вестник ОГУ. 2013. № 12 (161). С. 46–51.
11. Околелов О. П. Справочник по инновационным теориям и методам обучения, воспитания и развития личности. Настольная книга педагога // М. – Берлин, 2015. – 272с.
12. Бобер Е. А. Моделирование процесса становления профессиональных ценностных ориентаций студентов медицинского колледжа // Молодой ученый. – 2013. – № 4. – С. 527–529.
13. Филатова К. А. Интуитивизм и интуиция // БМИК. 2014. № 11. С. 1153–1156.
14. Абаев Ю. К. Интуиция врача // Клиническая медицина. 2012. № 12. С. 70–73.
15. Топчиев П. М., Хитров Д. И. Сущность и проблема решения врачебной ошибки // БМИК. 2015. № 5. С. 835.

АСИММЕТРИЯ ДИАЛОГА В СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Дмитриева Л. Г., Сергеева Д. Н., Насырова А. А. (г. Уфа)

В данной публикации речь идет об особенностях диалога в педагогическом взаимодействии, несоразмерности (асимметричности) психологических позиций субъектов образования. Педагогическая реальность состоит из незавершенных, спонтанных, ролевых ситуаций, которые не предполагают равноправности психологических позиций. Также диалог зависит от личностных смыслов и представлений о диалоге его участников, что осложняет в значительной степени процесс общения.

Ключевые слова: асимметрия диалога, педагогическое взаимодействие, субъекты образования

In this publication we are talking about the features of dialogue in pedagogical interaction, disproportion (skewness) psychological entity positions. Pedagogic reality consists of unfinished, spontaneous, role-playing situations that do not involve psychological equity positions. The dialogue also depends on personal meanings and views of dialogue participants, making greatly complicates the process of communication.

Keywords: asymmetry of dialogue, pedagogical interaction, education subjects.

В настоящее время в современных психолого-педагогических исследованиях и практике образования идет процесс становления личностно развивающего подхода, в русле которого востребована субъект-субъектная парадигма. Известно, что ее основой является диалог.

Существуют общепринятые характеристики субъект-субъектного педагогического взаимодействия, в структурные компоненты которого традиционно входят сотрудничество и равенство психологических позиций. Однако, известно также, что всякое взаимодействие – это изменение состояния взаимодействующих объектов, что предполагает асимметричность и неравновесность психологических позиций. В этой связи отметим, что отличительной чертой педагогического взаимодействия является его тесная связь с педагогическим воздействием.

В психологических источниках нет достаточной четкости в интерпретации

соотношения понятий взаимодействие и воздействие. Термин воздействие рассматривается двояко: 1) он связан с авторитарной педагогикой (В. Я. Ляудис, В. В. Рыжов) и 2) интерпретируется как гибкое педагогическое взаимодействие, связанное с развитием личности ребенка с целью перевода его на позицию субъекта (Н. Е. Щуркова, В. Ю. Питюков, Б. Г. Матюнин). Интерпретация воздействия, как гибкого педагогического взаимодействия, которое связано с развитием личности ребенка, до сих пор не является общепринятой и прописывается в психолого-педагогических исследованиях фрагментарно и умозрительно (эмпирически эти тезисы не обосновываются).

В практике образования мы имеем дело с педагогической реальностью, которая представляет собой некую незавершенность и спонтанность ситуаций. Учитель, ориентирующийся на диалог, должен обладать широким спектром вза-

имодействий, которые входят в понятие со-творческой личности. В действиях такого учителя наиболее ярко проявляются эмоциональная поддержка, сотрудничество, обратная связь, подтверждение уникальности учащегося, стилевая гибкость, поощрение и взаимодействие, а также – эффект незавершенности, который приводит к актуализации побуждений искать средства реализации и завершенности идей. А это значит, что тот, у кого есть аргументы, воздействует на диалог и процесс поиска истины. В таком общении «центр тяжести» диалога переходит то к одной, то к другой стороне (это та самая асимметрия и неравновесность позиций).

Основания для выделения феномена асимметрии мы находим в разных психологических теориях. В начале 20-го столетия развивается особый подход – диалогический, в котором диалог интерпретировался через принцип доминанты (А. А. Ухтомский), а также через духовность (М. М. Бахтин, Т. А. Флоренская, Б. С. Братусь).

Взаимное воздействие людей друг на друга – обязательный элемент любой совместной деятельности. Стремясь к равновесию, тем не менее, невозможно отмерять отклонение чаши весов в ту или другую сторону (Н. В. Самоукина). Об этом же говорит А. Б. Добрович (1987 г.) [4]. По его мнению, реальный диалог, как и сама психическая реальность, – полифоничен. Он считает, что в диалоге есть все: и манипуляция, и «маски», и «формальное общение». Другой отечественный психолог Л. А. Петровская (1996 г.), изучая диалог и характеризуя его с точки зрения равенства психологических позиций, в то же время говорит

об обоюдной активности сторон в процессе общения (а это также неравновесность и асимметрия), при которой каждая не только испытывает воздействие, но и сама в равной степени воздействует на другую.

Интересным в этой связи представляется подход к асимметричности другого известного психолога В. В. Знакова (2002 г.) [5]. Диалог исследуется им с точки зрения феномена понимания. Взаимопонимание строится на согласовании представлений о ситуации общения. А процесс согласования позиций непосредственно связан с их асимметричностью. В. В. Знаков описывает асимметрию диалога следующим образом. Вступая в беседу, человек обычно считает, что собеседник будет придерживаться правил ее ведения (имея в виду собственную точку зрения об этих правилах). Различие способов поведения (наборов правил), на которые ориентированы собеседники, ведет к асимметрии и затем – к непониманию. В этом случае эффективность диалога может быть связана с повышением его симметричности.

Особенности диалога с точки зрения его асимметрии анализировались нами с помощью ранговой решетки Дж. Келли и метода семантического дифференциала Ч. Осгуда, а также методики «Сочинение», помощью которой выявлялись прилагательные для последующих этапов эмпирического исследования.

В исследовании приняли участие 67 студентов 1–2 курсов экономического и юридического факультетов ВЭГУ (участвовали в проведении методики «Сочинение»), а также студенты факультета педагогики и психологии ВЭГУ (возраст испытуемых 18–22 года). По эмпири-

ческим данным В.Ф. Петренко, студенты-психологи отличаются наибольшей когнитивной сложностью. Следовательно, здесь можно с большой вероятностью ожидать максимальную дифференциацию оценочных суждений. Всего в эмпирическом исследовании по методу репертуарных решеток приняли участие 112 студентов.

В результате обработки данных с помощью факторного анализа было выделено 5 наиболее мощных независимых категорий-факторов. Факторы получили следующие названия:

Фактор 1 – личностное отношение, влияющее на диалог.

Фактор 2 – отсутствие определенной темы разговора.

Фактор 3 – личностное отношение, не влияющее на диалог.

Фактор 4 – скованность в высказывании своих мыслей.

Фактор 5 – неравенство психологических позиций.

Итак, в психологических исследованиях мы не обнаружили эмпирических данных, подтверждающих известные теоретические описания диалога (о равенстве/неравенстве психологических позиций, открытости в общении, самораскрытии, сотрудничестве и так далее). Полученные результаты дают основание утверждать, что характеристики диалога в реальном общении студентов отличаются от его описаний в философских и психологи-

ческих источниках. Самое главное противоречие, которое мы обнаружили – это выделение фактора *неравенства психологических позиций*. Не менее интересен в плане противоречивых представлений о диалоге и фактор *скованности в высказываниях*.

Таким образом, нам удалось подтвердить предположение о том, что диалог неравновесен и асимметричен, и не всегда предполагает раскованность в общении.

Литература

1. Бодалев А. А. (1995 г.). Личность и общение. – М.: Междун. пед. академия.
2. Братченко С. Л. (1990 г.). Человек в мире диалога // Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции.
3. Введение в практическую социальную психологию / Под. ред. Ю. М. Жукова, Л. А. Петровской, О. В. Соловьевой (1996). – М.: Смысл.
4. Добрович А. Б. (1987 г.). Воспитателю о психологии и психогигиене общения. – М.
5. Знаков В. В. (2002 г.). Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. – М.
6. Митина Л. М. (1994 г.) Учитель как личность и профессионал. – М.: Дело.
7. Франселла Ф., Баннистер Д. (1987 г.) Новый метод исследования личности. – М.: Прогресс.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ В СИСТЕМЕ ВОЗРАСТНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ КАЗАХОВ

Игибаева А. К., Касымбекова Г. К. (Усть-Каменогорск, Казахстан)

В статье рассматриваются вопросы классификации возрастной периодизации развития личности. Также на основе изучения социокультурных особенностей представлена возрастная периодизация казахов.

Ключевые слова: возрастная периодизация, социокультурные особенности, традиции, обряды, казахи.

The article deals with the classification of age periodization of the development of the individual. Also, based on the study of social and cultural features of the age periodization presented Kazakhs.

Keywords: age periodization, socio-cultural characteristics, traditions, rituals, Kazakhs.

Введение

Проблема разделения жизни человека на различные периоды традиционно стояла перед любой цивилизацией. Ее значимость обусловлена различными факторами. Несмотря на наличие различных классификаций возрастных периодов, эта проблема продолжает сохранять свою актуальность. При всем многообразии современный мир неделим, но вместе с тем и загадочен. Процессы глобализации, интернационализации, миграции ставят перед человечеством ряд сложнейших задач, в решении которых свою роль должны сыграть представители научной мысли.

1. Социокультурные факторы и проблемы возрастной периодизации в психологии

Проблема социализации личности очень тесно связана с возрастной периодизацией. В изучении данного вопроса особый интерес вызывают исследования М. Мид (1901–1978), известного американского этнопсихолога, этнографа и социолога [1]. Доказывая ведущую роль социокультурных факторов в психическом развитии детей, М. Мид на примере раз-

личных культур показала, что особенности полового созревания, формирования структуры самосознания, самооценки зависят в первую очередь от культурных традиций данного народа, особенностей воспитания и обучения детей, доминирующего стиля общения в семье.

Введенный ею психологический термин инкультурация как процесс научения в условиях специфической культуры обогащает общее понятие социализации. Мид выделила три типа культур в истории человечества – постфигуративные (дети учатся у своих предшественников), кофигуративные (дети и взрослые учатся в основном у сверстников, современников) и префигуративные (взрослые могут учиться и у своих детей). Ее взгляды оказали большое влияние на концепции психологии личности и возрастной психологии; она наглядно показала роль социального окружения, культуры в формировании психики личности.

Стремление исследовать механизмы передачи культурных ценностей от поколения к поколению привело М. Мид к изучению динамики формирования национального характера, этических и половых

стандартов поведения, взаимоотношений между различными поколениями.

К началу XXI столетия число предложенных периодизаций уже исчислялось десятками. В работах современных авторов, как, например, в фундаментальной монографии Г. Крайга и Д. Бокума [2] или столь же фундаментальном учебнике «Психология человека от рождения до смерти», под ред. А. А. Реана [3], преобладает комплексный подход, с позиции которого развитие предстает как взаимовлияние многих факторов: биологических, социокультурных, собственно психологических. Авторы этих работ выделяют семь основных этапов развития:

1. младенческий возраст – от рождения до 2 лет,
2. раннее детство – от 2 до 6 лет,
3. среднее детство – от 6 до 12 лет,
4. подростковый и юношеский возраст – от 12 до 19 лет,
5. ранняя зрелость – от 20 до 40 лет,
6. средняя зрелость – от 40 до 60 лет,
7. поздняя зрелость – от 60 лет и далее.

При этом на каждой из выделенных стадий описываются особенности мотивации, физического, когнитивного и эмоционального развития, а также социализации человека.

Несомненно, что всем этим периодизациям присущи многие общие черты. Но, в то же время, свойственная большинству современных работ методологическая эклектика, отсутствие единого теоретического базиса, недооценка этнических, культурных и других факторов неизбежно упрощает достижения современной психологической науки.

2. Социокультурные особенности в вопросах возрастной периодизации казахов.

В своей статье мы попытались на основе изучения традиционной культуры казахов выделить возрастные особенности развития личности, сопровождающиеся определенными традициями, обычаями, не потерявших своей значимости в современных условиях.

Первый период – младенчество и раннее детство (от рождения до 3 лет), который подразделяется на два подпериода. Особо выделяется первый подпериод – от рождения до сорока дней. 40-й день младенца считался первым днем его так называемой социализации. Именно в первые сорок дней налагались различного рода запреты – ребенка не стригли, не допускали к младенцу посторонних, не выносили его из дома без крайней необходимости и т.д. И сегодня эти запреты негласно существуют в семьях казахов. Отличительной особенностью первого подпериода является то, что обряды этого временного отрезка не несут половой идентификации, являются общими как для мальчиков, так и девочек. После 40 дней ребенок становился полноправным членом социума. В этом кроется какой-то сакральный смысл. По-видимому, считалось, что до этого периода жизнь ребенка связана с каким-то природным началом, он еще не считался полноправным членом социума. Это маркировалось его младенческой одеждой. Что интересно, когда человек покидает этот мир, у казахов принято именно на 40-й день проводить вторую поминальную трапезу. Первая проводится на 7 день со дня смерти.

Второй подпериод -от 40 дней до 3 лет насыщен разными обрядами, ритуалами, значение которых имеет глубокий психологический смысл. Особо можно отметить обрядовый комплекс – «тусау кесу»

в переводе на русский язык – разрезание пут. Этот обряд совершался тогда, когда ребенок делал первые самостоятельные шаги. Пути перерезал специально приглашенный человек, «уважаемый», «хорошо бегающий», «энергичный». Он перерезывал черно-белые шнуры, которыми перевязывались ноги ребенка. После этого устраивалась небольшая гостевая трапеза. В угощении блюдами также были свои особенности. Что интересно – сегодня в каждой казахской семье этот обряд находит свое продолжение с использованием элементов современности. Но смысл остается прежним – обряд направлен на стимулирование ребенка к хождению с помощью иммитативной магии.

В годовалом возрасте начинается половая дифференциация с обряда сбивания утробных волос. Мальчикам на тмени оставляли прядь волос, которая называлась «айдар», в переводе на русский язык «чуб, хохолок». Девочкам оставляли на висках «тұлым»-«коса». Первая стрижка утробных волос производилась родственниками со стороны матери ребенка.

Вторая возрастная группа – первый период детства (3–7 лет). В этот отрезок мальчикам окончательно состригали утробные волосы, девочкам отращивали косички. В этом промежутке мальчикам проводили обряд обрезания. По истечению некоторого времени совершался обряд первого сажания на лошадь, который сопровождался приглашением гостей. Именно из числа родственников матери выбирался самый старший и авторитетный родственник, который подсаживал ребенка на коня в полном убранстве.

Половая сегрегация в этом периоде выражалась в оформлении детских игр.

Второй период детства охватывал промежутки от 8 до 12 лет для мальчиков, 7–11 лет для девочек. В этой возрастной периодизации усиливается половая дифференциация. Это можно наблюдать в изменениях в одежде, причёске. Девочки начинают носить круглые шапочки, украшенные перьями филина. На руки надевают тоненькие плоские браслеты и носят небольшие сережки. У детей формируются трудовые навыки с ориентацией на половое разделение функций.

Следующая возрастная группа примерно 12–15 лет для мальчиков, 11–13 лет для девочек. Основная особенность этой группы-признаки первичной половой социализации. Также в этот период происходит постепенное усвоение культурных стереотипов и поведенческих норм. Одним из социальных знаков можно считать появление пояса в костюме мальчика и перьев филина в девичьем головном уборе. Важно отметить, что у казахов с поясом олицетворялась мужская сила.

Следующая возрастная ступень охватывает юношей старше 15–16 лет и девушек –13–15 лет. Человек, перешагнувший 15-летний рубеж, может четко различать «право» и «лево», считали казахи. Именно в этот период актуализируется сексуальная социализация личности. Для молодых людей этого возраста характерны свои взаимоотношения, которые можно проследить в обрядовых играх. В целом, в одежде появляются элементы, эксплицитно маркирующие принадлежность к возрастной ступени предбрачного возраста.

Придерживаясь классификаций возрастной периодизации авторов, данных в начале статьи, можно считать, что следующая возрастная группа или этап-это

ранняя зрелость. Это группа молодых женатых мужчин и замужних женщин до 25–30 лет. Изменения в социальном положении вносят дополнения в прическу, головной убор, украшения. В этот возрастной период особенно отмечается связь костюма женщины с символикой плодородия, началом репродуктивного периода. В одежде женщин преобладал красный цвет.

Следующая возрастная ступень объединяла мужчин и женщин от 30 до 50 лет. В данной возрастной группе мужчины и женщины выполняли свои социальные роли. Усиливался социальный статус мужчины, который можно проследить в разновидности названий: «ел аҒасы», «от аҒасы» («ел»-народ, «от»-огонь, очаг). В этом возрастном промежутке наблюдается постепенное снижение фертильности. Цвета в одежде женщин сменяются на более спокойные тона.

Следующую возрастную группу составляли мужчины и женщины старше 50 лет. Мужчин называли «аксакалами», что в переводе на русский язык означает «белобородый». Статус «аксакалов» в казахской среде был и остается очень высоким. В настоящее время употребление слова «аксакал» наряду со значением почтение, уважение к старшему, имеющего жизненный опыт, имеет более глубокий смысл. В женской одежде этого возраста отмечается упрощение ювелирного комплекса, изменение цветовой символики костюма.

Заключение

Таким образом, опираясь на традиционную культуру казахского общества, не утратившую свою самобытность в современных условиях, нами выделены следующие возрастные группы: младен-

чество и раннее детство (от рождения – 3 лет); первый период детства (3–7 лет); второй период детства (7–12 лет); отрочество (11–16 лет); ранняя зрелость (16–30 лет); средняя зрелость (30–50 лет); старость (50 и старше). Каждый возрастной период имеет свою психофизиологическую характеристику. Такая классификация, на наш взгляд, не противопоставляется классическим подходам возрастной периодизации, а как-то органично в них вплетается. Вместе с тем, исследование проблем развития личности, ее основных периодов требует более системного подхода.

Нельзя не учитывать этническую составляющую в исследованиях по вопросам возрастной периодизации – от развития половой идентификации и особенностей детородительских отношений до структуры национального характера и причин конфликтов между разными поколениями, а также народами и национальностями.

Литература

1. М.Мид, Культура и мир детства / Сост. и предисл. И. С. Кона. – М.: Наука, 1988.
2. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. – СПб, Питер, 2005.
3. Психология человека от рождения до смерти. Психологический атлас человека/под ред. А.А. Реана. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – С. 21.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА ОЖИДАНИЯ

Карапетян В. С., Арутюнян Н. С. (Ереван, Армения)

Аннотация. В статье обсуждаются разные теоретические понимания феномена ожиданий. Методологические подходы изучения ожиданий представлены в хронологическом порядке: от самых первых исследований к относительно новым теориям.

Ключевые слова: ожидание, экспектация, образ будущего, атрибуция, самоисполняющееся пророчество.

Abstract The article discusses different theoretical understandings of the expectation phenomenon. Methodological approaches to the expectation studies are presented in chronological order: from the first studies to relatively new theories.

Keywords An expectation, expectancy, an image of the future, attribution, self-fulfilling prophecy.

Наша жизнь – череда ожиданий, благодаря которым мы живём и действуем, ориентируемся в межличностных отношениях, ставим цели и пытаемся достичь их. Наши ожидания сопровождают нас во всех аспектах восприятия реальности.

Если следовать философской трактовке понятия «ожидания», то само наше существование и есть ожидание. Вектор нашего существования находится в постоянном движении, всегда направлен вперёд и всегда отрезан от настоящего. В философии «ожидание» отождествляется с «образом будущего» и определяется как «...элемент социальной реальности, элемент настоящего, который выражает видение данным социумом темпорального горизонта социальных возможностей» [3, 12ст.]

Что касается современных гуманитарных наук, то, на первый взгляд, проблема ожидания здесь недостаточно изучена, в этой области не существуют общих подходов к пониманию понятия «ожидания». Проблема заключается в том, что вместо термина «ожидания» разными авторами используются эквивалентные понятия.

Так, при более глубоком теоретическом анализе мы видим, что термин «ожидание» заменяется такими эквивалентами, как жизненная перспектива, предположения, образ будущего, надежда (Ч. Кули), предвидение, прогноз, антиципация, самоисполняющееся пророчество (Р. Мертон), поведенческая атрибуция, поведенческая интенция (Зимбардо, Ляппе) и, наконец, экспектация (expectation, expectancy).

Исследования в области ожиданий многогранны и неоднозначно воспринимаются специалистами: в одном случае они изучаются в контексте установок (Врум, Аткинсон), в другом – деятельности и ситуации, в третьем – жизненных сценариев и Я-концепции (Берн, Майерс).

Исходя из вышесказанного, мы можем констатировать, что в настоящее время среди авторов существуют достаточные расхождения в понимании феномена «ожидания». Теоретический анализ научной литературы позволил нам выявить, что ожидание как психологическая категория недостаточно разработана, что соз-

дает препятствия к пониманию данного феномена.

Наиболее активные исследования феномена ожиданий проводились в 40–70-х прошлого века.

Попробуем восстановить хронологическую последовательность исследований в этой сфере. Если проследить этимологию слова «экспектация», то можно обнаружить, что его корень «*spek*» имеет протоиндоевропейское происхождение. Отсюда же и произошло латинское слово «*specto*» или «*expecto*», которое означает смотреть, обратить внимание, смотреть в будущее. В современном понимании это слово стало использоваться еще в средневековой французской литературе XIV-ого века. По некоторым данным, слово «ожидание» как эвфемизм стало применяться с 1817-го г. [26, 27]

В первых исследованиях в области ожиданий последние рассматривались в контексте внимания, особенно в контексте подготовительного внимания. Так О. Кюльпе предполагал, что ожидания это состояния внимания, при помощи которых человек готовится к предстоящим состояниям, процессам или содержаниям. [28]

Существует мнение, что первые исследования “ожидания” как психологической категории начали проводиться символическими интеракционистами Дж. Мидом и Ч. Кули. В своей книге «Человеческая природа и социальный порядок» (1902 г.) Ч. Кули писал: «Прошлое, как он есть в нашем сознании, никогда не бывает простым повторением старого опыта, но оно всегда окрашено нашим настоящим чувством, и в некотором смысле всегда идеализировано; и то же самое можно утверждать про наши ожидания

будущего, так что для здравого ума ожидать – значит, надеяться» [13, ст. 363].

В 1934 г. Дж. Мид в своей книге «Социология и социологическая перспектива» писал, что личность склонна ответить не только на действия других людей, но и на их намерения. Человек постоянно предвосхищает намерения других, рефлексивует их поведение, опираясь на личный опыт действий в аналогичных ситуациях. Все это происходит с помощью символической речи и человеческого языка. Понимая поведение других, человек подстраивает свое собственное поведение, адаптируя его к действиям, ожиданиям и оценкам окружающих. Ожидания заставляют людей действовать так, как от него ожидает социум – реализуя те обязательства и права, которые специфичны для его роли. Здесь важное значение приобретает социальная роль как относительно стабильный поведенческий эталон. Социальная роль подразумевает определённый комплекс социальных ожиданий. Если поведение человека расходится с ожиданиями, то по отношению к нему социум применяет социальные санкции. Как неоднократно отмечали многие ученые, социальная роль и ожидания связаны друг с другом [2].

В 30-х годах XX столетия американский психолог Эдвард Толмен, который по праву считается создателем “когнитивного” направления необихевиоризма, разработал свою известную теорию ожиданий (Expectancy theory). Согласно этой теории, у человека или животного развивается ожидание на подкрепление усвоенного поведения. Ожидание здесь выступает в качестве интернального стимула. Толмен ввел понятие “когнитивная

карта”, с помощью которого объяснил интернальное представление экстернальных особенностей и характерных черт окружающей среды.

По мнению Толмена, индивид формирует устойчивые или переменные характеристики собственных ожиданий на основе большого объема данных, полученных из внешней среды.

В 1948 г. представители структурного функционализма Р. Мертон и Т. Парсонс сформулировали свою знаменитую теорию “самоисполняющегося пророчества”. Считается, что именно Р. Мертон впервые привлек внимание ученых на явление “самоисполняющегося пророчества” (self-fulfilling prophecy). Так, ожидаемое поведение на самом деле становится основой для возникновения такого поведения. Это связано с атрибуциями причин поведения. Суть этого пророчества в том, что не только поведение воздействует на оценку, но сама оценка влияет на поведение. Частными проявлениями этого феномена являются “Эффект Пигмалиона” Розенталя и явление “ошибки экспериментатора” [18].

Значимым аспектом в понимании человеческого поведения стал подход Дж. Роттера (1954 г.). По его теории, описание и объяснение поведения индивида становится возможным с помощью таких понятий, как экспектация и ценность подкрепления. Формула для антиципации поведения личности, введенная им, в упрощенном варианте выглядит так: $(BP = f(E \& RV))$.

По мнению Роттера, каждый человек имеет собственный набор определенных поведенческих реакций и действий, которые он приобретает в течение жизни. Поведение человека находится под влиянием

ожиданий, т.е. субъективной вероятности такого подкрепления, которая может иметь место в определенной ситуации по поводу конкретного поведения. Концепция ожидания Роттера утверждает, что если в прошлом человек получал подкрепление для своего конкретного поведения, то в будущем он с большой вероятностью повторит это же поведение. Конкретные ситуационные ожидания он называл специфическими, а общие ожидания – генерализованными. Потенциал поведения определяется ожиданием и значимостью подкрепления. Локус контроля по Роттеру, это обобщенное ожидание, т.е. то, в какой мере человек контролирует подкрепления в своей жизни [19].

Мы видим, что в большинстве своем в научной литературе ожидания чаще всего рассматриваются в контексте нормативного поведения. Выдающийся американский социолог Нейл Смелзер в результате своих исследований пришел к выводу, что социальные нормы бывают двух видов: нормы-правила и нормы-ожидания. Нормы-правила являются важными компонентами правового сознания человека и их нарушение преследуется серьезными санкциями. Нормы-ожидания – компоненты морального сознания человека, они являются залогом цивилизованного поведения и их нарушение не карается законом [21].

Эти исследования послужили отправной точкой для возникновения многочисленных теорий, трактующих социальное поведение человека. Особенно плодотворными в этом отношении были 50–60-е года прошлого столетия. К числу наиболее известных теорий можно причислить ценностную теорию ожиданий (Expectancy-value theory) Дж. Аткинсона.

Там автор опирается на концепции К. Левина о жизненном пространстве, и о ценности цели или ожидаемых последствий действия и др. Согласно этой теории достижения людей зависят от двух факторов: ожидания успеха и субъективной ценности проблемы. Теоретические и эмпирические исследования показывают, что совокупность этих факторов имеет важное значение при прогнозировании таких конечных результатов как академическая успеваемость, личные взаимоотношения, растущие интересы) [17].

Эта модель широко используется в образовании. В последствии Фишбайн и Эйзен, основываясь на теориях Толмена, Розенберга и Уотсона, развили эту модель, а Жаклин Экклс в 1980-х годах применила ее в сфере образования [14,15]. Согласно Ж. Экклс, ожидания это специфические убеждения и представления, которые имеет человек по отношению к успешности (к возможному успешному решению) конкретной проблемы в кратковременный или длительный промежуток времени.

Айзек Эйзен назвал свою теорию моделью разумного или планируемого поведения. Он придерживался мнения, что прямая детерминанта поведения и есть намерение его реализации. Поведенческие намерения определяются положительными или отрицательными оценками человека на их реализацию. Другой детерминантой является субъективная норма. Третья детерминанта – это контроль поведения (ожидания человека по поводу того, что предполагаемое его поведение (действия) будет легко или трудно протекать). Эта теория позволяет достаточно легко прогнозировать поведение человека [5].

В то же время известный американский исследователь Виктор Врум в своей знаменитой мотивационной теории ожиданий утверждает, что люди сознательно выбирают тот тип поведения, который, по их мнению, повышает возможность получения вознаграждения и снижает вероятность разочарования и боли. Конечная цель не важна для человека: важно то воздействие, которое достижение этой цели будет иметь на человека. Эта теория помогает понять, почему человек склонен выбирать определенный тип поведения в той или иной ситуации.

Р. Руммель изучал социальные ожидания в контексте психологии социальной ситуации. Ситуацию и ожидания он соотносит следующим образом: “Ожидание – закономерное прогнозирование последствия взаимодействия ситуации и поведения. Ситуация решает, как будут складываться обстоятельства, а ожидания – только их последующие параметры” [24].

Феномен ожидания являлся предметом исследования различных психологических направлений. В трансактном анализе ожидания рассматриваются в контексте жизненных сценариев. Основатель теории сценариев Э. Берн и его преемник К. Штайнер по-своему интерпретируют формирование жизненных ожиданий. Они утверждают, что сценарий это план жизни составленный в младшем возрасте. Сценарий выбирается ребёнком с помощью или по принуждению родителей или социума. Значит, уже в младшем возрасте каждый знает о главных и значимых пунктах своей жизни и ждёт их [11,12].

Берн понятия ожидания рассматривает в рамках концепции Я. При этом

Я-концепцию обсуждает как комплекс ожиданий, поскольку ожидание связывает с проявлениями поведения (1967).

Поскольку из Я-концепции вытекает конкретные ожидания данного человека, то возникает необходимость выделить некоторые функции Я-концепции. Имеем в виду: а) конкретные действия индивида в данной ситуации, б) как он объясняет свой действия, в) как Я-концепция в целом определяет дальнейшие экспектации, то есть будущие. [6, 10, 21 ст. 71:

Д. Майерс также рассматривает ожидания в контексте Я-концепции, называя их «суждениями окружающих» [4, с. 55]. Майерс говорил про ожидания людей относительно того, что должен или не должен делать человек при определённых характерных черт. Такие ожидаемые суждения воспринимаются и внедряются субъектом в его Я-концепцию с помощью которой они реализуются в поведении.

Американский психолог и когнитивный терапевт А. Эллис в своей книге «Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии» отмечает: “в психотерапии термин “экспектация” воспринимается неоднозначно, поскольку нет четкой дифференциации понятий “вера”, “предположение”, “предвидение” с различной долей вероятности, “абсолютные требования”. Мы были правы, акцентируя внимание на том, что в действительности существует большая разница между тем, что имеет место в реальности и тем, что предположительно должно иметь место (по мнению участников отношений). Именно такие нереалистичные ожидания впоследствии становятся фундаментом проблемных отношений”. [16, ст.113]. Теоретические положения Эллиса основаны на ирраци-

ональных установках и нереалистичных ожиданиях, которые стали базой для конструирования знаменитого РЭТ-а [16, р 113].

Г.М. Андреева относит ожидания или эффект ожидания наряду с когнитивной сложностью и перцептивными защитными механизмами личности – включая их в состав имплицитных теорий личности. Как известно, они характеризуются как теории «наивного человека», так как, наивно предполагают, что в индивиде соотносятся две или более характеристики, и если есть одна, то ожидается и второе. Представители имплицитных теории в основе своих теории ставят уникальную систему конструкторов, с помощью которых оценивается воспринимаемых человек [8, ст. 111.]

Сходный по содержанию подход в 1967 г. предложила основательница семейной системной терапии В. Сатир. Один из ее фундаментальных постулатов гласит, что семья это стремящийся к балансу система, и чтобы поддержать этот баланс, иногда в ход идут навязывания ролей членам семьи, системы запретов, санкции и нереальные ожидания. Сатир предполагала, что один из главных параметров сохранения здорового и счастливого климата в семье является формирование реалистичных ожиданий [20].

В отечественной психологии проблема ожиданий рассматривается сопоставительном плане. Так П. Яничев рассматривает соотношение будущего и настоящего с точки зрения мотивирующего фактора при этом указывая что ожидания могут мотивировать человека и положительно влиять на ход предстоящих действий, а отрицательная мотивация обесценивает дальнейшие действия.

Понимая взаимосвязь настоящего и будущего можно прийти к выводу, что как настоящее действует на будущие действия, так представления о будущем могут корректировать план настоящих действий. Все зависит от того, на сколько психологические ожидания смогут превращаться в ценности человека [9].

М. Р. Гинзбург психологическое будущее обсуждает в плане развития личности, с точки зрения смысловой ориентации и понимания собственной перспективы по временам. К. А. Абульханова-Славская жизненные перспективы человека рассматривает как познавательная способность понимать будущее, оценивать его, в целом представлять себя в грядущих ситуациях. Отсюда возникает необходимость обнаруживать в себе умение оптимальной организации времени готовности к неожиданным ситуациям и т.д. Конечно все это связывается с самовосприятием человека и как уместно показывает А. В. Петровский самовосприятие человека означает как человек видит в себе, что видит в другом и что видит другой в нем [1].

Следует отметить, что в настоящее время исследования в области ожиданий продолжаются. Результаты исследований, проведенных в 60-х годах прошлого столетия находят достаточно широкое практическое применение и в XXI веке.

Так в области управления человеческими ресурсами (HR) и образования особое значение приобрел созданный в 60-е так называемый “психологический контракт” – основная цель которого заключается в согласовании ожиданий двух сторон (работодателя – работника, вуза – студента), что в конечном счете

будет способствовать повышению эффективности сотрудничества. В менеджменте огромный практический интерес вызвала теория “ожидания-мотивация” В. Врума и его дальнейшая переработка (теория беспристрастности Портера-Лоуэля). В сфере образования вызвало большой резонанс открытие Р. Розенталя (эффект Пигмалиона), а в кросс-культурной коммуникации – теория Дж. Огбу (Ogbu 1985).

Разумеется, в рамках одной научной статьи довольно сложно охватить все аспекты исследуемого вопроса. Ожидание – многофункциональное и многогранное явление, имеющее важное теоретическое и практическое значение и требующее дальнейших исследований.

Литература

1. Абульханова – Славская К. А. Стратегия жизни. М. Мысль 1991 г. 304 с.
2. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию, уч., изд. 7. пер. с англ. М., 1999. 520 с.
3. Желтикова И. В., Гусев Д. В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. Монография, Орел 2011, Издательство ОГУ, 2011.– 172 с.
4. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2005.,
5. Перспективы социальной психологии. – М., 2001. – С. 256–260.
6. Психология самосознания: хрестоматия. – Самара: Изд. Дом «Бахрах-М», 2003., с. 348–350, Steiner, 1974, p71:
7. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994.– 688 с
8. Современная социальная психология на Западе, Теоретические ориентации, Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровская – М. Аспект Пресс:2002, 287 ст

9. Психология отражения и переживания времени: актуальные проблемы [Текст] / Яничев, П.И. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Сер. Психол. – пед. науки. – 2007. – № 9. – С. 7–20. – С. 2007
10. Advertisement for What Do You Say After You Say Hello, printed in the New York Times Book Review in 1972,
11. Berne, Eric (1961) Transactional Analysis in Psychotherapy, New York: Grove Press Inc.
12. Berne, Eric (1973) What Do You Say After You Say Hello, New York: Bantam Books.
13. Colley C.H. The human nature and social order, New York: C. Scribner's sons 1902, 405p. Pp.363
14. Eccles, J. S. & Wigfield, A. (2002). Motivational beliefs, values, and goals. Annual Review of Psychology, 53, 109–132
15. Charles Horton Cooley, Human Nature and the Social Order. Chapter 1: Society and the Individual- https://www.brocku.ca/MeadProject/Cooley/Cooley_1902/Cooley_1902b.html
16. Cooley, Charles Horton, Human nature and the social order 1902- <https://archive.org/stream/humannaturesocia00cooluoft#page/n3/mode/2up>
17. Online Etymology Dictionary <http://www.etymonline.com>
18. Oxford dictionaries -English matters <http://www.oxforddictionaries.com>
19. Pyle, William Henry, An Experimental Study of Expectation, The American Journal of Psychology, Vol. 20, No. 4 (Oct., 1909), pp. 530–569, Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/1412973>, Accessed: 29–11–2015 20:10 UTC/

ДОВЕРИЕ В МАСС–МЕДИА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Клюева Н. В., Павлова В. А. (Ярославль)

Аннотация. В статье приводится краткая ретроспектива истории исследований феномена доверия, рассмотренного в разных дисциплинах научного знания. Авторы подчёркивают значимость исследования феномена доверия в контексте масс-медиа на примере аналитических ток-шоу. Исследователи обозначают целью научной работы – выявление уровня доверия

населения России к телевизионному жанру ток-шоу. В статье также выделены методы исследования и критерии для анализа выбранных элементов телевизионной коммуникации.

Summary. The article looks briefly at retrospective history of the phenomenon of trust considered by scientists of different fields of science.

The authors underline the importance of studying the phenomenon of trust in mass media analytical talk shows. The identification of the level of trust of Russia's population in a television talk shows is the purpose of scientific research. The article highlights the research methods and criteria for the analysis of selected elements of television communications.

Ключевые слова: доверие, масс-медиа, телевизионная коммуникация, ток-шоу.

Keywords: trust, media, television communication, talk show.

За всю историю психологических исследований феномену доверия уделялось не так много внимания. Ему присваивали второстепенную роль и в других областях научного исследования. Анализ многочисленных научных работ показывает, что доверие – сложный феномен, который является предметом изучения многих наук: социологии, философии, этики, антропологии, культурологии, психологии, экономики. Доверие рассматривается как предпосылка социального порядка в обществе; как социальная эмоция, которая придает личности или группе уверенность, ощущение определенности и упорядоченности происходящего. Научный интерес представляет парадигма «социальный капитал», возникающая и функционирующая в контексте отношений между индивидами, при этом доверие становится важным ресурсом развития меж-

личностных и социальных отношений. Доверие рассматривается как компонент любого сотрудничества, особый тип поведения, которое особенно необходимо в экстремальных ситуациях. Существуют работы, в которых рассмотрены условия для формирования доверия. К таким условиям можно отнести социальные нормы и ценности, которые разделяются сообществом; влияние семейного окружения на формирование базового чувства доверия к миру, другим и себе; модели поведения в ситуации неопределенности; гендерные стереотипы относительно особенностей доверия женщин и мужчин и др. Большой интерес представляют работы, в которых вводится понятие «радиусдоверия», если радиус небольшой (ограничен родственными и дружескими связями), то экономические и социальные отношения не столь эффективны, как могли бы быть.

Доверие становится «способом примириться со сложностью будущего, порожденного технологией» [6]. Ф. Фукуяма определяет доверие как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [7].

Дж. Коулман подчеркивает, что группа, «внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не обладающей данными качествами» [3].

В современной России констатируется кризис и низкий уровень доверия к государству, исполнительной и законодательной власти, СМИ. Среди главных причин недоверия к СМИ в современной России называют [2] широкое использование технологий манипулятивного воздействия; неучет социальных последствий трансляции информации; коммерциализация СМИ; отсутствие в России общественного сектора вещания, способного несколько компенсировать негативные последствия коммерциализации СМИ; игнорирование общественных потребностей и запросов; усиление монотонности содержания при тяге к сенсационности, уникальности, «перфомансности» информации; асоциальность СМИ как пренебрежение обязанностями по адекватному отражению действительности, размывание понятия «факт», конструирование «второй» информационной реальности, демонстрация непослушания обществу, своей равновеликости ему или господство над ним, замыкание на интересах, ценностях, жизненном опыте квазиэлитарной журналистской корпорации;

низкий уровень профессионально-этической культуры журналистов, незрелость системы саморегулирования журналистского сообщества в России; процесс гибридизации журналистики и пиара; неподконтрольность СМИ населению. Наконец, в условиях постоянных рисков, угроз, кризисов СМИ становятся одним из факторов формирования «кризисного сознания», характеризующегося пессимистическими, депрессивными настроениями, пронизанными чувствами страха, тревоги, обеспокоенности.

Без изменения направленности и характера деятельности современных российских СМИ повышение доверия в обществе достигнуть трудно.

Сложившаяся в психологии теоретическая традиция долгое время не рассматривала «доверие» как целостное социально-психологическое явление, как самостоятельный предмет психологического исследования. «Доверие» было рассмотрено отечественными и зарубежными учёными (Антоненко И.В., Зинченко В.П., Купрейченко А.Б., Скрипкина Т.П., Элиот Аронсон и др.) в различных дисциплинах гуманитарного знания, в том числе и в психологии, с трёх точек зрения: доверие к миру, доверие к другому человеку и доверие к себе. В данных аспектах доверие выступало как условие существования другого явления. Стоит отметить, что «доверие к другому было рассмотрено с социально-психологической точки зрения. Доверие к себе стало предметом психотерапевтических и психокоррекционных практик и процедур, а доверие к миру трактовали как базовую установку личности» [5].

Традиционно доверие анализировали через виды отношений как самостоятель-

ный вид общения при изучении феномена внушения. Следует подчеркнуть, что в этом аспекте его не наделили специфическими психологическими характеристиками.

Известный психолог-исследователь Скрипкина Т.П. отмечает, что «анализ психологических исследований (преимущественно зарубежных) показал, что доверие трактуется некоторыми авторами (Д. Бразерс, Т. Говир, Дж. Роттер, Э. Эриксон, Т. Ямагиши и др.) как установка или система установок (аттитюдов) по отношению к социальному миру и к самому себе. Такой подход необходим, но не является достаточным, так как не позволяет «схватить» смысловые оттенки многочисленных феноменологических проявлений доверия. Как целостное социально-психологическое явление доверие ни разу не стало предметом самостоятельного исследования» [5].

Зарубежные психологи-исследователи выделяли феномен доверия как особый предмет анализа. Следует отметить, что зарубежные учёные обратили внимание на ситуационные и динамические особенности феномена доверия при взаимодействии с различными феноменами межличностного взаимодействия и общения. При этом психологическим характеристикам доверия уделено не так много внимания.

В связи с вышесказанным, можно сделать вывод о том, что данная категория в психологии изучена не до конца и нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Для того чтобы определить основное понятие исследования, приведем примеры определений доверия. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой сущность феномена определяет через состояние уверенно-

сти «в чьей-либо добросовестности, искренности и правдивости» [4]. Социологи определяют доверие как веру в надёжность человека или системы [9]. П. Штомпка подразумевает под доверием ставку (пари) в отношении будущих возможных действий других людей. А. Силигмен рассмотрел доверие как функцию деятельности социальных акторов (человек, занимающийся социальной деятельностью), реализующаяся вне сферы системных ролевых ожиданий. Н. Луман характеризует доверие как ожидание, которое может быть исполнено. Б. Барбер назвал доверие совокупностью социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий в отношении других людей, организаций, учреждений естественных, моральных и социальных порядков, которые составляют фундаментальное содержание жизни.

В психологии под доверием понимается способность человека априори наделять явления и объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия и собственные предполагаемые действия свойствами безопасности (надёжности) и ситуативной полезности (значимости) [5].

И.В. Антоненко определяет доверие как «психическое образование субъекта, выражающее его положительное отношение к объекту, обладающему качеством встречной позитивности эквивалентного характера».

Мы считаем, что при определении такого понятия, как доверие, необходимо рассмотреть его с трёх точек зрения: реализации значимых потребностей личности во взаимодействии с другим (другими), проявления когнитивной установки и эмоционального отношения.

Таким образом, под доверием будем понимать внутреннее состояние человека, позволяющее удовлетворить его значимые потребности в ситуации взаимодействия с информацией и/или её источником; эмоциональную готовность и расположенность к продолжению взаимодействия, положительную когнитивную установку по отношению к информации и её источнику; готовность применять полученную информацию от конкретного источника в повседневной жизни сейчас и в будущем.

Доверие возникает при взаимодействии ряда факторов: интересов человека, его установок, эмоциональных реакций и личного опыта. Позитивные результаты действий вызывают доверие к ним и при повторении закрепляют положительную реакцию доверия. Доверие возникает, когда человек уверен в том, что информация, предлагаемая другим, соотносится с его ценностными установками.

Одна из задач нашего исследования – рассмотрение феномена доверия с новой, неизученной стороны. Феномен доверия к информации в масс-медиа уже был рассмотрен в научных работах, публикациях некоторых исследователей [1], но в контексте телевизионной среды наша работа является одной из первых, мы рассматриваем феномен доверия в более широком спектре, чем просто доверие к информации.

Необходимость теоретической и эмпирической разработки этой проблемы диктуется также потребностями практики, так как доверие зрителя к ведущему, предлагаемому контенту влияет на социальное поведение, может приводить к формированию определенных установок, и что немаловажно – влиять на рей-

тинг телевизионной программы. В связи с этим наше исследование обретает и практическую значимость для журналистики.

Весной 2015 года Всероссийский центр изучения общественного мнения [8] опубликовал результаты опроса о том, какие СМИ по-прежнему сохраняют внимание и доверие россиян, из каких СМИ люди предпочитают узнавать новости, а какие сдают свои позиции. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 2–3 мая 2015 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах России. Согласно результатам исследования в случае спорной трактовки определенных событий 55% россиян предпочтут версию, преподнесенную в телеэфире, интерпретациям различных Интернет-ресурсов. 75% россиян доверяют и скорее доверяют центральному ТВ, каждый второй – центральной прессе (54%) и центральному радио (52%). Интересно подчеркнуть, что местному ТВ доверяют 66% россиян (37% доверяют, 29% – скорее доверяют), региональному радио – 47% россиян, каждый второй доверяет местной прессе.

Согласно результатам опроса, телевидение как основной источник информации имеет более высокий уровень доверия, чем остальные СМИ. При этом стоит отметить, что региональному ТВ по сравнению с центральным доверяют меньше. Беспокоит и тот факт, что телевидение хоть и остаётся на лидирующих позициях, но теряет свою аудиторию по сравнению с подобным исследованием ВЦИОМ 2013 года. Если говорить о всех СМИ, то наблюдается тенденция снижения доверия аудитории. Именно поэтому наше исследование актуально

и имеет практическую значимость для журналистики.

Изучение данной проблематики является актуальным для понимания сущности феномена доверия, в том числе и для выявления различий данного феномена от схожего с ним феномена манипуляции. Особый интерес представляет интеграция психологического феномена доверия в телевизионную сферу. Представляется возможным разработка алгоритма формирования телекомпаниями доверия зрителей с использованием современных психологических исследований. Основными элементами, которые необходимо учитывать при формировании доверия зрителя к телевизионным СМИ, являются: контент, психологические и социально-психологические особенности реципиента(зрителя), личность ведущего, ситуативный фактор.

Цель исследования: выявить уровень доверия населения России к телевизионному жанру ток-шоу и определить направления работы профессионалов (журналистов), способствующие повышению доверия к ток-шоу.

Мы ответим на вопросы: почему кто-то доверяет, а кто-то нет, почему уровень доверия разный к различным ведущим, какие психологические механизмы лежат в основе доверия и от каких факторов это зависит.

Нами выделен ряд элементов, по которым мы осуществляем анализ:

1 элемент: контент (актуальность, объективность, социальная значимость, полезность/применимость информации, достоверность).

2 элемент: психологические и социально-психологические особенности зрителя (установка личности на доверие/

недоверие, обусловленная особенностями семейного воспитания и социокультурными традициями проживания; отношение реципиента к телевизионному контенту (готовность использовать/не использовать как основной источник информации телевизионный формат ток-шоу).

3 элемент: личность ведущего (особенности вербального и невербального поведения ведущего в эфире, посылаемые им мессенджеры, особенности поведения, способность создавать доверительное отношение, этичность телевизионного ведущего, использование/неиспользование ведущим технологий манипуляции).

4 элемент: ситуативный фактор (где? в какое время? с кем? зритель смотрит телевизионное ток-шоу; как и между кем происходит коммуникативная ситуация в студии шоу, внешний вид телевизионной студии, графическое и музыкальное сопровождение, проксемика).

В России для исследования были выбраны следующие телевизионные ток-шоу: «К барьеру» Владимира Соловьёва, «Открытая студия» Инны Карпушиной и ярославские ток-шоу «Лабиринт» Екатерины Капустян и «Площадка» Ирины Ануфриевой.

Нами выбраны следующие методы исследования: анкетирование, фокус-группа, контент-анализ.

Схема нашего исследования построена на классической модели коммуникации, предложенной Лассуэллом: коммуникатор – сообщение (информация) – канал передачи – коммуникант (аудитория) – обратная связь (анализ результата).

Важным критерием в алгоритме формирования телекомпаниями доверия зрителей является восприятие реципиентами

личности ведущего. В рамках исследования разработаны бланки аналитического анализа психологического портрета телеведущего со стороны профессиональных психологов, журналистского сообщества и телезрителей. Предусмотрена и личная встреча исследователя с ведущими ток-шоу, выбранных для исследования. Кроме того, вызывает большой интерес анализ позиционирования ведущих ток-шоу в социальных сетях. В цифровой век глобальная сеть является мощным инструментом формирования мнений. Кроме того, будет исследована и аудитория на предмет доверия и недоверия к такому телевизионному формату, как аналитическое ток-шоу. Телевизионный контент (информация) будет проанализирован посредством контент-анализа.

Одной из главных задач исследования является ответ на вопрос: в каком русле проходит телевизионное общение.

В целом интерес к проблематике возрастает, особенно в аспекте социально-культурного фона страны, в исторической ретроспективе.

Практические разработки могут быть использованы в рамках образовательного процесса: курсов повышения квалификации, в ВУЗах страны по направлению журналистика.

Литература/источники

1. Elliot Aronson. The Social Animal/ Aronson Elliot – United States, 1972.– 520 p. [Текст].
2. Короченский, А.П. Источники кризиса доверия. Главные причины недоверия к СМИ / А.П. Короченский // Журналистика и медиарынок.– 2006.– № 12. [Текст].
3. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность.– 2001.– № 3. – С. 121–139. [Текст].
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка /С.И. Ожегов – М.: ИТИ Технологии; Издание 4-е, доп., 2006 г.– 944 с. [Текст].
5. Скрипкина Т. П. Психология доверия/Т.П.Скрипкина// пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2000.– 264 с. [Текст].
6. Фреик, Н. В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки / Н. В. Фреик // Социологические исследования.– 2006.– № 11. – С. 10–18. [Текст].
7. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004.– 730 с. [Текст].
8. Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. [Электронный ресурс] <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115248> проверено 18.03.16.
9. Социологический словарь. [Электронный ресурс] <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/d/doverie.html>

ПРОБЛЕМА «МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО» В ФИЛОСОФИИ И ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Козлов В. В. (Ярославль)

Аннотация

Статья посвящена гендеру, который обуславливает психологические качества, способности, виды деятельности, интересы, занятия и отношения мужчин и женщин. Особое внимание уделяется проблеме мужского и женского в философии и духовных традициях древней Индии.

Ключевые слова

Гендер, пол, личность, психология, философия, духовная традиция, мужчина, женщина, отношение, душа

Abstract

The article deals with gender, which leads to psychological qualities, abilities, interests, activities, classes and relationships between men and women. Particular attention has been paid to the issue of male and female in philosophy and spiritual traditions of ancient India.

Keywords

Gender, gender, personality, psychology, philosophy, spiritual tradition, a man, a woman, attitude, soul

Гендерная психология – это новая отрасль научного знания, которая стала развиваться благодаря концептуализации понятия «гендер», произошедшей в процессе развития теории феминизма и женских исследований. В результате в психологических науках стал возможен новый подход к исследованию и пониманию формирования, развития личностей обоих полов и взаимоотношений между ними.

Теоретико-методологической основой гендерной психологии является гендерный подход, предлагающий иной способ познания действительности. Автор придерживается той точки зрения, что не пол, то есть биология и природа, а гендер обуславливает психологические качества, способности, виды деятельности, интересы, занятия и отношения мужчин и женщин. Формирование этих различий

происходит посредством социализации, воспитания, через культурные традиции, обычаи, правовые и этические нормы конкретного общества, развитие самой личности мужчины и женщины.

Чтобы обозначить и проанализировать специфические культурно-философские, духовные, социально-экономические детерминанты возникновения и развития мужской и женской психологии, на наш взгляд, необходим анализ истоков.

Исследование проблемы «мужского и женского» не возможно без историко-философского анализа, поскольку философия как «живая душа культуры» (К. Маркс), не могла не отразить специфику межполовых взаимоотношений и особенности их развития.

С позиций историко-философского анализа безусловный интерес представляет процесс возникновения и развития

проблемы «мужского и женского» в культуре, духовных традициях и философии.

Древнейшим памятником индийской и мировой философии являются «Веды». В «Ведах» нашло отражение древнейшее религиозное мировоззрение в сочетании с философскими представлениями о мире, о человеке и его нравственности.

«Веды» делятся на четыре группы, или части. Древнейшая из них – «Самхиты». Произведения остальных групп представляют собой комментарии и дополнения к «Самхитам»: «Ригведа» – сборник религиозных гимнов (ок. 1500 г. до н.э.), «Брахманы» – сборник ритуальных текстов, на которые опиралась религия брахманизма, «Араньяки» – правила поведения для отшельников и «Упанишады», собственно философская часть, возникшая около 1000 г. до н.э. В «Упанишадах» (беседах с учителем) намечены основные темы и понятия всей традиции индийской философии: учение о переселении душ (сансаре), о карме как законе этого переселения (воздаянии), об отказе от желаний как единственном пути спасения (мокши) и о тождестве Атмана (души) и Брахмана (абсолюта, Бога).

Проблема «мужского и женского» в древнеиндийской философии рассматривалась в связи с решением важного философского вопроса о первопричине и происхождении всего сущего. В частности, в «Ригведе» говорится о том, что вначале было одно (единое); оно предшествовало всему; само же единое не из чего не произошло, у него нет основы, оно, как начало всего, само есть первоначальное, но всё произошло из него [6].

Все бесконечное множество вещей и событий мира возникло из единого, немножественного. Переход от первоначального

единства к множественности представляется как разделение на противоположности: бытия и небытия, неба и земли, света и тьмы, дня и ночи, жизни и смерти, любви и ненависти, наслаждения и страдания и, наконец, мужского и женского.

Первоначальное единство мыслится как вневременное и внепространственное бытие – Бог, Брахман, а множество (мир, Вселенная) – как майя, бытие неистинное, иллюзорное, порождаемое кармой и сознанием человека, ещё не постигшего истину, находящегося в состоянии авидья – невежества и ослепления житейскими страстями. Такое индивидуальное существование, по «Ригведе», – есть путь страданий, множественности и разъединения. Поэтому конечное назначение человека заключается в преодолении такого разъединения и возвращении в первоначальное единство. Главное, решающее знание, которое должен достичь человек, чтобы постичь истину и тем самым достичь освобождения от страданий, заключается в том, что Атман и Брахман, Я и Бог, т.е. собственная сущность человека и сущность всего мира – одно и то же.

Таким образом, в «Ригведах» «мужское» и «женское» представляется как первоначальное, изначально единое и неразделимое.

Подобное единство с позиций духовных традиций древнеиндийской философии анализирует Хазрат Инайят Хан (1882–1927) в своей «Метафизике» [7].

Рассматривая проблему возникновения души, он пишет о том, что «душа наследует качества отца, а форму матери». При этом «пол определяется на каждом плане, где душа формирует себе носи-

тель, – сначала на плане сознания, где она обретает форму динамической силы или разума, затем – на плане абстрактном, в виде звука или света, что дает силу мужчине и мудрость – женщине. В мужчине это проявляется как влияние, а в женщине – как красота. На духовном плане она проявляется в виде выражения и ответа, и это дает мужчине качества отцовства, а женщине – материнства» [7, с. 12].

Автор утверждает, что душа не является ни женской, ни мужской. «Весь этот мир иллюзий мог появиться только из-за двойственности, – пишет Хазрат Инайят Хан. – На самом деле нет двух, есть одно. Чтобы создать этот мир, единому Бытию пришлось разделить себя на два, и надо было, чтобы эти два отличались. ... Если мы выставим зеркало на солнечный свет и будем вертеть его, то одни блики будут сильнее, другие – слабее. Одни поэтому будут позитивными, другие – негативными. Таким же образом и лучи сознания отличаются друг от друга по энергии с самого начала. Затем луч, в своем движении к проявлению, встречает душу мужчины или женщины и получает впечатление от нее. Он может иметь огромную творческую силу, но проявиться как женщина, именно в силу этого впечатления; или он может обладать женскими качествами, но проявиться как мужчина, ибо такое впечатление получил» [7, с. 12].

На обыденном уровне данная позиция нашла отражение в законах «шаштр», где четко прописаны основные права и обязанности мужчины и женщины. По законам «шаштр» мужчина и женщина, муж и жена должны жить вместе, поскольку это соотносится с законами природы. При этом «женщины должны быть по-

читаемы», поскольку «там, где женщины почитаются, боги довольны. Но там, где они не почитаются, священный ритуал не приносит награды» [9, 3.56]. «Где к женщине обращаются, принося ей печаль, в этой семье все погибает; но где женщины не несчастны – там все процветает» [9, 3.57]. «Дома, где права женщины не соблюдаются должным образом, притягивают проклятия и полностью погибают, как будто разрушены волшебством» [9, 3.58].

Основная идея единства и неразрывности «мужского» и «женского» начал находит отражение в молитве «семи шагов», которую произносит мужчина при брачном ритуале: «Дорогая супруга! Выполнив эти семь шагов, ты стала моим самым верным другом. Я клянусь в своей преданности тебе. Да будем мы вместе всю оставшуюся жизнь. Да не отделят нас друг от друга. Да будем мы живы одной мыслью в наших обязанностях. Да будем мы любить и лелеять друг друга, наслаждаться хорошей едой и здоровьем. ... Да будут наши помыслы едины. ... Да буду я Небесами, а ты будь Матерью Землей. Да буду я умом, а ты речью. Прошу тебя, следуй за мной, чтобы зачать детей и получить мирское богатство так же, как и духовное. Да будет все благоприятное на твоём пути» [9, 3.61].

При этом в древнеиндийской философии, особенно в ортодоксальном брахманизме, можно выделить и позицию, которая подчеркивает особый статус мужчины и принижает роль женщины. А. Ю. Гунский в статье «Женщина в раннем буддизме» утверждает, что индийское общество времен складывания палийского канона (4–2 вв. до н.э.) было крайне патриархальным, склонным во всём под-

чёркивать превосходство мужчин, что находило подкрепление в брахманической литературе [1].

Так в «Ману» утверждалось следующее: «День и ночь женщины должны находиться в зависимости от своих мужчин. ... Отец охраняет её в детстве, муж охраняет в молодости, сыновья охраняют в старости; женщина никогда не пригодна для самостоятельности» [2, с. 185, 9.2–3].

Подобное отношение складывалось и по поводу религиозных потребностей женщины. Женщинам, наряду с шудрами, запрещалось слушать и изучать Веды, самостоятельно выполнять какие-либо обряды, посты и обеты. Главный религиозный долг женщины – это служение мужу: «Муж, даже чуждый добродетели, распутный или лишённый добрых качеств, добродетельной женой должен быть почитаем как бог» [2, с. 115, 5.154].

Возникновение буддизма привело к осознанию идеи равенства полов.

Ананда, один из самых ближних его учеников, первым попросил Будду принять в сангху женщин. Он повторял свою просьбу несколько раз, и после долгих колебаний Будда согласился и основал буддийскую общину для женщин.

Буддасчитал, что для достижения Пробуждения, как конечной цели учения, совершенно не имеет значения половая принадлежность человека. В соответствии с этим Будда основал женскую монашескую общину, во главе которой стала его тетья – Маха Праджapati.

Для вступления в сангху женщины, по мнению Будды, должны были выполнить основные дополнительные условия, известные под названием «Восемь правил». Суть этих правил заключается в следующем.

Для того чтобы стать монахиней, претендентка должна пройти двухлетний испытательный срок. После этого она должна пройти посвящение, как в мужской, так и в женской сангхах, в отличие от претендентов – мужчин, для которых подобный испытательный срок не предусматривался и посвящение проводилось только в мужской сангхе.

Став монахиней, женщина, независимо от «стажа» пребывания в этом качестве всегда должна оказывать уважение любому монаху. При этом она не имеет права ни оскорблять, ни порицать, ни поучать монаха, а также не давать ему никаких советов, даже косвенно. Сама же монахиня должна посещать общее собрание монахов каждые две недели и получать от них поучения и указания.

«Летнее отрешение» в сезон дождей монахиня должна проводить только в том месте, где находится монах. После окончания «летнего отрешения» монахиня должна участвовать в собрании обеих общин для обсуждения поведения других монахов и монахинь.

Если монахиня совершила какой-либо тяжелый поступок, она подвергается двухнедельному наказанию, в то время как для монаха срок наказания составляет шесть дней. В сангхе монахиня должна соблюдать 311 правил жизни (мужчины 227), изложенных в «Прагитимокше» [4].

По мнению Гунского, большая строгость Будды по отношению к женщинам определялась несколькими причинами. «Во-первых, в патриархальном индийском обществе буддийские монахини, оставившие домашние обязанности и посвятившие себя поиску освобождения, вызывали значительно большее неодобрение, чем мужчины, которым это

в принципе разрешалось. Поэтому монахини всегда могли найти около себя достаточное количество недоброжелателей и должны были держать себя строже. Во-вторых, монахиня могла забеременеть, и это вызывало значительные проблемы в общине, как в моральном, так и в чисто организационном плане. Видимо, это же соображение было главным при назначении дополнительного испытательного срока перед посвящением в монахини. В каноне упоминаются случаи, когда женщины становились монахинями, будучи беременными» [1, с. 71].

Представляет интерес исследование мотивации женщин при вступлении в монахини, поскольку она отражает реальное положение женщины в древнеиндийском обществе и демонстрирует определенные гендерные предубеждения, существовавшие в нем на тот период.

Гунский выделяет несколько причин, по которым индийская женщина уходит в монахини.

Во-первых, такой уход связан с желанием женщины освободиться от «вечных женских» обязанностей: постоянного приготовления пищи, уборки и поклонения мужу.

Еще одной веской причиной ухода в монахини является смерть детей, которая, с одной стороны, ставила женщину в зависимость от наличия мужского потомства в семье, а с другой – вызывала сильные эмоциональные переживания. Так, например, согласно традиционному комментарию к «Тхеригатхе», в женской общине существовала большая группа монахинь, вступивших в сангху под впечатлением от потери своих детей. Руководила этой группой монахиня Патачара,

сама пережившая смерть мужа и двух маленьких детей [11, р. 67].

Третьей причиной обращения женщин в буддизм может стать их старение и увядание. Особенно остро такую мотивацию переживали бывшие куртизанки, имеющие достаточно неустойчивое положение в обществе, несмотря на свое материальное благосостояние.

Четвертой причиной ухода женщины в монашки может стать ее одинокое существование, возникшее либо в силу смерти мужа, либо в результате его ухода в монахи. Как пишет Гунский, «такая ситуация в индийском обществе ранее не встречалась. Положение женщины, муж которой уходил в монахи, совпадало с положением вдовы, а это одна из самых худших вещей, какая может случиться с женщиной в индийском обществе. Возможно, именно поэтому в каноне достаточно часто упоминаются случаи, когда оба супруга становились монахами. Такие случаи обычно рассматриваются как примеры супружеского согласия и верности, но, может быть, у женщины и не было другого выхода» [1, с. 72].

Классическим примером четвертой версии является пример жены Будды – Язодгары. Как известно из истории жизни Шакьямуни, после первой встречи Будды в Лумбини, она вскоре сделалась ревностною последовательницей учения своего мужа. И, в соответствии с мифом, она была внутренне готова к этому. Ведь после того, как Язодгара узнала, что ее муж начал святую жизнь, она избавилась от всех драгоценностей, носила простой желтый халат и ела только один раз в день. В итоге она стала вести отшельнический образ жизни. Несколько князей просили её руки, но она никого не при-

нимала. На протяжении всего шестилетнего отшельничества, принцесса следила за всеми событиями, касающимися жизни принца [4].

Будда, увидев, что женщины тоже хотят понять его учение и пережить самадхи, решил устроить сангху монахинь, в которую вступила Язодгара. Она получила рукоположение в бхикшуни, и была включена в число пяти сотен женщин, следующих за Буддой, и стала архати. Она была объявлена обладающей сверхъестественной силой среди монахинь. Среди женщин учеников она была главной из тех, кто достиг больших сверхъестественных способностей. Она умерла в 78 лет, за два года до паринирваны Будды.

Пятой причиной принятия монашества женщиной может стать желание избавиться от безысходной нужды, нищеты и голодного существования [4].

Будда не возражал против вступления в сангху любых женщин, поскольку считал, что монашество поможет им достичь определенного духовного уровня.

Достижение духовного роста у женщины-монахини связывалось с преодолением искушений, которыми ее неустанно соблазняет Мара – буддийский демон-искуситель. Это и желание наслаждаться жизнью, пока молода и красива, это и желание иметь детей, это и сомнение в возможности достигнуть Просветления, и желание перейти в другое учение. В преодолении этих и других сомнений происходит овладение опытом «сати» – внимательности и осознанности, как одной из ступеней буддийской практики.

В буддийской литературе существует множество примеров высших духовных достижений женщин, что показывает

не только уважение к женщине, но и ее духовные, личностные, интеллектуальные возможности наравне с мужчинами. Приведем в качестве примера жизнеописание Бхады Капилани – одной из ведущих учениц Будды. Она происходила из брахманской семьи и в шестнадцать лет стала женой Махакашьяпы. Еще до замужества Бхада мечтала об отшельничестве, и, найдя понимание и те же стремления со стороны мужа, она, одновременно с Махакашьяпой, оставила имущество и покинула дом, чтобы практиковать аскетизм. Бхадда встретила Будду Шакьямуни раньше, чем ее муж. Однако Будда в то время не принимал женщин в монахини, и Бхадда ждала пять лет прежде, чем стать бхикшуни. В будущем она достигла архатства. Став арханти, Бхада большую часть своего времени уделяла развитию младших монахинь и наставляла их в монашеской дисциплине. Будда особо выделял Бхаду, как лучшую среди монахинь, которые могли вспомнить прошлые жизни. В «Джатаках» есть немало историй о ее прежних жизнях, и во многих из них она также связана с Махакашьяпой [4].

Следует отметить, что большое количество индийских женщин активно поддерживали идеи Будды, не являясь монахинями. Миряне и мирянки оказывали определенную материальную поддержку монахам и монахиням, предлагая им угощения за проповеди.

Как видим, отношение к женщинам в раннем буддизме предоставляло им реальную возможность утвердиться в обществе либо через вступление в монахини, либо через активную религиозную деятельность в мирской жизни, в надежде обрести другое рождение в последующей жизни.

С точки зрения исследования проблемы «мужского и женского» в индийской философии большой интерес представляет и позиция тантрического буддизма.

Из всех эзотерических школ Древнего Востока тантризм – одна из самых неразгаданных, так что воссоздать основные черты его можно пока только в общих чертах, суммируя и сопоставляя отдельные отрывочные сведения.

Тантризм (санскр. Tantra – ткацкий станок, основа, правило, учение, учебник) – одно из религиозно-философских течений, которое совмещает в себе принципы ведийской йоги с положениями буддизма. Как самостоятельное учение он оформился в V в. благодаря основателю – мудрецу Асанге из секты йогачаров. Учение было запечатлено в текстах – тантрах, – содержащих наряду с философскими и космогоническими воззрениями практические указания к тайным действиям, цель которых – слияние человеческого “Я” с каким-либо божеством уже при жизни с вселенским Единством и великой Пустотой. Однако истоки тантризма восходят еще к древним культам плодородия и соответствующим обрядам, т.е. к древнейшим верованиям индо-тибетских племен [3].

К VII-VIII вв. учение размежевалось на два направления: тантризм правой руки («идущие на право»- дакшиначарья) и тантризм левой руки («идущие на лево» -вамачарья). Первое, известное также под названием “Ваджраяна” (“Алмазная колесница”), укоренилось в Тибете и Индии. Его другие названия – “Мантраяна”, “Тантраяна” – характеризуют это учение как одну из “колесниц” северного буддизма (ламаизма).

Более умеренный и проповедующий культ мужских божеств тантризм Правой

руки (дакшиначари – «идущие направо») получил распространение в Китае и Японии. Если верующий буддист почитает Будду и бодхисатв, придерживаясь обычных обрядов, и читает сутры Махаяны или книги палийского канона Хинаяны, то последователь тантризма, говоря упрощенно, медитирует над Мандалами (магическими кругами, схематично изображающими Вселенную), читает особые заклинания – мантры, совершает многочисленные тайные обряды-действия, которые понятны лишь очень узкому кругу посвященных, и поклоняется наиболее таинственным божествам буддийского или индуистского пантеона. При этом тантрическая форма молений и поклонений божеству была строже, чем, например, ведическая. Ежедневный ритуал, в частности, включал обязательные пуджи (“очищения”, “священные действия”): очищение пяти элементов, находящихся выше линии пупка, – сердца, горла, нёба, переносицы и головы. Молящийся обводил себя кругом, наносимым водой на пол или землю, затем водил правой рекой вокруг головы, щелкая пальцами, – это считалось символическим сжиганием плоти, регулировал дыхание по правилам йоги, клал ладони на колени и погружался в состояние внутреннего сосредоточия, стараясь представить себе “растение познания”, корнем которого считается дхарма (общественный долг, свод обязанностей, правил поведения), стволom – знания, а лепестками – добродетели. Затем необходимо было сконцентрировать дух в Сушумне (энергетическом канале, на физическом плане соответствующем спинномозговому), соединить руки на груди и “слить свое дыхание с Богом”, призванным в тело молящегося этими действиями. [3].

Пути к постижению Единого и к слиянию с Великой Пустотой было чтение тантр и размышление на темы тантр, произнесение мантр и воспроизведение магических жестов (т.е. “мудр”, или символов). Все основные положения в тантризме подчинены идее теснейшей связи макро- и микрокосма, которая была унаследована еще от традиций ведийской йоги. Отсюда, как полагают, также происходят приемы магии, гипноза, врачевания и укрепления духовных и физических сил.

Согласно представлениям тантризма, звучание мантр вызывает в теле вибрационные колебания, обуславливающие те или иные состояния духа-разума, сознания. Истинное значение каждой мантры познается в процессе медитации над ними, причем включенные в состав заклинания магические звуки-семена (биджа-мантры) прорастают), вызывая особенно сильный эффект.

Наивысшей в тантризме считается наука Ануттара-йога тантра. К ней относится, помимо прочего, известная система Калачакра (“Колесо времени”), которую иногда называют наукой о Шамбале – легендарной стране Великих Учителей – Махатм. По преданию, Будда Шакьямуни произнес первую проповедь Калачакры у великой ступы Шри-Дхань-якатака, желавшим получить наставление в различных тантрах. Слышавший эту проповедь царь Сучандра, владыка Шамбалы, впоследствии оставил текст – “Калачакра-мулатантру” [3].

В ходе становления и развития тантризма учение разделилось не только на две большие ветви – Левой и Правой руки, но и те, в свою очередь, дали в итоге огромное множество разных сект,

особенно на территории Тибета. Что касается правого тантризма, то вне сомнения женское начало не рассматривается в этом направлении ни в каком контексте.

В контексте нашего исследования любопытен тантризмлевой руки (вамачари – идущие налево) – движение к высшим состояниям духа через проникновение в чувства, через энергетическое взаимодействие мужской и женской энергий. Вамачари практикует поклонение женским божествам. Левый тантризм коренится в ритуалистике в честь Шивы и его супруги в различных формах Шакти. Шиваистские тантры обычно излагаются в форме диалога между Шивой и Шакти. У вачари стержень культа составляет пять Макара (пять М), пять предметов, название которых с буквы м: мадя – вино, манса – мясо, матсья – рыба, мудра – магический жест, майтхуна – сексуальный контакт [4].

Юлиус Эвола в работе «Йога могущества» [12] пишет о том, что тантризм можно рассматривать как своего рода синтез всех основных моментов индуистской традиции, хотя при этом он имеет совершенно особый колорит и соответствует определенному циклическому периоду, понимаемому в терминах метафизики истории. По мнению автора, тантризм представляет собой «расширение» или «последнее объяснение» традиционных учений, которые, будучи первоначально даны в Ведах, впоследствии развивались в Брахманах, Упанишадах и Пуранах. Именно в этом смысле учение Тантры иногда называют «пятой Ведой», то есть последним откровением, находящимся за пределом четырех традиционных Вед.

Тантризм как религиозное учение характеризуется следующими признаками.

Во-первых, это не есть путь «чистой» отрешенности как в раннем буддизме, скорее это путь познания, пробуждения и овладения скрытыми энергиями тела. Для того чтобы познать, пробудить и овладеть скрытыми энергиями тела необходимо выполнять определенные ритуалы и практики. Их разработка и является второй особенностью тантризма. Третьей особенностью тантризма является процветание в нем эзотерических и инициатических учений.

Еще одним важным аспектом тантрического буддизма, по мнению Эволы, является существенное изменение отношения к этике, господствовавшей в индуизме. Это переход от идеала «освобождения» к идеалу «свободы». Эвола считает, что Тантра предлагает преодолеть противоречие между мирским наслаждением и аскезой (или йогой, т.е. духовной дисциплиной, направленной на освобождение). Другими словами, Тантрой была разработана дисциплина, позволявшая посвященному оставаться свободным и неуязвимым, даже пребывая в наслаждении миром, будучи погруженным в этот мир. Одновременно с этим тантризм отрицает тождество мира и чистой иллюзии (чистой видимости или миража, «майи»), которое характерно для Веданты. Мир для тантризма – это не «майя», а потенциальное могущество. Такое парадоксальное соединение свободы или трансцендентного измерения внутри и наслаждения миром, свободного экспериментирования с ним вовне, имеет самое прямое отношение к главной формуле, или сущностной задаче тантризма: соединению бесстрастного Шивы с огненной Шакти в собственном существе и на всех планах реальности.

Шива и Шакти – это два полюса энергии, которые имеют различные сферы существования и деятельности в космосе и в индивидууме. В Универсальном Уме аспекты Шивы и Шакти представляют время и пространство, в духовной жизни Шива и Шакти – это ум и прана, в обычном человеческом обществе Шива и Шакти – это мужчина и женщина как два различных полюса энергии. Эти полюса энергии детально изучены в древних тантрических традициях и представляют определенные стадии пробуждения Шакти (энергии). В одном случае Шакти выступает в качестве ученицы Шивы, в другом они объединены в едином теле, в третьем – Шакти главенствует над Шивой. Наиболее высокая задача всего тантризма заключается в достижении высшего состояния, понимаемого как совокупление Шивы с Шакти, это – импульс, направленный на то, чтобы воссоединить «бытие» (Шиву) и «могущество» (Шакти).

Последней фундаментальной особенностью тантризма является *шактизм*, в котором на первый план выступает фигура и символ Богини или Божественной Женщины, Шакти, в различных образах.

Анализируя происхождение слова «Шакти», Эвола утверждает, что оно произошло от корня «шак», что значит «быть способным сделать», «иметь силу для того, чтобы действовать». Таким образом, данное слово обозначает могущество, потенцию. На умозрительном уровне из этого следует, что концепция мира, которая видит в Шакти высший принцип, равнозначна пониманию мира как могущества, потенции.

Богиня Шакти может появляться сама по себе, как высший и превосходящий

все остальные, принцип вселенной. Может она выступать и в различных проявлениях Шакти, в женских божествах, сопровождающих мужских божеств индуизма, которые в предшествующий период имели большую самостоятельность, и так вплоть до богинь, сопровождающих будд и бодхисатв в позднем буддизме. В тысячи различных вариантов проявлялся мотив божественных пар, в которых женский, шактический элемент, имел огромное значение, а в некоторых течениях даже становился основным.

Эвола считает, что на метафизическом уровне «божественная пара» соответствует двум существенным аспектам каждого космического принципа: в ней мужской бог символизирует стабильное, недвижимое начало, а женское божество – энергию, действующую силу манифестации (т.е. «жизнь», в противоположность «бытию», которое связано с мужчиной).

Шакти многолика и многообразна. Она может проявляться как «светлое», благодатное начало и как темное и ужасное. К первому относятся, например, Парвати, Юма, Лакшьями, Гаури, ко второму – Кали, Дурга Бхайрави, Чамунда. Впрочем, различие здесь не является строгим, и одна и та же богиня может выступать в разные моменты то в одной, то в другой роли, в зависимости от того, в каком контексте ее рассматривать. При этом «светлая Шакти» обладает материнскими качествами и становится центром притяжения, подобно «Богоматери» в христианском мистицизме.

С точки зрения исследуемой проблемы определенный интерес представляет положение женщины в тантрическом буддизме. Так Свами Муктананда в книге «Нава Йогини Тантра» [5] пишет, что

в тантрических традициях женщина находится выше мужчины. Это не должно быть понято как социальное требование. Это чисто духовная позиция в отношении эволюции высшего сознания. Тело женщины, ее эмоции, ее психическое развитие определено выше, чем таковые у мужчины. Пробуждение духовной силы (кундалини) намного легче в теле женщины, чем в теле мужчины.

Далее, сравнивая мужчину и женщину, Муктананда указывает, что обычно мужчина, после погружения в глубокие сферы ума и возвращения оттуда не способен принести с собой такой опыт, такие ощущения, какие может женщина, поскольку психическая сущность женщины является сильно нагруженной духовным осознанием. Внешнее выражение – любовь к прекрасному, нежность, симпатия, понимание – является выражением ее внутреннего состояния.

Рассматривая особенности проведения индийских ритуалов, Муктананда пишет, что у индусов все ритуалы (религиозные и другие) ведутся, в основном женщинами. Мужчина при этом просто следует за ней. Это традиция посвящения от женщины мужчине. Кроме того, в индийском обществе существует традиция, согласно которой мать дает посвящение своему сыну, который должен относиться к ней как к богине. Это не только социальное почитание, которое оказывается старшему в семье. Это духовное поклонение, которое выполняется не потому, что она его мать, но потому, что она его Гуру.

Таким образом, женщина в Тантре выполняет две важные роли – роль Матери и Гуру.

Говоря о роли женщины, Муктананда считает, что она уже давно определена

Тантрой. Однако ее положение в современной культуре далеко от этого. Для восстановления прежнего положения женщины необходимо полностью изменить все отношения. Действительно, наши социальные структуры должны будут базироваться на иных концепциях религиозной действительности, в которой роль женщины в духовной эволюции рода человеческого полностью осознана и принята. Это абсолютно необходимо для возникновения нового общества.

В книге под редакцией Дж. Уайта «Что такое просветление? Исследование цели духовного пути» (1996) рассматривается похожая проблема [8].

В книге говорится об определенной традиции относительно положения женщин в тантрическом буддизме, сложившейся в основном в западной литературе. Считалось, что женщина в тантрическом буддизме использовалась мужчиной в качестве средства для достижения определенных целей. Мужчины при этом являются главными действующими лицами, а женщины нужны только для того, чтобы способствовать возникновению духовного прозрения со стороны йогин.

В Тантре, считают некоторые исследователи, женщина выступает в качестве чужеродного объекта, не имеющего возможности взаимного или реального общения. Более того, считалось, что чем более порочна и развратна женщина, тем больше она подходит для тантрийских сексуальных ритуалов. Обычно для этих целей тантрические йогини использовали «домби» – женщин низшей касты, которые зарабатывали на жизнь стиркой, торговлей и проституцией.

Толкователи тантрического искусства и литературы утверждали, что положи-

тельные женские образы не отражают жизни или достижений реальных женщин. Историкам скорее представлялось, что тантрический буддизм был жестким направлением, в котором женщинам, в лучшем случае, отводилась маргинальная и подчиненная роль, а в худшем – роль униженных и эксплуатируемых. Преобладающая точка зрения заключается в том, что роскошной йогини тантрической иконографии на человеческом уровне соответствовали презренные проститутки и женщины низких каст, использовавшиеся в ритуальных целях. Такое мнение неудивительно, поскольку утверждения, недооценивающие духовную жизнь женщин, встречались во всех областях исторической науки, пока не были предприняты существенные исследования на эту тему.

В противовес идее о маргинальном положении женщины в тантрическом буддизме современные исследования показывают, что подробные взгляды являются не объективными. Появляются новые исторические и текстуальные свидетельства тантрического буддизма, доказывающие активное участие женщин в развитии Тантры. Более того, авторы книги ссылаются на тантрийские тексты, которые предписывают уважать женщин, служить им и почитать в ритуалах. Тантрийская литература знакомит нас и с такими практиками, которые выполняют исключительно женщины, и с такими, в которых мужчины и женщины участвуют совместно. В теории Тантры выдвигается идеал сотрудничества, таких взаимоотношений между мужчинами и женщинами, которые направлены на освобождение.

Анализируя историю вопроса, авторы книги считают, что уже в раннем буддиз-

ме, монашестве и буддизме Махаяны наблюдался прогресс в женском вопросе.

Более того, исследования, проведенные в Индии, показали, что индийские женщины могли не только свободно, серьезно и по собственной инициативе участвовать в религиозных занятиях, но и выступать в качестве гуру и исполнять ритуалы посвящения. Кроме того, женщины тантристки были свободны от социальных условностей и вольны откровенно выбирать себе партнеров и образ жизни.

Затрагивая проблему западного и индийского мировоззрения, авторы книги указывают на их существенное различие. Авторы считают, что индийское мировоззрение не является отражением западных ценностей, а включает в себя глубокое уважение и почитание магических способностей и божественных сил, таящихся в женщине. Это почитание особенно характерно для частично совпадающих друг с другом миров шактизма и Тантры.

Различие западного и индийского мировоззрения определяется различием в культуре, которая отражает совершенно иные пары противоположностей. Если на Западе преобладает противопоставление природы и культуры, материи и духа, человека и божества, то в Индии основными противопоставлениями являются чистота и загрязнение, благоприятное и неблагоприятное.

Западное мировоззрение породило целый ряд упрощенных андроцентрических схем, определяющих положение мужчин и женщин в тантрическом буддизме. В западном мировоззрении мужчина представлен как активный деятель, а женщина как пассивная жертва; эксплуататор-мужчина обладает властью, эксплуатируемая

женщина бесправна; сексуальные подвиги мужчины достойны восхищения, а женский промискуитет заслуживает осуждения; мужчину оценивают с точки зрения интеллектуальных и духовных критериев, а женщину – лишь биологических. Такие противопоставления имеют явно европейское происхождение, что не позволяет приписывать их без разбору всем культурам. Кроме того, такое толкование предполагает конфликтные, антагонистические отношения между полами и неизбежное доминирование одного над другим при любом общественном устройстве, что опять-таки неприменимо к иным культурам.

Автор книги считает, что буддийская Тантра предлагает модель не эксплуатации, а взаимодополняемости и обоюдности. Тантрийские тексты не предлагают узаконить угнетение женщин или использование их в сексуальном плане, а наоборот, побуждают видеть в женщине опору, источник духовной силы. В них проявляется высокая оценка, уважение к женщинам, а также выказывается подлинное стремление обрести и выразить надлежащее почтение к религиозно продвинутому, обладающим духовными силами женщинам.

Таким образом, в буддистской Тантре дается четкое представление о мужчине и женщине и взаимоотношениях между ними.

В произведении М. Шо «Страстное просветление. Женщины в тантрическом буддизме» [10] осуществлена попытка заявить о женщинах как об историческом факторе. Основным принципом данного произведения является анализ деятельности женщин как активных творцов истории и интерпретаторов собственного

опыта, а не как пассивных объектов или жертвах истории. М. Шо пишет, что точка зрения женщин на традицию Тантры и их участие в ней содержится не только в текстах, написанных женщинами, но и в литературе, созданной общинами, частью которых они были.

Как видим, по данным современных исследований женщина в тантрическом буддизме могла не только участвовать в специальных ритуалах и обрядах, но и принимать активное участие в жизни сообщества в целом.

Таким образом, с точки зрения исследования проблемы «мужского и женского» для индийской философии и духовных традициях характерными являются следующие позиции.

1. Осознание «мужского» и «женского» как безначального, изначально единого и неразделимого, которое представлено в «Ригведе», в «шастрах» и других памятниках древнеиндийской культуры и философии.

2. Фаллоцентрическая позиция, характерная для ортодоксального брахманизма, предполагающая превосходство мужчин над женщинами, которые относятся к низшей касте шудр, абсолютно не способны к самостоятельности и полностью принадлежат своему мужу-господину. С точки зрения некоторых авторов подобное отношение к женщинам существовало и в тантрическом буддизме, где женщины использовались мужчинами лишь в качестве объектов выполнения определенных сексуальных обрядов, являлись инструментом достижения особых состояний.

3. Эгалитарная позиция, предполагающая равноправные отношения между мужчинами и женщинами. Данная пози-

ция утверждается в буддизме, который предполагает, что женщины, как и мужчины, могут включаться в религиозные объединения – сангхи и достичь Просветления как конечной цели учения.

4. Феминистская позиция, предполагающая особый статус женщины и приписывающая ей наличие лучших, по сравнению с мужчиной, качеств. Так, Свами Муктананда, например, утверждает, что в тантрической традиции женщина, исходя из чисто духовной позиции в отношении эволюции высшего сознания, находится значительно выше мужчины не только на телесном и эмоциональном, но и на психическом уровне.

5. Амбивалентная позиция, наиболее четко представленная в шактизме. С одной стороны, женщина – это «светлая Шакти», Гуру и Мать. С другой, – «темная Шакти», с присущими ей страстями и негативными характеристиками.

Проведенный анализ нам позволяет сделать удивительный вывод – за последние 3 тысячи лет базовые установки к гендерной проблеме не сильно изменились. В крайнем случае, они уже в древних культурах были вполне определены и проявлены.

Литература

1. Гунский А. Ю. Путь Востока. Традиции освобождения // Проблемы философии, религии и культуры Востока: Материалы III Молодежной научной конференции. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – Вып. 4. – С. 69–75.
2. Законы Ману. – М.: Наука, Научно-издательский центр «Ладомир», 1992. – 360 с.
3. Козлов В. В. Духовная психология: в поисках изначального. М. Изд. Трансперсонального института, 2000–95 с.

4. Козлов В. В. Психология буддизма. Четвертое колесо Дхармы. М. 2015–343 с.
5. Муктананда С. Нава Йогини Тантра. – М.: Открытый Мир, 2007.– 264 с.
6. Ригведа. Мандалы I–IV. – М.: Наука, 1999.– 758 с.
7. Хазрат Инайят Хан. Метафизика: опыт души на разных уровнях существования. – М.: Сфера, 2004.– 304 с.
8. Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996.– 326 с.
9. Шивананда С. Практика карма-йоги. – М.: София, 2006.– 240 с.
10. Шо М. Страстное просветление. Женщины в тантрическом буддизме. – М.: Добрая книга, 2001.– 368 с.
11. Bimala Churn Law. Buddhist Women // The Indian Antiquary, 1928. – P. 65–68.
12. <http://www.hermetic-rus.com/researches/Evola1.htm>

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Курилович М. А. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация. Целью данной статьи является актуализация нового современного знания в психологии межличностного взаимодействия. В настоящее время диалог требует своего переосмысления и качественного использования в современной психологической практике. Объектом исследования являются модели диалогического взаимодействия. Предметом – область межличностного взаимодействия. В исследовании использовались следующие методы сбора данных: интерпретация и теоретический анализ зарубежной литературы. Основными выводами исследования являются следующие положения: 1. Трансмиссионная модель речевого взаимодействия сегодня не удовлетворяет ни теорию, ни практику общения. 2. Необходима интегративная модель с учетом данных исследования всех аспектов коммуникации: языкового, социального, психологического, технологического, культурологического и др. Результаты исследования могут применяться в практике образовательной деятельности и в сфере социальной психологии, а также в различных областях человеческой жизнедеятельности.

Ключевые слова: диалогическое взаимодействие, диалог, модели диалога.

Abstract

The purpose of this article is actualization of the new contemporary knowledge in the psychology of interpersonal interaction. Now dialogue requires rethinking quality and use in modern psychological practice. Object of research are models of Dialogic interaction. The subject – area of interpersonal interaction. The study used the following data collection methods: interpretation and theoretical analysis of foreign literature. The main findings of the study are: 1. The transmission model of communication does not satisfy neither the theory nor the practice of communication. 2. The necessary integrative model based on the data of the study of all aspects of communication: linguistic, social, psychological, technological, cultural and etc. the research Results can be applied in practice of educational activity in the field of social psychology, as well as in various fields of human activity.

Keywords: dialogical interaction, dialogue, models of dialogue.

Проблематика исследования диалога в зарубежной литературе составляет ядро отдельных научных направлений – анализа диалога, или конверсационного анализа, теории речевых актов, диалогизма как философии языка, интеракционной социолингвистики – и входит в более общее направление коммуникативных исследований (communication studies). В то же время практически полностью отсутствуют обобщающие исследования теоретических основ диалога, в которых бы раскрывались фундаментальные особенности речевого взаимодействия с учетом современных представлений о человеке, коммуникативной среде, каналах, разновидностях и принципах взаимодействия. Понимание диалога как речевого взаимодействия требует уточнения, так как сам термин взаимодействие интерпретируется по-разному [2–11].

В соответствии с принципами и постулатами речевого общения выделяются два основных типа речевого взаимодействия: сотрудничество и конфронтация, которые свидетельствуют о совпадении или несовпадении интересов и целей коммуникантов. Эти два типа отражены в двух моделях диалога: кооперативной и конфликтной. Существует множество моделей диалога, в которых формализуются различные аспекты или компоненты взаимодействия: участники, объект, цели и задачи, механизм взаимодействия, его характер, динамика, координация действий, смена ролей, контекст и ситуация взаимодействия и т.п. Соответственно, можно говорить о разных подходах к диалогу [1–10].

Теоретическую базу исследования диалога составляют труды ученых, анализирующих вербальное общение с позиций коммуникативной лингвистики, анализа дискурса, прагмалингвистики, психолингвистики, теории общения, логико-семантического анализа языка, компьютерной лингвистики, социолингвистики, конверсационного анализа (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, А. А. Леонтьев, И. П. Сусов, Д. Г. Богушевич, А. Вежибицкая, Т. VanDijk, P. Grice, Dg. Searl, Dg. Lych, Dg. Gamperz, D. Tannen и др.), [12, с.355; 10, с.16]. Большое распространение получило понимание диалога как игры (dialoguegames), его описание в когнитивном аспекте (description of agents' mentalstates) и с точки зрения реализации определенного плана (plan-based approach), интенций или целей (goal-oriented approach) [12].

Так, интенциональные модели диалога представляют взаимодействие как процесс, ориентированный на реали-

зацию плана, интенций партнеров или достижение цели (Donaldson, Cohen, 1996; Lambert, Carberry, 1991; Traum, Hinkelman, 1992 и др.), а информационные модели дают представление о взаимодействии как процессе обмена информацией между участниками диалога. Эти два типа моделей диалогического взаимодействия реализуются в языковой структуре диалога, при анализе которой в первой модели нужно идентифицировать интенциональное состояние партнеров в терминах их целей, а во второй модели ограничиться только информацией (по принципу ее релевантности). Более частные модели диалога представляют отдельные этапы речевого взаимодействия (начало, сам процесс, окончание, оценка, изменение или влияние, принятие решения) [4, с. 211]. Но, независимо от того, какая сторона организации диалога формализуется в модели, все они основаны на одном из двух подходов к пониманию взаимодействия:

1) классический, картезианский (основанный на учении Декарта), заключающийся в том, что любые взаимодействующие элементы рассматриваются как отдельные, независимые сущности, и

2) современный, бахтинский (основанный на учении Бахтина), основу которого составляет понимание взаимодействия как процесса, создающего единство, целое взаимодействующих и дополняющих друг друга субъектов.

Эти два подхода можно противопоставить как дуалистический и подлинно диалогический. Первый подход исключает субъективность, сводится к простому обмену репликами (как в игре в пинг-понг) без учета всего богатства эмоций, оценок, отношений, выражаемых участниками

взаимодействия. Второй подход строится на понимании взаимодействия субъектов как динамики intersубъективности, т.е. как процесса развития отношений субъектов, формирования их оценок, эмоций, смыслов под влиянием друг друга в ходе диалогического общения [13].

Преобладание первого подхода в научном анализе и практике вызывает серьезные сомнения в правомерности, особенно в последние десятилетия в связи с пересмотром основ рациональности. Как известно, основы нашей рациональности сложились в древней Греции и сформулированы в законах диалектики, а диалектика – это «не что иное, как упорядоченный, методически разработанный дух противоречия, присущий любому человеку, и в то же время великий дар, поскольку он дает возможность истинное отличить от ложного» (Эккерман, 1986) [9, с. 26].

Непременным условием диалектического метода является построение оппозиции, членами которой будут истинное и ложное высказывание, точка зрения, подход или противоположные по качествам явления (А – не А). Рассмотрение их по принципу «тезис – антитезис – синтез» должно привести к однозначному утверждению истины. На этом принципе основана риторика и все виды риторического диалога: диалог-спор, диалог-полемика, диалог-дискуссия, – которые могут проводиться в разных контекстах. В современной неформальной логике выделяются такие «дискуссионные контексты диалога» (*argumentative contexts of dialogue*), как педагогический диалог, диалог-интервью, диалог-консультация эксперта, диалог-планирование и др. [10, с. 56].

Практика показывает, что в ходе такого взаимодействия происходит типичный «диалектический сдвиг» (*dialectical shift*) по схеме: дискуссия – спор – переговоры через посредника – ссора. Достаточно привести пример парламентских дебатов, где наиболее часто прибегают к аргументации *ad hominem*, т.е. к доказательствам, основанным не на объективных данных, а рассчитанным на чувства убеждаемого, проще говоря, когда «переходят на личности». В этом проявляется желание любой ценой доказать свою правоту, стремление к абсолютной истине и к последнему слову.

XX век поставил под сомнение такую рациональность, названную Ю. Хабермасом «научно-технической». Истина конкретизируется относительно того времени и пространства, в которых происходит ее постижение конкретным субъектом в отношении другого субъекта или объекта. И поскольку каждый субъект занимает определенное место в пространстве и действует в определенное время, его данные о познаваемой реальности могут отличаться от данных, полученных другим субъектом об этой же реальности в других условиях [6, с. 143]. Вот почему так важна теория относительности А. Эйнштейна и вывод Н. Бора о дополнительности наших данных в познании мира. Эти два постулата и лежат в основе современной теории диалога [1].

В этой модели как говорящий, так и слушающий влияют на смысл индивидуального высказывания, которое не имеет смысла, если анализируется изолированно, т.е. вне ситуации общения – в отрыве от контекста, субъекта и объекта речи, пространственно-временных параметров. Стюарт и Томас в диа-

логическом процессе выделяют 2 вида слушания: соперечающее и активное. Соперечающее предполагает: а) концентрация на понятии «мы», а не «мой» или «ваш»; б) открытость и игра; в) рассмотрение ситуации «здесь и сейчас», а не «потом» и «тогда»; г) сосредоточение на контексте обсуждаемой проблемы; д) достижение полного взаимного понимания, учитывая различия между соперечающими [11, с. 159].

Современная модель диалога – не просто модель взаимодействия. Она акцентирует активное участие обеих сторон в построении общего смысла, который может быть неожиданным и незапланированным, так как оба участника диалога открыты взаимному влиянию и общаются на равных. Общая стратегия такого диалога, в отличие от риторического – не стремление к победе в оппозиции двух независимых сторон, а достижение общего, разделенного (shared) понимания. В этой связи любопытно привести следующий пример [1].

В США есть Школа диалога (Dialogue Group), созданная ученым-физиком Дэвидом Бомом. В результате дружеского общения с индийским мыслителем-мистиком Кришнамурти Д. Бом пришел к выводу, что наша жизнь протекает в пространстве-океане культурных и трансперсональных смыслов. Из этого океана возникает наше общение и оно же оказывает на него влияние (либо умножает смыслы, либо обедняет их). Этот процесс он назвал диалогом [6]. После смерти ученого его ученики подробно описали методику, правила и образцы такого диалога.

В соответствии с идеями Д. Бома, не всякое общение можно назвать диалогом. Обычные разговоры без ощущения

общего потока, который вызывается метафорой океана, относятся к разряду обсуждений (discussion). Диалог подразумевает такое объединение мысли и чувства, которое единым потоком выносит участников на новый, более глубокий уровень понимания, когда на основе развития общего смысла возникает новый тип разума – участники больше не могут противопоставлять себя друг другу и даже не взаимодействовать, а скорее просто участвовать в этом творческом процессе, где общий смысл постоянно развивается и меняется [2, с. 131; 6].

Такое понимание диалога созвучно идеям М. Бахтина, у которого участники диалога образуют новое единство в рамках общего смыслового пространства [13, с. 302].

Общий смысловой поток или пространство, объединяя участников диалога, меняет не только их сознание, но и приобщает их к более крупному единству – мировой целостности: границы между ними и миром растворяются и открываются источники понимания и силы. Это происходит в случаях идеального диалога, когда в состоянии измененного сознания мировое целое как бы разговаривает и слушает себя через нас, индивидуально и коллективно; слова становятся ненужными, знание приходит мгновенно, смысл течет как огромная река через нас и между нами. Д. Бом сравнивает это похожее на магию превращение человека со светом, который в обычном состоянии рассеян в пространстве; когда же он направлен в пучок в виде лазера, он может творить чудеса [2].

На пути к идеальному диалогу человеку предстоит преодолеть изоляцию Я, выработать коммуникативные навыки

ки, ведущие к подлинному общению, т.е. когда один человек подлинно слушает Другого, подлинно говорящего.

Для этого необходимо:

- понимание равенства сторон;
- отказ от позиции доминирования или попыток добиться победы над партнером. В диалоге не может быть ни победы, ни поражения;

- признание приоритета внимания друг к другу над необходимостью принятия решения;

- активное, заинтересованное слушание;

- открытость в выражении чувств, мыслей, подходов к предмету обсуждения и в отношениях друг к другу; в постановке вопросов [2, с. 145].

Эти своеобразные «директивы» для диалогического поведения подчеркивают тот факт, что диалог способствует нашему «подключению» к всеобщему, коллективному разуму, который порождается нашей синергией, т.е. совместной энергией, при условии преодоления изоляции Я. Таким образом, путь к совместному разуму, обновлению сознания – через подлинное диалогическое общение.

В диалогическом взаимодействии Лири выделяет 3 фазы: 1) на 1 фазе партнеры вырабатывают минимальную степень их взаимозависимости, необходимую для создания общего очага взаимодействия (например, мать, направляющая внимание ребенка к рисованию, когда ребенок может быть не заинтересован объектом); 2) фаза, на которой партнеры расширяют взаимодействие, договариваясь и разрабатывая дальнейшие перспективы для более широкой деятельности (например, ведение переговоров матери и ребенка по поводу объекта деятельности); 3)

фаза, на которой диалогическое взаимодействие установлено. По мнению Лири, скорость достижения взаимозависимости расширяет свободу партнеров для новых действий, способствуя инновациям. Данный процесс должен рассматриваться в контексте межличностных взаимодействий, которые играют центральную роль в разворачивании диалога. При этом каждый участник такого взаимодействия оставляет свои различия (статуса, власти) вне диалогического пространства [9, с. 321].

В отличие от закрытого, изоляционистского (картезианского) бахтинский диалог получил название открытого диалога, понимаемого как совместный поиск на пути к большему пониманию, единству и возможностям обновления. Культурная обусловленность общения делает невозможными надежды на то, что любой открытый разговор автоматически превратится в открытый диалог. Нужна подготовка, знания, опыт. Диалог начинается с желания проверить свои знания. Поэтому в фокусе диалога оказываются не столько идеи или мнения, сколько факты и данные. Их изложение должно быть взаимно уважительным. Диалог – это значит быть вместе и понимать вместе в процессе развития взаимного расположения и уважения [2].

В атмосфере горячих споров начать реальный диалог трудно. Он возникает легко среди людей компетентных, уважаемых и достаточно мудрых, чтобы не ввязываться в споры или состязания, не ведущие к общему пониманию. В присутствии таких людей даже неопытные собеседники без особых усилий включаются в процесс совместного поиска истины [2].

В Школе диалога Д. Бом разработана сравнительная характеристика подлинного диалога и диалога риторического, т.е. всякого рода споров, дебатов, полемики – того, что Д. Бом называет «дискуссией». Сравнительная характеристика обобщает опыт исследования диалога в этой школе и предназначена для участников диалогических встреч в группе. Предполагается, что участники напишут каждый пункт характеристики на отдельной карточке, чтобы иметь их в виду на каждой встрече. Эта уникальная методика может быть полезной даже при простом ознакомлении с ней [2, с. 153]. Приведем сравнительную характеристику диалога полностью:

1. Диалог – это сотрудничество: две или более сторон вместе работают для достижения общего понимания. Дискуссия строится на оппозиции: две стороны противостоят друг другу и пытаются доказать, что противник не прав.

2. В диалоге цель – создание общей основы. В дискуссии цель – победа одной стороны.

3. В диалоге один участник слушает другого, чтобы понять, найти смысл и согласие. В дискуссии один участник слушает другого, чтобы найти слабые места и выдвинуть контраргументы.

4. Диалог расширяет кругозор и может изменить точку зрения участника. Дискуссия утверждает точку зрения одного участника.

5. В диалоге исходные положения раскрываются для их переоценки. В дискуссии исходные положения отстаиваются как истина.

6. Диалог вызывает самоанализ своей собственной позиции. Дискуссия вызывает критику другой позиции.

7. Диалог открывает возможность достижения лучшего решения, чем любое из первоначальных. Дискуссия отстаивает собственную позицию одного участника как лучшее решение и исключает другие решения.

8. Диалог создает отношения открытости переменам и ошибкам. Дискуссия создает отношения закрытости, решимости быть правым.

9. В диалоге каждый предлагает на обсуждение свою лучшую идею, зная, что мнения других людей помогут ее улучшить. В дискуссии каждый выдвигает свою лучшую идею и отстаивает ее вопреки попыткам показать, что она ошибочна.

10. Диалог призывает временно воздерживаться от выражения своих убеждений. Дискуссия призывает быть беззаветно преданным своим убеждениям.

11. В диалоге каждый ищет основополагающие соглашения. В дискуссии каждый ищет показательные различия.

12. В диалоге каждый ищет сильные стороны в позициях других. В дискуссии каждый ищет недостатки и слабые стороны в позициях другого.

13. Диалог подразумевает подлинную заботу о другом человеке, исключает обиды или отчуждение. Дискуссия подразумевает противостояние, вызов другому, без всякого внимания к чувствам или отношениям и часто приводит к принижению или осуждению другого человека.

14. Диалог исходит из того, что у многих людей есть часть ответа, а вместе они могут сложить эти части в рабочее решение вопроса. Дискуссия исходит из того, что имеется правильный ответ и он есть у кого-то одного.

15. Диалог остается с открытым концом. Дискуссия подразумевает завершение [5, с. 269; 7, с. 337].

Эта характеристика показательна в том плане, что ее можно рассматривать не только как реализацию коммуникативного принципа кооперации и максим Грайса, но и как реализацию тезиса М. Бахтина о единстве когниции и коммуникации [8, с. 27]. В концепции М. Бахтина о диалогической природе познания подчеркивается не только единство познания и общения, но и сознания, т.е. личности (диалог происходит на рубеже двух сознаний). Это триединство сознания, познания и общения и выявляется в открытом диалоге, который призван трансформировать, расширить сознание, приобщить человека к мировому единству, т.е. восстановить гармонию человечества. Преобразующую силу открытого диалога можно считать реализацией так называемой магической функции языка, но не в ее заклинательной интерпретации, а в смысле трансформации сознания [13, с. 289].

Догадка Д. Бома о синергетической природе смысловых преобразований в диалоге подтверждается современными психологическими исследованиями изменений сознания. Теория инноваций, основанная на идее М. Бахтина о хронотопе, объясняет изменение сознания как результат расширения ментального пространства путем вовлечения в мыслительный процесс разных, иногда несовместимых элементов сознания. Этот процесс репрезентируется как диалогическое взаимодействие хранящихся в уме опытов физического, социального и духовного миров субъектов. В результате диалога рождаются новые мысли, умно-

жающие общее смысловое пространство и обогащающие духовный мир общения [13].

В заключение отметим, сегодня диалог, осмысленный изначально как универсальное пространство, постепенно наполнился новым смыслом. Следствием этого стало осознание того, что само диалогическое пространство и есть поле человеческого ресурса. В образовательном процессе диалог позволяет обнаружить человеческий ресурс, расширять его, интегрировать в соответствии с поставленной задачей и через актуализацию новых смыслов жизнедеятельности формировать новые реальности образовательного пространства. Для различных областей наук диалог может стать не только наилучшей формой трансляции знания, но и самым способом существования различных традиций, парадигм [1].

В связи с этим, особенность и влияние постмодернизма заключается именно в признании полифонизма, открывающего простор для подлинного диалога, в открытости исторического познания, в освобождении его от догматизма. На смену классической логике приходит диалогическая логика, и альтернативные подходы начинают рассматриваться не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие [1, с. 212]. Задачей же развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного межпарадигмального и междисциплинарного диалога, направленного на взаимообогащение и взаиморазвитие, а не признания «всеобщего равенства».

Литература

1. Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклети́ческий подход: Монография. – Минск.: Бестпринт, 2000.– 416 с.
2. Bohm D., Factor. D. Dialogue: A proposal Retrieved December from <http://www.muc.de/heavel//dialogue/-proposal.html>.
3. Burbules N. C. Rethinking Dialogue in Networked Spaces Cultural Studies — Critical Methodologies. – Volume 6 Number 1, 2006. – P. 107–122.
4. Donaldson M. Human minds: an exploration. – Harmondsworth: Allen lane, 1992.– 234 p.
5. Gergen K. J. The Social Constructionist Movement in Modern Psychology // American Psychologist, 1980. – Vol. 40. – P. 266–275.
6. Habermas J. Knowledge and human interests. Boston: Beacon, 1971.– 342 p.
7. Hagan T. Interviewing the downtrodden // Qualitative research in psychology / P. D. Ash-worth, A. Giorgi, A. de Keening (Eds.). Pittsburgh (PA): Duquesne University Press, 1986. – P. 332–360.
8. Isaacs. W. Taking flight: Dialogue, collective thinking and organizational learning. Organizational dynamics, 22(2). – P. 24–39.
9. Leary D. Metaphors in the history of psychology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.– 383 p.
10. Tannen D. Ordinary conversation and literary discourse: Coherence and the poetics of repetition // Annals of the New York Academy of Sciences, 583. 1990. – P. 15–32.
11. Thomas K. The psychodynamics of relating / Miell D. Dallos R. [Eds] Social interaction and personal relationships. – London: Sage Publications, 1996. – P. 157–212.
12. Van Dijk, T. A. Discourse studies: A multidisciplinary introduction. – Vol. 1. – London: Sage Publication, 1997.– 356 p.
13. Voloshinov, V. N. La structure de l' énoncé. In T. Todorov (Ed.). Mikhailǐ Bakhtine: Le principe dialogique. Paris: Editions du Seuil.– 1981. – P. 287–316.

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ПОКОЛЕНИЮ, КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К ВРЕМЕНИ

Кутукова Т. Ю. (Ярославль)

В статье рассматривается ряд подходов к изучению поколений в социологии и социальной психологии. Схожесть отношения к времени рассматривается в качестве одной из характеристик, обеспечивающих поколенческое единство. Обосновывается связь принадлежности к тому или иному поколению и особенности социально-психологических и личностных составляющих отношения к времени.

Ключевые слова: поколение, отношение к времени, биографическая схема, установки в отношении времени, субъективное переживание времени, временная ориентация.

Being part of the generation as a factor of person's socio-conditioned notion to time.

The article describes a set of approaches to research generations in sociology and social psychology. Similarity of notion to time is considered as one of the features providing generational unity. The article justifies the relation of inclusion to one or another generation and the peculiarity of socio-psychological and personality components of notion to time.

Keywords: generation, notion to time, biographical scheme, attitudes in regards to time, the subjective experience of time, time orientation

Проблема поколений вызвала интерес уже во второй половине XIX века в западноевропейской социальной философии. Поколение в работах этого периода рассматривается с точки зрения следующих аспектов: биолого-генетического, позитивистско-натуралистического (пространственно – хронологическая общность), романтико-гуманитарного (идейно-духовная общность), и историко-политического (временно господствующая общность). Подчеркивалась прерывность поколений (Ж. Дромель), и вместе с этим преемственность и сосуществование поколений (А. Курно). Г. Рюмелин как сторонник демографического подхода ввел количественное понятие длины поколения, обозначая ее как среднюю возрастную разницу в данный исторический период между родителями и детьми.

В первой половине XX века К. Мангейм объединил позитивистско-биологическое и романтико-историческое представление в понимании поколения. Согласно Мангейму, каждое поколение характеризуется причастностью к определенному временному измерению и историко-культурному пространству, из чего следует свойственные поколению внутреннее единство (Generations ein-heit), взаимосвязь (Generations zusammenhang) представителей поколения и определенное положение (Generations lagerung), относительно прочих поколений. То есть поколения являются относительно автономными социальными общностями с единой исторической локализацией и, следовательно, общим историческим опытом проживания конкретных событий. Со-

ответственно, смена поколений является универсальным процессом, базирующимся на биологическом ритме жизни человека. В результате смены поколений в культурный процесс вступают новые участники, на смену предыдущим. Любое поколение может действовать только в хронологически ограниченном отрезке исторического процесса. Также К. Мангейм отмечал внутреннюю дифференцированность поколения, в зависимости от опыта отдельных групп. Так, речь может идти о ядре поколения и аутсайдерах, различных культурных и политических союзах внутри поколений. (Mannheim К. 1952).

В середине XX столетия испанские философы Х. Ортеги-и-Гассета и Х. Мариаса в «духовно-исторической теории поколений» развивают европейское романтико-идеалистическое понимание поколения. Согласно духовно-исторической теории, поколение является субъектом исторической деятельности, следующим за политическими идеями своего времени. Описывая динамику распространения «зоны влияния» поколения, Х. Ортега-и-Гассет утверждал, что срок деятельности поколения задан отрезком равным примерно 30 годам и разделяется на два периода. (Ортега-и-Гассет Х., 1991). Первый период заключается в процессе распространения мировоззрения поколения, а во второй период экспансии поколения данное мировоззрение становится господствующим.

Для американской социологии середины XX века характерно рассмотрение проблемы поколений с точки зрения включения его в социальное пространство (Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, М. Мид), а так же активности поколений,

включенных в социально-политические конфликты (Г. Маркузе, Л. Фойер).

Для исследований 1960-х – 1980-х гг. советского периода характерно рассмотрение категории “поколение” в основном в двух аспектах: с позиции классово-исторического развития общества (А. И. Афанасьева, В. И. Воловик, И. Ю. Корж, В. Н. Клепов, Л. Н. Коган, Н. М. Мельникова, Л. А. Шевырнова, Б. С. Павлов) и социально-демографических процессов (Б. Ц. Урланис, В. А. Болдырев, В. В. Никитенко, В. А. Гайдис). В работах данного периода также описывается влияние общества на развитие и жизненный путь личности. В процессе интериоризации ценностей и норм общества, субъект встраивает их в собственную индивидуально-личностную структуру. (Л. С. Выготский; Б. Г. Ананьев; С. Л. Рубинштейн; А. Н. Леонтьев; А. В. Брушлинский; К. А. Абульханова-Славская; В. А. Шкуратов; А. Г. Асмолов и др.). В данных работах дано обоснование тому, что в целом следствием развития того или иного поколения в конкретно-исторических условиях является культурно-историческая идентичность его представителей, формирование у них сходной системы установок, ценностей, норм. Естественно, включенность в специфические культурно-исторические условия является не единственным фактором, оказывающим влияние на формирование поколения. Так, наряду с внешними (особенности исторического периода), необходимы также внутренние условия, к которым относятся, например, ослабление семейных связей в обществе, появление новых форм внутри поколенческого взаимодействия, которые способствуют формированию и распространению новых

идеологий и влияют, тем самым, на изменение образа жизни и структуры ценностей отдельных индивидов.

В настоящее время понятие «поколение» используется в нескольких значениях. Для антропологов в данном аспекте важными являются генетические характеристики людей и ступень в происхождении от общего предка. В биологии термином «поколение» описываются различные формы организма, отличающиеся в процессе его жизненного цикла. В этнографии поколение определяется как возрастная группа того или иного этноса, для которой характерны общие традиции и институциональные предписания. С точки зрения генеалогии поколение определяется как группа особей, отдаленная одинаково от общих предков. В демографии термин «поколение» используется для обозначения субъектов, родившихся на протяжении одного года и составляющих возрастную структуру населения. Поколенческие группы сосуществуют и воспроизводятся (дети, молодежь, взрослое население, пожилые люди, долгожители). В историко-культурном аспекте под поколением подразумеваются активные участники либо одного события, либо современники важных исторических событий, которые в результате данной сопричастности обладают схожими мировоззренческими позициями. В социологии поколение рассматривается как социальная общность субъектов, находящихся в определенном возрастном периоде, схожих условиях социализации и имеющих типичные потребности и ценностные ориентации.

Таким образом, категория «поколение» подразумевает своеобразие последующего поколения в рамках развития

всего вида в целом. Из генеалогического понимания следует идея связи с общим предком как общим культурно-историческим типом. С позиции социологии главенствующим является самосознание субъектов, родившихся в один период, проживших одни социо-культурные события, и имеющих схожие ценностные и мировоззренческие позиции. В этом отличие понятия «поколения» от понятия «когорты», используемого в демографии, описывающего людей, родившихся в одно время и составляющих структуру населения. Поколение является объединением нескольких возрастных когорт, так как не все возрастные когорты образуют поколенческие единства.

Данные определения объединяет идея временной соотнесенности. К. Мангейм обозначает это как историческую локализацию общностей (К. Мангейм, 2000). Так поколения могут выделяться по хронологическому принципу («поколение девяностых»), через соотнесение с определенным историческим событием, присутствующим поколению символическими ценностями («потерянное поколение») (И. Кон, 1978).

Таким образом, наряду с многозначностью категории «поколения» и широтой его употребления, можно утверждать, что методологической основой является сосредоточение на социальной дифференциации, связанной с социально-исторической спецификой поколения.

Раскрытие К. Мангеймом процесса формирования поколенческой общности и рассмотрение идеи поколенной солидарности, «коллективной судьбы» дает возможность найти основания для обозначения поколенческих границ. Поэтому, как пишет Семенова В. В., «за точку отсчета

в эмпирическом определении границ закономерно принимать крупное историческое событие или процесс, оставшееся в памяти данного поколения центральным. Недаром в классификации поколений в Западной Европе, осуществленной на базе многочисленных эмпирических данных, основанием классификации также служат крупные события эпохальной значимости: довоенное, послевоенное поколение, «поколение протеста» (молодежной революции) (Н. Becker, 1992). Естественно, что границы между такими условными поколениями будут размытыми, но основным критерием будет эффект влияния исторического события на большинство генерации, родившейся на протяжении определенных десятилетий: современники (или участники, или свидетели) социальных процессов, под воздействием которых формировались данные генерации». При этом поколение определяется не только его исторической локализацией в период юности, но и тем, как оно развивалось на последующих этапах жизненного цикла.

Особого внимания в контексте нашего исследования требует социально-типическая модель жизненного пути Б.Г. Ананьева, согласно которой, история развития личности типизирована общественно-историческими условиями образа жизни, нормирована социальными предписаниями. В концепции Б.Г. Ананьева с особой тщательностью разбираются следующие особенности жизненного пути личности: историчность и социальная природа жизненного пути, когортность как соотношенность с конкретным поколением. (Ананьев Б. Г., 1980)

Обобщая вышесказанное, можно определить поколение как социальную

группу людей, родившихся в одно и то же время, объединенных схожей картиной мира, образом жизни, схожим репертуаром коммуникативных стратегий, стилями мышления и общей культурно-исторической ситуацией развития. В данный круг событий включены: политические, экономические, социальные и культурные события, влияющие на формирование надындивидуальных ценностей в обществе.

Принадлежность к тому или иному поколению оказывает влияние на формирование структуры личности и индивидуальный жизненный путь, а также его субъективную оценку, в целом. Жизненный путь личности включает в себя сменяющие друг друга события, которые обладают определенной значимостью для личности и при этом являются результатом взаимосвязи индивида и среды. Согласно Н. А. Логиновой, жизненный путь личности является результатом взаимосвязи социальной программы личности и программы индивидуализации. Социальная программа предполагает формирование личности в контексте определенного общества и конкретной исторической эпохи. Успешная социализация приводит к адаптивности и дееспособности индивида в социальных условиях, в которых осуществляется его деятельность. Пик социализации приходится на фазу становления личности. В детстве, подростковом и юношеском периоде происходит усвоение социальных норм общества и его культурного наследия.

Так, принадлежа к определенному поколению, индивид разделяет мировоззренческие позиции данного поколения или конкретней – группы, к которой он

принадлежит в рамках данного поколения. Принадлежность к поколению задает базис для формирования системы ценностей личности. Соответственно, принадлежность к поколению определяет особенности социально-психологических и личностных составляющих отношения к времени. К социально-психологическим относятся: биографические схемы субъекта, установки в отношении времени. К личностным составляющим относятся: субъективное переживание времени и временная ориентация (в прошлое, настоящее или будущее).

Биографические схемы – понятие, введенное в психологию Т. Лукманом, описывает нормативные представления и предписания о порядке и длительности жизненных событий. Биографические схемы служат каркасом для интерпретации событий прошлого и основой для проектирования событий будущего.

Установки в отношении времени отражают ценностный аспект отношения к времени и являются предписаниями, регулирующими отношение к времени. Например, оно может рассматриваться субъектом как ограниченный или неограниченный ресурс, как предсказуемый ход событий или непредсказуемый поток.

Субъективное переживание времени – особенности психологического времени личности, которые выражаются в субъективной оценке времени по шкалам: событийность, целостность, скорость.

Временная ориентация – характеристика отношения к времени, которая определяет значимость для субъекта той или иной временной зоны (прошлого, настоящего и будущего).

В совокупности данные составляющие образуют целостную картину, позво-

ляющую понять особенности отношения личности к времени.

Исследование отношения к времени представителей различных поколений дает возможность лучше понять социальную ситуацию в обществе, также способствует познанию личности человека, включенного в социокультурный контекст. Кроме того, анализ факторов, влияющих на формирование отношения к времени дает возможность осуществить прогноз социально-психологического развития личности, понять ее регулятивные возможности в условиях ускоряющейся социальной жизни.

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1980
2. Нестик Т. А. М., Отношение к времени в малых группах и организациях. Институт психологии РАН, 2011
3. Нуркова В. В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии.– 2004.– № 2. – С. 77–87.
4. Смирнова Т. Ю. Социально-психологические и личностные составляющие отношения современных студентов к времени жизни. //Вестник ЯрГУ – 2013.– № 1 (23). – С. 112–117
5. Luckmann T. The Constitution of Human Life in Time / Chronotypes. J. Bender and D.E. Weffhery (Eds.). Stanford, 1991. P. 151–166

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В. А. Мазиллов (Ярославль), В. А. Янчук (Минск)

(Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 16-26-01012)

Аннотация: Статья посвящена проблеме межкультурного диалога. В статье утверждается, что представляет собой качественно инновационную форму межкультурного взаимодействия, обеспечивающую оптимальное межкультурное взаимопонимание на основе толерантности. В статье дается подробное описание подхода авторов к организации психологического исследования межкультурного диалога. Представлен проект, в котором спланировано совместное исследование.

Ключевые слова: диалог, межкультурный диалог, методология, исследование

Abstract: The article is devoted to intercultural dialogue. The article states that is qualitatively innovative form of intercultural interaction that provides optimal cross-cultural understanding on the basis of tolerance. The article gives a detailed description of the authors' approach to the organization of psychological research of intercultural dialogue.

Keywords: dialogue, intercultural dialogue, methodology, research

Проблема методолого-теоретического и психологического исследования межкультурного диалога определяется тем, что последний представляет собой качественно инновационную форму межкультурного взаимодействия, обеспечивающую оптимальное межкультурное взаимопонимание на основе толерантности. Межкультурное взаимопонимание на основе толерантности строится на безусловном принятии другой культурной традиции, ориентацией на формирование разделяемых полей значений, смыслов и переживаний, скоординированной и синхронизированной поведенческой активности.

Методолого-теоретическое и психологическое содержание межкультурного диалога носит интердетерминационный характер, определяемый взаимодействием и взаимовлиянием биологической, психической и социальной природ, сфер осознаваемого, бессознательного и экзистенциального опосредования контекстом

культурных сходств и различий. Взаимодействие каждой интердетерминанты имеет своим результатом возникновение нового качества межкультурного взаимопонимания, требующего совместной диалогической выработки их согласованного и взаимоинтернализованного содержания. Актуализация межкультурного диалога в межкультурном взаимодействии предполагает наличие межкультурной компетентности, включающей знания о культурном своеобразии взаимодействующих сторон в их имико-итических составляющих, осведомленность о культурных ценностях, нормах, языковых отличиях, типичных поведенческих алгоритмах, экзистенциальных переживаниях, характеризующих субъективную значимость происходящего и определяющих своеобразие реагирования на него. Формирование способности к межкультурному диалогу способствует оптимальному межкультурному взаимодействию и предупреждению возможных рецидивов [10].

Актуальность заявляемой проблемной области исследования определяется необходимостью нахождения механизмов и социально-психологических оснований для создания оптимальных условий совместного бытия в условиях существующего культурного многообразия с учетом резкого возрастания миграционных процессов и этнических конфликтов. Попытка использования классических универсальных моделей, выработанных преимущественно на основе западных цивилизационных стандартов глобализационного толка, показала свою неэффективность, находящую свое подтверждение в многочисленных межэтнических противоречиях, не разрешаемых при посредстве универсальных метаправил и норм. Сложившаяся ситуация со всей необходимостью требует выработки новых решений методологического свойства, основывающихся на актуализации возможностей межкультурного диалога, предполагающего безусловное принятие уникальности представителей других культур и диалогическую выработку совместных решений. Характеризуя современную ситуацию с проработанностью проблемной области можно констатировать ее постановочный характер как в отечественном, так и зарубежном гуманитарном знании. И это не смотря на очевидность социального заказа на ее разработку [11].

Проблематика межкультурного диалога только начинает разрабатываться как в отечественном, так и зарубежном гуманитарном знании в целом и социально-психологическом знании в частности. Безусловно важное место в разработке проблем диалога в отечественной филологии и психологии занимают исследо-

вания А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, В. С. Соловьева, А. И. Введенского и И. И. Лапшина, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина, Н. С. Трубецкого, М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, В. С. Библера, Г. Я. Буша, Г. А. Ковалева, Л. А. Радзиховского, В. П. Зинченко, И. С. Кона, В. В. Столина, А. В. Визигиной и др.

Между тем, анализ отечественных и зарубежных исследований показал, что большинство исследований традиционно концентрировались на эмпирическом выявлении личностных и ситуативных детерминант межкультурного взаимодействия с превалированием англосаксонской культурной модели, преподносимой как высшее цивилизационное достижение. Отсюда концентрация внимания на процессах аккультурации (Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц), инкультурации и т.п. Последующее осознание неэффективности данной модели, подкрепляемое примерами шахидства лиц, прошедших полные циклы аккультурации, переориентировало исследования на проблематику культурной и транскультурной компетентности, которая, как представлялось, является основополагающим условием межкультурного взаимопонимания. Однако практика межкультурного взаимодействия показала наличие межкультурных противоречий и у лиц, формально обладающих высоким уровнем компетентности. Сегодня в среде ученых, занимающихся проблемой межкультурного взаимодействия, происходит все большее осознание того, что решение проблемы заключается не в несовершенстве существующих моделей межкультурного взаимодействия и компетентности, а в необходимости

совместного диалогического их выработки посредством межкультурного диалога, что и определяется в качестве основной цели данного исследования. Тем не менее, на сегодняшний день можно констатировать отсутствие фундаментальных работ по обозначенной проблеме. Объединение усилий белорусских и российских исследователей позволит найти возможности взаимообогащения в области методологии, методов и методики научного изучения проблематики межкультурного диалога. Каждая из участвующих сторон предполагаемого совместного исследования обладает взаимодополняющими ресурсами и возможностями. Научно-практический задел участников проекта позволяет успешно решить поставленную проблему, каждый из которых является ведущим специалистом в области изучения истории психологии и культуры, методологии и методов исследований в своих странах. Каждый из них является автором оригинальных методологических подходов, показавших свою научную состоятельность и продуктивность.

Содержание решаемой в исследовании конкретной задачи определяется заявляемым методолого-теоретическим и психологическим исследованием проблемы межкультурного диалога в ее социально-психологическом аспекте. Российской и белорусской стороной будет проведен теоретический анализ проблемной области межкультурного диалога, целью которого является определение методологических и психологических оснований изучения проблемной области с учетом современного отечественного и зарубежного опыта. На основе теоретического анализа будут разрабо-

таны: методологические и психологические основания комплексного изучения проблематики межкультурного диалога, концептуальная модель межкультурного диалога, включающая ее наиболее существенные интердетерминанты; будут определены психологические условия межкультурного диалога; будет предложен комплекс социально-психологических условий прикладного использования межкультурного диалога.

Научная идея соответствует мировому уровню исследований и в обозначенной проблемной области и не имеет аналогов в постсоветском мировом пространстве. Предлагаемые методолого-теоретические решения не имеют аналогов и обладают высоким научным потенциалом. Подчеркнем, что актуальность проблемы очевидна. Многие исследователи не берутся изучать эту проблему как из-за совершенно понятной сложности исследуемого явления, так и из-за многомерной и сложной его детерминации, что делает практически невозможным охватить даже наиболее существенные детерминанты в рамках научного исследования.

Авторский коллектив в данном проекте берет за разработку этих проблем во всей их сложности и многомерности, так как в предшествующих исследованиях авторов, в первую очередь, руководителей проекта, разработана соответствующая методология, позволяющая решать такие проблемы. Это в первую очередь работы В.А. Янчука, а также работы В.А. Мазилова по методологии теории факта и уровневый подход к проблеме объяснения, позволяющие нередуктивно подходить к рассмотрению сложных явлений [12–15],[2–4], [1].

Другим принципиальным моментом, обеспечивающим новизну настоящему проекту, является смена базовой категории. Традиционно при анализе диалога в качестве базовой категории используется «коммуникация».

В рамках настоящего проекта диалог рассматривается в контексте не коммуникации, а общения. В качестве рабочей концепции общения используется теория Н. П. Ерастова, практически малоизвестная. Тем не менее ее потенциал позволяет рассмотреть диалог (в частности, межкультурный) не как передачу информации, а как взаимодействие внутренних миров общающихся. Таким образом, психологическое насыщение позволяет по-новому рассмотреть явление диалога и выстроить новые классификации, чрезвычайно важные для разработки концепции межкультурного диалога. Такой эффект достигается за счет того, что оказывается возможным применение теории внутреннего мира, законов внутреннего мира и т.д. [8, 9].

Обстоятельством, внушающим оптимизм при использовании такого подхода, является опыт использования этого понятия в анализе электорального поведения, где замена коммуникации на общение позволила существенно повысить эффективность работы [5].

Как уже отмечалось, рассматриваемая проблема характеризуется исключительной сложностью и многомерностью (что является мотивом для отказа от ее исследования). В настоящем проекте, как отмечалось, используется соответствующая методология [6], [7], позволяющая работать со сложными многомерными интердетерминированными объектами. В настоящем проекте используются ос-

новные результаты проведенного авторским коллективом исследования [6], [7].

Система методологических принципов исследования сложных явлений применительно к изучению культурного фрейминга была разработана В. А. Янчуком. В случае исследования межкультурного диалога, она в целом сохраняется. Проведенный теоретический анализ проблемной области позволил определить следующие перспективы исследования возможностей и направлений углубления взаимопонимания в условиях культурного многообразия:

- углубление знаний о закономерностях, механизмах внутренней и внешней активности человека, взаимодействии разнокачественных природ в социокультурном и физическом окружении;

- выявление механизмов согласования взаимодействия разнокачественных природ (биологическая, символическая, рефлексивная) и измерений (осознаваемое, неосознаваемое, экзистенциальное), направленное на достижение минимально достаточного для выживания состояния сбалансированности;

- нахождение оптимальных сочетаний идиографо-номотетического и итико-имического аспектов, количественных и качественных методов исследований, позволяющих обеспечить углубление понимания сути и особенностей изучаемой феноменологии;

- выявления процессуальных особенностей и закономерностей созидания разделяемых полей культурных значений и переживаний;

- выявление межкультурных различий в культурных фреймах и культурном фреймировании, позволяющее находить оптимальные ресурсы и возможности

взаимопонимания и выстраивания взаимодействия с их учетом, достигая итико-имического баланса [7].

На уровне методолого-теоретического анализа будет использована когнитивная методология, позволяющая анализировать проблемы предмета, метода и объяснения в психологии. В частности, понимание того, что соотношение теории и метода представляет собой структурный инвариант, дает возможность реально соотносить различные психологические концепции. Использование коммуникативной методологии даст возможность решать не только вопрос соотношения различных психологических концепций, но и решать задачи интеграции психологического знания, как основы понимания механизмов межкультурного диалога. Использование специального методологического аппарата и коммуникативной методологии позволяет улучшить взаимопонимание в научном сообществе и тем самым способствовать развертыванию эффективного диалога.

Еще одним важнейшим средством эффективного достижения результата является опыт разработки и применения российско-белорусским коллективом конкретной модели осуществления реальной интеграции социально-психологического знания.

Важным звеном в исследовании проблемы межкультурного взаимодействия являются теоретико-методологические основания изучения культурного фрейминга, позволяющие изучать социокультурные процессы в обществе, развитие национальной и социокультурной идентичности в контексте современных интеграционных процессов.

Также важнейшим условием для реализации проекта является концепция интегративно-эkleктической методологии (В. А. Янчук), позволяющая реально соотносить различные социально-психологические подходы. В этом же ключе будут использованы основы диалогической методологии (В. А. Янчук), зарекомендовавшей себя в плане интеграции различных социально-психологических подходов.

В итоге реализации совместного научного исследования будут получены следующие результаты.

1. В ходе осуществления теоретического анализа проблемной области межкультурного диалога будут определены базовые понятия, составляющие содержание феноменов культуры, диалога, межкультурного взаимодействия. Будут определены теоретические подходы, концепции, раскрывающие разные аспекты межкультурного взаимодействия.

2. Анализ современного отечественного и зарубежного опыта исследования проблемы межкультурного взаимодействия даст возможность определить методологические, теоретические и психологические основания изучения проблемной области.

3. Будет разработано содержание методологических оснований комплексного изучения проблематики межкультурного диалога.

4. Будут разработано содержание психологических оснований комплексного изучения проблематики межкультурного диалога.

5. Будет выработана концептуальная модель межкультурного диалога, в которую будут включены биологические, социальные, психические, осознаваемые,

неосознаваемые и экзистенциальные индетерминанты межкультурного взаимодействия.

6. В результате будут определены психологические условия межкультурного диалога, включающие в себя принципы, механизмы, пути и средства обеспечения диалога.

7. Будет разработан комплекс социально-психологических условий прикладного использования межкультурного диалога, позволяющий перевести методологическое понимание межкультурного диалога в плоскость реального межкультурного взаимодействия.

Совместное исследование нацелено на раскрытие методолого-теоретических и психологических оснований комплексного изучения проблематики межкультурного диалога. Научная проблема до настоящего времени не решена, авторский коллектив впервые приступает к ее решению.

В результате совместных исследований будет проведен теоретический анализ проблемной области межкультурного диалога на уровне определения ее методологических оснований, анализа современного состояния проработанности проблемной области в отечественных и зарубежных исследованиях, разработки ориентиров концептуальной модели и психологических условий ее актуализации, а также определения возможных областей прикладного применения.

В настоящем проекте будут разработаны методологические и психологические основания комплексного изучения проблематики межкультурного диалога; концептуальная модель межкультурного диалога, включающая ее наиболее существенные интердетерминанты; определе-

ны психологические условия межкультурного диалога; предложен комплекс социально-психологических условий прикладного использования межкультурного диалога.

Таким образом, в результате решения поставленной в проекте задачи возникает реальная возможность разработки технологии исследования, позволяющего выявлять специфику конкретного межкультурного диалога. Практическое значение также исключительно велико: позволяет предсказывать возможные ошибки в построении межкультурного диалога, позволяет выстроить теоретически исчерпывающую типологию ошибок, позволяет выстраивать эффективные стратегии межкультурного диалога: как между родственными культурами, так и между теми, где расхождения огромны, позволяет организовать эффективное обучение организации межкультурного диалога.

Результаты представленного в статье проекта исследования будут востребованы в социальной, этнопсихологии, кросс-культурной психологии, политологии, социологии, культурологии и т.д., будут использованы при подготовке журналистов, дипломатов, культурологов.

Литература

1. Козлов В. В. Интегративная психология. М., 2007
2. Мазилев В. А., Методология психологической науки: история и современность. Монография [Текст] / В. А. Мазилев. Ярославль: МАПН, 2007.
3. Мазилев В. А. Научная психология: проблема объяснения [Текст]. / В. А. Мазилев. // Методология и история психологии: Научный журнал. Т. 3. Вып. 1, 2008, с. 58–73.

4. Мазиллов В. А., Разработка теории комплексных и междисциплинарных исследований в психологии [Текст]. / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 4, том 2 (психолого-педагогические науки), 2013, с. 201–219;
5. Мазиллов В. А., Методологические проблемы исследования электоральной активности [Текст]. / В. А. Мазиллов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки № 3(24), 2013, с. 19–25
6. Мазиллов В. А., Янчук В. А., Методологические проблемы исследования культурного фрейминга [Текст]. / В. А. Мазиллов, В. А. Янчук // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 3. С. 212–219;
7. Мазиллов В. А., Янчук В. А., Методологические и методические проблемы исследования культурного фрейминга близкородственных культур [Текст]. / В. А. Мазиллов, В. А. Янчук // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 4. С. 305–312;
8. Шадриков В. Д., От индивида к индивидуальности: Введение в психологию [Текст] / В. Д. Шадриков. М.: Институт психологии РАН, 2009
9. Шадриков В. Д., Мазиллов В. А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. [Текст] / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов. М.: Юрайт, 2015. 411 с.
10. Янчук В. А., Четырехмерное пространство постижения психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива [Текст]. / В. А. Янчук // Методология современной психологии: Академический сборник научных статей. Вып. 4 / Под ред. Козлова В. В., Карпова А. В., Мазилова В. А., Петренко В. Ф. – М. – Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2015, с. 293–312.
11. Янчук, В. А. Запад-Восток: методологические основания межкультурного взаимопонимания и диалога [Текст]. / В. А. Янчук // Материалы XI Международного симпозиума по имиджелогии «Запад-Восток: Имиджевый диалог», Берлин, 16–17 мая 2013 г. – М.: АИМ, с. 42–49
12. Янчук, В. А. Межкультурный диалог как механизм развития национального самосознания; социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива [Текст]. / В. А. Янчук // Материалы международной научно-практической конференции «Информационные процессы в Казахстане: вызовы и тренды в мире» 5-го декабря 2014 г., Алматы, Казахский государственный университет им. Аль-Фараби. – Алматы, Казахский университет, 2015, с. 60–65;
13. Янчук, В. А. Четырехмерное пространство постижения психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива [Текст]. / В. А. Янчук // Методология современной психологии: Академический сборник научных статей. Вып. 4 / Под ред. Козлова В. В., Карпова А. В., Петренко В. Ф. – М. – Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2015, с. 293–312;
14. Янчук, В. А. Четырехмерный континуум понимания феноменологии формирования межкультурной intersubjectivity: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива [Текст]. / В. А. Янчук // Материалы Международной научно-практической конференции «Культура. Взаимодействие. Диалог», Гродно 14–15 мая 2015 года. – Гродно, ГрГУ, 2015, с. 5–14).
15. Yanchuk, V. Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Perspective of Intercultural Mutual Understanding Comprehension Deepening [Текст]. / V. Yanchuk, // Open Journal of Social Sciences, 2014, 2, 178–191. <http://dx.doi.org/10.4236/jss.2014.28025>;

ПЕРВЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИ: РОЖДЕНИЕ ПАРАДИГМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Мазилов В. А. (Ярославль), Стоюхина Н. Ю. (Нижний Новгород)

Одним из «белых пятен» социальной психологии является вопрос о проблеме воздействия на личность и группу в работах первых отечественных социальных психологов. В рамках настоящей статьи предпринято исследование возникновения парадигмы воздействия в отечественной социальной психологии (как научной, так и прикладной). Констатируется, что к началу XX столетия происходит становление социальной психологии в России, определяется основополагающая проблематика исследований, в которых характерен интерес в первую очередь к социально-психологическим факторам общественно-исторического процесса. Статья основана на использовании труднодоступных материалов, опубликованных в 1920-е гг. в периодической печати. В статье прослежено изменение трактовок воздействия, прослежена эволюция практических задач, решаемых социальной психологией воздействия в 1920-е гг. Вопросы воздействия на массы, толпу были достаточно активно обозначены и активно разрабатывались в отечественной психологии в первое послереволюционное десятилетие. Анализ того, как трансформировались подходы к исследованию воздействия в более поздний период развития отечественной социально-психологической науки составляет задачу, которая решается в другой работе авторов.

Ключевые слова: воздействие, психология воздействия, социальная психология, личность, группа, толпа.

The article states that there's no comprehensive history of Russian social psychology. It seems like there are no monographs describing the complicated history of this discipline in our country in different periods of its development. In addition to this, one the missing parts is the impact on the person and work of the first group of domestic social psychologists. In this article, a study undertaken in the emergence of the paradigm of the impact of the national social psychology (both academic and applied). It is stated that in the beginning of the XX century, the establishment of social psychology in Russia was determined by the fundamental problems of research in which the nature of the interest was primarily socio-psychological factors of socio-historical process. The article is based on the use of materials from periodical press published in the 1920s. The article traced the impact of changes in interpretations, traced the evolution of practical problems to be solved by social psychology impacts the 1920s. Questions about masses and crowd control were actively identified and developed in the national psychology in the first post-revolutionary decade. Analysis of changes in methodology on control (impact) of masses in a later period of domestic social and psychological science were viewed in different publications of different authors.

Keywords: impact, the psychology of influence, social psychology, personality, group, crowd.

Как это ни покажется удивительным, история отечественной социальной психологии пока еще не написана, и речь

здесь вовсе не идет о исчерпывающей, полной истории российской социальной психологии, – не выполнен еще подгото-

вительный этап, нет даже обстоятельных специальных монографий, описывающих непростую историю этой дисциплины в нашем отечестве. Не подлежит сомнению, что и отдельные исследования, и обобщающие исторические труды не заставят себя ждать, но пока не стоит удивляться, что возникает много не решенных вопросов. В частности, до сих пор дискутируется вопрос о времени возникновения социальной психологии.

Идея создания социальной психологии как самостоятельной науки принадлежит выдающемуся французскому социологу Э. Дюркгейму, который еще в 1887 г. в книге «Социология, ее предмет, метод и предназначение» не только обосновал необходимость такой психологии, но и предложил название – социальная психология [14], но здесь мы отметим лишь, что, говоря о возникновении психологии как самостоятельной науки, С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку», «это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI–XVII вв. или переломному периоду от XVII к XVIII в., который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая – ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» [21, с. 77]. В отношении социальной психологии более оправданной представляется точка зрения классика отечественной психо-

логии Б. Д. Парыгина, согласно которой «становление мировой социально-психологической мысли и науки – многоактный, многозначный и протяженный во времени процесс перехода от очень удаленных и первоначально научно неосознаваемых предпосылок, практического опыта общения к попыткам его осмысления и анализа, постепенно перерастающим в течение социально-психологической мысли, а затем и в систему научного знания» [17, с. 94]. Основными моментами в этом процессе являются: эмпирические предпосылки социальной психологии как опыта практических действий; философские истоки социально-психологической мысли; непосредственные исторические условия; формирование социально-психологического направления в человекознании; становление социальной психологии как экспериментальной науки; оформление социальной психологии в систему научного знания [17, с. 95–96].

Выше мы отмечали, что история социальной психологии в полном объеме еще не составлена. Это справедливо и по отношению к научной социальной психологии, и – в абсолютной степени – к практической и прикладной социальной психологии, когда идеи социальной психологии начинают использовать на практике с целью оказать воздействие на человека, группу или человеческую массу. В рамках настоящей статьи мы сосредоточимся на исследовании возникновения парадигмы воздействия в отечественной социальной психологии (как научной, так и прикладной).

Вопросы социальной психологии в России начали разрабатываться с начала XX в., особенное влияние на фор-

мирование социальной психологии в России оказали труды И. М. Сеченова и В. М. Бехтерева. А. Л. Журавлев особо выделил тот факт, что В. М. Бехтерев начал заниматься социальной (общественной) психологией с постановки и разработки проблемы – роли внушения в общественной жизни [10, с. 37–46], рассматривая внушение как «социально-психологический метод воздействия и процесс, имеющий место во взаимодействии людей в общественной жизни... в самых разных формах, включая массовое внушение» [10, с. 38], состоящее в «изменении индивидуального, группового настроения как важнейших составляющих психического состояния больших масс людей» [10, с. 38]. Бехтерев первым в отечественной науке обратился к социально-психологическому эксперименту. Эксперименты, осуществленные В. М. Бехтеревым и М. В. Ланге, были направлены на выявление влияния группы на психические процессы индивида. Было обнаружено, что в присутствии других людей появляются существенные изменения в восприятии, памяти, мышлении [15, с. 123].

Помимо Бехтерева, который был представителем естественных наук, вопросы общественной психологии интересовали специалистов общественно-гуманитарной сферы, например, теоретика марксизма, его пропагандиста, философа, видного деятеля российского и международного социалистического движения, одного из основателей РСДРП и газеты «Искра» Г. В. Плеханова. Прокурор московского окружного суда П. Н. Обнинский, проанализировав толпу, участвующую в «холерных бунтах», выделил в ее составе три категории участников: вожаки – «подстрекатели и вестовщи-

ки», наиболее активные разоблачители «коварства» противохолерных мероприятий властей; основная масса людей, подвергнутая нравственному заражению вожаками и друг другом; «сознательные, заправские преступники», «воры и буяны по призванию», любители «поудить рыбу в мутной воде». Он представлял толпу как «чудовище с маленькой головой, длиннейшим извивающимся туловищем и крохотным хвостом, единственно подлежащим усечению» [5, с. 78].

Один из идеологов народничества Н. К. Михайловский выделил условия, при которых обычно целенаправленно создаются возможности для гипнотизирования толпы. Предпосылкой для эффективного гипнотического воздействия в самых разнообразных его формах является односторонняя концентрация сознания на слабых и равномерно повторяющихся раздражениях органов чувств: «вульгарно выражаясь, можно сказать, что гипнотик... начинает жить однообразной жизнью и, очень быстро исчерпав самого себя, превращается в выеденное яйцо, которое собственного содержания не имеет, а наполняется тем, что случайно вольтется в него со стороны» [6, с. 8]. То же происходит с человеком в условиях крайней скудости красок, звуков и форм, однообразия пищи, промыслов и интересов, вынужденной обособленности существования, и с человеком, проходящим солдатскую службу, где люди вынуждены постоянно иметь дело с несложной комбинацией зрительных, слуховых, осязательных впечатлений, повторяя доведенные до автоматизма реакции. Инициатор совместных действий должен обладать качеством, которое Н. К. Михайловский обозначил как «обаяние»: «кто хочет

властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело и, следовательно, на время задавило все остальные ощущения и впечатления, чем и достигается односторонняя концентрация сознания; или же он должен поставить этих людей в условия постоянных однообразных впечатлений. И в том, и в другом случае он может делать чуть не чудеса, заставляя плясать под свою дудку массу народа и вовсе не прибегая для этого к помощи грубой физической силы» [6, с. 8].

Важное место в формировании основ отечественной социальной психологии принадлежит трудам Н. А. Бердяева. Известный отечественный мыслитель предпринял попытку рассмотрения многочисленных социально-психологических явлений через призму характера русского народа [15, с. 123]. Вклад в социальную психологию внес и другой выдающийся русский физиолог – И. П. Павлов. В его докладе 1918 г. «О русском уме» содержится глубокий и не утративший своего значения до сегодняшнего дня анализ особенностей мышления русского народа [15, с. 124].

Подведем некоторые итоги. К началу XX столетия происходит становление социальной психологии в России. Определяется основополагающая проблематика исследований. Как справедливо отмечалось Б. Д. Парыгиным, для отечественной социально-психологической науки характерен интерес в первую очередь к социально-психологическим факторам общественно-исторического процесса.

На этом этапе предмет социально-психологической науки как таковой еще не определяется, происходит уточнение ее объекта. Предпринимаются первые попытки определения методов социальной психологии, идет поиск объяснительных принципов.

Время революций – всплеск интереса к социальной психологии

Краеугольным камнем подхода русского и советского философа, педагога и психолога П. П. Блонского к социальной психологии было изучение поведения индивидуума как функции социальной среды (но в рамках бихевиоризма). Русский философ, логик и психолог Г. И. Челпанов на первый план выдвигал личность. Сущность идеи коллективной психологии заключается в том, что полностью изучить природу человека можно только в социальной жизни. Как для изучения развития общества требуется встать на историческую точку зрения, так и для изучения развития личности. В понимании выдающегося русского психиатра, невропатолога, физиолога, психолога, основоположника рефлексологии и патопсихологии в России, академика В. М. Бехтерева коллективная рефлексология должна стать из областей социологии, ее предмет – изучение коллектива, который может действовать и проявлять себя как собирательная личность. Советский психолог, академик АПН РСФСР К. Н. Корнилов считал, что не может быть никакой индивидуальной психологии, изолированной от социологии, может быть только марксистская психология, она и есть – социальная психология.

Среди исследований социальных вопросов в психологии выделяются некоторые работы психологов начала XX в.,

остановивших свое внимание на проблеме психологического воздействия на сознание масс, что было значимой идеей в работах психологов 1920–1930-х гг. Социальные психологи видели основную задачу в объяснении механизма влияния на массы в условиях социальных потрясений, которыми было богато начало XX в.

Педагог и психолог, философ, приват-доцент Московского университета В. Н. Ивановский, находясь в 1918 г. в эпицентре революционной бури, в своей малоизвестной работе «О контр-революции» обратил внимание на поведение широких народных масс в условиях революции. По его мнению, после революционного порядка наступает время контрреволюции – «крушение возникшего во время революции порядка» [12, с. 1], при недовольстве им и желании восстановить порядок, аналогичный низвергнутому. Особенность российской революционной стихии автор видит в нескольких причинах. Первая – низкая культура народа, который «мало сознателен; все самые смелые вопросы кажутся элементарному пониманию в высшей степени простыми», есть желание решить их немедленно и полностью, люди становятся «фантастическим приверженцами истин (вождей – *прим. авторов*)» [12, с. 4]. В силу малограмотности за народ говорят их вожди – «интеллигенты, мало считающиеся с реальными интересами реально существующих общественных групп, проводящие такие широкие и отвлеченно общие точки зрения, с которых уже перестают быть видными эти тонущие где-то в серой мгле реальные интересы» [12, с. 4]. В результате этого «массы являются ...орудиями для приложения

универсальных рецептов спасения человечества..., при помощи которых хотят сдвинуть с орбиты всю землю» [12, с. 4]. Внушаемой массе «далекие цели кажутся ближайшими задачами дня, ...односторонние истины понимаются ...метафизически. И чем эти истины элементарнее и одностороннее, чем они оголеннее, абсолютнее и резче, тем больше восторгов неопитов, полагающих что именно сквозь них проходит в данный момент стержень мировой истории, тем выше взлетает в своих собственных глазах лишенный багажа политического опыта элементарный ум. Отсюда успех крайних лозунгов и партий» [12, с. 4]. Вторая особенность России – в темпераменте народа и разных уровнях культурности, то, что автор определяет пословицей «российский человек не только шапку, но и мозги набекрень носит». В революционных массах меняется настроение от восторженной преданности к их вождям с их «льстящими массам лозунги» до взрывов ненависти к ним, в итоге – «общая воля расплывается, и народ и государство превращаются в бесформенную массу, раздираемую борьбой групповых интересов, быстро принимающих инстинктивную, зоологическую форму» [12, с. 6].

Социальная психология революционных масс с точки зрения социалистов-революционеров

Вопросы психологии масс, отразивших их социально-революционные устремления 1917 г., были рассмотрены уже в первых послереволюционных публицистических сборниках партий эсеров, меньшевиков и большевиков, написанных в 1918 г., где была сделана попытка анализа изменения психологии масс в ходе революционных событий. Эсеры

уделяли особое внимание вопросам психологии. Так, А. А. Мишин попытался сделать полный анализ психологического состояния населения на различных этапах революции [16]. В событиях 1917 г. он видит три периода, каждый охватывает примерно три месяца. Для первого периода (март-май) характерно «празднично-радостное настроение во всех слоях общества, огромный, непререкаемый авторитет революционера и революционных организаций». «Крайние революционные партии (большевики) с их подручными «не перевариваются» опытом и настроениями, сознанием масс, кажутся необычно «дерзкими» и пугающими» [13, с. 23], поэтому основная часть населения отшатнулась от них, подняв к руководству революцией умеренные социалистические партии. Примитивное сознание масс принимает некоторые идеи. В итоге к концу первого периода революции «расслаивающаяся» народная психика получила все необходимое для развития «духа разрушения» и слишком мало для роста «духа созидания», в этом и видится автору трагедия русской революции, начавшаяся во втором периоде революции (июнь-август) с такой характерной чертой – российский гражданин свыкся с «обычаями» революции, «своим умом» стал доходить до всего и обнаружил, что в «делании революции» нет ничего хитрого. Образ революционера тускнеет, блекнет. Массы осознают, что революция дело рук народа, а не революционера. В условиях, когда не решались крайне острые проблемы – войны, хлеба и земли, верх одержала «психология нетерпения», где инициатива принадлежала «бродильному и бродячему грибку русской революции – солдату». В этих

условиях власть должна была применить силу, чтобы удержать стихию, и большевики раньше и быстрее всех сумели попятиться и учесть психологию масс, обещая «осуществление» всего «немедленно».

В статье юриста и эсера Д. С. Розенблюма «Противоречия русской революции» [19] осмысливался психологический перелом масс, наблюдаемый по мере нарастания революционного кризиса. Февральский взрыв стал протестом против царизма и затянувшейся войны, но, добившись значительных успехов в первые месяцы, революция оказалась в непримиримом противоречии с войной. Потерпев неудачу с Манифестом Совета «К народам мира» от 14 марта 1917 г., руководители демократии попытались примирить революцию и войну, но безуспешно ввиду того, что стихия социальной классовой войны плохо соотносила свои интересы с интересами общества [19, с. 22]. Д. С. Розенблюм высказывался против классифицирования большевицких выступлений как «заговор», «авантюры», поскольку восстание нашло широкую поддержку как в тылу, так и в действующей армии; в основании восстания «лежал народный протест против затянувшейся войны, ... оно было конвульсией народно-хозяйственного организма, не могущего далее выдержать высасывание из него войною всех жизненных соков» [19, с. 24].

В другом своем очерке он описал социально-психологические основы большевизма, основанные на явлениях социального распада, образованных катаклизмом – войной. Именно война усилила деклассирование крестьянства. Громадный спрос на рабочие руки в военной промышленности, лишившейся

части постоянных рабочих, призванных на фронт, «отвлечен из деревни соблазном высоких заработков многочисленных слоев трудового крестьянства» [20, с. 7] и привел к созданию того типа рабочего, психология которого чужда промышленному строю крупного производства из-за вынужденности и временности его рабочего статуса. Этот деклассированный крестьянин, по мнению Д. С. Розенблюма, имел лишь две социальные перспективы: или «судьбу паупера*», или возвращение к крестьянскому хозяйству, где это еще возможно. Важно, что идеология такого человека никак не сопрягалась с социалистическим учением «об обобществлении производства и его планомерном общественном регулировании» [20, с. 7], т.е. пролетарско-классовым. В такой же ситуации оказалась и многомиллионная солдатская масса, лишенная своего хозяйства на время войны, отвыкшая крестьянствовать и привыкшая жить в тылу за счет государства, порой спекулируя. Находясь в окопах на протяжении трех лет войны без надежды на будущее, «психология слоев, лишившихся или находившихся под угрозой лишения социально-экономической базы своего существования, ... стала доминирующей. Психология неустойчивости, непрочности, беспочвенности, психология душевного и морального распада и метаний из стороны в сторону» [20, с. 8], с элементами «поверхностного бурления, беспредметной озлобленности, хаотического брожения, при котором все-го проще найти выход в стремлении “сорвать сердце”, разгромить, выместить накопившие боли и обиды» [20, с. 9]. Людей в таком состоянии легче всего превратить в фанатичную толпу, идущую за вожака-

ми-демагогами, ожесточающейся от любого сопротивления, не способной рассуждать и слушать аргументы. «С такой толпой нельзя ничего строить и организовывать, но можно разрушать, разгромлять, брать “на шарап”, захватывать и делить» [20, с. 9]. Д. С. Розенблюм обозначает психологию социально деклассированных низов как психологию первобытного социализма, социализма потребления и дележа, на которой и были основаны все лозунги и декреты большевиков революционного времени. Вожди – «политические авантюристы» – льстили толпе, а она их выдвигала, соглашаясь на их деспотию.

Розенблюм упрекает большевиков за то, что они строили свои типично-демагогические приемы агитации и пропаганды на лжи и клевете, брани и разжигании классовой ненависти, систематически подрывая доверие к другим социалистическим партиям, используя традиционное недоверие масс к интеллигенции. Такая идеология как никакая другая отвечала настроениями и психологии «деклассированной солдатчины и фабрично-заводской деревенщины», которая не могла и не хотела думать о будущем, «ей нужен был немедленный выход в настоящем» [20, с. 10]. И большевики пошли за толпой, отвергая всякое организованное, планомерное, сознательное вмешательство в стихийный процесс политико-экономической жизни страны, стали «грабить награбленное»: отдали заводы и фабрики пришлой, неквалифицированной заводской массы, банки – красногвардейцам, шарящим в сейфах, беднейшему крестьянству – помещичий скот и инвентарь (с дальнейшей перепродажей скупщикам) и т.д. При этом,

* Нищий, бедняк, лишенный средств существования.

большевики, развалив все и вся, «вдохновляя себя лозунгом беспощадной войны против растущей опасности контр-революции» [20, с. 12], сами представляют контр-революционную силу.

И действительно, очевидец первых революционных дней писал: «Характерная особенность петербургских улиц сейчас – митинги, длящиеся иногда круглые сутки, благо – тепло и стоят белые ночи. ... Построение их [агитаторов – *прим. авторов*] речи очень просто: они, подлаживаясь к толпе демагогическим обличением буржуазии, очень ловко переводят вопрос на то, что войны не надо, война, дескать, нужна лишь “образованным и господам”, чтобы отвлечь народ от земли. ... Во-первых, заметно и внешнее агитаторам сочувствие, правда, не всеобщее... Во-вторых, постепенно, медленно, в темной массе накапливается злобное чувство недоверия и растерянности, еще не забыты старые навыки, еще страшно всецело поддаться на дьявольскую лесть, но агитаторы сулят столько приятного, а их противники говорят вещи, отнюдь не сулящие веселого житья, – и темный мозг, еще не окончательно соблазненный, уже тронут сомнениями. Это явственно ощущается, когда говорит интеллигент, барин. Протестов, правда, почти не слышно – разве единичные. Но слушают-то хмуро, между ним и толпою – стена. В-третьих, эта праздность, это бесцельное шатание по улицам и постоянность блудословия, вливаемого в уши, сама по себе величайший разврат, создающий благоприятную почву для всякой мерзости. В массе ослаблены задерживающие центры; разболтанная, упоенная бесстыдно демагогией социалистов всех оттенков, твердящих, что она – Хо-

зяин, она находится в состоянии скрытой истерики и готова в бешеном припадке ринуться стадом за тем, кто посулит больше. Над большевиками недавно еще смеялись, но, кажется, этот смех прежде времени» [1, с. 468].

Первая статья в меньшевистском сборнике «За год» – статья Ф. Дана, где автор отмечает, что у политики всеобщего демократического мира «был один основной порок она могла бы оправдать себя, только если бы дала скорые результаты» [8, с. 6], т.к. усталость от войны не мирилась с этим злом. Однако эта политика потерпела крушение. «Победа большевизма стала исторически неизбежной в отсталой крестьянской стране, когда выяснилось, что в течение восьми месяцев революция оказались не в состоянии дать обещанного ею демократического мира», и «мир во что бы то им стало сделался историческою необходимостью». А. Ерманский, автор статьи из того же сборника, подчеркнул нарастание на протяжении восьми месяцев революции недовольства и озлобления, что стало почвой для большевистского переворота, которым был принят и поддержан широкими народными массами. Объективно, отмечает автор, новый режим, несмотря на все недостатки и дефекты, оказался единственным исторически возможным в данных условиях [13].

М. А. Рейснер и Л. Н. Войтоловский о психологии масс

Один из первых советских социальных психологов, правоведа и историка М. А. Рейснер придавал значение анализу классовой психологии и другим собственно психологическим проблемам. Социальная психология, считал он, должна стать в области культуры наукой

о социальных раздражителях разного вида и типа, основой классификации которых является массовое поведение людей. Центрами общественных раздражителей Рейснер считал государство, право, искусство, науку, семью, религию. Для него большое значение имела рефлексология И. М. Сеченова, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева. Выступая 17 февраля 1924 г. в Психологическом институте с докладом «Условная символика как социальный раздражитель» через месяц после окончания Второго всероссийского съезда по психоневрологии, где ключевыми вопросами были вопросы методологические, он своеобразно продолжил съездовскую дискуссию по вопросу о породившейся социальной психологии: ее предмете и методах. Он считал, что есть пункт, связывающий социальную психологию с естествознанием и обществоведением, – это «вопрос о символике или сигнализации», где автор имел в виду организацию сигнализации (в свете теории И. П. Павлова) при образовании условных рефлексов, которые, подчиняясь воздействию переменчивой среды, вырабатывается организмом «при помощи столь же неустойчивых, как и весьма условных, посредственных и отдаленных раздражителей, воспринимаемых нашими анализаторами звуковых, световых и подобных явлений, только сигнализирующих собой приближение или наступление раздражителя безусловного» [18, с. 179]. Психология долго «игнорировала» социологию, что привело к бесплодности из обеих, но все же бихевиоризм и психоанализ пришли к необходимости изучения человека, как «животного общественного и даже... политического» [18, с. 187]. Деятельность живого суще-

ства Рейснер понимает с точки зрения рефлексологии: «любое существо может лишь постольку добиться некоторого успеха, поскольку она непрестанно образует новые (и в этом смысле творческие) условные рефлексы и обставляет себя возможными сигнальными вехами, обозначающими то близость пищи, то приближение опасности, то наблюдение периода течки и т.п.» [18, с. 186]. А вот «способность к искусственной и материальной организации символики, отражающей действительность и ...являющейся специальным раздражителем», присуща только человеческому поведению. Символика общественного человека – отражающая, отображающая или выразительная; условный, произвольный или случайный сигнал действует так, что «его форма приобретает внешние очертания действительного предмета или явления, как они вызывают зрительную реакцию со стороны человека, или же становится подробной и точной сигнализацией речевых реакций, достигших благодаря техническому прогрессу необычайной тонкости и сложности» [18, с. 190].

М. А. Рейснер видел полное совпадение понятий «идеология» и «символические раздражители общественного человека»: под идеологией он подразумевал идею, «символ, который находится на том или ином пути расхождения с породившей его материальной средой, и с точки зрения приспособления должен быть оценен, как осужденный на торможение или угасание» [18, с. 192]. Новому классу с его новой идеологией следует скорее установить свою систему символов-раздражителей и «разоблачить, как негодную», затормозив, «идеологию технически отсталого или даже вредного

класса» [18, с. 192], поэтому автор считал основной психотехнической задачей социальной психологии, попутно обговаривая множество задач «по созданию наилучшей организации системы социальных раздражителей в символическом аппарате производственной машины»: «не отдельные, иногда весьма скромные работы по психотехнике рекламы или подбора способностей для определенных профессии, но прежде всего общее построение типов социальной символики в ее непосредственной связи и зависимости от запросов реальной (производственной) среды. Она должна изучить и обосновать типы раздражителей классового, профессионального и национального характера; выяснить различия символики раздражителей в явлениях так называемого права, нравственности, политики и религии; установить формы и типы организации символических центров и наметить технику их работы; исследовать этапы и формы развития социальных раздражителей во времени, в их зарождении, расцвете и угасании, в связи с развитием определенной производственной потребности; ...стать ...вспомогательной наукой политической науки в широком смысле слова, или ...одной из отраслей прикладной социологии» [18, с. 193]. Применение объективного метода в этой области обещало большие успехи.

М. А. Рейснер возлагает большие надежды на психоаналитические исследования, т.к. благодаря школе З. Фрейда общество в достаточной степени ознакомлено с характером сексуальной символики, но «пока здесь исследование не станет на путь последовательного историко-материалистического метода, важнейшие моменты проблемы останутся

неразрешенными» [18, с. 195]. Одним из таких важнейших моментов является установление характера связи между эстетической символикой и моторной иннервацией организма, что придаст «системе социально-экономических раздражителей крупнейшее организационное значение» [18, с. 195].

Один из первых российских социальных психологов, представляющих социологическое направление, российский врач, журналист, публицист и литературный критик Л. Н. Войтоловский каждую страницу истории человечества предлагал рассматривать через социально-психологические факторы, относя к ним психологию общественных настроений и психологию класса [22]. Как писал критик его книги – С. Гинцбург – «автор ставит себе довольно заманчивые цели: установить гармонию между экономической и социальной психологией» [4, с. 189] и достаточно убедительно делает это. Призывая глубже проникать в сущность общественных настроений, он обращал внимание на изучение процесса «всеобщего заражения масс» [3, с. 16], потому что «воля и страсти составляют еще совершенно не учтенные силы, и роль их мало исследована в истории человеческой жизни» [3, с. 16]. «Чрезвычайно ценным вкладом в науку о коллективной душе является работа художественной мысли», – писал он [3, с. 16].

Войтоловскому принадлежит описание феномена массовой паники, возникающей в толпе. Толпой он называл одну из форм «совокупной работы, построенной на общности интересов и чувств», которая «ведет к развитию совершенно своеобразной солидарности и сплоченности в толпе... Взаимодействие между

всеми участниками ее облегчено и доведено до поразительной упрощенности» [2, с. 86]. Этим взаимодействием достигается то, о чем поэтично написал В. Маяковский:

*«... и у нас
и у массы
и мысль одна
и одна генеральная
линия».*

Утверждая важность значения трансформаций коллективного чувства на каждом этапе исторического пути человечества, Л. Н. Войтоловский призывает вооружаться знаниями по коллективной психологии, чтобы научиться «понимать истинный характер совершающихся на наших глазах превращений, правильно разбираться в головокружительном потоке событий» [2, с. 87] и получить «в руки оружие для правильной оценки и правильного воздействия на ход исторического процесса» [2, с. 87]. Ученый выделил два типа толпы: активная (толпа победителей) «одухотворена единством стремлений и согрета общим эмоциональным порывом. В ней каждая отдельная единица исполнена силы, бодрости, веры и высокого мужественного энтузиазма» [3, с. 181], и паническая, где «живая связь между каждым отдельным индивидуумом исчезает. Глохнут и рвутся те социально-психические скрепы, под влиянием которых взаимная индукция как бы постоянно питает и умножает напор коллективной воли. ... является слепая, трусливая покорность и пассивная подражательность, на почве которой беспрепятственно совершается в обществе насаждение реакционных, мистических и всяких противообщественных прививок» [3, с. 181].

Войтоловский писал о тесной взаимосвязи коротких, очень понятных и часто повторяемых лозунгов с массовыми эмоциями и поведением этих самых масс: «на известной стадии социально-экономических отношений определенные групповые силы приходят к пониманию тех средств и путей, которые ведут к утверждению их морального и материального господства. Эти средства и пути, проникая в сознание класса в виде кратких, концентрирующих внимание и постоянно повторяемых лозунгов-формул, приобретают над ним (сознанием) огромную силу, становятся идеями-двигателями, накладывающими печать на целые эпохи. Такие краткие лозунги, формулирующие тактику и потребность масс, являются скрытой пружиной многочисленных стремлений и усилий, а значит – обильным источником страстей, размах и сила которых растет с усложнением жизненных интересов и умножением потребностей класса. Таким образом, психика многочисленного класса и сопутствующих ему групп оказывается приспособленной к известной гармонической общности, к эмоциональному единству... Революционный лозунг, попадая в эмоционально податливую среду, приводит к мгновенной концентрации чувства» [3, с. 182]. Угрозу и террор Л. Н. Войтоловский рассматривал как инструмент работы с массами. «Задача террора – оглушить коллективную чувствительность врага, посеять в его рядах асоциальность, вычеркнуть из арсенала его политических средств способность повышено откликаться на явления общественной жизни. ... Ибо общество, охваченное паническим настроением ... утрачивает чуткость к дисгармониям об-

щественной жизни, ...само становится источником угнетающих и тревожных эмоций, доводящих его до мертвящей немощи, забитости и апатии. ...применение угрозы чрезвычайно широко распространено в социально-политической борьбе и является одним из самых могущественных факторов социального оглушения» [3, с. 183]. Утверждая важность значения трансформаций коллективного чувства на каждом этапе исторического пути человечества, Л.Н. Войтоловский призывал вооружаться знаниями по коллективной психологии, чтобы научиться «понимать истинный характер совершающихся на наших глазах превращений, правильно разбираться в головокружительном потоке событий» и получить «в руки оружие для правильной оценки и правильного воздействия на ход исторического процесса» [3, с. 87].

Однако, критик С. Гинцбург был не доволен книгой. Отметив оптимистичное утверждение Войтоловского, что люди, вооруженные знаниями, научатся понимать истинный характер современных «превращений, разбираться... в головокружительном потоке событий... и получат... оружие... для правильного воздействия на ход исторического процесса», он засомневался в научности книги: «вся защита сшита из фиговых литературно-художественных листков. ...Вредность этой книжки в том, что она некритически сочетает Маркса с Уордом, и вдобавок, с Джемсом. Она запутает доверчивого читателя» [4, с. 190].

Как пишет Д.С. Горбатов – исследователь творчества Л.Н. Войтоловского – он «был лишен возможности внести какие бы то ни было коррективы, не успел он приобрести и последователей, способ-

ных усовершенствовать исходные тезисы. ...его идеи так и не стали в то время предметом широкого обсуждения. Слепота и развившаяся душевная болезнь дважды спасали Л.Н. Войтоловского от ареста. Но его теория, оставшаяся последней в ряду интерпретаций социально-психологической природы толпы советского периода, фактически оказалась осуждена на забвение» [6, с. 12].

Заключение

Объемно подытожил психологические особенности революционной ситуации в России С.И. Данилов, используя понятия евразийской феноменологии революции. Описывая симптомы революции как болезни, он говорит об «утрате воли – самой способности мыслить, принимать решения и действовать» [9, с. 40], возникновении оппозиции к власти в недрах самой власти с ее постоянным упражнением в красноречии, удручающей элементарности и безжизненности предреволюционных проектов и программ. Психопатологическая возбудимость людей в революционной ситуации снижается из-за гиперболизации жизни общества, царит анархия, коллективная личность народа расщепляется, попадая под влияние психопатически настроенной псевдореволюционной оппозиции, увлекаясь ее идейными галлюцинациями и миражами, бредовыми идеями и с неизбежностью стремясь к культурно-исторической гибели [9, с. 40].

А.Б. Залкинд считал вопрос о «толпе», о человеческих массах для власти необыкновенно важным, внутренними законами, регулируемыми психофизиологическое бытие «толп» обязательно следует овладеть, когда на арену борьбы за власть выходят колоссальные «толпы»,

массы трудящегося человечества, но, писал он: «если пойдем за “наукой” о толпах, родившейся в буржуазном строе, мы потеряем власть над этими “толпами”» [11, с. 158]. Что же следует сделать? – создать в разнородной толпе единое целеустремление, что «можно лишь при условии, если она действительно однородна, если эта цель – ее достояние, если нет конкурирующих целей. Вождь лишь постольку влечет за собою толпу, поскольку он выражает ее чаяния. Перестав их выражать, он теряет ... свою “гипнотизирующую” силу» [11, с. 159]. Основное для отдельных людей в толпе, являющихся составными ее частями, – рефлекторный фонд социальных трудовых приспособлений, т.е. классовый фонд, значит, «и в толпе внушаемость строится по линии классового избирания» [11, с. 159]. Это выражается в следующем: чем выраженнее классовая установка у различных слоев толпы, тем труднее им внушить, «современная пролетарская толпа совсем не так падка на внушения... и не внушение – основное орудие ее организации, руководства ею», а агитация и пропаганда. «Лучший воспитатель – пропаганда... Толпа трудящихся, в состав которой входит твердый слой хорошо спропагандированных в классовом смысле людей, не позволит внушению столкнуть себя с истинно-классового пути» [11, с. 159]. По его мнению, старые учения о толпе были построены на презрении к массе, но пришла пора «эту барскую брехню надо из науки вышвырнуть» [11, с. 160].

Таким образом, как можно было увидеть, вопросы воздействия на массы, толпу были достаточно активно обозначены и активно разрабатывались в отечественной психологии в первое послереволю-

ционное десятилетие. Анализ того, как трансформировались подходы к исследованию воздействия в более поздний период развития отечественной социально-психологической науки составляет задачу, которая решается в другой работе авторов.

Литература

1. Амфитеатров-Кадашев В., Страницы из дневника [Текст] / В. Амфитеатров-Кадашев // МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. – Т. 20. – М.: СПб.: Atheneum; Феникс. 1996. С. 468–469.
2. Войтоловский Л. Очерки коллективной психологии. Ч. 1. Психология масс [Текст] / Л. Войтоловский. – М., 1923.– 88 с.
3. Войтоловский, Л. Психология панических настроений [Текст] / Л. Войтоловский // Красная Новь. 1924.– № 5. – С. 176–197.
4. Гинцбург, С.Л. Войтоловский. Очерки коллективной психологии. В 2-х ч. Ч. 1. Психология масс [Текст] / С. Гинцбург // Вопросы советского хозяйства и управления.– 1924.– № 8–9. – С. 189–190.
5. Горбатов, Д.С. Проблема преступлений толпы: подход П.Н. Обнинского [Текст] / Д.С. Горбатов // Психология и право.– 2014. № 1. – С. 75–81.
6. Горбатов, Д.С. Теория «Героев и толпы» Н.К. Михайловского: основные идеи [Текст] / Д.С. Горбатов // Социальная психология и общество.– 2014.– № 4. – С. 5–14.
7. Горбатов, Д.С. Теория толпы Л.Н. Войтоловского: ключевые идеи [Текст] / Д.С. Горбатов // Социальная психология и общество.– 2014.– № 2. С. 5–12.
8. Дан, Ф. Вопросы войны и мира [Текст] / Ф. Дан // За год. – М., 1919. С. 5–12.
9. Данилов, С.И. Феномен революционного психоза [Текст] / С.И. Данилов // Психология страха: Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур. – М.: Военный университет РФ, 2014. – С. 36–46.

10. Журавлев, А. Л. Роль В. М. Бехтерева в становлении отечественной социальной психологии [Текст] / А. Л. Журавлев // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V московские встречи». – М.: Институт психологии РАН, 2010. – С. 37–46.
11. Залкинд, А. Б. Жизнь организма и внутренние [Текст] / А. Б. Залкинд. – М. – Л.: Госиздат, 1927.– 175 с.
12. Ивановский, В. Н. О контрреволюции [Текст] / В. Н. Ивановский. – М.: Издательство преподавателей Московского университета, 1918.– 16 с.
13. Ильин, Е. В., Днепровой, А. Ю. Анализ изменения психологии масс в условиях социально-политического кризиса в 1917 году (По материалам социалистической публицистики в 1918–1919 годах) [Текст] / Е. В. Ильин, А. Ю. Днепровой // Теоретические и методологические вопросы истории психологии. – СПб.: Нестор, 1999. – С. 22–26.
14. Мазиллов, В. А. Век социальной психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Психология XXI столетия.– № 1. – Ярославль: МАПН, 2008. – С. 36–45.
15. Мазиллов, В. А. Интеграция психологического знания: методологические проблемы [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль: МАПН, 2008.– 122 с.
16. Мишин, А. А. Дух разрушения в русской революции [Текст] / А. А. Мишин // Год русской революции (1917–1918 гг.). – М.: Земля и воля, 1918. – С. 27–39.
17. Парыгин, Б. Д. Социальная психология [Текст] / Б. Д. Парыгин. – СПб.: СПбГУП, 2003.– 592 с.
18. Рейснер, М. А. Условная символика как социальный раздражитель [Текст] / М. А. Рейснер // Вестник Коммунистической академии.– 1924.– № 9. – С. 175–197.
19. Розенблюм Д. С. Противоречия русской революции [Текст] / Д. С. Розенблюм // Год русской революции (1917–1918 гг.). – М.: Земля и воля, 1918. – С. 17–26.
20. Розенблюм Д. С. Социально-психологические основы большевизма [Текст] / Д. С. Розенблюм // Большевики у власти. Социально-политические итоги октябрьского переворота. – Пг., 1918. – С. 5–12.
21. Рубинштейн С. Л. Философские корни экспериментальной психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973.– 423 с.
22. Стоюхина Н. Ю. История советской психотехники: психология воздействия. Учебное пособие [Текст] / Н. Ю. Стоюхина. – М.: Логос, 2012.– 324 с.
1. Amfiteatrov-Kadashev, V. Stranicy iz dnevnika [Tekst] / V. Amfiteatrov-Kadashev // MINUVSHEE: Istoricheskiy al'manah. – T. 20. – M.: SPb.: Atheneum; Feniks. 1996. S. 468–469.
2. Vojtlovskij L. Ocherki kollektivnoj psihologii. CH. 1. Psihologiya mass [Tekst] / L. Vojtlovskij. – M., 1923.– 88 s.
3. Vojtlovskij, L. Psihologiya panicheskikh nastroenij [Tekst] / L. Vojtlovskij // Krasnaya Nov'. 1924.– № 5. – S. 176–197.
4. Gincburg, S. L. Vojtlovskij. Ocherki kollektivnoj psihologii. V 2-h ch. CH. 1. Psihologiya mass [Tekst] / S. Gincburg // Voprosy sovetskogo hozyajstva i upravleniya.– 1924.– № 8–9. – S. 189–190.
5. Gorbatov, D. S. Problema prestuplenij tolpy: podhod P. N. Obninskogo [Tekst] / D. S. Gorbatov // Psihologiya i pravo.– 2014. № 1. – S. 75–81.
6. Gorbatov, D. S. Teoriya «Geroev i tolpy» N. K. Mihajlovskogo: osnovnye idei [Tekst] / D. S. Gorbatov // Social'naya psihologiya i obshchestvo.– 2014.– № 4. – S. 5–14.
7. Gorbatov, D. S. Teoriya tolpy L. N. Vojtlovskogo: klyuchevye idei [Tekst] / D. S. Gorbatov // Social'naya psihologiya i obshchestvo.– 2014.– № 2. S. 5–12.

8. Dan, F. Voprosy vojny i mira [Tekst] / F. Dan // Za god. – M., 1919. S. 5–12.
9. Danilov, S.I. Fenomen revolyucionnogo psihoza [Tekst] / S.I. Danilov // Psihologiya straha: Materialy mezhtregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii psihologov silovyh struktur. – M.: Voennyj universitet RF, 2014. – S. 36–46.
10. Zhuravlev, A.L. Rol' V.M. Bekhtereva v stanovlenii otechestvennoj social'noj psihologii [Tekst] / A.L. Zhuravlev // Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: Postigaya proshloe, ponimat' nastoyashchee, predvidet' budushchee: Materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psihologii «V moskovskie vstrechi». – M.: Institut psihologii RAN, 2010. – S. 37–46.
11. Zalkind, A.B. ZHizn' organizma i vnushenie [Tekst] / A.B. Zalkind. – M. – L.: Gosizdat, 1927.– 175 s.
12. Ivanovskij, V.N. O kontr-revoljucii [Tekst] / V.N. Ivanovskij. – M.: Izdatel'stvo prepodavatelej Moskovskogo universiteta, 1918.– 16 s.
13. Il'in, E.V., Dneprovoy, A.YU. Analiz izmeneniya psihologii mass v usloviyah social'no-politicheskogo krizisa v 1917 godu (Po materialam socialisticheskoy publicistiki v 1918–1919 godah) [Tekst] / E.V. Il'in, A.YU. Dneprovoy // Teoreticheskie i metodologicheskie voprosy istorii psihologii. – SPb.: Nestor, 1999. – S. 22–26.
14. Mazilov, V.A. Vek social'noj psihologii [Tekst] / V.A. Mazilov // Psihologiya XXI stoletiya.– № 1. – Yaroslavl': MAPN, 2008. – S. 36–45.
15. Mazilov, V.A. Integraciya psihologicheskogo znaniya: metodologicheskie problemy [Tekst] / V.A. Mazilov. – Yaroslavl': MAPN, 2008.– 122 s.
16. Mishin, A.A. Duh razrusheniya v russkoj revolyucii [Tekst] / A.A. Mishin // God russkoj revolyucii (1917–1918 gg.). – M.: Zemlya i volya, 1918. – S. 27–39.
17. Parygin, B.D. Social'naya psihologiya [Tekst] / B.D. Parygin. – SPb: SPbGUP, 2003.– 592 s.
18. Rejsner, M.A. Uslovnaya simbolika kak social'nyj razdrashitel' [Tekst] / M.A. Rejsner // Vestnik Kommunisticheskoy akademii.– 1924.– № 9. – S. 175–197.
19. Rozenblyum D. S. Protivorechiya russkoj revolyucii [Tekst] / D.S. Ro-zenblyum // God russkoj revolyucii (1917–1918 gg.). – M.: Zemlya i volya, 1918. – S. 17–26.
20. Rozenblyum D. S. Social'no-psihologicheskie osnovy bol'shevizma [Tekst] / D.S. Rozenblyum // Bol'sheviki u vlasti. Social'no-politicheskie itogi oktyabr'skogo perevorota. – Pg., 1918. – S. 5–12.
21. Rubinshtejn S.L. Filosofskie korni ehksperimental'noj psihologii [Tekst] / S.L. Rubinshtejn // Rubinshtejn S.L. Problemy obshchej psihologii. – M.: Pedagogika, 1973.– 423 s.
22. Stoyuhina N.YU. Istoriya sovetskoj psihotekhniki: psihologiya vozdejstviya. Uchebnoe posobie [Tekst] / N.YU. Stoyuhina. – M.: Logos, 2012.– 324 s.

КРИЗИС ПСИХОЛОГИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Мазиллов В. А. (Ярославль, Россия)

Статья посвящена анализу феномена кризиса в психологии. Периодически появляются новые публикации на тему кризиса в психологии, что свидетельствует о том, что тема не закрыта и сохраняет актуальность. В статье обосновывается положение, согласно которому, существуют психологические причины, заставляющие психологов все новых поколений говорить о кризисе. Главный тезис настоящей статьи – навязчивое обращение (и возвращения) к теме кризиса есть не что иное как память психологов (для самих себя), что психология пока что несовершенна, если мерить по Большому счету, считать ее наукой о человеческой Душе, наукой о наиболее удивительном и совершенном (возвышенном), как некогда полагал Аристотель. Утверждается, что за дату возникновения кризиса следует принять 1874 год, т.е. она совпадает с датой возникновения психологии как самостоятельной науки. Выделены и описаны три уровня кризиса.

Ключевые слова: психология, наука, кризис, предмет психологии

This article analyzes the phenomenon of the crisis in psychology. Periodically, there are new publications on the crisis in psychology. This indicates that the topic remains relevant. The article explains the position according to which there are psychological reasons that cause the new generations of psychologists all talk about the crisis. The main thesis of this article – intrusive treatment (and return) to the theme of the

crisis there is nothing more than a memory of Psychologists (for themselves), that psychology is not perfect yet, if measured by and large, consider it the science of the human soul, the science of the most amazing and perfect (elevated), as once thought, Aristotle. It is alleged that during the inception of the crisis should be taken in 1874, ie, it coincides with the date of occurrence of psychology as an independent science. Identified and described three levels of crisis.

Keywords: psychology, science, crisis, the subject of psychology

Периодически появляются новые публикации на тему кризиса в психологии, что свидетельствует о том, что тема не закрыта, и, напротив, сохраняет актуальность [4],[5],[6],[20],[21]. Это, как представляется, дает некоторые основания для того, чтобы высказать суждения на этот счет. Поскольку уже приходилось писать о кризисе в психологии [14],[15],[18–19], остановимся лишь на некоторых аспектах проблемы, на тех, которые стали наиболее важными в свете последних дискуссий по этой тематике.

Греческое слово “кризис” (krisis – поворотный пункт, решение, исход), как известно, означает “тяжелое переходное состояние какого-либо процесса”, “резкий, крутой перелом”. Иными словами, кризис – термин оптимистический: имплицитно представляется, вот пройдет кризис и все будет по-новому, все будет лучше. Поэтому любовь к термину “кризис” означает всего лишь выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему в самом ближайшем будущем.

А нетерпение – вполне извинительное состояние, возникающее при избыточной мотивации.

Считается, что в русском языке слово заимствовано, возможно из немецкого языка. Оно появилось в русском языке в первой половине XVIII века. Немецкое *krisis* – кризис, греч. *krisis* – переломный момент, поворотный пункт, исход, кризис. Дословно греческое *krinein* решать от *krino* – разделять, просеивать, отсеивать, определять, судить. Просеивать, отсеивать – значит очищать. Словарь Вебстера относит нас к немецкому *rein* английскому *pure* очищенный. Индоевропейские истоки *punāthiecleanses*, он чистит, очищается, искупает вину. Поэтому возможен, и в этимологических словарях приводится такой смысловой аспект первичного значения слова кризис как новый, свежий. В данном подтексте **кризис – это очищение, отказ от старого и формирование нового** [9]. И, как утверждает только что цитированный словарь, **«кризисы – это признак жизни, только у мёртвых нет кризисов**. Кризис – это не грянувшее зло, кризис – это **неизбежный этап для отбрасывания плохого и приобретения нового хорошего**. Хотите развития к лучшему – готовьтесь к кризисам. Не любите кризисы? Тогда оставайтесь в прошлом, где вам самое место» [9]. В каждой шутке, напомним, есть доля шутки...

Психологи любят слово «кризис»: это не только важный предмет исследований возрастных, медицинских, социальных, организационных и др. психологов. Психологи едва ли не обожают описывать этим термином состояние их науки. Если за дату возникновения научной психологии принять 1874 год, когда был полно-

стью опубликован труд В. Вундта, основавший «новую область в науке» [35], то придется признать: кризис сопровождал само рождение научной психологии. Дело в том, что в том же 1874 году другой психолог Ф. Brentano писал в «Психологии с эмпирической точки зрения»: «Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего – одни раньше, другие позже – уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрстет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию» [1, с. 11]. Как мы увидим далее, это и есть главный симптом кризиса: психологий много, нет единой психологии. Таким образом, можно говорить о кризисе, сопровождавшем само рождение научной психологии.

Заметим, что обсуждение проблемы кризиса связано с интенсивными «методологическими эмоциями» (А. В. Юревич), которые существенно осложняют рассмотрение и так не простых методологических вопросов.

Постараемся кратко сформулировать нашу позицию.

1. Полагаем, что не стоит воспринимать кризис как *негативное явление*. Как уже выше отмечалось, кризис может рассматриваться не только как “резкий, крутой перелом”, но и как “тяжелое переходное состояние какого-либо процесса” (например, как родовая травма, которая не преодолена до сих пор). Поэтому стоит акцентировать, что, если рассматривать кризис как долгие поиски под-

линного предмета науки, то это ни коим образом не должно расцениваться как ее недостаток.

2. Важно подчеркнуть, что это именно состояние, а состояние *субъективно*, так как представляет собой субъективную оценку. Поэтому очевидно, что вполне возможна множественность оценок: то, что одному субъекту представляется кризисом, другому видится поступательным развитием.

3. Как многократно отмечалось, российской науке свойственно «витать в облаках», не уделяя должного внимания практике (Дж Сорос). Вероятно, стремление «дойти до самой сути», свойственное отечественной науке, влияет на то, что термин кризис используется в отечественной психологии чаще, чем в зарубежной.

4. Представляется, что когда мы говорим о кризисе, не стоит воспринимать его упрощенно и уплощенно. В известном исследовании [28] было убедительно показано, что кризис (впрочем, как и практически все в психологии) имеет сложное строение, носит системный характер. Не подлежит сомнению, что для понимания кризиса важно учитывать, что существуют социальные и когнитивные его составляющие [28].

Итак, когда мы говорим о кризисе, мы имеем в виду выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему.

Обратимся, однако, к аспекту проблемы, давшему название настоящей статье. Как хорошо известно, один из центральных образов, связанных с кризисом в психологии, был представлен в книге Н.Н. Ланге «Психология» [11]: Приам

на развалинах Трои. Приам, который, как мы помним по Илиаде, к моменту захвата Трои был глубоким старцем, не принимавшим участия в сражениях, отцом 50 сыновей и 50 дочерей. У Гомера ничего не сказано про то, что переживал Приам на развалинах Илиона, захваченного ахейцами. Судя по всему, погоревать на развалинах ему так и не удалось, поскольку, согласно Вергилию, убит Приам был в алтаре Зевса сыном Ахилла Пирром (Неоптолемом). Последние слова старца Приама, которые он произнес в гибнущей Трое: «Не доживет до старости тот, кто отнимает жизнь у старости».

Кризис психологии, согласно Н.Н. Ланге, проявился в том, что нет больше Трои. Крушение ассоциативной системы породило развалины. Впрочем, предоставим слово самому автору: «Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, я думаю, сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, хотя и крайне плодотворный, кризис. Этот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-м гг. прошлого столетия), характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа, вообще ассоциативной и сенсуалистической психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений и школ» [11, с.69]. Н.Н. Ланге определил признаки кризиса: реально работал

критерий «огромного расхождения» («отсутствия общепринятой системы в науке») – если «расхождение» существует, то психология не имеет «основы», «фундамента», позиции по отношению к которым у большинства психологов должны совпадать.

Но вот вопрос, который для нас важен: «Действительно ли в пору господства доктрины ассоциативной психологии был золотой век, существовала Великая Троя, подвергшаяся разрушению? Полагаем, что нет. Хотел Н. Н. Ланге акцентировать разрушительную сторону кризиса, вот и выбрал такую метафору. Более соответствующей реалиям, на наш взгляд, является метафора «кротовых нор», принадлежащая Фихте-сыну. Горькие слова Фихте-сына, сказанные в 1847 году, тогда безусловно справедливые, уже в восьмидесятые годы казались относящимися к далекому прошлому психологии: «Большая часть из нас одиноко, подобно кротам, копают в собственных норах, и опасаются недоброй встречи, прикасаясь к подземным ходам других. В науке самого высокого и универсального интереса, каждый упорно говорит своим языком, следует только собственной терминологии; короче, силится прежде всего стать оригинальным между другими, вместо того, чтобы искать общего и связующего» [12, с.XLV–XLVI]. Хочется обратить внимание на то, что цитата из Фихте приводится по тексту книги Н. Н. Ланге 1893 года. Не было золотого века применительно к метафоре кризиса Н. Н. Ланге, «не было Трои»... Золотой век – впереди!

Настоящая работа не является историко-психологическим исследованием, поэтому не преследует цели подробного

описания кризисных явлений на разных этапах развития научной психологии (эта тема, несомненно, достойна специального исследования). Задача этой работы – попытаться выявить специфику кризисов в психологии и наметить магистральные пути их возможного преодоления. Исторические данные будут привлекаться лишь для того, чтобы попытаться ответить на важный вопрос: имеем мы дело с одним и тем же “перманентным” кризисом или же происходит череда сменяющих друг друга кризисов различной природы. Во всяком случае даже поверхностный взгляд на историю психологии заставляет предположить, что кризисы в психологии были практически всегда. Необходимо сделать некоторые уточнения. В работе А. В. Юревича делается важное разграничение: “Основываясь на науковедческой традиции дифференцировать ее когнитивную и социальную составляющие, можно утверждать, что и кризис науки тоже может быть когнитивным и социальным, а отечественная психология если и переживает, то в основном *когнитивный*, а не *социальный кризис* – кризис представлений о том, как следует изучать и объяснять психологическую реальность, а не кризис социального статуса и материального положения психологов” [28, с. 3]. В данной работе речь будет идти исключительно о когнитивном кризисе.

Другое важное ограничение связано с тем, что речь будет идти именно о *научной психологии*: проблемы психологической практики не будут нами рассматриваться сколь-нибудь подробно. Это никоим образом не означает недооценки значения практико-ориентированной

психологии: просто у данной работы свои задачи.

И, наконец, поскольку объем данной работы существенно ограничен, многие вопросы освещены в ней очень кратко (о различных трактовках кризиса в психологии в 10-е – 70 гг. см. [14],[18],[19].

Итак, в любом случае, первым о кризисе заговорил Brentano в 1874 году. Книга Н. Н. Ланге «Психология» [11], в которой открыто говорилось о кризисе в психологии, послужила своего рода «сигналом»: свои «диагнозы» начали давать многие психологи. Хотя, исторической справедливости ради, следует отметить, что о кризисе в психологии писали и до Ланге: французский последователь В. М. Бехтерева Н. Н. Костылев опубликовал в 1911 году в Париже книгу под названием «Кризис экспериментальной психологии» [32], еще в конце позапрошлого столетия махист Рудольф Вилли написал книгу о кризисе в психологии [34]. В любом случае приоритет в постановке диагноза принадлежит все же Ф. Brentano: он сумел разглядеть симптомы кризиса практически в момент рождения научной психологии. Впрочем, куда важнее другое: с тем, что кризис есть, согласны практически все. Что касается трактовки причин и смысла психологического кризиса, то здесь наблюдается привычное для психологической науки многообразие взглядов и позиций.

Есть основания считать, что кризис, первые симптомы которого можно увидеть в работах Ф. Brentano, существует уже в течение века. Преодолен он не был, признаки, названные еще Н. Н. Ланге, по-прежнему налицо. Существуют некоторые флуктуации, связанные с тем, что появляются надежды на единство,

которые в очередной раз не оправдываются, что ведет к обострению кризиса. Рассмотрим в качестве примера Международные психологические конгрессы. XVIII Международный психологический конгресс в Москве в 1966 году. По свидетельству Л. Гараи и М. Кечке, XVIII Международный явился триумфом естественнонаучного подхода: “Можно с уверенностью утверждать, что большинство участников Международного конгресса по психологии уехало из Москвы в настроении подлинной эйфории, вызванной уверенностью в том, что психология на правильном пути, которым раньше стали двигаться физика, химия, биология и другие естественные науки, от которых психология отличалась (если отличалась вообще) только большей степенью сложности объекта своего исследования. Эту же эйфорию выразили заключительные слова Прибрама: “Это был поистине исторический конгресс. Я уверен, что будущие поколения, обращаясь к этому событию, будут отдавать себе отчет в том, что здесь в Москве мы были свидетелями того, что психология оформилась как целиком экспериментальная наука” [3, с. 87]. Здесь важно обратить внимание на такой факт: торжество естественнонаучного подхода связывалось с тем, что в очередной раз создавалась иллюзия – чисто “социальные” феномены поддаются “естественным” методам. Л. Гараи и М. Кечке в статье с символическим названием “Еще один кризис в психологии!” вспоминают, с каким восторгом встретили участники московского конгресса доклад Х. Дельгадо, где описывалось изменение “социального” поведения обезьян под влиянием стимуляции мозга с помощью вживленных электродов

дов. То есть в очередной раз показалось, что сбудется мечта Энгельса (“Мы сведем когда-нибудь...”). “Поскольку изменение поведения меняет статус в группе, социальная структура этой последней может целиком оказаться в зависимости от такой технической манипуляции. Более чем вероятно, что вся аудитория согласилась с выводом этого доклада о возможности изменения таким способом социального порядка целых сообществ и необязательно только у животных” [3, с. 87].

“На этом фоне было настоящим сюрпризом, что десять лет спустя другой международный конгресс, 21-й в Париже, был открыт Полем Фрессом президентским обращением, первой фразой которого было: “Психология находится в состоянии кризиса!” Президент утверждал: “Кризис глубок, ибо это кризис теории. Мы ступили на путь научной революции в поисках новой парадигмы в смысле, который Кун дал этому слову”. Фресс утверждал, что поиск новой парадигмы идет в направлении, где поведение будет не больше, чем сырой материал исследования, реальным объектом исследования которого станет человек. А ведь сомнения в том, является ли позитивистский метод естественных наук подходящим для всестороннего изучения человека, не новы. Известны соображения, которые побудили Дильтея противопоставить гуманитарную (*geisteswissenschaftliche*) психологию естественнонаучной (*naturwissenschaftliche*). Ключевым является, например, соображение, которое Дильтей сформулировал следующим образом: “Первое решающее условие для того, чтобы гуманитарная наука была возможной, заключается в том, что и я сам являюсь историческим существом, что

тот, кто исследует историю, идентичен тому, кто ее творит” [3, с. 87].

Итак, XXI Международный конгресс устами П. Фресса констатировал наличие кризиса, причем глубокого. Но очень характерно, что уже на следующем – XXII Международном конгрессе тот же Поль Фресс утверждал, что кризис в значительной степени преодолен. Анализируя продолжающееся со времен В. Вундта разделение психологии на естественно-научно-ориентированную и культурно-ориентированную, французский ученый выдвигает оптимистический тезис: “Но мне кажется, что мы преодолели двусмысленность в вопросе единства психологии и цельности человека, сковывавшую психологию в первые десятилетия ее существования” [24, с. 51]. Он поясняет, почему является сторонником “единства психологии”: “потому что ее объект – человек обладает своей спецификой, и нельзя игнорировать того, что малейшее из наших действий зависит от нашей природы и культуры. Но это не должно быть причиной разделения психологов на тех, кто изучает только мозг, и тех, кто занимается поведением” [24, с. 53]. “Человек ли, как Фресс того требовал, является объектом психологии или поведение, как по сей день считают многие из цеха психологов-исследователей, но пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественнонаучного, оно то и дело будет наткаться на несурзности. Однако из этого не следует, что психологию невозможно построить как научную. Возможно, она научна, но по нормам других, нежели естественных, наук. Вот почему нужно рассматривать как несчастье для этой науки, что ее служители получают

свои дипломы (по крайней мере в венгерских университетах, но думается нам, что не только) без малейшего представления о той, отличной от естественнонаучной, логике, которой пользуются науки исторические, лингвистические, литературные, юридические, моральные и которая так же многообещающим образом может быть применена к решению определенных проблем психологии, как и логика естественных наук. Мы считаем этот пробел несчастьем для психологии потому, что с ним связан ее распад на две полунауки и затяжные попытки воссоздать единство способом навязывания естественнонаучной логики рассуждениям в области другой полупсихологии [3, с. 90–91]. “Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой” [3, с. 90–91].

Как ни удивительно, до сих пор многие исследователи выражают надежду, что проблема разрешится просто: где-то будет найден ответ, причем в готовом виде. Венгерские психологи Л. Гараи и М. Кечке, яркая статья которых уже неоднократно цитировалась, связывают надежды с творческим наследием Л. С. Выготского: “В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей шизофрении

не ценой логического империализма той или другой из двух полунаук. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная общественность обращается к теории Выготского” [3, с. 91]. Крупный американский исследователь М. Коул усматривает возможное разрешение кризиса в психологии в развитии идей, содержащихся в работах А. Р. Лурии [30]. Такого рода экспектации воспринимаются с известным пессимизмом. Условия для преодоления раскола в психологии должны быть не внешними, а должны быть заложены в фундамент психологии. Должна быть выполнена содержательная методологическая работа.

Итак, в психологии по-прежнему раскол. О той же болезни говорит и Ф. Е. Василюк [2]. В своей статье он говорит о симптомах “схизиса” – расщепления психологии на научную и практическую. Схизис, расщепление психологии трактуется Ф. Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране. В качестве выхода из кризиса (преодоления схизиса) предлагается реализация психотехнического подхода как средства выработки общепсихологической методологии. При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторим: мы не против подхода, но против абсолютизации его *методологического значения для общей психологии*), видимо, не следует надеяться, что он явится панацеей.

Все-таки трудно не обратить внимания на удивительное сходство между кризисом в психологии, разыгравшимся в первой трети прошлого века, с кризисом нынешним. Возникает впечатление, что кризис начавшийся, по уверению

Н. Н. Ланге, в семидесятые годы позапрошлого столетия, остался непреодоленным. Прав был и А. Н. Леонтьев, утверждавший, что мировая психология в течение столетия развивается в условиях кризиса. Российская психология “вернулась” в мировую психологию, кризисные явления, как и следовало ожидать, не исчезли. Вместе с тем трудно оспорить наблюдение, согласно которому периодически происходят “обострения” этого кризиса. И с таким очередным обострением мы имеем дело сейчас. По-видимому, существует общий глобальный кризис научной психологии, начавшийся в семидесятые годы позапрошлого столетия. Он не преодолен, с ним психология вступает в третье тысячелетие. Кроме этого общего существуют более локальные кризисы развития, являющиеся естественной фазой нормального процесса развития. Их “наложение” воспринимается как “обострение” или как возникновение “нового” кризиса (это зависит от установки воспринимающего).

Но если глобальный кризис один и тот же, в чем он состоит? Уже приводилось достаточное количество мнений на этот счет. Причем их число легко умножить. К примеру, К. Левин полагал, что трудности, которые испытывает психология, в том, что она еще не освободилась от аристотелевского типа мышления и лишь переходит к галилеевскому [33]. П. Я. Гальперин, известный советский психолог, видел истоки кризиса в том, что психология не смогла преодолеть дуализм: “Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно,

что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – *toto genere* – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя” [7, с. 3].

П. Я. Гальперин полагал, что “с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе” [7, с. 3]. К сожалению, диалектическому материализму тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Надежда оказалась иллюзорной.

Современные американские авторы вполне обоснованно утверждают, что «сегодня психология еще более неоднородна, чем сто лет назад, и кажется, мы как никогда далеки от того, что хоть как-нибудь напоминало бы согласие относительно характера психологии» [27, с. 33]. «В конце [XX] столетия нет никакой единой системы, никаких единых принципов для определения психологической дисциплины и ведения исследований» [27, с. 33]. «Психология... представляет собой не единую дисциплину, но собрание нескольких различных ветвей» [27, с. 33]. «Американская психология разделена на враждующие фракции» [27, с. 33].

Таким образом, нынешний кризис в психологии – это кризис мировой психологической науки. В России он переживается острее в силу особенностей нашей социокультурной ситуации. Кризис

психологии в конце второго тысячелетия глобален, объемен, интернационален и многопланов. Его проявления можно усмотреть в самых разных плоскостях. Каковы же основные, наиболее существенные проявления кризиса на пороге XXI века? В чем его причины на современном этапе развития психологии?

Глубокий и интересный анализ кризисного состояния психологии предпринял А. В. Юревич, статья которого называется «Системный кризис психологии» [28] и посвящена обоснованию положения о том, что кризис в современной психологии носит системный характер и определяется несколькими ключевыми факторами. Остановимся на этой работе более подробно, т.к. это одно из немногих специальных исследований по данной проблеме в современной науке.

А. В. Юревич четко определяет симптомы кризиса: 1) отсутствие единой науки, дефицит устойчивого знания, обилие альтернативных моделей понимания и изучения психического; 2) углубляющийся раскол между исследовательской и практической психологией; 3) конкуренция со стороны паранауки, возникновение пограничных между наукой и не-наукой систем знания. Анализируя современное состояние психологической науки, А. В. Юревич отмечает, что «в этой дисциплине отсутствуют общие правила построения и верификации знания; различные психологические школы или, как их называл А. Маслоу, «силы» представляют собой «государства в государстве», которые не имеют ничего общего, кроме границ; психологические теории даже не конфликтуют, а, как и парадигмы Т. Куна, несоизмеримы друг с другом; то, что считается фактами в рамках одних

концепций, не признается другими; отсутствует сколь либо осязаемый прогресс в развитии психологической науки, ибо обрастание психологических категорий взаимно противоречивыми представлениями трудно считать прогрессом, и т.д.» [28, с. 4].

А. В. Юревич справедливо указывает, что в 70-е годы XX века возлагались большие надежды на появление единой и универсальной психологической теории, которая будет принята всеми психологами и объединит психологическую науку, но им не суждено было оправдаться: психология сегодня еще более мозаична и непохожа на естественные науки, чем раньше.

Автор цитируемой работы несомненно прав, когда утверждает, что неудачные попытки походить на естественные науки вызвали стремление обосновать исключительное положение психологии. Самоопределение психологии чаще всего осуществляется при помощи куновского понятия «парадигма». А. В. Юревич анализирует различные позиции относительно методологического статуса психологии и приходит к выводу о том, что их можно представить следующим образом: 1) психология представляет собой допарадигмальную область знания; 2) психология является мультипарадигмальной наукой; 3) психология – внепарадигмальная область знания.

А. В. Юревич справедливо указывает, что преобладающее сейчас определение методологического статуса психологии на основе третьей позиции позволяет психологии преодолеть комплекс непохожести на точные науки.

Главную причину кризиса психологии автор видит в общем кризисе рациона-

лизма, охватившем всю западную цивилизацию. «В условиях общего кризиса рационализма границы между научной психологией и системами знания (или заблуждений), которые еще недавно считались несовместимыми с наукой, уже не являются непроницаемыми» [28, с. 9].

Автор использует важные понятия «социодигмы» и «метадигмы» (см. Таблицу 1 «Общие типы когнитивных систем»). «Исследовательская же и практическая психология, обладая всеми различиями, характерными для разных парадигм, развиваются к тому же различными сообществами, и поэтому их следовало бы обозначить не как конкурирующие парадигмы, а как различные социодигмы» [28, с. 7]. Метадигмы связаны с выделением таких систем отношения к миру как западная наука, традиционная восточная наука, религия и т.д. «Эти системы носят более общий характер, чем парадигмы и даже социодигмы, и, развивая данную терминологию, их можно назвать метадигмами, отведя им соответствующее место в иерархии когнитивных систем» [28, с. 9]. Водораздел между различными метадигмами состоит в том, что они опираются на различные типы рациональности.

Наука, согласно А.В. Юревичу, зависима от общества не только социально, но и когнитивно, впитывая и включая в состав научного знания порожденные другими метадигмами и распространенные в обществе представления.

«Психология, таким образом, оказавшись в наиболее «горячей точке» взаимодействия различных метадигм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отображается в ее внутренних противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер, имея в своей основе три ключевых фактора: 1) общий кризис рационализма, 2) функциональный кризис науки, 3) кризис естественнаучности и традиционной – позитивистской – модели получения знания. Все три составляющие этого кризиса имеют социальные корни, и поэтому кризис психологии, проявляющийся в основном в когнитивной плоскости – как кризис психологического знания и способов его получения, обусловлен преимущественно социальными причинами, являясь кризисом не столько самой психологической науки, сколько системы ее взаимоотношений с обществом, и поэтому может разрешиться только социальным путем.

Таблица 1. Общие типы когнитивных систем [28]

Когнитивные системы	Примеры	Конституирующие признаки
Метатеории	Когнитивизм, бихевиоризм, психоанализ	Объяснение психологической реальности, способы ее исследования
Парадигмы	Позитивистская и гуманистическая психология	Модели человека, подходы к его изучению
Социодигмы	Исследовательская и практическая психология	Различные внутридисциплинарные сообщества
Метадигмы	Западная наука, восточная наука, паранаука, религия	Типы рациональности

Наивно полагать, что изобретение новых систем психологического знания, развитие уже существующих или отработка новых способов аргументации помогут рационалистической метадигме одолеть ее конкурентов» [28, с. 10]. Не вдаваясь в обсуждение этой оригинальной работы, отметим только, что не со всеми положениями, высказанными автором, можно согласиться.

Несомненно, что кризис может быть разрешен только социальным путем. Кризис психологии может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, т.е. социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Положение психологии на пороге третьего тысячелетия, как мы видели, никак нельзя признать благополучным. Ее современное состояние можно определить как глубокую диссоциацию (букв.: «разъединение», «разделение»). Этот термин (широко используемый ныне в разных школах психиатрии и психотерапии) точнее всего, как представляется, описывает происходящее в этой области человеческого знания. В чем проявляется эта диссоциация в современной психологии (и в мировой, и в российской)?

Во-первых, в традиционной для психологии кризисной симптоматике, когда отсутствует единый подход: нет основы, объединяющего начала. «Психологий много, нет психологии». Впервые о кризисе начали говорить в семидесятые годы XIX столетия. В первой трети XX века кризис вступил в открытую фазу, выдающиеся психологи посвятили его анализу

свои труды (Л. С. Выготский, К. Бюлер, С. Л. Рубинштейн, К. Левин и др.). Кризис в истории психологии имел много «ликков»: борьба между объективной и субъективной психологией, между объяснительной и понимающей, между психологией материалистической и спиритуалистической, между поведенческой и психологией сознания и т.д. В настоящий момент кризис выражается наиболее ярко в противостоянии естественнонаучного и герменевтического (гуманистического) подходов (см. подробнее [3]).

Во-вторых, в противопоставлении научной (академической) психологии и психотехник (практической психологии) (см. подробнее [2]). Психологическая практика, как это ни печально, чаще всего исходит из каких угодно теорий, но только не из концепций научной психологии. Разрыв между теорией и практикой в психологии, существовавший в двадцатые годы (о нем писал Л. С. Выготский в 1927 году), ныне углубился, превратился в глубокую пропасть – в первую очередь, по причине многократного увеличения масштабов психологической практики.

В-третьих, в разрыве между научной психологией и концепциями и техниками, ориентированными на углубленное самопознание (от мистики и эзотерических учений до современной трансперсональной психологии и т.п.). Действительно, человеку, интересующемуся познанием «Я», ищущему свой духовный путь лучше обращаться не к научной психологической литературе. Эта «ниша» прочно оккупирована специалистами, далекими от научной психологии. В крайнем случае, литература, поэзия и философия дадут в этом отношении существенно боль-

ше, чем научные психологические труды. Критика В. Дильтеем (1894) научной психологии («в Лире, Гамлете и Макбете скрыто больше психологии, чем во всех учебниках психологии, вместе взятых»), увы, по-прежнему актуальна.

В-четвертых, в разрыве между психологией западной и восточной. Верно, что восточные учения в XX столетии стали постоянной составляющей интеллектуальной жизни цивилизации. Но на научную, академическую психологию они, практически, влияния не оказали. В значительной степени ассимилировавшая опыт восточной психологической мысли трансперсональная психология сама до сих пор остается фактически непризнанной официальной наукой.

В результате этих диссоциаций (перечень можно продолжить, существуют и другие диссоциации) «пострадавшей» стороной оказывается именно научная психология, т.к. происходит постепенное сужение пространства науки: проблемные поля «уступаются» разного рода «практическим психологам», среди которых немало откровенных шарлатанов. Таким образом, научная психология идет по пути обратному, указанному некогда создателем гуманистической психологии А. Маслоу, который предлагал психологической науке осваивать предметные области, традиционно относящиеся к сфере искусства и религии. Не вызывает энтузиазма предложение превратить психологию в психотехнику, перейти от «исследования психики» к «работе с психикой»: это превращение просто лишит психологию возможности стать в будущем фундаментальной наукой, основой наук о человеческой психике. Если воспользоваться терминологией К. Д. Ушинского,

то в этом случае психология вообще перестанет быть наукой и превратится в искусство. Все же психология, каково бы ни было ее настоящее, вне сомнения, является наукой.

Уже в конце XX столетия стало совершенно ясно, что ни одна из диссоциаций не может быть разрешена «силовым» путем, посредством «логического империализма» одной из «полупсихологий», представляющих «полюса» в той или иной диссоциации. Как отмечают Л. Гарраи и М. Кечке, экспансия естественнонаучной логики приводит к тому, что исследование все чаще «будет наткаться на несурзности» [3, с. 90]. «Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой» [3, с. 91].

Другой возможный ход, который представляется естественным в сложившейся ситуации, также не внушает оптимизма: если существуют диссоциации, должен быть «запущен» механизм интеграции. Но, как это убедительно показали еще Л. С. Выготский и С. Л. Рубинштейн, «синтез» разнородного путем механического «сложения» обычно не осуществляется: для этого необходимы особые условия.

К таким условиям, на наш взгляд, в первую очередь необходимо отнести пересмотр понимания предмета психологической науки. Все отмеченные выше диссоциации имеют одну причину – слишком узкое, ограниченное понимание предмета психологии.

В решении этой проблемы можно выделить два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в значительной степени уже проделана. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа также уже проводится. Как конкретно будет называться этот новый предмет? Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека» [25]. Предпринята попытка представить в качестве предмета психологии внутренний мир человека, поскольку именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. Противостояние парадигм, различия между естественнонаучной и гуманистической ориентациями в психологии и т.п. – эти важнейшие проблемы являются в значительной степени следствиями нерешенности основного вопроса психологии. Проблема предмета – это действительно, если перефразировать классика, основной вопрос всей, в особенности новейшей психологии.

В настоящее время подготовлен учебник для будущих психологов [26]. При

подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями.

Внутренний мир как субстанциональная сущность, характеризуется устойчивостью, выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом, существующее как причина самого себя. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются проблемы, которые изучает психология.

Кризис психологии может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, т.е. именно социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Как представляется, кризис в психологии имеет уровневое строение. Полезно выделение трех основных уровней. Это

позволяет удовлетворительно решить вопрос о том, является кризис перманентным или локальным, потому что, на наш взгляд, справедливы оба заключения – речь при этом идет о разных уровнях.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. По меньшей мере, их три.

Первый – относительно неглубокий. Этот уровень отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические и критические этапы. Кризис на этом уровне – нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень – уровень «основных парадигм». Еще Вундт – создатель научной психологии – заметил в «Основах физиологической психологии», что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса – не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественнонаучной или герменевтической). Иными словами, когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л. Гарай и М. Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

И, наконец, третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В. Вундта, Ф. Brentano и В. Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). На наш взгляд, обращение к трактовке предмета психологии как внутреннего мира позволяет удовлетворительно разрешить эти проблемы.

Перманентным (не преодоленным до сих пор) он является на третьем, глубинном уровне (связанном с пониманием предмета психологии). Применительно к этому уровню можно сказать, что это действительно кризис, который всегда с тобой. О нем в рамках настоящего текста было сказано, что переживания, связанные с этим уровнем, напоминают психологам, что современная психологическая наука далека от идеала.

На втором уровне – парадигмальном – речь идет о тех кризисах, которые возникают регулярно и регулярно разрешаются. Если принимать во внимание в основном этот уровень, сложится впечатление, что

кризисы преходящи. Многочисленные примеры приводились выше: трудности в реализации естественнонаучного подхода приводят к повышенным ожиданиям от герменевтического (в последние годы также и от других парадигм: конструктивистской, психотехнической, синергетической, постмодернистской). В настоящее время налицо повышенное внимание к нейронаукам, достижениям в области фармакологии, которая создает препараты, направленно модифицирующие психическую активность.

И, наконец, первый, явленный на поверхности, отражает жизнь конкретной научной школы или направления. Как хорошо известно, можно говорить о кризисах в бихевиоризме, психоанализе, когнитивной психологии, деятельностном подходе и т.д. Поскольку первый и второй уровни могут совпадать по времени, это может приводить к субъективному «наложению» – усилению переживания, то есть кризис может переживаться более остро.

Если говорить о глубинном уровне, то главный вывод, который следует из вышеприведенных соображений, состоит в том, что кризис в научной психологии, так сказать, «заложен конструктивно». Следовательно, важнейшей проблемой современной психологии остается выработка такого понимания предмета, который бы позволил преодолеть кризис на глубинном уровне. Здесь нет возможности рассматривать исторические причины возникновения узко-неадекватной трактовки предмета, хотя это и представляется важным и поучительным.

Литература

1. *Брентано Ф.* Избранные работы. [Текст] / Ф. Брентано. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.
2. *Васильюк Ф. Е.* Методологический смысл психологического схизиса [Текст] / Ф. Е. Васильюк // Вопросы психологии, № 6, 1996, с. 25–40.
3. *Гараи Л., Кечке М.* Еще один кризис в психологии! [Текст] // Вопросы философии, № 4, 1997, с. 86–96.
4. *Гусельцева М. С.* Методологические кризисы и типы рациональности [Текст] / М. С. Гусельцева // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3–15.
5. *Завершнева Е. Ю.* Проблема кризиса в современной психологии: историко-методологическое исследование: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. [Текст] / Е. Ю. Завершнева. М., 2004. 24 с.
6. *Зеленкова Т. В.* О сетевой парадигме в психологии [Текст] / Т. В. Зеленкова // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 18–28.
7. История психологии: период открытого кризиса: Тексты [Текст] / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: МГУ, 1992. 364 с.
8. *Козлов В. В.* Психология творчества. М., 2003.
9. Кризис [Электронный ресурс] // <http://dictionary-economics.ru/word/> (дата обращения 22.07.2015)
10. *Ланге Н. Н.* Психический мир: Избранные психологические труды Под ред. М. Г. Ярошевского. [Текст] / Н. Н. Ланге. М.: Изд-во "Институт практической психологии", Воронеж: НПО "Модэк", 1996. 368 с.
11. *Ланге Н. Н.* Психология [Текст] / Н. Н. Ланге // Итоги науки в теории и практике. Т. 8. М.: Изд-во т-ва "Мир", 1914. 312 с.

12. Ланге Н. Н. Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. [Текст] / Н. Н. Ланге. Одесса: Типография Шт. Одесского военного Округа, 1893.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. [Текст] / А. Н. Леонтьев. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
14. Мазиллов В. А. Теория и метод в психологии. [Текст] / В. А. Мазиллов. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
15. Мазиллов В. А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. [Текст] / В. А. Мазиллов. Ярославль: МАПН, 2001. 112 с.
16. Мазиллов В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии. [Текст] / В. А. Мазиллов. Ярославль: МАПН, 2002. 166 с.
17. Мазиллов В. А. Психология: шизофрения как и было сказано [Текст] / В. А. Мазиллов // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. В. В. Козлова Ярославль: МАПН, 1998, с. 140–173.
18. Мазиллов В. А. Психология: кризис в науке [Текст] / В. А. Мазиллов // Психотехнологии в социальной работе. Выпуск 9. / Сб. под ред. В. В. Козлова. Ярославль: МАПН, ЯГУ, 2004, с. 12–46.
19. Мазиллов В. А. Методология психологической науки: история и современность [Текст]. Ярославль: МАПН, 2007. 359 с.
20. Мироненко И. А. Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? [Текст] / И. А. Мироненко. // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 119–127.
21. Парадигмы в психологии: Научоведческий анализ. [Текст] / Отв. Редакторы А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 386 с.
22. Робин Гуд по имени Сорос: Интервью с Д. Соросом [Текст] // Аргументы и факты, 1997, № 41(886), с. 13
23. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива [Текст] / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во ИПРАН, 2007. 480 с
24. Фресс П. О психологии будущего [Текст] / П. Фресс // Психологический журнал, т. 2, № 3, 1981, с. 48–54.
25. Шадриков В. Д. Мирвнутренней жизни человека. [Текст] / В. Д. Шадриков. М.: Университетская книга, 2005
26. Шадриков В. Д., Мазиллов В. А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. [Текст] / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов. М.: Юрайт, 2015. 411 с.
27. Шульц Д. П., Шульц С. Э. История современной психологии. [Текст] / Д. Шульц, С. Шульц. СПб: Евразия, 1998. 528 с.
28. Юревич А. В. Системный кризис психологии [Текст] / А. В. Юревич // Вопросы психологии, № 2, 1999, с. 3–11.
29. Bühler K. Die Krise der Psychologie. [Текст] / K. Bühler. Jena: Fischer, 1927. XV, 223 S.
30. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology [Текст] / М. Cole // I Международная конференция памяти А. Р. Лурии – First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24–26, 1997. М.: MGU, p. 117.
31. International Congress of Psychology 21st Paris, 1976.: Actes du XXI e Congress international de psychologie. Paris, 18–25 juillet. [Текст] Paris: Press Univ. de France, 1978. 462 p.
32. Kostyleff N. La crise de la psychologie experimentale. [Текст] / N. Kostyleff. Paris, 1911. 186 p.
33. Lewin K. The Conflict between Aristotelian and Galilean Modes of Thought in contemporary Psychology [Текст] / K. Lewin // J. Gen. Psychol., 1931, pp. 141–177.
34. Willy R. Die Krisis in der Psychologie. [Текст] / R. Willy. München, 1899. 280 S.
35. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie [Текст]. / W. Wundt. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССА ПОРОЖДЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ

Нагдян Р. М. (Ереван, Армения)

В статье показывается ограниченность гносеологического и онтологического подходов в изучении принципов порождения психического отражения. Указывается на то, что поиск этих принципов проводится, согласно трансцендентальной парадигме, за пределами реальности психических феноменов. В статье подчеркивается также, что как трансцендентальная психология восприятия, так и проблема порождения психического остались вне поля внимания психологического сообщества.

Ключевые слова: порождающий процесс, гносеологическая парадигма, онтологическая парадигма, трансцендентальная психология, метафизика.

The paper shows the limitations of the epistemological and ontological approaches to the study of the principles of mental reflection generation. It is pointed out that the search for these principles is conducted, according to transcendental paradigm, outside the reality of psycho/mental phenomena. The article also emphasizes that the transcendental psychology of perception and problem of the generation of mentality stayed out of attention the psychological community.

Keywords: parent process, epistemological paradigm, the ontological paradigm, transcendental psychology, metaphysics.

Как известно, систематическое экспериментальное изучение процесса восприятия началось с известных исследований Г. Фехнера [22], в которых выявлялись закономерности отношений между интенсивностями стимулов и вызванных ими ощущений. Структура подобных исследовательских задач соответствует соотношению «объект-субъект», которое повторяется, затем, во всех направлениях развивающейся психологии и характеризует, так называемую, гносеологическую (классическую) парадигму исследования процесса восприятия. С осознанием многомерности как объекта, так и субъекта, а также взаимовлияния субъекта на объект и обратно, начинается формирование нового подхода в исследовании восприятия, названного онтологическим (В. А. Барabanщиков [3]).

Однако как в гносеологическом, так и в онтологическом подходах к изучению

процесса восприятия исследования строились на основе субъектно-объектных отношений и в соответствующих им понятиях. В этих подходах вопрос порождения психического образа не исследуется и его решение остается на уровне деклараций и пожеланий. Причины такого положения дел понятны. Они обусловлены в основном двумя факторами: во-первых, тем, что процесс порождения не осознаваем, во-вторых, по причине того, что в психологии восприятия объект исследования (порождающий процесс) и средство его изучения совпадают, поэтому существенным ограничивающим фактором становится продуктивность исследования, как следствие глубоко эмпирического образа мышления человека. И действительно, объект предстает перед исследователем в совокупности своих, уже отраженных, свойств и качеств, поэтому, опираясь на них, невозможно «проникнуть» в про-

цесс, приводящий к порождению этих же свойств и качеств. Поэтому появляется необходимость в поиске нового исследовательского проекта, позволяющего преодолеть ограничения продуктного подхода.

Такой исследовательский проект в 1987 г. был предложен А. И. Миракяном в его докторской диссертации [13], защищенной в Психологическом институте РАО, где он руководил лабораторией моделирования психических процессов. В своем подходе А. И. Миракян при поиске принципов порождения психического отражения отказывается от понятий, описывающих феноменологию психических явлений, и сосредотачивает свое внимание на изучении природных принципов порождения, существующих в развивающейся материи. Предположение о существовании системы таких принципов позволило А. И. Миракяну создать концепцию трансцендентальной психологии восприятия, в русле которой его последователями были проведены многочисленные теоретические и экспериментальные исследования (С. Л. Артеменков [2], В. И. Козлов [10], Н. Л. Морина [14], В. И. Панов [17], Погосян Р. А. [18], Г. В. Шукова [21] и др.), диссертационные в том числе. Нами было показано, что образ мышления и метод теоретического анализа автора трансцендентального подхода соответствует философским метафизическим рассуждениям, имея в виду метафизику в аристотелевском смысле [15], [16].

Необходимость в применении метафизических рассуждений возникает при разрешении парадокса, с которым сталкивается психолог, выбирая в качестве предмета познания или исследования

психический процесс отражения, а точнее – психический процесс порождения. Парадокс состоит в том, что для исследования порождающего процесса исследователь должен “иметь” как эксплицитно данное перцептивный образ порождающего процесса. И тут мы приходим к противоречию, потому что процесс не может воссоздать себя в форме перцептивного образа, поскольку изначально он предназначен для преобразования другого, внешнего, находящегося за его пределами, взаимодействующего с ним. Порождающий процесс не может воздействовать сам на себя, а потому воспроизвести, выявить и познать самого себя, он предназначен для выявления и познания «другого». Поэтому порождающий процесс не может быть вновь порожденным в качестве перцептивного образа самого себя, не может быть явлением, феноменом восприятия, предметом эмпирического (непосредственного) исследования, потому что научный путь исследования от явления к сущности в этом случае прерывается. Мы не можем говорить ни о явлении, ни о сущности порождающего процесса, а можем говорить лишь о его существовании. Поэтому полиредукционистский подход к изучению процесса порождения психического, так же основанный на продуктном подходе, будет эффективен лишь в практике, потому что этот подход выявляет и учитывает многообразие всевозможных *причин и условий существования* того, что обозначено как «психическое», но не в состоянии определить концепт и исследовать сам процесс порождения, как нечто, имплицитно существующее в бытии, независимо от эксплицитно данных условий существования.

Таким образом перцептивный образ, как объект эмпирического исследования, – это не явление (репрезентация) порождающего процесса, а это явление (следы) того трансцендентного и имплицитного нечего, которое существует в независимом от человека бытии, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта. Перцептивный образ – это свидетельство существования порождающего процесса: «Существование, бытие сущего, – пишет Рубинштейн, – заключается в том, чтобы обнаруживаться (являться) и ...скрываться» [20, с. 305]

Исследование процесса порождения через психические феномены, через рефлексированные продукты психической деятельности не может привести к его пониманию. Остается сделать вывод, что о порождении мы не можем говорить как о явлении, что «процесс порождения психического» или в частном случае «процесс порождения перцептивного образа» это – *априорное понятие*, стереотип нашего мышления. Ведь из опыта нам известно: то, что непосредственно дано – рождается, развивается и умирает, переходя в новое качество. А, в случае перцептивного образа, если полагать, что он каким-то образом «получается», то это рождение с научной точки зрения представляется как процесс, а не как внезапное появление образа (но, может быть, и этот вариант достоин внимания ученого?). Поэтому понятие «психический процесс», понятое не как последовательность или череда отдельно зафиксированных психических актов, а как непрерывно протекающее внутри этих актов и в промежутках между ними – это понятие, обозначающее сверхчувственное, сверхопытное, исследование которого

требует применения априорных понятий. А вся совокупность этих особенностей порождающего процесса восприятия – трансцендентность, сверхчувственность, невозможность непосредственного эмпирического исследования, необходимость применения априорных понятий – указывает на необходимость обращения к новому для современной психологии («хорошо» забытому старому) метафизическому методу, как возможному способу исследования закономерностей именно такой, «запредельной», реальности, такого уровня имплицитного бытия, которая содержит в себе возможности порождения всего сущего и психического отражения, в том числе, осуществляющегося (тоже) как порождающий процесс.

Трансцендентальный (метафизический) подход радикально отличается от всех ныне существующих подходов к изучению психики человека и поэтому вписывается в рамки методологического плюрализма, имеющего своих сторонников среди методологов психологической науки. Однако до сих пор концепция трансцендентальной психологии восприятия остается вне поля внимания методологов.

В. А. Мазилев, анализируя состояние методологии в современной психологии, выделяет четыре класса психологических проблем: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические [12, с. 6]. Полностью соглашаясь с приведенной классификацией, отметим, однако, что упущен из виду еще один, важный для психологии, класс проблем. Это проблемы, связанные с вопросом о порождении психического. А. В. Карпов также указывает на важность этой проблемы:

«Естественно, – пишет он, – что наиболее сложным и главным исследовательским вопросом является проблема того, как именно это происходит, как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть *основной вопрос* психологии, и она пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако *сам факт* порождения и, соответственно, – существования субъективной реальности именно как своего рода «удвоенной» объективной реальности имеет место и не вызывает сомнений» [8, с. 19]. Оценивая явление порождения как фундаментальный факт, А. В. Карпов отмечает, что он (этот факт) тем не менее часто принимается просто как данность и «не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач» [там же]. Естественно, о порождении (процессе порождения, порождающем процессе) говорили многие психологи – это тема отдельного исследования. Однако в научной литературе можно встретить лишь указания на существование этого процесса. Причем, следует обратить внимание на то, что никто из исследователей не указывает на то, что «процесс порождения» это всего лишь гипотетическое предположение, не поддающееся непосредственной экспериментальной проверке.

В. А. Мазиллов справедливо замечает в цитируемой работе: «Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями» [там же], в таком случае получается, что изучение процесса порождения выходит за пределы научного исследования.

Однако существует и другое понимание естественной науки, позволяющее

подойти к решению проблемы исследования принципов процесса порождения. Еще И. Кант указывал на то, что «Всякая наука о природе в собственном смысле нуждается, следовательно, в чистой части, чтобы на ней могла основываться аподиктическая достоверность, которую ищет в науке разум; и так как в этой части принципы совершенно иного рода, чем чисто эмпирические, то будет также чрезвычайно полезно, более того, по существу дела в методологическом отношении совершенно обязательно излагать эту часть отдельно, вовсе не вдаваясь в другую, и притом по возможности излагать во всей ее полноте, дабы можно было совершенно точно определить, что же разум способен дать сам по себе и где способность его начинает нуждаться в помощи эмпирических принципов. Чистое познание разумом из одних лишь понятий называется чистой философией или метафизикой» [7, с. 56]. Следовательно, наука состоит не только из эмпирической, но и из метафизической части, которая относится, скорее всего, к мировоззренческому аспекту науки. В качестве примера можно привести физику И. Ньютона, которая основана на метафизических предпосылках – абсолютном пространстве, абсолютном времени, инерции, силе, причинности и т.д. Необходимо отметить, что выбор И. Ньютоном этих предпосылок не был осознанным. Эти предпосылки соответствовали особенностям мировосприятия его времени и составляли основу (классической) ньютоново-картезианской парадигмы. В то же время, выбор метафизических предпосылок науки может быть и вполне осознанным. В качестве примера можно привести работу современного физика,

профессора МГУ, Ю. С. Владимирова, который здание всей теоретической физики построил на специально выбранных метафизических предпосылках [4]. А чтобы подчеркнуть особую значимость этих предпосылок для физики, свой капитальный труд он назвал не курсом теоретической физики, а – “Метафизика”.

По тому же принципу была создана трансцендентальная психология порождающего процесса восприятия: интуитивно выбранные гипотетические метафизические постулаты служили платформой для создания теории, которая давала возможность экспериментальной проверки ее положений и, следовательно, исходных постулатов [19]. Похожим, но все же несколько иным образом, была создана Л. Я. Дорфманом концепция метаиндивидуального мира [5]. Автор указывает на то, что его концепция первоначально была «явно метафизической» [6]. Однако последующие эмпирические исследования в области эмоциональных стилей и полимодального «Я» создали определенный эмпирический базис, благодаря чему априорная (метафизическая) концепция приобрела статус «нормальной» науки [там же]. Точнее – появилась линия демаркации, отделяющая метафизическую часть концепции от эмпирической.

Несмотря на различия в объекте и предмете в трансцендентальной психологии восприятия и концепции метаиндивидуального мира, между ними есть определенные сходства. Во-первых, в обоих случаях в качестве объектов исследования были выбраны «невидимые» реальности, принципиально не поддающиеся эмпирическому исследованию. Эмпирически можно исследовать лишь их отдельные проявления в виде психи-

ческих феноменов, в которых, однако, уже отсутствовали имманентные этим реальностям особенности и характеристики. Во-вторых, для описания этих реальностей применялся метафизический способ рассуждений. В-третьих, оба исследователя, и Л. Я. Дорфман, и А. И. Миракян, искали и находили методы эмпирических доказательств правомерности своих концепций.

Таким образом, из вышесказанного следует, что исследование процесса порождения психического не только возможно, но и имеет свою специфическую методологию. Однако в современной психологической науке отсутствуют систематические теоретические исследования, посвященные этой проблеме (за исключением работ последователей А. И. Миракяна), что приводит к появлению вопросов: почему психологи-методологи не обсуждают эту проблему? Почему методологи проблему порождения психического не ставят в виде исследовательского проекта или программы? В трансцендентальной психологии восприятия А. И. Миракяна сделана первая попытка глубокого анализа проблемы порождения и предложен один из возможных вариантов ее решения. Но до сих пор она не получила соответствующей оценки психологического сообщества – ни положительной, ни отрицательной. Даже в последнем издании учебника «Методологические основы психологии» [11], к сожалению, не упоминается о концепции трансцендентальной психологии, в которой предлагается новый методологический подход к изучению проблемы порождения психического. И это несмотря на то, что после его смерти прошло около 20 лет, а теоретические и экспе-

риментальные исследования в этом направлении продолжают, защищаются диссертации, выпущено 11 монографий и в их числе в 1999 и 2004 г.г. издательством ИП РАН изданы два тома книги А.И. Миракяна «Контуры трансцендентальной психологии», в 2010 году в Психологическом институте РАО состоялась международная конференция «А.И. Миракян и современная психология восприятия» [1].

Сложность или необычность сложившейся методологической ситуации, кроме того, состоит в том, что, как было показано нами [15], начальные этапы исследования принципов порождения психического связаны с необходимостью перехода из области психологии в область философии, а именно – в области (философской) метафизики и философии физики. А это вызывает справедливое возражение у многих психологов: это не наше дело, пусть думают философы. Однако совершенно ясно, что лучше самих психологов никто не решит проблем трансцендентальной психологии.

Хочется надеяться, что последовательные попытки решения этого вопроса приведут к открытию новой главы в такой области теоретической психологии, какой является философия психологии. А в классификации семи базовых парадигм в понимании предмета психологии, предложенной В.В. Козловым [9], появится еще одна – «трансцендентальная», то есть парадигма новой области знания, выходящая за пределы известных волн психологии, в которой описывается такая реальность, где существуют возможно-

сти порождения не только психического, но, может быть, и всего сущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. «А.И. Миракян и современная психология восприятия»: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010.– 580 с.
2. Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления //А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. – М.: УРАО «Психологический институт», 2010. С. 324–358.
3. Барабанщиков В.А. Онтологический подход в исследовании восприятия // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – Т. 2. – С. 81–101.
4. Владимиров Ю.С. Метафизика. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009.– 568 с.
5. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. – М.: Смысл, 1993.– 456 с.
6. Дорфман Л.Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. – М.: Смысл, 2003.– 107 с.
7. Кант И. Сочинения в шести томах, т. 6. М.: «Мысль», 1966.– 743 с.
8. Карпов А.В. Метасистемный подход к исследованию системогенетических закономерностей. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Системогенез учебной и профессиональной деятельности», Ярославль, изд. “Канцлер”, 2007.– 312 с.
9. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. – М.: Психотерапия, 2007.– 528 с.

10. Козлов В. И. Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени // «А.И. Миракян и современная психология восприятия»: сборник материалов научной конференции. (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н. Л. Мориной, В. И. Панова, Г. В. Шуковой. М.: УРАО «психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С. 90–150.
11. Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. М.: изд. Юрайт, 2011.
12. Мазилев В. А. Методология психологии. Ярославль, изд. МАПН, 2007.– 344 с.
13. Миракян А. И. Константность и полифункциональность восприятия. Дисс. док. психол. наук. М., 1987.
14. Морина Н. Л. Теоретико-экспериментальное исследование принципов порождающего восприятия в осязании // «А.И. Миракян и современная психология восприятия»: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н. Л. Мориной, В. И. Панова, Г. В. Шуковой. – М.: УРАО «Психологический институт», 2010. С. 150–217.
15. Нагдян Р. М. Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности. Автореферат дисс. док. психол. наук, Ереван, 2015.
16. Нагдян Р. М. За пределами онтологической концепции восприятия. Журнал «Теоретическая и экспериментальная психология», 2015, т. 8, N1. С. 49–61.
17. Панов В. И. Экопсихология (парадигмальный поиск). М.; СПб.: Психологический институт РАО, НЕСТОР-История, 2014.– 304 с.
18. Погосян Р. А. К проблеме изучения реальности мышления от общего к частному // А. И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С. 368–383.
19. Принципы порождающего процесса восприятия(коллективная монография). Под ред. А. И. Миракяна. М., 1992.– 223 с.
20. Рубинштейн С. Л. Человек и мир / Проблемы общей психологии. Изд. 2. Отв. ред. Е. В. Шорохова. М., «Педагогика», 1976.– 416 с.
21. Шукова Г. В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности: монография. Saarbrücken (Германия): LambertAcademicPublishing, 2013. 127 с.
22. *Fechner G. Elemente der Psychophysik, 1860.*

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЙ СЕМЬИ

Пермина С. В. (г. Челябинск)

Аннотация.

В статье рассматривается социально – психологическая феноменология института семьи, дается краткий обзор основных проблем и кризисных состояний современной семьи.

Ключевые слова.

Семья, общество, личность, структура, дифференциация, функционирование, динамика, дезадаптация, кризис.

Annotation.

The article envisages socially-psychological phenomenology of institution of a family, gives the short review of the main problems and crisis states of a modern family.

Keywords.

Family, society, personality, structure, differentiation, functionality, dynamics, disadaptation, crisis.

Проблемы, вызываемые нестабильностью и неблагополучием семей, являются для нашего общества актуальными и насущными. Современное состояние российской семьи не внушает особого оптимизма. Под воздействием комплекса социально-экономических проблем чрезвычайно обострились противоречия между интересами общества, семьи и личности. Распад семьи является острой проблемой нашего общества. Количество разводов неуклонно растет, более трети разводов по продолжительности расторгаемых браков совершается фактически в фазе адаптации. В крупных городах распадается свыше 50% браков (в некоторых местах уровень разводов достигает 70%). Причем более чем у трети распадающихся семей совместная жизнь продолжалась от нескольких недель до 4 лет [6,7]. Последствия этих тенденций и явлений представляют собой потенциальную угрозу обществу, как социально-де-

мографического и экономического, так и этико-психологического плана.

Традиционно семья рассматривается как основной институт социализации индивида вообще и гендерной в частности. Через нее обеспечивается сохранение и преемственность гендерных стереотипов и установок на взаимоотношение полов. Семья является «инициатором» всего нового, что отражается в сознании супругов в виде их ценностных ориентаций, потребностей, жизненных планов, взаимоотношений между мужчинами и женщинами. Именно в семье формируются первые представления о месте и роли мужчины и женщины в современном мире, половая мораль, трансформируется субкультурная дифференциация полов и полоролевых идентичностей. Семья как первичное и необходимое условие воспитания жизнеспособного потомства представляет собой эволюционно сформированную саморегулирующуюся и самовоспроизводящуюся

функциональную систему – образ жизни, позволяющий оптимально удовлетворять базовые потребности человека. Функциональные возможности семьи определяются ее структурой.

Ребенок в условиях адекватно функционирующей семьи оптимально удовлетворяет витальные потребности: у него развиваются природные способности и формируются положительные эмоциональные установки к окружению, доверие и стремление к кооперации, сотрудничеству, творчеству. Он высокоадаптивен, имеет комплементарные образы отца и матери, позволяющие сделать в дальнейшем правильный брачный выбор и воспроизвести адекватные родительские отношения в своей семье.

Существует огромное множество определений семьи как социального института нашего общества, одного из важнейших его структурных элементов и интереснейшего объекта изучения и исследования.

Вот, например, что говорит «Словарь русского языка» С. И. Ожегова: «Семья – группа живущих вместе родственников (муж, жена, родители с детьми). Единство, объединение людей, сплоченных общими интересами». Советский Энциклопедический Словарь дает следующее определение семьи: «Основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью. Как устойчивое объединение семья возникла со времени разрушения родового строя. Первая историческая форма моногамии – патриархальная семья, управляемая отцом, включала его потомков с их женами и детьми, а также домашних рабов. Капиталисти-

ческая индустриализация разрушила связь семьи с домашним производством, оставив из экономических функций лишь организацию быта, большинство семей стало состоять из супругов и их детей (нуклеарная семья)».

Семья призвана играть исключительную роль в жизни общества, его стабилизации, преодолении социальной напряженности. По своей природе и предназначению она является союзником общества в решении коренных проблем (преодолении депопуляции, утверждении нравственных устоев в обществе, социализации детей, развитии культуры и экономики, семейного предпринимательства).

По определению Н. Я. Соловьева [17], семья – это «малая социальная группа общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами, и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство». Таким образом, семья играет огромную роль, как в жизни отдельной личности, так и всего общества в целом.

Английский философ Д. Юм в своем трактате «О человеческой природе» [23], рассматривая роль семьи в обществе, утверждал, что семья – зародыш всех последующих более развитых общественных отношений.

Среди всех социальных институтов, семья является наиболее долговечным, поэтому правомерно выводить из нее многие существующие общественные отношения. Одновременно семья испытывает на себе влияние экономических, правовых, идеологических отношений.

Она – продукт определенного общества. Об этом свидетельствует то, что в разные исторические эпохи в зависимости от характера общественных отношений изменялась и семья, ее величина, функции. Семья – социальная ячейка общества, ее стабильность и полноценность зависят не только от супругов, но и от характера **социально-психологических феноменов разного уровня** – общественных отношений, материального благосостояния, от непосредственной социальной среды и общественного мнения.

Семья испытывает как прямое, так и опосредованное воздействие со стороны общества, государства и его институтов. Общество с помощью государства и права регулирует порядок заключения и расторжения браков, наследования имущества, накладывает определенные обязанности на родителей и их детей. Так, Конституцией РФ закрепляется добровольный характер брачного союза и равноправие супругов, защита семьи со стороны государства и прочее.

Кризисное состояние семьи как социально-психологического образования проявляется, прежде всего, в ее нестабильности, что ведет к росту неполных семей, снижает родительский авторитет, отражается на возможностях формирования новых семей, на здоровье взрослых и детей. Дети в неполных семьях лишены полноты взаимодополняющих родительских образов, вследствие чего у них не развиваются необходимые для дальнейшей семейной жизни свойства личности. Нарушение условий развития ребенка, эмоциональная депривация и фрустрация потребностей приводят к задержке развития, к формированию отрицательных эмоциональных устано-

вок, разрушительных тенденций, приводящих к деструктивным формам поведения. В дальнейшем эти невротические формы поведения будут способствовать дезадаптации во взрослой жизни. Очевидно, что нежеланные, «случайные», внебрачные дети, дети из конфликтных, неполных и других аномальных семей, дети, воспитывающиеся в детских домах, не выдерживают сравнения с детьми из благополучных семей по потенциалу выживания в плане физического и психического здоровья, интеллектуальных и других возможностей. Человеку, выросшему без нормальной семьи, присуще недоверие к людям, подозрительность и, как следствие, склонность к отстраненности, изоляции, которые, в свою очередь, становятся причиной ограниченности развития. Нарушение структуры и полноты функционирования семьи влечет за собой ограничение и искажение развития личности детей. У них оказывается сниженной способность к продуктивному социальному взаимодействию, в том числе к семейному образу жизни, вследствие нивелирования эволюционно дифференцированных взаимодополняющих качеств мужчины и женщины, реализующихся во всем многообразии их полоролевого взаимодействия в семейных отношениях и передающихся из поколения в поколение через любовь к детям, эмоционально-действенный контакт с ними.

Подтверждение этого мы находим в многочисленных исследованиях и работах известных психологов.

А. Адлер[2] считал, что семейные установки, ценности и взаимоотношения являются первым фактором в развитии личности. К. Юнг [25] указывал на то, что

поступательное развитие индивида предопределяют как индивидуальное подсознательное человека, так и коллективное бессознательное, которое в совокупности архетипов содержит опыт предшествующих поколений. К. Хорни подчеркивала влияние социальной ситуации на формирование невротических форм поведения личности. Ее работы позволяют понять причины отрицания женщинами их женской роли и идиосинкразического отношения к мужчинам. Э. Фромм выявлял социальный контекст, провоцирующий невротические ориентации личности, исследовал разрушающее влияние цивилизации на личность человека, в частности, замещение способности любить и созидать деструктивностью, вследствие глубокой фрустрации базовых потребностей в детстве.

По данным статистики, за последние годы резко возрастает число детей дошкольного возраста, которые воспитываются в неполных семьях, где в подавляющем большинстве воспитателем является мать.

Жизнь и условия воспитания ребенка без отца имеют явную специфику и существенно отличаются от жизни ребенка в полной семье. Даже если мать старается восполнить отсутствие отца и делает все возможное, чтобы соединить в себе обоих родителей, она не может реализовать одновременно обе родительские позиции – материнскую и отцовскую. Есть все основания полагать, что эти весьма специфические условия жизни ребенка будут отражаться на особенностях его личностного развития: эмоциональном самочувствии, самооценке, отношении к окружающим людям. Последствия этих тенденций и явлений представляют

собой потенциальную угрозу обществу как социально-демографического и экономического, так и этико-психологического плана. В настоящее время, любое кризисное состояние личности или группы, в науке рассматривается как экстраординарное событие, прерывающее текущую жизнедеятельность (Р. Ассаджиоли, С. Гроф, В. В. Козлов, К. Г. Юнг, O. Bollnow, A. Yomans, J. Campbell) [3,7,12,13]. В кризисе возникает нарушение смыслового соответствия сознания и бытия субъекта, восстановить которое невозможно ни путем практической деятельности, ни путем познавательной деятельности (Ф. Е. Василюк, Э. И. Киршбаум, К. В. Карпинский, Д. А. Леонтьев, М. Ш. Магомед-Эминов) [16, 17]. На сегодняшний день достаточно полно описана феноменология кризисов личности и группы (Р. А. Ахмеров, А. А. Баканова, Г. А. Вайзер, Л. Ф. Верстелле, И. В. Калинин, К. В. Карпинский, В. В. Козлов, G. Caplan) [11, 12, 13, 26, 28], обозначены этапы разворачивания кризиса, психологические, физиологические и поведенческие проявления. Выявлены обстоятельства, служащие пусковыми механизмами кризиса (Р. А. Ахмеров, А. А. Баканова, Ф. Е. Василюк, К. В. Карпинский, В. В. Козлов G. Caplan G. Jacobson) [12, 13, 25, 27].

Все кризисные явления, которые существуют в семье как социально-психологическом сообществе, можно дифференцировать в понятиях групповой динамики и в соответствии с этой логикой вычленив функциональные, структурные и динамические кризисы семьи.

Функциональные кризисы мы можем ассоциировать с затруднениями, воз-

никающими в тех сферах жизнедеятельности семьи, которые непосредственно связаны с удовлетворением определенных потребностей ее членов.

Выполнение семьей ее функций имеет значение не только для ее членов, но и для общества в целом. Основные функции семьи следующие.

1. Воспитательная функция состоит в удовлетворении потребностей в отцовстве, материнстве, в воспитании детей и самореализации в детях.

2. Хозяйственная функция заключается в удовлетворении материальных нужд семьи (восстановление затраченных в труде физических сил).

3. Эмоциональная функция – удовлетворение потребностей членов семьи в симпатии, уважении, признании, поддержке, психологической защите.

4. Духовного общения – удовлетворение потребностей в совместном проведении досуга, взаимном духовном обогащении.

5. Функция первичного социального контроля обеспечивает выполнение социальных норм членами семьи, особенно пожилыми людьми, детьми.

6. Сексуально-эротическая функция реализуется в удовлетворении сексуально-эротических потребностей членов семьи, в биологическом воспроизводстве общества.

Со временем происходят изменения в содержании и значимости различных функций семьи в зависимости от социальных условий. В современной семье значительно возросло значение таких функций, как: эмоциональная, духовного общения, сексуально-эротическая и воспитательная.

Существует ряд факторов, нарушающих реализацию функций семьи:

личностные особенности членов семьи (характер, темперамент); характер и содержание взаимоотношений между членами семьи, а также уровень сплоченности и взаимопонимание в семье; определенные материальные, социальные и духовные условия жизни семьи.

Структура семьи позволяет определить, каким образом распределены обязанности и права между ее членами. С точки зрения структуры можно выделить такие семьи, в которых руководство и организация всех ее функций сосредоточены в руках одного члена семьи (авторитарный стиль); семьи, в которых все члены принимают равное участие в ее жизнедеятельности (демократическая система отношений).

Наиболее распространенная возрастная структура семьи в нашем обществе – это семья, включающая мужа, жену, детей, а также кого-нибудь из старшего поколения (бабушку и дедушку).

Структурные кризисы мы определяем как те нарушения структуры семьи, которые препятствуют выполнению ее функций (например, неравномерное распределение хозяйственно-бытовых обязанностей между супругами, конфликт между поколениями, конфликт между структурно-функциональными ожиданиями членов семьи и др.).

Немаловажны и интересны результаты исследований о том, как отражается структурный дисбаланс в семье на структуре семей последующих поколений, на стабильности браков, на стиле межличностного взаимодействия и адаптивных возможностях.

Решение этих задач позволит прогнозировать развитие отношений в супружеских семьях, родительские семьи и предыдущие поколения которых имели нарушения в своей структуре, осуществлять профилактические меры по предотвращению воспроизведения аномальных особенностей семей в последующих поколениях.

Наряду с утратой адекватных представлений о материнской и отцовской роли в семье и о сущности семьи в целом (вследствие революционных преобразований общественной жизни), утрачиваются нравственные ориентиры, установки и идеалы для построения семьи. Создание здоровой семьи оказывается молодым просто не по силам, судя по количеству разводов в адаптационный период.

Супруги не имеют адекватных целей и установок при создании семьи, и, таким образом, однажды разрушенная по структуре семья воспроизводится в последующих поколениях. Остановить эту роковую последовательность можно только при осознании имеющихся нарушений и волевом контроле над их последствиями. Эмпирические и теоретические данные, накопленные в психологии, дают возможность прогнозировать и предупреждать негативные явления в семье. Смещение ответственности с бессознательной мотивации супругов на осознанно – волевою деятельность по устройству семьи может помочь оптимизировать адаптационные процессы и стабилизировать семью.

Динамические кризисы семьи являются закономерным следствием эволюции семьи как социальной системы. Структура и функции изменяются на различных этапах жизнедеятельности семьи.

Введение параметра продолжительности, стажа брака и семьи, изменения в ходе жизни, привело к появлению понятия «жизненного цикла семьи». Существует достаточно много периодизаций жизненного цикла семьи, так же, как их много в любой другой эволюционной системе. Семья, как и жизнь любой проявленной живой системы, подчиняется определенным фазам своего рождения, взросления, старения и смерти, если конечно смерть не застает ее на более ранних стадиях развития.

Стадия зарождение семьи происходит с момента заключения брака до появления первого ребенка.

Трудности адаптации могут привести к семейным кризисам (кризис конца первого года). Кризисные явления переживаются на данной стадии всеми семьями в более или менее острой форме.

Важнейшие задачи этапа: адаптация супругов к условиям семейной жизни и психологическим особенностям друг друга; взаимная сексуальная адаптация супругов; приобретение жилья и совместного имущества; формирование отношений с родственниками.

Косвенное отражение всех проблем, которые возникают при этом, это материальные и социальные кризисы становления семьи как социальной системы, и как следствие – основное количество разводов происходит в данный период.

Рождение и воспитание детей – основной этап жизненного цикла.

В жизни семьи это время наибольшей хозяйственно-бытовой активности и преобразования эмоциональной функции, когда перед супругами встает задача сохранения эмоционально-духовной общности в новых условиях. Особо значима

на этом этапе воспитательная функция. Обеспечение физического и духовного развития детей ощущается членами семьи как наиболее важная задача этого периода.

Основными источниками нарушения жизнедеятельности семьи на этом этапе являются перегрузка супругов (или одного из них), перенапряжение физических, морально-нравственных и эмоциональных сил; необходимость перестройки эмоционально-духовных отношений.

Именно на этом этапе часто наблюдаются различные проявления эмоционального остывания: супружеские измены, сексуальные дисгармонии, разводы.

Период завершения жизнедеятельности семьи включает следующие моменты: окончание выполнения семьей воспитательной функции, начало трудовой деятельности и самостоятельной семейной жизни детей, забота о старшем поколении. Все эти процессы обуславливают новое качественное содержание жизни семьи. Особенно очевидны перемены в повседневной жизни, связанные с особенностями возраста. С ухудшением состояния здоровья проблемы, связанные с ним, выходят на первый план. Завершение основного жизненного цикла, трудовой деятельности, выход на пенсию, сужение круга общения, сокращение возможностей обостряют потребность у старшего поколения в признании со стороны детей. Особо значимую роль на этом этапе играет чувство своей нужности, значимости для детей и близких.

К динамическим кризисам мы можем отнести и неблагоприятные варианты жизненного цикла, те, которые возникают при отсутствии в семье одного из членов

(супруга, детей). Причинами могут быть развод, долгая разлука супругов и др.

Кризисные факторы, **обуславливающие семейное нарушение** можно дифференцировать по длительности и силе их воздействия:

1) сверхсильные раздражители: смерть, сильное заболевание и т.п.;

2) длительные, хронические раздражители: физическая и психическая нагрузка в быту, на производстве, трудности в связи с решением жилищной проблемы, длительный и устойчивый конфликт между членами семьи и т.п. Они также могут быть связаны с резкой сменой образа жизни семьи (жизненного стереотипа). Особое значение имеет кумулятивный эффект проблем, связанный с их суммированием и наложением друг на друга. Например, необходимость практического одновременного решения проблем после появления в семье первого ребенка: завершение образования, освоение профессии, уход за ребенком, решение жилищной проблемы.

Любая семья стремится предотвратить неблагоприятные последствия и противодействовать им. Иногда трудности оказывают мобилизующее, интегрирующее воздействие, а иногда – ослабляют семью. Такая неоднородная устойчивость семей по отношению к трудностям объясняется по-разному.

1. Чаще всего рассматривают механизм решения проблем в отношении семей, умеющих опознать и осознать трудности, принять наиболее подходящее решение.

2. Также выделяют группы семей, которые легко приспосабливаются к неблагоприятным условиям. Способствует этому гибкость взаимоотношений,

не слишком жесткая и не слишком «расплывчатая» степень четкости в формулировке ролевых ожиданий, сплоченность семьи, «открытость» в восприятии окружающего мира.

3. Еще один взгляд на проблему устойчивости семьи связан с понятием латентного кризиса семьи. Латентное нарушение в стабильных условиях жизни практически не оказывает сколько-нибудь значительного негативного воздействия на семью. Однако, при попадании семьи в экстремальные условия оно играет важную роль, определяя неспособность семьи противостоять таким условиям. В такой ситуации семьи, у которых латентные нарушения многочисленны, начинают функционировать хуже.

Если не содействовать восстановлению благополучных семей в России, неизбежно встанет вопрос о том, сохранит ли человек в нашем обществе свою созидательную творческую природу или выродится в некое деструктивное существо. То, что это наиболее вероятная альтернатива, подтверждается уже сейчас накопленными данными о том, каким вырастает человек вне гармоничной семьи.

Литература.

1. Агеев В. С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов / В. С. Агеев // *Вопр. психологии.* – 1987. – № 2. – С. 152–158.
2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. Перевод с немецкого. – М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995. – 296с.
3. Ассаджиоли Р. Психосинтез: теория и практика. – М.: REFL- book, 1994. – 314 с.
4. Базарный В. Ф. Трагедия семьи эпохи конца XX века: научно-духовные основы нашего спасения / В. Ф. Базарный // *Семья в изменяющемся мире: тез. докл. Всерос. конф.* – Сыктывкар, 1994.
5. Гаврилица О. А. Чувство вины работающей женщины / О. А. Гаврилица // *Вопр. психологии.* – 1998. – № 4. – С. 65–71.
6. Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты / С. И. Голод. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
7. Гроф С. Области человеческого бессознательного. Опыт исследований с помощью ЛСД. – М.: ИНИОН, 1992. – 312 с.
8. Гурко Т. С. Отношения мужчин и женщин в браке / Т. С. Гурко, П. Р. Босс // *Семья на пороге третьего тысячелетия* / под ред. А. И. Антонова. – М., 1995.
9. Дымнова Т. И. Зависимость характеристик супружеской семьи от родительской / Т. И. Дымнова // *Психология семьи: сб. статей* / под ред. Т. П. Гавриловой. – М., 2002.
10. Елизаров А. Н. Роль духовных ценностей ориентации в процессе интеграции семьи / А. Н. Елизаров // *Вестник МГУ. Сер. 14. Психология.* – 1997. – № 3. – С. 59–67.
11. Карпинский К. В. Опросник смысложизненного кризиса // *Издательство: ГрГУ, 2008 г.*
12. Козлов В. В. Социальная работа с кризисной личностью: метод. пособие / В. В. Козлов. – Ярославль, 1999. – 198 с.
13. Козлов В. В. Психология кризиса. Монография – М.: Институт консультирования и системных решений, 2014. – 430с.
14. Кратохвилл С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний: пер. с чешского / С. Кратохвилл; под ред. Г. С. Васильченко. – М.: Медицина, 1991.
15. Леонтьев Д. А. О комплексном подходе к изучению семьи и личности / Д. А. Леонтьев, А. Г. Шмелев // *Вестн. МГУ. Серия 14. Психология.* – 1985. – № 2. – С. 67–68.

16. Мильто Е. Ю. Проблема классификации личностных кризисов // Социальная психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Т. 2. / Под ред. В. В. Козлова. – Ярославль: МАПН, 2000. С. 128.
17. Соловьев Н. Я. Брак и семья сегодня. – Вильнюс, 1977. – С. 8.
18. Сысенко В. А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия / В. А.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла / Ф. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 384 с.
20. Файнбург З. И. Социальные функции семьи и генезис понятия ее стабильности / З. И. Файнбург // Стабильность семьи как социальная проблема / под ред. З. А. Янковой. – М.: ИСИ АН СССР, 1978.
21. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. – М., 1993. – 486 с.
22. Чикин С. Я. Здоровье человека и социальная среда. – М.: Знание, 1971.
23. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Мн.: ООО “Попурри”, 1998.
24. Юнг К. Г. Психология бессознательного. Собрание соч.: Пер. с нем. – М.: Канон, 1996. – 320 с.
25. Allport F. H. Theories of perception and concept of structure. First ed. / F. H. Allport. – New York: John Wiley and Sons, 1955. – 709 p.
26. Cascio W. A. Costing human recourses: The financial impact of behavior in organizations / W. A. Cascio. – Boston: Kent Pub. Co., 1982. – 244 p.
27. Hellinger B. Wenn man den Eltern Ehre erweist, kommt etwas tief in der Seele in Ordnung. Ein Interview / B. Hellinger // Psychologie Heute. – 1995. – Bd. 22, H. 6. – S. 22–26.
28. Thornton G. C., III. Assessment centers and managerial performance / G. C., Thornton III, W. C. Byham. – New York: Academic Press, 1982.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОДАРЁННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА

Ю.П. Поварёнков (Ярославль)

Аннотация. В статье обсуждается проблема психологической структуры одарённости профессионала. Установлено, что в психологии отсутствует определение понятия одарённость профессионала, что затрудняет решение методических и диагностических задач. В статье дано определение метапрофессиональной и профессиональной одарённости, как двух видов одарённости профессионала. Показано, что профессиональная одарённость влияет на эффективность решения задач профессиональной деятельности, а метапрофессиональная одарённость – на эффективность решения задач профессионального становления личности. Оба вида одарённости профессионала имеют трёхкомпонентную структуру.

Ключевые слова: профессиональные задачи, виды и формы профессиональной деятельности, профессиональная одарённость, метапрофессиональная одарённость

Причины, побудившие нас обратиться к данной проблеме связаны с тем, что объём и содержание понятия одарённость профессионала (или профессиональная одарённость) фактически не определены в психологии, а лишь обозначены. В литературе выделяются различные виды одарённости: общая и специальная, креативная и лидерская, математическая и музыкальная и т.д. Но понятие профессиональной одарённости или одарённости профессионала в основных психологических словарях отсутствует [3], [4], [11]. Отсутствует оно и в энциклопедическом словаре.

В следствие такой концептуальной неопределённости возникают диагностические и методические трудности при ответе на следующие вопросы: 1) что и как надо диагностировать в ходе изучения одарённости профессионала; 2) что, как и когда надо развивать в ходе её формирования.

Для уточнения понятия одарённости профессионала обратимся к анализу классических определений одарённости.

Б.М. Теплов рассматривает одарённость как «качественно-своеобразное сочетание способностей, от которого зависит возможность достижения большего или меньшего успеха в выполнении той или другой деятельности» [13, стр.17]. В.Д. Шадриков придерживается определения одарённости данного Б.М. Тепловым, но при этом уточняет содержания понятия «способности». Под способностями он понимает «индивидуальные качества субъекта деятельности в их качественно-количественном своеобразии, определяющие эффективность формирования и функционирования системы деятельности» [14, стр.17].

В плане конкретизации определения профессиональной одарённости важное значение имеют понятия специальной одарённости и специальных способностей, которые обсуждаются в работах С.Л. Рубинштейна [12] и В.Д. Шадрикова [16].

С.Л. Рубинштейн соотносит специальную одарённость со специальными видами деятельности, в качестве кото-

рых могут выступать конкретные виды профессиональной деятельности либо их группы (отрасли) [12]. Под специальными В. Д. Шадриков понимает в том числе и профессиональные способности, в качестве которых рассматриваются профессионально важные индивидуальные способности субъекта труда, т.е. способности, которые обеспечивают успешность и эффективность выполнения конкретной профессиональной деятельности [16].

Формальный анализ проведённый выше позволяет нам дать предварительное определение одарённости профессионала, которая рассматривается прежде всего как вид специальной одарённости, которая выступает как качественно-своеобразное сочетание профессиональных способностей, которые влияют на эффективность и успешность выполнения конкретной профессиональной деятельности.

Проведенный анализ понятий и предложенное определение указывают на то, что психологическое содержание профессиональной одарённости определяется и зависит от специфики той деятельности, с которой она соотносится, на эффективность которой оказывает влияние.

Возникает естественный вопрос, а с какой деятельностью профессионала соотносится его одарённость? Можно поставить вопрос по-другому. А какие виды деятельности выполняет формирующий и сформировавшийся профессионал?

Традиционно в качестве ведущей, а порой и единственной формы активности профессионала рассматривается профессиональная деятельность, т.е. деятельность, ориентированная на создание

конкретных потребительских стоимостей.

С этим трудно не согласится и поэтому вся система непрерывного профессионального образования человека ориентирована на формирование и реализацию профессиональной деятельности. На это нацелен и сам субъект труда, поскольку конкретная профессиональная деятельность является ведущим компонентом цели его профессионализации.

Но только ли профессиональную деятельность выполняет развивающийся и сформировавшийся профессионал?

Многочисленные исследования указывают на то, что в ходе профессионального становления и реализации человек выполняет широкий набор различных видов деятельности: поиск, выбор и смена профессии, планирование и осуществление карьеры, профессиональную адаптацию, преодоление профессиональных кризисов, профессиональное обучение и переобучение, преодоление профессиональной усталости и деформации и т.д.

Всё эти формы активности профессионала являются несомненно видами деятельности, так как обладают всеми её структурными компонентами функциональными свойствами. Иначе говоря, они ориентированы на решение конкретной нормативной задачи (цели), включают компоненты планирования, принятия решения, исполнения и контроля и т.д.

Но при этом они не подпадают ни под одну классификацию деятельностей, которые сложились в отечественной психологии. Как мы помним С. Л. Рубинштейн в рамках генетического подхода выделили игровую, учебную и трудовую деятельность [12]. Б. Г. Ананьев серьёзно покритиковал такой подход к класси-

фикации видов деятельности и выделил свою триаду: познание, общение, труд [2]. Другой классик отечественной психологии А. Н. Леонтьев [5] говорит о двух видах деятельности – о труде и общении.

Не трудно заметить, что во всех указанных случаях чётких критериев для выделения видов деятельности не обозначено, хотя это и является ведущим условием адекватной классификации.

В наших предыдущих работах было показано, что ведущим основанием для выделения видов деятельности является вид нормативных и индивидуальных профессиональных задач [10]. Данный подход полностью соответствует принципам системного и системогенетического подхода, в рамках которых основанием для выделения системы, а деятельность – это динамическая система, является её функция, т.е. продуцирование определённого результата [15]. Представление о результате формируется до деятельности в форме цели, а точнее говоря, как отмечает К. А. Абульханова-Славская [1] в форме задачи. В нашем случае в форме профессиональной задачи.

Важное методологическое значение понятия задачи заключается в том, что её содержание, как отмечает К. А. Абульханова-Славская, позволяет развеять одно из самых глубоких заблуждений о том, что цель является изначально данным или заданным психологическим образованием, с которого, собственно, и начинается деятельность. Структура задачи даёт нам возможность понять следующее: во-первых, цель это, не начало деятельности, а её эпицентр; во-вторых, содержание цели не имманентно задано личностью, а определяются, в том числе, её отношением к объективным и субъективным

условиям реализации цели [1, стр.193]. При таком подходе система объективных и субъективных факторов, рассматривается, прежде всего, в качестве оснований для выработки адекватной цели (постановки адекватной задачи), а не только лишь как техническое условия её реализации.

И так, основанием для выделения видов деятельности профессионала, с которыми может быть соотнесена его одарённость является специфика нормативных и индивидуальных профессиональных задач.

Причём достаточно четко определяются 2 группы профессиональных задач: задачи профессиональной деятельности и задачи профессионального становления.

Первая группа задач решается в рамках собственно профессиональной деятельности, и поэтому их название полностью соответствует названию профессии или группы родственных профессий: педагогические, юридические, психологические, технические, конструкторские задачи и т.д. Вторая группа задач решается в рамках других видов деятельности профессионала, которые не могут быть сведены к деятельности трудовой или профессиональной в классическом её понимании. Опираясь на работы американских психологов Мирвиса и Халла [17] эти виды деятельности профессионала можно назвать метапрофессиональными.

Исходя из сказанного выше, проведенный анализ позволяет обозначить 2 вида одарённости профессионала: собственно профессиональную одарённость и метапрофессиональную одарённость.

Профессиональную одарённость мы определяем как систему профес-

сиональных способностей, которые влияют на эффективность и успешность выполнения конкретных видов профессиональной деятельности, через которые она реализуется. Поэтому основанию выделяется педагогическая, клиническая, музыкальная, спортивная одарённость и другие виды и подвиды специальной одарённости.

Надо признать, что большинство авторов придерживаются именно такого понимания и сводят одарённость профессионала именно к профессиональной одарённости, которая влияет на эффективность выполнения профессиональной деятельности. Хотя ещё раз отмечаем, что развёрнутого определения профессиональной одарённости (одарённости профессионала) мы в литературе не обнаружили.

Выделения профессиональной одарённости явно недостаточно для исчерпывающей характеристики одарённости профессионала. С позиций базовых положений системогенетического подхода мы пытаемся преодолеть такое редуцированное толкование одарённости профессионала, поскольку оно исходит из представлений об ограниченном репертуаре его видов деятельности. А тем самым ограничивается и видовой состав одарённости профессионала. Именно поэтому мы вводим понятие метапрофессиональной одарённости.

Метапрофессиональная одарённость, по аналогии, может быть определена как система индивидуальных способностей, которые влияют на эффективность и успешность выполнения конкретных видов метапрофессиональной деятельности, в ходе реализации которых осуществляется

решение нормативных и индивидуальных задач профессионального становления.

С этих позиций мы можем говорить об одарённости профессионала в области поиска и выбора профессии (оптационная одарённость), одарённости в области планирования и реализации карьеры (карьерная одарённость или компетентность), об одарённости в области профессиональной адаптации (адаптируемость) и профессионального обучения (обучаемость) и т.д.

И так мы использовали первое традиционное основание для квалификации одарённости профессионала. Это основание – специфика видов деятельности профессионала, которая определяется спецификой профессиональных задач, которые он решает. Опираясь на данное основание мы показали, что одарённость профессионала не может быть сведена лишь профессиональной одарённости, т.е. одарённости к конкретной профессиональной деятельности и дополняется метапрофессиональной одарённостью, т.е. одарённостью в области решения задач профессионального становления личности.

Данные имеющиеся в литературе и результаты наших собственных исследований, свидетельствуют, что профессиональная и метапрофессиональная одарённость являются относительно самостоятельными подструктурами в структуре одарённости профессионала. Более того, они могут вступать в противоречивые отношения между собой, что достаточно хорошо известно из практики: квалифицированный профессионал, обладающий высоким уровнем развития профессиональной одарённости может

испытывать серьёзные трудности и проблемы в планировании и реализации своей карьеры, и наоборот. То есть профессиональная и метапрофессиональная одарённость субъекта труда могут быть развиты в разной степени и не коррелировать между собой.

Последующий анализ убеждает нас в том, что наряду с видами могут быть выделены и различные формы деятельности профессионала по основанию специфики функциональных задач, которые он решает. Так по данному основанию в психологии и в других науках традиционно выделяются такие формы деятельности как: функционирование, саморегуляция и формирование.

Деятельность функционирования рассматривается как реализация имеющихся у профессионала ресурсов в ходе решения стоящих перед ним задач. Деятельность по саморегуляции рассматривается как процесс оптимизации и мобилизации имеющихся у профессионала ресурсов с учетом стоящих перед ним задач. А деятельность формирования рассматривается как качественная и количественная перестройка ресурсов профессионала, если они не обеспечивают решение стоящих перед ним профессиональных задач.

Рассмотрим, как проявляются эти формы деятельности в процессе решения нормативных профессиональных задач. Наши исследования показывают, что решение любой проф. или метапрофессиональной задачи начинается с того, что человек пытается использовать имеющиеся у него ресурсы, свой опыт и возможности, чтобы достичь поставленную цель. Если их достаточно, он добивается необходимого и желаемого результата, т.е. он решает профессиональную или метапро-

фессиональную задачу и деятельность прекращается, а человек переходит к решению другой задачи.

Если имеющихся ресурсов не достаточно, то человек включает механизм саморегуляции, чтобы оптимизировать и мобилизовать имеющиеся у него на данный момент ресурсы. Если саморегуляция позволяет ему оптимизировать свои ресурсные возможности до необходимого уровня, то он решает стоящую перед ним задачу. Если нет, то он переходит к формированию ресурсных возможностей средствами профессионального научения и развития.

Формирование обеспечивает переход на качественно иной уровень функционирования, за счёт механизмов профессионального научения и профессионального развития. Если человек добивается необходимого уровня развития своих возможностей, то он решает профессиональную задачу. Если нет, то он вновь включает механизмы регуляции и коррекции, но уже процессов формирования и т.д. И так может продолжаться до тех пор пока задача не будет решена или до отказа от её решения.

Проведённый анализ свидетельствует, что профессиональная и метапрофессиональная деятельность субъекта труда в зависимости от конкретной ситуации может осуществляется либо в форме функционирования, либо в форме саморегуляции, либо в форме и формирования.

Необходимо отметить, что сформулированные положения имеют важное методологическое значение, поскольку позволяют более точно или более корректно сформулировать встречающееся во всех учебниках по психологии утверждение,

что в процессе профессиональной деятельности происходит развитие субъекта труда. Хорошо известно, что развитие человека происходит не автоматически, только тогда, когда он выполняет деятельность развивающего типа. Следовательно, развитие субъекта труда в процессе деятельности профессионала происходит только в том случае, когда она начинает реализоваться в форме научения и развития, т.е. когда человек самостоятельно или с помощью сопровождающего включает механизмы формирования, переходит от функционирования к формированию.

Надо признать, что такой переход не каждому доступен, но если такого «включения» не происходит, то ни о каком развитии в ходе деятельности говорить не приходится. Поэтому обозначенное выше утверждение должно быть переформулировано следующим образом: развитие субъекта труда может происходить в ходе профессиональной деятельности если человек в процессе её выполнения способен перейти от процессов её реализации к процессам формирования, т.е. к деятельности саморазвивающего типа.

Проведённый анализ и выделение двух оснований для классификации видов и форм деятельности профессионала позволяет уточнить понятия профессиональной и метапрофессиональной одарённости.

Профессиональная одарённость (уточнённое определение) – это индивидуально неповторимое сочетание трёх подсистем профессиональных способностей, которые влияют на эффективное выполнение, освоение и саморегуляцию конкретной профес-

сиональной деятельности. Уровни развития способностей выделенных подсистем не всегда коррелируют между собой. Поэтому можно говорить о трёх видах профессиональной одарённости. Одарённости в области реализации-выполнения профессиональной деятельности, в области её саморегуляции и в области её формирования- освоения.

Метапрофессиональная одарённость (уточнённое определение) – это индивидуально неповторимое сочетание трёх подсистем метапрофессиональных способностей, которые обеспечивают эффективную реализацию, регуляцию и освоение различных видов метапрофессиональной деятельности, обеспечивающих решение задач профессионального становления личности.

С учётом специфики видов метапрофессиональной деятельности можно выделить следующие виды метапрофессиональной одарённости:

- в области освоения, реализации и регуляции оптационной деятельности;
- в области освоения, реализации и регуляции учебно- профессиональной деятельности
- одарённость в области освоения, реализации и регуляции деятельности по карьерному развитию;
- одарённость в области освоения, реализации и регуляции адаптационной деятельности;
- одарённость в области освоения, реализации и регуляции деятельности по преодолению профессиональных кризисов. и т.д.

При этом каждый вид метапрофессиональной одарённости может быть поделён на три подвида с учетом специфики

освоения, реализации и регуляции каждого вида метапрофессиональной деятельности.

Учитывая намеченную дифференциацию видов и подвидов проф. и метапроф. одарённости возникает вопрос – до какого уровня возможна такая дифференциация одарённости? Можно ли говорить об одарённости в области реализации компонентов проф. деятельности? Например, об одарённости в области целеполагания, в области планирования проф. деятельности и т.д.? Все эти вопросы, как и другие положения нашего доклада носят явно дискуссионный и требуют дальнейшего обсуждения. И это станет целью нашего дальнейшего исследования.

Резюме

Во-первых, проведённый анализ позволил нам конкретизировать и уточнить объем и содержание понятия одарённости профессионала. Было показано, что одарённость профессионала не может быть сведена к профессиональной одарённости и должна быть дополнена метапрофессиональной одарённостью.

Во-вторых, проведённый анализ позволил зафиксировать специфическое содержание выделенных видов и подвидов одарённости профессионала, что существенно повышает точность диагностики одарённости в процессе её развития и сопровождения на разных этапах профессионализации.

В-третьих, представленные материалы убеждают нас в том, что в ходе профессионализации развивать нужно не только способности к конкретной профессиональной деятельности, т.е. профессиональную одарённость, но и способности необходимые для решения

нормативных и индивидуальных задач профессионального становления, т.е. метапрофессиональную одарённость.

В-четвёртых, благодаря дифференциации видов одарённости профессионала удалось теоретически обосновать причины несовпадения успешности решения профессионалам различных профессиональных задач, например, несовпадение эффективности профессиональной деятельности и успешности профессионального обучения или успешности карьерного развития и т.д.

В-пятых, предложенный алгоритм психологического анализа одарённости профессионала может быть с успехом использован для анализа психологического содержания таких понятий, используемых в психологической теории профессионализации, как профессиональный опыт, профессиональная компетентность, профессиональная пригодность, профессиональная готовность и т.д.

Библиографический список

1. Абульханова – Славская, К.А. Деятельность и психология личности [Текст] / К.А. Абульханова – Славская. – М.: Наука, 1980.– 246 с.
2. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания [Текст] / Б.Г. Ананьев. – М.: Наука, 1977.—380 с.
3. Большой психологический словарь [Текст] – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко.– 2003.—520 с.
4. Краткий психологический словарь [Текст] – Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС». Под ред. Л.А. Карпенко, А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, 1998.– 340 с.
5. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во МГУ, 1981.– 584 с.

6. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии [Текст] / Б. Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
7. Поварёнков, Ю. П. Психологический анализ процесса профессионализации (понятие цель профессионализации) [Текст] / Ю. П. Поварёнков // Способности и деятельность. – Ярославль, 1989. – С. 67–84
8. Поваренков, Ю. П. Психологическая характеристика содержания профессионального развития и его видов [Текст] / Ю. П. Поваренков // Ярославский психологический вестник. – 2009. – № 25. – С. 61–69
9. Поварёнков Ю. П. Полициклический подход к исследованию профессионального становления и реализации личности [Текст] / Ю. П. Поварёнков // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – С. 166–173.
10. Поварёнков Ю. П. Системогенетический подход к выделению и классификации профессиональных задач личности. [Текст] / Ю. П. Поварёнков // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 2. – С. 166–173.
11. Психологический словарь / под. ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. [Текст] – М.: Педагогика, 1983. – 448 с.
12. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М.: ГУПИ, 1946. – 704 с.
13. Теплов, Б. М. Проблемы индивидуальных различий [Текст] / Б. М. Теплов. – М.:, 1961. – 220 с.
14. Шадриков В. Д. Проблемы профессиональных способностей [Текст] / В. Д. Шадриков // Психологический журнал. – Т. 3. – № 5. – 1982. – С. 13–26.
15. Шадриков, В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности [Текст] / В. Д. Шадриков. – М.: Логос, 2007. – 192 с.
16. Шадриков В. Д. Профессиональные способности [Текст] / В. Д. Шадриков. – М.: Университетская книга, 2010. – 320 с.
17. Hall, D. T. The new career contract developing the whole person at midlife and beyond [Текст] / D. T. Hall, P. H. Mirvis // Journal of Vocational Behavior. – 1995. – V. 35. – P. 64–75.

ПИРАМИДА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ОНТОГЕНЕЗЕ

Пузырёв А. В. (Орехово-Зуево)

В статье предлагается иерархия, «пирамида» социально-психологических установок (аттитюдов), включающая семь уровней установок, – установки физического, личностного, межличностного, этнического, социального, принципиального и интегративного уровней. На основе использования словарей антонимов русского языка формулируются конструктивные и деструктивные качества личности, соответствующие каждому из семи уровней установок. Рассматриваются возрастные закономерности формирования пирамиды социально-психологических установок. Её «перевернутый» характер обосновывается расширением сознания в процессе онтогенеза.

Ключевые слова: уровни установок, социальная и возрастная психология, конструктивные и деструктивные установки, онтогенез.

The article introduces the hierarchy of social and psychological attitudes, consisting of seven levels. They are the attitudes of physical, personal, interpersonal, ethnic, social, principal and integrative levels. According to the hierarchy of attitudes constructive and destructive attitudes of a person are formulated with the help of the Russian language antonyms dictionaries. Also age specifics of forming of social and psychological attitudes hierarchy are dealt with. It's inverted character is explained by augmenting cognition during ontogeny.

Keywords: levels of attitudes, social and developmental psychology, constructive and destructive attitudes, ontogeny.

Анализ научных источников позволил выделить семь уровней социально-психологических установок (ср.: В. А. Ядов [В. А. Ядов, 1975]). Вполне обозримое число групп установок позволяет, как справедливо пишет Г. Олпорт, соблюсти разумное равновесие между слишком тонкими и слишком грубыми для нашей цели различиями [Г. Олпорт, 2002, с. 335], а «магическое» число 7 ± 2 оказывается пределом объёма оперативной памяти человека [Дж. А. Миллер, 1964].

Выделение семи групп (уровней) установок основывается на принципе

восхождения от простого к сложному, на принципе расширения сознания в процессе онтогенеза. В отличие от А. Маслоу, предлагавшего «пирамиду» потребностей, на вершине которой находится «самоактуализировавшаяся личность», нам в большей степени импонировали бы семь концентрически расположенных кругов потребностей и, соответственно, установок – установки физического, личностного, межличностного, этнического, социального, принципиального и интегративного уровней (рис. 1.1).

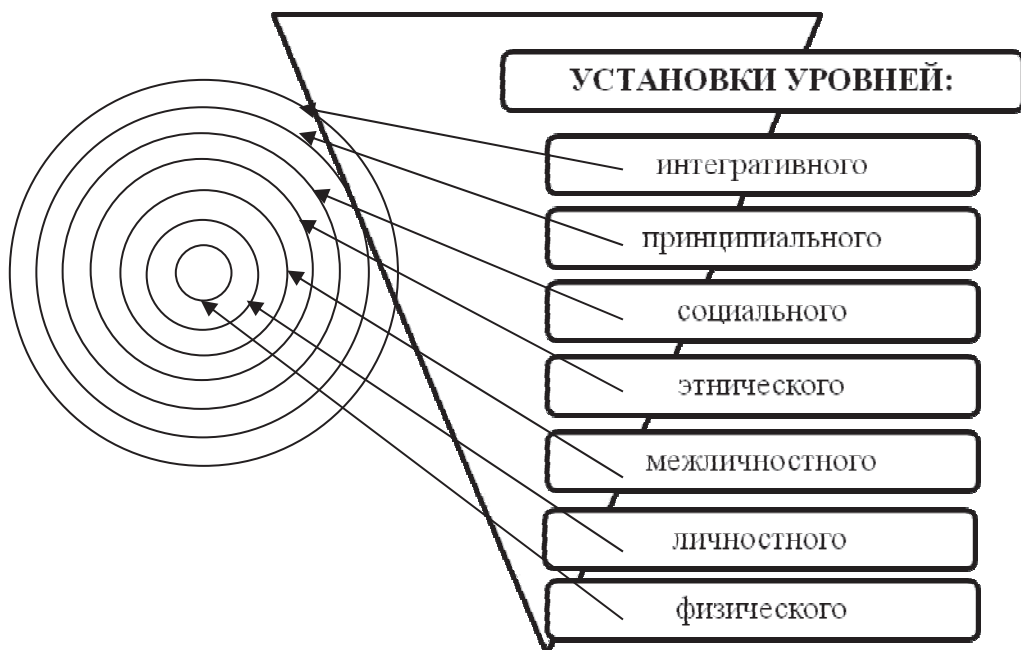

Рис. 1.1 – Иерархия уровней установок

В качестве наименьшего круга выступают потребности и установки физического плана, в качестве наибольшего – потребности и установки интегративного характера. Идея концентрически расположенных кругов плодотворна потому, что автоматически предполагает преемственность в развитии, предполагает зависимость развития вышележащих уровней установок от степени развития установок нижележащих. Она адекватна также потому, что отражает последовательность уровней социализации при взрослении личности.

Наше предложение семи кругов потребностей по своему существу совпадает с позицией Г. Олпорта: «Чувство Я, постепенно возникающее в младенчестве, не формируется полностью в первые три или первые десять лет жизни. Оно продолжает расширяться с опытом,

по мере увеличения круга того, в чём человек участвует» [Г. Олпорт, 2002, с. 335]. См. также: «Для зрелого человека жизнь – это нечто гораздо большее, чем пища, питьё, безопасность, спаривание. Жизнь больше всего того, что прямо или даже косвенно можно отнести к «редукции влечения». Если у человека не развились сильные интересы «вне его» (но всё ещё являющиеся частью его), его жизнь ближе к животному, чем к человеческому уровню существования» [Г. Олпорт, 2002, с. 336]. Методологически очень важным представляется суждение Г. Олпорта о том, что на последовательных стадиях жизни указанные семь аспектов не функционируют раздельно: «В нашей повседневной жизни некоторые из этих аспектов или даже все вместе сосуществуют» [Г. Олпорт, 2002, с. 261].

Если уж принимать идущую от А. Маслоу идею «пирамиды» потребностей и установок, то, по нашему мнению, эта пирамида должна быть не только семиуровневой, но также и перевернутой, поскольку должна символизировать – при развёртывании жизненного пути – принцип расширения сознания. «В процессе исторического развития круг того, в чём человек нуждается, расширяется» [С.Л. Рубинштейн, 2000, с. 518]; «Человек живёт как бы во всё более расширяющейся для него действительности» [А.Н. Леонтьев, 1983, с. 216]:

Подобное решение для психологов новым не является. Когда Э. Эриксона спросили, почему стадии развёртывания жизни у него на схеме изображены по диагонали, он ответил: «Чтобы показать, что то, как решено на 1-й стадии, так же будет решено и на последней» (цит. по: [Л.Д. Столяренко, 2000, с. 123]).

Развитие вышележащих уровней установок, с одной стороны, зависит от степени развития нижележащих установок, но если наблюдается «раздутость» установок нижних ярусов и незрелость высших установок, то жизнь человека, как справедливо формулирует Г.У. Олпорт, «ближе к животному, чем к человеческому уровню существования». С другой стороны, «пропуск» (=незрелость) хотя бы одного из семи выделенных уровней делает установки личности менее адекватными, в большей степени деструктивными. Признание иерархичности психологических установок, думается, вполне соответствует традициям отечественной психологии опираться на целостное представление об объекте исследования – человеке, стремиться давать ему комплексное и системное описа-

ние [В.А. Кольцова и др., 1997, с. 29–30]. Хотя удовлетворение витальных потребностей, пишет А.Н. Леонтьев, остаётся для человека «первым делом» и неустрашимым условием его жизни, всё-таки высшие, специально-человеческие потребности вовсе не образуют собой лишь наслаивающиеся поверхностные образования: «...Когда на одну чашу весов ложатся фундаментальнейшие витальные потребности человека, а на другую – его высшие потребности, то перевесить могут как раз высшие потребности. Это общеизвестно и не требует доказательств» [А.Н. Леонтьев, 1983, с. 208].

Достаточно беглое рассмотрение уровней психологических установок (в широком смысле этого понятия) заставляет признать, что на всех этих уровнях существуют явления «зрелого» и «незрелого» порядка, явления конструктивного и деструктивного характера. Деление установок на «зрелые», гармоничные, конструктивные, с одной стороны, и, с другой – на «незрелые», дефектные, деструктивные распространяется на установки всех уровней. В первом случае говорят о совладающем поведении, во втором – о поведении защитном (обзор точек зрения см.: [И.Г. Малкина-Пых, 2009]).

В настоящей статье производится краткий обзор взглядов психологов на формирование социально-психологических установок личности – от рождения до студенческого возраста. Главный акцент при этом делается не на последовательном пересказе психологических исследований, а на кратком пересказе результатов этих исследований. Новизна предпринятого подхода заключается в активном использовании словарей ан-

тонимов русского языка, позволяющих дать обильный материал для группирования социальных качеств личности по соответствующим уровням установок [Л. А. Введенская, 2003; Л. А. Введенская, 2010; М. Т. Львов, 1984].

Все исследователи сходятся на том, что самым важным периодом для формирования личности (и её установок) является начало жизни, с момента рождения до 1,5–2 лет. Именно в это время закладывается базовое доверие к окружающему миру или, напротив, глубокое недоверие к нему. Младенчество – это сензитивный период **для формирования установок физического уровня** – жить или умереть. «Ребёнку должно быть сообщено основное чувство, что мир хорош» [Б. Ливехуд, 2000, с. 145]. С одной стороны, «ребёнок вначале не выделяет даже своего тела из окружающего мира вещей», а с другой, «у ребёнка уже на 2-м мес. появляются далее всё развивающиеся и усложняющиеся специфические реакции социального характера (на че-

ловеческий голос, на выражение человеческого лица), активный поиск контакта с другим человеком...» [Л. С. Выготский, 1984, с. 305, 316–317]. Как формулирует Э. Эриксон, именно в это время, время младенчества, закладывается фундаментальное стремление к жизни или стремление к смерти [см.: Л. Д. Столяренко, 2000, с. 120]. Постоянное общение с матерью является главным фактором формирования установок жизнеутверждающего или разрушительного характера. Базовое доверие к миру проявляется в лёгкости кормления, хорошем сне ребёнка, нормальной работе кишечника, умении ребёнка ждать мать. Если же мать тревожна, невротична, а обстановка в семье напряжена и ребёнку не уделяют достаточного внимания, то формируется базовое недоверие к миру, устойчивый пессимизм, а психическое развитие ребёнка резко замедляется.

Именно в это время, по нашему мнению, формируются следующие качества личности:

<i>Физические установки</i>	
Жить	Умереть
1) доверяющий миру, сильный	1) не доверяющий миру, слабый
2) оптимистичный, весёлый, жизнерадостный	2) пессимистичный, грустный, тяжёлый
3) Характеризующийся избытком энергии, энергичный, резвый, жизнерадостный	3) характеризующийся недостатком (энергии), неэнергичный, безжизненный, вялый
4) живой, здоровый (обладающий здоровьем), нормальный, плодовитый, многодетный, долго живший	4) мёртвый, больной (страдающий какой-либо болезнью), болезненный, некрасивый, бесплодный, малодетный, мало живший
5) красивый	5) уродливый, безобразный

Указанные качества проявляются не сразу после рождения, они именно закладываются, некоторые из них проявятся уже в зрелом или даже преклонном

возрасте (например, различия в продолжительности жизни, количестве детей и др.)

С того момента, как ребёнок научается ходить, обучается контролировать себя при выполнении актов мочеиспускания и дефекации, запускается такая психологическая установка, как стремление к самостоятельности, опрятности, автономии. И здесь многое зависит от родителей. Если они не подавляют желания ребёнка, не наказывают за провинности, то в нём формируются гармоничные **установки личностного уровня**. Именно в это время он впервые рождается как личность, как «Я», проходит через стадию автономной детской речи, именно в это время в нём закладывается творческое начало (см. работы З. Фрейда, Э. Эриксона, Д. Б. Эльконина, Л. С. Выготского, В. В. Давыдова). В тех же случаях, когда он подвергается социальному порицанию, осуждению и, тем более, физическому наказанию, ребёнок нередко

демонстрирует или протест-бунт, или возмущение отрицания себя как личности. Психика ребёнка оказывается местом столкновения двух противоположно направленных мотивов-тенденций: *хочу* (Я сам) и *надо* (соответствовать требованиям взрослых). В конце второго года жизни возрастной кризис данного периода жизни преодолевается легко, после 3-х лет осложняется и затягивается (Л. И. Божович).

Личностные установки направлены на творческую самореализацию личности в искусстве, науке, спорте и других общественно полезных сферах (здесь, как и на других уровнях, могут быть выявлены установки как созидательного, так и деструктивного плана)

Именно в это время, с 1,5 до 3–4-х лет, по мнению многих исследователей, формируются следующие качества личности:

<i>Личностные установки</i>	
Развиваться, раскрываться	Дегradировать, не раскрываться
1) осознающий свою важность в этом мире, смелый	1) не осознающий своей важности в этом мире, боязливый, трусливый, застенчивый
2) уверенный в себе, спокойный; самостоятельный, весёлый	2) неуверенный в себе, беспокойный, нервный, зависимый, беспомощный, тоскливый
3) умный, ориентирующийся на истину, сообразительный, внимательный, дальновидный, серьёзный, точный, образованный, просвещённый	3) глупый, ориентирующийся на авторитеты; бестолковый, рассеянный, близорукий, легкомысленный, неаккуратный, невежественный, непросвещённый
4) одарённый, талантливый (даровитый, обладающий талантом)	4) бездарный (лишённый таланта, одарённости)
5) творческий, интересный, инициативный, деятельный, трудолюбивый, умелый	5) нетворческий, занудный, пассивный, ленивый, неумелый

В 3–4 года ребёнок начинает включаться в межличностные отношения, прежде всего с близкими и родными (братьями и сёстрами), именно в это

время в нём формируются те или иные **установки межличностного уровня**. В это время у него появляются игры, связанные с внесением элементов вооб-

ражения в ситуацию [Л. С. Выготский, 1984, с. 349]. В тех случаях, когда родителям удаётся сформировать в ребёнке ответственность за межличностные отношения, у него возникают гармоничные установки на этом уровне. Дети с такими установками могут дружить, играть, «секретничать» отдельно от взрослых, заботиться друг о друге. В семье с единственным ребёнком встречается стремление к деспотизму. Семизвездие симптомов (негативизм, упрямство, строптивость, своеволие, протест-бунт, обесценивание, деспотизм-ревность) – яркая отличительная особенность кризиса 3-х лет (Л. С. Выготский).

От характера прохождения этого кризиса зависит то, какие именно установки: созидательного или разрушительного характера – будут преобладать в дальней-

шем в межличностном общении данного субъекта. В семье с двумя детьми доминирует конфликтный, соперничающий стиль взаимоотношений. В семье с несколькими детьми та же тенденция к господству, к власти выступает как источник ревнивого отношения к другим детям [Л. С. Выготский, 1984, с. 371], но объективно носит менее выраженный характер.

Именно в это время, с 3 до 4-х лет, как свидетельствуют исследования различных авторов, формируются межличностные установки, обеспечивающие развитие или разрушение межличностных отношений с близкими, родными, друзьями и товарищами (сюда же относятся установки на отношения с лицами противоположного пола), закладываются следующие качества личности:

<i>Межличностные установки</i>	
Брать ответственность за отношения	Не брать ответственность за отношения
1) лёгкий, общительный, доступный, коммуникабельный, располагающий к себе, уживчивый, тактичный, вежливый	1) тяжёлый, необщительный, замкнутый, некоммуникабельный, неприятный, непокладистый, бестактный, грубый
2) честный; верный, непритворный, искренний; правдивый	2) нечестный, бессовестный; вероломный, неверный, двоедушный; фальшивый, лицемерный; лживый
3) простодушный, доверчивый	3) хитрый, подозрительный
4) добрый, сердечный, ласковый, заботливый, отзывчивый, доброжелательный	4) злой, бессердечный, грубый (строгий), отстранённый, безразличный; равнодушный; агрессивный, недоброжелательный
5) бескорыстный, благодарный	5) жадный, корыстный; неблагодарный

Почти одновременно с межличностными, но чуть позже, примерно в четыре года ребёнок начинает понимать, что он принадлежит к конкретной национальной общности. Общение вне дома, разговоры с родителями способствуют его эт-

нической самоидентификации. Известно, что *этнические установки* относятся к наиболее устойчивым психологическим установкам личности, поскольку они:

– по своему содержанию чрезвычайно консервативны;

– включают в себя яркие образы;
 – передаются от поколения к поколению и
 – опосредуют действия и поведение человека как представителя конкретной этнической общности [Н. Tajfel, 1981, с. 78–80; см. также: В. Г. Крысько, 2009, с. 130].

Будучи заложенными в памяти представителей конкретной этнической общности, национальные установки «извлекаются» из неё автоматически и во многом определяют поведение личности в том или ином виде деятельности. Наиболее отчётливо этнические установки проявляются в межнациональных контактах. О том, что этнические установки закладываются в достаточно раннем детстве, пишут многие исследователи [см.: Н. Tajfel, 1981; Ю. В. Бромлей, 1983 и др.]. Как пишет Т. Г. Стефаненко, первые «проблески» диффузной идентификации с этнической группой большинство авторов обнаруживает у детей 3–4 лет, есть даже данные о первичном восприятии ярких внешних различий – цвета кожи, волос – детьми до трёх

лет. Но практически все психологи согласны с тем, что *реализованной этнической идентичности* ребёнок достигает в подростковом возрасте, когда рефлексия себя приобретает для человека первостепенное значение [Т. Г. Стефаненко, 2009, с. 250]. К 4–6 годам сверстник по привлекательности начинает обгонять взрослого в качестве желанного партнёра, игра становится совместной, коммуникация со сверстниками стимулирует использование речи в большей степени, чем общение со взрослым [Н. В. Коптева, 1996, с. 6], что оказывается существенным фактором становления и развития установок межличностного, этнического и собственно социального плана.

Именно в это время, начиная с 4-х до 12–14-ти лет, формируются расово-этнические установки, связанные с принадлежностью к определённому этносу, расе (здесь могут быть выделены тоже две противоположные позиции: альтруистическая и эгоистическая; см.: [Л. Н. Гумилёв, 1997, с. 162–163].

Именно в это время закладываются следующие качества личности:

<i>Этнические установки</i>	
способствовать национальному возрождению	способствовать национальному вырождению
1) осознающий важность вопроса о своей национальной принадлежности	1) не принимающий важности вопроса о своей национальной принадлежности
2) альтруистичный, работающий на благо своего этноса	2) эгоистичный, работающий на собственное благо
3) обладающий развитой национальной идентичностью	3) обладающий ослабленной национальной идентичностью
4) националистичный, симпатизирующий представителям своего этноса	4) космополитичный, не видящий разницы между представителями различных этносов
5) плодовитый, многодетный	5) малодетный

В 6–8 лет у ребёнка складываются **социальные установки** (в узком смысле этого слова). Период подготовки к школе и начало обучения в ней сопровождается известным кризисом семи лет – «утратой непосредственности» [Л. С. Выготский, 1984, с. 376–377]. Ведущим типом деятельности в младшем школьном возрасте оказывается учебная деятельность. У ребёнка появляется способность действовать в соответствии с принятым намерением, появляется подлинная самооценка, т.е. устойчивое внеситуативное отношение к себе. При позитивном прохождении начального включения в учебную деятельность у ребёнка появляется теоретическое сознание и мышление и соответствующие им способности (рефлексия на способ действия, мысленное планирование и самоконтроль). При негативном прохождении кризиса 7 лет у ребёнка наблюдаются манерничанье, кривляние, паясничанье. От характера прохождения этого кризиса зависит то, какие именно установки: созидательного или разрушительного характера – будут преобладать в дальнейшем в социальном общении

данного субъекта: или установки на сотрудничество, на органичное включение в учебную общность, на возникновение рефлексивных отношений, умение договариваться между собой (созидательные установки), или установки на удерживание в рамках привычных исполнительских отношений с умелым взрослым, на запрашивание у учителя готового образца действия и воспроизведение его, на конформизм и т.п. феномены не вполне социального поведения (установки разрушительного характера).

Именно в это время, начиная с 6–8-ми, формируются собственно социальные (в узком смысле этого слова) установки, направленные либо на общекомандные, корпоративные отношения, либо на конформизм и подавление инакомыслящих в конкретном социальном сообществе (в том числе в семье как первичной ячейке общества). В это время формируется базовая установка личности – созидать или разрушать в социуме.

Именно в это время закладываются следующие качества личности:

<i>Социальные установки</i>	
способствовать созидательным процессам в социуме	способствовать разрушительным процессам в социуме
1) производящий, работающий, трудолюбивый, деятельный, щедрый, жизнедеятельный	1) потребляющий, ленивый, бездеятельный, скупой, бездейственный, бездействующий
2) коллективистский, благожелательный, человечный, патриотичный, вежливый, миролюбивый, ищущий единомышленников	2) индивидуалистский, враждебный, бесчеловечный, космополитичный, невежливый, властолюбивый, собирающий противников
3) грамотный, образованный, культурный, требовательный, успешный, оригинальный, интересный, компетентный, квалифицированный	3) неграмотный, невежественный, дикий, снисходительный, неуспешный, обычный, неинтересный, некомпетентный, неквалифицированный

4) уважаемый, добросовестный, ответственный, организованный, дисциплинированный, управляемый	4) неуважаемый недобросовестный, безответственный, неорганизованный, расхлябанный, неуправляемый
5) Свободный, освобождающий, спасающий, незаурядный, отважный, ведущий (за собой)	5) несамостоятельный, порабощающий, губящий, заурядный, типичный, боязливый, робкий, ведомый (за другим)

В подростковом возрасте (с 11 до 14,15 лет) ребёнок становится общественным взрослым (по Д. Б. Эльконину). В этом возрасте человеку впервые по-настоящему открывается будущее, время для него начинает измеряться годами (до этого оно измерялось неделями, в лучшем случае – месяцами). На этой основе начинают строиться жизненные планы. Но жизненные планы – это составная часть растущего самосознания личности подростка. У подростка появляется потребность выйти за рамки школы, приобщиться к жизни и деятельности взрослых. Однако реализация этой идеи возможна, если подросток будет соответствовать не только требованиям окружающих его людей (что явилось приобретением предшествующего возраста), но прежде всего собственным требованиям и самооценке. Так у подростка формируются жизненные принципы, его *принципиальные установки*. Как известно, в отрочестве ведущим типом деятельности становится общение. Именно общение помогает подростку постоянно сравнивать себя со сверстниками и вырабатывать самооценку, выра-

батывать свои жизненные принципы. Эти принципы во многом зависят от характера сложившегося общения. При позитивном характере общения формируются зрелые принципиальные установки личности (=постконвенциональный уровень нравственности по Э. Кольбергу). Чаще, к сожалению, характер общения не создаёт достаточных условий для позитивного развития принципиальных установок личности, и, по Кольбергу, как уже говорилось, шестой стадии постконвенционального уровня достигает меньше 10% людей в возрасте 16 лет и старше (о стадиях и уровнях моральных установок по Л. Кольбергу см.: [Адалин, 2011; Г. Крайг, Д. Бокум, 2011; Е. А. Сорокоумова, 2009] и др.).

Именно в это время, начиная с 11–12-ти лет, формируются принципиальные установки личности, предопределяющие или следование принятым данной личностью принципам поведения, или беспринципность, притворство и прагматизм поведения данной личности в социуме.

Думается, именно в это время закладываются следующие качества личности:

<i>Принципиальные установки</i>	
следовать выработанным принципам	следовать не принципам, а ситуативным интересам
1) принципиальный, однозначный, справедливый, честный, правильный, смелый	1) беспринципный, обтекаемый, несправедливый, подлый, неправильный, трусливый

2) искренний, правдивый, неравнодушный, порядочный	2) лицемерный, лживый, равнодушный, жуликоватый
3) решительный, надёжный, свободный	3) нерешительный, ненадёжный, конформный
4) нравственный, стойкий	4) безнравственный, шаткий
5) достойный, возвышенный, добродетельный, благородный	5) недостойный, низменный, порочный, низкий

Наконец, в юношеские годы (чаще всего это связано, хотя и не обязательно, с получением высшего образования) у личности формируются зрелые (или незрелые) **интегративные установки**, или, что одно и то же, установки интегративного характера. К установкам такого рода относятся установки, связанные с восприятием своего Я включённым в «единую и неделимую сеть событий и взаимосвязей» (В.В. Козлов). Человек – существо целостное, т.е. самостоятельное, способное к саморегуляции и развитию. Но человек – не единственная целостная сущность в мире. Все в природе обладает целостностью, сама природа целостна и представляет собой иерархию, в которой каждый элемент является «целым» по отношению к своим частям и «частью» по отношению к большему целому. Отсюда понятна тяга человека осознать себя, своё место в системе общественных отношений [А.Н. Леонтьев, 1983, с. 228], выйти за свои пределы, трансцендировать, быть, чувствовать, осознавать себя частью мироздания [В.В. Козлов, 2011]. Проявлением зрелых интегративных установок становится развитая идентичность, в свою очередь, оказывающаяся интегративным критерием психического здоровья личности. Под идентичностью, или самоидентичностью, при этом понимается, как писалось выше, процесс переживания человеком своего Я как ему

принадлежащего, то есть, переживание тождественности самому себе, своему Я [Г.И. Малейчук, 2010].

Несмотря на известные различия трактовок, авторы работ об идентичности, по мнению Г.И. Малейчука, едины в прочерчивании онтогенетической линии развития идентичности, которая проходит путь от фрагментарного, конкретного, парциального «частичного» образа Я до целостного и обобщённого; от эмоционально лабильных, «текучих», нагруженных аффектами и недифференцированных репрезентаций себя и Другого – к более дифференцированной, сложно организованной и когнитивно-аффективно сбалансированной структуре, способной организовывать и «удерживать» противоречивый и амбивалентный опыт, к структуре, в ходе развития становящейся всё более свободной от непосредственного влияния удовлетворения/фрустрации, аффективных противопоставлений «хорошего» и «плохого» [Г.И. Малейчук, 2010].

Именно в это время, начиная с 16–18-ти лет, формируются интегративные установки личности, предопределяющие её целостность или нецелостность, её сбалансированность или дисбалансное состояние.

Думается, именно в это время закладываются следующие качества личности:

<i>Интегративные установки</i>	
расширять сознание	сужать сознание
1) объективный, истинный, естественный, настоящий, разумный, рассудительный, мудрый, понимающий, информированный, глубокий, духовный	1) необъективный, ненастоящий, искусственный, поддельный, неразумный, безрассудный, глупый, не понимающий, неосведомлённый, поверхностный, бездуховный
2) гармоничный, многогранный, всеобъемлющий, разносторонний, многоликий, человеческий, ансамбль субличностей, сбалансированный	2) дисгармоничный, ограниченный, однонаправленный, однобокий, однообразный, бесчеловечный, разобщённость субличностей, пребывающий в дисбалансе
3) зрелый, проницательный	3) незрелый, непроницательный
4) позитивный, счастливый, светлый, ясный, удачливый, увлечённый, положительный, хороший, великий	4) негативный, несчастный, мрачный, пасмурный, неудачливый, разочарованный, отрицательный, плохой, ничтожный
5) целостный, чистый, прекрасный, безупречный, неуязвимый	5) односторонний, грязный, отвратительный, испорченный, уязвимый

Нет сомнений, что формирование социально-психологических установок юношеским возрастом не завершается. В каком-то смысле их трансформация продолжается всю жизнь и завершается лишь смертью человека. В ходе возрастного развития установки личности усложняются, переплетаются и образуют самые причудливые сочетания. В результате своеобразия индивидуально-пересечения установок (аттитюдов) и возникает уникально-неповторимая человеческая личность.

Литература

1. Адалин. Концепция морального развития Колберга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adalin.mospsy.ru/dictionary/dictionary.php?term=2016000> (Дата доступа: 19.05.2011)
2. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса [Текст]. – М.: Наука, 1983.– 412.
3. Введенская, Л. А. Словарь антонимов русского языка: Более 500 антонимических гнезд [Текст]. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003.– 445, [3] с.
4. Введенская, Л. А. Учебный словарь антонимов русского языка [Текст].– 3-е изд. – Ростов н/Д.: ИЦ «МарТ»; Феникс, 2010.– 320 с.
5. Выготский, Л. С. Детская психология [Текст] / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4 / Под ред. Д. Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984.– 432 с., ил.– (Академия пед. наук СССР).
6. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л. Н. Гумилёв; сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997.– 640 с.: ил.– (Сер. альманахов «Сочинения Л. Н. Гумилёва, вып. 3»).
7. Козлов, В. В. Интегративный подход в современной психотерапии и психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.integratio.ru/article/016.htm> (Дата доступа – 04.07.2011).

8. Кольцова, В. А. Психология в России начала XX века: (Предреволюционный период) [Текст] / В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник, Б. Н. Тугайбаева // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: ИП РАН, 1997. С. 10–48.
9. Коптева, Н. В. Карта возрастов: Психическое и личностное развитие от 0 до 18 лет. В помощь родителям и учителям [Текст] / Н. В. Коптева. – Пермь: ГКОН-ЗУУНЦ, 1996.– 18 с.
10. Крайг, Г. Теория морального развития-Кольберга / Г. Крайг, Д. Бокум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.syntone.ru/library/books/content/3527.html?current_book_page=40
11. Крысько, В. Г. Этническая психология [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. Г. Крысько.– 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2009.– 320 с.
12. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. / А. Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. Т. II, 320 с.
13. Ливехуд, Б. Ход жизни человека [Текст] / Б. Ливехуд. // Психология возрастных кризисов: Хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. – Мн.: Харвест, 2000. – С. 142–194.
14. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антонимических пар [Текст] / Под редакцией Л. А. Новикова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1984.– 384 с.
15. Малейчук, Г. И. Идентичность как интегративный критерий психического здоровья личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.b17.ru/article/749> (Опубликовано на сайте: 9 июля 2010 г.; Дата доступа – 04.07.2011).
16. Малкина-Пых, И. Г. Психосоматика [Текст] / И. Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2009.– 1024 с.– (Новейший справочник психолога).
17. Миллер Дж. А. Магическое число семь плюс или минус два: О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию [Текст] / Дж. А. Миллер // Инженерная психология. Сб. статей / под ред. Д. Ю. Панова и В. П. Зинченко. – М., 1964. – С. 192–225.
18. Олпорт, Г. Становление личности: избранные труды [Текст] / Г. У. Олпорт. – М.: Смысл, 2002.– 462 с.
19. : Питер, 2000.– 712 с.: ил.– (Серия «Мастера психологии»).
20. Словарь антонимов русского языка: [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bravica.ws/ru/antonims.htm> (Дата доступа – 04.02.2016).
21. Сорокоумова, Е. А. Психологические особенности нравственного развития современных подростков [Электронный ресурс]. 2009. – Режим доступа: <http://mggu-sh.ru/sites/default/files/psihologicheskie... pdf> (Дата доступа: 02.03.2016).
22. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология [Текст]: Учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко.– 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009.– 368 с.
23. Столяренко, Л. Д. Педагогическая психология [Текст] / Л. Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.– 544 с.– (Серия «Учебники и учебные пособия»).
24. Ядов, В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности [Текст] / В. А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1975. – С. 89–105.
25. Tajfel, H. Human groups and social categories: Studies in social psychology / Henri Tajfel. – Cambridge.– 1981. – April.– 369 pp.

МЕТАСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД. ФАКТОРЫ ОПОСРЕДУЮЩЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТУПКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: Проступок, представляет собой сложное явление, является результатом действия множества факторов, влияющих на состояние, структуру, уровень нарушений. Для исследования всей совокупности проступочного поведения требуется установить как можно больше обстоятельств, определяющих содержание и структуру детерминируемого явления. Данные действия сводятся к построению причинно-следственных связей, а также к разграничению факторов и условий. Метасистемный подход является основой изучения социальной психологии проступков в деятельности сотрудников ОВД. Деятельность является наиболее традиционным, широко изученным предметом психологического анализа; при ее изучении полностью проявились попытки структурно-уровневой интерпретации; деятельность является значимым объектом психологического изучения в теоретическом и в прикладном плане.

Abstract: A misdemeanor is a complex phenomenon that is the result of many factors that influence the state structure, the level of violations. For the study of the totality of prostupochnogo behavior you want to install as much as possible of circumstances that determine the content and structure of determinate phenomena. These actions are reduced to the construction of causal relationships, as well as differentiation factors and conditions. Metasystem approach is the basis for the study of social psychology of misconduct in the work of law enforcement officers. Activity is the most traditional, well-studied subject of psychological analysis; in its study fully apparent attempt to diversify structurally-level interpretation; activity is an important object of psychological research in theoretical and applied terms.

Ключевые слова: метасистемный подход, проступок, проступочное поведение, деструктивные проявления, деятельность, противоречия, феномен профессиональной деформации личности, конфликты, прогнозирование, профилактика, детерминанты, факторы, условия, причины, социальная среда.

Keywords: metasystem approach, a misdemeanor, criminal behavior, destructive manifestation, activity, contradictions, the phenomenon of professional deformation of the person, conflicts, prediction, prevention, determinants, factors, conditions, causes, social environment.

На рубеже 90-х годов XX столетия в нашей стране стали складываться новые рыночные отношения. Произошло крушение старых государственных институтов и общественных отношений. Сотрудники ОВД оказались в совершенно новой системе функционирования.

Следует подчеркнуть, что привычная стабильность социального престижа

и материального обеспечения сотрудников ОВД, в свете данных событий была окончательно потеряна. Происходила ломка привычных норм. Система ценностных ориентаций была утеряна, а ведь именно она обеспечивала реальность, обоснованность и предпочтительность выбора гражданами службы в ОВД. Появились новые нравственные и социаль-

ные нормы. Экономическая дестабилизация привела к накоплению конфликта. Ядро кадрового потенциала ОВД начало размываться. Профессионалы, имеющие двадцать и более лет выслуги, стали массово увольняться со службы. Сегодня 70% личного состава – это молодые люди в возрасте до 30 лет, которые еще до конца профессионально не сформировались.

В мирное время полиция – это единственная власть, которой дано право силовыми методами противостоять деструктивным проявлениям в государстве. На сотрудников ОВД возлагается ряд определенных обязательств, в их числе – безопасность граждан. Профессиональная специфика – в силу служебного долга они могут применять силовые методы воздействия. У сотрудников ОВД должно быть развито правосознание, которое не позволит чувству служебного долга трансформироваться в ожесточение, грубый произвол, бескомпромиссность разрешения конфликтов, в формирование бесцеремонной, деспотичной, нетерпимой к окружающим личности.

Деятельность сотрудников ОВД – правоохранительная и, поэтому, отклоняющееся поведение сотрудников, проявляется, прежде всего, в нарушении ими правовых норм, а именно Федеральных Законов, подзаконных актов в виде постановлений и распоряжений Правительства, указов Президента РФ, решений суда, ведомственных нормативно-правовых актов.

Важно отметить, что деятельность сотрудников ОВД по своему социальному назначению и содержанию всегда будет конфликтосодержащей и потенциально проступочной. *Противоречия с гражданами* возникают в силу ряда объективных

и субъективных условий, вызванных правовыми и организационно-управленческими причинами, обусловленными: 1) спецификой задач, стоящих перед сотрудниками ОВД; 2) реальными условиями, в которых выполняются эти задачи; 3) правомерностью или проступочностью поведения в стрессовых и экстремальных ситуациях, как сотрудников ОВД, так и граждан.

Анализ научных публикаций позволяет утверждать о значительном влиянии содержания и ситуаций профессиональной деятельности сотрудников ОВД на совершение ими проступков, а в отдельных случаях нарушений законности. В качестве субъективных оснований подобных негативных тенденций может *выступить феномен профессиональной деформации личности* – изменение профессиональных возможностей сотрудника ОВД в целом в асоциальную сторону (проявляющиеся в отсутствии мотивации к работе, повышенной конфликтности, снижении эффективности профессиональной деятельности, систематическом нарушении служебной дисциплины и т.д.). Психологи подтверждают, что профессиональная деформация может обнаруживаться как минимум в двух сферах личности:

1) в психических процессах и состояниях;

2) в социально – психологических чертах, проявляющихся в профессиональной деятельности и поведении.

В своих работах В.Е. Орел подчеркивал, что деформация тех или иных структур личности может возникнуть как следствие прогрессивного развития определенных черт личности, познавательных образований, мотивов как результата высокой степени специализации

деятельности. Постепенно они начинают проявляться в профессиональной деятельности, переходят в другие сферы жизнедеятельности сотрудника ОВД, затрудняя его поведение в них. Наиболее справедливо данное утверждение в отношении проявлений профессиональной деформации в мотивационной и когнитивной сфере [5].

Вопросы о социальной психологии проступка в деятельности сотрудников ОВД характеризуются, на наш взгляд, глубокой внутренней общностью, поскольку они, так или иначе, «стягиваются» к одному проблемному ядру – необходимости изучения механизмов и форм психической интеграции различных видов процессуальной регуляции деятельности. Рассматривая проступок как социальное явление, следует иметь в виду, что оценка одних явлений в качестве причин, а других в качестве условий всегда будет иметь относительный характер. В разных случаях одно и то же явление может выступать либо причиной, либо условием. Однако фактор становится причиной лишь при наличии конкретных способствующих условий.

Взаимодействие социальной среды и личности следует понимать как интегративный результат воздействия друг на друга совокупности детерминант, факторов, условий и т.п. При этом нередко эти факторы и условия могут оказывать друг на друга как позитивный, в плане конечного результата, так и негативный эффект. Рассматривая вертикальный срез «общество – социум – семья – личность», следует отметить, что для каждого уровня факторами проступочности выступают различные по своему действию детерминанты.

Карпов А. В. писал: «Психика не только может, но и, на наш взгляд, должна быть рассмотрена как специфическая система – система со «встроенным» метасистемным уровнем» [2; С. 212]. Деятельность является наиболее традиционным и широко изученным предметом психологического анализа; при ее изучении очень полно и разносторонне проявились попытки структурно-уровневой интерпретации; она (деятельность) является, наконец, и наиболее значимым объектом психологического изучения не только в теоретическом, но и в прикладном плане [2; С. 212].

Считаем, что деятельность, а также особенности и закономерности ее структурно-уровневой организации – это более чем достойный «кандидат» для верификации на ее материале общетеоретических представлений концепции социальная психология проступка в деятельности сотрудников ОВД. Метасистемный подход позволяет раскрыть такие понятия как «проступок», «проступочное поведение», разработать научно обоснованный комплекс мер по прогнозированию и профилактике проступочного поведения сотрудников ОВД и др.

Карпов А. В. отмечал: «складывается ситуация, при которой метасистемный принцип как базовый и фундаментальный, на наш взгляд, принцип организации психики многократно воплощается – мультиплицируется в важнейших проявлениях, в подсистемах общей системы психического. Возникнув и сформировавшись в ходе эволюции – филогенеза именно как общий – присущий психике человека в целом, он затем – в ходе онтогенеза многократно воплощается в различных – важнейших ее подсистемах,

«составляющих». В этом, кстати говоря, проявляется «экономичность» организации психики, ее способность к максимально эффективному использованию ограниченного числа базовых, фундаментальных принципов в целях организации своего функционирования [2; С. 211].

В исследованиях, поведенных Карповым А. В., базовым предметом выступают деятельности, принадлежащие не к так называемому «субъект-объектному» классу, а деятельности, принадлежащие к «субъект-субъектному» классу – управленческая, организационная, педагогическая. Именно в них, по мнению ученого, предмет исследования психологической структуры деятельности представлен в максимально полном, развернутом и дифференцированном виде, что в свою очередь создает наиболее благоприятные возможности для его изучения.

Особый акцент стоит сделать на факторах опосредующих формирование проступков в деятельности сотрудников органов внутренних дел.

И. А. Папкин в психологической структуре виктимности сотрудников ОВД выделяет три основных составляющих:

1) элементы недостаточной профессионально-психологической подготовленности к действиям в опасных для жизни, здоровья ситуациях;

2) негативные личностные и психофизические качества, создающие виктимные потенции в поведении сотрудников ОВД;

3) доминирующие психические состояния, оказывающие отрицательное воздействие на эффективность действий сотрудников ОВД в опасных ситуациях профессиональной деятельности [6; 7].

Основными типами проявления виктимных личностных качеств (при действиях сотрудников ОВД в опасных для жизни и здоровья ситуациях) выступают:

1) *по отношению к ситуации-инциденту* и способам ее разрешения (недисциплинированный, самонадеянный, склонный к неоправданному риску, беспечно-легкомысленный);

2) *по уровню профессионально-психологической подготовленности* (экстремально-неустойчивый, склонный к конфликтам, несогласованный по решениям и действиям с другими сотрудниками);

3) *по способу реагирования* на внезапно возникшую опасность (импульсивный, заторможенный, боязливый);

4) *по особенностям складывающихся взаимоотношений* с другими людьми при наступлении ситуации инцидента (агрессивный, конформный, доверчивый);

5) *по степени поведенческой активности* (сверхмобильный, пассивный, суетливый);

6) *по степени вклада* в развитие опасной ситуации (провоцирующий, реагирующий уязвимым поведением);

7) *по содержанию поведенческих реакций* (универсальный, характеризующийся комплексом виктимных реакций, доминирующий, склонный преимущественно к одной из возможных реакций в своем поведении) [6; 7].

С учетом проведенного анализа и сложившейся в МВД России дисциплинарной практики *под проступочным поведением* сотрудников следует понимать следующие виды деяний: дисциплинарные (нарушение служебной дисциплины, аморальные проступки), административные правонарушения (нарушения правил

дорожного движения, охоты, рыболовства и пр.).

Актуальность выработки в условиях продолжающейся криминализации российского общества научно обоснованного комплекса мер по прогнозированию и профилактике проступочного поведения сотрудников ОВД обусловлена рядом обстоятельств:

1) снижается уровень профессиональной мотивации сотрудников ОВД;

2) отмечается высокий уровень текучести кадров;

3) атмосфера напряженности в служебных коллективах;

4) довольно высокий уровень служебно-дисциплинарных нарушений, нарушений законности (в том числе уголовно наказуемых);

5) наблюдается рост чрезвычайных происшествий (суициды, алкогольные эксцессы, травматизм);

6) ухудшаются общие показатели здоровья (особенно нервно-психического).

Актуальным становится вопрос о выявлении причин, выступающих:

1) в качестве причинных факторов;

2) в виде фоновых условий.

В общественных науках термин «фактор» применяется довольно широко. Под ним в широком смысле понимается «причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные черты, и группа причин, объединенных каким-либо ведущим признаком, в данном случае выступающая в качестве доминанты развития, изменения изучаемого явления» [1].

Важным, с методологической точки зрения, является выделение двух видов детерминации: генетического и функционального характера. Вычленение гене-

тического характера взаимодействия позволяет понять характер взаимодействия экономических, социальных, политических, духовных условий жизни сотрудников ОВД (причин проступочного поведения).

Исследование процесса взаимодействия, с позиции влияния тех же детерминант, однако в аспекте качественных и количественных характеристик проступка, отражает *процесс выявления причин состояния*:

1) различия в проступках во временном, территориальном срезе могут порождаться изменениями в интенсивности действий факторов проступочности в данное время, на данной территории (сами причины остались прежними);

2) возможно, что возникли новые, ранее не существовавшие факторы проступочности (число проступков увеличилось за счет действия именно этих факторов);

3) могут измениться не сами факторы проступочности, а объективные условия, сфера их действия (возрасти, либо уменьшиться количество сотрудников ОВД, подверженных воздействию данных факторов).

Для общества *причинами проступков* выступают противоречия общественного развития, однако «опускаясь» вниз, в процесс причинности, включаются конкретные социально-территориальные проявления данных противоречий, условия и образ жизни, правовые мотивы. При этом важно учитывать, что как проступочность в целом, так и проступки являются неотъемлемой составной частью социальной среды, оказывают в большинстве случаев активное обратное воздействие. В силу этого *методологически значимой* для исследования проступков

в деятельности сотрудников ОВД является: пространственно-временная характеристика всех детерминант, участвующих в причинно-следственном комплексе.

В концепции социальная психология проступков в деятельности сотрудников ОВД обращается особое внимание на вопросы пространственно-временного распределения проступков (места проступков, места жительства сотрудника ОВД несоблюдающего служебную дисциплину, допускающих административные правонарушения, их образ жизни). Изучаются проблемы личной, корпоративной безопасности сотрудников ОВД, наличия страха населения перед преступностью, проблема отношения к полиции, а также проблема риска стать жертвой преступности. Особый акцент делается на формирование факторов виктимологического характера, исследуется влияние социальной структуры того или иного района на уровень и характер проступности и преступности, устанавливается миграционный процесс лиц, совершающих проступки, изучается различие в реакции на проступность.

На уровне индивидуального поведения источником проступочного поведения служит несоответствие личностных свойств сотрудника ОВД требованиям социальной роли в системе общественных отношений. Первичной «клеточкой» социального отклонения является проступок конкретного сотрудника ОВД, нарушающего социальную норму. Причиной каждого асоциального проступка выступают, с одной стороны, личностные особенности данного индивида (его взгляды, интересы, потребности, отношение к различным социальным ценностям и установлениям), в том числе к правовым

предписаниям, запретам. А с другой стороны – совокупность внешних объективных обстоятельств, которые вызывают намерение, решимость совершить умышленное противоправное деяние (действие или бездействие), либо допустить нанесения вреда по неосторожности.

Проведенными исследованиями *причин нарушений сотрудниками ОВД служебной дисциплины и законности* [1] установлены, прежде всего, следующие ранжированные по степени значимости объективные причины роста:

1) *экономическая ситуация* в стране (хозяйственно-экономические и финансовые условия характерные для переходного этапа российского государства и его субъектов;

2) *«размывание» профессионального ядра* в ведущих службах (увольнение со службы высококвалифицированных специалистов при одновременном комплектовании ОВД лицами, не имеющими необходимой профессиональной подготовки, жизненного опыта);

3) *устойчивая тенденция снижения уровня жизни основных категорий личного состава* (побуждает искать дополнительные доходы вне системы ОВД);

4) *в СМИ идет поток информации альтруизма, товарищеской взаимопомощи и навязывание потребительского образа жизни сотрудников ОВД, негативное освещение их деятельности ОВД, создание отрицательного образа сотрудника ОВД.*

В числе *условий*, также влияющих на состояние проступности личного состава, выделяют:

1) условия проживания сотрудников (в городах, пригородах, сельской местности);

2) характер расселения и субкультура доминирующих социальных слоев населения (в которой живет, несет службу сотрудник ОВД) имеет определяющее значение. Данный аспект представлен весьма широко, а также наличие в населенных пунктах определенных предприятий, учреждений тех или иных отраслей экономики.

Субъективные причины, способствующие возникновению проступочности, связаны с личностными особенностями сотрудников ОВД. К сожалению, сегодня, в условиях социально-экономического и социально-политического дисбаланса в стране, у многих сотрудников ОВД уже на этапе профессиональной адаптации выявляются признаки негативизма, недоверия к силе закона. Отмечается снижение профессиональной мотивации, низкий уровень общей и правовой культуры, манкирование служебными обязанностями.

К условиям, способствующим совершению проступков, нарушений служебной дисциплины и законности сотрудниками ОВД, относятся:

1) *несвоевременное информирование личного состава* об изменениях происшедших в действующих нормативно-правовых актах;

2) *недостаточный контроль* со стороны руководителей за подчиненными;

3) *низкая эффективность боевой и служебной подготовки* сотрудников ОВД;

4) *нарушение уставного порядка*, дисциплины, правил, норм, традиций;

5) *отсутствие конкретности и четкости* в определении должностных обязанностей сотрудников ОВД;

6) *слабая воспитательная работа* по укреплению служебной дисциплины;

7) *отсутствие эффективной системы поощрения* добросовестных сотрудников и наказания тех, кто допускает нарушения;

8) *отрицательный пример* руководителей.

Следует подчеркнуть, что для некоторых из сотрудников ОВД правоохранительные органы являются «крышей» для коммерческих организаций, частных лиц и отстаивания своих личных корыстных, не всегда законных интересов. Другим важным моментом является наличие социально-психологических стереотипов, выражающихся в предвзято-негативном отношении к гражданам, нарушившим административную норму права.

В среде сотрудников ОВД происходит закрепление негативистических установок, что в свою очередь приводит к росту меркантилизации при исполнении ими служебных обязанностей (вплоть до слияния с криминальными элементами).

Опираясь на практический опыт работы в ОВД, следует подчеркнуть, что *источником негативных явлений в подразделениях ОВД* нередко являются сами сотрудники. Речь идет о сотрудниках ОВД, которые до поступления на службу отличались дефектами нравственно-этического развития, низкой культурой, а также несформированной профессиональной мотивацией.

Ежегодно, по отрицательным мотивам в первые три года службы увольняются из ОВД около четырех тысяч сотрудников. Вызывает сомнение, что у сотрудников ОВД за такой непродолжительный период службы успели сформироваться черты характера (которые пишут психо-

логи в своих экспертных заключениях) инфантилизм мышления, акцентуация черт характера, ограниченный кругозор, примитивность суждений, приспособительный стиль поведения, завышенный уровень притязаний.

Неспособность сочувствовать, сопереживать гражданам и их проблеме, нередко является обратной стороной чувства самодовольства, нетерпимости к недостаткам других. Лояльное, снисходительное отношение к недостаткам рано или поздно оборачивается нарастанием атмосферы напряженности в коллективе.

Утрата в системе ОВД института наставничества, профессионально-здоровой корпоративной культуры, включающей традиции по «введению в строй» новичков, а также другие позитивные обычаи в настоящее время во многом содействует разобщению сотрудников ОВД. Между тем, опыт советского периода функционирования милицеских подразделений показывает, что организационно-культурные процессы, развиваясь в позитивном русле, способствовали интеграции профессиональной сплоченности, выработке морально зрелого общественного мнения, чувства долга и ответственности за общее дело. В итоге заметно ниже была и текучесть кадров [4].

Следует подчеркнуть, что часть из негативных явлений связана с низким образовательным уровнем рядового, среднего начальствующего состава. Низкое материальное обеспечение не создает конкуренции по должностям в правоохранительных органах. Повсеместный некомплект вынуждает службы ЦПД, профессионального отбора лояльно вести набор кандидатов на службу в ОВД.

Данное обстоятельство усложняет и одновременно актуализирует проблему проведения психологической, воспитательной работы среди личного состава. Данная деятельность должна строиться на принципах последовательности, преемственности, этапности и дифференцированности.

Необходимо отметить, что сегодня должен быть постоянный контроль, как за отдельными сотрудниками, так и за служебным коллективом в целом. Цель одна – своевременное выявление латентных факторов дезорганизирующего характера.

К латентным факторам дезорганизирующего характера следует отнести:

- 1) межличностную несовместимость;
- 2) факты «круговой поруки» при укрытельстве противозаконных действий сотрудников, хроническое употребление алкоголя на службе.

Последнее особенно важно для того, чтобы вовремя заметить назревающие конфликты, проявления травли инициативных и порядочных сотрудников, предупредить возможные суициды (которые пока не имеют, к сожалению, ощутимой тенденции к снижению).

К наиболее конфликтным и потенциально делинквентным службам ОВД относятся службы: ГИБДД, ОМОН, патрульно-постовая служба, уголовного розыска, участковых инспекторов, медицинских вытрезвителей [9, С. 14; 446].

В органах внутренних дел, по расчетам Л. М. Колодкина, работают представители более 300 различных специальностей и профессий [3]. Такая разнородность содержания деятельности не позволяет говорить о единой профессиональной направленности сотрудников

ОВД (полиции). Однако, можно говорить об общих чертах профессиональной деятельности сотрудников ОВД, влияющих в той или иной мере на их проступочное поведение.

Следует отметить, что сам характер службы в ОВД предполагает наличие трудностей, специфических, своеобразных, можно сказать даже вредных условий несения службы. Данные условия могут способствовать развитию проступочного поведения. По исследованиям, проведенным А. Н. Роша, определены следующие *отрицательные факторы* (демотиваторы) применительно к профессиям сотрудников ОВД [8]:

- 1) ненормированный рабочий день и его неупорядоченность;
- 2) невысокий престиж службы в ОВД среди окружающих;
- 3) значительные переработки во времени;
- 4) недостаточная дифференцированность оплаты за разные виды труда;
- 5) неустойчивость должностного положения;
- 6) большие физические и моральные нагрузки во время выполнения служебной деятельности;
- 7) риск и опасность во время работы;
- 8) необходимость принятия самостоятельно ответственных решений.

Острой является проблема негативно-го влияния на психологическое самочувствие сотрудников ОВД, выполняющих оперативно-служебные и служебно-боевые задачи в командировках в Северо-Кавказский региона. Несение службы в экстремальных условиях. Риск, связанный с ощущением грани (жизнь и смерть). Все это не может не сказываться на состоянии дисциплины и за-

конности в подразделениях, динамику протекания кадровых процессов. Данные сотрудники ОВД составляют так называемую «группу риска».

В ситуациях профессионального общения сотрудников ОВД с гражданами чаще всего востребованы личностные особенности сотрудников ОВД, проявляющиеся в:

1) *гуманистической направленности личности*, (базируются на системе профессионально-нравственных ценностей и установке на диалогическое профессиональное общение, проявляются в уважении к гражданам, в терпимости к их психологическому своеобразию; наличие мотивации достижения успеха в профессиональной деятельности, стремление к профессиональному самосовершенствованию);

2) *когнитивно-прогностических способностях личности* (базируются на развитой ауторефлексии, способствует конкретизации, расширению представлений о своем «Я-образе» как личности-профессионала, принятию «профессиональной роли сотрудника полиции», на умениях критично относиться к себе, адекватно оценивать свои возможности);

3) *эмоционально-волевых особенностях личности* (позитивное отношение к себе и гражданам, позитивный эмоциональный настрой на общение, волевая активность в преодолении трудностей);

4) *ориентированности в профессиональном общении* (основывается на знании закономерностей, механизмов, специфики, трудностей общения, ролевых предписаний и ожиданий в отношении сотрудников ОВД, стратегических и тактических моментов в построении профессионального общения) [10].

К общим признакам, как фактору развития склонности к совершению проступков относят:

1) противоборство взаимодействующих сторон;

2) осознание, осмысление (всеми участниками конфликтной ситуации, либо хотя бы одной из сторон), что ситуация действительно конфликтная;

3) несовместимость целей, интересов (преследуют взаимодействующие стороны, которые являются для них существенными).

Причиной возникновения конфликтов между сотрудниками ОВД и гражданами может стать направленность труда профессиональной деятельности сотрудников. Особое значение, по мнению Г.А. Туманова у сотрудника ОВД имеет психологическое напряжение, значительные физические, нервные и эмоциональные нагрузки [11].

Таким образом, основными причинами возникновения конфликтов с населением по вине сотрудников ОВД являются: 1) их недостаточная профессиональная подготовка; 2) грубое и бестактное обращение с гражданами; 3) выработавшийся стереотип поведения в аналогичных ситуациях (не учитывающий особенностей момента); 4) низкий уровень общей культуры и нежелание сдерживать себя при обращении с гражданами.

За нарушения законности и иные неправомерные действия, допущенные в отношении граждан, сотрудники ОВД привлекаются к строгой дисциплинарной ответственности, вплоть до увольнения из органов внутренних дел и привлечения к уголовной ответственности. Однако полностью искоренить и исключить из практики правоохранительных орга-

нов данное явление пока не удается. Как показывают результаты социологических исследований, причина состоит в том, что действия против этого зла не затрагивают истоков самого явления.

Чтобы успешно классифицировать имеющиеся *детерминанты проступка*, необходимо выделить критерии формирования морально- оправданного поведения личности:

1) *Когнитивный критерий* (основу составляют морально-психологические, профессионально-нравственные) ценности. Морально-психологические знания – это начальный, обязательный этап данного процесса, составляет основу четких убеждений, формированию устойчивых мотивов поведения, развитию нравственных ценностей, чувств. Сформировать морально-психологическую подготовленность – это воспитание у сотрудника ОВД способности ориентировать поведение на определенные профессионально-моральные нормы, становленные образцы. Усваиваемая форма поведения становится устойчивой, когда сотрудник ОВД испытывает внутреннее побуждение вести себя соответствующим образом, испытывает удовлетворение от профессионально-нравственного поведения и совершаемых им поступков.

2) *Мировоззренческий критерий* (основу составляют морально-психологические убеждения). Сотрудник ОВД способен делать моральный выбор, оперативно принимать решения, однако, имеет недостаточно убеждений, воспитания, способности отличать хорошее от плохого. Следует воспитывать внутреннее стремление, волю, способность применять моральные нормы, ориентироваться в практической деятельности.

3) *Поведенческий критерий* (основу сформированности морально-психологических образований в структуре личности составляет морально оправданное поведение, его устойчивые формы) [9; 10].

Имеющиеся детерминанты, оказывающие воздействие на возможность возникновения проступочного поведения у сотрудников ОВД, можно представить в виде нескольких групп факторов:

Социально-психологические факторы (отсутствие надлежащего морально-психологического климата в коллективе; низкий общий уровень правовой и профессиональной культуры сотрудников; сугубо прагматическая ориентация членов коллектива; падение престижа профессии сотрудника определенных служб и подразделений) [9; 10].

Социально-психологические факторы внутренне диктуются дефектами социализации личности, педагогической запущенностью, недостаточной правовой подготовкой, не знанием норм морали, искажениями правосознания и ценностных ориентиров. К внешним факторам относятся: недостатки системы образования, правовой подготовки членов семьи.

2) *Морально-психологические факторы*, определяющие совершение проступков сотрудниками ОВД, напрямую связаны с их индивидуально-личностными детерминантами (морально-психологическая незрелость личности затрудняет нравственное и профессиональное становление сотрудника, препятствует решению служебных задач; недостаточность морально-психологической подготовки влияет на саморегулирование поведения; утрата внутренних сил, побуждающих к соблюдению требованиям моральных

норм в любых условиях). Наличие неблагоприятных морально-психологических факторов индивидуально-личностных детерминант может вызвать аккумулярующее влияние на негативные проявления профессиональной деятельности [9; 10].

3) *Психолого-педагогические факторы* (отсутствие четкой регламентации деятельности сотрудников конкретных подразделений; запущенность индивидуально-воспитательной работы; игнорирование морально-психологических образований в структуре личности при отборе и назначении специалиста на конкретную службу).

4) *Социально-экономические* (неудовлетворенность существующими жилищно-бытовыми условиями жизни и отсутствие возможности их улучшить; несоответствие денежного содержания характеру и условиям служебной деятельности; низкий уровень качества жизни сотрудников ОВД при выходе в отставку, запас; отсутствие достаточных средств для качественного лечения, отдыха сотрудников и членов их семей).

5) *Организационно-правовые и управленческие* (отсутствие общих целей и служебных перспектив для членов служебного коллектива; отсутствие нормальных условий для несения службы, ее плановости и соразмерности предельно допустимым нагрузкам; возрастающая нагрузка на фоне осложнения оперативной обстановки; неадекватный стиль деятельности руководителя; отсутствие оптимально гибких организационных структур).

Специфические признаки, как профессиональный фактор развития склонности к совершению проступков:

1) в коллективах ОВД отмечается строгая правовая регламентация деятельности сотрудников (подчинение приказам, соблюдение инструкций, сотрудники стремятся действовать по шаблону, не вникая глубоко в содержание правовой нормы, инициатива наказуема);

2) некачественная организация деятельности служебных коллективов приводит к формальному отношению сотрудников к своим функциональным обязанностям, ориентации только на отчет, а не на улучшение содержательной стороны профессиональной деятельности [9; 10]; 3) у сотрудников ОВД нет удовлетворенности результатами своей деятельности, накапливаются негативные эмоции.

Таким образом, в основе факторов и условий, влияющих на нарушение сотрудниками ОВД дисциплины, законности, лежат дефекты их личности, а также ряд причин объективного характера: социально-экономические проблемы, недостатки в организационно-управленческой деятельности, в первую очередь – отсутствие должного ведомственного контроля, несовершенство критериев оценки правоохранительной деятельности, рассогласованность ведомственной практики и положений закона, недостатки в отборе кандидатов на службу, формализм в организации вхождения в должность, правовой нигилизм, профессиональная деформация сотрудников ОВД.

Литература

1. Ионова И. В. Психолого-акмеологическая модель преодоления профессиональной деформации сотрудников ОВД): Автореф. дис. ... канд. псих. наук / И. В. Ионова. – Тамбов, 2009. – С. 18. 180

2. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. Москва, 2004., С. 9.
3. Колодкин, Л. М. Организационные и правовые основы работы с кадрами в органах внутренних дел: Дис. ... д-ра юрид. наук / Л. М. Колодкин. М., 1980.
4. Марищук, В. Л. Психологические основы формирования профессионально значимых качеств: Дис. ... докт. психол. наук. Л., 1982. – 418 с.
5. Орел, В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. М., 2001. Т. 22. № 1. – С. 22.
6. Папкин, И. А. Методы диагностики и снижения профессиональной виктимности сотрудников органов внутренних дел: Учебное пособие / И. А. Папкин. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2006. – С. 96.
7. Папкин, И. А. Психологические пути снижения виктимности сотрудников органов внутренних дел: Автореф. дис. ... кан. психол. наук. – М., 2004. – С. 17.
8. Роша, А. Н. Профессиональная ориентация и профессиональный отбор в органах внутренних дел / А. Н. Роша. – М.: 1989. 88.
9. Сеницына, Л. В. Концепция психолого-акмеологической профилактики делинквентного поведения у сотрудников органов внутренних дел: монография. В 2 ч. / Л. В. Сеницына; под ред. д-ра психол. наук, профессора В. В. Козлова. – Хабаровск: ДВИ – филиал РАНХиГС, 2012.
10. Сеницына, Л. В. Социальная психология проступков. Монография. В 2 ч. / Л. В. Сеницына, В. В. Козлов // Под редакцией д. психол. н., профессора Н. П. Фетискина. – Хабаровск: «Дальневосточная академия государственной службы», 2011. – 400 с.
11. Туманов, Г. А. Профессиональная психология работников исправительных учреждений / Г. А. Туманов // Вопросы судебной психологии. – М., 1971. – С. 141–153.

ЛИЧНОСТНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Сокольская М. В. (г. Хабаровск)

Основные положения разрабатываемой автором концепции личностного здоровья профессионала легли в основу данной статьи, где обосновывается место личностного здоровья в процессе становления профессионала, его роль в профессионализации личности. Личностное здоровье рассматривается в качестве интегративного условия формирования профессионализма, способности профессионала к саморазвитию.

Ключевые слова: *здоровье, личность, личностное здоровье, субъективное благополучие, профессионал, профессионализм.*

Basic assumptions of the author's conception of a professional's health are considered in the article. The role of personal health and its place in the process of a person's professionalization are proved. Personal health is regarded as an integrative condition of formation of professionalism, professional ability for self-development.

Keywords: *a health, a personal, a personally health, a subjective well-being, professional, professionalism.*

В условиях нарастающего системного кризиса, который переживает современное российское общество, особую обеспокоенность вызывает здоровье работающего населения. Становится очевидным социальное значение этого феномена; признается, что здоровье человека является столь же значимой детерминантой полноценного социального развития, как и политическая стабильность общества, его процветание и экономический рост.

Современные условия труда выдвигают новые требования к профессионалу, что вызывает необходимость поиска новых подходов к реализации процесса профессионализации: выявлению условий становления профессионала, его развития, эффективности самореализации не только в профессиональной, но и жизнедеятельности в целом. В связи с чем проблемы становления, развития и сохранения профессионала; его личностного, духовного развития для психо-

логической науки и практики приобретают особую актуальность. В психологии труда и смежных областях психологии активно развиваются направления исследований, посвящённых профессиональной деятельности, изучению требований профессий, профессиональному отбору, готовности к профессиональной деятельности; формированию и развитию профессионализма, подготовке профессионала, его стрессоустойчивости и т.п. (Е. А. Климов, А. В. Карпов, Э. Ф. Зеер, В. А. Бодров, Ю. К. Стрелков, А. К. Маркова, А. А. Деркач, Ю. П. Поваренков, Д. Н. Завалишина, Л. Г. Дикая, Е. М. Иванова, Л. М. Митина, М. В. Сокольская, А. Р. Фонарёв и др.).

Тем не менее, следует признать, что личности профессионала не уделяется достаточного внимания со стороны ученых, исследователей, практиков. Важно изучать изменения личности под влиянием профессиональной деятельности,

удовлетворённость профессионала деятельностью и жизнью в целом, хотя на сегодняшний день аксиоматичным является понимание, что профессионализм – это не только определённый уровень мастерства, но, в первую очередь, личность, обладающая мастерством. Вместе с тем, ряд вопросов не находят пока убедительного обоснования для практики. За счёт каких ресурсов личность удерживается в профессии, достигает в ней мастерства? Почему при одинаково высоких результатах в деятельности один человек удовлетворён ею, а другой – нет? Почему при общих объективных условиях профессиональной деятельности один профессионал чувствует себя в ней благополучным, успешным в жизни в целом, а другой – нет? Вероятно, существует некий интегративный показатель, качество личности профессионала, присущее первым и недостаточно выраженное у других.

Как отмечает С. А. Дружилов, существует некоторая совокупность свойств человека, которая обеспечивает возможность успешного освоения профессии, эффективную профессиональную деятельность и развитие профессионала. Эта совокупность свойств обозначена автором как индивидуальный ресурс профессионального развития человека. Он характеризует внутреннюю физическую и духовную энергию человека, его деятельную позицию, направленность на самореализацию. Важнейшей составной частью этого ресурса является профессиональная пригодность человека [9]. В результате конкретных исследований установлено, что деятельность сотрудников, не обретших необходимого профессионализма, но вынужденных выполнять работу в условиях нормальных

профессиональных требований, имеет для них стрессогенный характер, а их индивидуальный потенциал ориентирован не на развитие, а лишь на адаптацию. При этом «экстремальный» характер ситуаций определяется не внешними факторами среды, а неготовностью «внутренних» средств субъекта труда [9].

Анцыферова Л. И. утверждает, что пристального внимания заслуживает изучение связи качества развития личности «в одной области социальной действительности (например, труде) с характеристиками развития человека в других сферах ее общественного бытия (в семье, в общении с друзьями и т.п.)» [2, С. 208]. Автор обращает внимание на наметившуюся тенденцию к односторонности в изучении личности: внимание уделяется изучению факторов и условий, но то, как «сама личность преломляет эту системную детерминацию через свой внутренний мир», исследуется недостаточно, что «приводит к игнорированию точки зрения самого субъекта».

Анцыферова Л. И. считает наиболее продуктивным рассматривать любую деятельностную активность зрелой личности как «совмещенный способ жизнедеятельности», в иерархической структуре которой останутся сохранными и готовы к актуализации мотивационные, целевые и операционные компоненты всех видов деятельности, реализованных человеком в течение жизни (игровой, учебной и т.д.) [1].

На наш взгляд именно личностное здоровье и является характеристикой личности, которая интегрирует качества развития личности в различных областях её бытия, отражает отношение субъекта ко всем видам её жизнедеятельности.

Критерием и основным показателем личностного здоровья является субъективное благополучие личности [21].

Предлагаемое нами понятие личностного здоровья основано на определении здоровья Всемирной Организации Здравоохранения, которое характеризуется как «состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие каких-либо болезней и дефектов». Аналогичное комплексное определение представлено в «Толковом словаре психологических и психоаналитических терминов»: «здоровье – относительно устойчивое состояние, в котором личность хорошо адаптирована, сохраняет интерес к жизни и достигает самореализации».

Личностное здоровье мы рассматриваем как метасистемное качество личности, которое интегрирует в себе ресурсы личности и профессиональной деятельности, обеспечивает личности субъективное благополучие, обуславливающее психологический комфорт, баланс мотивационно-потребностной сферы личности в системе интеграция-индивидуализация во всех сферах её жизнедеятельности. Личностное здоровье позволяет человеку самостоятельно, осознанно регулировать, управлять своим физическим, психическим и душевным состоянием, активизировать собственные ресурсы и возможности [13, 21].

Многочисленными исследованиями установлено, что именно профессиональная деятельность оказывает наиболее мощное (де)-формирующее воздействие на личность и приводит к закономерным различиям в профессиональных типах личности. На личностном уровне профессионализация представлена теми из-

менениями, которые характерны для человека при овладении им профессиями и специальностями. Изменения эти многогранны, они затрагивают как духовный мир человека, так и его внешний облик, зачастую влияют на формы его поведения, состояние здоровья и т.д.

Во-первых, профессионализация может активно детерминироваться динамикой жизненных циклов человека. Во-вторых, изменения, происходящие с личностью в ходе профессионализации, могут детерминировать и перестраивать стиль индивидуальной жизнедеятельности человека. В-третьих, между профессионализацией и жизнедеятельностью могут устанавливаться отношения компенсации: при невозможности добиться самореализации в одной сфере человек стремится компенсировать это в другой [23, с. 67–83]. Таким образом, процесс профессионализации и процесс жизнедеятельности оказывают прочно взаимосвязаны и понять их вне связи друг с другом невозможно, как и выделить доминирующее влияние того или другого процесса на личностное здоровье. В связи с чем, именно изучение личностного здоровья профессионала, как метасистемной характеристики личности, позволит выйти на новый уровень обобщения характера взаимодействия, взаимовлияния личности и профессиональной деятельности; позволит отразить характер влияния личностных особенностей профессионала на все сферы жизнедеятельности личности.

Личностное здоровье, с одной стороны, свидетельствует об уровне развития личности профессионала, сформированной профессиональной идентичности, работоспособности, профессиональной

надёжности и безопасности, с другой – способствует дальнейшему росту и развитию профессионала. Надёжность профессионала, как известно, определяется наличием собственных и инструментальных средств по нейтрализации угроз [4]. К таким средствам относится психологическая грамотность профессионала в отношении собственных способностей, возможностей, ресурсов – рефлексия, которая выступает в качестве ресурса личностного здоровья [21].

Опираясь на позицию Ю. П. Поваренкова [19], мы считаем, что в основе детерминации личностного здоровья лежит объективное противоречие между человеком и обществом, между социально-профессиональными требованиями, условиями, реальными возможностями и притязаниями человека. Именно на основе данного противоречия человек формулирует свои собственные задачи профессионализации, которые могут учитывать или нет реальную ситуацию, исходить только из потребностей человека или опираться и на его возможности. Тогда фундаментом, базой формирования личностного здоровья профессионала является соответствие человека предъявляемым требованиям профессиональной деятельности и то, насколько содержание этих требований устраивает самого человека.

В современной психологической литературе процесс становления профессионала понимается как целостный динамически разворачивающийся во времени процесс от формирования профессиональных намерений до полной реализации себя в деятельности, который включает в себя компоненты как объективного (престижность профессии, ее социальная

конкурентоспособность, уровень безработицы и т.д.), так и субъективного характера (отношение личности к профессии, к себе как профессионалу, выраженность профессиональных способностей, профессиональные идеалы, переживание успехов и неудач в профессиональной деятельности и т.д.).

Митина Л. М. [18] выделяет две модели становления профессионала:

- адаптивную модель, при которой в самосознании человека доминирует тенденция к подчинению профессионального труда внешним обстоятельствам в виде выполнения предписаний алгоритмов решения профессиональных задач, правил, норм;

- модель профессионального развития, которая характеризуется способностью личности выйти за пределы сложившейся практики, превратить свою деятельность в предмет практического преобразования и тем самым преодолеть пределы своих профессиональных возможностей.

Адаптивная модель отражает становление специалиста, который является носителем профессиональных знаний, умений и опыта. Модель профессионального развития характеризует профессионала, владеющего профессиональной деятельностью в целом, способного к ее самопроектированию и совершенствованию. Движущими силами развития специалиста являются противоречия между усложняющимися требованиями профессионального труда и индивидуальным стилем, опытом и способностями. Основная движущая сила развития профессионала – внутриличностное противоречие между «Я-действующим» и «Я-отраженным». Переживание этого противоречия побуждает профессионала к поиску но-

вых способов самоосуществления, эффективность которого возможна в том случае, если человек рассматривает себя как деятельного субъекта, активно преобразующего мир своим профессиональным трудом. Именно уровень развития мировоззрения, степень сформированности системы взглядов на мир, общество, самого себя, глубина убеждений определяют выбор человеком места в жизни, отношение к труду и к себе как к субъекту профессиональной деятельности и собственной жизнедеятельности в целом, который, в свою очередь, определяет уровень личностного здоровья профессионала. Личностное здоровье таким образом можно рассматривать в качестве показателя качества жизни личности.

Личностное здоровье профессионала характеризуется его активной субъектной позицией, стремлением к личностной и профессиональной самореализации, удовлетворённостью профессиональной деятельностью, что в наибольшей степени возможно при профессионализации по модели второго типа. Адаптивная же модель приводит к «довольствованию» инструментальным овладением профессиональной деятельностью, что характеризует объектную позицию специалиста. Безусловно, и такая позиция тоже может приносить удовлетворение, но удовлетворение не деятеля, а делателя.

Личностная (ценностная, эмоциональная и т.д.) «вовлеченность» человека в избранный им вид профессионального труда является, как известно, важнейшим фактором эффективного осуществления последнего, а также достижения субъектом высокого профессионального мастерства.

Но сама по себе «вовлеченность» конкретного субъекта в определенный вид труда, даже подтвержденная определенными профессиональными успехами, еще не означает, что психическое обеспечение профессиональной деятельности этого человека отвечает таким смысложизненным определениям, как приобщенность его к высшим общечеловеческим ценностям (истины, добра, красоты). Не является такая «вовлеченность» и бесспорным свидетельством того, что в профессиональной деятельности субъект действительно реализует и развивает свой творческий потенциал (свое «высшее Я»), осуществляя тем самым и свое дальнейшее личностное развитие.

В контексте проблематики данной статьи особый интерес представляет типология профессионалов Д. Н. Завалишиной [10], схожих по параметру ценностно-эмоциональной «вовлеченности» в свой труд, но значительно различающихся по пониманию его содержания, собственных функций и перспективных целей, а также по способу его соотношения с жизнедеятельностью в целом.

Анализ исследования разных способов идентификации человека со своей профессией показал, что первый тип может быть представлен способом поверхностной идентификации. Этот тип формируется, прежде всего, в «престижных», «модных» в определенный момент времени профессиях. Субъект в этом случае очень мало знает (и не стремится узнать) о том, что составляет сущность данной профессии, какие требования она предъявляет к человеку, какая работа над собой ему предстоит. Субъект идентифицирует себя лишь с низшими атрибутами профессиональной деятельности,

не углубляясь в ее истинные ценностно-смысловые определения. Такой тип профессионалов можно назвать поверхностно-специализированным.

С позиции типологии модусов человеческого бытия, предложенной А. Р. Фонаревым [23], поверхностная идентификация субъекта с профессией реализует модусы «социальных достижений» и «обладания». Движущей силой данных модусов являются эгоистические устремления человека, при удовлетворении которых он не стесняется в средствах, в том числе преступая нравственные нормы в отношениях с другими людьми. По мнению автора, подобные модусы не только препятствуют формированию высших жизненных смыслов, что доступно лишь модусу «служения», но становятся факторами стагнации и даже регресса в профессиональном развитии человека.

Второй тип профессионалов также демонстрирует высокую «вовлеченность» в свой труд, но при этом «коллапсирует» свою жизнь в «точку» профессии, фактически «выпадая» из естественного многообразия отношений человека с миром. Этот тип широко представлен, например, в разных занятиях человека, связанных с компьютером, особенно в работе суперпрограммистов [8]. Обладая значительными познаниями в узкой сфере «компьютерного мира», этот тип профессионалов способен обеспечить высокую эффективность своего труда, но их «закрытость» от мира не способствует повышению их творческого потенциала. Для суперпрограммистов «компьютер выступает как средство создания и соавтор особого мира», а «самосознание программиста скорее релевантно мироощущению демиурга» [8, С. 120–121].

Такая «зауженность» жизненных интересов специалистов, целиком поглощенных созданием с помощью компьютера иной, виртуальной реальности, способствует формированию у субъекта особой структуры смысла жизни, которую В. Э. Чудновский назвал «монолитной». Вместо гармоничного иерархического взаимодействия больших и малых смыслов человеческой жизни, относящихся в том числе к разным ее сферам, «ведущий компонент иерархии становится самодовлеющим... Смысл жизни приобретает упрощенную однонаправленную структуру» [24, С. 158]. Этот тип можно назвать «зауженно-специализированным».

Третий тип профессионалов представлен специалистами, не только достигшими высшего мастерства («акме») и демонстрирующими воистину смысло-жизненное к нему отношение, но формирующими качественно иное психическое обеспечение своего труда. И дело не только в большей компетентности профессионалов высокого класса, в их глубокой осведомленности обо всех аспектах своей профессиональной деятельности. Гораздо более существенными особенностями профессионалов третьего типа являются: их «открытость» человеческому универсуму, миру, в том числе ценностям, опыту своей профессии; готовность к самообразованию, повышению квалификации; творческое отношение к своему труду, установка на совершенствование средств деятельности, что обычно характеризуется как «выход за пределы профессии», направленность на самореализацию и саморазвитие себя как профессионала (А. А. Бодалев, А. К. Маркова, Л. М. Митина).

Таким образом, понять психологическую природу мастерства невозможно вне связи «профессиональная деятельность – жизнедеятельность», поскольку к психическому обеспечению профессионального акме человека подключается вся совокупность потенциалов человека, накопленных им в разных сферах жизни.

Предлагаемый Д. Н. Завалишиной [10] подход к анализу профессионального труда, имеющего смысло-жизненное значение для человека, как к полипотребностной (полимотивированной) форме его деятельностной активности, реализуемой посредством и специфически-профессиональных компонентов, и этических, и эстетических и т.д. потенциалов его целостной жизнедеятельности можно принять в качестве методологического основания концепции личностного здоровья профессионала в силу того, что именно такое отношение к труду способствует формированию личностного здоровья, является условием его сохранения и развития.

Говоря о личности профессионала вообще, как о сложившейся целостной системе профессиональных знаний, умений, навыков и, главное, наполнении их личностным смыслом, мы рассматриваем подготовку будущих профессионалов именно как период становления профессионала. Успешность этого процесса, как показывают исследования, определяется следующими показателями: активностью личности; осознанностью себя как профессионала; способностью к саморазвитию; наличием профессионально важных качеств и способностей; ценностно-смысловым отношением к профессиональной деятельности; творческим подходом к осуществлению про-

фессиональной деятельности; профессиональной компетентностью; готовностью к преодолению напряженных ситуаций, успешным выполнением поставленной задачи, которые, в свою очередь, являются показателями личностного здоровья профессионала.

В процессе профессионального обучения человек начинает осознавать то, насколько выбор профессии соответствует его начальным представлениям и желаниям; происходит интеграция (или нет) его качеств в профессиональную направленность; формируется (или нет) профессиональное мышление; складывается (или нет) более широкая и устойчивая мотивация к будущей профессиональной деятельности.

Предполагается, что система профессиональных требований, предъявляемая к студентам высших учебных заведений, направлена на инициацию способности студентов к поиску путей жизненного и профессионального роста, стимулирует активность, творческую устремленность.

Нам представляется, что реализация вышеперечисленных задач профессионального образования – формирование личности специалиста, эффективно и успешно осуществляющего трудовую деятельность, возможна при условии понимания, осознания собственных возможностей, способностей, потребностей субъектом образовательного процесса. При условии рефлексивного, ценностного отношения к себе, как к будущему профессионалу; сформированной потребностью к эффективной самореализации в жизни, а не стремлением удобно «пристроиться» за счёт престижной профессии. Для личности и для общества в целом – это залог всестороннего

благополучия, развития, иной путь – тупиковый, хотя и чаще встречающийся. Следовательно, существует не только необходимость, но и возможность формирования личностного здоровья профессионала непосредственно в период его становления как профессионала, поскольку именно юношеский возраст сензитивен к профессиональному обучению.

Таким образом, проведённый анализ позволяет рассматривать личностное здоровье в качестве интегративного условия формирования профессионализма, способности профессионала к саморазвитию.

Предлагаемая нами концепция личностного здоровья профессионала также позволит более эффективно организовать психологическое сопровождение профессионала на разных этапах его профессионального пути с опорой, в первую очередь, на внутренний потенциал субъекта. Цель психологического сопровождения состоит в самореализации потенциала субъекта труда, удовлетворении его собственных потребностей, принятии субъектом оптимальных решений в различных ситуациях не только профессионального, но и жизненного выбора.

Литература

1. Анциферова Л. И. Методологические проблемы психологии развития / Л. И. Анциферова // Принципы развития в психологии. – М.: Наука, 1978. – С. 3–20.
2. Анциферова Л. И. Психология формирования и развития личности / Л. И. Анциферова // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб., 2001.
3. Бодалев А. А. Смысл жизни и акме человека: соотношение «будничного» и «высшего Я» / А. А. Бодалёв // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни. – М.: ПИ РАО, 1997. – С. 29–32.
4. Бодров В. А. Психология и надёжность: человек в системах управления техникой / В. А. Бодров, В. Я. Орлов. – М.: Институт психологии РАН, 1998. – 288 с.
5. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности. / В. А. Бодров. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 511 с.
6. Деркач А. А. Акмеология: пути достижения вершин профессионализма / А. А. Деркач, Н. В. Кузьмина. – М., 1993.
7. Дикая, Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход) / Л. Г. Дикая. – М.: Институт психологии РАН, 2003. – 318 с.
8. Долныкова Н. А. Психологические особенности суперпрограммистов / Н. А. Долныкова, Н. В. Чудова // Психол. журн., 1997. – Т. 18. – № 1. – С. 113–121.
9. Дружилов С. А. Становление профессионализма человека как реализация индивидуального ресурса профессионального развития / С. А. Дружилов. – Новокузнецк: Изд-во ИПК, 2002. – 242 с.
10. Завалишина Д. Н. Динамика ценностно-смыслового отношения субъекта к профессиональной деятельности / Д. Н. Завалишина // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни. – М., 2001. – С. 193–203.
11. Зеер Э. Ф. Психология профессий / Э. Ф. Зеер. – М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 336 с.
12. Иванова Е. М. Основы психологического изучения профессиональной деятельности / Е. М. Иванова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 208 с.
13. Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход / А. В. Карпов. – М.: РАО, 2011. – 1088 с.

14. Карпов А. В. Психология профессиональной адаптации / А. В. Карпов, В. Е. Орёл, В. Я. Тернопол. – М.: Ин-т «Открытое Общество», 2003. – 158 с.
15. Климов Е. А. Психология профессионала: Избранные психологические труды / Е. А. Климов. – М.: Изд-во Моск. психол. – соц. ин-та; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 456 с.
16. Кудрявцев Т. В. Психолого-педагогические проблемы высшей школы / Т. В. Кудрявцев // Вопросы психологии, 1981. – № 2. – С. 67–69.
17. Маркова А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М.: Знание, 1996. – 308 с.
18. Митина Л. М. Психология профессионального развития учителя / Л. М. Митина / Автореф. дис... докт. психол. наук. – М., 1995.
19. Поваренков О. П. Психология становления профессионала / О. П. Поваренков. – Ярославль, 2000.
20. Пряжников Н. С., Пряжникова, Е. Ю. Психология труда и человеческого достоинства / Н. С. Пряжников, Е. Ю. Пряжникова. / М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 480 с.
21. Сокольская М. В. Личностное здоровье профессионала: моногр. / М. В. Сокольская. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. – 303 с.
22. Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология / Ю. К. Стрелков. – М.: Издательский центр «Академия», Высшая школа, 2001. – 360 с.
23. Фонарев А. Р. Смысл жизни как детерминанта развития личности профессионала / А. Р. Фонарев // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни. – М.: ПИ РАО, 2001. – С. 204–209.
24. Чудновский В. Э. Проблема структуры смысла жизни как психологического феномена / В. Э. Чудновский // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни. – М.: ПИ РАО, 2001. – С. 156–163.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМУЛИРОВКИ ПРОБЛЕМЫ КЛИЕНТОМ НА НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Стрельцова А. В., Клюева Н. В. (Ярославль)

Аннотация. В статье приведены результаты теоретического и эмпирического исследования проблемы клиента на начальных этапах психологического консультирования. Выделены этапы трансформации жалобы клиента в проблему в процессе психологического консультирования. А также предложена схема консультативного взаимодействия, включающая этапы трансформации жалобы клиента в проблему.

Ключевые слова: проблема, клиент, психолог-консультант, психологическое консультирование, жалоба, запрос, трансформация жалобы

Abstract. In the article the results of theoretical and empirical research of customer problems during the initial stages of psychological counselling are presented. Stages of the transformation of client's complaint into a problem in the process of psychological counseling are highlighted. And the scheme of advisory interaction, which includes stages of the transformation of client's complaint into a problem, is offered.

Keywords: problem, client, counselling psychologist, psychological counselling, complaint, request, transformation of complaint

В современном российском обществе повышается уровень психологической грамотности населения, доверия к психологии и к психологам. Это ведет к увеличению случаев обращения к психологам-консультантам. Растет спрос населения на оказание психологической помощи, так как люди осознают, что психологическая помощь является признанным в обществе средством, обеспечивающим достойное качество жизни. [4]

Несмотря на то, что в настоящее время существует большое количество разнообразной литературы, посвященной общим проблемам психологического консультирования: определению процесса, целей, этапов психологического консультирования, требованиям к личности психолога-консультанта, а также определению его места и роли в процессе консультирования, и описанию некоторых направлений работы с клиентом, недоста-

точно раскрытым остается вопрос влияния личностных характеристик клиента на процесс консультирования, а также динамический аспект консультирования, в частности, процесс изменения восприятия себя, своей ситуации, проблемного поля и смысла, который побудил клиента обратиться за помощью к психологу.

Таким образом, наше исследование было направлено на изучение трансформации жалобы клиента в проблему.

Определение понятий

Общее содержание консультационного процесса определяет проблема, к решению которой обращены клиент и консультант.

Проведя теоретический анализ различных подходов к определению понятия «проблема», мы выделили следующие характерные признаки проблемы: существование противоречия; нацеленность на решение, устранение противоречия;

осознание субъектом на основе имеющихся знаний и опыта; значимость для субъекта; потребность в новом знании; нестандартность; проблема порождает мыслительный процесс; решение приводит к новому знанию. [5]

Относительно особенностей проблемы клиента в психологическом консультировании, стоит сказать, что все авторы отмечают возможность несовпадения понимания проблемы клиента консультантом и непосредственно клиентом, то есть указывают на трансформацию предъявляемой проблемы клиента, называемой жалобой, в реальную, выявленную консультантом. [1, 2, 3, 6] Более того, исследователи называют основные элементы этой трансформации. Исходя из этого, мы выделили основные этапы трансформации проблемы клиента:

Жалоба клиента – это собственное описание клиентом природы того или иного нарушения, того, что является источником его неблагополучия, основанное на представлениях клиента о самом себе и человеческих взаимоотношениях.

Первичный запрос клиента – обращение к специалисту с просьбой о помощи в решении определенной психологической задачи.

Исследование проблемной ситуации – сбор сведений о возникновении и развитии конкретных затруднений, об обстоятельствах, вызвавших нынешние проблемы, о его жизни, семье, работе и т.д.

Гипотезы консультанта – это предположения консультанта по поводу психологических затруднений клиента.

Идентификация проблемы – это определение консультантом в процессе актив-

ного слушания и расспроса того, какие психологические проблемы действительно имеет клиент, какие реальные причины и механизмы могут лежать в основе его трудностей и переживаний, а также согласование понимания проблемы клиентом и консультантом.

Рабочий запрос клиента – конкретизация формы ожидаемой клиентом помощи от консультации.

Психологический диагноз – выявление конкретных причин возникших трудностей, наложившихся на особенности клиента, с целью разработки способов психологической помощи.

Стоит отметить, что границы этих этапов достаточно условны. Так, жалоба клиента может содержать запрос и саму проблему, а выдвижение гипотез консультантом, как правило, происходит одновременно с исследованием проблемной ситуации и т.д.

Методы исследования

Исследование включало в себя несколько этапов.

На первом этапе фиксировались заявки клиентов, желающих записаться на консультацию к психологу. Для структурирования получаемой информации был создан протокол записи клиента на консультацию, отражающий содержание заявки, то есть текст, произносимый клиентом, а также паравербальные характеристики речи клиента.

Следующий этап исследования предполагал использование метода экспертных оценок. Для реализации этого этапа был создан список вопросов для структурированного интервью, которое проводилось с психологом-консультантом непосредственно после проведения первичной консультации с тем или иным

клиентом, заявка которого ранее была зафиксирована в протоколе. Вопросы интервью направлены на выяснение информации о жалобе, запросе и проблеме клиента в разных аспектах. В частности, мы выясняли, с чем обратился клиент к консультанту, как клиент формулирует свою проблему, определена ли консультантом суть проблемы на данном этапе работы, совпадает ли понимание клиентом своей проблемы с реальной проблемой и т.д. Кроме того, мы просили консультантов оценить выраженность некоторых характеристик клиента (рефлексивность,

способность к вербализации, мотивация, уровень доверия к консультанту, готовность к взаимодействию и степень открытости клиента).

Результаты исследования

Проанализировав массив полученных данных, и обобщив результаты, можно сделать вывод, что трансформация жалобы в проблему произошла у 8 из 10 клиентов.

Данные, отражающие показатели, которые определяют трансформацию жалобы клиента в проблему, представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1

Сводная таблица выраженности показателей у всех клиентов

Показатели, определяющие трансформацию жалобы в проблему	Клиент										Среднее
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Рефлексивность	6	4	5	4	7	4	5	5	6	5	5,1
Способность к вербализации	5	5	4	3	6	5	5	6	6	5	5
Мотивация	7	5	7	5	6	6	7	6	7	6	6,2
Готовность к взаимодействию и степень открытости	7	3;6	6	3	7	6	6	5	6	6	5,65
Уровень доверия к консультанту	5	5	7	5	5	5	6	6	5	5	5,4

Обсуждение результатов исследования

Мы выявили, что все исследуемые показатели достаточно высоко выражены у большинства клиентов. Более того, исходя из данных, представленных в интервью консультантов, наблюдается, что в консультировании клиентов с выраженностью представленных показателей на среднем и выше среднего уровне на первичной консультации успешно удается трансформировать жалобу в проблему. Однако при низкой выраженности этих показателей у клиента, консультант

сталкивается с некоторыми сложностями.

Следует также обратить внимание на два клиентских случая, в которых трансформации жалобы в проблему не произошло. Как видно из таблицы 1, у клиента 5 наблюдается самая высокая степень выраженности показателей, определяющих трансформацию жалобы клиента в проблему. И в данном случае формулировка проблемы клиентом и консультантом совпали. Возможно, это связано с тем, что респондент является студенткой факультета психологии

и имеет определенные знания и умения точного формулирования проблемы. Однако можно также предположить, что точной формулировке проблемы клиентом способствовала высокая выраженность исследуемых показателей. Таким образом, можно сделать вывод, что высокая выраженность рефлексивности, мотивации решения проблемы, способности к вербализации может исключать трансформацию жалобы в проблему, так как клиент самостоятельно способен сформулировать свою реальную проблему. Кроме того, на наш взгляд, непосредственно условия, в которых проводится консультация и которые выстроил консультант для взаимодействия с клиентом, формирующие доверие клиента к консультанту, готовность к взаимодействию, степень открытости клиента, также влияют на качество формулировки проблемы клиентом. Однако мы не можем считать этот факт доказанным, поэтому случаи с максимальной и минимальной степенью выраженности исследуемых нами показателей могут стать предметом от-

дельного исследования на более крупной выборке респондентов.

Как мы уже отмечали, во втором клиентском случае также проблема, сформулированная клиентом, совпала с формулировкой проблемы консультантом. В такой ситуации, на наш взгляд, стоит отметить, что на первичной консультации не всегда удается выйти на формулировку проблемы, так как каждый клиент и его история уникальны, то и работа с ними выстраивается с учетом индивидуальных характеристик, в частности, темпа работы, качества восприятия и т.д.

Проведя исследование, мы пришли к выводу, что независимо от теоретической ориентации психолога-консультанта, существуют базовые техники, которые способствуют трансформации жалобы клиента в проблему: открытые вопросы, интерпретация, прояснение, поощрение, логическая последовательность, резюме и т.д. Знание и применение данных техник в процессе консультирования психологом является важнейшим элементом исследования проблемы, без которого не-

Рис. 1. Схема консультативного взаимодействия, включающая этапы трансформации жалобы клиента в проблему

возможно перейти к следующему этапу трансформации жалобы клиента в проблему.

Обобщив анализ теоретических источников и данных, полученных в результате нашего исследования, можно представить общую схему консультативного взаимодействия, отражающую этапы психологического консультирования с выделением процесса трансформации жалобы клиента в проблему, а также влияние клиента и консультанта на процесс психологического консультирования.

Выводы

Результаты теоретического и эмпирического исследования особенностей формулировки проблемы клиентом на начальных этапах психологического консультирования показал нам, что:

первичное обращение клиента по поводу своей проблемы не всегда соответствует реальной проблеме, которую он испытывает;

в процессе психологического консультирования происходит трансформация жалобы клиента в проблему по определенной структуре;

процесс трансформации жалобы клиента в проблему обеспечивают рефлексивность клиента, способность к вербализации, мотивация, уровень доверия к консультанту, готовность к взаимодействию и степень открытости;

эмоциональное состояние клиента в процессе консультации отражается в паравербальных характеристиках речи;

независимо от теоретической ориентации психолога-консультанта, существуют базовые техники, которые способствуют

трансформации жалобы клиента в проблему: открытые вопросы, интерпретация, прояснение, поощрение, логическая последовательность, резюме и т.д.;

как правило, люди, обратившиеся за помощью психолога-консультанта, стремятся перестроить свое поведение, образ жизни, стиль деятельности, а не создавать многообразные субъективно-личностные версии, направленные на сохранение хорошего мнения о себе в своих глазах и в глазах других людей, а также заинтересованные в решении проблемы.

Литература

1. Елизаров, А. Н. Введение в психологическое консультирование: учебное пособие. М.: МГОПУ им. М. А. Шолохова, Институт сферы социальных отношений, 2002. 39 с.
2. Кочюнас, Р. Психологическое консультирование. Групповая психотерапия: учебное пособие для вузов. 7-е изд. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010. 463 с.
3. Меновщиков, В. Ю. Введение в психологическое консультирование. 2-е изд. стереотипное. М.: Смысл, 2000. 109 с.
4. Моница, Г. Б. Психологическое консультирование детей и подростков. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. 210 с.
5. Стрельцова, А. В. Особенности формулировки проблемы клиентом на начальных этапах психологического консультирования: выпускная квалификационная работа. / А. В. Стрельцова. ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль, 2015. 118 с.
6. Файн, С., Глассер, П. Первичная консультация: Установление контакта и завоевание доверия / Пер. с англ. М., «Когито Центр», 2003. 238 с.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ МОЛОДЕЖИ

Овчинникова Н. Ф. (Ярославль)

Аннотация.

В статье рассмотрена проблема определения эмоционального интеллекта, представлены основные теоретические модели зарубежных и отечественных исследователей. Показаны результаты исследования эмоционального интеллекта молодежи, рассмотрены особенности структуры эмоционального интеллекта у молодых людей и девушек.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, коэффициент эмоционального интеллекта (EQ), межличностный эмоциональный интеллект, внутриличностный эмоциональный интеллект.

Annotation.

The article considers the problem of definition of emotional intelligence are the main the oretical models of foreign and domestic researchers. The results of the study of emotional intelligence of young people, the features of the structure of emotional intelligence in young men and women.

Keywords: emotional intelligence, emotional intelligence factor (EQ), interpersonal emotional intelligence, intrapersonal emotional intelligence.

Современное научное сообщество большое внимание уделяет проблеме эмоционального интеллекта. Сегодня происходит обширная разработка зарубежными и отечественными учеными теоретических исследований эмоционального интеллекта и возможностей его практического применения в различных сферах человеческой жизни.

Историческими предпосылками появления феномена эмоционального интеллекта послужили исследования в области социального интеллекта (Э. Торндайк, Дж. Гилфорд, Г. Айзенк). Так в XX вв. Х. Гарднером понятие эмоционального интеллекта было выделено как элемент структуры социального интеллекта в его теории о множественном интеллекте. [10] Израильский психолог Р. Бар – Он в рамках не когнитивной теории эмоционального интеллекта ввел понятие эмоционально – социального интеллекта

и выделил коэффициент эмоциональности (emotionalquotient – EQ (1985)). [9]

Толкование термина эмоциональный интеллект было дано только в 1990 г. американскими учеными Дж. Мейером и П. Сэловейем – «эмоциональный интеллект – это группа ментальных способностей, которые способствуют осознанию и пониманию собственных эмоций и эмоций окружающих». [2] Д. Карузо совместно с Дж. Мэйером и П. Сэловейем в теории эмоционально – интеллектуальных способностей рассматривают эмоциональный интеллект как подструктуру социального интеллекта способную анализировать эмоции и использовать полученную информацию для управления мышлением и действиями. [2]

Сегодня за рубежом наиболее популярна смешанная модель эмоционального интеллекта, предложенная американским психологом Д. Гоулманом, в которой объ-

единены эмоционально – интеллектуальные способности и личностные характеристики человека. [4]

Проблемой изучения эмоционального интеллекта занимаются так же зарубежные исследователи Д. Слайтер, Р. Робертс, Дж. Мэттьюс, М. Зайднер, Р. Стернберг, А. Саваф, Р. Купер, Дж. Блок, С. Стайн, Г. Бук, Ж. Крайг.

В отечественной психологии эмоциональный интеллект как единую систему аффективных и интеллектуальных процессов рассматривал Л. С. Выготский. [3] А так же С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев. [8; 5]

Отечественный ученый Д. В. Люсин в рамках своей двухкомпонентной теории эмоционального интеллекта определяет его как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими». [6] Так же к двухкомпонентной теории можно отнести модель эмоционального интеллекта М. А. Манойловой, которая выделяет внутриличностный и межличностный (социальный) компонент интеллекта. М. А. Манойлова определяет эмоциональный интеллект как «способность человека к осознанию, принятию и регуляции эмоциональных состояний и чувств других людей и себя самого». [7]

Модель эмоционального интеллекта Э. Л. Носенко и Н. В. Ковриги является смешанной, так как в структуру эмоционального интеллекта входят и способности, и личностные характеристики.

Исследованиями эмоционального интеллекта занимаются В. С. Юркевич, С. П. Деревянко, О. И. Власова, Г. П. Юсупова, А. С. Петровская, Т. П. Березовская, И. В. Плужников, В. Д. Шадриков, Л. Н. Вахрушева, Ю. Д. Бабаева, И. А. Ва-

сильев, Т. В. Манянина, Е. А. Хлевная и др.

И. Н. Андреева определяет эмоциональный интеллект как «совокупность интеллектуальных способностей к обработке эмоциональной информации». [1]

Изучив существующие теории эмоционального интеллекта, мы выделили принципиальные различия в структуре моделей зарубежных и отечественных исследователей. Р. Бар – Он когнитивные способности не относит к эмоциональному интеллекту. Дж. Мэйер, П. Сэловея, Д. Карузо включают в свою модель только когнитивные способности. Д. Гулман объединил модель способностей Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо с личностными характеристиками. К смешанным относится модель Э. Л. Носенко и Н. В. Ковриги. Смешанные модели подвергаются обоснованной критике, так как в структуре эмоционального интеллекта объединяют признаки, не связанные ни с эмоциями, ни с интеллектом. Так включенные в модель отдельные психологические качества и способности эмпирически независимые друг от друга теряют значимые взаимосвязи.

Модели эмоционального интеллекта предложенные М. А. Манойловой, Д. В. Люсиным являются двухфакторными. Они не относятся ни к одной зарубежной классификации, так как в структуру эмоционального интеллекта не вводятся личностные характеристики, которые коррелируют со способностями к пониманию и управлению эмоциями.

Таким образом, в теоретических разработках проблемы эмоционального интеллекта зарубежными и отечественными исследователями нет единого определения понятия и структуры эмо-

ционального интеллекта. Единственной общей содержательной характеристикой эмоционального интеллекта являются способности к пониманию и управлению эмоциями.

Проблема гармоничного развития человека является одной из основных на протяжении всей истории человечества. Поэтому важно изучить половые различия в структуре эмоционального интеллекта, чтобы определить методы его развития для обоих полов.

В ходе эмпирического изучения проблемы было проведено исследование эмоционального интеллекта у молодых людей и девушек студентов Коллежа Одинцовского гуманитарного университета. Возраст респондентов 18 лет. Цель исследования установить различия в уровне эмоционального интеллекта у молодых людей и девушек, предположительно у девушек эмоциональный интеллект выше, чем у молодых людей. Для исследования применены методика К. Изарда «дифференциальные шкалы эмоций» (адаптация А. Б. Леонов, М. С. Капица) и опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» Д. В. Люсина.

В ходе исследовательской работы было установлено, что достоверно значимых различий (применен критерий Манна – Уитни) между интегральным показателем эмоционального интеллекта у девушек и молодых людей не выявлено. Расчет достоверности различий (критерий Манна – Уитни) в отношении отдельных элементов интегрального показателя эмоционального интеллекта так же не выявил значимых различий. Гипотеза не подтвердилась.

Однако, сравнительный анализ шкал эмоционального интеллекта у девушек

и молодых людей свидетельствует о наличии различий в отдельных составляющих интегрального показателя эмоционального интеллекта.

В группе молодых людей показатели понимания и управления чужими эмоциями (шкала межличностного эмоционального интеллекта, опросник «ЭмИн» Д. В. Люсина) составили: очень высокий уровень – 17%, высокий уровень – 25%, низкий уровень – 8%, очень низкий уровень – 50% респондентов. У девушек по данному показателю очень высокий уровень имеют 6%, высокий и средний уровень – 33%, низкий уровень – 28% респондентов.

Так девушки более склонны к пониманию и управлению чужими эмоциями, чем молодые люди.

Способности к управлению своими и чужими эмоциями (субшкала внутриличностного эмоционального интеллекта, опросник «ЭмИн» Д. В. Люсина) в группе молодых людей показали очень высокий и высокий уровень – 17%, средний уровень – 42%, низкий уровень – 25% респондентов. У девушек по данному показателю 17% респондентов имеют очень высокий уровень, 11% – высокий, 22% – средний, 39% – низкий и 11% – очень низкий уровень.

Так молодые люди более склонны к управлению своими и чужими эмоциями, чем девушки.

Полученные в ходе сравнительного анализа данные свидетельствуют о различиях в отдельных структурных компонентах эмоционального интеллекта у молодых людей и девушек. У девушек более развиты способности к пониманию и управлению чужими эмоциями, при этом у молодых людей преобладают спо-

способности по управлению своими и чужими эмоциями.

Таким образом, по результатам эмпирического исследования различий уровня эмоционального интеллекта у молодых людей и девушек на достоверно значимом уровне не выявлено. Согласно данным сравнительного анализа эмоциональный интеллект у молодежи развит неравномерно. Эмоциональная рефлексия молодых людей направлена на их внутренний мир, на осознание собственных переживаний и эмоций, управление и контроль ими. У девушек более развиты способности к пониманию и управлению чужими эмоциями, а саморегуляция и контроль эмоциональных состояний выражены в меньшей степени.

Исходя из полученных в ходе эмпирического исследования данных, можно говорить о разных подходах к развитию эмоционального интеллекта у молодых людей и у девушек. Так развитие эмоциональной компетентности у молодых людей необходимо направить на понимание и управление чужими эмоциями. А девушкам необходимо развивать саморегуляцию и контроль эмоциональных процессов.

Изучив существующие теоретические исследования проблемы эмоционального интеллекта, мы пришли к выводу о том, что эмоциональный интеллект – это онтогенетическая устойчивая способность, основой которой является осознанная регуляция эмоций их когнитивное пони-

мание и адекватное выражение. Эмоциональный интеллект можно рассматривать и как подструктуру социального интеллекта и как самостоятельный феномен.

Литература.

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. – Новополюцк: Полоцкий государственный университет, 2011. – С. 388.
2. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект: непонимание, приводящее к “исчезновению”? // Психологический журнал. Минск. 2006. № 1. С. 28-3.
3. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982.
4. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Дэниел Гоулман; пер. с англ.
5. А. П. Исаевой. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009.– 478с.
6. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. Унта, 1971. — 40 с.
7. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004.
8. Манойлова, М. А. Развитие эмоционального интеллекта будущих педагогов / М. А. Манойлова. – Псков: ПГПИ, 2004.– 60 с.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2009.– 713 с.: ил.
10. Bar-On R. Emotional Intelligence Inventory (EQ-i): Technical Manual. Toronto, Canada: Multi Health Systems, 1997.
11. Gardner H. Multiple intelligences. N.Y., 1993.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Сабилова Д. А. (Бухара, Узбекистан)

Аннотация: В статье даются сведения о психологических и педагогических основах социального интеллекта. Также отмечено, что важным фактором считается уровень социального интеллекта, создающий атмосферу удачного отношения с друзьями, коллегами и другими людьми.

Опорные слова: социальный интеллект индивидуально-психологический и социально-психологический компонент, свойства социального интеллекта, тип личности, своеобразие личности, профессиональная деятельность.

Annotation: It is necessary to tell that enter factors also definethe influences on teacher` sand pupil` s indentity of psychological position which is considered as an important level m of social intelligence being served on creation of the atmosphere for succctssful realition with friends colleagues and other people.

Key words: social intelligence, individual- psychological and component, properties of social intelligence, type of persoanility, personal pecualrity, professional activity.

Проводимые реформы в области педагогического образования в нашей стране связаны преимущественно с профессиональными и личными вопросами развития педагога. В то же время процесс педагогического образования служит основным фактором в развитии личности и социально-психологических компонентов профессиональной деятельности.

Необходимо знать, что основу учебного процесса составляет изучение психологических проблем современных педагогов в системе образования, в свою очередь, нельзя оставлять в стороне предварительный осмотр социально-психологических аспектов.

До середины XX века психология продуктивных процессов развивалась в рамках борьбы психологических школ, развития теоретического знания, прежде всего (О. Кюльпе, О. Зельц, В. Келлер, М. Вертгеймер, К. Дункер и т.д.). Запрос же со стороны практики в начале века ограничивался задачами дифферен-

цирования психической нормы и патологии, идущих от проблем обучения в частности. (А. Бине, В. Штерн, Ф. Гальтон, Ж. Пиаже, А. Валлон).

Потребность в разработке проблематики социального интеллекта была осознана обществом и стала социальным заказом, в первую очередь, в связи с бурным развитием информационного мира.

В 50–60-х годах XX века поднимается волна исследований социального интеллекта. Противоречивость результатов этих работ позволило осознать в первые же 10 лет огромный разрыв между многочисленностью исследований и слабостью общетеоретических представлений в этой области, что особенно характерно для зарубежных исследований с их принципиальной прагматической направленностью и чисто эмпирическим подходом. Этот разрыв рядом ученых был осознан как кризис в исследовании социального интеллекта, в частности, в понимании того, что и как следует изучать

(Дж. Гиль-форд, И. Торренс, Дж. Гетцельс, П. Джексон).

На основе общетеоретического кризиса возник методический кризис в изучении социального интеллекта. Многие прогрессивные психологи Запада приходят к выводу о неадекватности тестовых моделей (Н. Трик, Н. Гутман).

В российской психологии изучение социального интеллекта проводилось в русле исследований продуктивного мышления с помощью метода проблемных ситуаций. Фундаментальные исследования механизмов этого типа мышления связаны с именами С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Л.А. Анциферовой, А.В. Брушлинского, Л.Л. Гуровой, Д.Н. Завалишиной, Т.В. Кудрянцева, А.М. Матюшкина, Я.А. Пономарева, К.А. Славской, О.К. Тихомирова, В.Н. Пушкина, Ю.Н. Кулюткина, Г.С. Сухобской, И.С. Якиманской и т.д.

Однако при всей продуктивности подхода, который дал возможность обнаружить ряд механизмов процесса социального интеллекта, он не привел на «верхние этажи» социального интеллекта, к пониманию явлений познавательной самостоятельности. Это требует поиска новых путей в исследовании социального интеллекта.

Уникальные особенности нашей страны в соответствии с Законом «Об образовании» и Национальной программы по подготовке кадров позволяют зафиксировать и выявить прямую зависимость от социально-психологических факторов.

Традиционный пример интеллектуальной личности в системе образования сочетает в себе свойства человеческой личности, что отражается в понятии «педагог служит примером для всех».

Тем не менее, в некоторых случаях, социальный и энергичный педагог, для демонстрации воспитательного процесса реципиенту, имеет возможность воспользоваться своими глубокими знаниями и педагогическими навыками. Негативное воздействие на данный процесс могут оказать личные отношения между студентами и преподавателями. Важная роль в решении данной проблемы отводится пониманию студентами наличие конкуренции между своими умственными способностями и интеллектуально-человеческими качествами, которые играют важную роль в формировании личностных отношений и взаимоуважении.

Во многих случаях перед педагогом продолжают оставаться такие формы проблем в системе образования, как влияние социально-интеллектуальных факторов на систему образования. Данная ситуация в профессиональной деятельности педагога может быть объяснена следующими факторами:

несмотря на свои знания, педагогу необходимо знать психологический диапазон своих возможностей и возможностей студентов.

наряду с чувством профессиональной ответственности, для установления личных отношений со студентами необходимо учитывать взаимную активную связь системы образования и окружающей среды.

отношение между педагогом и студентами сложатся в том случае, если они будут иметь достаточные социально-психологические знания.

в глаза бросаются такие качества педагога как незнание, непонимание, невозможность

возможность понять настроение студентов, неумение хранить секреты.

Все вышеперечисленные обстоятельства современного образования, являются отдельной темой, в которой отводится большая роль педагогу в процессе прямого социального воздействия на интеллектуальные потребности. Так, сегодня на различных этапах образования, для оценки эффективности профессиональной и социальной деятельности основными предметами исследования являются объекты и эмпирические показатели.

Социальный интеллект – способность правильно понимать свое поведение и поведение друг их людей. Эта способность необходима для эффективного межличностного взаимодействия и успешной социальной адаптации. Социальный интеллект реализует познавательные процессы, связанные с отображением человека как партнера по общению и деятельности. Уровень развития социального интеллекта преподавателя во многом определяет особенности взаимодействия ученика в классе и формирования учебного коллектива которого с своим совместном деятельности тоже выявляет черты данного качества

Социальный интеллект – это способность человека понимать и предсказывать поведение других людей в различных жизненных ситуациях, а также уметь распознать чувства, намерения и эмоции по их вербальным и невербальным качествам.

Первоначальное понимание социального интеллекта было связано со способностью давать быстрые, почти автоматические суждения о людях, предсказывать их поведенческие реакции в определенных ситуациях.

Социальный интеллект – это своего рода социальный дар, который обеспечивает нормализованные отношения с людьми, результатом которых является социальная адаптация в обществе.

Социальный интеллект обеспечивает понимание действий и поступков людей, мимики, поз, жестов, речи. Таким образом, социальный интеллект выступает в роли важной составляющей структуры и является важным профессиональным качеством таких профессий, как юрист, психолог, врач, преподаватель, журналист и других, относящихся к типу «человек – человек».

Социальный интеллект предполагает развитие у человека способности понимать себя, свое поведение, поведение других людей и выстраивать эффективное взаимодействие, добиваясь поставленных целей.

Общие теории интеллекта в настоящее время не могут объяснить столь необычное поведение социального интеллекта, кроме как отнести его на счет погрешностей измерения. В самом деле, измерительные процедуры для социального интеллекта не отличаются совершенством в том смысле, что в большинстве исследований не дают единого фактора, отличного от фактора вербального интеллекта. Если же измерительные процедуры несовершенны, то они не будут давать высоких корреляций с общим фактором и могут оказаться зашумлены другими переменными, в частности личностными. В рамках этой точки зрения можно различить два варианта. Первый состоит в отрицании социального интеллекта как самостоятельного образования и сведения его к вербальному интеллекту, примененному к определенному кон-

тексту, где большую роль играют личностные качества.

Второй не отрицает социальный интеллект как конструкт, а лишь критикует существующие на сегодняшний день методы его измерения как неадекватные.

Понятно, что при такой неясной ситуации редкий теоретик решится на приращение социальному интеллекту статуса одного из установленных видов интеллекта. множественного интеллекта выделил среди прочих внутриличностный и межличностный интеллект

Социальный интеллект представляет собой не столько способность, сколько знания, умения или навыки, приобретенные в течение жизни. Действительно, в социальном интеллекте, как его измеряют современные тесты, прослеживаются в значительной степени черты знания, умения и навыка. Тесты общего интеллекта построены как тесты способностей – в них сведен к минимуму компонент знания. Если для решения задач из области, например, математики или физики необходимо располагать хотя бы минимальными знаниями этих областей, то для выполнения тестов интеллекта, построенных на материале абстрактных фигур, этого не требуется.

Социальный интеллект – личностная черта, определяющая успешность социального взаимодействия. Такой подход – естественная реакция на относительно низкие корреляции социального интеллекта с другими видами интеллекта и относительно высокие – с личностными свойствами. В определенном смысле слова любой интеллект – это черта личности в той степени, в которой под чертой личности понимаются особенности, отличающие поведение человека. Одна-

ко в отличие от личностных и темпераментальных черт в собственном смысле, интеллект характеризует когнитивные особенности человека, его способность к познанию, созданию более или менее адекватного представления об окружающем мире.

Эти особенности не относятся к эмоциям, направленности и т.п., что мы обычно связываем с термином «личность». Охарактеризовать социальный интеллект как личностную черту означает в этом смысле признать, что наше мнение о других людях – результат скорее наших собственных эмоциональных особенностей, а не познавательного процесса, стремящегося к объективности, т.е. ориентации на объект суждения. Здесь ощущается некоторый методологический релятивизм, сведение социального познания к мнению, зависимому от наших эмоциональных свойств. Конечно, мы можем, например, предположить вслед за распространенным мнением, что люди судят о других по себе и что, следовательно, добрые люди склонны скорее приписывать другим мотивы добра, жадные – жадности и т.д. Однако если продолжить это рассуждение слишком далеко, как это происходит в случае признания социального интеллекта личностной чертой, и дойти до утверждения, что суждения о других людях целиком определены особенностями судящего, то мы неизбежно окажемся на позиции релятивизма со всеми ее последствиями вплоть до признания относительным мнения самого человека, стоящего на позиции релятивизма.

Факт заключается в том, что личностные особенности влияют на наши суждения о других людях, но сведение социального интеллекта к личностным

свойствам является следствием не этого факта, а его чересчур сильной интерпретации. Возможны и другие интерпретации, например, можно предположить, что суждение о других людях становится более объективным, т.е. независимым от судящего субъекта в том случае, когда его познавательная способность достаточно велика, – при высоком социальном интеллекте. При низком же его уровне суждения оказываются в плену субъективности, зависящей от личностных черт. Это предположение допускает эмпирическую проверку. Однако существующие данные о связи социального интеллекта с личностью, если их проанализировать чуть конкретнее, по-видимому, свидетельствуют о другом. Речь идет о том, что некоторые личностные черты, такие, как экстраверсия, ассоциируются с высоким социальным интеллектом, а другие (например, нейротизм) – с низким.

Объяснение в рамках модели подобия прошло бы, если бы было показано нечто другое, например, что экстраверты хорошо понимают экстравертов, но плохо – интровертов. Социальный интеллект – это познавательная способность, которая, однако, в отличие от других познавательных способностей, оказывается сцепленной с личностными чертами, что требует специального объяснения.

Литература

1. Абульханова К. А. Деятельность и психология личности. – М., 1980.
2. Ушаков Д. В. Мышление и интеллект // Психология XXI века / Под ред.
3. Ушаков Д. В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
4. Диагностика социального интеллекта. Тест Дж. Гилфорда и М. Саливана. СПб., 1999;

КОНТУРЫ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО – ВОЗРАСТНЫХ НОРМ

Чернов А. Ю., Курышева О. В. (Волгоград)

Аннотация. В статье отражены основные результаты исследования социально – возрастных норм, осуществленного авторами в 2013–2015 гг. Излагаются результаты методологического анализа феномена «социально – возрастные нормы» и дается его авторское определение. Дано обоснование необходимости сочетания качественных и количественных методов эмпирического исследования социально – возрастных норм. Приводятся основные результаты эмпирического исследования социально – возрастных норм: их структуры, содержания, видов и типов.

Synopsis. The article describes the main results of research on the socio – age standards, carried out by the authors in the yeas of 2013–2015. The results of the methodological analysis of the phenomenon of “sociall – age norm” led to formulate its original definition. The substantiation of the need to combine qualitative and quantitative methods of empirical social research – age norms is presented. The main results of empirical research of social – age standard concern their structure, content, forms and types.

Ключевые слова: социально – возрастные нормы, структура социально – возрастных норм, виды социально – возрастных норм, содержание социально – возрастных норм, типология социально – возрастных норм.

Keywords: socio – age norms, social structure – age standards, types of socio – age norms, and social content – age norms, the typology of socio – age norms.

С методологической точки зрения, важно, что решение проблемы социально – возрастных норм сопряжено с необходимостью снятия ряда внешних и внутренних противоречий.

Внешним противоречием выступает множественность подходов к определению понятий «норма», «социальная норма», «возрастная норма». Его существование объясняется междисциплинарностью самого феномена и, как следствие, пересечением и взаимным наложением «предметных пространств» философии, социологии, антропологии, психологии. В этом случае возникает вопрос эпистемологического характера: являются ли «социально – возрастные нормы» самостоятельным феноменом, специфическим предметом исследования, или их существование подразумевается возрастными флуктуациями зако-

номерностей «нормального» поведения, установленных разными научными дисциплинами?

Ответ на этот вопрос формулируется, исходя из двух обстоятельств. Первое – существование в психологии попыток очертить возрастной аспект социальных норм в контексте теории ролевого поведения, теории социальной идентичности, теории жизненного пути личности. Каждая из этих теорий с разной степенью законченности и полноты подчеркивает содержательные и функциональные характеристики проявления социальных норм в связи с возрастом человека или его принадлежностью к возрастной группе. Для обозначения этих характеристик используется специфический язык: «траектория жизненного пути», «возрастная стереотипизация», «timing» и т.д.

Другим аргументом в пользу самостоятельного эпистемологического статуса социально – возрастных норм выступает феномен возрастной идентичности (Курышева О. В.). Авторы монографии утверждают, что социально – возрастные нормы не сводимы к функции возраста как отрезка «линии жизни». На каждом из этих «отрезков» человек использует рефлексивный потенциал для установления границ возможного, правильного, нужного и соотносит индивидуальный опыт с референтным ему опытом разных возрастных групп. Тогда социально – возрастные нормы – это не просто матрицы «нормального» социального поведения, свойственного людям двадцати пяти, сорока или шестидесяти лет. Если бы это было так, достаточно было бы говорить, например, о возрастных особенностях нормативного поведения. Возрастная идентичность, ее социальный и личностный аспекты, подразумевают, что социально – возрастные нормы обладают свойствами, требующими специального эмпирического изучения и теоретического осмысления.

Внутреннее противоречие исследуемого предмета имеет онтологический характер. Установлено, что распространенные, канонические теории норм фиксируют их объективные свойства и функции, детерминированные онтогенетическими, социальными и культурными факторами. Нормы, социальные нормы, социально – возрастные нормы в этом случае рассматриваются в отрыве от индивидуальной сознательной активности человека, а их функции сводятся к адаптивному синдрому, выполнению ролевых ожиданий, соответствию «порядку возраста» и т.п.

Вместе с тем, в психологии имеется ряд подходов, позволяющих сделать акцент на субъективной стороне социально – возрастных норм. Тогда их свойства и функции целесообразно рассматривать как продукт социального конструирования, как результат интерактивных обменов людей разного возраста в специфической культурной и социальной среде. Важной особенностью социально – возрастных норм в этом случае является их осознаваемый характер. Другая важная особенность социально – возрастных норм состоит в том, что реализация их функций побуждается стремлением человека не просто к адаптации или выполнению ролевых ожиданий, а потребностью в самоэффективности и социальном принятии.

Исходя из названных методологических позиций, было сформулировано определение социально – возрастных норм. Социально – возрастные нормы – это сконструированные в ходе социального взаимодействия осознаваемые репрезентации установок, способов поведения, ценностей, присущих специфической возрастной группе и способствующие удовлетворению потребности в самоэффективности и социального принятия.

Важным свойством социально возрастных норм, которое подразумевается в данном определении, является то, что в индивидуальном опыте они – результат осознанного выбора. Множественность контекстов социального взаимодействия всегда предоставляет в распоряжение человека набор альтернатив для конструирования социальной и личностной идентичности. Активность субъекта проявляется в их когнитивной переработке, результатом которой, в частности, стано-

вится система представлений человека о «правильном», «должном», «полезном» в той или иной сфере жизни.

Сформулированное определение эвристично по отношению к методу изучения социально – возрастных норм. Здесь требуется сбалансированное сочетание количественной и качественной исследовательских стратегий. При этом, говоря о качественной исследовательской стратегии, мы следуем ее пониманию как специфического исследования, в котором проявлены свойства гуманитарной модели научного познания и используются эмпирические данные, имеющие текстовый (лингвистический) характер. Для их обработки применяются в разной степени стандартизированные приемы интерпретации с целью анализа и обобщения значений и смыслов, конструируемых людьми в отношении себя, своей социальной ситуации и социальной активности.

«Подключение» количественной стратегии целесообразно только тогда, когда в качественном исследовании достигнут необходимый и достаточный уровень обобщения. Тогда количественная (статистическая) верификация результатов качественного анализа первичных данных дает возможность убедиться в справедливости предположения о структурной организации социально – возрастных норм, существовании внутри этой структуры отдельных кластеров или видов норм, а также построить типологию социально – возрастной нормативности.

Сделанные выводы в отношении методологии изучения социально – возрастных норм позволяют перейти к следующему уровню обобщения результатов исследования. На этом уровне полученные в эмпирическом исследовании дан-

ные получают значение и интерпретируются так, чтобы возникла возможность объяснения механизмов действия социально возрастных норм. Иными словами, этот уровень обобщения связан с теоретизированием по поводу предмета исследования. В качестве теоретических конструкторов используются понятия содержание социально – возрастных норм, структура социально – возрастных норм, типология склонности к нормативному поведению, виды социально – возрастных норм.

1. Структура социально–возрастных норм. Установлен многокомпонентный состав социально – возрастных норм. Во-первых, отчетливо проявлены сферы жизнедеятельности, с которыми соотносятся социально – возрастные нормы:

- (а) семейная сфера;
- (б) профессиональная сфера;
- (в) сфера личностного развития и роста.

Во-вторых, можно утверждать, что социально – возрастные нормы в каждой из названных сфер разделяются на базовые и периферийные нормы. В семейной сфере базовыми оказываются нормы, связанные с воспитанием детей, в профессиональной – нормы карьерного роста, в личностной сфере – нормы саморазвития и самореализации. Сопоставление норм по сферам и возрастным субпериодам взрослости показывает, что базовые нормы профессиональной сферы практически в равной степени представлены в ранней и средней взрослости, тогда как для поздней взрослости их нет. Семейная сфера оказывается наиболее выраженной в средней взрослости, а для ранней взрослости базовых норм этой сферы не выделено. Единственная сфера,

в которой ключевые нормы представлены в равной степени во всех трех возрастах – личностная.

2. Содержание социально–возрастных норм. Следуя логике определения социально – возрастных норм как объектов, конструируемых человеком в ходе социального взаимодействия, их содержание проявляется в речевой активности. Ее качественный и количественный анализ позволил сделать вывод о содержательном многообразии социально – возрастных норм. С одной стороны, социально – возрастные нормы заключают в себе матрицы «должных», «оправданных», «целесообразных» конструкций, в идеале обеспечивающих позитивное переживание самооффективности и гарантирующих социальное принятие. При этом эти идеальные конструкции в опыте социального взаимодействия соотносятся с реальными проявлениями поведения окружающих в разных контекстах. В результате в содержание социально – возрастных норм вносится элемент оценивания, который присутствует в виде эксплицитных суждений о «правильном» и «не правильном» для людей той или иной возрастной группы. Тогда можно говорить о интер-субъективном аспекте содержания социально – возрастных норм или о «социально – возрастных нормах для других».

С другой стороны, содержание социально – возрастных норм представляет собой результат внутренней рефлексивной активности, итог внутреннего диалога, предметом которого является формулировка человеком «правильного» и «не правильного» для себя самого. Тогда мы имеем дело с интра-субъективными социально – возрастными нормами или

с «социально – возрастными нормами для себя».

Содержание социально – возрастных норм может быть представлено и как специфические для возрастных групп «нормативные комплексы», отражающие социальные установки и действия, типичные для представителей определенной возрастной группы. Установлены следующие «нормативные комплексы»:

(а) Ранняя зрелость

- Нормы профессионального самоопределения.
- Нормы, относящиеся к созданию семьи и рождению детей.
- Нормы выбора духовных приоритетов
- Нормы социальной самореализации

(б) Средняя зрелость

- Нормы достижения материальной и профессиональной состоятельности.
- Нормы, отражающие необходимость заботиться о детях и родителях.
- Нормы стабильности в профессиональной и семейной сфере.
- Нормы, связанные с достижением общественного признания.

(в) Поздняя зрелость

- Нормы, диктующие значимость передачи опыта последующим поколениям.
- Нормы сохранения социальной активности
- Нормы, подчеркивающие значимость получения удовольствия от жизни.
- Нормы установления границ в родственных отношениях.

3. Типология склонности к нормативному поведению. Социально–возрастные нормы «для других» (внешние) и «для себя» (внутренние) представляют содержательное противоречие, разрешение которого позволило выявить типы отношения к социально-возрастным нормам и, соответственно, построить типологию склонности к нормативному поведению.

(а) Первый тип, **«Маргинальность»**, характеризуется низкой степенью выраженности как внутренней, так и внешней нормативности. Для него характерно отсутствие или низкий уровень следования социальным нормам. Люди подобного типа отличаются высоким уровнем неконформизма как осознанного отказа от нормативного поведения.

(б) Второй тип, **«Внутренняя нормативность»**, характеризуется высокими показателями индивидуального, внутреннего и низкими значениями внешнего компонентов нормативного поведения. Для него характерным является низкий уровень рефлексии социальных норм, знания общепринятых норм поведения, правил и образцов. Однако при этом он применяет к своему поведению те нормы, которые знает и, предположительно, демонстрирует высокий уровень нормативности поведения в его узких индивидуальных рамках (по типу «Нас так учили», «Мы так воспитаны»).

(в) Третий тип, **«Интегральная нормативность»**. Его характеристикой является высокая степень выраженности внешней и внутренней нормативности. Высокий уровень рефлексии социальных норм в этом случае сочетается с высоким уровнем их присвоения – применения в собственной жизни, выполнения

нормативных предписаний и установок. Для людей такого типа важным является соблюдение традиций, выполнение обязанностей и в целом соответствие их поведения установленным образцам и правилам. Они не просто следуют установленным социальным нормам, но разделяют мнение о том, что это важно и правильно. Проявляют осознанный уровень нормативного поведения, характеризуется высоким уровнем конформности.

(г) Четвертый тип, **«Внешняя нормативность»**, отличается высокими показателями социального, внешнего и низкими показателями индивидуального, внутреннего компонента нормативного поведения. Люди этого типа хорошо осведомлены о существующих социальных нормах, особенностях нормативного поведения в различных ситуациях и контекстах. Однако в большей степени они ждут выполнения норм от других людей, считая это их долгом, обязанностью. Характеризуются низким уровнем присвоения нормативного поведения, т.е. не относят необходимость соблюдать социальные нормы к себе.

4. Виды социально–возрастных норм. Вид социально – возрастной нормы – это опосредованная функциональной модальностью субъективных репрезентаций установка, способ поведения, набор ценностей, которыми руководствуется человек данной возрастной группы, чтобы достичь самоэффективности и социального принятия. Всего выявлено семь видов социально – возрастных норм:

(а) Темпоральные нормы – это репрезентации социально (культурно) одобряемого и принимаемого хронологического

порядка наступления жизненных событий. Эти нормы имеют программирующую функцию – они задают порядок действий: время окончания учебы, начала профессиональной деятельности, вступления в брак, рождения первого ребенка и т.д.

(б) Телеологические нормы – это репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых достижений в области образовательного, профессионального (карьерного), семейного статуса. Этим нормам можно приписать терминальную функцию, то есть они маркируют границу перехода от одного качества социальной ситуации личности к другому (от «без семейного» к «семейному», от «обучающегося» к «работающему» и т.п.)

(в) Нормы социальной и личностной идентификации – репрезентация социально (культурно) одобряемых и принимаемых образцов (схем) соотношения социально-психологических и индивидуально личностных свойств со свойствами референтной группы. Здесь проявляется компаративная функция, которая обеспечивает выбор надлежащих с точки зрения группы членства качеств и поведения.

(г) Нормы саморазвития – это репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых тенденций личностного роста и самосовершенствования. Они выполняют рефлексивную функцию, позволяющую осознанно планировать наступление жизненных событий и оценивать их с точки зрения проявления субъектности личности.

(д) Нормы социальной коммуникации – репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых образцов межличностного, внутригруппового,

и межгруппового взаимодействия. Эта норма имеет функцию регуляции социальных отношений.

(е) Нормы стиля жизни – репрезентации социально (культурно) одобряемых и разделяемых образцов отношения к жизни, к жизненным событиям в целом. Здесь проявляется стабилизирующая функция норм, способствующая уменьшению влияния на жизненные события случайных факторов.

(ж) Поло – ролевые нормы – репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых образцов мужского или женского поведения. Это – тоже функция регуляции социальных отношений.

Виды социально – возрастных норм существуют в интерсубъективном и интра-субъективном вариантах. Соотношение интерсубъективных и интрасубъективных социально – возрастных норм специфично для разных возрастных групп. Наибольшие различия между ними наблюдаются в возрастной группе 36–50 лет. Различие и сходство между социально – возрастными нормами в разных возрастных группах определяется особенностями функций, которые они выполняют.

Методологические и теоретические результаты делают возможным и третий уровень обобщения данных, полученных в исследовании социально – возрастных норм. Это – уровень обобщения, который содержит выводы, имеющие ценность для психологической практики. С нашей точки зрения, практический интерес представляют динамические характеристики социально – возрастных норм. Под динамикой социально-возрастных норм понимается то, как изменяется содержа-

ние возрастных норм в различных возрастных группах.

Например, важные динамические характеристики социально – возрастных норм заключаются в следующем:

- Внутри возрастных групп в ранней зрелости самые высокие значения относятся к личностной сфере. В средней зрелости приоритетной является профессиональная сфера и с небольшим отрывом от нее личностная, а в поздней зрелости эти две сферы получают равные значения.
- В целом, респонденты пожилого возраста достоверно выше других возрастных групп оценивают необходимость планировать жизнь и формулировать желания в ранней зрелости. В большинстве случаев нормы личностной сферы, имея максимальные значения в ранней зрелости, в группе средней зрелости показывают минимум, а у респондентов пожилого возраста достигают средних значений. Исходя из этого, можно заключить, что нормы личностной сферы – это «нормы молодых».

Таким образом, в работе очерчен контур концепции социально – возрастных норм. Она уточняет и развивает представления о природе и механизмах функционирования социально – возрастных норм, представляя их структуру, содержание, типы и виды. Авторы считают с тем, что представленные решения этой научной задачи могут оказаться не единственно возможными. Тем не менее, по их мнению, они являются значимыми и в практическом плане, так как дают возможность добиваться положительных результатов в области практической психологической работы, разрабатывать стратегию возрастнo–нормативного консультирования. Кроме этого, полученные результаты открывают перспективы продолжения исследований в сфере социально – возрастных норм. В частности, пока без ответа остались такие актуальные вопросы как кросс – культурные аспекты социально – возрастных норм, специфика социально – возрастных норм в специфических ситуационных и контекстуальных обстоятельствах и т.д. Эти проблемы могут составить предмет специального изучения.

МИСТИКА ЛЮБВИ В АРХЕТИПИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗМА

Шабанов Л. В., Сметанкина Л. В., Лычагина С. В. (С.-Петербург)

Аннотация: Цель статьи – рассмотреть современные концепты любви (отношения «Он и Она»), отражающие ее специфику и значимость – подходы конца XX–XXI вв., начало которого ознаменовано глобальными и социокультурными трансформациями обществ, переменами ритма и образа жизни человека, обозначив новые тенденции этих подходов, их сходства и различия.

The purpose of the present article was to consider the modern concept of love (in the framework of the social psychology of relations “Man and Woman”), reflecting the specificity of scientific approaches in our century. The authors refer to the phenomenon of love in historical way of humanity, which is transformed into a new archetypal reality through global and socio-cultural changes. By method of comparative analysis attempted to trace the dynamics of changes of rhythm and way of life, reflected in the framework of changes in social relations within the communication space “male” and “female”, the similarities and differences of this. As a result was the conclusion brought into the archetypes associated with the conversion of love in consummation of external manifestations. Schematically this process looks like the desire for functional infantilisation of generations that extends in borderlines “birth – death – rebirth” through the archetypal theme of “child” and “hero”, however, as a result of individuation (narcissism) is a loss of subjectivity and updating the archetypal theme of “hero-disabled” compensated in the image of “anti-love”.

Ключевые слова: *любовь, индивидуация, социальная фасилитация, borderlines, абъективация, архетип.*

Key words: *love, individuation, social facilitation, borderlines, objectification, archetype.*

Одним из значимых феноменов человеческого, ценностным отношением человека к человеку и миру, является любовь, как одна из значимых модальностей бытия. Вечная проблема любви в силу многоаспектности, сложности и важности для личности, равно, как и проблема поиска смысла жизни, и самого бытия, входит не только в предметную область гуманитарной мысли современности, но является постоянной темой рефлексии многих ученых и литераторов.

В пространстве истории человека и современном ему «информационном обществе», тема любви, как высшей точки межличностного общения, является не только центром философской мысли,

но и центральным фактом, определяющим эстетику всей цивилизации.

Неопсихоаналитическая практика является персональным опытом отношений человека, хотя юнгианское понимание коллективного бессознательного позволяет нам улавливать и иные тенденции. Например, юнговские размышления о четвертом (женском) начале, упущенном в христианстве, абсолютно точно предсказали наступление эры феминизма [1]. Высшая точка отношений, обозначенная неопсихоаналитиками XX в. как любовь, в различных её проявлениях влияет на всю жизнь человека (А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм).

Хотя вопросы, связанные с проблемой любви нашли отражение в трудах представителей различных исторических эпох. В числе великих работ, формирующих эстетическое множество любовных отношений можно выделить: «Пир» Платона, «О природе вещей» Т. Лукреция, «Об Эроте» Плутарха, «История моих бедствий» П. Абеляра, «Максимы и моральные размышления» Ф. Ларошфуко, «Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье» и «Этика» Б. Спинозы, «Из письма Мальбраншу» Г. В. Лейбница, «О духе законов» Ш. Монтескье, «Трактат о душе» и «Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье» Ж. О. Ламетри, «О многоженстве и разводах» Д. Юма, «Метафизика нравов» И. Канта, «Система учения о нравственности согласно принципам наукоучения» И. Г. Фихте, «Любовь» К. С. Льюиса, «Смысл любви» В. Соловьева, «О любви» И. А. Ильина, «Смысл творчества» Н. А. Бердяева, «Дар любви» С. Н. Булгакова [2].

Наличествующий значительный арсенал накопленных гуманитарных знаний о понимании любви (древнегреческая «четверица» «эрос», «филия», «агапе», «сторге» [3, С. 406]) и, выделяемая Платоном, любовь-мания, где любовь – «соединяющая и объемлющая», есть отправная точка для вычленения из коллективного бессознательного локуса любви (возможно, архетипа). Средневековая христианская каритативная любовь – «благотворна и преображающа» и, наряду с ней, «куртуазная любовь» – этична, сдержанно-самоотверженна (сравним, например, поиск Данте «Божественной комедии» и «Роман о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мёна). Ренессанс привносит в культурное поле эгоистическую любовь

(«Декамерон» Боккаччо, «Шестиднев» Маргариты Наваррской, рассуждения о любви в контексте голода и пресыщенности у Ф. Рабле или в контексте потери себя и глупости у Эразма Роттердамского и С. Брандта) и одновременно – дает трактовку неоплатонической любви (в комментарии М. Фичино к «Пиру» Платона). На смену любви эпохи Возрождения приходит аффективная любовь Нового времени (например, у Р. Декарта и Б. Спинозы) – она субъективна и, в тоже время, социально чувствительна (Вольтер, Бомарше, Кувре); нравственная любовь немецкой классической философии; мистическая любовь романтизма, сменяемая «теорией родовой любви» и общим рационализмом (даже осуждением, например, Теккерей, сестры Бронте, Дж. Остин). В конце XIX в. происходит слияние или подмена понятия «любовь» понятием «секс», а отношений – понятием «консумация».

Специализированные СМИ за 100 лет XX в. насчитали 9 000 способов секса, но о любви в 1990-е гг. практически перестали упоминать (иногда всплывает некий намек об особом чувстве, как самотерапии, но «само-» есть скорее нарциссизм, нежели полноценная любовь).

Общество с самых ранних лет приучает думать только о себе и никому не доверять, да и сам XX в., явил человечеству настолько странные, с точки зрения общества живых существ, образцы социальных структур, что, если бы не «молодежные революции» середины века, о столетии (1900–2000) можно было бы говорить, как о самом кровавом и пропитанным ненавистью и нетерпимостью времени во всей известной истории человечества. Впрочем, на протяжении

XX в. научная мысль не только искала рецепты душевного спокойствия (психологические школы психодинамики), или возможности управления человеком (поведенческая психология), или пыталась оправдать его (гуманистические и экзистенциальные направления), но и рассматривала любовь, как способ примирения человека со своим человеческим началом.

Чувственная и «земная» любовь, в XX в. отменившая все табу отношений человека и окружающего мира, свидетельствует о противоречивых представлениях и актуализирует необходимость осмысления феномена любви с учетом изменений, которые сегодня переживает технократическое общество и, соответственно, природа человека, в условиях явной девальвации бывшего значения этой, казалось бы, непреложной ценностной, аксиологической категории.

Вслед за многими классическими источниками, начнем с высокодуховного понимания любви, основанного на христианской парадигме мышления. Митрополит Антоний Сурожский в «Таинстве любви» обращается к этому феномену, желая видеть в этом чувстве квинтэссенцию ценностного отношения к миру. Он отмечает, что словом «любовь» мы апеллируем, когда говорим, что любим Бога, родителей, супругу/супруга, детей и употребляем его же, говоря о любви к еде, спорту, искусству..., не задумываясь, что этим принижаем сие святое слово, ведь «Любовь – удивительное чувство,... состояние всего существа. Любовь начинается в тот момент, когда я вижу перед собой человека и прозреваю его глубины, когда вдруг я вижу его сущность... Тайна любви к человеку начинается в тот

момент, когда мы на него смотрим без желания им обладать, без желания над ним властвовать, без желания каким бы то ни было образом воспользоваться его дарами или его личностью, – только глядим и изумляемся той красоте, что нам открылась» [4, С. 5–6].

Сурожский сравнивает восприятие любимого человека с восприятием образа Божия, которое отражается на отношении к любимому одновременно изумительно прекрасному и несовершенному, ведь, по его мнению, только любящий видит в любимом то, чего не видят другие, нелюбящие (вот и ответ на вопросы: «За что ты любишь этого человека?», «Что ты в нем/ в ней нашел?»).

Митрополит наделяет любовь такими характеристиками как *реалистичность*, *созерцательность* (открытие и того, и другого, обоих, состояние, когда они могут за пределами всяких слов друг друга понимать и чувствовать [4, С. 11]), *проникновенность* (любовь «зряча», «вижу глазами любви» [4, С. 6], *восприятие человека на глубине*, которая за пределами слов и эмоций), *жертвенность* (готовность положить жизнь на исправление и исцеление того, что болезненно и испорчено в любимом), *внимательность* («к тому, что происходит в жизни, в сердце, в душе другого человека»), *открытость* (любовь «открыта доверию, она не подозрительна»), *непереставаемость* («даже когда другой тебя разлюбит, когда другой от тебя отвернется, любовь останется любовью»), *всенадеяность* («когда все как будто идет к крушению, надежда горит ярким пламенем, и любовь способна спасти даже умирающие дружеские или любовные отношения» [4, С. 56]), любовь способна открыть человеку его

собственную красоту, о которой он не подозревал), – характеристики, благодаря которым она является «целомудренным отношением к человеку» [4, С. 10]. Физическая любовь как производная душевно-духовного начала, по мнению Антония Сурожского, только в этой последовательности становится таинством, т.е. «прямо исходит от Бога и приводит к Нему», в противном случае – это жадное обладание одного другим [4, С. 12].

Сурожский выделяет три сопоставимые и взаимосвязанные стороны любви. Первая из них – человек любящий – *дающий* (у Сурожского: «человек любящий дает, хочет давать»). При этом желания *давать* недостаточно, ведь можно давать не по любви, а по чувству своей значимости, или от избытка своего, и тем, и другим, и третьим, делая больно получателю. Значит необходимо *уметь* давать, забывая себя для радости другого человека.

Вторая сторона любви – человек *получающий* (у Сурожского: «в любви надо уметь получать»). Сурожский отмечает, что получать что-нибудь от нелюбимого, неуважаемого человека унижительно и оскорбительно. Очевидна взаимозависимость дающего и получающего, любовь первого должна быть самозабвенной, а второго – безусловной, только в этом случае дающий и получающий испытывают радость.

Человек *жертвующий* – третья сторона любви (у Сурожского: «жертвенность») [4, С. 32–33] – готовность любящего человека отойти в сторону. Нет, речь не об уходе в сторону ради третьего, речь идет об отношении к прошлому любимого. Действительно, разве можно начать жить заново, даже с самого радужно-светлого дня встречи с любимым?!

А как быть с тем, что было до? Жертвующий должен не только принять тайну прошлого как тайну, но и допустить, что в прошлом у любимого им человека были какие-то отношения с другими людьми, какие-то события жизни, к которым он непричастен, при этом почтительно относится к ним. Именно такое отношение, как считает митрополит Сурожский, знаменует начало взаимной веры одного человека в другого. Вера понимается им как уверенность в том, что человек увидел когда-то, когда один из многих, с которым он, возможно, сталкивался в общем круге, либо жил бок о бок, или работал вместе, вдруг стал *единственным*, предстал с незнакомой ранее красотой, глубиной и значимостью, а теперь не видит. Сохранять такое видение *единственного* можно годами и даже всю жизнь, но иногда оно тускнеет. И тогда на помощь приходит вера, мы осознаем, «что видимое нами – не весь человек; что в нем есть такая глубина, которую мы теперь больше не можем прозреть» [4, С. 32–33]. Если нет жертвенности, значит это не любовь, а очередное отражение культуры потребления и эгоизма. Любовь – это жизнь ради другого.

Занимаясь изучением межличностных отношений по роду своей деятельности, психотерапевт С.В. Петрушин уделяет проблеме любви особое внимание, считая, что отсутствие конвенционального понятия «любовь» порождает неясность, противоречивость и нереалистичность ожиданий между партнерами и, как следствие, кризисы семьи, увеличение уровня одиночества, невротизации, количества суицидальных попыток [6].

Через исследование приписываемого любви (мифы), Петрушин выявляет ее

сущностные характеристики и определяет понятие «любовь» в узком смысле слова. Ввиду широкого толкования понятия «любовь» он использует прижившееся как в отечественной, так и западной психологии понятие «аттракция» (от англ. attraction – притяжение, тяготение) – установка на другого человека [7].

В противовес этому, можно предложить видение сущности феномена любви Т. Смитом, отражающим концепцию романтической любви (чисто западный феномен) [5]. Романтическая любовь возможна при совместном желании влюбленных быть вместе, «пройти по жизни вместе ... в манере, характерной для пар» [5, С. 69]. Знаковость в становлении романтической любви заключается именно в формировании *любящей пары*, так как есть пары, никогда не любившие друг друга или не сохранившие любовь; влюбленные, но в силу обстоятельств не сформировавшие пары (как исторические Абеляр и Элоиза или литературные Ромео и Джульетта); или любящие, чувства которых остались неразделенными (любовь Данте к Беатриче).

Отсекая сколь угодно количество необходимых и веских условий формирования романтической пары, Смит называет одно единственное условие – признание ближайшим окружением формы единства влюбленных, предполагающее полную свободу действий и в отношении друг друга (свобода вдвоем), и в самопроявлениях (собственная автономия), когда партнеры становятся объектом восхищения и подражания для окружающих. Никаких излишних обязательств, ничего, ведущего к ссорам, оскорблениям, и т.п. элементам давления, требуемых для достижения взаимного согласия или примирения.

Когда же речь идет о любви, речь – о состоянии «мы» как целостной, принудительной формы единства, подразумевающей стертость граней между личностями влюбленных (проникновенность), готовность решать возникающие проблемы вместе, жертвуя при этом благосостоянием, имиджем и значимыми чертами характера каждого из влюбленных (жертвенность), совместно реализовывать цели и задачи. Нет «мы», отвечающего критериям проникновения и жертвенности, – нет любви. Только обретение «мы», объединяющее личностные автономии, способно сохранить любящую пару перед лицом существующей реальности. Любовь, по Смицу, берет свое начало с момента возникновения желания у обоих влюбленных стать «мы» и сохраняется пока существует эта потребность взаимного единства.

Возможно, общественная эстетика отстает от психологии социальных элементов общества, и любовь «взрослеет», оправдывая инфантилизм поколения 35–40 летних, которые, например, ещё 50 лет назад считались уже поколением зрелости и вершины карьеры. Сегодня эти рамки сдвинулись в сторону 45–50 летних, изменяя всю систему ценностей и факторы восприятия времени, делая понятным пубертатный нарциссизм молодежи, давно сдвинувшей сроки тинейджерства (12–19 лет) как минимум к 30 годам.

Прежде чем изложить свое понимание феномена любви, Петрушин, автор книги «Любовь и другие человеческие отношения», выделяет основные по степени глубины, продолжительности виды эмоциональных отношений: симпатию, влюбленность, привязанность, увлеченность, невротические отношения и рассматри-

вает их отличия в развитии отношений. Первый этап эмоциональных отношений – симпатия – наиболее кратковременный, быстропроходящий вид отношений, эмоциональная реакция на «маску» партнера. Следующий этап – влюбленность – сильное чувство, как любовь, но в отличие от нее имеет осознанную / неосознанную сексуальную мотивацию; она скоропроходяща как физическое возбуждение; *быстро возникающая*, кратковременна и *быстро спадающая*; нормативна (общество требует от человека в определенный период его жизни влюбиться в человека противоположного пола); нереалистична (человек влюбляется не в реальность, а в свой внутренний образ, «Платоновский идеал», несмотря ни на что сохраняя его, прерывая контакт с реальностью) [6, С. 103]. Привязанность, третий вид аттракции, базируется на совместно повторяющихся действиях, которые приводят к увеличению эмоциональной привязанности друг друга. Далее, увлеченность – отзыв на индивидуальные качества человека. Последним (по списку Петрушина) из видов эмоциональных отношений называются эмоциональные отношения или невротические виды «любви»: зависимость, слияние и самопожертвование при котором дающий/ «даритель» подлинной любви удовлетворяет собственные потребности без учета потребностей «получателя», что вредно для обоих.

В основе всех приведенных видов эмоциональных отношений, по предположению Петрушина, лежит совпадение поведения другого человека с индивидуальной концепцией любви («миф о любви»), запускающее механизм аттракции. Если представления людей о любви

не совпадают, они ведут борьбу, отстаивая каждый свою концепцию любви как единственно верную. Таким образом, «миф о любви»/ концепция любви «вводит в рамки», «сажает в тюрьму» путь человека к реальной любви, стоит на пути к ней, а обнаружение и осознание мифа/ концепции – это возможность «существенно расширить способность к любви», «постигнуть суть настоящей любви» [6, С. 112].

На основе проведенного исследования «индивидуальной концепции любви», Петрушин пришел к выводу, что «любовь... редко встречающееся явление в человеческом мире», наши представления о ней не совпадают с этим явлением. Почему? Любовь субъективна (ее нет как объекта) и невыражаема словами в отличие от нелюбви. Любовь – это действие, выражаемое глаголом «любить». А для того, чтобы она была в жизни человека, надо учиться любить, осваивать и развивать эту способность, в противном случае, любви просто неоткуда будет взяться. Любовь по своей природе безусловна, любят не за что-то, как думает большинство людей, а иногда вопреки чему-то. «В каждом есть уникальность, для того, чтобы нас любили, ничего специально делать не надо» [6, С. 136].

Проанализировав ряд определений, данных В. Франклом (любовь – это принятие), И. Калинаускасом (любовь – снятие дистанции) и др., С.В. Петрушин делает вывод: «Любовь связана с верой. Когда говорят: «Я тебя люблю», не спрашивают: «Зачем?», а спрашивают: «Верить?». Вера и любовь имеют много сходного. Вера – вопреки фактам, любовь – вопреки поведению. Вера не логична, и любовь – вне логики. Полюбить,

так же как и поверить, значит – ...встать «над умом», как бы на более высокую ступень отношений с миром. Разница только в том, что, когда веришь – входишь в пространство другого, а когда любишь – впускаешь другого человека в себя, человек становится частью тебя» [6, С. 138].

Концепция любви самого Петрушина сродни многовековому определению, данному в Библии: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносит себя, любовь не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...» [8]. Перед нами вновь восстает платонический мир, не нуждающийся в дополнениях, и не предполагающий их.

Однако, Ф. Бэкон разделил «платонические» источники человека именно на источники вероятностных ошибок на пути правильного, объективного понимания объекта познания на четыре, тянущих костлявые руки из своих могил невежества, «призрака» (idola):

«Призраки рода», которые лежат в самой природе человека, его способностях к познанию и возможностях к пониманию.

«Хочется попробовать здесь, хочется попробовать там. Если чувствуешь, что спичка сгорела, любовь иссякла, меняй! Иначе это превратится в рутину, станет скучно, станет невероятно грустно ... От этого нужно избавляться»; «Если мы не можем переживать такие мощные эмоции, которые трудно не переживать, например, радость, то уже лю-

бовь, которая гораздо глубже, тоньше, до нее вообще очередь не доходит» [9].

«Призраки пещеры», которые суммируют индивидуальные ошибки восприятия: и врожденные, и приобретенные.

«Есть девушки, которые очень прекрасны, сами по себе, но когда они уже в быту, на земле, они превращаются в каких-то монстров... Мне хотелось бы каких-то таких отношений, которые не были бы завязаны на бытовой стороне жизни»; «Человеку свойственно пугаться одиночества, пугаться ненужности своей и человеку необходимо, чтобы он не чувствовал себя сиротой» [9].

«Призраки площади (рынка)», приобретенные вследствие общения и использования популярной моды, языка.

«Есть человек, который говорит: «Я тебя лю», и ему отвечают: «Я тебя не». «Очень суровая и жесткая реальность, к которой нужно приспособить вот это важное для человека чувство, чувство любви». «Плотный график. Съездить туда, работать здесь, вернуться, постоять в «пробках». На любовь остается мало времени»; «Работа становится на первое место, это интереснее, чем поиски девушки», «Держаться за руки не получается. Приходится жить на бегу, писать, хотя хотелось бы встретиться. Так получается нанолюбовь»; «Зашел на страницу, посмотрел какая музыка, фильмы, ролики, – так у вас есть общие интересы и уже не нужно тратить свой час или день для того, чтобы познать человека» [9].

«Призраки театра», предостерегающие человека от опасности стать «белой вороной», посмешищем.

«Если человек тебе нравится, то можно прислать ему “валентинку”»,

поцеловать его в щеку, можно купить ему велосипед, можно обнять его. У нас множество форматов для высказывания своего отношения. А в интернете только один лайк»; «Одна из особенностей сети – утрачивается разница между приватным и публичным. Человек так не устроен»; «Эмоции современного человека перегорели, он тихо тлеет. Современная культура не литературная, а визуальная. Вот эта визуальность переживает эмоции. Мы больше переживаем по поводу сериала, чем по поводу близких людей» [9].

Получается, что библейская любовь, миф о любви и романтика не могут быть ни единой системой аттракции, ни встраиваться в систему социальной фасилитации, но при этом вполне имеют возможность сосуществовать в некоем архетипе, ибо, как говорил К.Г. Юнг, архетипов ровно столько, сколько типичных жизненных ситуаций [10, с. 76–77]. Происходит своеобразная конвергенция социальных объектов от неконформизма к нарциссизму и дивергенция социальных объектов от хитрости (стремлению к выигрышу в отношениях) до молярного торжества поведения над сознанием.

Поколение, воспитанное в условиях общества потребления с культом «пира во время чумы», являет нам образы архетипа «инвалида». Происходит *абъективация*, в виде уже состоявшейся (возможно, не фатально) потери субъектности, но и незавершенного перехода в состояние объекта. «Инвалидность», в данном случае, не столько болезненное состояние, сколько гротескно искаженное нечто, что эпатирует и бросается в глаза, как «не такое, как все».

Правда здесь, ввиду инфантилизации поколений, происходит смешение инвалида с архетипом ребенка. Хотя, ребенок, подобно инвалиду, слаб и находится в подчиненном состоянии относительно взрослых, он, не имея сколько-нибудь значимых качеств, не обладает всеми правами и обязанностями взрослого, к которому стремится, как к неизбежной грядущей перспективе. Инвалид же ищет себя в другом – его идентификация связана со своеобразным «костылем», который способен в той или иной мере компенсировать врожденную или приобретенную неполноценность.

Казалось бы, архетип инвалида предполагает, что неполноценность могла бы быть излечена другим существом, посредством любви, но архетип инвалида чаще всего имеет связующие нити с архетипом героя, идущего на сознательную жертву (Пиноккио должен стать настоящим мальчиком, чтобы в итоге умереть).

Иногда архетипические темы ребенок-герой-инвалид совпадают (преданный и расчлененный Осирис, *лишенный гениталий*, хитроумный *коротконогий* Одиссей, сын Гермеса и Афродиты Приап, *не владеющий собой* маг Мерлин, *обезноженный* богатырь Илья Муромец), но с точки зрения любви, происходит явная ее утрата. Поэтому герой, бросая вызов судьбе, всегда знает, что он обречен: рано или поздно он либо вернется в физическое состояние инвалида (*слепнет* царь Эдип, *остаётся без руки* ас-воин Тюр, *унижен* и *деинфляционен* князь Игорь), либо погибнет (герой Трои Ахиллес, рыцарь Роланд, принц Гамлет, воин-монах Пересвет).

В последние годы в противовес «земных» архетипов, вместо титаническо-

го образа Прометея, Нарцисса, Сизифа, Эпиметея и Пандоры [11] окончательно формируется забытый в послевоенные десятилетия образ Аполлонического божества (Адам Кадмон, Ангел-Истребитель, Сверхчеловек Ницше).

Аполлон, с одной стороны, восходит к комплексу тинэйджера, здорового и красивого, полного сил и не знающего ущерба, поэтому и не чувствительного к боли окружающих. Он, который очень изменчив под ветрами моды, эпатажен, не предсказуем в своих поступках и поэтому не несущий ответственности за свою спонтанность. Аполлон, архетип нового уровня борьбы – борьбы *Роя* «многоликого», но действующего как одно единое целое постгуманистического трансперсонального обезличенного «общества обществ» против «общества людей».

Нынешнее поколение находится на стадии инициации в новое, возможно, не похожее относительно эстетики традиционности, общество. Происходит дифференциация себя от другого «детского» мира, это проход через легенду: Фэнтези – на Западе, СССР – в РФ, боги легенд на Востоке и в Латинской Америке, Растафари – в Африке. Страны и народы, целые цивилизации переживают *borderline* – пограничное состояние: «рождение – смерть – возрождение». Это движение сквозь сказку – волшебный мир фантазии и обыденного восприятия нереальности, которая описывает всю последующую жизнь, не просто не исключает путешествие по дороге индивидуации и конъюнкции, но подводит к «антилюбви» через столкновение с «Тенью».

Можно сказать, что в современном обществе, с его культом виртуальности,

личность сталкивается с феноменом «Коллективной Тени» в виде появления новой социальной структуры в восприятии личности: Общество = Пространство ускользающих реальностей; Кибернический мир = виртуальность контактов и социального поведения. Появляются новые стороны общения: боты, фирмы-зомби. – поэт Силен, герой тетралогии Д. Симмонса, охарактеризовал любовь как «субквантовую невероятность, что несет информацию от фотона к фотону...» [12]. Новая социальная топография: «мёртвые» пространства населённых пунктов, «другой мир» без «другого», другие поселенцы, которые при этом активны, актуальны и включены в коммуникацию («кликабельны»).

Из-за огромного количества сайтов знакомств и интернет-приложений люди перестают ценить другого человека как личность, легко заменяя одну симпатию на другую: «Она не первая и не последняя!» Нам кажется, что возможность выбирать – это здорово. Но, что касается онлайн-дейтингов, то это банальная игра, на которую, стоит отметить, быстро «подсаживаются» даже умные и образованные люди.

Существует еще анекдот об осле, который бесконечно мучится, пытаясь сделать выбор, стоя перед двумя одинаковыми стогами сена. Теперь мы живем в мире с открытым доступом к множеству тех самых одинаковых стогов. Рынок, на котором продаются стоги сена, расширяется, таким образом, появляется необходимость проверять, нет ли на рынке нового лучшего товара. Мало кто задумывается о том, что делая выбор, мы автоматически сами становимся объектами, из которых кто-то выбирает. Сай-

ты знакомств нивелируют человеческую личность. Всего за пару-тройку минут ты можешь просмотреть сотни кандидатов, в реальной жизни тебе на это понадобилось бы как минимум год. Хотя «...Любовь – часть Связующей Пропasti, можно сказать, истинная суть человечности» [12].

Литература:

1. Хегай Л. Психоанализ и мистика в XXI в. // Интернет-версия доклада Льва Хегая на III Международной Конференции МААП «Расширение сознания: новые горизонты трансперсональной и юнгианской психологии», 2009 – Электронный документ – код доступа: <http://www.maap.ru/library/book/182/>
2. Шестаков В. П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство. – М.: Республика, 1999. – 464 с.
3. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной феодицеи в 12 письмах. – Париж: YMCA – PRESS, 1989. – 490 с.
4. Митрополит Антоний Сурожский. Таинство любви. – Клин: Изд-во «Христианская жизнь», 2005. – 129 с.
5. Smith T. H. Romantic Love // Essays in Philosophy. – 2011. – Vol. 12. – № 1. – P. 68–92.
6. Петрушин С. В. Любовь и другие человеческие отношения. Изд. 3-е, испр. – СПб.: Речь, 2011. – 144 с.
7. Кондаков И. М. Психология. – М., 2003. – 512 с.
8. 1 Послание к Коринфянам, глава 13, стих: 4–7.
9. Приведены цитаты героев из документального фильма Михаила Прибыловского «Нанолюбовь» – http://mardoc.ru/news/nanoljubov_2014/2014-07-10-880
10. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. – СПб.: Речь, 2005. – С. 76–77.
11. Шабанов Л. В. Транспектива молодежного вопроса в России: опасные игры в круге Хомя // Изменения в обществе и классический университет: история и современность. – Томск, 2005. – С. 272–289.
12. Симмонс Д. Эндимион Headline Book Publishing (США); АСТ (Россия), 1998.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭКСТРЕМИСТОВ, ТЕРРОРИСТОВ

Абдрашитова Т. А., (Астана, Казахстан)

АННОТАЦИЯ

В статье на основании анализа данных зарубежной психологии и собственных эмпирических результатов отражены противоречия между теми усилиями, которые прилагаются для предотвращения распространения радикальной идеологии и той скоростью, масштабами, с какой это распространение продолжается.

ABSTRACT

Based on the foreign psychology data analysis and own empiric results, the article reflects the contradiction between the efforts to prevent the spreading of radical ideology and the speed and the scale with which such spreading takes place.

Ключевые слова: радикальная идеология терроризма, ресоциализация, дерадикализация сознания, экстремизм.

Key terms: radical terrorism ideology, resocialization, deradicalization of consciousness, extremism.

Тот факт, что распространение радикальной идеологии терроризма стало серьезным духовным заболеванием, охватившим мировое сообщество, никем не ставится под сомнение. По этой причине важное значение приобретает практический вопрос о профилактике распространения радикальной идеологии и вовлечения лиц в экстремистские группировки. Главная проблема отражает противоречие между теми усилиями, которые прилагаются для предотвращения распространения радикальной идеологии и той скоростью, масштабами, с какой это распространение продолжается. Наказание лишением свободы и воспитательные мероприятия оказываются бессильными с точки зрения ресоциали-

зации и реинтеграции религиозно-политических экстремистов в общество.

Более того, в настоящее время во всем мире исправительные учреждения вопреки своему назначению парадоксальным образом сами становятся инкубатором взращивания новых адептов радикальной идеологии. Практику вовлечения криминального элемента в ряды псевдоисламских экстремистов стали называть «тюремным джихадом».

Тенденция сращивания радикалов с криминалом наблюдается повсеместно. Так, в начале текущего года об этой проблеме заявил Национальному собранию премьер-министр Франции М. Вальс. Директор центра анализа рисков Д. Сатпаев указал на необходимость создания специальных колоний для осужденных

по статьям, связанным с экстремистской и террористической деятельностью, чтобы локализовать зону заражения радикальными идеями в среде молодых заключенных. На Всероссийской конференции по мерам противодействия распространению радикализма в исправительных учреждениях руководитель управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН РФ В. Трофимов привел статистику экспертов. Согласно этой оценке, осужденный за экстремизм и терроризм за короткий срок в заключении привлекает в ряды своих сторонников 5–7 и более человек.

Применяемые по отношению к осужденным террористам традиционные методы не эффективны. Они не только не исправляются, но сами становятся агентами мощного психологического воздействия, благодаря которому вовлекают других заключенных в свои ряды. Поэтому, настаивая на комплексном подходе, правоохранительные органы связывают его эффективность с привлечением к специальной профилактике психологов и теологов.

Определенный опыт психологического сопровождения специальной профилактики накоплен за рубежом, где терроризм имеет давнюю историю по сравнению со странами СНГ, а тюрьмы тоже стали «университетом» обучения радикальной идеологии и вербовки новых adeptов. С целью предотвращения распространения экстремистских идей и вербовки лиц, осужденных за другие виды преступлений, в рамках специальной профилактики за рубежом осуществляют ресоциализацию – работу с заключенными по повторной социализации,

направленную на изменение установок, норм и ценностей.

Подобные программы ресоциализации разработаны в Ираке, Саудовской Аравии, Сингапуре, Малайзии, Иордании, США, Египте, Афганистане, Пакистане, Катаре, Нидерландах, Великобритании и других странах. Психологические аспекты этих программ предусматривают квалифицированную психодиагностику и последующую «сортировку» заключенных по степени радикализованности мировоззрения, а также оценку факторов риска заключенных по другим статьям, имеющих психологическую готовность вступления в ряды террористов. Поскольку одним из главных факторов риска вовлечения в террористическую деятельность осужденных по другим статьям является стремление заработать деньги «любой ценой», то программы включают в себя психологическую помощь, мотивационные тренинги, которые ставят задачей переориентацию личности от «неразборчивой» в средствах материальной мотивации на стремление зарабатывать деньги ненасильственным путем.

Наибольшую известность среди пенитенциарных психологов приобрела программа ресоциализации Саудовской Аравии, осуществляемая в индивидуальной форме. Опыт саудовской программы реабилитации, подчеркивает, С. Босек, впервые привел к пониманию того, что профилактическая работа не должна ограничиваться лишь тем изменением отношения заключенных террористов к радикальной идеологии, которое производится благодаря усилиям теологов. Чтобы повысить успешность, она должна обязательно учитывать психологические аспекты проблемы. В качестве психоло-

гической составляющей ресоциализации главный акцент в программе был сделан на психологической коррекции, методы которой способствуют социальной адаптации после освобождения – арт-терапия, компьютерные игры (игровые приставки) [1]. Несмотря на важность проблемы социальной адаптации, она не составляет тот главный психологический фактор, который по-настоящему изменяет, ресоциализирует личность террориста. Поэтому более 30% осужденных вновь вернулись к экстремистской деятельности.

Одна из отличительных особенностей модели ресоциализации в Турции заключается в том, что в программу психологической коррекции включают членов семьи заключенных террористов. Особенно активно привлекаются матери для работы с сыновьями в психотерапевтических сессиях. Это отличие основано на учете этнокультурных особенностей заключенных. В турецкой этнической культуре, считают психологи, традиционно сильной является связь «мать-сын». С этой точки зрения, слово и эмоциональные мольбы матери, обращенные к сыну, могут быть весьма убедительными, чтобы отказаться от идей воинствующей идеологии, особенно, если она показывает, как страдает с ней вся семья.

Американская модель ресоциализации была разработана А. Спекхард совместно с духовенством Великобритании, участвующими в проекте Скотланд-Ярда. В данной программе главный акцент сделан на религиозном и психологическом подходах. Конечная цель программы заключается в отказе заключенных террористов от идеологии насилия. Программа предусматривает работу с несколькими группами, в которых должно быть не бо-

лее 10 человек. Занятия по коррекционной программе проходят весь день: в первой половине дня религиозные занятия, а во второй – психологическая коррекция. Кроме того, программа содержит экономический и образовательный компоненты с целью повышения уровня грамотности заключенных и обучения навыкам для трудоустройства после освобождения. Американский психолог А. Спекхард согласна с мнением других исследователей, например О. Эшур и Дж. Хорган, что психологические меры этой программы являются большей частью поведенческими и поэтому не влекут за собой реальное и устойчивое изменение «ума и сердца» [2], [3,4]. Действительно, согласно результатам ведущегося зарубежными специалистами мониторинга, ни одна из программ не показала высокого уровня эффективности. Успешности программ ресоциализации хотя и способствовало участие психологов, но не в той степени, как ожидалось. Причиной тому послужило то, что профессиональные усилия психологов сосредоточились в сфере поведения, конкретных навыков и обходили стороной главный фактор – специфику личности террориста, его сознание.

Современное состояние специальной профилактики в исправительных учреждениях на постсоветском пространстве больше вызывает вопросов, чем дает ответы. Однако одно стало очевидным: причиной низкой ресоциализации является то, что осужденные за экстремизм и терроризм представляют собой, прежде всего, отличный от других преступников тип личности как носителя иного мировоззрения, типа сознания.

Согласно российским психологическим исследованиям Д. В. Сочивко,

Ю.М. Антоняна и других, в структуру личности террориста входит такое качество, как десоциализированность, которое в условиях заключения проявляется двояким образом. Во-первых, их поведение в заключении совершенно не изменяется, они продолжают активно служить и пропагандировать, «ставить на истинный путь заблудших» [5]. Эту же особенность и у казахстанских осужденных отмечает психолог Б.И. Сарсенбаева: «Они живут в местах лишения свободы чаще всего своей обычной жизнью. Все осужденные террористы, участвовавшие в наших исследованиях, воспринимали свое осуждение как некий этап, испытание, которое они должны достойно пройти... Они ведут беседы о религии, говорят о нравственности с другими осужденными, то есть делают то, что делали на воле» [6]. Психологи из опыта наблюдения пришли к выводу о том, что в отличие от осужденных под другим статьям, мечтающим выйти на свободу, чтобы жить другой жизнью, заключение у них не разделило жизнь водоразделом «до-после». Та же самая в содержательном отношении жизнь продолжается в неволе. Эта специфика поведения, по ее мнению, указывает на, своего рода, аддикцию, поскольку террористы являются «религиозно зависимыми» людьми. Данное мнение основано на том, что осужденные террористы с той же неистовостью продолжают служить только своей идее и насаждать ее другим. Во-вторых, десоциализированность проявляется в том, что они психологически не чувствуют себя наказанными. В заключении они не только не испытывают вину или раскаяние, а чувствуют себя несправедливо страдающими за высокую идею. В отличие

от обычных криминальных личностей, они – идейные, осмысленно страдающие за идею-фикс, борьбу за которую продолжают в неволе. Само страдание в силу вкладываемого в него смысла возвышено до уровня ценности. Поэтому их не только трудно перевоспитать, но и силой своей фанатичной убежденности в собственной правоте им самим удается внедрить в сознание сокамерников идеологию насилия как легитимный инструмент построения общества социальной справедливости.

В.Е. Петрищев подчеркивает, что наличие идеологии и идейной мотивации служит демаркационной линией, отделяющий терроризм от других видов корыстной преступности [7]. Именно идеологическое начало в терроризме составляет субъективную сторону террористического преступления, его мотивацию и цели, анализ которых позволяет отличить теракт от корыстного преступления, похожего на теракт. Если в случае уголовного преступления личность осознает антиобщественный характер деяния и оправдывает его, то террорист оправдывает свои действия соображениями высшей истины, санкционирующей пренебрежение «несовершенным законом». Террористическую идеологию В.Е. Петрищев называет той мощной пружиной, которая раскручивает маховик террористической деятельности, втягивая и сплавивая население. Свойственная терроризму «человеконенавистническая сущность, запредельная жестокость, черно-белое восприятие реальности, деление мира на своих и чужих, лицемерие, ложь, обман, подмена понятий, коварство» становятся легализуемыми через идеологию [7, с. 504]. Из сопряженности уровня опасности терроризма с масштабом поддержки

радикальных идей со стороны населения следует то огромное значение, которое идеологи терроризма придают разработке и внедрению в сознание спекулятивных идейно-политических концепций как инструменту обоснования необходимости применения методов насилия для разрешения социальных и социально-политических конфликтов. Социальная база для внедрения идеологии будет тем шире, чем больше государство будет давать повода для роста протестных настроений. По этой причине, считает В.Е. Петрищев, террористы сегодня нас переигрывают на информационном поле.

Пенитенциарные психологи стран СНГ считают, что проблема низкой эффективности ресоциализации заключается в неадекватности традиционных методов и отсутствии новых. Беседы психологов значительно уступают по эффективности тому перманентному и интенсивному воздействию, которое осужденные террористы оказывают на сокамерников в своих беседах. Наконец, беседа бессильна в профилактической работе с террористами так же, как она, в терминологии Б.И. Сарсенбаевой, бессильна по отношению к зависимым личностям. Отсюда предлагается строить специальную профилактику по тем же принципам и с использованием тех же форм, методов, как в случае с аддиктивными личностями, поскольку квалификация психологов и применяемый методический инструментарий не позволяет им проводить эту работу профессионально и эффективно.

С нашей точки зрения, проблема низкой успешности ресоциализации заключается не столько в отсутствии неких новых методов, сколько в том, что имен-

но избирается объектом воздействия тех или иных методов. Вопрос о методах вторичен. С этих позиций мы разделяем мнение о том, что процесс исправления через беседы не приносит практических результатов, потому, что «стереотипы поведения субъектов террористической деятельности достаточно прочно укоренились в их психологии, мировоззрении; как у взрослого человека их установки трудно поддаются изменению» [6]. Трудно не согласиться с низкой оценкой эффективности и неадекватности традиционных методов воздействия. Однако они являются таковыми потому, что объектом воздействия являются не религиозно аддиктивные личности, а личности с иным типом мировоззрения, стержнем которого выступает экстремистский тип сознания. По нашему мнению, психологическое сопровождение специальной профилактики, чтобы быть успешным, должно стать, по крайней мере, системой организационных, диагностических и обучающих мероприятий, которые направлены, прежде всего, на дерадикализацию сознания.

Таким образом, на основании анализа программ ресоциализации сделаны следующие **выводы**.

1. В пенитенциарных учреждениях мира специальная профилактика осужденных террористов направлена против распространения радикальной идеологии в тюрьмах, вовлечения в террористические организации осужденных по другим статьям и ресоциализацию заключенных террористов. С этой целью реализуются различные программы, предусматривающие психодиагностику, тренинги, психологическую коррекцию и другие формы работы.

2. Реализуемые психологические программы имеют очень низкую эффективность, не снижают скорость заражения осужденных по другим статьям в террористическую деятельность и количество осужденных террористов, возвращающихся в экстремистские организации. Причиной низкой результативности ресоциализации является то, что предпринимаемые меры не затрагивают основную причину – сознание террористов.

Безусловно, особый экстремистский тип сознания обладает большой объяснительной силой в отношении специфики личности, поведения террористов и подтверждается результатами проведенного анализа. А между тем на сегодня имеются только его дескриптивные характеристики, описание, пусть и достаточно детализированное. С этой точки зрения, для доказательства наличия экстремистского типа сознания и его особенностей необходимы и другие подтверждающие факты. Если это специально формируемый в определенных целях тип сознания, то такими фактами должны стать выявленные методы психологического воздействия, цель и содержание которых действительно ведут к радикализации сознания и последующей трансформации личности.

На наш взгляд, экстремистский тип сознания и мировоззрение как важная его составляющая – это результат системы психологического воздействия, осуществляемого в виртуальном и непосредственном пространстве общения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Boucek, C. Saudi Arabia's — Soft Counterterrorism Strategy: Prevention, Rehabilitation, and Aftercare. Carnegie Papers. Retrieved from <http://carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=22155&prog=zgp&proj=zme>
2. Speckhard, A. Unpublished Interview with a formerly imprisoned Egyptian Salafi. In: Psychosocial, Organizational and Cultural Aspects of Terrorism. Edited by Anne Speckhard, Ph.D. 2011.
3. Ashour, O. Islamist De-Radicalization in Algeria: Successes and Failures. The Middleeast Policy Brief. Retrieved from <http://fpwatch.blogspot.com/2007/12/deradicalization-programs-changing.html>
4. Horgan, J. Deradicalization or Disengagement? A Process in Need of Clarity and a Counterterrorism Initiative in Need of Evaluation Perspectives on Terrorism, II(4).
5. Этнорелигиозный экстремизм./Под ред Ю. М. Антоняна. Институт гуманитарного образования. М.: Академия права и управления. – М., 2006. – 389 с.
6. Сарсенбаева Б. И. К проблемам психологической работы с осужденными террористами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/9_NND_2012/Psihologia/4_105732.doc.htm
7. Петрищев В. Е. Противодействие террористической идеологии – приоритетное направление профилактики терроризма./Материалы II Всероссийской научно-практической Конференции в МГУ им М. В. Ломоносова. – Москва, 13–14 октября 2010 года – С. 501–505.

МАРКЕТИНГОВАЯ КУЛЬТУРА

Биктагирова А. Р. (Уфа, Башкиртостан)

Аннотация. В статье представлен социально-психологический феномен «маркетинговая культура». Маркетинговая культура проявляется в ситуации субъект-субъектного взаимодействия и заключается в выявлении и удовлетворении потребности оппонента с целью достижения собственной выгоды. Структура маркетинговой культуры представлена взаимосвязанными компонентами: когнитивный, эмоционально-регулятивный, коннотивно-коммуникативный, каждый из которых характеризуется своими составляющими.

Ключевые слова: маркетинг, культура, маркетинговая культура, социальное и маркетинговое мышление, профессиональная самооффективность и самоактуализация.

Abstract. The article presents a social-psychological phenomenon as «marketing culture». Marketing culture declares itself in a situation of subject-subject interaction and lies in identifying and meeting the needs of an opponent in order to achieve his own benefit. The structure of marketing culture is represented by interrelated components: cognitive, emotional and regulatory, connotative and communicative, each of which is characterized by its constituents.

Keywords: marketing, culture, marketing culture, social and marketing thinking, professional self-efficacy and self-actualization.

Существует ли социально-психологический феномен, объединяющий конструкты, обуславливающие профессиональную и личностную самооффективность? Отвечая на данный вопрос, в статье раскрыта психологическая сущность феномена «маркетинговая культура». Для определенности и однозначности понятийного аппарата представим базовые положения, на которых планируется основать дальнейшие суждения. Как известно, в переводе с английского слово «market» означает рынок, термин «marketing» переводится как «действие на рынке».

Маркетинг – вид человеческой деятельности, направленный на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена [1, с. 37]. В психологии понимание культуры многогранно, в контексте нашей работы актуальным является по-

нимание культуры, в котором развитие культуры обуславливает развитие личности как активного субъекта современного общества. *Маркетинговая культура* это сложное интегративное социально-психологическое образование личности, которое проявляется в социальном взаимодействии между людьми или группами людей с позиции удовлетворения потребности других людей с целью достижения собственной выгоды.

Осознание и грамотное овладение человеком механизмов и приемов взаимодействия с другими субъектами позволит успешно решать самые различные проблемы, улучшать благосостояние людей и общества в целом, что обеспечивает его востребованность в самых различных аспектах.

Маркетинговая культура с одной стороны предстает как профессиональная

самоэффективность, так, основатель Sony – А. Морито считал, что в бизнесе важно анализировать потребности клиента и выявить то, в чем именно он нуждается, но и готовность к построению стратегии и тактики собственных действий, исходя из потребностей клиента. Маркетинговая культура в данном случае детерминирует постановку целей и выбор способов, средств их достижения. Или, например, при приеме на работу специалисту необходимо изучить специфику деятельности предприятия и на собеседовании продемонстрировать свои знания, умения и навыки, которые будут востребованы именно на данном предприятии.

С другой стороны, маркетинговая культура обуславливает личностную эффективность и является необходимой характеристикой практически любого человека, вынужденного быть зависимым от других людей (или нуждающегося в них или влияющего на них) для достижения собственных целей. Например, в дружеских/семейных отношениях, поддержание которых предполагает взаимное удовлетворение разнообразных потребностей субъектов взаимодействия.

Анализ компонентного состава маркетинговой культуры личности позволит выявить индикаторы, определяющие качественное своеобразие исследуемого феномена. В структуре маркетинговой культуры можно выделить следующие компоненты.

Когнитивный компонент маркетинговой культуры личности обусловлен социальным и маркетинговым мышлением, способностями проблематизировать, рефлексировать, интегрировать социально-психологическую деятельность. На наш взгляд, точно характеризует ког-

нитивный процесс маркетинговой культуры А. А. Бодалев: «в повседневных, ставших привычными для нас жизненных ситуациях, когда нет надобности глубоко проникать в смысл поведения окружающих нас людей, в истинные мотивы их действий, процесс, раскрывающий действительное психическое содержание их поведения – свернут и только тогда образ жизни, манера вести себя, реагирование на происходящие события, внешний облик человека отходят от тех образов, которые в глазах общающегося с ним являются выражением нормы, последний от регистрации внешней стороны поведения переходит к психологической классификации его поступков, пытаясь дать им ту или иную оценку и понять этого человека как личность. При этом он сталкивается с определенными трудностями и это превращает процесс познания индивидом другой личности в решение им психологической задачи» [2, с. 124]. Значимо в когнитивном компоненте субъекту взаимодействия быть «обращенным», понимать, «давать право» другому на индивидуальность и свободу (социальное мышление). Также важным показателем в данном компоненте выступает маркетинговое мышление. По мнению, Т. Д. Дубовицкой «маркетинговое мышление – это тип мышления субъекта, который заключается в выявлении и анализе потребностей других людей и принятии на этой основе решений о совершении определенных действий, обуславливающих достижение его собственных целей» [3, с. 90]. Когнитивный компонент маркетинговой культуры можно представить как конструкт «анализ и выявление потребности другого субъекта – формирование собственной модели поведения – удовлетворение по-

требности оппонента и достижение собственной цели».

Мы предполагаем, что данный компонент маркетинговой культуры является системообразующим и стержневым. Именно эта составляющая объединяет и интегрирует все другие составляющие культуры, обеспечивая её целостный характер и качественное своеобразие, от нее зависит подлинность и зрелость маркетинговой культуры человека.

Эмоционально-регулятивный компонент маркетинговой культуры позволяет гармонично развивать внутреннюю психическую активность и оптимальность самореализации в достижении целей. Сформированность маркетинговой культуры субъекта проявляется с одной стороны в хорошей саморегуляции, позитивности личностных установок, конструктивности разрешения конфликтных ситуаций. С другой стороны, способность понимать, распознавать эмоциональный настрой оппонента и в зависимости от него, менять тактику поведения. Следует отметить, что в динамично, стремительно меняющейся ситуации принимать решения (сбор и анализ информации, планирование и прогнозирование действий, непосредственно действия) и менять поведение придется быстрее, смелее и возможно агрессивнее. В данном компоненте культуры можно представить отношения в виде конструкта «Я – субъект – партнер», который проявляется в способах саморегуляции и управлении общением на основе партнерских отношений.

Коммуникативный компонент маркетинговой культуры проявляется в стратегиях и тактиках взаимодействия с субъектами, которые выражаются в позициях,

стилях и деятельности личности. Вступая во взаимодействие, определяющую роль играет статус респондентов относительно друг друга. Так, по мнению Р. Дилтса, можно выделить основные типы взаимоотношений в зависимости от статуса: симметричные и комплементарные, реципрокные и метакомплементарные [4, с. 139]. Если роль одного человека дополняется ролью другого, то данные отношения комплементарные (например, руководитель – подчиненный; родитель – ребенок, врач – пациент). Как мы видим, данные отношения детерминированы социальной или организационной иерархией. Симметричные или равноправные отношения – это отношения, в которых люди имеют идентичные роли и относятся друг к другу как к «равным». Для реципрокных отношений характерно смена ролей в процессе коммуникации. Так, в динамично развивающихся компаниях для решения стратегической задачи руководители проектных групп меняются (ротятся) в зависимости от профессиональных компетенций. Соответственно, и роли меняются то руководитель, то подчиненный, то внутренний эксперт. Взаимодействия консультанта и клиента свойственны метакомплементарным отношениям. Также в конативно-коммуникационном компоненте маркетинговой культуры следует отметить значимость конативной составляющей. Конатия – это умственный процесс, конкретнее – часть установочного процесса, связанная с действием или актом воли. Применительно к установке, относится к тому ее аспекту, который предрасполагает нас к определенным действиям [5]. К примеру, если мы имеем предубеждение против Америки и американцев, то едва ли поедим

на каникулы в США. Зрелость маркетинговой культуры личности определяется в высокой адаптивности конационного процесса, так проявляя в некоторых вопросах определенную принципиально твердую установку, в других же аспектах – возможно гибкое, интуитивное поведение. Важные элементы данного компонента: владение вербальной и невербальной коммуникацией; умение вызывать к себе расположение окружающих и установить взаимопонимание.

Ярким примером развитой маркетинговой культуры является культура американского президента Франклина Рузвельта, четырежды избиравшийся на этот пост. Рузвельт мастерски проводил деловые беседы, переговоры. Один из его приемов заключался в следующем: накануне встречи он наводил справки об увлечениях будущего собеседника и готовился, читая соответствующую литературу. Начиная разговор именно с этого хобби, прося совета. Собеседник увлечено включался в беседу, после чего деловые вопросы решались быстро и самым благоприятным для Рузвельта образом.

Итак, маркетинговая культура структурно представлена элементами: социальное и маркетинговое мышление (когнитивный компонент); способность понимать, распознавать эмоциональный настрой оппонента, гибкость и динамичность саморегуляции поведения, пози-

тивность личностных установок (эмоционально-регулятивный компонент); развитая социальная перцепция (конативно-коммуникативный компонент).

Психологическими эффектами маркетинговой культуры субъекта деятельности являются: во-первых, профессиональная самоэффективность и конкурентоспособность – востребованность специалиста, а это означает уверенность в завтрашнем дне, чувство защищенности. Во-вторых, профессиональная и личностная самоактуализация – максимальная реализация личностью своего потенциала и способностей в осуществляемой деятельности, так как ни что так не вдохновляет на открытия и достижения, как осознание ценности результатов своей работы.

Список литературы:

1. Филип Котлер «Основы маркетинга» Краткий курс.: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2007.– 656 с.
2. Бодалев А. А. Психология личности. М., 1988. С. 124.
3. Дубовицкая Т. Д., Дубовицкая Т. А. Психологическая структура маркетингового поведения субъекта / Наука, образование, общество: актуальные вопросы и перспективы развития: Сборник научных трудов МНПК. М.: ООО «АР-Консалт», 2015. С. 90–91
4. Дитлс Р. НЛП: навыки эффективного лидерства. СПб.: Питер, 2003. – С. 139.
5. Большая психологическая энциклопедия. psychology.academic.ru/7603/

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Булатбекова А. Б., Сарбасова С. Б. (Астана, Казастан)

Аннотация: в данной статье рассмотрены правовые основы социальной защиты детей, приведены статистические данные. А также представлен обзор исследований, связанных с раскрытием понятия структуры и содержания системы социальной защиты детей, как в Казахстане, так и за рубежом, тенденции развития и выявление особенностей положения.

Lemma: This article considers the legal basis of social protection of children, statistics is given here. Also here is provided an overview of researches related to the disclosure of the concept of the structure and content of the child social protection system, both in Kazakhstan and abroad, trends in the development and identification of the specific situation.

Ключевые слова

Правовые основы, социальная защита детей, дискриминация, легитимность, защита прав человека, социальные услуги, гуманитарный, девиантное поведение, подход

Key words

Legal basis, social protection of children, discrimination, legitimacy, protection of human rights, social service, the humanitarian approach, deviant behavior

В настоящее время в большинстве развитых стран мира широко проводится социальная политика, целью которой является социальная защита детей. Это деятельность государства находит свое отражение в Конституции США, Конституции Германии, содержат такие положения и Конституции Российской Федерации и Республики Казахстан.

Социальная политика государства вновь стали предметом оживленных теоретических дискуссий в конце 70-х – начале 80-х гг., в период неконсервативного сдвига в государственном регулировании («рейганомика», «тэтчеризм»). Экономическая сущность прав населения и социальная политика – как часть экономической теории появились в начале 20 века, когда права человека и гражданина возвысились над интересами государства,

когда возникла острая необходимость реализации этих прав. Большинство людей в своей жизни подпадают под социальную защиту государства, считая это своими неотъемлемыми правами [1].

Со времени обретения суверенитета Казахстан достиг значительного прогресса в области защиты прав детей, так как именно дети составляют третью часть населения нашей страны. Актуальным вопросам семьи, материнства и детства уделялось и продолжает уделяться приоритетное внимание в политике Главы нашего государства Н. А. Назарбаева.

Постоянное улучшение социального самочувствия казахстанцев, всех слоев населения и социальных групп казахского общества является, и будет оставаться на первом плане государственной политики. Стандарты качества жизни должны

стать эффективным рыночным инструментом развития человеческого капитала и социальной модернизации Казахстана, не приводя при этом к росту иждивенческих настроений [2].

Проблема детства, его правового статуса, социальной защиты в отношении детей в период кардинальных политико-правовых и социально-экономических реформ в Казахстане является своевременным и актуальным, поскольку позволяет определить приоритеты государственной политики в интересах детей, совершенствовать законодательную базу, направленную на обеспечение прав и законных интересов целого поколения молодых граждан [3].

Актуальность проблемы определяется несколькими факторами. Прежде всего, тем, что молодое поколение в силу возрастных особенностей психического и социального развития во все времена нуждается в помощи социального окружения. Потребность в этом значительно возрастает в «критические», кризисные периоды развития общества [4].

Обеспечивая социальную защиту, закрепленные в конституции, социальное государство создает и контролирует законы, регламентирующие социальную политику. Выступая гарантом социальных прав детей, социальное государство играет все более активную роль в жизни страны [5].

В нашей дипломной работе исследование связано с раскрытием понятия и содержания системы социальной защиты детей, как в Казахстане, так и за рубежом, структуры, тенденций развития, выявлением особенностей положений детей в нашей стране, какие организации, службы существуют для детей, социаль-

ные программы, направленные непосредственно на поддержку детей, а также раскрытием роли семьи для молодого поколения.

П. Хейне американский экономист, замечает: действительно, люди, имеющие яхты, богаты; люди, роющиеся в мусорных ящиках, бедны. Но если будут введены новые правила, согласно которым каждый владелец яхты будет облагаться ежегодным налогом 10 тыс. долл. в специальный фонд «помощников», и если каждый из «помощников» получит право на получение из этого фонда ежегодного пособия в 2000 долл., то, скорее всего, произойдет следующее: число владельцев зарегистрированных яхт сократится, а число лиц, называющих себя «помощниками», удивительно быстро возрастет.

Облик страны формирует ее прошлое – история и ее настоящее – природа, население, государственное устройство. Но портрет будет не полным без будущего. А будущее страны определяется, прежде всего, отношением к детям, тем как их учат, воспитывают, защищают, готовят к жизни. Ведь залогом процветания и стабильности любого общества во все времена являлась первоначальная ячейка общества семья. Еще Конфуций говорил, что семья – это маленькое государство, а государство большая семья [6].

Основным компонентам системы социальной политики посвятили свои труды Дж. Лус, Дж. Перец, Дж. Стивенс, А. Кампос, Г. Эллена, Г. Файт, Д. Клюгман, М. Мерто, Т. Зимакова, Дж. Роус, Б. Уорд, Дж. Гроссман и другие. Некоторыми направлениями системы социальной защиты занимаются: Н. А. Барр, Ф. Э. Бурджалов, С. А. Ван-

телей, М. А. Дмитриев, Е. Н. Жильцов, Е. В. Егоров, А. Г. Здравомыслов, А. Ф. Зотов, Х. Д. Ламперт, Б. Д. Миланович, А. С. Радаева, Л. М. Кравченко, Ф. Парслоу, М. Г. Сапсс, С. С. Шаталин, О. И. Шкаратан и другие. [7–9]

Отдельные проблемы формирования и развития системы социальной защиты населения как в странах СНГ в целом, так и в РК, в отдельных ее регионах (городах, областях), изучены рядом отечественных и зарубежных авторов. Существенный вклад в теорию и практику социальной защиты населения внести такие ученые, как Бекренев Л. Л., Жеребин В. М., Каргусова Г., Колесова В. Н., Лебедев О. Т., Римашевская Н. М. и ряд других авторов [10–12].

Аналізу направлений, форм и видов социальной защите применительно к слабо защищенным категориям населения, в том числе детям посвящены труды Карибджановой А. С., Овсиенко Ю. В., Русакова В. П., Суховой Н. Н., Кислицинной О. А., Язвенко С. А. и других авторов [10, 28, 31].

Разработке и идентификации показателей и категорий социальной защиты населения в условиях рынка посвящены труды Дмитричева И. И., Лексина В. Н., Маслова П. П., Федоренко Н. П., Рутгайзера В. М. и другие.

В словаре «Социальная политика, уровень и качество жизни» *социальная защита* определяется как «неотъемлемая часть социальной политики, система мер, направленных на соблюдение социальных прав человека, удовлетворение его социальных потребностей. Она проявляется в системе приоритетов и механизмов по реализации законодательно закрепленных социальных, правовых

и экономических гарантий граждан, обеспечивающих определенный уровень социальной защищенности, достижение социально-приемлемого уровня жизни населения в соответствии с конкретными условиями общественного развития».

Международная организация труда, членом которой является Казахстан, определяет систему социальной защиты как комплекс мер, включающий в себя:

- Стимулирование стабильной, оплачиваемой трудовой деятельности;
- Доступ гражданам к основным правам и услугам, таким, как образование и медицинская помощь;
- Предоставление механизмов социальной помощи, предназначенной для уязвимых групп населения, не являющихся участниками системы социального страхования [13].

На эмпирическом уровне в большинстве развитых стран термин «*социальная защита*» применяется по отношению к социальным программам, организуемым правительством и выделяемым нуждающимся людям в денежной и натуральной форме. Социальное обеспечение представляет собой исторически сложившийся в человеческом обществе институт, посредством которого происходит удовлетворение жизненных потребностей людей, нуждающихся в поддержке со стороны общества.

В широком смысле под социальной защитой понимается система социальных отношений, при которых индивид способен самостоятельно заботиться о себе, создать условия для своей жизнедеятельности, в данном значении социальная защита практически совпадает с разветвленной системой гарантий прав ребенка.

В правовом смысле речь идет о системе социальных отношений и социальной защиты и практически совпадает с разветвленной системой гарантий прав личности. На протяжении человеческой цивилизации механизм социальной защиты постоянно эволюционировал от словесной принадлежности и семейных связей до легитимизированных образцов современной демократии, где социальная защищенность граждан обеспечивается сложным комплексом экономических и правовых институтов

Понятие «социальная защита» не ограничивается принятием экономических мер, а включает в себя и другие «человеческие аспекты». Например, в семье, где родители не хотят или не могут взять на себя ответственность за воспитание детей, ребенок повседневно сталкивается с экстремальными формами асоциального поведения: пьянством, проституцией, тунеядством, воровством и, по сути, является безнадзорным [14].

Такие дети, прежде всего, нуждаются в нормальном воспитании, являющимся в данном случае формой социальной защиты.

Социальные услуги являются общепринятым понятием, связанным с услугами, которые соответствуют социальным потребностям населения и потребностям в обслуживании и уходе. Социальные услуги могут поддержать повседневную деятельность на определенных фазах жизненного цикла как, например, в случае получения инвалидности, распада семьи, приобретения заболевания, ведущего к задержке или ретардации психического развития, асоциального поведения.

Выделить в социальной защите в «чистом виде» «социальное» не всегда пред-

ставляется возможным, ибо одна и та же мера может иметь большое политическое, социальное и экономическое значение.

В теории и на практике социальная защита, чаще всего рассматривается в узком смысле как социальная политика государства, стремящегося административными мерами обеспечить удовлетворительное или хотя бы сносное существование детям и их семьям, которые находятся в особо сложном положении и не способны без внешней поддержки улучшить его.

В настоящее время многие семьи не могут обеспечивать своим детям полноценные условия жизнедеятельности, особенно при большом числе детей в семье. Отсюда возникает необходимость в социальной защите детей и многодетных матерей со стороны государства и муниципальных органов управления.

Примером социальной защиты детей – сирот является деятельность под руководством С. Назарбаевой международного детского благотворительного фонда Казахстана «Бобек», получившего в 1994 г. статус члена Департамента общественной информации ООН и корреспондентский статус в ЮНИСЕФ. В своей работе фонд руководствуется основными принципами Декларации Всемирной встречи на высшем уровне в интересах детей и Конвенции о правах ребенка. Защита детей в трудный период перехода к рыночной экономике определяет концептуальную основу действий «Бобек» в таких областях, как образование, социальная защита и права детей, здравоохранение и пропаганда здорового образа жизни. Основными направлениями деятельности фонда являются:

- пропаганда на всех уровнях общества в пользу приоритетного внимания детям в рамках национальной социально-экономической политики;
- разработка, планирование, реализация и мониторинг основных программ и много – секторальных проектов в пользу детей и женщин Казахстана;
- попечительство над домами ребенка, детскими домами (в первую очередь семейного типа);
- продвижение и содействие выполнению Конвенции о правах ребенка, пропаганда проведения законодательных реформ и принятие новых правительственных решений по социальной защите обездоленных детей;
- прямая поддержка начального образования, особенно сирот и детей с недостатками развития, содействие гражданам, воспитывающим сирот, а также многодетным, малообеспеченным семьям; поддержка здравоохранения, помощь детям, находящимся на излечении в больницах и реабилитационных центрах;
- социальная мобилизация и участие в проведении кампаний по иммунизации [15].

Примером социальной защиты граждан в области получения образовательных услуг могут служить новый Закон РК «Об образовании», и Конституция системы образования до 2015 года, в которых кардинально изменена порядок государственного финансирования всей системы, образования устанавливается его многоканальность.

В мировой практике существует трехсторонний принцип ответственности за социальную защиту: человек – работодатель- государство. При разработке программы социальной защиты следует исходить, прежде всего, из признания ребенка (и поколения в целом) в качестве субъекта исторической деятельности, признание ее права на деятельность. И прежде чем перейти к рассмотрению следующего вопроса хотелось бы остановиться как минимум на четырех направлениях в социальной защите:

1. Социальная защита процесса формирования и развития личности. В основе данного направления положена идея, что личность формируется и развивается соответствии с объективными законами, выработанными в процессе длительной эволюции и последовательностью этапов развития, с необходимостью сменяющих друг друга («ритм жизни»). Это сложная, индивидуальная система различных периодов, циклов, фаз, как социальной, так и природной этиологии, в которой в свою очередь можно выделить свои фазы и уровни.

2. Социальная защита среды формирования и развития личности. В рамках данного направления внимание государственных институтов должно быть сосредоточено на среде обитания человека и тех его элементов, которые способствуют или препятствуют процессу формирования и развития детей с самым широким диапазоне: от экологических элементов среды, до социальных, экономических и нравственных проблем. Причем, здесь наиболее важны ключевые принципы, которые организуют деятельность государственных институтов и придают ей целесообразность.

3. *Защита прав человека.* Это специальное направление деятельности государства нацеленное на правовое обеспечение и регулирование, как воздействие среды, так и самого процесса формирования и защиты.

С позиции сегодняшнего дня, речь должна идти как о правовом обеспечении процесса социальной защиты детей, на основе действующего законодательства, так и об активной законодательной деятельности по развитию собственно правовой основы такой деятельности.

4. *Целевая социальная защита.* В рамках данного направления речь идет, как минимум, о двух важнейших моментах:

Во – первых, о целевой помощи детям, семьям, организациям и общественным институтам, работающим с детьми, для решения строго определенных конкретных задач, без чего успешная защита представляется весьма проблематичной. Иными, словами, речь идет о краткосрочной целевой программе, где сам ребенок, решить задачу не в состоянии, или когда усилия, затрачиваемые на достижение результата, ставят по сомнению сам результат.

Во – вторых, о постоянной помощи тем, кто не в состоянии без нее обходиться, живет на пороге нищеты и бедности. В условиях ужесточающегося рынка переходного периода данное направление становится наиболее важным и актуальным.

На основе анализа международного опыта можно сделать вывод, что наиболее эффективные и комплексные системы социальной защиты включают в себя следующие основные элементы: 1) государственные пособия; 2) обязательное социальное страхование; 3) накопительное

пенсионное обеспечение; 4) социальную помощь.

Из выше сказанного можно сделать заключение, что сейчас общество осознает тот значительный разрыв, который существует между подрастающим поколением и его реальным положением в обществе. И связи с этим возникает необходимость внедрения и построения адекватной модели социальной защиты в РК.

Понятия социальная защита и социальное обеспечение родственны, но не тождественны. При их использовании в качестве научных определений социальная защита включает в себя социальное обеспечение как составную часть, а, кроме того, охватывает гарантии по охране труда, здоровья и природной среды, минимальной оплате труда и др., обеспечивающие нормальные условия жизнедеятельности человека [16].

Представление о наиболее заметных различиях в подходах к социальной защите, существующих в мире, дает получившая в настоящее время широкое признание классификация Г. Эспинг-Андерсена. Им выделены три основные модели социальных государств: *либеральная, консервативная (корпоративная) и социал-демократическая.*

Формирование *либеральной модели*, присущей таким странам, как США, Канада, Австралия, Великобритания, происходило при господстве частной собственности, преобладании рыночных отношений и под влиянием либеральной трудовой этики.

Основными условиями функционирования данной модели являются минимальная вовлеченность государства в рыночные отношения и ограниченное применение мер государственного регу-

лирования, не выходящее за рамки выработки макроэкономической политики; во внутреннем валовом продукте (ВВП) государственному сектору экономики принадлежит лишь небольшая доля.

Социальная поддержка детей осуществляется за счет развитых систем страхования и при минимальном вмешательстве государства, являющегося регулятором определенных гарантий. Размеры страховых выплат, как правило, невелики. Незначительны и трансфертные платежи, т.е. переводимые со счетов госбюджета финансовые средства, полученные от налогов, непосредственно различным группам населения в виде пособий и субсидий. Материальная помощь имеет адресную направленность и предоставляется лишь на основании проверки нуждаемости.

Консервативная (корпоративная) модель характерна для стран с социально-ориентированной рыночной экономикой. В их числе – страны континентальной Европы, такие как Австрия, Германия, Италия, Франция. Позиции государства здесь значительно сильнее: бюджетные отчисления на социальные мероприятия примерно равны страховым взносам работников и работодателей, основные каналы перераспределения находятся либо в руках государства, либо под его контролем.

Вместе с тем государство стремится уступать материальную поддержку граждан системе страховой защиты. Благодаря этому величина социальных пособий находится в пропорциональной зависимости от трудовых доходов и, соответственно, от размеров отчислений на страховые платежи. Отличительной особенностью является «самоуправляемость» страхо-

вых касс, находящихся в совместном ведении владельцев предприятий и влиятельных профсоюзов, представляющих интересы наемных работников [17].

Социал-демократическая модель (ее иногда называют *солидарной*) подразумевает ведущую роль государства в защите. Причем приоритетными задачами государственной социальной политики считаются выравнивание уровня доходов населения и всеобщая занятость.

Во многих странах с социально ориентированной экономикой законодательство располагает законом о минимально гарантированном доходе (пособии). Дания приняла такой закон в 1933 году, Великобритания – в 1948 году, ФРГ – в 1961 году, Голландия – в 1963 году, Бельгия – в 1974 году, Ирландия – в 1977 году, Швеция – в 1982 году, Люксембург – в 1986 году, Франция – в 1988 году.

В США учитываются только текущие доходы семьи. Установлены возрастные параметры: на пособие могут претендовать лица, перешагнувшие 30-летний рубеж (во Франции и Люксембурге – 25-летний); на женатых или имеющих детей возрастные ограничения не распространяются. Срок выплаты пособия не имеет фиксированных пределов и может периодически продлеваться по результатам регулярных проверок нуждаемости. В настоящее время во многих странах ЕС достигли высокого уровня развития программы защиты семейного дохода, опускающегося ниже установленной планки, которые финансируются из бюджетных средств. В скандинавских странах, отличающихся наибольшей широтой охвата населения подобными программами, им придан общегосударственный статус.

В центральноевропейских странах такие программы действуют на региональном и местном уровнях. В государствах на юге Европы они почти полностью отсутствуют.

Анализ деятельности социальной политики РК показал, что с момента стабилизации экономики ежегодно в Посланиях Президента страны народу Казахстана вопросы защиты материнства и детства занимают особое место. Принципиально важно, что к всесторонней заботе о подрастающем поколении активно подключаются и политические партии. Это дальновидная политика, поскольку сегодня из 15 394 600 населения Казахстана пять миллионов, или 32 процента, – это граждане до 18 лет.

Детство объективно должно и остается сферой особой ответственности общества и государства, что вполне закономерно, ведь, с одной стороны, дети – слабозащищенная часть общества, с другой – это главная ценность государства. Это те руки, в которые мы передаем страну, желая ей достойного будущего.

Другой подход – экономический, когда детей рассматривают как человеческий

капитал, для развития которого требуется вложить огромные инвестиции, в первую очередь через систему здравоохранения и образования.

Третья точка зрения – демографическая, когда, условно говоря, каждая семья, чтобы обеспечить естественный рост нации, должна иметь троих детей.

Отношение общества к детским проблемам можно рассматривать с разных точек зрения. Есть гуманитарный подход, это, без преувеличения, забота о будущем нашего общества. Все мы слышали из уст наших воспитателей о назидательном примере: ребенок, увидев неуважительное отношение своих родителей к деду, приготовил для них самих корявую деревянную миску. Наши дети – это завтрашние взрослые, которые будут решать наши проблемы в старости.

В детском сознании сегодняшний мир предстает в темных красках, в многообразии жизненных проблем, требующих срочного, немедленного решения «здесь и сейчас».

Народная мудрость гласит, что до 3 лет ребенок – бог, с 4 лет ребенок – раб, а с 11 лет ребенок – друг. Истинность

Таблица 1. Рейтинг наиболее важных жизненных проблем детей школьников.

Рейтинг	Жизненные проблемы	Количество чел. оценивших проблему как значимую	% этого кол – во от общего числа респондентов
1	Успеваемость в школе	249	50
2	Недостаточность личных денег	184	37
3	Взаимоотношения с родителями	134	27
	Отсутствие друзей и близких людей	134	27
4	Проблемные отношения со сверстниками	94	20
5	Проблема проведения свободного времени	84	17
6	Конфликты с учителями	34	7
7	Другое	15	3

высказывания подтверждается исследованиями ученых, которые в 80-е годы прошлого века установили, что средства, затрачиваемые на развитие детей в первые четыре года их жизни, являются самым эффективным национальным капиталовложением, возвращающимся с пятикратной отдачей на каждую единицу вложений. Было выявлено, что к 11 годам у ребенка уже закладывается творческий или рутинный стереотип мышления, накапливается почти половина его будущих знаний, а значит и общества в целом. Очевидно, что страны, экономящие на детях, культивируют нищету [65, с. 34].

Поэтому, несмотря на имеющиеся возможности государственного бюджета Казахстана по разрешению целого ряда вопросов социального блока, нельзя утверждать, что в этой сфере присутствует относительное благополучие. Так, оптимизация сети социально-культурных учреждений и массовая приватизация зданий детских дошкольных учреждений, проводившаяся в 90-е годы прошлого столетия, привела к тому, что на 1 января 2007 года охват малышей дошкольными

заведениями в республике составил лишь 27,6 процента против 47,9% в 1990 году. Для сравнения: в Японии этот показатель равен 97 процентам, в США – 61 проценту, в России – 87,2 процента. Как показывает статистика в РК иная ситуация.

В целом по республике более одной трети детей не подготовлены к освоению программ начальной школы. Около 80% детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями в развитии в один из самых ответственных периодов жизни лишены возможности формирования полноценного физического и психического развития. Только в г. Астане более 2,5 тыс. детей стоят в очереди на устройство в дошкольные организации.

По данным Министерства образования и науки, для охвата детскими садами всех детей в Казахстане необходимо построить 1284 детских сада с проектной мощностью 280 мест каждая, на что требуется около 514 млрд тенге. Аналогичная ситуация и с общеобразовательными школами. Если в 1990 году функционировало 8487 общеобразовательных школ, то их число в 2006 году составило 7802

Таблица 4. Количество детей на 1 октября 2007 года.

Всего в республике проживают	4865 567
<i>В том числе детей: Дошкольного возраста</i>	<i>1 682 583</i>
<i>Школьного возраста</i>	<i>2 578 987</i>
<i>Молодежь до 18 лет</i>	<i>449 127</i>
<i>Находятся на полном государственном попечении в организациях:</i>	<i>17 486</i>
<i>Система образования</i>	<i>14 103</i>
<i>Система труда и социальной защиты</i>	<i>1 249</i>
<i>Дети – сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей</i>	<i>48 456</i>
<i>Из них:</i>	
<i>Определены в семьи под опеку и попечительство</i>	<i>29 147</i>
<i>Переданы на патронат</i>	<i>1 823</i>
<i>Дети с ограниченными возможностями в развитии</i>	<i>154 870</i>

школы. Сокращение произошло в основном за счет сельских школ. Одновременно увеличилась доля учащихся, обучающихся во второй смене, с 30,82% в 1995 году до 35,6% в 2006 году, обучающихся в третьей смене с 0,46% до 0,8%.

В целом по стране не хватает более 153 тысяч ученических мест. Наиболее проблемными регионами в этой связи являются Южно-Казахстанская, Кызылординская и Мангыстауская области. В аварийном состоянии находятся 212 школ, 115 работают в три смены. Поэтому хотим отметить своевременность поставленной Главой Государства перед Правительством задачи: в течение последующих трех лет построить 100 школ и 100 больниц в тех регионах страны, которые особенно нуждаются в этих объектах [2].

По данным Министерства труда и социальной защиты, в стране насчитывается 22258 детей-инвалидов до 16 лет, в том числе до 3 лет – 3515, от 3 до 7 лет – 4727 детей. Только за последние три года число детей с ограниченными возможностями, зарегистрированных ПМПК, увеличилось в 1,5 раза и достигло 157 тысяч. За период с 1992 года детская инвалидность выросла в 2,7 раза. Около 7 тысяч детей с выраженными нарушениями развития учатся по адаптированной программе на дому, еще столько же вообще не обучаются и не получают педагогической поддержки.

Это обусловлено отсутствием социальных услуг семье, воспитывающей детей инвалидов, адекватных образовательных условий в школах и физического доступа к учреждениям образования. Родители самостоятельно обеспечивают круглосуточный уход и воспитание

за детьми инвалидами. Эти семьи проживают в изоляции, бедности и нищете. Данные показателей первичного и повторно-го освидетельствования детей до 16 лет свидетельствуют о росте и высокой доле инвалидности в структуре ноозологий по врожденным патологиям, нервным болезням и психическим расстройствам.

Состояние сирот и детей, лишенных родительского попечения, также одна из актуальных социальных проблем.

Растет число детей, оставшихся без родительского воспитания. Кризисные явления в семье, рост числа разводов, асоциальный образ жизни родителей гонят детей на улицу. К сожалению, растет число сирот при живых родителях, одной из основных причин этого является алкоголизм взрослых и, как следствие, жестокое отношение к детям в семье, пренебрежение к их потребностям и интересам. Все эти факторы влияют на увеличение количества детей с девиантным поведением, число которых составляет более 19 тысяч [60, с. 45].

Если в 1991 году в нашей республике было 42 детских дома, то сегодня уже более 600 интернатных учреждений, в которых воспитывается более 13 000 детей-сирот. [1]

По данным Министерства образования и науки РК количество детей, оставшихся без родительского попечения и проживающих в закрытых интернатных организациях разного типа не имеет тенденции к снижению. В системе министерства имеется 17 домов-интернатов для детей-инвалидов, в том числе 15 для умственно-отсталых детей и 2 для детей с физическими недостатками, в которых на полном государственном обеспечении проживает 2,8 тыс. детей [18].

Для социальной адаптации детей-сирот, на наш взгляд, необходимо создание центров по устройству детей в семьи и подготовке приемных родителей. Кроме того, необходимо совершенствовать процедуру усыновления иностранными гражданами казахстанских детей. Следует отметить, что до сих пор есть вопросы в обеспечении полномасштабного контроля за дальнейшей судьбой усыновленных детей, в механизме возврата детей на родину, если в стране усыновления не созданы нормальные условия для воспитания.

Увеличилось число усыновленных детей, с 2877 в 2000 году до 3461 ребенка в 2006 году, из них усыновлено гражданами Республики Казахстан 2691 детей, иностранными родственниками – 41, иностранцами – 729. [46, с. 54].

Еще одной крупной проблемой в сфере социальной защиты детей является профилактика насилия в отношении детей. К счастью, в большинстве случаев физическое насилие в отношении детей в семьях не носит крайнего характера. Но в отдельных случаях это становится причиной необратимых явлений. Зачастую это происходит под видом соблюдения дисциплины, принимает форму физических, жестких или унижающих достоинство наказаний. На специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной вопросам защиты прав детей, прозвучали факты о том, что более половины детей в мире живут в семьях, где физическое и психологическое насилие – повседневная реальность.

Проблема бедности в мире существовала всегда. Уровень жизни, бедность, экономических рост – проблемы важные и тесно между собой связанные. Те явления, которые происходят в современной

общественной и экономической жизни страны, характеризуются с точки зрения их оценки. Дети, живущие в бедности, лишены многих своих прав: прав на выживание, здоровье и питание, образование, а также на социальную защиту от вреда, эксплуатации и дискриминации. Очевидным последствием и одной из основных причин тяжелого положения является дискриминация по гендерному признаку. Даже в странах с низким уровнем абсолютной депривации (лат. «лишение») в плане доходов и благосостояния семьи означает для детей неравенство возможностей. Каждый год десятки миллионов детей становятся жертвами эксплуатации, насилия и жестокого обращения, что лишает их детства и не позволяет им даже приблизиться к реализации в полной мере своего потенциала.

О том насколько плодотворно и конструктивно велась законодотворческая работа, свидетельствует динамика законодательной деятельности. Так, только по итогам деятельности Парламента Республики Казахстан с 1996 по 2006 годы были приняты более 230 законов, прямо либо опосредственно регулирующие социальную нишу в экономике государства, включая такие нормативные правовые акты, как Бюджетный кодекс, законы о республиканском бюджете на соответствующий финансовый год, законы по ратификации конвенций по правам человека.

Были приняты основополагающие законы по охране материнства и детства, такие как «О правах ребенка в Республике Казахстан», «О браке и семье», «О профилактике право нарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспри-

зорности», «О государственной адресной социальной помощи», «О социальной и медико-педагогической коррекционной поддержке детей с ограниченными возможностями», ратифицированы конвенции о правах ребенка и так далее.

В своем Послании Глава Государства отметил, что достижение тех высоких целей, которые поставили, потребует дополнительной мобилизации усилий и во многом нового, неординарного отношения и подходов к делу со стороны всех органов и институтов власти, делового, научного и экспертного сообществ [18].

Список использованных источников:

1. Бабакумаров Е. Ж., Жансугурова Ж. А., Куттыбаева Р. С. Социальная политика государства в переходный период. Алматы. 1996 г. стр. 22
2. Назарбаев Н. А. Послание президента РК народу Казахстана. Повышение благосостояние граждан Казахстана главная цель государственной политики. – Астана: «Елорда», 2008.– 64 с.
3. Молодежь в меняющемся обществе. Мониторинговый доклад № 7, Флоренция. Исследовательский центр ЮНИСЕФ «Ин-ноченти». 2000 г. С. 193.
4. Тесленко А. Н. Социальная педагогика: введение в специальность. Астана: ИП-КиПК СО, 2005.– 148 с
5. Кожамкулова Л. Т. Социальная защита населения. Монография. – Алматы, 2005–140 с.
6. Положение детей в мире. Социально – изолированные и невидимые. ЮНИСЕФ. 2006. 137 с.
7. Неправительственные организации РК: информационный справочник. – Астана: МКИОСК РК, 2002.– 256 с.
8. Нищета, дети и социальная политика: путь в более светлое будущее. Региональный мониторинговый доклад UNISEF, 2001, № 5.
9. НПО города Алматы. Алматы: ОО «OST-XXI века», 2005.– 288 с.
10. Джаманбалаева Ш. Е. новые подходы к организации социальной защиты детей и подростков// Евразийское сообщество: общество, политика, культура.– 2002. – N1. – С. 50–61.
11. Постановление Правительства Республики Казахстан от 11 июня 2001 года N789 Об утверждении типового положения о комиссии по защите прав несовершеннолетних (с изменениями, внесенными постановлениями Правительства РК от 14.06.02 г. N646; от 04.03.04 г. N272)
12. Права ребенка в Казахстане: провозглашаемое и действительность. Хабаршы. Вестник ЕНУ им. Л. Н. Гумилева.– 2001. стр. 87–90.
13. Переломные моменты: деятельность ЮНИСЕФ в независимом Казахстане. 2001. ООН (ЮНИСЕФ).
14. Безлепкина Л. Ф. Семья в социуме: стратегия жизнедеятельности. – Вестник социальной работы № 5 2001.
15. Тетерский С. В., Введение в социальную работу: Учебное пособие. – М.: Академический Проект, 2000.– 496с
16. Гусякова Л. Социологические парадигмы и дифференциация моделей практики социальной работы // Социология на пороге XXI в. Новые направления исследований. – М.: Интеллект, 2001. – С. 72–82
17. Козлов Л. А., Социальная работа за рубежом: состояние, тенденции, перспективы. М., 2003.
18. Мухтарова К. Адаптация международных социальных стандартов для оценки уровня благосостояния населения Казахстана// Евразийское сообщество: общество, политика, культура.– 2002. – N.2. – С. 146–153

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ

Верещагина А. А. (Калининград)

Аннотация: в статье рассматривается проблема этнической идентичности с точки зрения особенностей положения групп нетитульного населения в полиэтнических государствах.

Ключевые слова: этническая идентичность, конфликт идентичностей, социализация индивида, язык.

Summary: in article the problem of ethnic identity from the point of view of features of position of groups of not title population in the multiethnic states is considered.

Keywords: ethnic identity, conflict of identity, socialization of the individual, language.

Изменение социально-психологического состояния различных социальных и этнических групп является характерной особенностью современного мира. Это изменение проявляется в бурном росте этнического самосознания, в возрождении титульных наций, развитии отношений в различных этнических группах, которое иногда сопровождается столкновением экономических, религиозных, культурных интересов. Поэтому попытка рассмотреть проблематику этнической идентичности с точки зрения особенностей положения групп нетитульного населения в полиэтнических государствах, на наш взгляд, является актуальной для современной психологии.

В социально-психологических исследованиях современное мировое сообщество нередко предстает расколотым на организованные по этническим признакам группы, члены которых объединены общей для них историей, религией и культурой, а также солидарным чувством принадлежности к «своей» общности. Обыденное представление квалифицирует нынешнее состояние взаимодействия этих исторически сложившихся общностей с их устоявшейся куль-

турной, политической или религиозной идентичностью как обнаруживающее серьезный конфликтный потенциал.

Особенно это касается случаев, когда крупные по численности этнические общности вынуждены сосуществовать в режиме одного государства, и соответствующее политическое сообщество, национальные приоритеты которого закономерно задаются главенствующей в нем этнической группой, оказывается, по существу, разделенным на этническое большинство (титульная нация) и этнические меньшинства (нетитульные народы и мигранты). И здесь мы можем наблюдать конфликт идентичностей.

Не только в социально-психологическом, но и в социально-политическом аспекте возникающие в таких смешанных сообществах проблемы взаимосвязаны с несовпадающими коллективными идентичностями титульного и нетитульного населения. Титульные инфраструктуры стремятся к гомогенному, солидарному обществу сограждан и ориентированы на формирование единой, общей для всех членов сообщества надэтнической (национальной) идентичности, обеспечивающей примат гражданства над этнично-

стью. В отличие от этого, нетитульные инфраструктуры претендуют на сохранение идентичности этнических групп как особых общностей, поддерживающих свои этноспецифические групповые традиции, этническую солидарность и преемственность. Возможный в ситуации полиэтничности государства конфликт параллельно действующих идентичностей является – в зависимости от степени их принципиальной совместимости и интенсивности противостояния – серьезным вызовом для сообщества как такового и его членов. Ведь речь идет не столько о противостоянии отдельных представлений или интересов (элит), сколько о конфронтации совокупных систем базовых ценностей и основанных на них групповых идеалов, убеждений и ориентаций, которыми определяется практика мышления и поведения групп и индивидов.

Вопрос этничности/национальности в данном контексте предстает как дилемма приоритетов в восприятии различными этногруппами заданных рамок доминирующего общественно-политического и социокультурного устройства и сохранения ими специфичной субкультуры, в том числе политической и религиозной. Коллективная идентичность этногруппы определяется как относительно устойчивый в своей основе набор специфических признаков или символов, характеризующих индивидуальность и самобытность данной группы и обеспечивающих ее конституирование и функционирование как общности, отличной от других этногрупп. Коллективная этническая идентичность детерминирована через различные критерии, приписываемые этногруппе в качестве имманентных (идентификационных) признаков: самоназвание;

собственная территория; исторические традиции; своеобразие материальной и духовной культуры, включая язык и религию; определенные устойчивые стереотипы поведения, сознания и менталитета членов группы и т.д.

Что на основе относительно стабильной и упорядоченной системы освоенных в процессе развития общих ориентаций и ценностей, присущих данной этнической группе, выстраивается механизм внутригрупповой интеграции общности и ее дифференциации по отношению к сопоставимым коллективным образованиям, чем обеспечивается необходимый уровень этнической лояльности и солидарности членов группы. И это обстоятельство имеет решающее значение. Ключевым фактором социализации индивида, становления его индивидуальной идентичности и ценностного восприятия окружающей действительности является идентификация по этническим признакам – действительным или же только воображаемым. Независимо от того, выступает ли этническая идентичность как объективная или субъективная реальность, этноидентификация создает ощущение межпоколенной и исторической преемственности. Этническая идентичность индивида представляет собой, в таком понимании, чувство принадлежности индивидуума к определенной общности и подчинение ее нормативно-ценностной системе, которыми в значительной степени определяется и регламентируется поведение индивида на уровне его внутригрупповых и внегрупповых коммуникаций.

Языковая проблема стала хроническим заболеванием большинства постсоветских государств. В обобщенном

сознании часто происходит фактическое отождествление языка и народа: так, по данным этносоциологических исследований в 70-е гг. XX века две трети русских определяли свою этническую идентичность по языку. Язык действительно является одним из важнейших этно-дифференцирующих признаков. Но в последние десятилетия исследователи многих стран все больше внимания уделяют тому неоспоримому факту, что в некоторых исторических ситуациях этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессах формирования чувства родственности с общностью и межгрупповой дифференциации. Проблема этнической идентичности полимодальна, и нам представляется оправданным определить в рамках данной статьи некоторые социальные, исторические, психологические аспекты её контекста.

Взаимосвязь языка и этнической идентичности является одной из основных проблем психологического изучения и социального сознания. Язык издавна рассматривается как один из важнейших факторов этнической идентичности поскольку именно язык занимает одно из ведущих мест в составе этноса. Принадлежность к той или иной этнической общности в современной социальной психологии изучается с позиций двух концепций: с точки зрения теории социальной идентичности Г. Тэшфела и Дж. Тернера и с точки зрения модели двух измерений идентичности Дж. Берри. Г. Тэшфел и Дж. Тернер сформулировали общий психологический принцип, согласно которому специфика групповой категоризации состоит в том, что груп-

повая идентификация (или осознание принадлежности к группе) неразрывно связана с другим когнитивным процессом – дифференциацией (или оценочным сравнением) категоризируемых групп. А социальная идентичность в самом общем смысле – это результат процесса сравнения своей группы с другими социальными объектами. Именно в поисках позитивной социальной идентичности индивид или группа стремятся самоопределиться, обособиться от других, утвердить свою автономность. Опираясь на теорию социальной идентичности, Г. Джайлс с соавторами исследуют роль языка в межэтнических отношениях и разрабатывают концепцию этнолингвистической жизнеспособности. В рамках этой концепции анализируются статус языка, его демографические характеристики, оказываемая ему институциональная поддержка и другие факторы, влияющие на сохранение группой собственного языка как жизнеспособного средства коммуникации. Чем выше реальная или воспринимаемая этнолингвистическая жизнеспособность группы, тем в большей степени индивиды стремятся с ней идентифицироваться. Члены этнической группы могут иметь как сильную, так и слабую идентификацию и со своей группой, и с группой доминантного большинства. Сильная идентификация только с собственной группой в полиэтнической среде может быть связана с тенденцией к сепаратизму, ориентацией на раздельное развитие групп.

Существует несколько моделей «этнической интеграции» политического сообщества. В зависимости от прева-лирования в государстве той или иной стратегии регулирования положения эт-

номеньшинств выделяют три основные институциональные модели осуществления этнической интеграции политических сообществ[2]. Во-первых, это модель империи, в которой специфическая этническая дифференциация общества сохраняется, а государственное единство обеспечивается за счет иерархической организации и контролируемой деэтнизации этничности. Во-вторых, это модель национального государства, организуемая по принципу деэтнизации государственности и создания надэтнической «политической нации». И, в-третьих, это модель мультинационального государства, в рамках которой межэтническая интеграция реализуется через признание этнокультурного плюрализма общества и полиэтнизацию государства.

Рост этнической идентичности титульных этносов независимых постсоветских государств, как показывает объективная реальность, ведет к этноэгоизму, чему способствует намеренная или преднамеренная политизированность некоторых социально значимых вопросов, например, вопроса о сущности языковой политики государства. Равноправие как общегосударственная категория для каждого гражданина уходит в небытие, уступая место «исключительности» титульной нации. Резко обостряется восприятие дискриминации «нетитульных» народов, проживающих много десятилетий и даже столетий на территории ставшего независимым государства. Увеличивается культурная дистанция с «титульным этносом», то есть параметр этнической принадлежности становится наиважнейшим в определении социального статуса личности, происходит трансформация этнического самосознания, ведущая

к гипертрофированному восприятию собственной этнической группы, к абсолютной убежденности в превосходстве собственной этнической группы над «чужими». Это ведет к насилию над «чужими», к этнической нетерпимости, к агрессивной наступательности в решении социальных вопросов, к этническому доминированию одной национальной группы над другими. Этноэгоизм на языковом уровне приводит порою к казусам, когда ревнители национального языка предлагают перевод интернациональных лексем, терминологических единиц и международной лексики на национальный язык.

Этническая идентичность сильнее выражена у тех, кто живет в условиях непосредственного контакта с культурой, сильно отличающейся по своим этническим признакам, она осознается более четко. Язык, как самый сильный этнодифференцирующий признак, становится в условиях непосредственного контакта генетически неродственных культур жизненно важной проблемой. Отдельная личность или группы (семья, например, или семейные анклавы) стремятся к моноэтнической идентичности, соблюдая традиции и многовековые нравственные установки, диктуемые этнопринадлежностью. Этническая идентичность сопровождается позитивными эмоциями: чувством гордости за свой народ, его достоинство, высокий патриотизм, уникальную культуру, за его ценности и морально-нравственные нормы, за его принципы. Позитивная этническая идентичность не отрицает своеобразия этнической идентичности и иных народов и культур, порождая межэтническую толерантность. Однако в полиэтническом

сообществе, коими являются все постсоветские государства и часть Европы, как показывает объективная действительность, часто возникают межэтнические столкновения, причиной которых становится акцентированная гиперидентичность одного этноса и подавление этнической идентичности иных народов, их духовных ценностей, культур, языка (примеров можно привести много: горящие православные церкви в мусульманских странах или кощунственные карикатуры мусульманского пророка Мухаммада (мир Ему и благословение) и т.д. Этноэгоизм и гиперидентичность опасны тяжелыми последствиями. Они ведут к дестабилизации межэтнического взаимодействия внутри государства, к национальному или религиозному фанатизму, к политическим кризисам, к национальной напряженности в обществе.

Теоретико-методологический анализ западноевропейских, американских и российских концепций идентичности ставит, на наш взгляд, проблему влияния трактовок идентичности на характер социально-политического выбора, глубин-

ные мотивации социального поведения индивида и группы, соединяющие зафиксированную в оценках и подходах к общественным явлениям память о прошлом и новый опыт. Однако здесь возникает вопрос о текучести критериев идентификации в пространстве культуры, которые меняются в ходе социокультурного развития.

Литература

1. Брудный А. А., Психологическая герменевтика [Текст]: учебное пособие. – М.: Лабиринт, 2013. – С. 336.– 132 с.
2. Проблемы теории текста [Текст]: реферативный сборник; гл.ред. Ф.М. Березин // Хартман П. Текст, тексты, классы текстов // Проблемы теоритекста: реферат. сб.: пер. с нем. В.С. Страховой – М.: АН СССР, 1978.– 189 с. – С. 168–185.
3. Бекназар-Юзбашев Т.Б., Этничность, коллективная идентичность и положение этноменьшинств в смешанных сообществах [Электронный ресурс]: статья / Бекназар-Юзбашев Т.Б. / Режим доступа: <http://contrtv.ru/common/1818>, свободный (дата обращения 22.02.2016).
4. Сушков И. Р., Социально-психологическая теория Джона Тернера [Текст]: // Психологический журнал, 1993, том 14.– № 3.

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Власова Г. И. (г. Санкт-Петербург)

Аннотация: в статье анализируется опыт организации психолого-педагогического сопровождения процесса социализации младших школьников в условиях мегаполиса. Сопоставлены возможности традиционной и инновационной моделей организации институциональных взаимодействий субъектов воспитания, а также приведена система противоречий, которая рассматривается в качестве источника развития психолого-педагогического инструментария школьной психологической службы и расширения возможностей консультативной помощи семье ребенка-младшего школьника.

Ключевые слова: социализация, институциональное взаимодействие, воспитание, психолого-педагогическое сопровождение.

Abstract: the article analyzes the experience of psycho-pedagogical support of process of socialization of younger schoolboys in conditions of the metropolis. Associated traditional and innovative models of institutional interaction of the subjects of education, and the system of contradictions, which is regarded as the source of development of psihologo-pedagogical tools of the school psychological service and empowerment family counselling of the child-primary school children.

Keywords: socialization, institutional interactions, education, psycho-pedagogical support.

Основу социализации детей младшего школьного возраста составляет рациональный подбор социального и педагогического инструментария, позволяющий добиться требуемого уровня социализации.

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) ставят задачи формирования и развития у учащихся универсальных действий, которые обеспечат их умение учиться, а также способности к саморазвитию и самосовершенствованию [4]. Это может быть достигнуто при осознанном постижении учащимися различного социального опыта.

При этом знания, умения и навыки, именуемые в различных нормирующих документах компетенциями, рассматриваются как производные от соответству-

ющих видов целенаправленных действий. Следовательно, можно сделать вывод, что компетенции учащихся формируются и развиваются во взаимосвязи с их активной деятельностью, что является одним из основных условий их успешной социализации.

Социализацией может считаться особая деятельность, связанная с рациональным подбором методов, форм и средств обучения, направленных на формирование личностных качеств учащихся, востребованные современным обществом [2].

Для обеспечения социализации детей младшего школьного возраста, педагогам, реализующим компетентностный подход в обучении и воспитании, целесообразно использовать различные формы, методы

и средства не только для общения с учениками, но и с их родителями, т.е. проводить соответствующую работу с семьями учеников. При этом учителя могут использовать и традиционные формы, и средства общения с родителями учеников, и их современные интерпретации.

При реализации образовательных стандартов нового поколения особую значимость приобретают технологии совместной деятельности педагогов. К ним относятся технологии психолого-педагогической диагностики, технологии, мотивирующие на поиск проблемы и способов действий в конкретной ситуации, а также технологии, направленные на формирование и развитие детской самостоятельности, как одной из акмеологических предпосылок самодеятельной личности [3].

Для того чтобы сформировать требуемые компетентности младших школьников, которые позволят им вступить в общество полноценными индивидами, способными к дальнейшей деятельности, преподаватели, как правило, используют различные виды диалогического общения. По нашему мнению, процессы социализации младших школьников целесообразно рассматривать через призму компетентностного подхода, с учетом воспитательного потенциала семей обучающихся. При этом модель выпускника начальной школы должна изоморфно отражать структуру его дальнейшей деятельности, детерминированную социальным статусом семьи морально-нравственными (иногда духовными) взглядами, экономической и политической ситуацией конкретного исторического периода и т.д.

О компетентностной модели можно говорить, лишь имея в виду целост-

ность предметно-функциональной подготовки и личностных качеств будущего субъекта, стремящегося к социальной адаптации, т.е. исходить из начальной «стартовой» социализации и начальной мотивации с обязательным обеспечением системы необходимых и достаточных условий полной социализации учащихся младших классов. В этой связи на базе ГБОУ СОШ № 484 г. Санкт-Петербурга Московского района, в период с 2009 по 2013 г. нами было выполнено теоретико-экспериментальное исследование особенностей социализации младших школьников в современной городской институциональной среде. В эксперименте участвовали 163 ребенка 8–10 лет (1–4 классы), 16 преподавателей начальных классов, а также 146 родителей. В общем, в эксперименте приняли участие 325 человек.

В итоге был получен эмпирический материал, позволяющий провести содержательный анализ существующей традиционной и разработанной нами инновационной модели согласования целей участников воспитательных взаимодействий [1].

При рассмотрении традиционной модели институционального взаимодействия следует учитывать, что в существующей практике мотивы и цели участников институциональных взаимодействий мало согласованы, а часто и противоречат друг другу (см. рисунок 1). Школа может воспринимать социальные институты как конкурентов

за результаты творчества лучших учеников. Семья и школа, взаимодействуя друг с другом, на практике могут быть не склонны к партнерским отношениям с иными социальными институтами.

Конкурентность субъектов образования объяснима, поскольку они заинтересованы в расширении сферы своего влияния на систему образования и личность учащегося, а достигается это «явочным путем», т.е. без оповещения и аргументации такой позиции для прочих участников воспитательного процесса. Так,

на рисунке 1 видно, что согласование целей трех основных субъектов идет преимущественно в диаде, а не в триаде. Тем более не разрабатываются и не согласовываются общие программы, в том числе и связанные с решением социально-важных для личности учащегося задач, таких, как социализация.

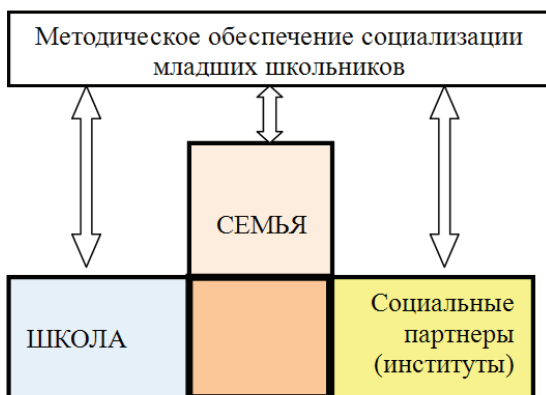
Семья может воспринимать институты:

- а) как заместитель одного (отсутствующего или нереферентного) родителя;
- б) как источник дополнительных материальных затрат

Рис. 1. Модель традиционного институционального взаимодействия

Предложенная нами теоретическая модель согласования воспитательных воздействий основных субъектов изначально демонстрирует наличие такого блока, который может быть принят ими как единый и общий, т.е. представлен как сфера совместной деятельности, где

согласование и педагогическое сопровождение изначально определено приемлемой для всех целью, а конкуренция минимальна. Для иллюстрации подобной возможности мы обозначили в качестве таковой успешную социализацию личности младшего школьника (см. рисунок 2).

■ Блок, который может быть принят как единый и общий, т.е. представлен как сфера совместной деятельности, где согласование и педагогическое сопровождение изначально определено приемлемой для всех целью, а конкуренция минимальна

Рис. 2. Модель согласования целей воспитательных взаимодействий субъектов образования

В начальной школе эта система конкурентных отношений субъектов воспитания может быть гуманизирована за счет постановки перед ними общей социально ценной цели – социализация личности младших школьников (см. выше). Мы отдаем себе отчет, что мотивация институциональных субъектов школы и семьи не может полностью совпадать, но смыслообразующий общий мотив, связанный с социализацией личности учащегося, может стать доминирующим и объединяющим их.

Критериями результативности процесса социализации младших школьников в их учебно-познавательной и социально-активной деятельности являются: наличие убежденности в принятии других как равноценных и равнозначных субъектов общения, равноправных партнеров по взаимодействию и диалогу (импонирующее другим людям); наличие способности к тому или иному виду деятельности; целостность мировоззрения, навыки коллективного общения; устойчивость в социальных поступках; наличие проявления творческого потенциала.

Среди имеющихся путей преодоления рисков в решении проблем при институциональном взаимодействии в процессе социализации младших школьников можно выделить следующие:

- при существующем риске неготовности педагогического коллектива к социальному партнерству одним из путей преодоления будет выступать разработка управленческих мероприятий по взаимодействию с социальными партнерами, а также усовершенствование психолого-педагогической службы/ сопровождения педагогов;

- при низкой осведомленности партнеров о возможностях ОУ путем преодоления будет являться информирование партнеров о деятельности учреждения через СМИ, сайт ОУ, изучение интересов социальных партнеров для взаимовыгодного сотрудничества;

- при трудностях в определении механизма согласования при введении новых форм взаимодействия с социальными партнерами – разработка технологии введения новых форм взаимодействия;

- при недостаточности в ОУ материально-технических средств – привлечение дополнительных источников финансирования (платные образовательные услуги, благотворительность, ресурсы социальных партнеров);

- при появлении у родителей отрицательной и/или непредвиденной реакции – их психологическое консультирование и вовлечение в совместные проекты;

- при отсутствии предметно-специфических знаний у практических работников ОУ в области проведения мониторинговых процедур – прохождение курсов повышения квалификации, организация творческих групп – обмен опытом, наставничество;

- при слабом владении педагогическими технологиями у педагогов, реализующих основную общеобразовательную программу и направления по внеклассной работе – прохождение авторских курсов повышения квалификации;

- при не владении средствами и приемами диагностики уровня и характера отклонений в общем развитии у детей и планировании последующих педагогических воздействий на ребенка – организация взаимодействия с группой специалистов, способных в силу специфики

деятельности, осуществлять научно-методическое сопровождение;

- при наличии разных коллективов детей/ классов (сильный, средний, слабый, коррекционный) – подбор воспитательных средств и методического сопровождения детского коллектива; отслеживание промежуточных результатов, выстраивание маршрута индивидуально-сопровождения, привлечение к взаимодействию специалистов.

При различии подходов к организации и формам педагогической деятельности в интересах оптимизации процесса социализации ребенка для психолога на первом месте должны быть эффективное сотрудничество с семьей и социальными институтами, выстраивание между ними партнерских отношений. Предметом взаимодействия и сотрудничества данных субъектов воспитания является ребенок, включенный в различные малые группы. Социализация младшего школьника должна выстраиваться с учетом его

интересов, заботы о том, чтобы каждое педагогическое воздействие, оказанное на него, было профессиональным и психологически безопасным.

Литература:

1. Власова Г.И., Иванов Е.А. Взаимодействие современных социальных институтов как среда социализации школьников // Социология образования, 2015. № 2. – С. 65–73.
2. Осипов А.М. Социология образования в России: проблемы и перспективы / А.М. Осипов, В.В. Тумалев // Социологические исследования. 2004. № 7. – С. 120–126.
3. Турчин А.С. Акмепсихология развития субъекта образования в деятельности со знаково-символическими средствами / А.С. Турчин. – Москва; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011.– 318 с.
4. ФГОС начального общего образования утвержден Приказом № 373 Минобрнауки России 06.10.2009 г., зарегистрирован в Минюсте России 22.12. 2009 г., рег. № 17785.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Гирфатова А. Р. (Уфа)

В статье анализируются проблемы межкультурной коммуникации руководителей.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, речевое поведение, руководитель.

The article analyzes the problems of intercultural communication of leaders.

Key words: intercultural communication, speech behavior, leader.

В современных условиях глобализации и интеграции эффективность межкультурных коммуникации руководителя предопределяет успешность его деятельности. В последние годы особенно заметен рост количества международных контактов руководителей различных уровней. Различия в интерпретации иностранных слов, порой даже контекстов в понимании речевого поведения вызывают противоречия и даже конфликты. Безусловно, недоразумения часто бывают от того, что люди не понимают друг друга вследствие несовпадения логики речевой деятельности инокультурного собеседника. Такие трудности во взаимопонимании, несомненно, вызывают проблемы в процессе переговоров сторон.

Речевое поведение непосредственно отражает культуру, образ мира руководителя как представителя определенной страны, этноса или региона.

При рассмотрении процесса межкультурной коммуникации целесообразно учитывать, осуществляется ли она при сохранении каждой участвующей в нем стороной того, что можно назвать собственным этнокультурным пространством (например, долгосрочной командировки, при обмене делегациями и т.п.) или же взаимодействие происходит в результате перемещения представителей

одной культуры в пространство, занимаемое носителями другой, и их закрепление в этом пространстве (например, миграция, вызванная политическими, экономическими, культурными и т.п. причинами, формирование устойчивых диаспор и др.). В первом случае можно постулировать в целом относительное равноправие участвующих в диалоге коммуникантов и добровольный характер взаимодействия, что если не исключает, то во всяком случае уменьшает риск возникновения этнокультурного конфликта. Во втором случае оно во многом воспринимается как вынужденное, причем не только для «принимающей», но и для «прибывающей» стороны, а ситуация «хозяева» // «гости» (отнюдь не всегда желанные) придает ему ярко выраженный неравноправный характер [2].

Культура включает в себя регулятивные элементы: идеалы, нравственные нормы, традиции, обычаи и т.п., в совокупности они и составляют социальные нормы поведения, соблюдение которых является непременным условием сохранения общества как интегрированного целого.

Особую роль в этом играет язык (и другие знаковые системы), так как язык, вернее речь (речевое поведение, речевая деятельность), является средством

передачи социального опыта индивидам, и в рамках этого опыта социальные нормы поведения, являясь одним из устойчивых фрагментов культуры, представляют собой специфически национальную форму проявления универсальной и «организационной» функции культуры [4].

Для психолингвокультурологического подхода признание и учет данного сложного, многокомпонентного, многомерно-го единства является методологическим основанием и в силу этого необходимо обязательным условием.

При этом в качестве основного / центрального звена и, следовательно, в качестве базовой категории данный подход рассматривает человека говорящего. Особо подчеркнем, что данное положение выросло, по сути, из идеи В.Н. Телия, считавшей и неоднократно говорившей, что базовой категорией культуры является человек, а базовой оппозицией – достойно / недостойно личности.

С одной стороны, человек говорящий формируется как личность, как носитель сознания, как полноправный член некоторого сообщества (некоторых сообществ) именно в коммуникации, впитывая в себя культуру данного сообщества с помощью (в том числе) языка и лингвокультуру с помощью (именно) языка данного сообщества. Следовательно, можно утверждать, что человек говорящий есть объект (творение) языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации. При этом крайне важно всегда иметь в виду следующее:

– во-первых, социализованная личность – это отнюдь не окаменевшее образование, напротив, человек говорящий постоянно претерпевает определенные

изменения в процессе бесконечного накопления прижизненного опыта;

– во-вторых, человек говорящий, будучи всегда представителем своей культуры и лингвокультуры, носителем своего языка и т.д., не перестает быть ни представителем рода человеческого, ни отдельной личностью [3].

«Зная важнейшие черты стиля коммуникации, а также факторы, которые их формируют (а это, прежде всего, тип культуры, горизонтальная и вертикальная дистанция, культурные ценности, которыми руководствуются ее носители, стратегии вежливости), мы получаем возможность ориентироваться в другой культуре, более точно интерпретировать поведение своих инокультурных собеседников и самим более осознанно действовать по их правилам, что снижает возможность коммуникативных неудач» [цит. по1].

По мнению Петренко В.Ф., нет мира вне языка и культуры, и семиотическая знаковая форма человеческого бытия дает не только радость познания и понимания мира, но и возможность участвовать в его построении и развитии [5, с. 134].

В целях уточнения вышеназванных проблем межкультурных коммуникаций нами начато исследование.

В проведенном нами исследовании на выборке руководителей из 34 человек выявлено следующее: на вопрос: «Как Вы думаете, национальный характер оказывают влияние на речевое поведение руководителя?» только 5% опрошенных ответили отрицательно. Это подтвердило наше предположение о влиянии ментальности на речевое поведение.

На вопрос: «Целесообразно ли сохранять собственные этнокультурные

особенности при межкультурной коммуникации?» также большинство (88%) ответили утвердительно (См. рис. 1)

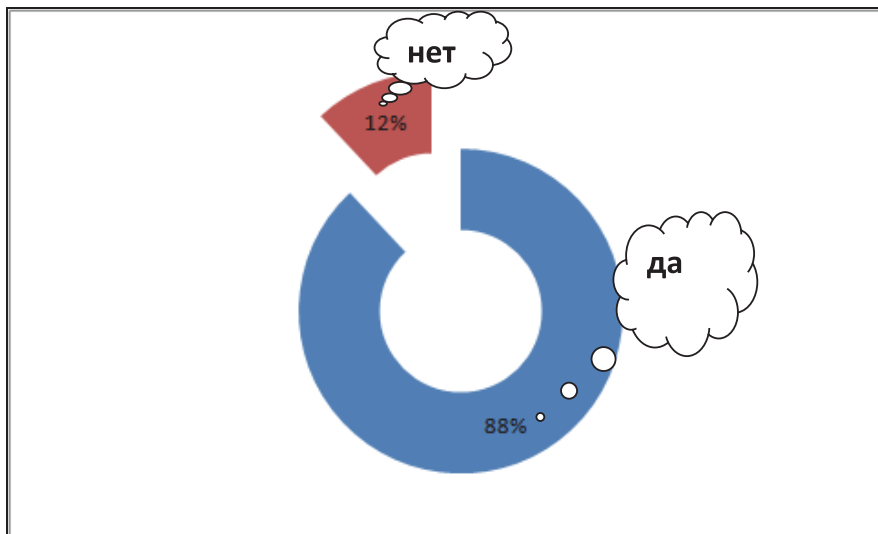

Рисунок 1. Оценка целесообразности сохранения собственных этнокультурных особенностей.

Таким образом, считаем необходимым, обратить внимание на такую особенность межкультурного взаимодействия. В современных условиях глобализации необходимо учитывать, что большинство руководителей намерены сохранить собственное этнокультурное составляющее межкультурной коммуникации. Все это потребует дальнейшего анализа и перспектив изучения темы.

Литература

1. Балясникова О. В. Возможности и перспективы этнопсихолингвистического исследования конфликта психолингвокультурологии / О. В. Балясникова // Вопросы психолингвистики. 2015. 4 (26) Москва с. 12–22
2. Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. Диалог или борьба культур? (О некоторых аспектах межкультурного общения) / И. И. Валуйцева, Г. Т. Хухуни // Вопросы психолингвистики. 2015. 2 (24) Москва С. 153–160
3. Красных В. В., Бубнова И. А. Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии / В. В. Красных, И. А. Бубнова // Вопросы психолингвистики. 2015. 3 (25) Москва с. 168–175
4. Национально-культурная специфика речевого поведения. Под ред. А. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. – М. «Наука», 1977
5. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – М.: Эксмо, 2013. – 448 с. – (ВТЛ-проекты).

СЕМЕЙНЫЕ ПОРЯДКИ КАК УСЛОВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЬИ

Куницына В. Н., Юмкина Е. А. (С.-Петербург)

Аннотация

В статье сформулировано понятие психологического благополучия семьи, в контексте которого рассматриваются семейные порядки. Показаны основные составляющие семейных порядков: распределение обязанностей в семье, управление финансами и долгосрочное планирование. В ходе эмпирического исследования (n=175) с использованием опросных методов обнаружены значимые различия между группами испытуемых по выделенным составляющим семейных порядков в ценностных ориентациях, стилях детско-родительских отношений, семейном укладе. Доказано, что семейные порядки обеспечивают психологическое благополучие семьи посредством эффективного управления семейными ресурсами, внесения регулярности в ритм жизни членов семьи, четкости в распределении прав и обязанностей.

Ключевые слова: семейные порядки, психологическое благополучие семьи, семейные ресурсы, гармоничность отношений в семье

Abstract

The focus of the article is a problem of family rules analyzed in the context of family psychological wellbeing. There were shown main components of family rules: distribution of family responsibility, financial administration in family and long-term planning. There were shown the differences between groups of respondents (n-175) divided by using of family order's components in values, parent-child relationships and family lifestyle. The results of the research show that family orders provide psychological wellbeing of family by making an effective family resources management, entering a regularity in family lifecycle, clarification of family responsibility.

Key words: family orders, psychological wellbeing of family, family resources, harmony of family relationships

Проблема психологического благополучия семьи находится в центре внимания многих исследователей. Большое внимание уделяется изучению пространственно-временных аспектов существования семьи, ее психологическим ресурсам и повышению ее жизнеспособности [5], [8], [10], укреплению и развитию межпоколенных отношений в рамках семьи [9], [13], нравственной составляющей менталитета и ценностного сознания молодого поколения, которые также закладываются в семье и являются социальным капиталом нравственно здорового, жизнеспособного общества [4], [12].

Чтобы найти эти ресурсы, поддержать их, вырастить духовно здоровое, зрелое, творческое, сильное поколение, способное противостоять кризисам, трудностям, необходимо совершенствовать и создавать новые методические разработки изучения такой относительно закрытой ячейки общества, каковой является современная семья [2], [6], [7], [11].

Необходимо вовремя оказывать психологическую помощь семье в момент прохождения психологических кризисов в отношениях поколений, острых перио-

дов взросления детей, совершенствовать консультативную помощь и социально-психологическую поддержку представителям всех семейных поколений [1], [3], [13].

Несмотря на большое количество работ, само понятие психологического благополучия остается недостаточно осмысленным и требует своего уточнения с целью более предметных эмпирических исследований.

Мы понимаем под психологическим благополучием семьи разделяемое членами семьи устойчивое состояние удовлетворенности потребностей во внимании, принятии, поддержке, основанное на глубоко знании и уважении членами семьи друг друга, транслируемое в поведении и материально-предметной среде дома, воспринимаемое окружающими в позитивных терминах.

Устойчивость, как один из центральных акцентов в определении психологического благополучия семьи, предполагает наличие регулярных, т.е. упорядоченных отношений. В связи с этим, важное условие психологического благополучия, – это наличие семейных порядков, объективных характеристик функционирования семьи, которые выступают как устойчивые способы организации и регламентации жизнедеятельности семьи в длительной временной перспективе в рамках семейной структуры. Через опыт и научение (вербальные наставления, семейные порядки и правила, семейный сценарий и т.п.) привычным, одобряемым способам действия и общения облегчается социализация молодого поколения.

Анализ литературы и анкетирование 46 испытуемых (различных возрастов

и профессиональных групп) о содержании семейных порядков позволили выделить в них три значимые сферы:

- распределение обязанностей в семье
- управление финансами
- долгосрочное планирование.

Они были заложены в специальный опросник «Семейные отношения и дом» и использовались в качестве дифференцирующих суждений при сравнении групп, выявленных в ходе эмпирического исследования. Выборку для анализа составили 175 человек, представители студенческой молодежи (138 девушек и 37 юношей). Проверялась теоретическая гипотеза о том, что семейные порядки выступают в качестве условия для повышения психологического благополучия семьи через организацию совместной деятельности и внесение определенности в межличностные отношения и внутрисемейное общение.

Анализируются данные, полученные с помощью методик: СОД (Семейные отношения и дом), ЦО-36 (Ценностные ориентации-36), Самооценка (12 личностных свойств). Родительско-детские отношения в семье (РОДОС) позволяли оценить восемь стилей этого взаимодействия: авторитарный стиль, личностно-развивающий, гиперопека, доверительный, либерально-поддерживающий, опасно-враждебный, равнодушно-дистанционный, угрожающе-уничтожительный.

Основной метод статистической обработки – t-критерий Стьюдента (программное обеспечение SPSSStatistics). Критериями выделения групп служили суждения шкалы «Семейные порядки» опросника «СОД».

Обратимся к рассмотрению результатов исследования и их обсуждению.

Получены значимые различия среди испытуемых, объединенных в контрастные группы по такому порядку, как существо-

вание или отсутствие четкого круга обязанностей у каждого члена семьи, которым каждый из них следует (см. Таблицу 1.).

Таблица 1.

Различия групп. Критерий «Распределение обязанностей в семье»

Параметр	Гр. 1 Сущ. круг обя- занных, кот. я следую	Гр. 2 Нет круга обя- занных, кот. я следую	Уровень значимо- сти t-критерия
Ценностные ориентации			
Забота о себе	6,68	7,51	p<0,05
Компоненты семейного уклада			
Семейная деятельность	6,37	5,72	p<0,1

У испытуемых, в семьях которых не существовало четкого круга обязанностей, более высокое место в структуре ценностных ориентаций занимает «забота о себе». Эта ценность, несмотря на ее вполне разумное основание (интерес к своему здоровью, внешности, статусу), обладает эгоцентрической направленностью, которая может являться следствием как излишней и неконтролируемой свободы ребенка в выполнении семейных обязанностей, так и отсутствия делегирования родителями какой-то сферы ответственности ребенку. В результате, его внимание в большей степени фокусируется на себе.

Косвенное подтверждение сказанного следует и из различий по компонентам семейного уклада. Семьи, для которых характерно четкое распределение домашних обязанностей, обладают большим разнообразием внутрисемейной деятельности, выраженной в каком-либо общем семейном деле или занятии, проведении досуга, организации совместных праздников и т.д. Полученное различие проявляет регулирующую функцию семейных порядков, выражающуюся в согласовании намерений, планов и действий чле-

нов семьи друг с другом, что в свою очередь смещает фокус внимания субъекта с себя на интересы других людей. Следовательно, одним из возможных эффектов рассматриваемого порядка в повышении психологического благополучия семьи является повышение сплоченности и единства образующих семью людей.

Характер реализации семейного порядка, связанного с умением распоряжаться ресурсами семьи, в частности, финансовыми, находит свое отражение в различных областях семейной жизни.

В результате исследования среди групп были обнаружены различия в компонентах семейного уклада и стилях детско-родительских отношений. Семьи, которых отличает умелое распоряжение семейным бюджетом, обладают большим разнообразием семейной деятельности, более активно взаимодействуют с социальным окружением и участвуют в создании и обустройстве дома (см. Таблицу 2.).

Благодаря эффективному и рациональному расходованию семейных средств, у семьи существует возможность организовывать совместное проведение досуга (хобби, развлечения), устраивать празд-

нования важных семейных дат и событий «внешнего» календаря, реализовывать себя в качестве радушных хозяев, принимающая дома гостей. Материально-предмет-

ная среда дома, в том числе организация пространства, также во многом определяется грамотным использованием денежных средств, которые имеются в семье.

Таблица 2.
Различия групп. Критерий «Распоряжение бюджетом»

Параметр	Гр. 1 (1) Не умело распоряд. бюджетом	Гр. 2 (0) Умело распоряд. бюджетом	Уровень значимости t-критерия
Стили детско-родительских отношений			
Угрожающе уничижительный	3,89	2,37	p<0,05
Компоненты семейного уклада			
Взаимопонимание	6,79	7,69	p<0,1
Правила	5,39	6,96	p<0,01
Привязанности	6,54	7,87	p<0,05
Семейное согласие	7,00	8,38	p<0,05
Организация пространства	7,43	8,45	p<0,05
Семейная деятельность	5,36	6,24	p<0,05
Семейная атмосфера согласия	6,77	8,14	p<0,05

Все это не может не сказываться положительным образом на семейной атмосфере, когда каждый член семьи чувствует себя дома комфортно. Рациональное распоряжение бюджетом в семье предполагает удовлетворение нужд и потребностей каждого ее члена, что ведет к возрастанию семейного согласия и взаимопониманию среди родных.

В таких семьях существуют правила, которые представляют собой свод ожиданий того, как членам семьи необходимо вести себя в различных обстоятельствах; что является разрешенным, а что нет. Вероятно, именно благодаря подобной регламентации, отчасти, и достигается порядок в использовании денежных средств семьи.

В семьях испытуемых, в которых родители, напротив, неумело распоряжаются денежными средствами, чаще встречаются угрозы и унижения в качестве

воспитательных воздействий на ребенка. Регулярные наказания ребенка могут выражать общую неспособность родителей к организации своей жизни, что приводит к агрессивному, непоследовательному или противоречивому воспитанию.

Среди групп, в семьях которых принято составлять долгосрочные планы, и семей, где практически отсутствует планирование, были получены значимые различия по компонентам семейного уклада, а также по ценностным ориентациям. У первых обнаружена более высокая значимость ценностей семьи как группы. Их отличает большая ориентация на эмоциональную составляющую семейных отношений, которая находит свое выражение в общении членов семьи друг с другом, а также создании и поддержании эмоционально комфортной атмосферы в кругу семьи. (см. Таблицу 3).

Таблица 3.
Различия групп. Критерий «Долгосрочное планирование»

Параметр	Гр. 1 (0) Составляют долгосрочн. планы	Гр. 2 (1) Не составляют долгосрочн. планы	Уровень значимости t-критерия
Ценностные ориентации			
Защита семьи	8,42	7,11	p<0,1
Настоящая дружба	8,77	7,93	p<0,1
Компоненты семейного уклада			
Характер внутрисемейного общения	8,11	6,92	p<0,01
Семейная атмосфера согласия	8,31	7,02	p<0,01

В ходе исследования также выяснилось, что испытуемые, в семьях которых принято строить планы на будущее, в большей степени ориентированы на важность дружеской поддержки, поскольку обычно члены семьи действуют более согласованно и ориентируются на партнера, чтобы принять совместное решение о будущих планах. В таких семьях внутрисемейное общение также будет характеризоваться близкой социальной дистанцией и тесными связями между членами семьи.

Помимо этого, в группах были обнаружены различия по такому параметру, как семейная атмосфера, которая выражает степень эмоциональной комфортности пребывания в семье. Бесспорно, неопределенность порождает тревогу и беспокойство, в то время как предсказуемость перспектив и наличие четких жизненных планов на будущее является основой душевного спокойствия, чувства стабильности и важным условием комфортного пребывания в кругу семьи.

Таким образом, мы видим, что составление долгосрочных планов является важным семейным порядком, оказывающим положительное воздействие на ха-

рактер внутрисемейных отношений, что выражается прежде всего в восприятии семьи как цельной единицы, наличии тесных связей, а также эмоциональном комфорте пребывания личности в семье.

По результатам проведенного исследования можно судить о подтверждении гипотезы: семейные порядки являются условием психологического благополучия семьи.

Важной функцией семейных порядков является эффективное управление семейными ресурсами, в частности, семейным бюджетом. Регулярность семейного дохода в свою очередь определяет степень свободы семьи в организации быта, досуга, расширяет перспективы улучшения условий жизни и отдыха, создавая материальную основу для повышения жизнеспособности семьи и условий ее гармоничного развития.

Долгосрочное планирование само по себе предполагает своего рода гармонизацию индивидуальных и групповых потребностей, является формой учета интересов друг друга и выработки программы по их удовлетворению. Вклад в психологическое благополучие семьи определяется, таким образом, повыше-

нием определенности и предсказуемости поведения членов семьи.

Распределение обязанностей специфично для конкретных видов деятельности, является условием децентрации, смещения фокуса с индивидуальных на коллективные интересы.

Таким образом, позитивные семейные установления выступают в роли важных стабилизаторов, укрепляя семью, позволяя и родным, и окружающим воспринимать ее как цельную устойчивую единицу общества. Для молодого поколения такая семья, ее установления и порядки становятся живой моделью, эталоном для построения собственной семьи и воспроизведения условий, обеспечивающих стрессоустойчивость семьи, ее жизнеспособность, укрепление гармонизирующих чувств психологического благополучия, ясности перспектив и достижимости целей.

Литература:

1. Головей Л. А., Савеньшева С. С., Василенко В. Е. Детско-родительские отношения в стабильные и кризисные периоды детства // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 32–43.
2. Жуковская Л. В., Трошихина Е. Н. «Шкала психологического благополучия К. Рифф» // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2.
3. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования – М.: Гардарики. 2005.
4. Куницына В. Н. Методы изучения семейных ценностей и взаимодействия внутри семьи (Ценностные ориентации-36; Поощрения и наказания) // Семья в современном мире – сост. и науч. ред. В. Н. Куницына. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2010. – С. 42–54.
5. Куницына В. Н. Родос – методика для изучения стил взаимодействия родителей и детей в семье // Энциклопедический словарь Психология общения (под ред. А. А. Бодалева). 2-е изд. – М.: Изд-во Когито-Центр. 2015.
6. Куницына В. Н., Юмкина Е. А. Семейный уклад в социально-психологическом аспекте // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. URL: www.science-education.ru/104-6696 (дата обращения: 09.08.2013).
7. Куницына В. Н., Юмкина Е. А. Семейные отношения и дом (метод изучения внутрисемейных отношений) – СПб.: Лема. 2015. – 89 с.
8. Махнач А. В., Постылякова Ю. В. Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи // Психологические проблемы современного российского общества (ответственный редактор Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.) – М.: Изд-во Институт психологии РАН. 2013. С. 529–550.
9. Микляева А. В. Психология межвозрастных отношений – МО.: СВВТ, М.: Перо. 2014 (июнь). – 159 с.
10. Нартова-Бочавер С. К., Бочавер К. А., Бочавер С. Ю. Жизненное пространство семьи: объединение и разделение – М.: Генезис. 2011.
11. Нартова-Бочавер С. К., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И., Кузнецова В. Б., Брагинец Е. И. Метод оценки дружественности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 71–83.
12. Панкратова Т. М., Меньшикова Е. А. Принятие социальных норм и этических требований и социальное поведение личности / Семья в современном мире – сост. и науч. ред. В. Н. Куницына. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2010. – С. 172–182.
13. Сапоровская М. В. Межпоколенные отношения как социальный капитал: о социально-психологической поддержке в семье // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Т. 18. № 3. С. 55–60.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИНДРОМА «ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ» У СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Логутова Е. В. (Оренбург)

В статье описываются результаты исследования гендерной идентичности сотрудников правоохранительных органов и анализ результатов исследования склонности к формированию синдрома «эмоционального выгорания» сотрудников МВД. Содержится также анализ противодействия формированию синдрома «эмоционального выгорания» сотрудников МВД с различными гендерными характеристиками.

Ключевые слова: гендерные особенности, маскулинный тип, фемининный тип, андрогинный тип, синдром «эмоционального выгорания», профессиональная дезадаптация.

In article results of research of gender identity of law enforcement officers and the analysis of results of research of tendency to formation of a syndrome of “emotional burning out” of police officers are described. Also the analysis of counteraction to formation of a syndrome of “emotional burning out” of police officers with various gender characteristics contains.

Keywords: gender features, masculine type, femininny type, androgenic type, syndrome of “emotional burning out”, professional disadaptation.

Проблема стрессоустойчивости в различных профессиях с давних пор привлекала внимание психологов. Существует целый ряд профессий, в которых человек начинает испытывать чувство внутренней эмоциональной опустошенности вследствие необходимости постоянных контактов с другими людьми. Специалист, несущий бремя груза общения, вынужден постоянно находиться в атмосфере чужих отрицательных эмоций, служить утешителем или мишенью для раздражения и агрессии. Человек не может оставаться равнодушным к проявлениям эмоций со стороны окружающих, он как бы заражается ими. Следствием всего этого может являться помимо собственного ухудшения здоровья человека еще и стойкое снижение результативности его работы. Изучение синдрома эмоционального выгорания в профессио-

нальной деятельности сотрудников МВД особенно актуально в период проведения реформ системы МВД, которые приводят к интенсификации профессиональной деятельности.

Своевременное выявление формирования «синдрома эмоционального выгорания» работников правоохранительных органов с различными индивидуальными особенностями и гендерными характеристиками может способствовать профилактике и своевременному преодолению данного синдрома, эмоциональной стабильности личности, в дальнейшем активного трудоспособного члена общества. Проведенное исследование основывалось на предположении, что существуют особенности формирования синдрома «эмоционального выгорания» у сотрудников правоохранительных органов с различными гендерными характери-

ками, а также особенности механизма противодействия формированию данного синдрома.

Выборку исследования составили 60 мужчин, сотрудников правоохранительных органов УВД г. Орска Оренбургской области, со стажем работы в правоохранительных органах от 1 года до 22 лет.

Гендерная идентичность – осознание себя связанным с культурными определениями мужественности и женственности. Понятие действует отнюдь не за пределами субъективного опыта и служит психологической интериоризацией мужских или женских черт, возникая в результате процесса взаимодействия «Я» и других. Гендерный тип не зависит только от пола, а является результатом построения гендерных идентичностей.

Гендерное сознание можно рассматривать как совокупность представлений о противоположном поле и взаимоотношениях полов на основе исторически сложившихся в данном обществе традиций и норм, а также принятых в нем законов, наделяющих женщин и мужчин определенными правами и обязанностями.

Гендерное самосознание включает в себя претензии, ожидания, представления каждого пола о себе и другом поле, понимание гендерных ролей в данном обществе и установки на принятие или непринятие этих ролей, желание или нежелание включаться в социальную жизнь в соответствии с имеющими место в обществе неписаными гендерными «правилами игры». Гендерное поведение соответствует реальному «проигрыванию» принятых на себя каждым полом совокупности гендерных ролей [3].

Исследования гендерной идентичности работников правоохранительных

органов с помощью опросников Сандры Бем и Л. Н. Ожиговой позволили выявить следующие группы: фемининный тип характер для 11% сотрудников МВД; маскулинные характеристики имеют 47%; андрогинные характеристики – 52%.

Склонности работников правоохранительных органов с различными гендерными типами к формированию синдрома «эмоционального выгорания» исследовались с помощью опросника В. В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания» и методики Н. Е. Водопьяновой «Профессиональное выгорание», разработанной на основе модели К. Маслач и С. Джексон и предназначенной для измерения степени «эмоционального выгорания» в профессиях типа «человек-человек», в настоящее время признана базовой методикой выявления «эмоционального выгорания» [2].

Результаты диагностических исследований, представленные в таблицах 1, 2 и рисунках 1, 2 показывают, что у испытуемых фемининного и маскулинного типа формируется синдром «эмоционального выгорания» в фазе «истощение», в которой наиболее ярко выражены симптомы «эмоциональная отстраненность» и «эмоциональный дефицит».

Симптом «эмоционального дефицита» характеризуется тем, что к профессору приходит ощущение, что он уже не может эмоционально относиться к людям, с которыми взаимодействует, он чувствует, что становится не в состоянии им помочь, войти в их положение, соучаствовать и сопереживать, отзываться на ситуации, которые должны трогать, побуждать к действиям, иметь волевою и нравственную отдачу. Постепенно симптом усиливается и приобретает более

сложную форму: реже проявляются положительные эмоции и чаще – отрицательные, появляются резкость, грубость, раздражительность, обиды и капризы, которые сопровождают симптом «эмоционального дефицита».

Симптом «эмоциональной отстраненности» выражается в том, что личность почти полностью исключает эмоции из сферы профессиональной деятельности. Реагирование без чувств и эмоций – наиболее яркий симптом «выгорания».

Таблица 1 – Результаты исследования склонностей к формированию синдрома «эмоционального выгорания» сотрудников правоохранительных органов с различными гендерными типами по методике В. В. Бойко

Симптомы/гендерные типы	Фемининный тип	Маскулинный тип	Андрогинный тип
1. Переживания психотравмирующих обстоятельств	6,6	7,4	7,4
2. Неудовлетворенность собой	10,8	11,7	5,2
3. «Загнанность в клетку»	6,4	6,5	6,4
4. Тревога и депрессия	9,9	8	7,8
Фаза «напряжение»	33,7	33,6	26,8
1. Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	9	8,5	6,9
2. Эмоционально-нравственная дезориентация	9,8	7,4	9,8
3. Расширение сферы экономии эмоций	6	7,4	7,1
4. Редукция профессиональных обязанностей	8,4	7,9	10,9
Фаза «резистенция»	33,2	31,2	34,7
1. Эмоциональный дефицит	9,8	9,5	8,8
2. Эмоциональная отстраненность	10,2	10,9	11,3
3. Деперсонализация	8,7	9,7	5,4
4. Психосоматические и психовегетативные нарушения	8,9	10	9,1
Фаза «истощение»	37,6	40,1	34,6

Таблица 2 – Результаты исследования склонностей к формированию синдрома «эмоционального выгорания» сотрудников правоохранительных органов с различными гендерными типами по методике Н. Е. Водопьяновой

Шкалы/гендерные типы	Фемининный тип	Маскулинный тип	Андрогинный тип
1. «эмоциональное истощение»	12,92	9,09	9,56
2. «деперсонализация»	4,92	4,81	4,84
3. «редукция личных достижений»	33,15	36,9	34,4

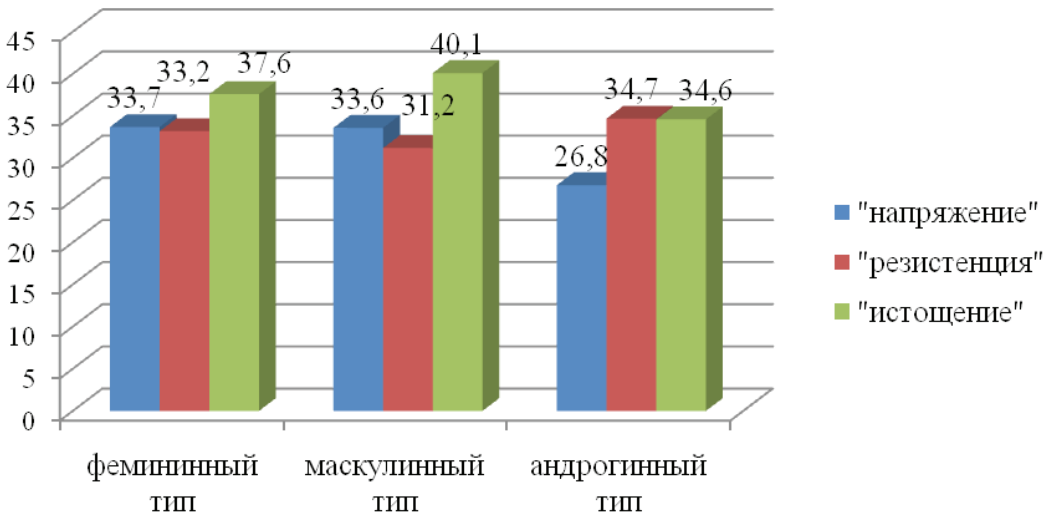

Рисунок 1 – Проявление синдрома «эмоционального выгорания» работников правоохранительных органов с различными гендерными характеристиками по отдельным фазам (методика В. В. Бойко)

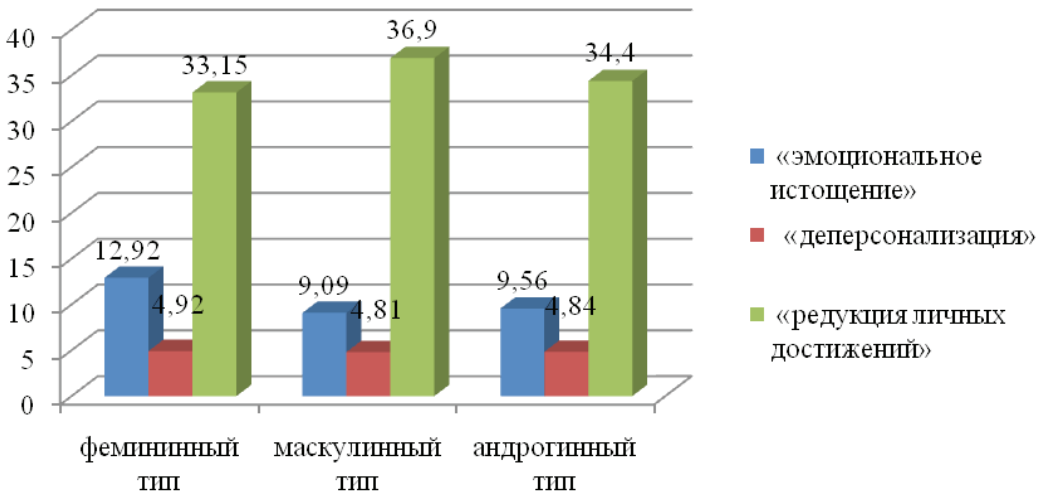

Рисунок 2 – Проявление синдрома «эмоционального выгорания» работников правоохранительных органов с различными гендерными характеристиками по отдельным шкалам (методика Н. Е. Водопьяновой)

Симптом «эмоциональной отстраненности формирования) также и для испытанности» является характерным (в ста- туемых андрогинного типа, но фаза

«истощение» для них не является сложившейся.

Для испытуемых фемининного и маскулинного типа характерным является симптом «неудовлетворенность собой», который влияет на формирование фазы «напряжение».

Симптом «неудовлетворенности собой», который формируется в результате неудач или неспособности повлиять на психотравмирующие обстоятельства, человек обычно испытывает недовольство собой, избранной профессией, занимаемой должностью, конкретными обязанностями. Влияние внешних факторов на личность постоянно травмируют её и снова переживать психотравмирующие элементы профессиональной деятельности. В этом случае большое значение имеют внутренние факторы, способствующие появлению эмоционального выгорания: интенсивная интериоризация обязанностей, роли, обстоятельства деятельности, повышенная совестливость и чувство ответственности.

Результаты исследований, проведенных по методике Н. Е. Водопьяновой, показывают, что испытуемые фемининного, маскулинного и андрогинного гендерных типов имеют низкие показатели по шкалам «эмоциональное истощение» и «деперсонализация». По шкале «редукция личностных достижений» представители маскулинного и андрогинного типов продемонстрировали средние показатели, что может проявляться в тенденции к негативному оцениванию себя, своих профессиональных достижений и успехов, негативизме относительно служебных достоинств и возможностей, а также в редуцировании собственного достоинства,

ограничении своих возможностей и обязанностей по отношению к другим.

Оценка уровней психологической и физиологической профессиональной дезадаптации, как явления способствующего формированию у сотрудников правоохранительных органов синдрома «эмоционального выгорания», проводилась с использованием методики О. Н. Родиной опросника «Оценка профессиональной дезадаптации». Равновесие между человеком и профессиональной средой, достигнутое в процессе профессиональной адаптации, не представляет собой некоего статичного состояния. Изменение профессиональной среды, связанное, например, с изменением технологии, с приходом нового руководителя, с приобретением новой профессии или вступлением в новую должность, сменой места работы, а также изменение потребностей, возможностей и целей самого человека могут привести к серьезным изменениям в отношении человека к профессии и даже привести к профессиональной дезадаптации [5].

Результаты исследования профессиональной дезадаптации работников правоохранительных органов с различными гендерными характеристиками, представленные в таблице 3, показывают, что группы испытуемых фемининного и маскулинного типов демонстрируют умеренный уровень дезадаптации, что можно считать реадaptацией. Рееадаптация – это комплекс мер, направленных на активизацию приспособительных механизмов к условиям внешней среды профессионала. Рееадаптация является этапом реабилитации, на котором преобладают психосоциальные методы воздействия, стимуляции социальной

активности сотрудников, которая может включать профессиональное переобучение, повышение квалификации, участие в профессиональных конкурсах, семинарах, конференциях и т.д.

Наиболее выражен признак профессиональной дезадаптации сотрудников правоохранительных органов с феминными и маскулинными гендерными характеристиками – это «соматовегетативные нарушения», которые могут выражаться в головных болях, снижении активности, ощущении «разбитости»

по утрам. Соматовегетативные расстройства, в конечном счете, могут привести к депрессивному состоянию работника.

Анализ различий в склонностях к формированию синдрома «эмоционального выгорания» работников правоохранительных органов с различными гендерными характеристиками показывает, что существуют значимые различия между группами испытуемых с андрогинными и феминными гендерными типами по шкале «неудовлетворенность собой».

Таблица 3 – Результаты исследования уровней профессиональной дезадаптации работников правоохранительных органов с различным гендерными характеристиками

Признаки/гендерные типы	Фемининный тип	Маскулинный тип	Андрогинный тип
1. «Эмоциональные сдвиги»	4,85	6,95	3,88
2. «Особенности отдельных психических процессов»	4,24	3,59	3,48
3. «Снижение общей активности»	3,3	3	3,08
4. «Ощущение усталости»	3,38	3,18	3,2
5. «Соматовегетативные нарушения»	10,7	13,09	7,68
6. «Нарушение цикла «сон-бодрствование»	3,15	4,68	2,92
7. «Особенности социального взаимодействия»	6,54	7,64	2,96
8. «Снижение мотивации к деятельности»	4,62	3,27	3,2
Общий показатель	40,77	45,4	30,4

Группа испытуемых с феминными гендерными характеристиками имеет более высокие показатели поданной шкале, по сравнению с группой испытуемых с андрогинным гендерным типом ($U = 0,000$). Работники правоохранительных органов с феминными гендерными характеристиками склонны к переживанию психотравмирующих обстоятельств жизни и своей работы, считают, что не в состоянии повлиять на обстоятельства, чувствуют свою беспомощность и отка-

зываются сопротивляться, сложившимся обстоятельствам.

Значимые различия между группами испытуемых с андрогинными и феминными гендерными типами выявлены также по шкале «деперсонализация». Группа испытуемых с андрогинными гендерными характеристиками имеет более высокие показатели по сравнению с группой испытуемых с феминным гендерным типом ($U=0,038$). Можно предположить, что испытуемые с андрогинным гендер-

ным типом более подвержены деформации в отношениях с людьми, что может проявляться как в повышении зависимости от людей, так и в негативизме, циничности установок и чувств по отношению к людям с которыми они работают.

Сравнение результатов изучения склонностей к формированию синдрома «эмоционального выгорания» сотрудников правоохранительных органов между группами с различными гендерными характеристиками, проведенного с помощью критерия Манна-Уитни, позволило выявить значимые различия только по шкале «соматовегетативные нарушения» ($U=0,016$) между группами феминных и маскулинных испытуемых. Соматовегетативным расстройствам более подвержены испытуемые маскулинного гендерного типа, они чаще испытывают головные боли, усталость, общее недомогание.

Сравнение результатов изучения склонностей к формированию синдрома «эмоционального выгорания» сотрудников правоохранительных органов с маскулинными и андрогинными типами выявило значимые различия по шкалам: «особенности социального взаимодействия» ($U = 0,000$), «соматовегетативные нарушения» ($U=0,000$), «эмоциональные сдвиги» ($U=0,000$) и «неудовлетворенность собой» ($U =0,000$).

«Особенности социального взаимодействия» относятся к признакам профессиональной дезадаптации. Сотрудники правоохранительных органов маскулинного гендерного типа проявляют склонность к изменениям во взаимодействии с окружающими под влиянием длительной напряженной работы с людьми: снижается эмпатия, нарастает

раздражение, возникает желание дистанцироваться от своих профессиональных действий, связанных с необходимостью взаимодействия с людьми.

По шкале «соматовегетативные нарушения» сотрудники правоохранительных органов маскулинного гендерного типа демонстрируют более высокие показатели, чем андрогинного типа. Соматовегетативные нарушения могут выражаться в различных отклонениях, расстройствах организма, провоцировать сердечно-сосудистые заболевания, повышение давления, снижение аппетита, головные боли и др.

«Эмоциональные сдвиги» также являются наиболее характерными для сотрудников правоохранительных органов маскулинного гендерного типа по сравнению с андрогинным типом. Эмоциональные сдвиги могут проявляться в виде эмоционального обеднения, вызывать ухудшение настроения, тоску, чувство вины, а также эмоциональную индифферентность, безразличие и апатию к происходящим событиям и людям.

Показатели по шкале «неудовлетворенность собой» у сотрудников правоохранительных органов маскулинного гендерного типа значительно выше, чем у андрогинного типа. Неудовлетворенность собой характеризует состояние человека, который испытывает чувство досады, раздражение, фрустрированности, по причине невозможности повлиять на события и обстоятельства. Иногда, неудовлетворенность собой может выражаться в форме протеста, отрицания, негативизма против сложившихся обстоятельств или окружающих людей.

Таким образом, сравнение результатов исследования склонностей к формирова-

нию синдрома «эмоционального выгорания» у сотрудников правоохранительных органов маскулинного и андрогинного гендерного типов, показывает, что маскулинные испытуемые более склонны к формированию данного синдрома. Возможно, так происходит потому, что маскулинный тип характеризуется энергичностью, меньшей чувствительностью, свободолобием и честолюбием. Работа же сотрудников правоохранительных органов четко регламентирована, подчинена жестким правилам службы и субординации, необходимостью действовать, принимать решения в строго установленном порядке, что накладывает на сотрудников маскулинного типа дополнительные эмоциональные и энергетические нагрузки, что, в свою очередь, провоцирует формирование синдрома «эмоционального выгорания».

Система правоохранительных органов зачастую значительно ограничивает возможность сотрудников открыто выражать свои эмоциональные переживания. Внешнее же выражение эмоций не только играет роль социальной коммуникации, но и выполняет некоторые адаптивные функции, выражение эмоций связано с физиологическим возбуждением, а постоянное подавление внешнего выражения эмоций ведет к повышению физиологического возбуждения и к психосоматическим расстройствам.

Проблема психологической защиты содержит в себе противоречие между стремлением человека сохранить свое психическое равновесие с одной стороны, а с другой стороны, если психологическая защита слишком сильна, это не позволяет личности осознавать объективную, истинную ситуацию, адекватно

и творчески взаимодействовать с окружающими людьми и миром в целом.

Критерием эффективности защитных механизмов является ликвидация тревоги и избавление от психологического дискомфорта. Результатом успешной психологической защиты является прекращение импульсов, провоцирующих тревогу, страх, неудовлетворенность собой и т.д. Неуспешная, неэффективная психологическая защита вызывает постоянное повторение проявления психотравмирующих факторов. Ослабляя внутриличностный конфликт, защита регулирует поведение человека, повышая его приспособляемость и уравнивая психику.

Качественный анализ анкеты, предложенной сотрудникам правоохранительных органов с различными гендерными характеристиками, позволил выявить тенденции в механизмах противодействия проявлению синдрома «эмоционального выгорания» и формированию психологической защиты. Испытуемым предлагалось ответить на вопросы, касающиеся способов, которыми они обычно пользуются для того чтобы справляться со стрессами, депрессией, усталостью, раздражением и т.д.

1. Прогулка на природе.
2. Стараюсь переключить свои мысли на другой предмет.
3. Обращаю внимание на мельчайшие детали.
4. Стараюсь вспомнить, что истинной причиной стресса являются не люди, не разочарования, не ошибки, а то, как я к этому отношусь.
5. Использую принцип позитивности во всем с установками, типа:

«не очень-то и хотелось», «главное в жизни не это, не стоит относиться к случившемуся, как к катастрофе», и т.д;

6. Стараюсь себя не «накручивать» и «драматизировать».

7. Навожу порядок дома или на рабочем месте.

8. Устраиваю пробежки, бью мяч или подушку и т.п. 9. Занимаюсь творческой работой: рисую, танцую, шью, конструирую и т.д.

10. Стараюсь поговорить с кем-нибудь делая акцент на свои чувства («Я расстроен...», «Меня это обидело...»).

Сотрудники правоохранительных органов фемининного гендерного типа склонны защищаться и разрешать трудности эмоционально, для них наиболее характерными поведенческими проявлениями являются: «Стараюсь поговорить с кем-нибудь, делая акцент на свои чувства («Я расстроен...», «Меня это обидело...»), «Стараюсь себя не «накручивать» и «драматизировать», а также «Стараюсь переключить свои мысли на другой предмет».

Сотрудники правоохранительных органов маскулинного гендерного типа используют инструментальные способы защиты от синдрома «эмоционального выгорания», стараются воздействовать на ситуацию, стремятся преобразовать ее. Для них наиболее характерными поведенческими реакциями являются: «Стараюсь вспомнить, что истинной причиной стресса являются не люди, не разочарования, не ошибки, а то, как я к этому отношусь», «Обращаю внимание на мельчайшие детали», «Устраиваю пробежки, бью мяч или подушку и т.п.». Многие сотрудники правоохранительных органов маскулинного гендерного типа

отметили, что они активно занимаются спортом, и это им помогает в преодолении стрессов, напряженности, контроле своего поведения.

Представители андрогинного гендерного типа в преодолении синдрома «эмоционального выгорания» предпочитают пользоваться своими когнитивными ресурсами, которые позволяют адекватно оценить как стрессогенное событие, так и возможные способы его преодоления: «Использую принцип позитивности во всем с установками, типа: «не очень-то и хотелось», «главное в жизни не это, не стоит относиться к случившемуся, как к катастрофе», и т.д., «Предпочитаю прогулки на природе», «Занимаюсь творческой работой: рисую, танцую, шью, конструирую и т.д.».

Использование различных механизмов преодоления синдрома «эмоционального выгорания» позволяет с помощью когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций успешно совладать со стрессовой ситуацией.

Одним из основополагающих ресурсов является позитивная «Я-концепция», которая способствует тому, что личность чувствует себя уверенной в своей способности контролировать ситуацию, осуществлять адекватную оценку ее, выбирать в зависимости от требований среды адекватную стратегию, определять вид и объем необходимой социальной поддержки.

По мнению Лазаруса Р. и Фолкман С., в зависимости от восприятия ситуации либо как неизбежной, либо как преодолеваемой посредством активности и борьбы с ней, можно выделить два вида преодолевающего поведения. Во-первых, поведение, направленное на устранение,

избегание или изменение стрессовой ситуации, рассматривается как активное поведение. Во-вторых, пассивное поведение представляет собой внутренние формы преодоления стресса, являющиеся защитными механизмами, предназначенные для снижения эмоционального возбуждения раньше, чем изменится ситуация [4].

Опираясь на подход Лазаруса Р. и Фолкман С., можно предположить, что сотрудники правоохранительных органов фемининного и андрогинного типов чаще используют пассивное поведение, как защитный механизм в преодолении синдрома «эмоционального выгорания», представители маскулинного типа используют активное поведение, целенаправленно устраняя стрессовую ситуацию [1].

Социально-экономические изменения в современном обществе привели к изменениям отношения людей к работе. Люди теряют уверенность в гарантированном рабочем месте, обостряется конкуренция за престижную работу, нарастают явления специализации, механизации. Растет темп жизни и напряженность умственного труда, появляется необходимость усваивать большой объем информации, быстро решать сложные задачи, овладевать новыми профессиями. Падает рейтинг ряда социально значимых профессий – медицинских работников, учителей, юристов. Как следствие этого, растет пси-

хическое, эмоциональное напряжение, чаще выявляются нарушения, связанные со стрессом на рабочем месте: тревога, депрессия, синдром «эмоционального выгорания», психосоматические и психовегетативные нарушения.

«Эмоциональное выгорание» представляет собой приобретенный стереотип эмоционального профессионального поведения представителей профессий сферы «человек-человек». Изучение проблемы «эмоционального выгорания» и механизмов психологической защиты имеет практическое значение для профилактики неконструктивного поведения в стрессовых ситуациях, для сохранения душевного и психосоматического здоровья сотрудников правоохранительных органов.

Литература:

9. Бреслав Г. М. Психология эмоций: учебное пособие / Г. М. Бреслав. – Москва: Смысл: Академия, 2004. – 544 с.
10. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – СПб. Питер, 2008. – 358 с.
11. Воронина О. А. Роль гендерных метафор в философском познании реальности // Философия и культура – 2011. – № 11. – С. 47–58.
12. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования / В кн.: Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. – М.: Медицина, 1970. – С. 178–208.
13. Maslach C. Job burn-out How people cope Public Welfare 1978. Spring. – 36. – 56–58.

МЕТОД РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (на примере оказания гостиничных услуг)

Львов В. М., Черкасова А. А., Кобяк М. В. (Тверь)

Аннотация: В статье предлагается метод развития организационной культуры гостиничного бизнеса, основанный на комплексном учете стратегических целей компетентности управленческого персонала, психологической безопасности всего персонала и клиентов.

Annotation: The article proposes a methodological approach to the development of organizational culture of hospitality, based on a comprehensive account of the strategic objectives of the competence of management personnel, psychological safety of all staff and customers.

Ключевые слова: организационная культура, корпоративный имидж, компетентность персонала, психологическая безопасность, инновационная реакция.

Key words: organizational culture, corporate image, staff competence, psychological safety, innovative response.

Качество гостиничных услуг во многом определяется организационной культурой данного бизнеса.

Основными элементами организационной культуры является (рис. 1):

Рис. 1. Основные составляющие организационной культуры.

Комплекс мер по созданию корпоративного имиджа гостиницы может включать в себя:

1. Меры по формированию индивидуального внешнего облика гостиницы

1.1. Учет психологических предназначений покупателей при выборе гостиницы в интернете. Для этого должен существовать привлекательный, понятный и не сложный для любого пользователя сайт в интернете, позволяющий получить

быстро ответы на все интересующие его вопросы. При этом обязательный круг вопросов:

а) как быстро добраться до гостиницы с ж/д вокзала, автостанции, аэропорта, из разных районов города в любое время суток;

б) время размещения в гостинице и обязательно ли при этом ожидание;

в) на какой период можно разместиться в гостинице;

г) какие номера могут быть предложены и перечень оказываемых в них услуг;

д) тип питания (существует ли шведский стол и сколько раз-1,2,3), есть ли бары в гостинице и время их работы;

е) что можно взять напрокат;

ж) можно ли заказать такси из номера;

и) есть ли игровая комната для детей и можно ли их там оставить под присмотром;

к) в какие музеи, театры и другие достопримечательности можно заказать билеты из гостиницы;

л) есть ли медицинский кабинет и какие услуги (зубы, массаж, уколы и др.)

м) можно ли заказать билеты на обратный проезд прямо из гостиницы;

н) есть ли служба безопасности в отеле и особенности обращения к ней.

1.2. В обязательном порядке должны существовать такие элементы внешнего облика, как:

- фирменная одежда;
- единые визитки для сотрудников фирмы;
- бейджи для сотрудников, работающих с клиентами;
- особый интерьер помещений;
- персональные таблички на дверях кабинетов;
- фирменные вывески;
- привлекательность, эстетичность прилегающей к офису территории.

1.3. Комплекс маркетинговых мер:

- реклама в средствах массовой информации для создания имиджа фирмы и продвижения услуг;
- интернет-реклама (баннерная реклама) – использование сетевого рынка Интернета посредством формирования

банкиров (картинок) на веб-страницах для формирования имиджа гостиницы и рекламирования потребительских свойств услуг, использование интернет-рекламы позволит быстро адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям, уменьшить затраты за счет использования уже имеющихся электронных средств, обеспечить оперативную обратную связь с покупателями услуг, создать автоматизированные базы данных о потенциальных покупателях:

- паблик рилейшнз – меры по организации презентаций, публикаций, съемка фильмов, организация пресс-конференций с целью формирования хорошей деловой репутации гостиницы, гармоничных отношений с обществом;
- сейнз промоушн (стимулирование объекта) – косвенные меры по привлечению дополнительных клиентов за счет лотерей, премий, конкурсов, временных льгот при покупке определенных услуг или их определенного количества, с помощью вручения подарков, купонов и марок, дающих право на льготные услуги.

2. Комплекс мер по формированию корпоративного кодекса гостиницы:

Должен содержать, как правило, профессиональные и нравственные правила, обязательства для руководства и сотрудников, касающиеся их отношений между собой, с клиентами, конкурентами, партнерами, с прессой и т.д.

Если проанализировать имеющиеся публикации об организационной культуре ведущих фирм, то можно включить в этот комплекс следующий минимум правил:

1. Деятельность любого сотрудника должна быть направлена на достижение

интересов гостиницы. Деятельность, не связанная с решением задач гостиницы, если она даже носит гуманистический характер, не должна мешать выполнению функциональных обязанностей и противоречить интересам, миссии гостиницы.

2. Все противоречия между личностью и работой (профессиональные, организационные, этические и др.) у сотрудников должны быть выявлены и устранены, если их ликвидация согласуется с интересами организации. Если это условие не соблюдается, но указанные противоречия существуют у значительного количества сотрудников, то руководству необходимо задуматься о правильности выбранной миссии.

3. Подводить коллег и руководство не допускается при любых обстоятельствах.

4. Все производственные и организационные функции должны быть технологичны, воспроизводимы и выполняемы.

5. Клиент всегда прав (даже, если он не прав). Если нет возможности оказать клиенту необходимую услугу, то необходимо использовать наработанные методики сглаживания конфликта.

6. Кодекс должен содержать типовые процедуры локализации и разрешения конфликтов.

7. Каждого клиента необходимо превращать в бесплатного рекламного агента.

8. Девизом каждого сотрудника является постоянное самосовершенствование в своей области и в смежных областях. И это стремление должно поощряться. Каждый должен использовать в своей деятельности новейшие и перспективные методы и технологии.

9. Все документы (как «внешние», например, договорные, так и для внутреннего пользования) должны быть идеально оформлены.

10. Договоры, соглашения, графики договоренностей, встреч, прохождения информации должны неукоснительно соблюдаться.

11. Качество и стоимость выполняемых работ и услуг не должны выходить за оговоренные договорами или устными договоренностями пределы.

12. Необходимых дел всегда много и пустое времяпрепровождение не допускается.

13. Местонахождение каждого сотрудника должно быть известно соответствующему руководителю.

14. Все возникающие проблемы должны локализовываться, обсуждаться, а не утаиваться.

15. Возникающие проблемы передаются (по возможности с вариантами решений) на вышестоящий уровень только при невозможности их решения на данном уровне.

16. Проблема зарплаты должна быть открытой и для ее обсуждения должны существовать общепринятые процедуры.

17. Желание сотрудника делать больше, чем от него ожидают, должно поощряться.

18. Если можно упростить решение проблем, выполнение задачи без ущерба для качества, то это необходимо делать и это должно поощряться.

19. Есть список запрещенных фраз, которые нельзя использовать в деловых разговорах с коллегами, руководством, клиентами. К ним относятся: «Я не успел», «Я не дозвонился», «Я не смог», «Мне было некогда», «Я забыл», «Я Вас не за-

стал», «Я же Вас предупреждал», «Во всем виноваты поставщики, контрагенты, ...», «А почему я?», «Я хотел, но не получилось», «В этом виноват не я, а другой...».

В таблице 1 и 2 приведены данные по реализации собственной стратегии корпоративной культуры гостиничного бизнеса в отеле «Балчуг Kempinski Москва».

Таблица 1. Реакция отеля «Балчуг Kempinski Москва» обслуживании клиентов и конкуренции в бизнесе

Цель реакции	Обслуживание: минимальные затраты	Оценка	Конкуренция: оптимальная прибыль	Оценка
Обслуживание	Минимизация себестоимости	3	Компромисс между затратами и реакцией на колебания в спросе	5
	Разделение труда	5		
Обслуживание	Увеличение эффекта масштаба	4	Своевременность реакции	4
	Автоматизация процессов производства услуг	4	Текущие адаптационные возможности	5
	Соответствие возможностей	4	Своевременное оказание услуг	5
	Средняя оценка	4,0	Средняя оценка	4,7
	Маркетинг	Активность в области каналов сбыта услуг	5	Компромисс между реакцией на требования рынка и минимизацией затрат
Маркетинг	Реакция на конкуренцию в ценах на гостиничные услуги	4	Реакция на создание потребностей	4
	Анализ сбыта услуг отеля по сегментам и каналам	5	Изучение конъюнктуры, реклама, содействие сбыту	5
	Агрессивная конкурентная стратегия	4	Агрессивная конкурентная стратегия	4
Средняя оценка	4,7	Средняя оценка	4,3	
Исследования и развитие	Снижение себестоимости гостиничных продуктов и услуг	3	Улучшение восприятия услуг отеля	5
	Совершенствование технологии предоставления услуг	4	Обеспечение сбыта услуг	5
Исследования и развитие	Средняя оценка	3,5	Снижение себестоимости услуг	3
	Надежность реализуемых услуг	5	Надежность реализуемых услуг	5
Средняя оценка	3,5	Средняя оценка	4,5	
Управление	Минимально необходимое общее руководство процессами	5	Хозяйственные подразделения	5
	Максимальная децентрализация	4	Согласование производства и маркетинга с позиций общего руководства	5
	Распределение конкретных обязанностей среди сотрудников	5	Гибкие функциональные роли	5
	Разработка финансового плана	5	Долгосрочное планирование	4
	Четкий финансовый контроль	5	Разработка информационной системы для управления отелем	5
	Контроль над реорганизацией (переменами, нововведениями)	5	Стимулирование персонала отеля	4
	Средняя оценка	4,8	Средняя оценка	4,7
Средний балл	4,25	4,55		

Таблица 2. Инновационная и предпринимательская реакция отеля «Балчуг Кемпински Москва»

Цель реакции	Инновационная: краткосрочный потенциал	Оценка	Предпринимательская: долгосрочный потенциал	Оценка
Обслуживание	Темп обновления предлагаемых гостиничных продуктов и услуг	4	Темп обновления технологий	4
	Ассортиментный перечень услуг отеля	5	Гибкое использование площадей и оборудования отеля	5
			Гибкое использование потенциала сотрудников отеля	5
			Активная реакция на необходимость перемен	4
	Средняя оценка	4,5	Средняя оценка	4,5
Маркетинг	Прогнозирование тенденций в конкурентной ситуации	4	Прогнозирование изменений в гостиничной конкуренции	4
	Прогнозирование тенденций спроса на гостиничные услуги	4	Внедрение отелем новых услуг	5
	Расширение рынка услуг	3	Исследование творческих потребностей и потенциала	3
	Анализ прибыльности новых услуг, предлагаемых отелем	5	Разработка холистической концепции маркетинга отеля	5
	Средняя оценка	4,0	Средняя оценка	4,3
Исследования и развитие	Разработка новых гостиничных услуг	3	Прогнозирование перехода на новые технологии сервиса	4
	Прогнозирование тенденций в области технологий сервиса	3	Создание сервисных технологий	3
	Согласование сроков внедрения новых гостиничных услуг	3	Разработка гостиничных услуг	4
	Проектирование услуг отеля, ориентированных на прибыль	5	Адаптация новаторских технологий сервиса	4
			Оптимизация сроков создания новых услуг и технологий	3
	Средняя оценка	3,5	Средняя оценка	3,6
Управление	Научно-технический прогресс в управлении отелем	4	Прогнозирование уровня изменений бизнес-окружения	5
	Создание системы управления гостиничными проектами	5	Стратегический портфель заказов в высшем звене руководства	5
	Своевременная реакция на возрастание уровня изменений в гостиничном бизнесе	4	Стратегическое планирование всех типов потенциалов	5
	Вознаграждение сотрудников отеля за внедрение новаторских подходов к деятельности	3	Эффективное управление радикальными переменами	4
			Своевременная реакция на внешние и внутренние изменения	4
		Средняя оценка	4,0	Средняя оценка
Средний балл	4		4,3	

Расчеты, проведенные на основании данных, представленных в табл. 1 и 2 показывают, что наименьший балл получили минимизация и снижения себесто-

имости, разработка новых гостиничных услуг и вознаграждение сотрудников за внедрения новаторских подходов. Это обусловлено, вероятно, за отсутствием отдела по инновационной деятельности, отсутствием комплексных оценок организационной культуры.

Изменения, происходящие в последнее время в российской гостиничной индустрии, вызванные экономическими, социальными, политическими, рыночными и другими факторами, требуют сохранения и упрочения стратегического конкурентного преимущества не только на уровне гостиничного предприятия, но также и на методическом уровне менеджмента гостиничной отрасли. Анти-российские санкции ЕС, США, Канады и Австралии, неблагоприятное влияние украинского конфликта, обесценивание национальной валюты, подтверждаемая тенденция падения реальных доходов населения указывают на необходимость поиска новых подходов к обеспечению конкурентоспособности гостиничных предприятий в условиях нестабильной внешней среды.

Изменения в потребительских предпочтениях клиентов, появление нового кризисного контекста рыночной среды привело к тому, что гостиничные предприятия функционируют в сложных и нестабильных условиях. В современной России отмечается снижение туристической активности. По оценкам Всемирного совета по туризму и путешествиям (World Travel and Tourism Council, WTTC), по результатам первого полугодия 2015 г. макроэкономическая ситуация в России оказалась слабее прогнозируемой из-за влияния западных санкций, а также конфликт на Украине оказал не-

гативное влияние на деятельность индустрии туризма и путешествий, что привело к спаду в международных туристских прибытиях в Россию на 8% по сравнению с 2014 г. Прямой вклад индустрии туризма в ВВП в 2014 г. составил 1060,5 млрд руб. (1,5% совокупного ВВП) и, по прогнозам экспертов WTTC, уменьшится на 5,2% в 2015 г. Всемирная туристская организация UNWTO отмечает общий спад в российской индустрии туризма и оценивает его в – 6% по итогам 2014 г.

В подобной ситуации актуализируется проблема обеспечения конкурентоспособности как фундаментального ресурса эволюционирования и базового фактора сохранения устойчивых стратегических позиций, выступающего значимым показателем результативности системы управления конкурентоспособностью предприятий сферы гостиничных услуг.

Проблема заключается в необходимости активной адаптации предприятий в сфере гостиничных услуг к изменениям внешней среды при проявлении влияния кризисной составляющей на уровень стратегической конкурентоспособности предлагаемых продуктов и услуг и предприятия в целом, для чего потребуются инновационная модель измерения уровня конкурентоспособности и создание бизнес-модели организационной культуры, способной эффективно функционировать и обеспечивать конкурентное преимущество гостиничных предприятий в условиях неблагоприятных изменений внешней среды.

Стратегическая адаптация в гостиничной индустрии с учетом кризисной составляющей: это процесс, посредством которого менеджмент гостиничных предприятий активно приспособливает их

к изменениям внешней среды в кризисных условиях путем проведения специального комплекса мероприятий по развитию организационной культуры.

Стратегическая адаптация означает:

- разработку компетентностного подхода к процессам управления персоналом в условиях нестабильной рыночной ситуации;

- обеспечение гостиничного предприятия ресурсной базой и распределение ресурсов по значимым звеньям цепочки создания ценности;

- выработку политики и процедур для обеспечения эффективного обеспечения конкурентоспособности;

- внедрение методик непрерывного совершенствования;

- улучшение информационных, коммуникационных и других систем гостиничного предприятия;

- поступательное развитие организационной культуры с учетом кризисной составляющей.

Новый профиль потребительских требований к гостиничным услугам складывается под влиянием развивающихся факторов, которые воздействуют на формирование современных тенденций в гостиничной индустрии:

Стабильная основная мотивация путешествий, но более высокие ожидания относительно того, как ее реализовать и, соответственно, значительные требования к дифференцированию гостиничного продукта.

Рост потребительских экспертных знаний и развитие туризма созидания, где все стороны – и поставщики, и потребители услуг – объединяются для совместного их производства.

Новое информационное поведение потребителей с более доступными технологиями и онлайн-ресурсами; наличие многих вариантов сбора информации, бронирования и покупки гостиничных услуг (использование Google, Travelocity, Expedia, HRS, booking.com и т.д.).

Дифференцирование туристских активностей с реализацией тенденции совмещения различных видов деятельности в одном путешествии, например, релакс, культурное наследие, спорт, семья.

Расходы в целом выше, но потребители более чувствительны к цене из-за кризиса.

Увеличение количества онлайн-туроператоров и турагентств, предлагающих инновационные пакеты под девизом «Создайте ваш собственный отпуск».

Более высокие качественные ожидания от средств размещения (гостиничные здания и номера, атмосфера и обслуживание).

Возрастание спроса на нишевые турпродукты, кастомизированные для удовлетворения вкусов все более проницательных путешественников.

В табл. 3 обобщены изменения в спросе на гостиничные услуги, происходящие на современном этапе, и связанные с ними последствия для гостиничных предприятий.

Таблица 3. Современный профиль потребительских требований к гостиничным услугам

Основные профильные характеристики	Реакция гостиничных предприятий
------------------------------------	---------------------------------

Уменьшение реальных доходов, относительное ухудшение финансового состояния потребителей	Снижение совокупного спроса на люксовые варианты размещения
Изменение образа жизни	Диверсификация вкусов и поиск альтернативных гостиничных продуктов. Поляризация структуры расходов на проживание с учетом кризисной составляющей
Информационная перегрузка, воздействие большого количества рекламно-коммуникационных сообщений	Снижение эффективности и значимости традиционных маркетинговых стратегий, необходимость адаптации их к новым реалиям
Развитие туризма созидания	Появление инновационных пакетных предложений
Технический прогресс, увеличение роли интернета, развитие массовых коммуникаций в глобальном масштабе	Увеличение количества онлайн-бронирований, продаж, развитие онлайн-маркетинга, цифрового информационного потока, сокращение жизненного цикла гостиничных предложений
Избирательная адаптация требований и стремлений потребителей среднерыночного сегмента до более высоких уровней качества гостиничных продуктов и услуг	Предоставление гостиничных услуг с учетом требований стандартизации, сертификации и установления лучшего соотношения между ценой и качеством
Увеличение количества интернет-пользователей	Использование возможностей онлайн-маркетинга и стратегий распределения гостиничного продукта; появление различных вариантов онлайн-коммуникаций и моделей потребления
Индивидуализация спроса на гостиничные услуги	Смещение тренда от групповых туров к индивидуальным путешествиям, развитие нишевого маркетинга в гостиничной индустрии, более высокий спрос на индивидуализацию и персонализацию обслуживания
Более искушенные и образованные потребители гостиничных услуг	Сознательное потребление: аутентичность, жизненный опыт, изучение нового, наличие культурного компонента становятся необходимыми условиями путешествия
Обеспечение устойчивости	Повышение роли ответственного туризма и корпоративной социальной ответственности; потребители ищут дружественные окружающей среде, соответствующие экологическим и культурным нормам варианты размещения

Характеристики нового профиля потребительских требований к гостиничным услугам могут быть представлены следующим образом:

1. Ориентация на изучение нового и приобретение опыта, с уделением особого значения аутентичности гостиничной среды.
2. Гибкость и независимость (спрос на лучшее качество гостиничных услуг, наилучшее соотношение цены и приобретаемой ценности, гибкость в приобретении опыта путешествия).
3. Повышенная заинтересованность в устойчивости, готовность платить больше за стабильность.

4. Заинтересованное внимание к проживанию в аутентичных условиях и участию в событиях местных сообществ и культур.
5. Изменяющиеся предпочтения в выборе дестинаций и продолжительности пребывания в путешествии.
6. Спрос на специфические типы туризма, такие как агротуризм, медицинский и оздоровительный туризм, спортивный, волонтерский туризм, образовательный, городской туризм и т.д.; соответственно, необходимость обеспечения адекватных условий проживания.
7. Изменяющиеся демографические профили: старение населения, изменение размера семьи, влияние кризиса на уровень доходов и структуру занятости и т.д.
8. Подверженность людей постоянному стрессу и, соответственно, поиск удобства и спокойствия.
9. Лучшая осведомленность о современных информационно-компьютерных технологиях, частое использование интернета для бронирования и покупки гостиничных услуг.

Методология развития организационной культуры базируется на следующих критериях:

1. Нарращивание интеллектуальных ресурсов фирмы-гостиницы в процессе её деятельности.

Каково же основное поле, в котором должны наращиваться интеллектуальные ресурсы? Таким полем может стать поле «компетентности» (рис. 4).

Деятельность, как научение может иметь два вектора: технологический век-

тор компетентности и коммуникативный вектор компетентности.

Организации с высокой организационной культурой или организации, стремящиеся к высокой организационной культуре – это непрерывно обучающиеся организации. Научение для них неразрывно связано с основной деятельностью и практически совпадает с ней.

Движение вдоль технологического вектора компетентности характеризует наращивание интеллектуальных ресурсов за счёт эффективного решения первоочередных, непредвиденных, стратегических и технических задач развития организации. Такое движение может происходить посредством последовательного перехода от профессиональной к интеллектуальной компетентности и затем к сверхкомпетентности.

Под профессиональной компетентностью понимается совокупность знаний, умений и навыков, обуславливающих способность УП (управленческий персонал) решать типовые проблемы, исходя из своего предназначения. Для персонала это уровень аналитической структурированной деятельности.

Под интеллектуальной компетентностью понимается способность УП решать типовые и нетиповые проблемы в неопределённых, непредвиденных ситуациях с учётом возможных последствий. Для персонала это уровень продуктивной эвристической деятельности.

Под сверхкомпетентностью понимается способность УП предвосхищать возникновение различных проблем, планировать стратегические и технические задачи своего развития, выбор в каждый момент оптимальной альтернативы с учётом всех условий и неопределённости,

а также способность к постоянному мониторингу решаемых проблем. Для персонала это уровень саморазвивающейся деятельности.

Движение вдоль коммуникативного вектора компетентности характеризует наращивание интеллектуальных ресурсов организации за счёт создания базы методов и средств обеспечения эффективных коммуникаций, как внутри организации, так и при общении с «внешним миром» (заказчиками, потребителями, клиентами, партнёрами и т.д.) Такое движение может происходить посредством последовательного перехода от личностной компетентности к межличностной и затем к рефлексивной компетентности.

Под личностной компетентностью понимается наличие знаний, умений, навыков у КУП в распознавании личностных характеристик субъектов, с которыми происходит профессиональное общение, а также наличие необходимых собственных личностных качеств (например, коммуникативных, организаторских способностей, асертивности и стрессоустойчивости личности и т.д.).

Под межличностной компетентностью понимаются навыки у УП в реализации эффективных психотехнологий взаимодействия с членами коллектива, с «внешним миром», в прогнозировании и предупреждении рискованных социально-психологических ситуаций в коллективе или в определённых малых группах или при взаимодействии с «внешним миром».

Под рефлексивной компетентностью понимаются навыки у УП в проведении рефлексивного анализа и рефлексивного управления.

Рефлексивный анализ может иметь три уровня:

1 уровень – способность лиц основного ядра УП осознавать свои мотивы, намерения при любом профессиональном и непрофессиональном общении и мысленно оценивать последствия их реализации.

2 уровень – способность лиц основного ядра УП формировать и мысленно реализовывать иерархию целей при любом профессиональном и непрофессиональном общении.

3 уровень – способность лиц основного ядра УП поставить себя на место субъектов, с которыми происходит профессиональное или непрофессиональное общение, осознать их реакцию (например, в ответ на свои действия, намерения) и мысленно оценить последствия их возможной реализации.

Под рефлексивным управлением понимается способность лиц основного ядра УП осуществлять психологические воздействия на формирование целенаправленного поведения субъектов, с которыми происходит целенаправленное или нецеленаправленное воздействие.

Естественно, что наиболее эффективным для наращивания интеллектуальных ресурсов является движение одновременно вдоль технологического и коммуникативного векторов компетентности (рис. 4).

2. Вторым основным критерием является обеспечение психологической безопасности всех субъектов труда – управленческого и основного персонала гостиницы, а также её клиентов. Эти три вида безопасности и составляют поле безопасности.

Каждый из 3-х видов психологической безопасности определяется уровнем разрешения противоречий между профессиональными, материальными, духовными потребностями и реальными характеристиками различных сфер производственной среды.

Методический подход к определению психологической безопасности приведен в [1].

После определения коммуникативной компетентности и психологической безопасности, может быть определен тип организационной культуры в фирме-гостинице. Такими типами могут быть:

- кланово-направленная культура;
- субъектно-направленная культура;
- авантюрная культура;
- саморазвивающая культура.

Организационная культура в организациях гостиничного бизнеса во многом определяется типом личности руководителя, осознаёт ли он, что для позитивной организационной культуры в первую очередь должна существовать саморазвивающаяся стратегия развития и профессионалы, которые могут её реализовать и которые имеют полнополушарное мышление. В гостиничном бизнесе довольно часто руководителями являются женщины, что накладывает свою специфику и на стиль деятельности организации. Классификаций типа женщин в литературе довольно много. Мы тоже можем предположить свой вариант, в соответствии с которым могут быть следующие типы:

1. Вечная студентка;
2. Женщина-мать;
3. Женщина-креативный лидер;
4. Женщина руководитель;

5. Женщина уверенная в себе и влюбленная в себя.

При этом могут и совмещенные типы женщин.

Вечная студентка.

Она может быть вечной студенткой с молодости до пенсионного возраста. Ходить в джинсах все время, хотя эта одежда никому не подходит. Носить вместо сумок рюкзачки или сумки на ремнях через плечо. Часто менять одежду из одного ограниченного круга, почти не носить украшений. Основной девиз-постоянство в одежде, постоянство в поступках, постоянство в друзьях. При этом её мир может быть достаточно глубок, обширен, нравственен, морален и эстетичен. Она как бы живет одновременно в 2-х мирах-внешнем на виду у всех и внутреннем своем, в котором могут кипеть разные страсти, желания и фантазии.

Женщина мать.

Её главное богатство дети, их здоровье, развитие, благополучие. Это линия жизни самая главная – надо всюду успеть, помочь. Позже её ждет разочарование, т.к. она никогда не получит того, что ожидает. Сыновья всегда становятся на точку зрения своих жен и никогда матери. Дочери всегда переходят на точку зрения своих мужей и тоже никогда матери. Такова жизнь. Единственным её предметом становится муж, к которому она начинает относиться как к сыну. Что касается одежды, украшений, то здесь возможен любой вариант – часто это сцена хорошей супружеской пары, счастливой и с достатком, хотя часто бывает на самом деле другая ситуация, но этого никто не знает.

Женщина уверенная в себе и влюбленная в себя.

Ей все равно, что о ней думают другие люди, особенно мужчины. Самое главное, что она нравится себе, ей нравится свое тело, волосы, походка, и это придает ей призрак счастья и уверенность в себя. Хотя на самом деле её может не устраивать внутренняя жизнь, нет настоящего глубокого счастья, т.к. влюбленной быть в себя-это мало, надо чтобы безумно был влюбленным в неё, её тело тот единственный, которого она хотела бы видеть рядом, хотя он часто просто призрак, может появляться в основном во сне.

Женщина креативный лидер.

Это глубоко творческая личность. Её мир переполнен жизнью, событиями самого фантазийного плана. Она безумно любит своих детей и готова отдать за них жизнь. Её бизнес всегда на самой вершине возможного. Она может позволить себе любить, и сама может любить страстно и иногда безрассудно. Но жизнь-это сериал, который никому нельзя показывать, т.к. это процесс, в котором один подвиг сменяется другим или просто переходит

в другой. Она обязательна и то, что обещает всегда выполняет. Что касается одежды и драгоценностей, то это всегда самое лучшее и самое главное это то, что ей нравится.

Женщина руководитель.

Волею судеб она стала руководителем, стала руководить разными организациями и относиться к этой роли весьма ответственно. Назначается собственником организации и выполняет безукоризненно его волю. Делит всех людей на две части. Первая часть-это люди, перед которыми надо выполнять обязательства, вторая часть – это люди, про которых можно забыть, даже если с ними о чем-то договорились. Это называется избирательная обязательность. Одевается модно, но чаще всего безвкусно. Пытается подражать западному образу жизни (например, стеклянные стекла в кабинетах и т.д.). Часто болеет, т.к. находится в постоянном стрессе.

На рис. 5 приведены возможные связи между этими типами женщин.

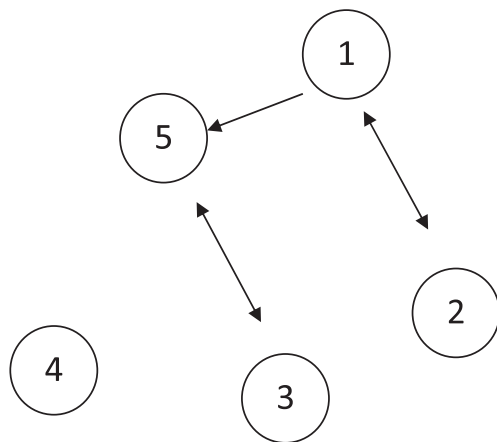

Рис. 5. Типы женщин и их возможные взаимосвязи.

Так женщина вечная студентка и женщина –мать вполне совместимые роли.

Также женщина креативный лидер может одновременно быть женщиной уверен-

ной в себе и влюбленной в себя. Кроме этого, вечная студентка может когда-нибудь стать женщиной уверенной в себе и влюбленной в себя, если она решится сменить свою роль и попытается стать счастливой.

Если вести речь о гостиничном бизнесе, то работать в нем могут женщины всех 5 типов, но руководителем, естественно, являются женщины 3 и 4 классов и саморазвивающуюся культуру есть шанс построить только у женщины-креативного лидера. Если же во главе стоит женщина руководитель и она слепо выполняет ука-

зания собственника, а он преследует монополистические цели, то можно создать и авантюрную или кланово-направленную организационную культуру.

В процессе применения данного подхода может быть получена масса позитивных рекомендаций по совершенствованию гостиничного бизнеса.

Литература

1. Львов В. М. и др. Организационная культура: классификация, оценка, развитие. Учебное пособие -Тверь: ООО Издательство «Триада».2009.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ДЕФЕКТОЛОГА В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Мазур Е. Ю. (Москва)

Аннотация: в данной статье показана важность и необходимость с учетом новой образовательной компетентностной парадигмы связи образования и культуры, в результате которой выстраивается матрица профессиональных ценностей.

Annotation: In this article we are showing importance and necessity, given a new educational paradigm, of connection between education and culture which creates a matrix of professional values.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетенция, культура, образование, профессиональные ценности.

Keywords: competence approach, competence, culture, education, professional values.

Компетентностный подход в образовании выступает способом построения новой образовательной парадигмы. Тенденция переориентации образовательной парадигмы носит объективный характер и вызвана социальными и экономическими изменениями общественной жизни. Тенденция движения «от понятия квалификации к понятию компетенции» является не только общеевропейской, но и общемировой.

«Компетенция» предполагает развитие в человеке способности ориентироваться в разнообразии сложных, порой непредсказуемых рабочих ситуаций, иметь представления о последствиях своей деятельности и нести за них ответственность.

Компетентность – это успешное поведение в нестандартных ситуациях, предполагающих неформализованное взаимодействие с партнерами, с решением недоопределенных или запутанных задач, с оперированием противоречивой информацией, с динамичными и сложно интегрированными процессами, управ-

ление которыми требует теоретического знания (Kitschner et al., 1997).

Данный подход заложен в основу Федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования. Известны работы И. А. Зимней, в которых отражена история возникновения и становления компетентностного подхода в образовании [1].

Новый этап в исследовании компетенций связан с работами В. Д. Шадрикова [2;3]. В. Д. Шадриков исходит из определения, что, компетенция – это круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен, круг чьих-нибудь полномочий, прав. Автор отмечает: «...мы видим, что компетенция относится не к субъекту деятельности, а к кругу вопросов, относящихся к деятельности. Другими словами, компетенции – это функциональные задачи, связанные с деятельностью, которые кто-то может успешно решать. Компетентность же относится к субъекту деятельности. Это приобретение личности, благодаря которому человек может решать конкретные задачи» [3, с. 15].

Согласно В. Д. Шадрикову, «компетенция является системным проявлением знаний, умений, способностей и личностных качеств. В каждой деятельности вес этих компонентов и их сочетания могут существенно различаться. В образовательном процессе наблюдается определенная диалектика в формировании компетенций. Компетенции формируются на основе знаний, умений, способностей, личностных качеств, но сами эти знания и др. во многом не являются компетенциями, они выступают как условия для формирования компетенций» [3, с. 15–16].

Действительно, в системном понимании знания, умения, способности, личностные качества скорее выступают условиями для формирования компетенций, но не являются ими.

В ФГОС по направлению подготовки 050700 Специальное (дефектологическое) образование четко прописаны общекультурные и профессиональные компетенции [4]. Обозначенные компетенции формируются в ходе реализации основной образовательной программы, которая включает учебные циклы и, соответственно, проектируемые результаты освоения компетенций, указанные в ФГОС, и при помощи рабочих программ, фондов оценочных средств по различным учебным дисциплинам, которые предусматривают те или иные компетенции для формирования и усвоения последних будущими специальными педагогами и психологами. Предполагается, что будущий дефектолог «на выходе» должен обладать данными компетенциями, что необходимо ему для успешного профессионального и личностного становления. Как отмечает И. А. Зимняя,

«ключевые компетенции – суть новая парадигма результата образования» [1].

Полагаем, что в современных условиях применения новой парадигмы в образовательном пространстве для того, чтобы обозначенные компетенции были приняты, поняты, осознаны специалистом и сформированы необходимо сближение двух «начал» образованности личности – это образования и культуры. Причем культура как в широком, так и в узком понимании слова должна являться некой основой, прочным фундаментом, «началом» на котором зиждется собственно образование.

Н. А. Эмих отмечает, что современное высшее российское образование находится в ситуации перехода к парадигме, которая призвана формировать новую культурно-образовательную реальность в высшей школе. Это убеждает в необходимости применения в современном высшем российском образовании парадигмы, ориентированной на культуру, способствующей качественному изменению общества на ценностном уровне [5].

В проекте Декларации прав культуры (1995 г., к 90-летию Д. С. Лихачева) говорится, что «культура является определяющим условием реализации созидательного потенциала личности и общества, формой утверждения самобытности народа и основой духовного здоровья нации, гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизаций» [6, 6 ст. 2, с. 12].

О связи образования и культуры В. Ф. Сидоренко метафорично отмечает, они совместно образуют «большое дыхание», ритмичное действие, аналогичное вдоху и выдоху: «Для себя», – образование – образ культуры, «для культуры»

оно – образование культуры, точнее, ее воспроизводство через образование, а «для социума» – это его «легкие». На «вдохе» образование втягивает в себя культуру, обретая тем самым содержание и предмет для творческого воспроизводства и само становясь особой формой и образом культуры. На «выдохе» культура воспроизводится, давая социуму культурную форму и дееспособность» [7].

Можно говорить, что обозначенные положения имплицитно, встраиваются в регламентирующие образование документы, поскольку система образования – это среда, в которой происходит интернализация, то есть «вхождение» внешнего, социального во внутреннее, психическое, а именно основного содержания культуры, ее присвоение.

В этой связи профессиональная/ые компетентность/компетенции будущего специального педагога и психолога – это теоретическая и практическая готовность к осуществлению профессиональной деятельности, комплекс деловых и личностных качеств, отражающий уровень знаний, умений, навыков, опыта, необходимых и достаточных для деятельности. Общекультурные компетенции будущего специалиста – это система его профессиональных ценностей, убеждений, целей, принципов, идеалов, тех ориентиров, на основе которых специалист осваивает и выполняет свою профессиональную деятельность. Следовательно, понятие профессиональная компетентность намного уже понятия профессиональные ценности.

И. Ф. Исаев выделяет уровни, на которых существуют ценности [8]:

1. Общественно-профессиональные ценности – функционируют в масштабе всего общества и концентрируются в об-

щественном сознании в форме морали, религии, философии.

2. Профессионально-групповые ценности – это совокупность идей, концепций, норм, регулирующих профессионально-педагогическую деятельность определенных групп специалистов.

3. Индивидуально-личностные ценности – это система ценностных ориентаций личности, отражающая целевую и мотивационную направленность. Каждый специалист, ассимилируя общественно-педагогические и профессионально-групповые ценности, строит свою личностную систему ценностей.

Автор, взяв за основу профессиональную деятельность специалиста, предлагает классификацию профессиональных ценностей педагога [8, с. 77–78]:

1. Ценности-цели – ценности, раскрывающие значение и смысл профессионально-педагогической деятельности преподавателя.

2. Ценности-средства – ценности, раскрывающие значение способов и средств осуществления профессионально-педагогической деятельности.

3. Ценности-отношения – ценности, раскрывающие значение и смысл отношений как основного механизма функционирования целостной педагогической деятельности.

4. Ценности-знания – ценности, раскрывающие значение и смысл психолого-педагогических знаний в процессе осуществления педагогической деятельности.

5. Ценности-качества – ценности, раскрывающие значение и смысл качеств личности преподавателя: многообразие взаимосвязанных индивидуальных, личностных, коммуникативных, профессио-

нальных качеств преподавателя как субъекта профессионально-педагогической деятельности, проявляющихся в специальных способностях: способность к творчеству, к проектированию своей деятельности, предвидения ее последствий и др.

Перечисленные группы ценностей представляют собой аксиологическую модель, которая имеет синкретический характер, проявляющийся в том, что ценности-цели определяют ценности-средства, ценности-отношения зависят от ценностей-целей и ценностей качеств, то есть функционируют как единое целое [9].

Данная классификация, безусловно, полно систематизирует профессиональные ценности современного педагога, но и в то же время носит условный характер.

Важно понимание того, что профессиональные ценности, их присвоение начинается с момента выбора профессии, ее освоения и продолжается в течение всей профессиональной деятельности. Присвоение профессиональных ценностей подразумевает осознание принадлежности к определенной социально-профессиональной группе, принятие «параметров-характеристик» выбранной группы, понимание себя и своей профессии. Профессиональные ценности играют важнейшую роль в формировании личности обучающегося и выступают в качестве мета-уровня регуляции поведения человека. Профессиональные ценности – это ядро структуры личности специалиста. Для того, чтобы состояться как профессионалу и личности, необходима устойчивая и иерархизированная матрица профессиональных ценностей, в противном случае такой специалист будет похож на «стершуюся монету, так как в нем нет самости, нет тождественности себе» [10].

Список литературы:

1. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня.– № 5.– 2003. – С. 43–42.
2. Шадриков В. Д. Новая модель специалиста: Инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование сегодня.– № 8.– 2004. – С. 26–31.
3. Шадриков В. Д. Личностные качества педагога как составляющие профессиональной компетентности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Психология.– № 1.– 2006. – С. 15–21.
4. Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 050700 Специальное (дефектологическое) образование (квалификация (степень) «бакалавр») Приказ Минобрнауки РФ от 18.01.2010 года № 49 – Информационно-справочная система «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]/ – Режим доступа: http://www.consultant.ru/dokument/cons_doc_LAW116373/.
5. Эмих Н. А. Специфика применения новой парадигмы в современном высшем российском образовании. URL: www.science-education.ru/107-8155 (дата обращения: 21.10.2014).
6. Декларация прав культуры. СПб, СПб-ГУП, 1996.
7. Сидоренко В. Ф. Образование: образ культуры // Социально-философские проблемы образования. М., 1992.
8. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. М.: Академия, 2004.
9. Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Мищенко А. И., Шиянов Е. Н. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений. – М.: Школа-Пресс, 1997.
10. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика. 1993

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРАВОВЫЕ, ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.

Малых Т. А. (Иркутск)

Аннотация: В статье рассматриваются правовые, педагогические и психологические аспекты понятия «информационная безопасность несовершеннолетних». Проблема воздействия негативной информации обоснована как социально-педагогическая. Даны научно-методические рекомендации по развитию навыков формирования информационной безопасности детей.

Ключевые слова: «информационная безопасность», «защита прав детей», «негативная информация», «воздействие информации», «способы защиты».

The article touches the legal, pedagogical and psychological aspects of the concept "Information Security of Minors." The impact of negative information problem is reasonable as socio-pedagogical. The article presents the scientific and methodological recommendations on the development of skills formation of the information security of children.

Keywords: Information Security, Protection of Children's Rights, Negative Information, the Impact of Information, Methods of Protection.

На протяжении длительного времени в РФ отсутствовала целостная концепция государственно-правовой политики в сфере охраны прав ребенка от негативной информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, законодательная регламентация не обеспечивала правового статуса ребенка в современном информационном пространстве и эффективной защиты детей от информации. Проблемы информационной безопасности изучались и решались для защиты государственной тайны, информационных систем, не идентифицировались с угрозами, влияющими на психологическую безопасность личности, на политическое, экономическое, культурное развитие общества и государства. Демонстрация бесценностного отношения к своей жизни и жизни другого человека, дерационализация сознания, девальвация ценностей, смешение реального и виртуального, деформация

и деструктивные изменения духовной сферы общества в форме искаженных нравственных норм и критериев, неадекватных социальных стереотипов и установок, ложных ориентации и ценностей, оказали влияние на состояние и процессы во всех основных сферах общественной жизни. Пропаганда насилия и жестокости средствами СМИ, возрастающая роль Интернета, отсутствие цензуры обостряют проблему информационной безопасности, придавая ей комплексный – социальный, психологический и педагогический характер, влияет на социально-нравственные ориентиры.

Осознание масштабов воздействия негативной информации привело к принятию ряда стратегических документов, направленных на защиту прав несовершеннолетних. Согласно российскому законодательству информационная безопасность детей – это состояние защищенности, при котором отсутствует риск,

связанный с причинением информацией, в том числе распространяемой в сети Интернет, вреда их здоровью, физическому, психическому, духовному и нравственному развитию [7].

Принятие Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»), инициированное правозащитниками детей – это признание Ребенка и его прав высшей ценностью, выявление опасностей, которые потрогать ребенку нельзя, а уметь противодействовать им необходимо. В связи с длительным периодом его рассмотрения и компромиссным характером многих норм, он содержит ряд пробелов, устранить которые представится возможным после применения документа. Вызывает нарекания перечень видов информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, возрастная классификация и маркировка информационной продукции, ограничения по времени. Законодательно не урегулирована деятельность ребенка в сети интернет, не учтен доступ к компьютерным и электронным играм. Необходимы законодательные инициативы, регулирующие проведение экспертизы, определяющей наличие опасной для детей информации. Сложно дать экспертную оценку «закамуфлированной» информации, информации манипулятивного характера, дезориентирующей детей, ограничивающей их возможности в условиях слабой правовой образованности и в силу возрастных особенностей несовершеннолетних (убийство во имя добра, месть как акт справедливости). Предстоит регламентировать действия общественной экспертизы, продумать меры общественного характера в об-

ласти обеспечения безопасности детей в информационной сфере, включая родительскую общественность, неправительственные организации представителей гражданского общества, в том числе, занимающихся мониторингом распространения информации в медиа среде, в информационно-коммуникационных сетях, интернет и мобильной связи, которые обладают большим опытом проведения научных исследований в этой области.

Одним из направлений деятельности в реализации Закона – организация исследовательской деятельности, направленной на разработку системы эффективной защиты от информационных угроз. Это требует объединения научных ресурсов специалистов в области информационной безопасности личности.

Необходимо учитывать, что в настоящее время информационная безопасность – важнейший компонент национальной безопасности, информационная безопасность становится одним из элементов национальной, общественной и личной безопасности. На заседании Совета Безопасности президент Российской Федерации В.В. Путин высказал мысль, что «вопросы, связанные с защитой информационного пространства России от современных угроз, – одно из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности» [1]. Президент России обозначил основные задачи обеспечения информационной безопасности в стране, в том числе защищенность персональной и конфиденциальной информации, подготовка в области обеспечения информационной безопасности личности.

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы

также указывает на необходимость разработки мер, направленных на обеспечение информационной безопасности детства. Например, создание правовых механизмов блокирования информационных каналов проникновения через источники массовой информации в детско-подростковую среду элементов криминальной психологии, культа насилия, других откровенных антиобщественных тенденций и соответствующей им атрибутики [5].

Эффективная защита от воздействия негативной информации детей в информационной сфере зависит от консолидации усилий, проблема информационной безопасности в современном информационном пространстве требует скоординированного решения на всех уровнях – начиная с семьи, муниципального уровня власти до регионального и общероссийского. Безопасность детей можно обеспечить только в том случае, если собрать воедино усилия всех, кто компетентен в этом и небезразличен к проблемам подрастающего поколения.

Перед педагогами никогда не ставилась задача научить ребенка выявлять информационные угрозы. Требования времени заставляют меняться школу, соответствовать вызовам времени, запросам общества. В настоящее время в системе российского образования реально усилилась потребность в создании надежных педагогических, психологических, методических и организационных механизмов защиты детей от отрицательного воздействия информационной среды, однако эта потребность пока еще недостаточно удовлетворена. Обеспечение информационной безопасности личности представляет собой многоаспектную ме-

ждисциплинарную проблему, решение которой во многом сказывается на состоянии национальной безопасности общества в целом. Феномен информационной безопасности носит междисциплинарный характер, не имеет однозначного толкования у юристов, педагогов, психологов, специалистов в области телекоммуникационных технологий.

Деформация и деструктивные изменения духовной сферы общества в форме искаженных нравственных норм и критериев, неадекватных социальных стереотипов и установок, ложных ориентаций и ценностей, влияют на состояние и процессы во всех основных сферах общественной жизни. Недостовверная, неэтичная, непристойная, деструктивная информация, исходящая от основных источников информации, а также от средств информационного воздействия, оказывает определенное влияние на получателя информации – ребенка.

Одной из опасностей современной глобализированной информационной среды, оказывающей негативное влияние на личность ребенка, является формирование у детей деструктивной картины мира, подмена системы ценностей, искажение образцов межличностного общения и семейных отношений, вытеснение старшего поколения с позиций передачи подрастающему поколению базовых духовных и культурных ценностей. Педагоги и родители отстают от информационной грамотности детей, не подозревая, какой опасности они подвергаются. Опросы и исследования показали, многие не знают и не интересуются содержанием сайтов, которые посещает ребенок, в какие компьютерные игры играет, какую музыку слушает.

Когда мы радуемся, что ребенок, сидящий за компьютером, рядом с нами, не задумываемся, что ребенок виртуально далеко от нас. Не представляется возможным выявить кто управляет им, кто манипулирует. Отстранение родителей от информационного мира детей привело к разрушению межличностного общения.

Насыщенность современной информационно-образовательной среды деструктивной, вредной для развития детей информацией приобретает катастрофические масштабы. Дети и подростки, в силу возраста не обладают способностью фильтровать качество информации. У них не сформированы критерии различия, они не видят опасностей и не осознают рисков, принимают всю информацию, не понимая, что она может быть противозаконной, неэтичной, недостоверной, вредоносной. Информационное воздействие становится главным рычагом управления людьми. Современные информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) меняют не только структуру отношений, но и образ жизни людей, мышление, механизмы функционирования семьи, общественных институтов, органов власти. Обучение противодействию негативной информации стало вызовом сегодняшнего дня: дети, не умеют выявлять информационные угрозы и предвидеть опасности, последствия воздействия негативной информации, не способны выявлять информационные риски, не знают, как минимизировать последствия воздействия негативной информации. Оказавшись один на один с потоками информации, не знают, какое решение принять, не способны делать правильный выбор: не могут дать адекватную оценку информации о насилии, жестокости и агрессии, инфор-

мации, разжигающей расовую ненависть, нетерпимость по отношению к другим людям по национальным, социальным, групповым признакам, пропаганде суицида, азартных игр, анорексии, сект, эротики и порнографии, нецензурной лексики, обладая особым восприятием действительности, не способны выявить мошенников, определить манипулятивные техники.

Культ жестокости, насилия, порнографии, пропагандируемый в СМИ, печатных изданиях неограниченной продажи, а также в компьютерных играх и желании подражать, способствует закреплению таких стереотипов поведения в их собственных привычках и образе жизни, снижает уровень пороговых ограничений и правовых запретов. Негативная информация несет вред здоровью (переутомление, психологическая зависимость, соматические заболевания, снижение работоспособности и др.), происходит переоценка нравственных норм, снижение интереса к искусству, чтению, перенос образцов поведения из виртуальной действительности в реальность и др.), ребенок испытывает трудности в обучении (отсутствие времени на чтение, выполнение домашнего задания, перегрузка излишней информацией, снижение успеваемости) [4].

Серьезной и глобально значимой проблемой стало злоупотребление плодами ИКТ и их использование для совершения преступлений против детей, которые особенно уязвимы в условиях интенсивного развития новых информационных технологий (Интернета, мобильной и иных видов электронной связи, цифрового вещания), доступности СМИ, распространения информационно-телекомму-

никационных сетей общего пользования, интенсивного оборота рекламной продукции, электронных и компьютерных игр, кино-, видео-, иных аудиовизуальных сообщений и материалов. Их бесконтрольное использование нередко оказывает на детей психотравмирующее и растлевающее влияние, побуждает их к рискованному, агрессивному, жестокому, антиобщественному поведению, облегчает их вовлечение в криминальную деятельность, развратные действия, азартные игры, тоталитарные секты, деструктивные группировки.

Уполномоченным по правам ребенка в Российской Федерации П. А. Астаховым в статье «Информационная безопасность несовершеннолетних: диалог и ответственность государства и гражданского общества» озвучено: «Зачастую дети принимают все, что видят по телевизору и в Интернете, за чистую монету. В силу возраста. Отсутствия жизненного опыта и знаний в области информационной безопасности они не всегда умеют распознать манипулятивные техники, используемые при подаче рекламной и иной информации, не анализируют степень достоверности информации и подлинность ее источников. Мы же хотим, чтобы ребята стали полноценными гражданами своей страны – теми, кто может анализировать и критически относиться к информационной продукции. Они должны знать, какие опасности подстерегают их в сети и как их избежать» [8].

Сегодня выявлены информационные угрозы, определены риски и опасности, нерешенной остается проблема системного психолого-педагогического сопровождения детей при работе с информацией. Складывается ситуация, когда

ни органы власти, ни система образования, ни какие-либо другие социальные институты не в силах контролировать поток информации, обрушивающийся на ребенка. В этих условиях, проблема информационной безопасности личности ребенка приобретает ярко выраженный социально-педагогический смысл.

Анализ специальной литературы по рассматриваемой проблематике позволяет констатировать, что проблема непрерывной подготовки личности к обеспечению информационной безопасности на всех уровнях образования (дошкольное, школьное, профессиональное, послевузовское) является малоизученной. В настоящее время педагогическая наука не предлагает других путей социализации детей в глобализированной информационной среде, кроме профилактических мер. Приоритетными направлениями данной профилактической работы являются: просветительская работа с родителями, обучение детей приемам безопасной работы с информацией, создание безопасной информационной среды в образовательных организациях.

Проблема защиты детей от вредной информации напрямую связана с темой образования. Формирование у учащихся умений работать с информацией и, следовательно, умений обеспечения ее безопасности, является важной задачей образования. Сегодня важно не просто осознать степень нависшей над обществом опасности, но и, выявив угрозы информационной безопасности молодежи, определить, какими средствами можно их предотвратить.

Информационная безопасность – педагогически направляемый процесс, развития у ребенка знаний об информаци-

онной угрозе и умения противостоять ей для минимизации последствий психического и нравственного развития, включает осознание и определение школьником лично – значимого смысла информации, идентифицирования информационной угрозы, стремление осознанно делать выбор, проявляя критическое отношение к информации [4]. Педагоги способны быть проводниками детям в мир знаний, но в то же время не допустить, чтобы неустойчивая подростковая психика подвергалась информационному насилию, подготовить сознание детей к противодействию негативным информационным воздействиям, формировать информационную безопасность (навыки критического мышления), развивать способности к самоблокированию информации, учить отличать качественную информацию от некачественной. Один из возможных путей разрешения проблемы информационной безопасности – обучение ребенка адекватному восприятию и оценке информации, ее критическому осмыслению на основе нравственных и культурных ценностей. Для полноценного развития ребенка не нужно создавать идеальную информационную среду, более важно и продуктивно заниматься развитием информационной безопасности личности ребенка.

Пути решения проблемы информационной безопасности лежат в педагогической плоскости, т.к. педагог способен развивать информационную грамотность, навыки критического мышления, способность к самоблокированию информации, подготовить, таким образом, сознание учащихся к противодействию негативным

воздействиям информационных потоков. Условия формирования информационной безопасности школьника напрямую зависят от четкости целей и содержания, программно-методического обеспечения педагогического процесса, уровня обученности самих педагогов основам информационной безопасности. Необходимо поддерживать программы и проекты в области информационной безопасности. Мы видим два аспекта обеспечения информационной безопасности детей и решения вышеназванной педагогической проблемы: обучение детей личным навыкам безопасного поведения в информационной среде. Проектирование деятельности среды, которая способна стимулировать и развивать ведущий для его возраста вид деятельности и создавать условия для активного присвоения им духовных и культурных ценностей, а также способов позитивной социализации (в первую очередь – на основе консолидации усилий семьи и школы).

Недопустимо становится на путь запретов, отвержения, осмеяния детской информационной продукции, это грозит потерей доверия со стороны детей, отстранением. Информационная безопасность детей – это не перечень запретов. Наша задача не запретить, не отобрать, не утаить, а научить ребенка думать, принимать мир, как источник безграничных возможностей, действовать и нести ответственность за свои поступки.

Список литературы:

1. Выступление В.В. Путина на Совете безопасности РФ [электрон. ресурс] URL: <http://www.scrf.gov.ru/conferences> (дата обращения 10.11.2014)

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. N Пр-1895) // Справочная правовая система ГАРАНТ. [электрон. ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>
3. Богатырева, Ю.И. Информационная безопасность школьников в образовательной среде: теория и практика высшей школы. – Тула: ТулГУ, 2013.– 160 с.
4. Малых, Т.А. Педагогические условия развития информационной безопасности младшего школьника: автореф. дисс. ... канд. пед. наук 13.00.01. / Малых Татьяна Александровна. – Иркутск, 2008.– 35 с.
5. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. URL: <http://www.soprotivlenie.org>.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета, <http://www.rg.ru/gazeta/rg/2009/05/19.html>, № 4912.
7. Федеральный закон от 29.12. 2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» //Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, № 1. Ст. 48.
8. <http://www.ligainternet.ru/> – лига безопасного интернета

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК МЕТОД РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПСИХОЛОГА

Донченко И. А. (Запорожье, Украина)

Аннотация.

В статье представлено описание процесса проектирования профессиональной деятельности психолога в условиях прохождения курсов повышения квалификации. Проектирование рассматривается как метод развития профессиональной компетентности психологов. Подчеркивается ключевое значение проектирования в понимании и осознании сути, структуры и механизмов профессиональной деятельности, а также его роль в формировании метакогнитивных способностей (способности к целеполаганию, рефлексии, проектированию, самоорганизации) как составляющих профессиональной компетентности психолога.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, проектирование, рефлексия, профессиональная деятельность, проект.

Annotation

Donchenko I. Creating projects as a method of development of professional competence of psychologists.

This article describes a method of development of professional competence of psychologists. It is a method of creating projects. This method helps to organize the professional activity. It forms the understanding and awareness of the nature and structure of the activity. The article describes the technique of using the method in the process of post-graduate training of psychologists. Creating projects forms the metacognitive abilities. Metacognitive abilities are components of professional competence of psychologists

Keywords: professional competence, a method of creating projects, reflection, professional activity, a project.

Система последипломной подготовки практических психологов системы образования включает в себя прохождение курсов повышения квалификации. Одной из приоритетных задач в системе повышения квалификации психологов является создание условий для развития их профессиональной компетентности. Под профессиональной компетентностью мы понимаем совокупность деятельностно-ролевых и личностных характеристик психолога, которая обеспечивает эффективное выполнение им задач и обязанностей профессиональной деятельности,

а также является мерой и основным критерием соответствия профессиональной деятельности [3, с. 88].

Тенденции современного образования в целом и последипломного образования в частности, свидетельствуют об отходе от традиционного лекционно-практического формата обучения и ориентации на использование инновационных, развивающих технологий. Одной из инновационных технологий, которые обеспечивают развитие профессиональной компетентности психологов на курсах

повышения квалификации, является проектирование.

Цель статьи – описать процесс проектирования как метода развития профессиональной компетентности психологов системы образования в условиях прохождения курсов повышения квалификации.

Проектирование – это вид деятельности, направленный на создание проекта. Проектирование – это метод поиска, организация процесса обучения, при которой слушатели приобретают новые и корректируют имеющиеся профессиональные знания и умения в ходе планирования и выполнения практических заданий – проектов. Целью этого метода является стимулирование интересов, познавательной активности слушателей путем организации поисковой самостоятельной деятельности, постановки проблем, которые предусматривают владение определенной системой знаний, умений и их использования на практике. Проектирование ориентировано на преобразование существующей реальности и перевода проблем в задачу форму, что требует соответствующих умений.

В основе проектирования как деятельности лежат принципы системно-мыследеятельностного подхода (Г.П. Щедровицкий), согласно которым:

- 1) взрослых людей учить невозможно;
- 2) взрослый человек может только учиться сам;
- 3) чтобы человек начал учиться его необходимо поставить в неловкое положение, то есть, для того чтобы произошло обучение необходимо выйти за пределы так называемой «зоны комфорта»;

4) обучение происходит за счет анализа собственного опыта;

5) знание передавать невозможно. Знание – это результат рефлексии;

6) организация деятельности возможна при условии осознания и понимания сути деятельности и ее структурных элементов.

Результатом проектирования является проект деятельности. Под проектом мы понимаем описание идеи и путей ее реализации, которое включает цель, задачи, средства и способы их достижения, и имеет социальную, практическую или научную значимость.

Проектная деятельность сочетает два аспекта процесса познания: совокупность приемов и действий овладения определенной сферой практических и теоретических знаний и средство практического применения усвоенных знаний и умений для решения конкретных проблем реальной жизни в ходе совместной деятельности [1, с. 335].

Основная идея внедрения проектных технологий в последиplomную подготовку психологов заключается в том, чтобы создать условия для более целостного представления психологов о своей деятельности и ее структуре; для переосмысления, рефлексии собственной деятельности и построения на ее основе нового проекта.

При этом в основу проекта закладывается схема акта действия, разработанная в системно-мыследеятельностном подходе (рис. 1).

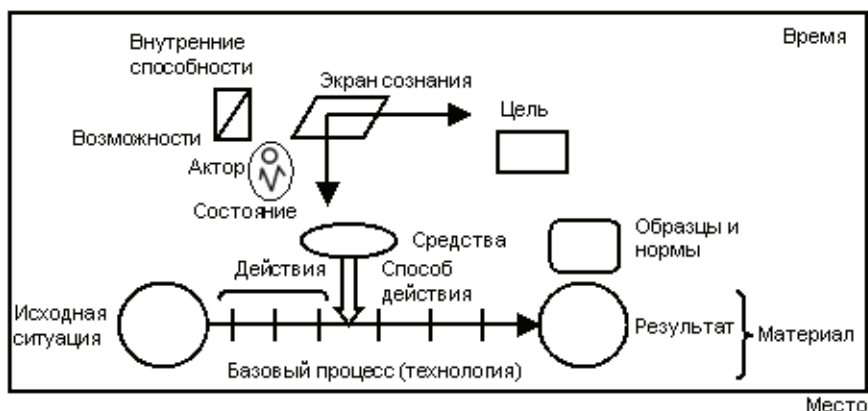

Рис. 1. Схема акта действия (Г.П. Щедровицкий [6])

Раскроем основные элементы данной схемы.

Актор – субъект, выполняющий деятельность, имеющий определенные возможности и способности.

Исходная ситуация – то, что происходит в реальности в данный момент времени; описание существующей ситуации.

Цель – это единство желаемого результата, процесса деятельности, средств и способов действия, возможностей и способностей субъекта. Цель фактически определяет структуру акта деятельности в целом. Под реализацию определенной цели определяются определенные действия, средства и способы их реализации.

Результат – конкретные результаты деятельности, которые имеют собственные характеристики, критерии и показатели их достижения.

Материал – то, что меняется в процессе перехода от исходной ситуации к желаемой, до получения конкретного результата.

Базовый процесс (технология) – это последовательность действий, которая обеспечивает получение результата

по преобразованию существующей ситуации в желаемую. Понятие технологии заключается в том, что каждый ее этап является шагом к получению конечного результата.

Средства – то, что используется для выполнения действия.

Способ действия – это то, каким образом субъект использует средства для выполнения конкретного действия.

Экран сознания – представление Актора (субъекта) о ситуации, в которой он действует. На экране сознания представлены знаки, которыми Актор определяет реальные объекты собственной деятельности, для того, чтобы можно было этими объектами оперировать в процессе деятельности.

Стрелки, которые выходят с экрана сознания, указывают на то, что Актор в процессе выполнения деятельности держит в сознании цель, результат и другие элементы схемы. Если содержание экрана сознания не соответствует реальной ситуации то возникают проблемы в деятельности [5].

И именно для того, чтобы привести в соответствие представления субъекта

о деятельности к реальным условиям реализации этой деятельности ему необходимо осуществить проектирование.

Исходное положение при этом можно сформулировать следующим образом. Реализовать можно любую деятельность при условии, когда каждый элемент структуры деятельности (цель, задачи, средства, способы, условия, критерии и показатели достижимости результата и т.д.) представлены в сознании субъекта. Если же хотя бы один из элементов структуры деятельности в сознании не представлен, то вместо деятельностной задачи, которую необходимо решить, субъект получает проблему.

Опыт работы по сопровождению развития профессиональной компетентности психологов системы образования показывает, что они достаточно часто сталкиваются в своей практической деятельности с проблемами, которые они не могут перевести в задачные формы.

Поэтому выходя на курсы повышения квалификации, в первый день они получают задание описать собственную модель профессиональной деятельности такой, какой она есть в реальности и такой, какой она должна быть в реальности. При этом создаются условия для их проблематизации, с целью осознания ими того, что тех знаний и компетенций, которыми они обладают на данный момент, не достаточно для перехода на иной уровень организации собственной профессиональной деятельности и для решения тех проблем, с которыми они сталкиваются. И что, сложившиеся стереотипы организации их деятельности, а также сложившийся индивидуальный стиль деятельности мешает им увидеть новые

перспективы самоорганизации профессиональной деятельности.

С целью проблематизации слушателей нами используются рефлексивные вопросы, которые являются одной из технологий развития профессионального мышления и расширения понимания сути собственных действий. Рефлексивные вопросы в данном случае направлены на понимание того, что психологи делают такого, что в своей деятельности они сталкиваются с определенными трудностями, и соответственно на понимание того, чего не хватает для их решения и какие изменения важно внести в свою деятельность, чтобы она стала более продуктивной. Т.е. для слушателей создается рефлексивная среда, которая создает условия для переосмысления своего опыта.

Процесс проблематизации является достаточно сложным процессом для субъекта деятельности и часто сопровождается негативными переживаниями и актуализацией внутренних и внешних противоречий. Однако, поскольку, противоречие, с психологической точки зрения, является источником развития, то проблематизация становится необходимым условием для дальнейшего развития профессиональной компетентности психолога.

Проблематизация способствует процессу самоопределения слушателей с направлением проектной деятельности и с тем, какие результаты они хотят получить для себя на курсах повышения квалификации и в последующей профессиональной деятельности.

В момент самоопределения слушателям предлагается на протяжении всех курсов (3–4 недели) разработать проект своей профессиональной деятельности,

который они смогут реализовать на практике после окончания курсов. В конце курсовой подготовки эти проекты должны будут пройти публичную защиту. При этом, условиями их защиты выступают следующие критерии: инновационность, реалистичность, реализуемость, временная ограниченность, учет партнерских позиций, учет ресурсов, необходимых для реализации проекта.

В процессе всей курсовой подготовки занятия выстроены таким образом, чтобы слушатели пополнили и обновили свои профессиональные знания, опять-таки, через элементы проектирования, а также отработали проектные навыки на практических занятиях, путем построения профессионально значимых ситуаций.

Для нас является принципиальным понимание того, что современное обучение – не передача знаний, а построение ситуации. При этом слушателей ставят в ситуацию, которая требует оптимального решения проблем, которые перед ними возникли в профессиональной деятельности и обязательного критического анализа различных вариантов их решения, что является эффективным в развитии профессиональной компетентности, профессиональной рефлексии и профессионального мышления.

Во время работы над проектами слушатели на практике применяют имеющиеся знания из различных областей, ведут дневник, в котором фиксируются изменения в представлениях о себе, о собственных возможностях и потенциале, определяют пути профессионального самосовершенствования и развития.

В конце курсовой подготовки слушатели представляют свои проекты на защиту, где вся группа и преподаватели

могут снова задать рефлексивные вопросы авторам проектов, с целью уточнения и расширения их понимания того, как же они будут реализовывать свои проекты на практике.

Рефлексивные вопросы направлены на более четкое осознание автором проекта всех структурных компонент деятельности (см. схему акта действия). Приведем некоторые примеры таких вопросов в соответствии со структурой деятельности (таблица А).

Безусловно, представленные в таблице вопросы, являются всего лишь возможными примерами. На практике же они формулируются в соответствии с содержанием конкретного проекта. Функция рефлексивных вопросов – создание рефлексивной среды для развития понимания автора проекта. Рефлексивная среда – это пространство мыслекommunikации, которое позволяет проанализировать проекты, разработанные слушателями, с разных позиций и с разных точек зрения, для уточнения и детализации проектов, а также для поиска зон непонимания авторами отдельных аспектов реализации своих проектов на практике.

После защиты проектов слушателям предлагается написать рефлексивные рассказы [4] о своей деятельности на курсах повышения квалификации. Содержанием рефлексивного рассказа является собственная деятельность по достижению тех целей, которые они планируют достичь на курсах. Форма рефлексивного рассказа может абсолютно произвольной. Важным является осознание того, насколько, полученный на курсах результат, соответствует тем целям, которые были поставлены слушателями для себя

Таблица А. Примеры рефлексивных вопросов

Элемент структуры деятельности	Пример вопросов на понимание (рефлексивных вопросов)
Субъект (Актор)	Каким образом достижение цели зависит от вас? В чем ваша ответственность в достижении цели?
Способности	Обладаете ли вы способностями, которые помогут вам в достижении цели? Какие ваши способности могут быть ресурсом на пути к достижению цели?
Возможности	Какими возможностями вы обладаете для достижения поставленной цели?
Исходная ситуация	Что происходит именно в этой ситуации? Какова ситуация вашей профессиональной деятельности на данный момент? Какие события могут произойти?
Цель	Чего именно вы хотите достичь? Что изменится, когда достигнете результата?
Результат	Как вы поймете, что вы достигли ожидаемого результата? Каковы критерии и показатели его достижимости?
Действия, базовый процесс	Какие действия вам необходимо совершить, чтобы получить ожидаемый результат? Есть ли у вас альтернативные варианты действий, в случае изменения условий?
Средства	Какие средства вы будете использовать для реализации действий по преобразованию исходной ситуации в предполагаемую? С помощью чего вы достигнете ожидаемый результат? Какие другие способы могут помочь вам в достижении результата?
Способы действий	Каковы наиболее эффективные способы действий в условиях реализации проекта? Как по другому вы можете действовать?
Понимание ситуации (экран сознания)	В чем суть ситуации? Как вы воспринимаете ситуацию и себя в этой ситуации?

в начале, и какие собственные действия привели к полученным результатам.

В результате такой организации работы на курсах повышения квалификации у курсантов происходит развитие метакогнитивных способностей, необходимых для эффективного и осознанного выполнения профессиональной деятельности. К разряду таких способностей мы можем отнести способности к целеполаганию, рефлексии, проектированию, самоорганизации и т.д., которые, в свою очередь, являются элементами профессиональной компетентности психолога системы образования. Кроме того, в результате овладения проектной деятельностью

слушатели приобретают умения проектирования не только конкретной профессиональной деятельности, но и собственного профессионального развития, что является необходимым условием дальнейшего развития их профессиональной компетентности.

Таким образом, анализ собственного опыта организации последипломной подготовки психологов системы образования в условиях курсов повышения квалификации дает основания предположить, что проектирование является эффективным методом развития профессиональной компетентности психологов. Однако, описание эмпирического опыта

не дает оснований для выведения закономерностей. Поэтому дальнейшие наши исследования будут направлены на экспериментальные подтверждения высказанного нами предположения.

Литература.

1. Волкова Н. П. Педагогіка: навч. посіб / Н. П. Волкова. – [2-ге вид., перероб., доп.]. – К.: Академвидав, 2007. – 616 с. – (Альмаматер).
2. Выготский Л. С. Педология подростка / Л. С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 5–242.
3. Гура О. І. Сутність професійної компетентності викладача ВНЗ Сутність професійної компетентності викладача вищого навчального закладу / О. І. Гура // Віс. Житомир. дер. ун. ім. Івана Франка. – Житомир: РВВ Житомир. дер. ун. ім. Івана Франка, 2005. – Вип. – С. 87–94.
4. Донченко І. А. Використання рефлексивних розповідей як технології розвитку професійного мислення педагогічних працівників / І. А. Донченко // Основні орієнтири розвитку системи освіти Запорізької області у 2015–2016 навчальному році: методичні рекомендації у 3-х ч. / упоряд. В. Я. Ястребова, Т. Г. Верозубова. Частина І. Науково-методичне забезпечення діяльності закладів освіти. – Запоріжжя: Кругозір, 2015. – 196 с. – С. 74–79.
5. Немтинов И. Схема акта деятельности / И. Немтинов. – Электронный ресурс. – Режим доступа: smd.org.ua/nemtinov_ivan
6. Щедровицкий Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М., 1995. – 759 с.

ГЕНДЕРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Дунаева О. Н. (Челябинск)

Аннотация: В статье рассматривается, на основе социально-психологических концепций и исследований, трансформация гендерных социокультурных конструктов в современном российском обществе. Анализируется гендерная репрезентация и личностная самореализация в различных сферах общественной жизни: политической, профессиональной и семейной.

Abstract: The article considers, on the basis of socio-psychological theories and research, the transformation of socio-cultural constructs of gender in contemporary Russian society. Analyzes the representation of gender and personal self-realization in various spheres of public life: political, professional and family.

Ключевые слова: гендерная стратификация общества, профессия, карьера, лидерство, семейные ценности, супружество, родительство, самореализация.

Keywords: gender stratification of society, profession, career, leadership, family values, marriage, parenting, self-realization.

Активная модернизация российского общества отложила отпечаток на все спектры социальной жизни, произошла революция притязаний, которая характеризуется сменой ценностной парадигмы как общественного, так и индивидуального развития в основных сферах жизнедеятельности человека: общественной, профессиональной, семейной [5]. В настоящее время наблюдается яркая динамика трансформации социальных ролей женщины в обществе, что отражает согласованность этого явления с мировыми тенденциями: выход женщин на политическую арену; активное включение в свободное предпринимательство и бизнес, изменение гендерных практик поведения как для мужчин, так и для женщин, возрастающие ценности профессиональной карьеры и самореализации. Современные требования индивидуального подхода к формированию и развитию личности и ее эффективности в обществе не мо-

гут осуществляться без учета гендерной специфики.

Актуальность гендерного направления в гуманитарных науках зарубежных стран относится к 70–80 гг. XX века (Maccoby E., Jacklin C., 1974). В России первые и немногочисленные работы, отражающие специфику гендера и пола, появились в социологии и психологии в 90-х гг. и сразу привлекли к себе внимание новизной подхода к традиционным представлениям: И. С. Кон «Психология половых различий» (1981); М. Ю. Арутюнян «Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами» (1987); Ю. Е. Алешина, Е. В. Лекторская «Ролевой конфликт работающей женщины» (1989). Наибольшая интенсивность гендерного подхода к изучению различных сфер социальной жизни наблюдалась в первое десятилетие XXI века, что нашло отражение в фундаментальных монографических исследованиях, таких как: Т. В. Бендас «Гендерная психология»

(2005); И. С. Клецина «Психология гендерных отношений» (2009); И. С. Кон, «Мужчина в меняющемся мире» (2009); Е. П. Ильин «Пол и гендер» (2010).

В работах С. И. Голода, Е. П. Ильина, И. С. Клециной, И. С. Кона отмечается, что гендерный репертуар социальных ролей проявляется в трех основных сферах: **1) общественной, 2) профессиональной, 3) семейной.** Любой гендерный феномен представляет собой сложное многоаспектное явление, которое может быть изучено с использованием многоуровневого анализа. Понятие гендер (социальный пол, от англ. gender – род) подразумевает, что личностные и деловые качества мужчин и женщин детерминированы социально. Понятие «гендер» следует понимать как мультиполярный социальный конструкт выраженности маскулинного, фемининного, андрогинного типа поведения. В исследованиях также отмечается, что на основе андрогинного типа поведения вырабатывается установка на более гибкое поведение, происходит согласование поведенческих паттернов мужчин и женщин и в общении, и в деятельности. Гендерные модели (социальный конструкт) «подобающего» поведения мужчин и женщин изменчивы и зависят от исторического этапа, социально-экономических, религиозных, культурных факторов развития общества.

1. Гендерный ресурс общественной и политической активности.

Одним из самых значимых компонентов выхода женщин на широкую общественную арену в XX веке стала доступность высшего образования и получение престижных профессий (политика, экономика, управление, юриспруденция). В зарубежной практике (США, страны

ЕС, Южная Корея, Япония) наблюдается расширение участия женщин в политической сфере общественной жизни. Многие ученые склонны утверждать, что высокая эффективность современной модели экономики определяется совокупным влиянием множества факторов, одним из которых является социальная направленность экономической политики на «всеобщее благоденствие» как результат, именно женского участия в управлении [3].

Гендерные аспекты лидерства, как отмечает Т. А. Бендас в большей степени изучены в сфере политической психологии и психологии управленческой деятельности. В современной России женщины активно работают в высших эшелонах законодательной и исполнительной власти – в Государственной Думе РФ, в Правительстве РФ (В. Матвиенко, Т. Голикова, Э. Набиуллина) – но общий список женщин, имеющих заметное политическое влияние несоизмеримо меньше аналогичного списка мужчин. В сфере бизнеса женщины больше представлены в среднем бизнесе и предпринимательстве [8].

2. Профессионализм и гендерный потенциал в управленческой деятельности.

Длительное время женщины выбирали только те профессии, которые являлись продолжением их основных функций в семейно-бытовой сфере: воспитание и обучение детей, сфера питания и обслуживания, поддержание здорового образа жизни и уход за больными. В настоящее время женщины участвуют во всех профессиональных сферах: женщины-инженеры, женщины-космонавты, женщины-военные, женщины-политики, женщины-управленцы и др. Насколько

научными исследованиями подтверждается половое/гендерное различие/сходство при выполнении управленческой деятельности мужчинами и женщинами?

Управление является обязательным атрибутом любой системы. Управленческая деятельность специфична по своему процессу. Ее суть – организация деятельности других людей, т.е. «деятельность по организации деятельности (второго порядка)», что позволяет ее обозначить понятием «метадеятельность» [6]. Целью управленческой деятельностью является обеспечение эффективного функционирования определенной организационной системы, принадлежащей к особому типу систем – социотехнических, которая включает две составляющие – «технологическую» и «человеческую». Поэтому труд руководителя связан с обеспечением технологического процесса и организацией межличностных взаимодействий. Первый аспект обозначается как инструментальный контур деятельности, а второй – экспрессивный.

Анализ экспериментальных данных позволяет сделать вывод о существовании комплекса универсальных коммуникативно-личностных свойств, необходимых человеку для того, чтобы успешно влиять на других людей в процессе управленческой деятельности. Одним из таких показателей является социальный интеллект, который является потенциалом личного влияния руководителя и включает следующие качества: легкость и навыки общения, адаптивность, уверенность, активная позиция во взаимодействии, мотив достижения, аффилиация, понимание собеседника. Подтверждено, что харизматические лидеры более эффективны, чем нехаризматические, их отличает

большая потребность во власти, энергичность, социальная напористость, ориентация на успех, уверенность, самоконтроль, им присущи некоторые атрибуты феминности и заботливости, а также потребность в переменах [7]. С учетом специфики управленческой деятельности были сделаны выводы, что женщины обладают качествами, которые определяют их весьма благоприятные возможности для эффективной управленческой деятельности.

Научные публикации, посвященные вопросам гендерного менеджмента [9], свидетельствуют о том, что кардинальных различий между мужчинами и женщинами с точки зрения эффективности руководства нет, однако выявляют ситуационную специфику (условия) его проявлений – в одних ситуациях и ролях более эффективны мужчины, в других – женщины: 1) мужчины более эффективны, если роль лидера требует способности к «решению» задач, а женщины – в ситуациях, где требуется проявлять межличностные способности; 2) мужчины лидеры более продуктивны, когда их подчиненные мужчины; женщины лидеры эффективны и когда их подчиненные женщины и в смешенном коллективе; 3) значительное превосходство мужчин по лидерской эффективности наблюдается в военных организациях, в роли спортивного лидера, а некоторое преимущество женщин наблюдается в сфере образования, на государственной и социальной службе, в среднем бизнесе; 4) на низшем, или линейном уровне, требующем, по мнению экспертов конкретных «технических» способностей, лучше работают менеджеры-мужчины, а на среднем уровне, где руководителю необходимо проявлять

межличностные умения, преимущество на стороне менеджеров-женщин [12].

Исследования последних лет дают целостное представление о социально-психологических и организационных аспектах карьеры с точки зрения структуры, стадиях, стратегиях, планировании, ориентациях и других факторах на нее влияющих [1]. В ходе планирования собственной карьеры мужчины четко ориентированы на результат, тогда как женщины в равной мере ориентированы и на процесс, и на результат. Как правило, женщины позже устраивают свою карьеру, чем мужчины, но формы построения профессиональной карьерой у них наиболее разнообразные. Тенденции на активное профессиональное включение и карьерные ориентации закладываются еще в процессе получения высшего образования, а также зависят от личностных качеств женщины. Выделяют два основных вектора в построении карьеры: 1) горизонтальный; 2) вертикальный [15].

Активная интеграция женской и мужской моделей поведения в бизнесе формирует предпосылки для сопоставления гендерных особенностей поведения личности в управленческой деятельности. В управлении женщины предпочитают использовать демократичный и либеральный стиль, в то время как мужчины – авторитарный и демократический. У женщин-руководителей преимущественно выявился коллегиальный компонент в стиле руководства, а у мужчин – директивный. В реализации принятых решений женщинам характерно четкое распределение функций исполнения, оказание помощи в случае необходимости. При организации контроля, за ходом исполнения решений превалирует поэтапная форма

в виде регулярных текущих проверок, недопущение затягивания нежелательной ситуации. Женщина-руководители больше уделяют внимания морально-психологическому климату в коллективе. Действия женщин-руководителей чаще направлены на перестройку отношений, а действия мужчин – на перестройку правил и норм. В сложных ситуациях женщина-менеджер строит свои стратегии выхода из кризиса на высоких мотивациях сотрудников. Женщины выбирают более осторожные стратегии, мужчины склонны при принятии решений к более высокой степени риска. Таким образом, вовлечение в сферу управления должно осуществляться с учетом профессиональных и личностных качеств и способностей.

3. Изменяющиеся семейные ценности в изменяющемся мире. В настоящее время наблюдается яркая динамика трансформации семьи, на что наибольшее влияние оказывает активное включение женщин во все сферы общественной жизни, что отражается: в снижении деторождения; значительном внимании к проведению досуга вне дома; изменение традиционных представлений об идеалах мужественности и женственности; неуверенность в долгосрочности брачных отношений; карьерные устремления и профессиональная самореализация; личностная независимость. С одной стороны, несомненно, расширение прав и свобод во всех сферах жизни, изменение гендерного репертуара поведения для мужчин и женщин, а с другой – «отколотовость» от семьи и семейных ценностей, одиночество, неспособность создать и поддерживать длительные отношения,

откладывание создания семьи и рождение детей на неопределенный срок.

Институт семьи, как социальное явление, – самый чувствительный индикатор духовного и социального здоровья любого общества, в семье как в маленьком зеркале отражены все достижения и проблемы современности. Современные динамические условия социума, делают семью нестабильной, а ориентация на социальный успех «превращают семейную жизнь в технологический комплекс: технологии счастья, технологии взаимоотношений, технологии общения, технологии воспитания ...» [14, С. 25] В связи с этим актуальным является изучение представлений мужчин и женщин о ценностной значимости создания семьи и родительства, о социально-психологических аспектах отношений в семье, основанных на современной гендерной практике, основным следствием которой является сближение мужских и женских ролей и статусных позиций, как в общественной, так и семейной жизни.

«Семья», «брак», «рождение и воспитание детей», «вовлеченное родительство» – все больше становятся локальными ценностями, современного модернизированного мира. Прежде – престижное образование, социально-профессиональная реализация, финансовое закрепление, общественное признание, и только за тем брачный союз, создание семьи. В России брачный возраст (зарегистрированный брак) для мужчин – тридцать лет и старше, у девушек несколько ниже, и в основном связан с получением образования и вхождением в профессиональный мир. В развитых зарубежных странах тенденции вступления в брак, у женщин – после тридцати, у мужчин –

к сорока. Создание семьи, это признак социально зрелой личности, у которой прошли «шторма юности» и «нестабильность молодости», больше возможностей посвятить себя именно семье и детям, но именно в развитых странах зафиксирован переход к формам малодетности или бездетности.

Выделение супружества как структурной единицы произошло в историческом аспекте семейно-брачных отношений сравнительно недавно. Супружество, следует рассматривать, прежде всего, как личностное, а не функциональное взаимодействие мужа и жены, регулируемое морально-нравственными принципами и поддерживаемое присущими ему ценностями. Как элемент структуры личности, ценностные ориентации на супружество представляют собой единство мыслей, чувств, практического поведения (выбор партнера, создание семьи, рождение детей). С течением времени у супругов появляется потребность иметь детей, стремление быть родителями, что отражается в личной ценности родительства.

«Родительство» реализуется через персонифицированное «материнство» и «отцовство», модели которых в истории общества эволюционируют и вплетены в социокультурную реальность бытия. В прогрессивных кругах общества успешное родительство рассматривается, как значимая часть самореализации личности, и согласуется с другими личностные характеристики, такими, как ответственность, заботливость, альтруистичность. Современные женщины – это активно действующие субъекты социальной жизни, далеко выходящие за условные границы семьи. В наши дни ма-

теринство равноценно другим значимым ценностям самоактуализации женщины [13]. Изменения в существовании самой семь, как социальной единицы общества (структура, длительность, ценностные приоритеты), способствовали более реалистичному восприятию женщинами семейных отношений.

Отцовству, до недавнего времени, в психологических трудах не уделялось практически никакого внимания. Отцовство имеет социально и культурно обусловленный характер. Проблемы отцовства в современном обществе, личностное развитие мужчины, процесс принятия новой социальной роли «отца», формирование смысла родительства, и ценности ребенка, интенсивно стали изучаться только в начале XXI века, в том числе как личностный компонент в структуре гендерной идентичности, а также роль отца в дифференциации гендерной идентичности ребенка [2]. В настоящее время готовность к отцовству рассматривается как интегральная характеристика, суммирующая обретение социальной зрелости и компетентности, обусловленной физиологическими, экономическими, социальными, психологическими факторами, а также как значимый аспект самоактуализации. В исследованиях также уделяется внимание проблемам и трудностям формирования позитивного и ответственного отцовства: «сверхвовлеченность» в работу, «потребительство» по отношению к членам семьи, отказ от экзистенциальных переживаний ценности семьи, родительства и ребенка [10].

Таким образом, можно констатировать, что за последние два десятилетия в России наблюдается расширение гендерного репертуара поведения, большее

проникновение, вовлеченность в значимые сферы жизни (профессия, карьера, семья) как для мужчин, так и для женщин. Произошла трансформация социальных стереотипов относительно участия женщин в управлении и политике. Указанные факторы служат дополнительным доказательством высокого управленческого потенциала, которым обладают женщины и который может открыть для России новые возможности экономического развития. Вопросы гармонизации ценностных аспектов мировоззрения личности, ее вовлеченность в социальную динамику, проблемы самоэффективности, при реализации общественных и собственных жизненных замыслах становятся ключевыми и для мужчин, и для женщин [11]. Формируется новое поколение, которые стремятся к созданию гармонизации между динамичной включенностью в профессиональную сферу и полноценной семейной жизнью, созданию своего уникального образа жизни.

Литература

1. Акбиева З.С., Терновская О.П., Шнейдер Л.Б. Психология карьеры и профессионально-ролевантное поведение специалиста. – М.: МПСИ, 2008.—328с.
2. Архиреева, Т.В. Личностные детерминанты отношений отца к ребенку // Вопросы психологии.— 2012.— № 5. – С. 52–61.
3. Бендас Т.В. Психология лидерства. – СПб.: Питер, 2009.— 448 с.
4. Борисенко, Ю.В. Родительство в контексте личностной зрелости // Семейная психология и семейная терапия.— 2008.— 34. – С. 41–59
5. Журавлева, Н. А. Ценностные ориентации личности в изменяющемся российском обществе // Психологический журнал. 2012 –Т.33.—№ 1. – С. 30–39.

6. Карпов А. В. Сущность управленческой деятельности // психология менеджмента: Учебное пособие. М.: Гардарики, 1999. С. 240–246.
7. Мошкина Л. Д. Психология политического лидерства // Вестник ЮУрГУ, Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – № 1, 2013. – С. 131–133.
8. Прекрасная половина российской политики // Общественно-политический журнал федерального собрания парламента РФ. 2013. – № 4. <http://www.russia-today.ru/article.php?i=115> (дата обращения 16.03.2016)
9. Резник С. Д., Макарова С. Н. Гендерный менеджмент: женщины в управлении. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 416с.
10. Савенышева С. С. Отношение к отцовству у мужчин на разных этапах родительства // Вестник СПбГУ Сер. 12. – 2012. № 3. – С. 91.– 102.
11. Чудновский, В. Э. Смысл жизни: некоторые итоги и перспективы исследования // Психологический журнал 2015. – Т. 36. – 31. – С. 5–19.
12. Шнейдер, Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. – М.: МПСИ, 2007. – 128с.
13. Щукина, Е. Г. Голдобина, Т. А. Материнство и профессия в самореализации женщины // Мир психологии. – 2005. – № 3. – С. 114–120.
14. Яценко, Е. Ф., Яценко, Э. В. Особенности смысложизненных ориентаций студентов с разным уровнем самоактуализации на завершающем этапе обучения вузе // Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология. – 2012. – № 31. – С. 25–34.
15. Shchelokova E. G. Career orientations of students and lecturers: Preliminary survey International journal of experimental education. – 2014. – № 2. – P. 26–28.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ БОЛЬНЫХ С ОНКОУРОЛОГИЧЕСКИМ ДИАГНОЗОМ

Иванов Е. А., Турчин А. С. (Санкт-Петербург)

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования психологических особенностей поведения пациентов онкобольниц. Анализируется взаимосвязь протекания болезни и процесса излечения больных с онкоурологическим диагнозом в зависимости от характера взаимодействия с ближайшим окружением (семья, референтные группы, медицинский персонал). Сделан вывод о целесообразности организации специальной подготовки психологов к работе с выше перечисленными категориями лиц, влияющих на психологическое состояние онкобольных.

Ключевые слова: тревожность, невротизация, защита личности, настроение, коммуникативные ориентации.

Abstract: the article presents the results of empirical research of psychological features of behavior of patients anabolic. The interrelation of illness and healing process of patients with urologic cancer diagnosis depending on the nature of the interaction with the nearest environment (family, reference groups, medical personnel). The conclusion about expediency of organization of special training of psychologists to work with the above listed categories of persons, influencing the psychological state of cancer patients.

Keywords: anxiety, neuroticism, personality, mood, communicative orientation.

Наличие в семье больного существенным образом влияет на поведение и личное самочувствие каждого члена семьи. В особенности важно изменение системы коммуникации, когда выясняется, что существует реальная угроза жизни человека, и никакие меры не могут ему заменить духовную поддержку, которую дает только семья. Состояние тревожности – это обычная и нормальная реакция на новую или стрессовую ситуацию. Ее испытывал каждый человек в обычной жизни. Психологическое состояние человека, узнавшего о том, что у него есть симптомы онкологического заболевания, характеризуется особенно высоким уровнем тревоги. В тех случаях, когда диагноз от больного скрывают, это состояние может доходить до уровня выраженного невроза.

В медицинской литературе отмечается, что у больных с онкоурологическим диагнозом наблюдаются выраженные психические изменения, связанные со страхом смерти, растет конфликтность [1;3;4;5]. Основной жизненной целью становится здоровье, понимаемое как отсутствие онкосимптоматики. При этом прочие соматические заболевания отходят на второй план и (или) игнорируются. Такие пациенты зачастую недооценивают серьезность своего состояния, отрицают существующие межличностные конфликты и трудности в межличностном общении. Изменения их психологического здоровья больные связывают с опасной болезнью. Для такой категории больных групповая психотерапия является сколь необходимой, столь и малоэффективной, поскольку они не осознают

связь проблем здоровья с особенностями своей личности.

Больные с онкоурологическим диагнозом становятся трудными в общении, особенно для членов своей семьи. Они легко вспыхивают по незначительному поводу, не терпят возражений, обижаются и плачут по пустякам, винят своих близких в том, что те не понимают их состояния и недостаточно внимательны к ним. В результате страдает не только больной, но и его окружение и, прежде всего, семья. Конфликты в семье усугубляют протекание болезни самого больного и, кроме того, отрицательно сказываются на воспитании подрастающего поколения, конфликтность которого увеличивается.

Выборка эмпирического исследования, выполненном нами в Ивановском регионе, состояла именно из больных с онкоурологическим диагнозом. Диагностические методики использованы в вариантах, представленных в книге Н.П. Фетискина и др. [6]. Математико-статистическая обработка производилась с помощью программы SPSS-13. Психологическое исследование онкологических больных мы начали с определения уровня личностной тревожности, так как это свойство во многом обуславливает поведение субъекта. Определенный уровень тревожности – естественная и обязательная особенность активной, деятельной личности. Результаты исследования первой группы испытуемых представлены в табл. 1.1 и на рис. 1.1, второй – в табл. 1.2. и на рис. 1.2

Исследование по методике «Шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.А. Ханина» показало, что большая часть пациентов

из первой группы имеют высокую личностную тревожность (68%). Она активизируется, когда больные воспринимают определенные стимулы, расцениваемые как опасные, связанные со специфическими ситуациями угрозы их самооценке, самоуважению. 28% пациентов имеют умеренную тревожность и лишь 4% (1 человек) обладает низкой тревожностью. У пациентов из второй группы личностная тревожность значительно ниже по сравнению с первой группой (10%). Можно предположить, что больные стали менее восприимчивы к определенным ситуациям, воспринимаемым как опасные, связанные с угрозами их самооценке, самоуважению. Наибольшее число пациентов (56%) имеют умеренную тревожность и 34% обладают низкой тревожностью.

Ситуативная, или реактивная, тревожность как состояние характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью. По результатам исследования в первой группе высокая степень реактивной тревожности проявляется у 32% больных. Большая часть пациентов с онкоурологическим диагнозом имеют умеренную реактивную тревожность (64%). В исследуемой выборке 1 пациент обладает низким уровнем реактивной и личностной тревожности. Его можно отнести к категории безразличных больных, которые стараются не думать о своей болезни и избегают встреч с врачом. Страх болезни у таких пациентов подавляется при помощи механизмов психологической защиты в виде отрицания или вытеснения. Во второй группе высокая степень реактивной тревожности проявляется у 16% больных. Умеренную

реактивную тревожность имеют 28% пациентов и 56% обладают низким уровнем реактивной тревожности. Можно сказать, что больные не так остро воспринимают свою болезнь, так как смиряются с такой жизненной ситуацией.

Личности, относимые к категории высокотревожных, склонны воспринимать угрозу своей жизнедеятельности

в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма выраженным состоянием тревожности. Зачастую тревожность онкологических больных достигает степени выраженной депрессии, утрачивается ощущение полноты жизни, внимание становится все более приковано к своему телу, собственным ощущениям.

Таблица 1.1. Результаты личностной и реактивной тревожности у больных первой группы

	Личностная тревожность		Реактивная тревожность	
	Человек	%	Человек	%
Низкая тревожность	1	4	1	4
Умеренная тревожность	7	28	16	64
Высокая тревожность	17	68	8	32

Таблица 1.2. Результаты личностной и реактивной тревожности у больных второй группы

	Личностная тревожность		Реактивная тревожность	
	Человек	%	Человек	%
Низкая тревожность	10	34	17	56
Умеренная тревожность	17	56	8	28
Высокая тревожность	3	10	5	16

Несомненно, поведение врача в отношении пациентов с различным появлением тревожности должно быть дифференцированным.

Взаимоотношения пациентов с родными нередко являются причиной повышенной тревожности. Часто излишней внимательностью и жалостливостью ухудшают психическое состояние больного и укрепляют его уверенность в неизбежном роковом уходе [2].

Результаты изучения психологических особенностей и функциональных состояний больных представлены ниже.

Так, при исследовании самооценки больных с помощью теста вербаль-

ной диагностики самооценки личности, в первой группе низкая самооценка была выявлена у 40% из них (10 человек), средняя – у 56%, а высокая – у 4%. Среднее значение данного показателя по выборке 41, 56, что соответствует среднему уровню самооценки. При исследовании самооценки больных второй группы, находящихся на лечении в онкологическом диспансере повторно, низкая самооценка выявлена у 20% из них, средняя – у 50%, а высокая – у 30%. Среднее значение данного показателя по выборке 24,1, что соответствует более высокому уровню самооценки. По сравнению с предыдущими показателями, уровень самооценки

возрос, что, несомненно, влияет на течение болезни и взаимоотношения с окружающими. Медицинские работники отмечают, что люди с низкой самооценкой, неуверенные в себе, хуже поддаются лечению, информацию врача воспринимают критически, нуждаются в большей поддержке родных и друзей. Наоборот, пациенты с завышенной самооценкой склонны идеализировать собственную личность, приукрашивать свои поступки.

Таблица 2.1. Средние значения самооценки, самочувствия, активности и настроения больных первой группы

	Самооценка	САН		
		самочувствие	активность	настроение
Среднее значение	41,56	2,64	2,68	3,28

Таблица 2.2. Средние значения самооценки, самочувствия, активности и настроения больных второй группы

	Самооценка	САН		
		самочувствие	активность	настроение
Среднее значение	24,1	2,79	2,76	3,39

Изучение самочувствия, активности и настроения пациентов показало, что данные функциональные состояния у больных имеют достаточно низкие значения. Особенно низкие показатели наблюдаются у тех из них, кто не видит перспективы своей дальнейшей жизни, продолжения привычной работы, так как вынуждены перейти на инвалидность. Они особенно нуждаются в проведении психотерапевтических бесед, помогающих преодолеть период плохого самочувствия и чрезмерной тревожности и страха. Показатели данных функциональных состояний у больных второй группы воз-

Поэтому данная категория также нуждается в психологической помощи и коррекции.

С помощью методики САН «Самочувствие – активность – настроение» мы исследовали самочувствие, активность и настроение пациентов с онкоурологическим диагнозом. Результаты средних значений первой группы приведены в таблице 2.1, второй – в таблице 2.2.

росли, но все равно находятся на достаточно низком уровне значения.

Для изучения взаимодействия больных с окружением мы изучили их коммуникативные ориентации с помощью методики «Диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях (И. Д. Ладанов, В. А. Уразаева)»

Онкобольные и первой и второй групп в основном имеют средний уровень коммуникативных ориентаций. Данные приведены в приложениях 1 и 2 соответственно, а средние значения показателей представлены в таблицах 3.1 и 3.2.

Таблица 3.1. Средние значения коммуникативных ориентаций больных первой группы

	Ориентация на принятие партнера	Ориентация на адекватность восприятия и понимание партнера	Ориентация на достижение компромисса	Абсолютная гармоничность коммуникативных ориентаций
Средние значения	12,44	12,08	11,80	36,32

Таблица 3.2. Средние значения коммуникативных ориентаций больных второй группы

	Ориентация на принятие партнера	Ориентация на адекватность восприятия и понимание партнера	Ориентация на достижение компромисса	Абсолютная гармоничность коммуникативных ориентаций
Средние значения	12,83	12,26	10,1	37,5

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что основная часть пациентов не замыкается в себе, открыта к общению, как с родными, так и с персоналом клиники. Как видно из таблиц 3.1 и 3.2, у больных наиболее выражена ориентация на достижение компромисса.

Травмирование психики онкологических больных начинается с поликлиники, когда врач рекомендует оперативное лечение, и продолжается в стационаре при непосредственном назначении операции, подготовке к ней и пр. Поэтому очень важно чуткое общение, внимательное отношение к больному со стороны лечащего врача и обслуживающего персонала. Авторитет врача способствует установлению близкого контакта с больным.

Психолог и лечащий врач должны устанавливать контакт не только с пациентом, но и с его родственниками. С первых встреч с пациентом врач должен внимательно относиться к его психическому состоянию, изучать личностные особенности, его ближайшее окружение, характер взаимоотношений с близкими, чтобы в дальнейшем в процессе обследования

и лечения через них психотерапевтически воздействовать на больного.

Важно проследить, чтобы во время беседы с больным и в документах, доступных просмотру больного (направления, анализы и др.), не встречались такие пугающие его слова, как рак, саркома, злокачественная опухоль и др.

Недопустимо в присутствии больного делать замечания персоналу о неправильном выполнении назначений лечащего врача. Это формирует не только недоверие к персоналу, но и провоцирует манипулятивные поведенческие реакции по типу трехлетних детей («А я маме пожалуюсь!»). При умело и этично спланированном диалоге врач укрепляет свой авторитет и больной доверяет ему свое здоровье сознательно.

Следует помнить, что практически каждый больной считает свою болезнь исключительной, не похожей на болезнь других. Опровергать такое мнение непродуктивно, поскольку у больного могут появиться дополнительные страхи и подозрение, что врач не хочет им заниматься, а общие (обобщенные) рекомендации

воспринимает как обиду. Учитывая это, врач всегда обязан найти объяснение тем или иным изменениям в его состоянии, не прибегая к обману, поскольку не способен удержать в памяти все предыдущие объяснения, и в последующих беседах обман может выявиться, что тоже посеет у больного сомнения и подозрения в том, что правда еще более страшна. Излишняя суэта вокруг пациента, привычка некоторых врачей и сестер шептаться в его присутствии создают излишнее напряжение, заставляют вслушиваться в слова окружающих, которые он иногда понимает превратно. В результате у больного появляется дополнительная тревога и худшие опасения в отношении своего состояния.

Наглядно результаты исследования уровней коммуникативных ориентаций представлены на рис. 2.1 по первой группе и на рис. 2.2 по второй группе.

Для определения зависимости между параметрами психологических особенностей и функциональных состояний больных в нашем исследовании эти показатели сопоставлялись с данными о возрасте и тревожности пациентов.

В первой группе мы выявили, что показатель возраста имеет связь ($p \leq 0,01$) с реактивной тревожностью ($r = 0,532$) и личностной тревожностью ($p \leq 0,05$) ($r = 0,400$). Во второй группе возраст коррелирует с реактивной тревожностью ($p \leq 0,01$) ($r = 0,480$). С возрастом растет тревожность пациентов, они становятся более мнительными, раздражительными, неуравновешенными, поэтому психологу в работе с данной категорией онкобольных следует учитывать данные возрастные особенности. Тревожных мнительных пациентов, необходимо успокоить, объяснить им, что заболевание требует

более детального обследования с целью предупреждения дальнейшего неблагоприятного развития.

Кроме того, в первой группе, данные реактивной тревожности коррелируют ($p \leq 0,05$) с показателями личностной тревожности ($r = 0,488$) и с ориентацией на достижение компромисса ($p \leq 0,01$) ($r = 0,519$), а во второй группе реактивная тревожность коррелирует ($p \leq 0,01$) с личностной тревожностью ($r = 0,481$) и с ориентацией на достижение компромисса ($p \leq 0,05$) ($r = 0,445$). Болезнь активизирует не только реактивную тревожность, как проявление напряжения, а иногда и фрустрации, но и оказывает широкое влияние на поведение личности. У пациента появляется отрицательный эмоциональный фон, пессимистичное отношение к жизни, возрастает беспокойство за жизнь и здоровье. Таким образом, тревожность становится свойством личности, ее устойчивой характеристикой.

В тоже время тревожным больным свойственна коммуникативная ориентация на достижение компромисса. Они не склонны вступать в конфликты или доминировать в общении, но, как правило, прислушиваются к мнению родных и советам врачей, пытаются совместно найти оптимальные способы лечения.

В первой группе корреляционная зависимость ($p \leq 0,05$) выявлена также между самочувствием и активностью ($r = 0,490$). Вполне закономерно, что с улучшением самочувствия пациенты проявляют большую активность в своей деятельности, повышается их оптимизм.

В первой группе ориентация на принятие партнера коррелирует с ориентацией на адекватность восприятия и понимание партнера ($p \leq 0,01$) ($r = 0,545$),

с ориентацией на достижение компромисса ($p \leq 0,05$) ($r = 0,491$) и абсолютной гармоничностью коммуникативных ориентаций ($p \leq 0,01$) ($r = 0,843$). Во второй группе ориентация на принятие партнера коррелирует с ориентацией на адекватность восприятия и понимание партнера ($p \leq 0,05$) и ($r = 0,453$), с ориентацией на достижение компромисса ($p \leq 0,01$) ($r = 0,560$) и абсолютной гармоничностью коммуникативных ориентаций ($p \leq 0,01$) и ($r = 0,606$). Кроме того, в первой группе абсолютная гармоничность коммуникативных ориентаций коррелирует с ориентацией на достижение компромисса ($p \leq 0,01$) ($r = 0,612$), а также с ориентацией на адекватность восприятия и понимание партнера ($p \leq 0,01$) ($r = 0,704$), во второй группе абсолютная гармоничность коммуникативных ориентаций коррелирует с ориентацией на достижение компромисса ($p \leq 0,01$) ($r = 0,798$) и с ориентацией на адекватность восприятия и понимание партнера ($p \leq 0,01$) ($r = 0,776$). Следовательно, пациенты адекватно воспринимают своих партнеров по общению, доброжелательно разговаривают с ними на равных, внимательно относятся к их суждениям и рекомендациям, живо откликаются на события. В процессе обследования и лечения врачу и психологу необходимо учитывать эти особенности больного, внимательно подбирать способы передачи информации, чтобы не нанести психическую травму пациенту. Они должны тактично, с чувством меры, убедить больного пройти соответствующее лечение или обследование.

Анализ полученных данных позволил определить стратегию работы с больными с онкоурологическими диагнозами.

В работе с данной категорией больных необходимо дифференцированно подходить к лечению пациентов разного возраста, учитывать возрастающую тревожность пожилых людей, их мнительность. Открытость онкобольных к общению предполагает толерантность и особую внимательность в беседах со стороны медицинского персонала и родственников с целью предотвращения психических травм.

Анализ полученных эмпирических данных и их интерпретация с учетом специфики теоретического материала показывает наличие существенного влияния ближайшего окружения на процесс протекания оздоровления больных с онкоурологической симптоматикой. По нашему мнению, хотя это и не входило в предмет нашего исследования, корректнее было бы говорить о психологической адаптации онкобольных к своему статусу. Эмпирическое исследование психологических особенностей больных с онкоурологическим диагнозом, находящихся в различных условиях (в нашем случае, 1 группа – это больные, впервые поступившие в стационар, и 2 группа – больные, находящиеся на повторном лечении), показало, что их поведение характеризуется определенной динамикой, на которую существенно влияет позиция родственников и тех людей, которых больной зачисляет в разряд своих друзей (соседи по палате). Это определяет применение принципа личностного подхода к каждому онкобольному, как наиболее результативного.

В случае если ближайшие родственники не меняют свою поведенческую модель в соответствии с принципами врачебной этики и советами психолога,

возможно ухудшение психологического самочувствия больного. Это провоцирует два типа поведенческих реакций: 1) «уход в болезнь» – замыкание на ее симптоматике и «подписание приговора» самому себе с дистанцированием от занятых жизнью с ее проблемами; 2) поиск «псевдосемьи», т.е. группы выздоравливающих (чаще всего, из числа повторно обследуемых), которые создают позитивный эмоциональный фон («мы пережили, и ты переживешь; главное – слушайся врачей и верь в выздоровление»). В последнем случае многие принципиальные поведенческие установки, сформировавшиеся в родительской семье, пересматриваются, и выздоравливающий становится, по мнению, родственников «другим человеком». Их такие перемены во взглядах и поведении могут вовсе не радовать, так как он начинает судить о людях не формально (как о нем причитали, когда навещали), а на основе реальной психологической позиции (конструктивной, ханжеской, безразличной, агрессивно-выжидательной). Последнее открывает перспективу для включения в штат онкобольниц психологов, способных организовывать работу с семьей

больного. В качестве актуальной задачи, корректнее было бы говорить о психологической адаптации онкобольных к своему статусу.

Литература:

1. Герасименко В. Н. Вопросы деонтологии в восстановительном лечении онкологических больных. / В. Н. Герасименко, Ю. В. Артюшенко, А. Ш. Тхостов. – // Вопросы онкологии. 1982. Т. XXVIII. № 5. С. 48–52.
2. Реабилитация онкологического больного / Под ред. Н. П. Напалкова. – Л.: Ленинприздат, 1979. – С. 62–63, 72–73.
3. Руководство по профилактической медицине. Рекомендации по психической помощи онкобольным / Пер. с англ. И. В. Левандовского. – М.: Медицина, 1995. – С. 49–55.
4. Тхостов А. Ш. Интрацепция в структуре внутренней картины болезни. / А. Ш. Тхостов. // Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1991. 36 с.
5. Урванцев Л. П. Психология соматического больного. Ярославль, 2000. – 236 с.
6. Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М.: Изд-во Института Психотерапии. 2002. – 490 с.

ЕДИНАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ АГРЕССИИ И АУТОАГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Карпов А. М. Герасимова В. В. (Казань)

Аннотация: В статье приведена единая стратегия и алгоритм преодоления азогнозии аутоагрессии современного общества. Раскрыты соответствующие условия и техники работы.

Ключевые слова: аутоагрессия, азогнозия, биопсихосоциальная модель человека и общества, современное общество.

Abstract. Single strategy and algorithm of overcoming of azognozii self-aggression of modern society is resulted in the article. The proper terms and techniques of work are exposed.

Keywords: self-aggression, azognoziya, biopsikhosocial'naya model of man and societies, modern society.

Аутоагрессия является самым опасным, сложным и не понимаемым вызовом современной эпохи. В настоящее время она стала основной причиной смертности наших соотечественников, из числа которых курят – 40–50%, злоупотребляют алкоголем – 15–20%, наркотируют – 5–10%, передают – 10–15%, голодают до степени анорексии и дистрофии 1–2%, не соблюдают правил безопасности на дорогах, на производстве, в быту, на отдыхе... и в результате этого погибают миллионы людей. Большинство людей не осознают, что бездумное игнорирование опасностей для собственной жизни без какой-либо необходимости, является аутоагрессией. Разорванность между поступками, их смыслами и результатами стала привычной и социально приемлемой.

Массовой устремленности к саморазрушению не должно быть в цивилизованном обществе, в котором граждане сами выбирают цели и стратегии своей жизни. Противоречие между целями – жить, быть здоровыми, образованными, востребованными, успешными, конкурентоспо-

собными, интегрированными в мировую экономику, и неадекватными способами достижения этих целей необходимо осознать и устранить.

Первоочередной задачей противодействия аутоагрессии является преодоление анозогнозии к ней и смена деструктивных стратегий адаптации к условиям жизни на позитивные, конструктивные, способствующие успеху.

Азогнозия (от греч. а – отриц. част., nosos – болезнь и gnosis – знание), отсутствие знания о собственной болезни при общей хорошей ориентации, с отказом от лечения. Причинами анозогнозии могут быть органические поражения мозга, эндогенные и психогенные расстройства. В патогенезе анозогнозии при деменциях обнаруживается поражение фронтальных (лобных) долей мозга. У здоровых людей анозогнозия может быть механизмом психологической защиты, например, для сохранения высокой самооценки и устранения чувства вины. Анозогнозия алкогольной зависимости является причиной отказа больных от лечения, основным

препятствием для оказания им медицинской и психологической помощи.

Известный психотерапевт-нарколог С. Н. Зайцев в 2007 г. запатентовал психотерапевтический способ преодоления алкогольной анозогнозии [3]. Основные конструктивные элементы этого способа можно использовать как алгоритм для преодоления анозогнозии аутоагрессии. Приведем краткое изложение способа С. Н. Зайцева:

«С больным проводится беседа длительностью не менее трех часов одновременно за одно занятие. В начале беседы выявляют и отмечают не менее 20 прямых или косвенных признаков алкогольной зависимости и, взяв за основу выявленные признаки, разъясняют с высокой степенью подробности последовательность появления симптомов, их сочетаемость и взаимозависимость. Обращают внимание пациента на формы и варианты течения болезни с использованием наглядных образов и сравнений, которые позволяют пациенту выявить и оценить проявление симптомов зависимости и их клинические особенности именно у себя. При построении беседы используют психотерапевтические приемы и техники: “повторения” – отслеживают изменения каждого симптома до финальной стадии болезни; “дистанцирования” – разделяют болезненные проявления и здоровую часть личности; “конфронтации” – сталкивают пациента с самим собой с его проблемами; “хороший прогноз” – выражают убежденность в успехе с оговоркой условий, при которых он может быть достигнут. На заключительном этапе используют технику “деструктивной оппозиции”, в которой врач занимает позицию с установкой

на употребление алкоголя и намеренно противореча пациенту, при каждом его позитивном утверждении устанавливает кинестетические «якори»...

Алгоритм преодоления анозогнозии аутоагрессии можно представить как систему последовательных действий:

1. Осознание проблемы через повторение симптомов и их взаимосвязей.
2. Дистанцирование здоровой части личности от зависимой субличности.
3. Конфронтации между ними.
4. Усиление и развитие здоровой части личности.
5. Умения различать свои цели, задачи, способы их достижения от чужих, которыми навязчиво подменяют свои.
6. Формирование навыка осознанно защищаться от провокаций, противопоставлять им свою систему представлений и убеждений.
7. Превращение своих стратегических противников в единомышленников и союзников.

Обязательным условием реализации этого алгоритма является создание у зависимых мотиваций на восстановление со-знания (соединения знаний), связности, стройности и непрерывности мышления, как инструментов необходимых для восстановления ориентировки во времени, пространстве и собственной личности.

Воспользуемся этим алгоритмом для преодоления анозогнозии аутоагрессии.

1. Осознание проблемы через повторение симптомов и их взаимосвязей.

Среди причин смертности в России преобладают последствия курения, алкоголизации, наркотизации, которые относятся к вариантам аутоагрессии. Они вносят существенный вклад в смертность

от сердечно-сосудистых, легочных, инфекционных заболеваний (ВИЧ-инфекция, гепатит) вследствие игнорирования известных принципов здорового образа жизни; от дорожно-транспортных происшествий в результате нарушений правил движения на дорогах, от техногенных аварий и катастроф из-за несоблюдения техники безопасности. Агентство «Интерфакс» в 2015 г. процитировало главу Минздрава России В. Скворцову. «В России повышается смертность. Причем не за счет того, что население стареет. Повышается смертность у молодых людей – в возрасте от 30 до 45 лет. Впервые за последние годы увеличилось количество суицидов, алкогольных отравлений, не поставленных при жизни диагнозов пневмонии, у асоциальных групп населения...».

Авторитетнейшее лицо – министр здравоохранения России – назвала наиболее распространенные варианты аутоагрессии – основной причиной повышения смертности молодого, трудоспособного населения России.

2. Дистанцирование здоровой части личности от зависимой субличности.

Молодые, трудоспособные люди имеют большие биологические ресурсы, а также образование, профессию, семью, детей, много потребностей, интересов, возможностей, обязательств перед собой, семьей, коллективом, обществом, Богом... На этом этапе жизни происходит максимальная реализация биологического и личностного потенциала. Люди достигают успехов во всех сферах деятельности. Молодым, здоровым, трудоспособным жить интересно и приятно. Им нужно как можно дольше сохранить свое здоровье и трудоспособность. Это

наполняет и формирует здоровую часть личности. Смерть в молодом, трудоспособном возрасте крайне нежелательна для каждого человека, его близких и общества. Высокая смертность людей этой возрастной группы является противоестественной. Нужно сознательно и активно исключать все факторы риска здоровью и жизни, в том числе курение, алкоголизацию, наркотизацию, лихачество, легкомыслие и др.

3. Конфронтация между здоровой и зависимой субличностью.

Стремление к удовольствиям является основным мотивом алкоголизации, курения, наркотизации, азартных игр и других деструктивных, аутоагрессивных вариантов поведения. Для них нужно создать конфронтацию в личности человека. Надо напомнить, что существуют нормальные, здоровые, безопасные, полезные и бесплатные способы получения удовольствий, которые людям цивилизованным нужно знать и, руководствуясь разумным эгоизмом, предпочитать их саморазрушительным удовольствиям. Желание быть здоровым состоит в полной конфронтации с курением и алкоголизацией, которые относятся к вариантам аутоагрессии.

4. Усиление и развитие здоровой части личности

Здоровый человек хочет жить. Ему это приятно и интересно. Можно получать много радостей и удовольствий в результате адекватного удовлетворения биологических, социальных и духовных потребностей. Человек может меняться: развивать свою физическую силу, выносливость, добиваться красивого телосложения; усваивать новые знания и навыки, получать любимую профессию,

добиваться успехов в учебе, труде, творчестве, карьере, спорте, увлечениях, путешествиях; общаться с хорошими людьми, дружить, любить... Все это доступно и алгоритм управления своим развитием известен под термином саногенез [4]. Он убеждает в том, что человек может управлять развитием всех своих возможностей, свободен в выборе целей, в подборе нагрузок, может добиваться нужных результатов за счет собственных усилий, ни от кого не зависеть, за все отвечать самому. Люди, знающие алгоритмы и инструменты управления своими ресурсами и здоровьем, используют их в своей жизни и противопоставляют эти знания всем аутоагрессивным псевдо-удовольствиям.

5. Умение различать свои цели, задачи, способы их достижения от чужих, которыми навязчиво подменяют свои.

Напомним информационно-психологический алгоритм и технологии наших стратегических противников, описанные в известном всем плане А. Даллеса (1945 г.). «Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России». Из литературы и искусства, например, постепенно вытравим социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать, и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать

и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государства мы создадим хаос и неразбериху... И лишь немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем братья за людей с детских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это сделаем».

Напоминание этого текста эффективно для конфронтации своих лично-национальных и навязанных Западом интересов.

Еще З. Фрейд писал о том, что запрет на реализацию гетероагрессии против обидчиков может трансформироваться в аутоагрессию – алкоголизацию, наркотизацию, суициды. Эти варианты аутоагрессии типичны для наших соотечественников. Об этом писал И. А. Гундаров [2] в книге «Почему вымирают русские». В ней дано объяснение феномену самой высокой смертности мужчин в регионах вокруг Великого Новгорода, Пскова, Ярославля, Владимира, имеющих самые древние национальные корни. В исторической памяти русского народа мужчина был сильным, смелым и бескорыстным воином-защитником, богатырем, готовым все отдать за Родину. В мирное время это был самодостаточ-

ный хозяин, труженик, который все делал сам, и в холодном климате, затрачивая гораздо больше усилий, чем южане, производил все, что нужно его многолетней семье. Во время реформ социальная роль мужчин подверглась наибольшей деформации. Экономический и социальный статус мужчин резко опустили. Заниматься тем, что должно и нужно, им стало невозможно. Моральная ответственность за семью и Родину стала невыполнимой и невыносимой. От безысходности, от хронического стресса число самоубийств 20–29 летних мужчин выросло в 1,8 раза. Социально-экономическая политика стала выдавливать мужчин в сети алкогольного, табачного, игорного, сексуального и наркотического бизнеса. На эту аутоагрессию также распространяется анозогнозия.

Для того чтобы различать свои ценности, интересы, цели, планы от чужих, оценивать полезность результатов своих действий и корректировать их, нужно чтобы нормально работал головной мозг, чтобы восстановилась нормальная иерархия корковых и подкорковых функций, левого и правого полушарий.

Структура современной телевизионной продукции, рекламы, шоу-бизнеса, кино адресуется к лимбической системе и «отключает» префронтальную кору мозга.

Целью и результатом целенаправленных информационно-психологических воздействий является также разобщение лево- и правополушарных функций, ослабление левополушарных и усиление правополушарных. Для снижения рисков аутоагрессии нужно усиление левополушарных функций, интеграция и гармонизация функций обоих полушарий.

Для того чтобы различать свои цели, задачи, способы их достижения от чужих, которыми навязчиво подменяют свои, нужно восстановить нормальное функционирование мозга, обеспечить выполнение принципа «nonnocere» – «не вреди» в формате самозащиты от деструктивных информационно-психологических воздействий.

6. Формирование навыка осознанно защищаться от провокаций, противопоставлять им свою систему представлений и убеждений.

Аутоагрессия не самоцель. Чаще всего она является неосознаваемой стратегией избавления от физических или душевных страданий, «свободным», собственным выбором меньшего из зол. Для обретения навыков противодействия тяжелым испытаниям, актуализирующим психологическую защиту в форме аутоагрессии, нужна собственная, надежная система представлений и убеждений, позволяющая защищаться от деструктивных воздействий. Такая система самозащиты от саморазрушения на основе разумного эгоизма разработана нами в серии книг «Самозащита от... наркомании, ...от алкоголизации, ...от курения, ...от стресса, ...от саморазрушения», «Самозащита психического здоровья», «Здравствуйте, если хотите» и др.

Для самостоятельного определения полезности-вредности информационно-психологических воздействий нами предложен 3-х этапный алгоритм, основанный на биопсихосоциальной структуре человека, отражающей иерархию и масштаб его потребностей. 1 этап -экзистенциальный, определяющий приоритет одной из 3-х потребностей – биологической, социальной или духовной.

2 этап – социально-психологический, определяющий предлагающуюся стратегию поведения по классификации Хайма, 3 этап – психиатрический, квалифицирующий патогенетический механизм и клинический вариант психического или поведенческого расстройства, которое проиллюстрировано в телесюжете, песне, фильме, спектакле и др. [5]. Для овладения этой методикой достаточно одной лекции с презентацией. Наш многолетний практический опыт подтверждает полезность и целесообразность более широкого внедрения этой методики в образовательной сфере.

7. Превращение своих стратегических противников в единомышленников и союзников.

Понимание высокой распространенности аутоагрессии в России как национальной трагедии, угрозы безопасности страны [8], спланированной и осуществленной стратегическими противниками, но вытесненной из сознания нашими соотечественниками по механизму анозогнозии, определяет формат и масштаб проблемы как политической, международной и даже цивилизационной. Министр иностранных дел России С. В. Лавров (2010) определил наркоманию как угрозу цивилизации, а это всего лишь один вариант аутоагрессии.

Противодействие аутоагрессии нужно расширять за границы профессиональной деятельности психиатров, психотерапевтов, наркологов, психологов и педагогов. Для этого нужно привлекать внимание к этой проблеме лиц обладающих административными, информационными, финансовыми ресурсами,

принимающих ответственные решения, помогать им преодолеть анозогнозию угрозы цивилизации, по сравнению с которой борьба за собственное материально-социальное благополучие теряет смысл.

Литература

1. Базарный В. Ф. «Почему наши дети не хотят жить?». «Знание-власть» 2012 г. Концептуальное приложение к № 560.
2. Гундаров И. А. Демографическая катастрофа в России: причины и пути преодоления / Почему умирают русские/ И. А. Гундаров. – М.: Эксмо, 2004. – с 109–112.
3. Зайцев С. Н., Патент на изобретение № 2218946 «Способ преодоления алкогольной анозогнозии».
4. Карпов А. М. Здравствуйте, если хотите /А.М.Карпов. – Казань, 2008.– 224 с.
5. Карпов А. М., Семенихин Д. Г., Башмакова О. В., Герасимова В. В. Биопсихосоциальный алгоритм определения деструктивности информационно-психологических воздействий. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психическое здоровье населения как основа национальной безопасности России» (Под редакцией проф. Н. Г. Незнанова, проф. К. К. Яхина, – СПб.—2012. С. 63–64.
6. Малинецкий Г. Газета «ЗНАНИЕ-ВЛАСТЬ» (№ 461, октябрь 2009 г.)
7. Незнанов Н. Г., Акименко М. А., Коцюбинский А. П. Школа В. М. Бехтерева: от психоневрологии к биопсихосоциальной парадигме/ Н. Г. Незнанов, М. А. Акименко, А. П. Коцюбинский. – СПб: ВВМ, 2007.– 248 с.
8. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N683

ЭМПАТИЯ КАК МЕХАНИЗМ ВНУШАЕМОСТИ В БОЛЬШОЙ ГРУППЕ

Козлов В. В. (Ярославль), Гордеев М. Н., Власов Н. А. (Москва)

Аннотация: в статье представлен анализ такого механизма внушаемости в большой группе как эмпатия. Авторами приводятся краткая история изучения данного термина, достаточно подробно описываются физиологические основы указанного феномена, его виды, формы и уровни. Завершающая часть статьи посвящена клиническим аспектам нарушений, при которых наблюдается дезадаптивное изменение эмпатии.

Ключевые слова: внушаемость, эмпатия, культура, социум, социальная психология, интегративная психология.

Abstract: in the article presents the analysis of the mechanism of suggestibility in a large group as empathy. The authors provide a brief history of the study of this term, describe in sufficient detail the physiological basis of the phenomenon, its types, forms and levels. The final part of the article devoted to the clinical aspects of disorders in which there is a non-adaptive changes of empathy.

Keywords: suggestibility, empathy, culture, society, social psychology, integrative psychology.

Актуальность. Современное общество в последнее время все чаще оказывается перед вызовами, которые ему бросает само время. Одна из черт нашего времени – это терроризм, который уже успел стать наднациональной проблемой. Недавние атаки боевиков во Франции, теракты на Северном Кавказе и чудовищные преступления против отдельных лиц и человечества в целом, которые совершают сторонники ИГИЛ, вновь ставят перед психологией, социологией и политологией вопрос – как могло такое случиться? Как это стало возможным в информационную эру, эпоху, когда, казалось бы, разум восторжествовал над фанатизмом тьмой невежества?

Ответ на этот вопрос находится на поверхности. Как и в Средние века, так и в XXI столетии, в основе самых страшных поступков отдельных лиц и целых народов лежит феномен внушаемости – способности человека некритично вос-

принимать информацию, исходящую извне [1, с. 15]. Внушаемому человеку легко вбить в голову любую, даже самую ужасную идею. В различных работах мы описываем основные механизмы данного феномена в большой группе – конформизм, психическое заражение, делегирование ответственности, ролевое взаимодействие. В данной статье речь пойдет об эмпатии.

Определение. Эмпатия – это способность к постижению эмоционального состояния, проникновение в чувствование в переживания другого человека [2, с. 485]. Надо отметить, что зачастую под данным термином ошибочно понимается сопереживание конкретным эмоциям (печаль, радость и т.д.), в то время как границы этого феномена шире – они охватывают любые эмоциональные состояния.

В психологии считается, что способность человека к эмпатии является нор-

мой, т.к. она в значительной степени способствует его социализации. В данной работе мы рассмотрим отклонения от этой нормы на примере алекситимии, проявляющейся как в виде крайнего варианта нормы (шизоидная и истероидная акцентуации характера), так и в виде явной патологии (психопатия).

Происхождение и развитие термина. Первым термин «эмпатия» на немецком языке использовал философ Т. Липпс в 1885 году. Развивая теорию «психологической эстетики», он предположил, что эмпатия – это особый психический акт, заключающийся в проецировании своего эмоционального состояния на воспринимаемый объект; это явление лежит в основе искусства, т.к. любое произведение – музыкальное, художественное, литературное – есть ничто иное, как вынесенное вовне авторское переживание. Позже данный термин был переведен на английский язык англо-американским психологом Э. Титченером [3, с. 11].

Значительный интерес к указанному понятию проявила психотерапия. Уже в 1905 году З. Фрейд писал: «Мы учимся психическое состояние пациента, ставим себя в это состояние и стараемся понять его, сравнивая его со своим собственным» [4, с. 163]. Но ортодоксальный психоанализ, как и когнитивно-поведенческое направление в психотерапии, характеризуются некоторой отстранённостью специалиста от клиента, что объясняется не только нежеланием усиливать трансфер, но личностными особенностями приверженцев данных модальностей. В более поздних направлениях психоанализа, например, в рамках теории объектных отношений М. Кляйн, постулируется уже более те-

плые, эмпатичные отношения в диаде терапевт-клиент. В 1970-х годах в среде британских аналитиков была разработана модель ограниченного перевоспитания, в которой, вопреки желанию З. Фрейда, перенос целенаправленно усиливается за счет эмпатии.

Наибольший вклад в терапевтическое изучение эмпатии внесли представители экзистенциально-гуманистического направления в психотерапии – А. Маслоу, В. Франкл, К. Роджерс и другие. Последний дает следующее определение эмпатии: «Быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения «как будто». Так, ощущаешь радость или боль другого, как он их ощущает, и воспринимаешь их причины, как он их воспринимает. Но обязательно должен оставаться оттенок «как будто»: как будто это я радуюсь или огорчаюсь» [5, с. 2]. Именно в рамках данного направления было сформулировано такое понятие как эмпатическое слушание – особый способ ведения беседы, при котором происходит активное «вчувствование» терапевта в состояние клиента за счет специальных приемов – пауз, пересказа, уточнения, повторов и др.

Физиологические основы эмпатии. Несмотря на желание ряда психологов объяснить многие феномены психики с позиций идеализма, отечественная психология формировалась в русле материализма [6, с. 339], поэтому рассмотрение явления эмпатии невозможно без рассмотрения ее органических основ. Благодаря мощному скачку в области диагностики систем головного мозга за последние

30 лет ученые смогли получить данные, которые были недоступны для советских нейропсихологов с их довольно технически ограниченным инструментарием. Это позволило совершить ряд важных открытий, проливающих свет на природу эмпатии.

На сегодняшний день является очевидным, что указанный феномен включает в себя ряд кортикальных и подкорковых механизмов, к которым можно отнести эмоциональный резонанс, зеркальные процессы, ощущение эмоциональной привязанности, самоидентификация, понимание мыслительного процесса и принятие перспективы. Нейросканирование мозга при помощи магнитно-резонансной (МРТ) и позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ) в различных исследованиях позволили выявить корреляции между эмпатией и физиологической активностью головного мозга. Эксперимент Д. Викера показал, что у людей, наблюдающие отвращения на лицах других, активизируются те же зоны мозга, что и у реально переживающих это ощущение [7, с. 660]; исследование Т. Зингер установило, что наблюдение боли, которую испытывает любимый человек, вызывает активизацию той же нейросети в мозге наблюдающего, что и в мозге, испытывающего боль [8, с. 1160]. Аналогичные результаты были получены Д. Ваттом при исследовании нейрофизиологии эмоции печали при расставании с любимым [9, с. 187] и Д. Кристиан при исследовании прикосновений. Проанализировав полученные данные, Д. Викар и коллеги установили, что за эмпатию отвечают передние части поясной извилины и инсулы, а также частично такие зоны как миндалевидное тело, фронталь-

ная, роstralная латеральная прифронтальная, теменная и премоторная кора.

Поясная извилина в целом – это кортикальная часть лимбической системы, отвечающая за ряд автономных функций, таких как ритм сердца. Располагается она вдоль боковых стенок борозды, разделяющей два полушария головного мозга, и прямо над мозолистым телом, соединяющим два полушария. В ней выделяют переднюю часть, находящуюся ближе к лбу и заднюю, расположенную ближе к затылку. Передняя часть, связанная с эмпатией, анатомически делится на два участка – дорсальный (верхний), отвечающий за когнитивную функцию и вентральный (нижний), отвечающий за эмоции [10, с. 45]. Задняя часть активизируется в ситуациях, когда необходимо извлечь воспоминания или эмоции, находящиеся в опыте человека. Связь поясной извилины с эмоциями также видна в различных видах творчества, например, в художественном. Было установлено, что эмоциональная и физическая боль активизируют одни и те же зоны поясной извилины, при этом организм автоматически начинает вырабатывать эндогенные опиаты, выступающие в качестве анестетика.

Инсула (островок Рейля) – это доля коры, которая интегрирует работу лимбической системы и фронтальной, теменной и височной зон коры головного мозга [11, с. 65]. Располагается она глубокого в складке между височной и фронтальной долями. Функциональное поле инсулы очень широко: это эмоциональная составляющая, регуляция гомеостаза организма, контроль восприятия и двигательной активности, социальное взаимодействие, регулирование иммунной

системы. Именно с ней связывают деятельность зеркальных нейронов.

Суммировав данные различных исследований в рамках нейронауки, полученных при помощи МРТ и ПЭТ, Г. Хейн и Т. Зингер пришли к обоснованному выводу, что существуют следующие факторы, влияющие на эмпатическую реакцию [12, с. 155]:

- характеристики эмпата (возраст, пол, предыдущий опыт);
- ощущаемая несправедливость;
- интенсивность эмоции другого человека;
- характеристики другого человека, испытывающего эмоции;
- оценка ситуации.

Виды, формы и уровни эмпатии.

Принято выделять три основных вида эмпатии [13, с. 678]:

Эмоциональная эмпатия – это вид эмпатии, который основан на проецировании на себя и подражании различным реакциям другого человека, например, двигательным или аффективным. Это эмпатия в обычном, «стандартном» ее понимании.

Когнитивная эмпатия – это вид эмпатии, который основан на познавательных процессах мышления и связан с интеллектом, в частности, с операциями сравнения и аналогии.

Предикативная эмпатия – это вид эмпатии, который основан на способности предугадывать эмоции другого человека.

Формы эмпатии. В психологии принято выделять две основные формы эмпатии:

Сопереживание – это форма эмпатии, при которой индивид испытывает те же

эмоции, что и другой человек благодаря отождествлению (идентификации) с ним.

Сочувствие – это форма эмпатии, при которой индивид испытывает свои собственные эмоции по поводу чувств другого человека.

И сопереживание, и сочувствие являются не только психологическими, но и нравственно-эстетическими, религиозными и философскими категориями. Так, в буддизме сострадание («каруна») как форма сочувствия является одним из центральных понятий, особенно, в направлении махаяны – там оно считается главной добродетелью. Действующий Далай-лама обозначил три типа сострадания: направленное на родственников и любимых, в основе которого лежит привязанность; направленное на страдающих существ, в основе которого лежит сочувствие; беспристрастное, основанное на осознании, понимании и уважении. Сострадание также упоминается в трудах по христианству и исламу. В религии, в целом, понятие сострадание имеет положительную коннотацию.

Несколько иную картину можно увидеть в философии. Часть ученых, таких как И. Кант, считали его слепым и неразумным, а, следовательно, неморальным и вредным. Другие идут еще дальше, например, А. Шопенгауэр и Ф. Ницше, которые считали сострадание явлением деструктивным, вплоть до отождествления его с практикой нигилизма [14, с. 162]. В философии, таким образом, оно может иметь отрицательную коннотацию.

Уровни эмпатии. Выделяют три основных уровня эмпатии:

1. Низкий – уровень эмпатии, который характеризуется погруженностью индивида в свой внутренний мир при отвлече-

нии от внешней реальности. Такие люди характеризуются равнодушием к мыслям и чувствам других, что принято считать «эмоциональной холодностью» или даже «тупостью»; это является одной из причин их социальной отгороженности. Как правило, в пределах относительной нормы, низкий уровень эмпатии встречается у лиц с шизоидной и истероидной акцентуациями характера; в случае патологии можно говорить о соответствующих расстройствах личности, а также о психопатии.

2. Средний – уровень эмпатии, который характеризуется равнодушием индивида к переживаниям других людей, но способностью, в случае необходимости, выразить собственные эмоции. Они обладают высоким уровнем контроля. Ряд исследователей считает, что такой люди такого типа стали характерны именно для информационной эры, когда относительно социализированный человек имеет потенциал для распознавания и проявления эмоций, но не использует его, т.к. не видит в этом необходимости.

3. Высокий – уровень эмпатии, который характеризуется высокой способностью к сопереживанию состояния других людей. Такие люди социально активны, эмоционально открыты, контактны, отзывчивы, их часто называют «душой компании». В случае крайней выраженности этой способности они могут иметь акцентуацию характера сензитивного или гипертимного типа или даже соответствующее личностное расстройство.

Нарушение эмпатии. Как и любая иная способность человека, эмпатия имеет некоторые границы нормы, за которыми начинается патология. На наш взгляд, к ней можно отнести как недостаточное

ее развитие, так и чрезмерное. Необходимо учитывать тот факт, что диагностика патологии эмпатии возможна лишь при учете культуральной специфики и особенностей темперамента индивида, т.к. в различных этнических группах границы нормы отличаются. Так, например, у северных народов (Швеция, Норвегия, Исландия) медиана выраженности указанной способности ниже, чем у южных (арабские страны, государства Африки).

Недостаток эмпатии может наблюдаться как при условной норме, так и при выраженной патологии. В обоих случаях можно говорить об алекситимии – особенности личности, характеризующейся значительными трудностями в определении и описании эмоций [15, с. 129]. Также для нее свойственно:

- склонность к логическому мышлению, левополушарному взаимодействию в ущерб эмоциональной составляющей и правополушарному взаимодействию;
- фокусирование преимущественно на внешней реальности в ущерб внутренней;
- значительные трудности в различении телесных ощущений и эмоций;
- сниженная способность к мышлению образами, символизации, фантазированию;

Термин «алекситимия» был введен в 1973 году Питером Сифнеосом для обозначения лиц, не способных описывать собственные чувства. В настоящее время он активно используется в психосоматической медицине, где определяется как фактор риска.

В рамках условной нормы алекситимия может наблюдаться у лиц с раз-

личными акцентуациями характера. В клинической психологии под акцентуацией принято считать такой тип характера, у которого какая-либо черта чрезмерно усилена, заострена. Термин был введен в 1968 году немецким психиатром К. Леонгардом, а затем доработан А. Е. Личко [16, с. 6], совместившим его взгляды с точкой зрения П. Б. Ганнушкина. Нарушение эмпатии наблюдается, в первую очередь, при шизоидной и истероидной акцентуациях.

Шизоидный тип характеризуется чрезмерной интровертированностью, смещением фокуса внимания вглубь себя. Такие люди стремятся изолироваться от социума, уходя в мир фантазирования. Их эмоциональная сфера вполне может быть богатой, но они никак не демонстрируют; отмечая эту их особенность, немецкий психиатр Э. Кречмер уподобил шизоидов древнеримской вилле, где за закрытыми наглухо дверьми идут оргии. Но чужие чувства они различать не в состоянии, компенсируя этот «дефект» чрезмерной интеллектуализацией. Поэтому среди такого типа особенно много фундаментальных ученых-теоретиков – физиков, математиков и других. Типичный пример шизоида – академик А. Д. Сахаров. Основной причиной развития такого характера является неудовлетворение базовых эмоциональных потребностей ребенка в привязанности и заботе, что вызывается либо шизоидности его матери (т.н. «холодная мать»), либо семейными запретами на проявление и переживание эмоций.

Истероидный тип характеризуется чрезмерной демонстративностью, желанием быть в центре внимания. Такие люди стремятся быть все время на публике, их жизнь в значительной степени на-

поминает сцену. Несмотря на утрированность эмоций, театральность и драматизм поведения их нельзя назвать искренними; переживания таких индивидов не глубоки. В отличие от шизоидов, которые плохо различают и осознают чужие чувства, истероиды находятся в плохом контакте еще и с собственными. Зачастую сексуально демонстративные, они любят играть в «динамо», провоцируя человека на близость и отвергая его в последний момент. Это является результатом низкой ценности собственного пола при одновременном ощущении угрозы от противоположного. Они стремятся «захватить власть» над человеком противоположного пола, чтобы обезопасить себя, но при этом не слишком приблизить его к себе, т.к. это может нести в себе угрозу.

В случае, если речь идет о патологии, то можно говорить о трех основных расстройствах личности, при которых наблюдается нарушение эмпатии: шизоидное, истерическое и асоциальное. Всех их характеризует заметная дисгармония в личностном функционировании и поведении, манифестация особенностей в детском или подростковом возрасте, высокий уровень дистресса, всеохватность и стойкость заостренных черт [17, с. 15].

Шизоидное расстройство (F60.1) характеризуется дальнейшим усилением черт соответствующей акцентуации при одновременном распространении их на всю личность. В МКБ-10 даются следующие диагностические критерии: мало что доставляет удовольствие или вообще ничего; эмоциональная холодность, отчужденная или уплощенная аффективность; неспособность проявлять теплые, нежные чувства по отношению к другим

людям, равно как и гнев; слабая ответная реакция как на похвалу, так и на критику; незначительный интерес к сексуальным контактам с другим лицом (принимая во внимание возраст); повышенная озабоченность фантазиями и интроспекцией; почти неизменное предпочтение уединенной деятельности; заметная нечуткость к превалирующим социальным нормам и условиям; отсутствие близких друзей или доверительных связей (или существование лишь одной) и отсутствие желания иметь такие связи.

Истерическое расстройство (F60.4) характеризуется дальнейшим усилением черт соответствующей акцентуации при одновременном распространении их на всю личность. В МКБ-10 даются следующие диагностические критерии: самодраматизация, театральность, преувеличенное выражение эмоций; внушаемость, лёгкая подверженность влиянию окружающих или обстоятельств; поверхностность и лабильность эмоциональности; постоянное стремление к возбужденности, признанию со стороны окружающих и деятельности, позволяющей находиться в центре внимания; неадекватная обольстительность во внешнем виде и поведении; чрезмерная озабоченность физической привлекательностью.

Диссоциальное расстройство (так же асоциальное расстройство, антисоциальное, социопатия, F60.2) в кругу непрофессионалов называется «психопатией», в то время как в настоящее время этот термин эквивалентен понятию «расстройство личности». В МКБ-10 даются следующие диагностические критерии: бессердечное равнодушие к чувствам других; грубая и стойкая позиция безответственности и пренебрежения соци-

альными правилами и обязанностями; неспособность поддерживать взаимоотношения при отсутствии затруднений в их становлении; крайне низкая способность выдерживать фрустрацию, а также низкий порог разряда агрессии, включая насилие; неспособность испытывать чувство вины и извлекать пользу из жизненного опыта, особенно наказания; выраженная склонность обвинять окружающих или выдвигать благовидные объяснения своему поведению, приводящему субъекта к конфликту с обществом. С неврологической точки зрения, психопаты имеют органический дефицит зон головного мозга, отвечающих за эмпатию, что было установлено благодаря масштабному изучению данной патологии К. Килом на примере преступников, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления и отбывающих различные сроки в тюрьмах США. С психологической точки зрения, как указывает Н. Мак-Вильямс, социопаты обладают глубинной неспособностью к установлению привязанности, а отношения рассматривают как возможность для манипуляции; по всей видимости, это является результатом психологических травм в раннем детстве.

Чрезмерное развитие эмпатии не соотносится с какой-либо определенной патологией, ибо с точки зрения культуры не является нарушением, в отличие от ее дефицита. В целом, личностные границы таких лиц шире, чем у обычных людей и они воспринимают переживания других как свои собственные. В гештальт-терапии Ф. Перлз описывает таких людей как неспособных различать границу контакта между собой и другим, что является следствием «застревания» развития

этой сферы индивида на зародышевом и новорожденном уровнях. Такая особенность может с различной степенью выраженности встречаться у лиц с гипертимной и сензитивной акцентуациями и при ананкастном и зависимом расстройстве личности.

Выводы. Эмпатия является сложным, многомерным механизмом внушаемости, состоящим из биологической, психологической и социальной составляющих. Значителен вклад французской социологической школы в изучении данного вопроса. На сегодняшний день становится очевидным, что кроме функции создания и усиления группового сплочения, эмпатия также способствует передаче социокультурного опыта, а ее нарушения являются симптомами ряда психических расстройств.

Мир входит в новое кризисное состояние. Войны на Ближнем Востоке, теракты на Северном Кавказе и во Франции, нашествие мигрантов на страны Европы, падение цен на нефть, скачки курса валют – все это показатели того, что общество меняется, происходит его ломка. Психология, социология и политология должны выполнить свою прогностическую функцию и предложить адекватную модель будущего, к которому человечество сможет адаптироваться с минимальными потерями. На наш взгляд, эта модель может быть создана в русле интегративной психологии [18, с. 9], объединяющей все лучшее, что создано психологией на данный момент.

Список литературы:

1. Коллектив. Личность. Общение: Словарь социально-психологических понятий // под ред. Кузьмина Е. С. и Семенова В. Е. – Л.: Просвещение, 1987.– 144с.
2. Карпенко Л. А., Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Краткий психологический словарь. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998.– 512 с.
3. Елеференко И. О. Подготовка специалистов социометрических профессий с учетом рациональности эмпатии // *Фундаментальные исследования*. 2010, № 12. – С. 11–19.
4. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – М.: Азбука-классика, 2006.– 208 с.
5. Rogers C. R. Empatic: an unappreciated way of being // *The Counseling Psychologist*. 1975, Vol. 5, № 2. – pp. 2–10.
6. Будилова Е. А. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке. – М.: Издательство академии наук СССР, 1960.– 348 с.
7. Wicker, B., Keysers, C., Plailly, J., Royet, J., Gallese, V., Rizzolatti, G. Both of Us Disgusted in My Insula: The Common Neural Basis of Seeing and Feeling Disgust // *Neuron*. 2003, Vol. 40. – pp. 655–664.
8. Singer, T., Seymour, B., O’Doherty, J., Kaube, H., Dolan, R., Frith, C. Empathy for Pain Involves the Affective but Not Sensory Components of Pain // *Science*. 2004, Vol. 303, № 5661. – pp. 1157–1162.
9. Watt D. F. Empatic: Social Bonds and the Nature of Empathy // *Journal of Consciousness Studies*. 2005, 12 (8–10). – pp. 185–209.
10. Carr R. Sensory Processes and Responses // *Art Therapy and Clinical Neuroscience*. 2008. – pp. 43–61.
11. Christian, D. The Cortex: Regulation of Sensory and Emotional Experience // *Art Therapy and Clinical Neuroscience*. 2008. – pp. 62–75.

12. Hein, G., Singer, T. I Feel How You Feel But Not Always: the Empathic Brain and Its Modulation // *Current Opinion in Neurobiology*. 2008, № 18. – pp. 153–158.
13. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. – М: АСТ, 1998.– 800 с.
14. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству. – М.: Фолио, 2009.– 191 с.
15. Гаранян Н. Г. Концепция алекситимии // *Журнал социальной и клинической психиатрии*. 2003, № 1. – С. 128–145.
16. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб.: Речь, 2009.– 256 с.
17. Berrios G. E. *European views on personality disorders: a conceptual history* // *Comprehensive Psychiatry*. 1993, № 34 (1). – pp. 14–30.
18. Козлов В. В. Интегративная парадигма психологии // *Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики*. Тематический выпуск: Пленарные доклады VII Международной конференции «Психология и эргономика: единство теории и практики» 18–20 августа 2011 № 3 Москва-Тверь: Изд-во ООО «Триада», 2011 – С. 8–13

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ДУХОВНОГО КРИЗИСА

Милютина Е. В. (г. Полевской, Россия)

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению вопроса тождественности структур личности и науки (психологии и медицины). Стремление личности к целостности и самореализации, через актуализацию духовного я, находит отражение в предложенной биопсихосоциодуховной модели и наоборот. Основной акцент статьи: психическое расстройство – не всегда болезнь, но даже в случае заболевания, именно обращение к я-духовному может стать мощным ресурсом и направить вектор развития личности в позитивное русло. Статья описывает некоторые примеры выхода из кризиса, способы не директивного взаимодействия с пациентом.

Ключевые слова. Биопсихосоциодуховная модель, личность, пациент, я-духовное, вектор развития, целостность психической реальности.

Abstract. This article is devoted to consideration of a question of identity of structures of the personality and science (psychology and medicine). Aspiration of the personality to integrity and self-realization, through updating of spiritual – I, find reflection in the offered biopsikhosotsiodukhovny model and vice versa. Main accent of article: the mental disorder – not always an illness, but even in a case, the address to I – spiritually can become a powerful resource and send a vector of development of the personality to the positive course Article describes some examples of recovery from the crisis, ways of not directive interaction with the patient.

Keywords: Biopsikhosotsiodukhovny model, the personality, the patient, I – spiritual, a development vector, integrity of mental reality.

В развитии современной медицинской психологии уже достаточно много сказано о значимости и эффективности био-псих-социального подхода в общей структуре психиатрической помощи, что отвечало идее комплексного вмешательства, так как затрагивало основные стороны жизнедеятельности пациентов и их ближайшего окружения: позволяя задействовать сохранные стороны личности больных; создать на этой основе достаточно высокий уровень мотивации к позитивным изменениям; сформировать сознательное отношение к лечению и ответственность за свое поведение. В конце 20 столетия биопсихосоциальная модель была предложена в качестве новой медицинской парадигмы. Основатель био-психо-социального подхода

Джордж Энджел считал, что клиницисту необходимо учитывать биологические, психологические и социальные аспекты болезни – только тогда он сумеет правильно понять причину страданий больного, предложить адекватное лечение и завоевать доверие пациента. Engel предложил альтернативу существовавшему в то время биомедицинскому подходу, где аналитические, редуccionистские и специализированные методы не рассматривали пациента более чем объект, между тем субъективные переживания пациента, также могут стать предметом научного исследования и значительно расширить возможности терапии. По мнению Энджела «биохимические отклонения от обычного состояния организма – это еще не болезнь. Заболевание – есть ре-

зультат взаимодействия, многообразных факторов, в том числе на молекулярном, индивидуальном и социальном уровне. Но психологические сдвиги при определенных обстоятельствах могут проявиться в форме соматических заболеваний, или же страданий и переживаний, создающих угрозу здоровью, что также может сопровождаться соответствующими биохимическими изменениями». [3]

Человечность специалиста, внимание не только к симптомам, а к личности пациента, взаимодействие и поддержка – один из важнейших постулатов гуманизации медицины (по Энджелу), во многом обуславливающий результат лечения. Многие социальные и ментальные явления, в своей основе имеют природу физического, но не должны быть объяснены только последним. Различные уровни биопсихосоциальной иерархии могут взаимодействовать, но закономерности их нельзя вывести непосредственно из принципов, присущих верхним или нижним ступеням биопсихосоциальной модели. Результат скорее будет зависеть от индивидуальных особенностей человека, от первоначально заявленных симптомов, что само по себе непредсказуемо. Энджел считал, что клиническая реальность всегда намного сложнее и многообразнее и объяснить ее линейной моделью причинно-следственных связей невозможно и по меньшей мере примитивно. К примеру, мы знаем, что в случае шизофрении наследственные компонент играет свою роль, но социальные и психологические факторы способны как спровоцировать рецидив и дать начало заболеванию, так и могут стать сдерживающим и компенсирующим фактором манифестации заболевания. В клиниче-

ской реальности, как и в личностной реальности, мы имеем дело с множеством взаимодействующих факторов и причин.

Идеи Энджела была раскрыты, детально развернуты и дополнены в психологии. Многогранность и многофакторность личностной реальности в своей масштабности и непредсказуемости имеет определенную целостность и структурированность. Исследованием данной темы занимаются многие направления и школы, они достаточно самобытны и носят разные названия: гештальт в гештальт-терапии; комплекс в психоанализе; энграммы (или инграммы) в дианетике Р. Хаббарда; кластер в кластерной теории интеграции М. Щербакова; системы конденсированного опыта (СКО) в холотропном дыхании С. Грофа; целостности психической реальности – ЦПР В.В. Козлова [15], но при этом имеют основные черты целостностей и намерение структурировать сложность и целостность клинической, психической, социальной и духовной реальности человека. Основная цель этих изысканий формирование адекватной системы помощи человеку – клиенту или пациенту, и развитие гармоничной личности и общества

На данный момент, на наш взгляд, наиболее объемное и структурированное понимание описано В.В. Козловым в модели целостности психической реальности (ЦПР). Рассмотрим некоторые из принципов модели ЦПР:

1. *Принцип целостности*, подразумевает понимание личности, как чрезвычайно сложной, открытой, многоуровневой, самоорганизующейся системы, обладающей способностью поддерживать себя в состоянии динамического равновесия и производить новые структуры

и новые формы организации. Рассматривая заболевание, как способность человека самоорганизовываться и удерживать определенное для личности равновесие, специалист может направить фокус внимания на «способность» и на поиск альтернативных вариантов сохранения целостности, а не на завершенность симптома. К примеру, одна из причин возникновения и развития панической атаки – так называемый диатез нервной системы, другими словами уязвимость или сверх чувствительность (экстра сенсорность, от лат. extra – «сверх», «вне»; sensus – «чувство»), способность быть восприимчивым и тонко чувствующим. Впервые феномен сверхчувствительности был описан американским психотерапевтом Элейн Эйрон. Когда измученный атаками пациент, узнает о том, что возможная причина его несчастий – способность к сверхчувствованию, он начинает иначе оценивать ситуацию (принцип позитивности), а способность самоорганизовываться и поддерживать себя актуализируется, приобретая витально значимый фокус. На уровне действий, все, что требуется пациенту – научиться управлять своей способностью во благо. К примеру, пациент 23 лет, уже два года испытывает состояние панической атаки (не мотивируемый страх, тахикардия, спазмы пищевода, головокружение и др.), что не дает ему возможности устроиться на работу после окончания университета. В результате терапии пациент (в том числе) обнаруживает, что действительно очень чувствителен и обладает хорошей интуицией, но боится доверять своим способностям. В качестве эксперимента, был предложен механизм проверки своих ощущений и нахождение подтверждения

или опровержения во внешних факторах. В течение 2-х месяцев в результате эксперимента, были получены данные, что в 80% случаев его предположения и чувствования оправданы, более того пациент научился регулировать способность: «отключать» и «включать» при необходимости.

2. *Генетический принцип* или принцип развития объясняет то, что человеческая психика, личность имеет множество потенциальных векторов развития. Эти вектора проявляются в критической точке жизни человека, точке кризиса, где личность «определяет» направление своего дальнейшего развития. [14] Условно направления можно разделить на три пути: 1. путь позитивной интеграции; 2. негативной дезинтеграция; 3. отказ от необходимости выбора. Огромную роль в том, какой путь выберет человек, находясь в критической точке, играет *помощь*, и не только в осознании возможных путей развития ситуации, но и в эмпатии, общении, просто в поддержке. Например, пациент (19 лет), находящийся на учете в психиатрической службе с 16 лет с маниакально-депрессивным синдромом, в течение трех недель с периодичностью психологических встреч задавался вопросами о своей «ненормальности» в связи с нахождением у себя интереса к би – сексуальности, фетишизму (нюхание женского белья), трансвестизму и прочее. Пациент был изрядно напуган и возбужден. Когда, в результате общения было выявлено, что в разных культурах данные проявления не считаются «ненормальными» и даже легализованы, у каждого есть право быть «Другим», пациент увидел в своих поисках стремление к самовыражению. Вскоре он поступил

в театральный институт и успешно его окончил.

3. *Принцип позитивности* в своей реализации может быть выражен в двух позициях специалиста по отношению к нуждающемуся: а). Нахождение и опора на положительный опыт пациента. Находясь в сложной жизненной ситуации или кризисном состоянии человек расценивает данный опыт как проблему, раскрашивая этот период жизни в «темную полосу», что эмоционально еще усиливает и без того не простое положение. Возможность увидеть позитивный смысл или хотя бы элементы дает новое видение, опору и само по себе обладает сильным трансформирующим потенциалом для человека; б). Опора на факты и реальность, житейскую мудрость и понимание необязательности страдания, а возможности развивать способность творить и менять свою жизнь в соответствии со своими внутренними потребностями. Пример: женщина 55 лет, пациентка кризисного отделения, потерявшая 30-летнего сына(суицид), находилась в состоянии депрессии. Лечение не приносило желаемого результата. Пациентка повторяла, что потеряла не только сына, но и перестала быть матерью. Рассказывая о сыне, женщина говорила, что он был очень самостоятельным и ответственным, она всегда доверяла принятым им решениям. Опираясь на этот факт, специалист уточнил, что данный выбор сын также сделал сам, видимо для него это было единственно доступное решение в тот момент. Мать согласилась с этим утверждением и приняла решение с доверием и уважением принять и этот выбор сына, оставаясь при этом в позиции любящей матери. После 2-х дневного домашнего отпуска

женщина вернулась в отделение с новой прической, красиво одетой и в приподнятом настроении. Вскоре ее выписали.

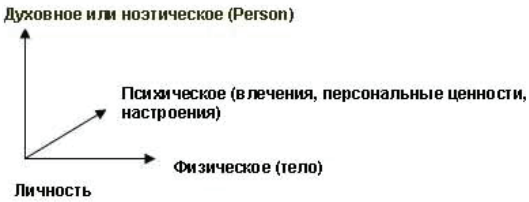
4. *Многомерности истины*. Принцип огромного уважения к многогранности и хрупкости человеческого создания. Любое объяснение и понимание индивидуальной психической реальности не может быть полным, значит и истинным тоже быть не может, но именно поэтому, имеет право на жизнь и истинность. Специалист способный осознавать динамичность процессов, понимать и сопереживать пациенту в его мнении, мыслях, позиции, дает возможность пациенту структурировать и транслировать свой внутренний опыт, даже если речь идет о бредовой идее или о значительной девиации и дезинтеграции в отношении и поведении человека к какой-либо ситуации. В этот момент происходит как бы передача и принятие доверия между взаимодействующими. [6] К примеру, для того, чтобы найти доверие с «бредовым» пациентом и начать адекватную терапию, стоит с большой внимательностью, уточнениями и согласием выслушать позицию и «бредовую» историю пациента, как абсолютно реальную реальность, в которой на данный момент живет человек.

Стоит признать, что в отличие от психологии в медицине методы интеграции профессионального опыта и взаимодействие с личностной психической реальностью пациента разработаны гораздо хуже, чем система оценки научных доказательств. [20] Но, также, необходимо признать и то, что несколько десятилетний биопсихосоциальный подход вдохновлял исследователей, стремящихся прояснить природу сложных взаимодействий, сформировались множество ин-

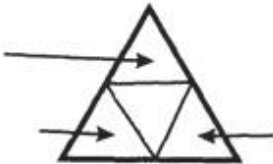
тегративных вариантов для системного анализа проблем, способных эту модель подкрепить: BASIC-\$5D Лазарус[10] многоуровневая психо-социальная модель расстройств аффективного спектра, как средство синтеза знаний Холмогоровой[19], «Цветок потенциалов Ананьева» [1]. В настоящее время все чаще встает вопрос необходимости смены медицинской парадигмы, где биопсихосоциальная модель уже не удовлетворяет потребности и осмысления психической реальности личности и здоровья человека, следовательно, не способна оперировать категориями и создавать инструменты взаимодействия человека и науки, соответствующих запросу времени, в целях сохранения целостного и объемного процесса развития личности и общества. На наш взгляд биопсихосоциальная модель нуждается в переосмыслении, принятии и обращении к духовному ядру человека, его сакральным смыслам, что особенно важно в контексте психиатрической помощи. Био-психо-социо-духовная модель, в нашем понимании, более потенциальна и интегративна. Несмотря на то, что появление научной психологии ассоциировано с бурным развитием естественных наук, особенно физиологии и медицины» [5], в данном случае, стоит обратиться к опыту психологии, где категория духа хоть и не находит эмпирического подтверждения, но достаточно естественно и благополучно вошла и раскрыла во всей масштабности структуру личности. Будучи определенной моделью, личность в своем развитии, как и любая другая модель, структура, отвечающая на запросы личности и имеющая отношение к структуре и проявлению по-

следней, стремиться к самоактуализации и завершенности (целостности).

В. В. Козлов в статье «Интегративная модель психологии» выделяет семь базовых парадигм в понимании предмета психологии: физиологическая; психоаналитическая; бихевиористическая; экзистенциально-гуманистическая; трансперсональная; коммуникативная; интегративная. В. А. Мазилев в своей статье «Девятый вал научной психологии» оппонирует В. В. Козлову в том, что данный «пересчет» достаточно произволен и оправдывает себя только как расстановка вех, этапов на пути к интегративной психологии как конечной цели. [12] Для нас, в данном случае будут важны два момента: 1. Включение категории духа, как целостной структуры личности; 2. наблюдение за тождественностью развития, стремления к самоактуализации и тенденций науки как некоего организма (или макро модели человека) и личности. То есть, в нашем понимании, наука, будь то психология или медицина, структурно могут являться макро-моделью личности. Любая личность, которая имеет сознание, как истинно человеческий регулятивный механизм имеет Я-духовное.[5] И, если, психология уже достаточно давно говорит о триединстве: тело-психика-дух или я-материальное, я – социальное, я духовное и т.д., с помощью чего распаковывает и создает новые более эффективные инструменты взаимодействия и помощи, то в медицине (в особенности психиатрии) подобное явление делает пробные шаги. В экзистенциальном направлении человек в своей целостности описывается в трех ракурсах: он одновременно тело, психика и дух.

Эти три измерения в действительности неразделимы и находятся в сложной взаимосвязи. Каждое из них имеет собственные содержания и движущие силы, которые могут конфликтовать с устремлениями другого измерения. [8] Трансперсональная волна характеризуется выделением в качестве предмета психологии области за пределами общепринятого, персонального, индивидуального уровня **переживания, в которых чувство самотождественности выходит за пределы индивидуальной или личной самости, охватывая человечество в целом, жизнь, Дух и космос.**[5] В интегративной психологии внутренняя идея гармонии личности и социальных общностей заключается в триединстве этих Эго-идентификаций: «Я-духовное», «Я-материальное», «Я-социальное». Важна идея баланса. Только тогда, когда личность поддерживает баланс, она выглядит не только социально успешной, но и переживает внутреннюю гармонию.

«Я-духовное»

«Я-материальное»

«Я-социальное»

В медицине огромную роль играет процесс восстановления человека по-

сле заболевания – реабилитация и адаптация, на наш взгляд, процесс будет не полноценен без учета биологического, социального, психологического, и духовного аспектов личности. Обращение к духовному аспекту личности, в службе психиатрической помощи раскрывает перед специалистом и пациентом новые способы взаимодействия направленного на восстановление личности. Как пример, заслуживает интерес междисциплинарная наука о развитии и самоорганизации – синергетика. Синергетика (от греч. synergetikos – совместный, согласованный, действующий) изучает связи между элементами структуры (подсистемами), которые образуются в открытых системах (биологических, социальных и др.) благодаря интенсивному (потокковому) обмену веществом и энергией с окружающей средой в неравновесных условиях. В таких системах наблюдается согласованное поведение подсистем, в результате чего возрастает степень упорядоченности, т.е. уменьшается энтропия (самоорганизация). Самоорганизация – это возникновение упорядоченных структур и форм движения из первоначально неупорядоченных, нерегулярных воздействий на систему. Процесс, в данном случае, всегда связан с потерей устойчивости менее организованного состояния и является проявлением нелинейных свойств системы.

Основными принципами синергетики являются: нелинейность, неустойчивость, открытость, иерархичность, наблюдаемость. Организм человека представляет собой диссипативные структуры – дискретные самоорганизующиеся, рассеивающие энергию системы, отличающиеся спиралеобразным развитием

в многомерном пространстве, траектория и автоколебательная амплитуда которого носит многовариантный характер, предопределяясь сложением разнонаправленных сил и факторов в точках бифуркации. При равенстве разнонаправленных влияний (особенно провоцирующих и ресурсных факторов) выбор системой траектории развития может предопределяться случайностями вблизи точек бифуркации. В био-психо-социо-духовной модели синергетический подход представлен четырьмя векторами: соматогенезом, психогенезом, социогенезом и ноогенезом. Соматогенез – это развитие систем и функций организма; психогенез – развитие психических функций, социогенез – развитие социальных ролей и отношений, ноогенез – динамику развития личности в духовной сфере и включает в себя Я-концепцию, 4 базовые экзистенциальные мотивации, систему ценностей индивидуума, экзистенциальную фрустрацию, «духовный диагноз» и т.д. [9]

В наше время часто именно «духовный диагноз» становится основной причиной болезни физического или психического уровня. В процессе формирования и развития личность, безусловно, обрастает духовными смыслами, исходя из внутренних потенций и внешних факторов. Духовные переживания в общей структуре личности занимают диаметрально противоположное положение:

1. В случаях патологии быть отражением симптомов болезни (галлюцинаций, бредовых идей, физически ощущаемого воздействия на мысли и чувства человека);

2. Быть проявлением духовной жизни здоровой личности. Поэтому мы не должны трактовать всякое духовное пережива-

ние как патологию. Духовное состояние личности, требует огромной бережности и уважения, объективной оценки развития и личных качеств, и духовных (религиозные) переживаний, их логические, философские и эмоциональные истоки. Важно понять религиозный опыт человека и помочь разграничить, что в этом опыте продиктовано его природными психофизиологическими особенностями, патологическими процессами, а что является ценным духовным опытом здоровых сторон личности.

Духовное здоровье есть главная основа здорового тела; в основе здоровой психики лежит равновесие Духа, которое, в сочетании со здоровьем тела, необходимо ценить и сберегать превыше всего. Духовное здоровье человека – это огромный ресурс для понимания смысла собственной жизни, ответственности за исполнение своего предназначения. В соответствии с концепцией психодуховного развития личности считается, что дезадаптация соответствует дезорганизации бессознательных процессов в периоды кризисов развития личности, поэтому важно различать патологические состояния и состояния духовного кризиса. Если патологические состояния свидетельствуют о расщепленности личности, утрате целостности и установки на ее восстановлении, то кризисные состояния предполагают возможность достижения самоидентичности. Кризисы сопровождают человека на протяжении всей жизни и являются, некими этапами, переходами, ступенями на пути развития. Кризис (от греч. – поворотный пункт, исход, решение) является одним из неизбежных и необходимых моментов жизни, одной из движущих сил развития лич-

ности, группы, общества. Это та черта, за которой остаются прежние меры, реакции, ценности и осмысления, они уже не работают, и для того чтобы идти дальше необходима трансформация, формирование новых позиций, опор и смыслов. Кризис – это всегда выбор из нескольких возможных альтернатив: прогрессивного или регрессивного решения дальнейшего развития.

Кризисы многообразны, даже закономерны и затрагивают разные стороны жизни человека и общества. Некоторые кризисы человек преодолевает достаточно успешно и безболезненно, но в некоторых случаях кризис становится опасным поворотом и требует от личности максимальных физических, психических и духовных усилий (если речь идет о выходе в позитивную дезинтеграцию). Не удивительно, что такая великая перемена, такая фундаментальная трансформация проходит несколько критических стадий, которые нередко сопровождаются психодуховными кризисами различной интенсивности, содержания и продолжительности. Психодуховный кризис может быть закономерным, а может быть спровоцирован событием жизни критической интенсивности. Обращение, осмысление и обогащение духовного пространства человека может стать основным ресурсом восстановления пациента и его адекватной социализации.

Духовное развитие человека преобразует и пробуждает скрытые прежде возможности, «нормальные черты», открывает новые сферы сознания, находит новый вектор деятельности. Если основные смыслы человеческого существования не разрешаются на каком-то этапе и в каком-то приближении, то возника-

ет экзистенциальная пустота и человек вплотную сталкивается с абсурдом существования. В этот момент жизнь становится попыткой превозмочь абсурд человеческого существования, это похоже на шизофреническое стремление построить дом на зыбучих песках. Психиатрами и психологами описаны случаи, когда кризис выглядит как эпизод заболевания, но не является болезнью.

Так, Станислав Гроф будучи традиционным психиатром и фрейдистски ориентированным аналитиком, благодаря тридцатилетним исследованиям и наблюдениям необычных переживаний и состояний сознания (индуцированных самыми разными средствами) пришел к выводу, что существующее понимание человеческой психики является поверхностным и неадекватным задаче объяснения всех наблюдавшихся им феноменов. Он также понял, что многие из состояний, которые в психиатрии считались проявлениями психических заболеваний неизвестной природы, в действительности являются выражением процесса самоисцеления души и тела. Гроф вводит понятие духовного кризиса (*spiritual emergency*), описывая различные его формы и тем самым продуцирует новую карту психики, которая может дать необходимую ориентацию человеку, находящемуся в кризисе.

В свою очередь итальянский психиатр и основатель оригинальной психотерапевтической школы, названной психосинтезом Роберто Ассаджиоли, как и Карл Юнг, подчеркивал роль духовности в человеческой жизни и сформулировал множество идей, весьма существенных для концепции духовного кризиса. В статье “Самореализация и психологические нарушения”, он описывает эмоциональные

проблемы, предшествующие духовному раскрытию, сопровождающие его и следующие за ним, и подчеркивает, что сложные психические состояния (галлюцинации, навязчивые мысли, психоз и другие симптомы), воспринимаемые психиатром как состояние и проявление заболевания, на самом деле говорят о проживании человеком кризиса. Р. Д. Лэйнг в течение многих лет был одной из наиболее стимулирующих и противоречивых фигур в современной психиатрии. Он бросил вызов не только традиционной психиатрии, но и всему западному обществу, утверждая, что душевное здоровье нашей культуры является в лучшем случае «псевдоздоровьем» и то, что называется «душевной болезнью», в действительности не является безумием. [11]

Обращаясь к опыту и трудам исследователей вопросов духовного кризиса, Р. Ассаджиоли, Джона Пери, Хольгера Кальвайта, Станислава и Кристины Гроф и мн.др., становится очевидным – духовное Я содержит представления о духовном пути, целостности и исцелении. А обращение к потенциалу духовного Я, с помощью психопрактик дает возможность трансцендирования Я-социального и Я-материального и насыщает переживаниями и новыми прозрениями Я-духовное. [4] Однако мы должны понимать, что если кажущаяся психиатрическая симптоматика не всегда отвечает за наличие заболевания, то заболевание – это не всегда кризис, во многих случаях, необходимо признать наличие патологии. И даже в случае, когда факт заболевания «на лицо», подтвержден комплексом симптомов, периодичностью, и т.д., обращение к духовному Я дает мощный ресурс и часто выводит человека в пери-

од значительной ремиссии и благополучной социализации. Предлагаю детальнее рассмотреть этот вопрос. Не имеет значения, находится ли человек в «статусе» душевнобольного или проживает сложную кризисную ситуацию, он всегда приходит в точку, где главная доминанта – это поиск ответа на вопрос: «почему со мной это произошло?». В этот момент человек находится как бы на развилке дорог, в той самой точке бифуркации, где система находится в неравновесном состоянии, и малейшие флуктуации или случайные обстоятельства могут кардинально изменить направление дальнейшего развития, закрывая тем самым возможности движения альтернативным путем. Характеризуя такие состояния, И. Р. Пригожин подчеркивает «уникальность точек бифуркации, в которых состояние системы теряет стабильность и может развиваться в сторону многих различных режимов функционирования» [14]

При получении соответствующего стимула, человек делает выбор, который и определяет вектор дальнейшего развития в сторону негативной дезинтеграции или позитивной интеграции. Внимательность, эмпатия, поддержка и профессионализм специалиста играет в этом процессе наиважнейшую роль. Задаваясь вопросом «почему именно со мной это произошло, почему мне дана такая доля?» человек находится в тоннельном переживании, эмоциональная концентрация которого заслоняет его от альтернативного взгляда на ситуацию и ее возможные решения. Вопрос, не имеющий конструктивного ответа, направленный внутрь себя становится сильнейшим фактором разрушения и истощения. В этот момент пациент не способен перевести

пережитую ситуацию в опыт и воспринимает ее как «наказание Свыше, за грехи», за то, что я «какой-то не такой, как нужно, как другие». Американские психиатры (Г. Салливан, Ф. Фром – Рейхман), [13] вслед за швейцарскими психиатрами (Е. Блейлер, К. Юнг, Л. Бинсвангер) продолжили иначе взглянуть на психоаналитическую схему лечения шизофрении, сделав акцент в процессе лечения на взаимоотношениях пациента с его близким окружением. [16]

Этиология шизофрении связывалась с пережитой на раннем этапе развития психической травмой, в первую очередь, обусловленной искаженным отношением матери к своему ребенку. Следствием подобной психической травмы считалась регрессия к ранним стадиям развития, задержка формирования «Я» и фиксация на эротическом отношении к себе. Некоторые исследователи предполагали, что регрессия является лишь частичной и касается только определенных функций личности – агрессии и либидо. Тем не менее, полноценный процесс сепарации, как этап развития становится невозможным. Ребенок в данном случае остается ребенком, не получая инициации во взрослого. Единственный, значимый, авторитетный Большой – это Родитель, выше которого «ничего уже не существует», перспектива не видится и не осмысливается. Это как потолок, выше которого перспективы развития духа, освоения и становления внутреннего и внешнего мировоззренческого пространства нет. Часто этим потолком становится кризис. Возникает конфликт, так как стремление вверх обусловлено развитием личности, ее потенциальности, движением к самоактуализации. В этой точке конфликта,

механизмы взаимодействия человека с препятствием, его последствиями идентичны, как в случае кризиса, так и «большого» родителя.

В точке встречи с препятствием вектор развития: 1. усиливает свою траекторию и витальность; 2. преломляется, теряя часть энергии; 3. поглощается и теряет самоидентификацию, как вектор. В первом случае, мы имеем дело с позитивной интеграцией кризиса (запущен ли механизм травмой или имеет нормативную природу). Во втором варианте, встречаясь с препятствием, потенциальность и энергия, заложенная в вектор развития, вынуждена найти другую реализацию, если это происходит внутри уже освоенного личностного пространства, то система, обладающая способностью самоорганизовываться и поддерживать себя в состоянии динамического равновесия, вынуждена производить новые структуры, смыслы и формы организации для того, чтобы скомпенсировать нереализованную потребность движения вверх (принцип целостности). Происходить это может путем *позитивной интеграции* (например, ребенок идет по пути предопределенном родителями, но при этом имеет свою нишу реализации или позволяет ее себе «после выполненного перед родителями долга»), путем *ложной позитивной интеграции* (внешнее благополучие, но тотальная неудовлетворенность и тоска по не свершившимся возможностям), что как правило, сопровождается психосоматическими и психотическими состояниями, и путем *негативной дезинтеграции* (саморазрушения, девиация поведения, самоуничтожения), что проявляется через аутоагрессию (психосоматика-онкология, диабет, астма и др. вари-

анты), и агрессию направленную вовне (вплоть до серьезных психозов). В случае поглощения вектора и потери им самоидентификации мы имеем вариант грубых личностных изменений, возникновение сверхценных идей, бреда и пр.

Мы понимаем, что работа с пациентом на уровне я-материального, я-социального в данной точке конфликта не принесет ни каких реальных результатов. Расширение картографии человека, путем работы с духовным – я, может дать нужные осмысления и позволение принять факт Большого чем он сам, родитель или кризисная ситуация и стать Большим самому, стать носителем этого состояния, в этот момент происходит некое духовное посвящение, приобщение и приобретение своих ценностей и ориентиров.

Использование в работе с духовным – Я, текстов Священных Писаний (разных конфессий), притч, техники «письмо Богу», психоэкотуризма, направленных визуализаций и др. методов дает возможность бережно прикоснуться к духовному ядру человека и предложить новые понимания. Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий в своей книге «Дух, Душа, Тело», [2] опираясь на тексты Священного Писания, труды Святых Отцов писал: «если сердце, лишенное Божией благодати, не воспринимает из мира трансцендентного внушения Духа истины и добра, а расположено к восприятию духа зла и лжи, гордости, то безумие рождается и обитает в нем».

Письма Богу – это один из элементов работы с человеком, находящимся в сложном состоянии кризиса или патологии. Письмо, как способ контакта с Высшим, во вне и внутри человека. Возможность поделиться и попросить

о сокровенном, обрести друга и веру, преодолеть абсурд существования. Далее мы приведем, в пример, несколько писем пациентов, находящихся в статусе психиатрического больного.

«Господь мой! Я попал в трудную для себя жизненную ситуацию. Жизнь не закончилась, но я не вижу смысла дальнейшего существования. Мне казалось, что я иду правильным для себя путем, на деле же оказалось иначе, что есть результат мнения о себе. И вот я в жизненном тупике. Нагой и бессильный, утративший смысл дальнейшего существования. Я шел к Тебе, на деле же оказалось – нет. Ты дал мне сил и все что в ней необходимо, и более того. Ты наделил меня знаниями и опытом, но я не вижу цели и как их приложить. Благодарю Тебя за все! Славлю Имя Твое Господи, что такая ничтожная тварь, как я, получил Твою любовь и непрестанную заботу о себе. Часто я бывал малодушен и неблагодарен. Прости меня. Ты знаешь, как я грешен и немощен, но Ты видишь мою веру, дар Твой. Помоги мне Господи, помоги в бесчисленный раз. Вразуми меня. Как мне жить дальше и род моей деятельности. Помоги мне исполнить то, к чему я призван, заповеди Твои. Даруй мне любовь к тебе».

«Письмо Богу. Я очень замкнутый человек и не могу говорить ни о хорошем, ни о плохом. Вчера я с большим удовольствием сожгла свой дневник. Когда я молюсь, я прошу у матери Пресвятой девы Марии всего лишь одно для себя. А это, чтобы Она помогла мне выздороветь, вразумила меня и направила на путь истинный. Для того чтобы я смогла повести детей своих правильным путем, защитить их. Прошу подсказать мне, куда дви-

гаться, что правильно, что неправильно. И на мой взгляд у меня это стало получаться. У Бога мне очень хочется попросить, чтобы люди по отношению друг к другу стали добрей. У нас всего одна жизнь. Своим невежеством мы только усугубляем себе и окружающим жизнь».

«Письмо Богу. Боже, я очень устала, как будто всегда не хватает одного шага, я как муха об стекло. Я так хочу, в конце концов, занять нормальную семью, воспитывать дочку, встречаться с сыном. Больше всего не хочу оставаться одна. Когда я чувствую, что ты со мной, я верю...».

Читая эти письма, мы не видим грани между условно здоровым человеком и пациентом, ее нет. Есть абсолютно «живое» духовное – я, и все остальные структуры, стремящиеся к целостности. Письма Богу – метафора молитвы и поклонения. Молитва – «важная часть духовной жизни верующего человека», обращение «человека к Богу, богам, святым, ангелам, духам, персонифицированным природным силам, вообще Высшему Существо или его посредникам». Таким образом молитва предполагает наличие *веры* в существование, наряду с видимым, невидимого мира и представляет собой некое обращение, исходя из внутренних потребностей молящегося, это может выражаться в прощении, благодарении или прославлении. Молитва, так же делится на частную и общественную, наружную и внутреннюю. Где общественная молитва на наш взгляд направлена более всего на структурирование внешнего пространства (например, для ощущения присутствия Божественного, как применительно к какой – либо ситуации, так и единения молящихся), а внутренняя на структури-

рование и выстраивание эмоционального, душевного и духовного состояния человека. Философский словарь Спонвилля определяет поклонение как исключительную любовь к предмету, достойному этой любви и абсолютно превосходящему поклоняющегося, другое определение это – «проявление особого почитания, уважения, преданности кому-либо или чему-либо»; также *преклонение* (от *преклонять колена*). [19] В определении обоих понятий молитва, и поклонение для нас важен момент признания чего-то большего, чем сам человек. И это не к вопросу об инфантилизме, это скорее к вопросу о структурировании личности и о базовом доверии. Где признание Высшего во вне, есть принятием Высшего внутри себя. Психологическая сущность доверия, по мнению Т.П. Скрипкиной, позволяет полнее осмыслить способы связи индивида с миром, закономерности освоения того культурного пространства, внутри которого он только и может обрести свою родовую человеческую сущность и в то же время оставаться самостоятельным истинным «субъектом жизни» (С.Л. Рубинштейн), а не субъектом «отчужденной активности» (Э. Фромм). [17] Его сущность представлена в соотношении меры доверия к миру и к себе. Основными условиями возникновения доверия являются актуальная значимость объекта доверия и оценка его как безопасного.

Очевидно, что компонент духовности стремиться занять свое место в структуре медицинской помощи, как биопсихосоциодуховная модель, так как подобно человеку, любая структура имеет вектор потенциальности и стремится к самореализации, что способно поддерживать целостность всей структуры.

Библиографический список

1. Ананьев В. А. Психология здоровья. СПб.: Речь, 2006
2. Архиепископ Лука Крымский (Войно-Ясенецкий) Дух, Душа, Тело. Издательство: Образ 2009.,
3. **Боре-Каррио Ф., Сачмен Л., Эпстайн Р. М. Биопсихосоциальная модель 25 лет спустя (электронный ресурс). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=29&article=1236> (дата обращения 14.03.2009).**
4. Гроф С., Гроф К. «Духовный кризис: Когда преобразование личности становится кризисом» Пер. А. С. Ригин
5. Козлов В. В. Интегративная психология. Пути духовного поиска, или освящение повседневности. «Психотерапия» М., 2007 г.
6. Козлов В. В. Работа с кризисной личностью. – М.: Психотерапия, 2007
7. Козлов В. В. Интегративная модель психологии. Седьмая волна психологии. Вып.1., под ред. Козлова Владимира, Качановой Натальи МАПН, Ярославль, Минск 2006
8. Кривцова С. В. Предисловие к книге А. Лэнгле «Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности» ИЭАПП 2006
9. Кулаков С. А. «Био-психо-социо-духовная и синергетическая модель развития онкологического заболевания: системный подход»// «Известия РГПУ имени А. И. Герцена». № 100
10. Лазарус А. Краткосрочная мультимодальная психотерапия. СПб.: Речь, 2001
11. Лэйнг Р. Д. Трансцендентный опыт и его отношение к религии и психозам»//«Духовный кризис. Сборник. – Л/7995, с. 62–74
12. Мазиллов В. А. «Девятый вал научной психологии» Седьмая волна психологии. Вып.1., под ред. Козлова Владимира, Качановой Натальи МАПН, Ярославль, Минск 2006
13. Перлман Д. и Пепло Л. Лабиринты одиночества: Пер. с англ. /Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989
14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986
15. Проворов А. М., Козлов В. В. «Модели целостностей психической реальности» Ярославль. Медицинская психология (электронный ресурс) led-leds.ru
16. Руднев В. Философия языка и семиотика безумия. Избранные работы М, 2007.
17. Скрипкина Т. П. «Психология доверия» Изд-во «Академия», 2000 г.
18. Спонвиль Андре «Философский словарь»: Этерна; Москва; 2012
19. Холмогорова А. Б. Теоретические и эмпирические основания интегративной психотерапии расстройств аффективного спектра. Авторефератдиссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. М., 2006,
20. Epstein R. M. Mindful Practice in Action (II)...

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ РЕБЁНКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Морозов А. В. (Москва)

Аннотация: в статье рассматривается проблема информационной безопасности личности ребёнка в современном российском обществе в условиях глобализации информационного пространства; особое внимание, при этом, уделяется психическому и физическому здоровью ребёнка, воспитанию полноценной гармонично развитой личности, формированию его культуры, ценностных ориентаций, взглядов и установок в процессе развития.

Ключевые слова: информационная безопасность, здоровье ребёнка, психическое развитие, средства массовой информации, установки, ценностные ориентации, глобализация, воспитание, культура.

Abstract: the article considers the problem of information security of the child's personality in modern Russian society in conditions of globalization of information space; particular attention is, thus, given the mental and physical health of the child, the full education of a harmoniously developed personality, formation of its culture, value orientations, beliefs and attitudes in the development process.

Keywords: information security, child health, mental development, media, attitudes, value orientation, globalization, education, culture.

Глобализация информационного пространства и технические достижения превратили средства массовой информации (далее по тексту – СМИ) в мощнейший фактор воздействия на картину мира, как отдельного человека, так и политических и экономических субъектов.

К отрицательной стороне воздействия СМИ можно отнести различные негативные последствия восприятия человеком, особенно несовершеннолетним, информации, содержащейся в СМИ. Одним из таких последствий может стать негативное формирование или устойчивое стремление личности к удовлетворению своих потребностей за счет общества без трудового участия, посредством нарушения правовых установлений. Антисоциальная направленность личности, как правило, порождает состояние административной противоправности.

Сама возможность оказания СМИ отрицательного воздействия на поведение человека до настоящего времени у многих вызывает сомнение, особенно у самих представителей СМИ. Однако научные исследования, проводившиеся в этой области как в нашей стране, так и за рубежом, свидетельствуют о том, что такое воздействие имеет место быть.

Ранее, изучением воздействия СМИ на поведение несовершеннолетних, в основном, занимались зарубежные исследователи: А. Арансон, А. Бандура, Р. Бэрон, Д. Гербнер, Ф. Зимбардо, Д. Манзолати, Р. Парк, Ф. Райс, Д. Ричардсон, К. Хейни и др.

Среди российских учёных, в той или иной степени, проблем негативно-го воздействия СМИ на несовершеннолетних в своих работах касались: Е. В. Ассанов, А. В. Вакурин, В. Э. Войцехович, Г. Н. Горшенков, Н. Л. Денисов,

В. М. Есипов, М. Н. Зацепин, В. И. Зажицкий, Р. Кадилов, Л. В. Коваль, А. П. Лончаков, А. В. Макиенко, М. И. Никулин, С. Л. Сибиряков, Е. М. Юцкова и др.

Следует отметить, что эти учёные внесли определённый вклад в разработку проблемы влияния СМИ на несовершеннолетних, однако, в целом данная проблема в их работах разрешена односторонне, рассматривая, в большей степени, противоправное поведение несовершеннолетних.

Пресыщение информацией стало одним из важнейших факторов в формировании личностных характеристик современного ребёнка, среди которых немалую роль играют эстетические представления и ценности. С первых лет своей жизни ребёнок попадает в информационное поле, создаваемое сетью массовых коммуникаций. Однако возникает проблема взаимовлияния информационной среды (в частности видеокультуры как её важнейшего компонента) и структуры ценностных ориентаций подрастающего поколения как социального агента. Данное отношение среды и субъекта имеет противоречивый характер, что объясняется сложной компонентной структурой его составляющих. Информационная среда, безусловно, оказывает мощное опосредованное влияние на несовершеннолетних, на формирование установок, ценностей, убеждений.

Современные СМИ активно вторгаются не только в нашу жизнь, но и в жизнь наших детей. В некоторых семьях, как только ребёнок начинает сидеть, его сразу же сажают перед экраном, который заменяет ему бабушкины сказки, разговоры с родителями, общение со сверстниками.

Экран становится главным «воспитателем ребенка».

По данным ЮНЕСКО, 93% современных детей 3–5 лет смотрят на экран более 28 часов в неделю, т.е. более 4 часов в день, что намного превосходит время их общения со взрослыми [7]. Безобидное, на первый взгляд, занятие вполне устраивает не только детей, но и их родителей. В самом деле, ребенок не пристаёт, ничего не просит, не безобразничает, и, в то же время, получает впечатления, узнает что-то новое, и, как считают некоторые родители, развивается. Покупая малышу новые диски или компьютерные игры, родители как бы заботятся о нем и стремятся занять его чем-то интересным.

Однако это, на первый взгляд безобидное занятие, может повлечь за собой непредвиденные последствия, не только для здоровья ребенка (речь идет о нарушениях зрения, дефиците движений, испорченной осанке), но и для его психического развития. Первое (и самое очевидное) из них – отставание в развитии речи. В последние годы родители и педагоги все больше жалуются на задержки речевого развития: дети позже начинают говорить, мало и плохо разговаривают, их речь бедна и примитивна. А ведь овладение речью в раннем возрасте происходит при непосредственном общении ребёнка со взрослыми, когда малыш не только слушает слова, но и отвечает другому человеку, когда он сам включен в диалог. Причём участвует в нем не только с помощью слуха и артикуляции, но всеми своими действиями, мыслями и чувствами. Однако разговорная речь – это лишь вершина айсберга. Речь – это не только

средство общения, но и средство развития мышления, воображения, и т.д.

В последнее время у детей все чаще отмечается неспособность к концентрации внимания на каком-либо занятии, отсутствие заинтересованности. Данные симптомы можно назвать «дефицитом концентрации», которые ярко проявляются в обучении и характеризуются спонтанностью, гиперактивностью, повышенной рассеянностью. Такие дети стремятся к частой смене деятельности, полученные впечатления они воспринимают поверхностно, не анализируя и не связывая их между собой.

Многим детям трудно воспринимать информацию на слух – они не могут удерживать в памяти отдельные предложения. Им приходится перечитывать предложения по несколько раз для того, чтобы понять смысл прочитанного. Поэтому им просто неинтересно, скучно читать даже самые хорошие детские книжки. Еще один факт, который можно наблюдать – резкое снижение фантазии, творческой активности детей. Дети теряют способность и желание чем-то занять себя. Им все равно, что смотреть по телевизору, только бы мелькало, шумело, двигалось. Примерно так дети начинают воспринимать окружающую действительность. Они не пытаются прилагать какие-либо усилия для изобретения новых игр, сочинения сказок, создания собственного воображаемого мира и просто фантазировать. Им скучно рисовать, конструировать, придумывать новые сюжеты, их ничего не интересует, ничто не увлекает. Современным детям неинтересно общаться друг с другом. Замечено, что общение со сверстниками становится все более поверхностным и формальным: им

не о чем разговаривать, нечего обсуждать и они не находят тем для спора. Реальное непосредственное общение заменяют различные гаджеты в телефоне, планшете. Виртуальное общение становится приоритетным и, что самое печальное, основным видом и формой взаимодействия ребёнка с окружающей его действительностью.

Но, пожалуй, самое явное негативное влияние оказывают СМИ на повышение детской жестокости и агрессивности. Число преступлений, совершенных детьми и подростками, в последнее время резко возросло. Поражают не только жестокость, но и бессмысленность их поступков. Сопереживание, жалость, помощь слабому встречаются все реже. Жестокость и насилие становятся чем-то обыденным и привычным, стирается порог дозволенности. При этом дети не отдают себе отчета в своих действиях, часто не умеют предвидеть их последствий. Подростки жестоко бьют и убивают друг друга не потому, что они злые, и не ради какой-то цели, они воображают себя героями просмотренных боевиков, потому что на душе пусто, а хочется острых ощущений, выброса адреналина, «драйва». Именно поэтому, наверное, смысл жизни многих современных молодых людей сводится к незатейливому желанию «хлеба и зрелищ».

Полноценное человеческое развитие ребенка возможно только в живом общении с близкими взрослыми и никакие СМИ их не заменят. Однако полностью исключить СМИ из жизни и воспитания детей невозможно и бессмысленно. Но знакомить детей с информационной техникой можно только тогда, когда они готовы использовать её по назначению,

когда она будет для них именно средством получения нужной информации, а не властным хозяином над их душами и не их воспитателем.

С распадом СССР исчезла монополия государства на радиотелевизионное вещание: всю Россию, словно щупальцами гигантского спрута, опутали каналы разных форм собственности – частные, муниципальные и т.д., что привело к резкой разбалансированности целей и задач телевидения, причем каждый из них стал решать собственные задачи, в том числе по повышению конкурентоспособности, имиджа. Экраны заполнили кровь, насилие, низменные страсти. Свобода слова сделала наше общество, безусловно, более открытым и демократичным, но, вместе с тем, подтолкнула к невиданному по масштабам падению общественной морали. По справедливому высказыванию В. А. Сухомлинского в человеке, которого мы воспитываем, должны сочетаться нравственная чистота, духовное богатство, физическое совершенство [11].

Почему же сегодня такие понятия как «духовное богатство», «нравственная чистота», «духовное здоровье» фактически преданы забвению. Сегодня «не модно» быть богатым духовно: в приоритете богатство материальное... О нравственной же чистоте и духовном здоровье личности говорить стало просто «неприлично»...

Один из выходов в сложившейся ситуации видится нам в том, чтобы и само общество, и, естественно, люди, определяющие стратегию СМИ, прониклись, наконец-то, четко сформулированной национальной идеей.

Изменения, произошедшие с телевидением и на телевидении за последние четверть века, безусловно, коснулись не только его организационной и финансовой стороны, но и коренным образом изменили его контентную часть. Содержание программ советского телевидения было обусловлено идеологическими задачами многонационального государства, укреплением и популяризацией социалистического образа жизни, прославлением трудовых успехов, воспитанием молодого поколения, развитием такого социального института, как семья (ячейка общества) и пр. При отсутствии Законов о СМИ и рекламе контроль за эфиром осуществлялся с помощью цензуры, справедливо отвергаемой демократическим устройством государства. Однако проблема засилья на телевизионном экране сцен убийств, кровавых разборок, насилия, взрывов и драк остро стала именно теперь, в «новый век» телевизионной истории, очевидно являясь неизбежной издержкой свободы слова.

Сегодня много говорится о построении гражданского общества на средства западных инвесторов, Государственная Дума «борется» с недобросовестной телевизионной рекламой, психологи, критики и исследователи новейших средств массовой коммуникации постоянно поднимают вопрос о пагубном (особенно для несовершеннолетних) влиянии агрессивного телевидения на психику человека и о его нравственной стороне. Конституция нашей страны позволяет ограничить гражданские права, если это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц [2].

Однако, возможность создания на федеральном уровне совета по защите морали и нравственности вызвало разноречивые мнения. Выявленная в ходе проведённого опроса активность аудиторией, конечно же, свидетельствует о том, что население волнует вопрос направленности содержания телевизионных программ. Сегодня, когда каждая вторая семья имеет два и более телевизионных приемников (в среднестатистической семье они работают до восьми-десяти часов в день), а также в силу ежедневной занятости на работе большей части взрослого населения, очень трудно проследить, какие программы смотрит ребенок. А сетка вещания федеральных каналов, например, построена таким образом, что избежать просмотра программ, посвященных криминальным событиям, невозможно, т.к. когда подобного рода передача заканчивается по одному каналу, на другом она уже начинается. По данным исследователей, за час эфирного времени в прайм-тайм на экране происходит от трех до пяти актов насилия, однако при демонстрации детских программ, включая мультфильмы, это число возрастает до 20–25. Наиболее ярко агрессия, связанная с просмотром телепрограмм, проявляется у мальчиков в юношеском возрасте, а у девочек – в начальный период зрелости. Самым типичным проявлением насилия у мальчиков оказались драки, а у молодых женщин – кражи и угрозы нанесения телесных повреждений [8].

Согласно данным исследований, проведенных специалистами Института социологии РАН, доля детского вещания на телевидении составляет меньше 1% эфирного времени. Среди подростков

катастрофически упал интерес к чтению [6].

За последние 20 лет доля регулярно читающих книги сократилась с 50% до 16%. Всевозможные полиэкраны заменили современным детям книги и библиотеки. При этом прогрессирует оторванность подрастающего поколения от национально-культурной идентичности. 73% молодёжи и 80% людей старшего поколения уверены, что современная молодежь мало интересуется историей и культурой своей страны и ориентирована, преимущественно, на западные ценности [7].

За два последних десятилетия в общественном сознании значительно обесценились такие понятия как «долг», «совесть», «нравственность» и «патриотизм» [4]. Увеличивается число детей с замедленным и дисгармоничным развитием. Многие российские школы превратились в «конвейер по производству невротиков из детей». Более половины школьников регулярно испытывают эмоциональную напряженность, раздраженность и тревожность, более 20% – агрессию и страх [9].

Учитывая тот факт, что эффективность воспитательной деятельности образовательных учреждений неуклонно снижается, можно со всей очевидностью констатировать, что реальных возможностей для гармоничного и полноценного духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних в нашей стране, к огромному сожалению, становится всё меньше, а проблема информационной безопасности ребёнка в современном обществе становится всё более острой и актуальной [1; 3; 10].

В условиях отсутствия со стороны государства строгого и неукоснительного контроля за соблюдением правовых норм негативное воздействие экранных произведений, содержащих сцены насилия, на российскую несовершеннолетнюю (и, в первую очередь, детскую) аудиторию отмечается практически повсеместно. После отмены цензуры в СМИ на кино-теле-видео-компьютерных экранах без соблюдения официально принятых возрастных ограничений стали массово демонстрироваться сотни отечественных и зарубежных произведений, содержащих эпизоды насилия. При этом, резкое увеличение количества демонстрируемых на различных экранах России сцен насилия объясняется, прежде всего, произошедшей коммерциализацией кинотворчества, вхождением отечественных кинематографа, ТВ и видео в мировой рынок и связанной с этим глобализацией массовой кинокультуры, заимствующей чуждые исконно российскому соборному духу голливудские традиции и стандарты.

Агрессивная линия поведения и призыв к использованию жестоких методов для того, чтобы победить соперника, способствуют искаженному восприятию ребёнком мира и его основ. В сложившейся для современной киноиндустрии ситуации, ориентированной на извлечение максимальной прибыли при наименьших затратах, абсолютно безнравственные и максимально жестокие сцены насилия являются не только «притягивающим» невзыскательного зрителя элементом (эдакой «клубничкой»), но и наиболее экономически выгодным элементом фильма.

Без телевизора современную жизнь и не представишь. Есть семьи, в кото-

рых «говорящий ящик» включен целый день: есть и такие, где в каждой комнате, и даже на кухне – по экрану. Причём взрослые, исходя из «собственного опыта», уверены в безвредности пребывания детей перед телеэкраном. Это мнение не только ошибочно, но и опасно.

Ведь в созревающем мозгу, в отличие от зрелого, идут совсем иные процессы. Взрослый оценивает, фильтрует, анализирует и перерабатывает информацию на основе «подсознательной» установочной «базы данных», приобретенной в детстве. У ребёнка всё происходит иначе.

Формирование и закрепление важнейших установок – практически на всю жизнь – происходит пропорционально росту и созреванию мозга. Ориентировочный график развития: 4 года – 80%, 6 лет – 90%, 10 лет – 97%, 18 лет – почти 100% [6].

Несущийся с экранов мониторов и телевизоров изобразительный и звуковой поток формирует у ребёнка установочную «базу данных», которая определяет всю его будущую жизнь. Прежде всего, это установка на пассивное восприятие действительности – полное безразличие [5].

Телевизор необратимо формирует личность с низкой трудовой активностью и творческим потенциалом – телеинвалида. Его удел – имитировать труд или выполнять «из-под» палки примитивную работу, сидеть в охране или вяло торговать на вещевом рынке, качать мышцы или «завязывать шнурки» лидерам преступных группировок, быть вечным безработным или бомжевать...

Исследования показывают, что благополучные, работающие юноши и девушки

ки в раннем детстве смотрели телевизор или сидели перед экраном компьютера не более часа в неделю, а некоторые росли в семьях, где телевизора или компьютера не было вообще. Более-менее удовлетворительно приспособились к жизни те, кто в детстве «общался» с телевизором или компьютером не более получаса в день. По оценке экспертов, 10 часов телевизионных сеансов в неделю снизили творческий потенциал на четверть. Два часа общения с «волшебным ящиком» в день привели к опасной потере почти половины творческого потенциала. На 90% можно лишиться социальной активности, если в дошкольном возрасте смотреть телевизор или находиться перед экраном компьютерного монитора более трёх часов в день [8].

Психологи рекомендуют, чтобы ребёнок до 4 лет (основной период созревания структур мозга – 80%) не смотрел телепередачи и не «зависал» в компьютере. После 6 лет (90% созревания мозга) «общаться» с телевизором или компьютером можно не более часа в неделю; после 10 лет – 2–3 часа [7]. После 16 лет ограничения снимаются – ребёнок стал взрослым. Родители должны сделать выбор между недовольством ребёнка и сознательно причиняемым ему вредом.

Насилие на телеэкране и в видеоиграх увеличивает риск агрессивного, или, наоборот, чрезмерно стеснительного поведения детей. Таковы выводы исследования, результаты которого публикует британский *Lancet*. По мнению авторов доклада, образы насилия в ряде случаев могут привести к эмоциональной травме ребенка [6].

Широкое распространение видеофильмов, легкий доступ к ним посред-

ством спутникового и кабельного телевидения приводит к тому, что дети видят сцены с элементами насилия, которые могут пагубно сказаться на их умственном развитии – отмечают авторы исследования. В связи с этим учёные рекомендуют родителям смотреть телепрограммы для взрослых с такими же мерами предосторожности, с какими они хранят дома химические и ядовитые вещества. Сцены насилия и откровенные сцены сексуального характера могут нанести ребёнку эмоциональную травму – подчеркивают учёные-психологи Бирмингемского университета Кевин Браун и Кэтрин Гамильтон-Гиакритсис [6].

Противники эскалации показа сцен насилия на экране теоретически могут опираться на подписанную Россией Конвенцию ООН по правам ребёнка (1991), где, в частности, декларируются принципы создания благоприятных условий контакта несовершеннолетней аудитории с медиа. Согласно конвенции, государства-участники признают важную роль СМИ и обязуются обеспечить ребёнку доступ к такой информации из различных национальных и международных источников, которые направлены на содействие его социальному, духовному и моральному благополучию, здоровому физическому и психическому развитию, и поощряют разработку надлежащих принципов защиты ребёнка от материалов, наносящих ему вред.

В отличие от многих западных государств, где действует государственный контроль за медийным изображением насилия, существуют программы защиты детей от экранной агрессии, соблюдения прав ребёнка на получение гуманной, не наносящей психического урона ин-

формации, в России, к сожалению, многие положения данной Конвенции до сих пор остаются лишь благими пожеланиями и декларируемыми намерениями.

Не лучше обстоит дело и с соблюдением некоторых положений российских законов. Например, в Законе РФ «Об основных гарантиях прав ребёнка в РФ» говорится о том, что органы государственной власти Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию..., а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопродукции, пропагандирующей насилие и жестокость [12]. Однако, законодательных актов, где были бы чётко прописаны санкции, накладываемые на тех, кто насыщает эфир насилием, Россия не имеет, так же, как не имеет и специального органа, который контролировал бы данную позицию. И поэтому закон «Об основных гарантиях прав ребёнка...» носит чисто декларативный характер.

Несмотря на подписанную еще в 1999 г. основными российскими телеканалами так называемую «Хартию телеведущих», их репертуар, на наш взгляд, по-прежнему лишён эффективного корпоративного контроля по части демонстрации сцен насилия. Более того, поддерживая коммерческие интересы крупнейших телекорпораций, Государственная дума РФ отклонила проект поправок к действующему Закону «О средствах массовой информации», которые предусматривали введение ограничений на показ сцен насилия на экране (предполагалось, что подобные сцены будут демонстрироваться по телевидению только

в позднее время суток – после десяти часов вечера).

На парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ, в которых доводилось принимать участие и автору этих строк, периодически поднимается проблема, рассматриваемая в данной статье. Выступления практически всех участников пронизаны болью за то, что происходит в России сегодня и страхом за то, что ожидает нас завтра, если мы не сможем переломить создавшуюся ситуацию по обольщению, духовно-нравственному разложению, психической и физической деградации детей и молодёжи. «Взрастившим неуправляемого безумного монстра» нельзя не понимать того очевидного факта, что их же, в первую очередь, это «чудовище» и покарает. Страшно подумать о том, к каким необратимым последствиям может привести столь необдуманная и, более того, преступно-легкомысленная позиция тех лиц, от которых сегодня непосредственно зависит принятие решения о прекращении творящегося беззакония в отношении самого дорогого, что есть у каждого государства – его будущего в лице подрастающего поколения. Государство, которое сегодня не задумывается над вопросом обеспечения, в первую очередь, психологической и информационной безопасности детей и молодёжи – это государство, обреченное на вымирание, государство, у которого нет и не может быть будущего.

Современное телевидение, за редким исключением, не только не формирует у подрастающего поколения гуманистические ценности, оно ещё и крайне неприглядно во многих своих проявлениях, непривлекательно как зрелище. За красоту кадра, слова, а тем более поступка,

на телевидении – увы! – никто не отвечает. А ведь оно несёт огромный пласт художественной культуры, освоение которой должно и может способствовать расширению эстетической эрудиции, воспитанию вкуса, формированию творческих способностей личности. Но оно, к большому сожалению, нередко развивает совершенно противоположные качества, глушит творческие потенции и способности своей аудитории.

Сегодня экран телевизора залит человеческой кровью. «Хорошие» убийцы убивают «плохих», которые полчаса назад были соратниками по «делу», «партии» и т.д. А смотрящая всё это аудитория наивно полагает, что она всего лишь развлекается, хотя на деле получает «знания о жизни», так называемую нравственную ориентацию.

Почему-то считается естественным, что для восприятия, освоения произведений литературы и искусства нужна определенная подготовка, эстетическое воспитание, а для «общения» с телевизором не требуется ровно ничего! Но это далеко не так. Для того, чтобы телевизор принес пользу, дал какой-то положительный эффект, нужна культура пользования им – психологическая, педагогическая, эстетическая.

Для восприятия художественного видения, как никакого другого, особенно важно формирование с детства избирательности в просмотре программ. Самое худшее, что может быть предложено сегодня для воспитания эстетического восприятия и вкуса подрастающего поколения, – это позволять ему смотреть по телевизору всё. Культура телевизи-

онного потребления требует ясности и чёткости в определении как приоритетных программ и передач, которые действительно необходимы подрастающему поколению, так и тех, смотреть которые совсем не обязательно, а зачастую, и нежелательно. К сожалению, в этом направлении сегодня фактически не работают ни семья, ни школа, ни СМИ.

Но, самое грустное заключается совсем не в этом. Даже если бы «семья и школа» попытались в современных условиях противостоять «натиску телевизионного зла», распространяющегося с экранов и тиражирующегося на миллионах дисков и прочих электронных носителях, они были бы не в состоянии справиться с этой задачей в одиночку – без широкой, всесторонней и глубоко продуманной поддержки со стороны Государства.

Анализируя историю веков и события наших дней, мы исходим из того тезиса, что все средства, способные влиять на духовно-нравственное воспитание и оздоровление людей должны в интересах всеобщего благоденствия объединить свои усилия. Наше общество, в целом, а дети – в особенности, сегодня очень нуждаются в информационной безопасности.

Список литературы:

1. Атаманов Г. А. Информационная безопасность в современном российском обществе (социально-философский аспект): дис. канд. фил. наук. – Волгоград, 2006.
2. Конституция РФ. – М.: Мартин, 2015.
3. Митрохина Е. Ю. Информационная безопасность личности как социальная проблема: дис. канд. соц. наук. – М., 1999.

4. Морозов А. В. Духовность – как отдельная психологическая категория и её формирование, как актуальная проблема современной России // Духовно-нравственное развитие подрастающего поколения как научно-теоретическая и прикладная проблема: Материалы Международной научно-практической конференции. Сборник научных статей. Т. 1. – Набережные Челны, Казань.– 2014. – С. 203–212.
5. Морозов А. В. Социальная психология. Учебник для вузов. Изд. 3-е. – М.: Академический Проект, 2008.
6. Морозов А. В., Радченко Л. Е. Воздействие средств массовой информации на здоровье и воспитание старших подростков. – М.: Изд. И. Балабанова, 2010.
7. Морозов А. В., Радченко Л. Е. Роль телевидения в обеспечении социально-психологической безопасности несовершеннолетних // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики.– 2009.– № 3. – С. 119.
8. Морозов А. В., Радченко Л. Е. Роль телевидения в обеспечении социально-психологической безопасности несовершеннолетних // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики.– 2009.– № 4. – С. 48–54.
9. Морозов А. В., Чебыкина А. В. Значение здоровьесберегающих образовательных технологий для современной психолого-педагогической практики // Системогенез учебной и профессиональной деятельности // Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Ярославль, 2015. – С. 83–85.
10. Саттарова Н. И. Информационная безопасность школьников в образовательном учреждении: дис. канд. пед. наук. – СПб., 2003.
11. Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека. – М.: Педагогика, 1990.
12. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» // Российская газета.– 05.08.1998.

ЖАНРЫ СОВРЕМЕННОГО КИНОИСКУССТВА КАК НОСИТЕЛИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ И ЭНЕРГИИ В СВЕТЕ ВОСТОЧНОЙ НАТУРФИЛОСОФИИ

Нелидов С. Н., Дмитриева П. Н. (Алматы, Республика Казахстан)

Аннотация. Изучение философских взглядов Восточной медицины позволило систематизировать основные киножанры согласно энергиям Ветра, Тепла, Жара, Влажности, Сухости и Холода с соответственной привязкой их к энергиям внутренних пар-органов: печень-желчный пузырь, сердце-тонкий кишечник, селезенка-желудок, лёгкие-толстый кишечник и почки-мочевой пузырь. Доминирование или недостаток этих энергий вызывает нарушения в здоровье и психике человека. На примере анализа киножанровых предпочтений школьников нами установлено, что детям не хватает энергии тепла, проявляемой любовью и доброжелательным вниманием окружающих их людей и общества.

Жанры кино, восточная медицина, энергии: ветра, тепла, жара, влажности, сухости, холода, психоэмоциональные переживания

GENRES OF MODERN MOTION PICTURE ARTS AS CARRIERS OF PSYCHOEMOTIONAL EXPERIENCES AND ENERGY IN THE LIGHT OF ORIENTAL PHYSIOPHILOSOPHY

Summary. Studying of philosophical sights of Oriental medicine has allowed to systematise the basic film genres according to energies of the Wind, the Warmth, the Heat, the Humidity, the Dryness and the Cold with their respective binding to energies of internal pair-bodies: a liver – a gall bladder, a heart – a small intestines, a spleen – a stomach, lungs – thick intestines and kidney – a bladder. Domination or a lack of these energies causes infringements in health and mentality of the person. Analysing the example of film genre preferences of schoolboys we established that children do not have enough energy of warmth shown by love and benevolent attention of people surrounding them and by a society.

Keywords: cinema genres, Oriental medicine, energies: the wind, the warmth, the heat, the humidity, the dryness, the cold, psycho-emotional experiences

Киноискусство – это визуально-игровое отражение исторических, политических и культурных событий общества, школа жизни и уход от реальности, долгожданный покой и жажда движения, рождение надежды и смерть мечты, радость любви и горе потерь. Действие на экране учит и предостерегает, позволяет принять жизненный опыт других без личных травм и переживаний. Это огромный спектр впечатлений, эмоций и переживаний. Хочешь, примеряй на себя, но можешь и отвернуться. Но почему тебе хочется посмотреть этот фильм или хронику еще раз? Когда-то любил приключения и фантастику, а сегодня впитываешь боевики и ужастики. А вот близкие люди приглашают посмотреть то комедию, то мелодраму, смеются и льют слезы вместе с героями ни киноэкране. Почему? Используя собственные разработки (Нелидова 2007), попытаемся объяснить сложившийся в казахстанском социуме интерес к определенным фильмам с помощью

натурфилософии восточной медицины с акцентом на теорию У-син (Пяти Первоэлементов) в оценке возрастных энергий человека и анализа некоторых психосоматических характеристик детей. Пребывание в окружении семьи и школы, ребенок, взрослея, особенно остро реагирует на психоэмоциональный климат социальной среды. Если восприятие мира и обучения положительны, то развитие ребенка идет успешно. Проблемы в семье и обществе создают у детей чувство неуверенности, одиночества и незащищенности, порождая неудачи в учёбе и психофизиологические нарушения здоровья. Нами была выдвинута гипотеза, что на раннюю психику подростков может оказывать сильное влияние кинематограф, исполняющий не только просветительную и гуманные функции, но и порою предлагающий детям смотреть стрессовые фильмы с демонстрацией сцен обмана и несправедливости, жестокости и насилия. Изучение философских взглядов Восточной медицины позволило систематизировать основные киножанры согласно энергиям ветра, тепла, жара, влажности, сухости и холода. Доминирование или недостаток этих энергий вызывает нарушения в здоровье человека на уровне внутренних органов и отслеживается в эмоциональных реакциях на происходящие события. Касательно возраста человека традиционная градация по энергиям с позиции Восточной натурфилософии и в изложении профессора Пак Чжэ Ву выглядит следующим образом:

Возраст Ветра – от 1 до 12 лет. Ребенку свойственны подвижность, непоседливость, шумливость проявлений, быстрый рост. Дети всем интересуются, не способны долго удерживать внимание

на одном и том же, быстро двигаются, чтобы видеть больше, получать новую информацию. Энергия Ветра обеспечивает начало процесса расширения. Тело увеличивается, растет. Вся активность ребенка направлена вовне, на окружающий мир.

Возраст Тепла – с 12 до 24 лет. Для юности характерны высокие устремления и порывы, повышенный уровень претензий и амбиций, выраженная активность и коммуникабельность. В этот возрастной период формируются репродуктивная система человека, у девочек начинаются менструации, у мальчиков – поллюции.

Период Жара – 24–36 лет характеризуется расцветом и созреванием всех органов и систем человеческого организма. Половое созревание сопровождается зрелостью чувств, интеллектуальных и духовных устремлений. Именно в этом возрасте человек больше всего склонен к ощущению счастья и любви, готов дать начало новой жизни, самостоятельно совершить нечто значительное.

Время Влажности – с 36 до 48 лет. В этот возрастной период процесс расширения уступает место процессу сжатия. Снижается скорость процессов в организме, наблюдается тенденция к увеличению массы тела. Одновременно увеличивается авторитет, укрепляется положение в обществе, растет количество забот. В зрелости человек начинает пожинать плоды своих предшествующих усилий, его материальное благосостояние возрастает. Начало процесса сжатия изменяет направление устремлений: появляется тенденция основательно анализировать, смотреть вглубь проблем, отдается предпочтение спокойному отдыху.

Возраст Сухости – 48–60 лет характеризуется усилением процессов сжатия. Ткани тела теряют влагу, масса тела снижается, кожа высыхает, появляются морщины. У женщин наступает менопауза. Эти физические изменения отражают особенность взглядов и поведения людей пожилого возраста. У них возникает стремление к сохранению традиций, ограничению связей и контактов, сужению круга интересов и знакомых.

Период Холода – с 60 до 72 лет сопровождается нарушениями трофики тканей, структурными перестройками в органах и системах организма, снижением функций систем жизнеобеспечения. Уровень метаболизма и активность жизненных проявлений снижаются, появляются зябкость, ощущение холода. Ограничение физических возможностей у пожилых людей сопровождается чувством неуверенности и страха. Преобладают стремления получить, сохранить, запастись впрок. Человек становится мудрым, может предвидеть события, желания его минимальны, что иногда выглядит как безразличие. Однако следует учитывать, что на личностном уровне возрастные показатели энергий могут сильно отличаться, так как общее состояние здоровья человека зависит от многих факторов, в том числе: наследственного, физического, психологического, сексуального, экологического, социального, нравственного, духовного.

Жанры современного киноискусства можно оценить с позиции доминирования энергий Пяти стихий. Какую определяющую энергию эмоций несут в себе разножанровые кинофильмы? Для этого нужно понять характеристики энергий.

Гнев (ВЕТЕР) проявляется в интенсивном, избыточном движении, вы-

зывает прилив нарастающей энергии с достижением пика и внезапным выбросом агрессивных резких поступков, драчливости, поединках, громких и грубых словах, крике, слезах. Традиционно в Китае «ветротекучими» – фэнлю (букв. «ветер-поток») называли людей свободного поведения, которые не связывали себя в жизни строгими обязательствами и обычно были склонны к любовным приключениям и авантюрам.

Радость (ТЕПЛО) присутствует в дружбе, добрых поступках, эротическом поведении, нежных любовных отношениях и, будучи в избытке, рассеивает энергию вплоть до состояния истощения, дурноты и слабости.

Беспокойство (ВЛАЖНОСТЬ) сопровождается тревогой, способствует накоплению избыточной массы тела и желанию петь. Переходя в хроническое состояние тормозит энергию действий, проявляясь апатией замедленных движений и застаиванием, ленью и инертностью.

Печаль (СУХОСТЬ) характеризуется увяданием и продолжением падения уровня жизненной энергии, проявляясь печалью, скорбью, плачем, вздохами, сжатием и замедленной эмоциональной реакцией. Жизненные мотивации, как и кожный покров тела вянут и сохнут подобно листве и травам осени.

Страх (ХОЛОД) определяет окончательное падение энергии и завершение жизненного цикла. Человек теряет способность к адекватному движению, его скелет и поступки теряют подвижность, мудрость проявляется в недоверии, сомнениях и всепрощении. Даже в жару человек холода мерзнет, испытывает чувство страха и онемения.

В упрощенном подходе киножанры можно отнести к следующим энергиям:

Ветер – боевики, приключения, криминальные детективы, фантастика, фэнтези;

Тепло – детские мультфильмы, комедии, веселые сказки, любовные истории, мюзиклы, оперетты;

Влажность – драмы, трагедии, трагикомедии;

Сухость – мелодрамы, хроникально-документальные, повествовательные;

Холод – вызывающие страх катаклизмы, катастрофы, ужасики, исторические фильмы (как описание давно прошедших, «мертвых» событий).

В тоже время, в кино нет единого общепринятого набора жанров по которому можно было бы точно классифицировать все кинофильмы. Большинство художественных кинофильмов можно смело отнести к более чем одному жанру. Особое место следует отвести мультипликационным фильмам **-аниме** (от англ. animatin), в которых действуют нарисованные герои. Известно, что еще в XII буддийские священники через серию рисунков (**манга**) в свитках делились своей мудростью, доносили верующим наставления и поучения, описывали последствия грехопадения и т.д. К предтечам рисованных фильмов также относят рисованные комиксы в газетах и журналах. Сегодня с помощью компьютерной графики выпускаются и тиражируются разножанровые мультфильмы, от волшебных сказок до фантастических ужасов, от традиционных мыльных опер до эротики.

В Казахстане общая численность детей и подростков составляет 33% от населения. Какие элементы формирования и самочувствия, индивидуального пове-

дения и социального статуса характеризуют наиболее многочисленную зрительскую аудиторию, в возрасте до 16 лет (40% от общего числа любителей кино)? Переживая период взросления, подросток начинает бурно развиваться физически и физиологически, конституционально изменяется его костно-мышечная система, развиваются нервная, кровеносная и дыхательная системы, появляются гормональные «бури» и идет половое созревание как следствие изменений в эндокринной системе. Очень сильно меняются реакции на внешние раздражители, возбуждение преобладает над торможением, настроение способно стремительно изменяться на противоположное, неудовольствие проявляется вспыльчивостью, возникают трудности с концентрацией внимания и демонстрацией усидчивости. Свойственная подростковому возрасту дестабилизация развивающейся коры головного мозга и подкорки становится также причиной нарушения у тинэйджеров функций распознавания эмоций, адекватной оценки опасности и способности предвидеть последствия совершаемых поступков. На уровне бытовой характеристики в народе такие состояния характеризуют как «ветреные» и часто говорят о «ветре в голове» подростка, даже не подозревая о философской глубине этого определения (Нелидов, 2007). Наблюдая уход на задний план примеров следования взрослыми шкале человеческих ценностей, правде и справедливости, живя в обществе с двойными стандартами поведения, поступков, оценки личности и результатов труда, подросток впитывает доминанты побуждений и стереотипы поведения зачастую именно с киноэкрана. Родители,

бабушки и дедушки современных детей пребывали в атмосфере незыблемых семейных и культурных традиций предшествующих поколений.

Огражденное от неприятностей и стрессов, их детство согревалось добрыми сказками и поучительными историями, в которых всегда побеждало добро и царствовала справедливость, любовь находила своего принца или принцессу, а лягушка или гадкий утенок оказывались прекрасными и внутренне, и внешне людьми. Зло в лице Бабы Яги или Кашея Бессмертного, водяного или лесных разбойников, вороны или волка, было глуповатым, смешным и наказуемым. Мужественные богатыри и справедливые цари, добрые волшебники и прекрасные феи, мудрые учителя и заботливые родители всегда вовремя приходили на помощь, спасая и героя на экране, и ребенка перед экраном от беды и зла, страха и несправедливости, вселяя в сердце радость жизни и веру в будущее. Недопустимо вмешательство рекламы в процесс кинодемонстрации. Кинофильм или телепередача самого высокого культурного и познавательного уровня, с талантливейшим сценарием, постановкой и гениальными актерами в одно мгновение сводятся на нет вмешательством в демонстрационный процесс рекламного клипа. Будучи инородным материалом из другого мира, реклама нарушает сюжет и логику киноповествования, лишает героев создаваемого всем действием цельности образа. Ребёнок спускается с небес на землю. У детей до семилетнего возраста восприятие виртуального и реального миров тождественно. Если эти миры дополняют друг друга в воспитании добродетелей и лучших человеческих ка-

честв, то ребенок растет в комфортной психологической среде и демонстрирует стремление к благородным поступкам и поощряемому взрослыми лояльному поведению. Агрессивное противостояние и несоответствие воображаемых событий и окружающей жизни дезориентирует и калечит психику ребенка. Бессистемно насмотревшись телепрограмм, впитав информацию уймы рекламных роликов или бесконтрольно насидевшись перед компьютером, ребенок перевозбуждается, он с трудом засыпает, а в прерывистом, неглубоком сне переживает как галлюцинации увиденное и услышанное.

Психолог и писатель Арик Сигман говорит об испытываемой современными британскими детьми боязни тьмы и обсуждает причины настаивания большинства (70%), из не достигших десятилетнего возраста, спать при свете ночника: «В сознании детей отпечатываются готовые образы, навязанные телевидением, кино и компьютерными играми, и они вызывают в детях страх». Т.е. психолог говорит об избытке энергии холода (почек и мочевого пузыря) у юных англичан. А каковы психофизиологические последствия фильмов, пропитанных страхом? Известно, что в состоянии страха уровень адреналина в крови у человека может стать столь высоким, что при ранении кровь свертывается в пять раз быстрее, чем обычно, и не вытекает из раны. Понятно, что испытываемый человеком при просмотре фильма страх очень серьезно нарушает вязкость крови, изменяет интенсивность ее циркуляции и создает дополнительные нагрузки на сердце и артериальную систему.

На наш взгляд, имеет место внедрение в сознание людей нецензурной и прими-

тивно-грубой лексики, как заменителя глубоких духовных переживаний и эмоций в качестве безоговорочного аргумента именно с кино- и телеэкранов. А ведь неоспоримо доказано наукой, что ругательства и вообще слова, сказанные со злобой и агрессивной интонацией самым негативным образом сказываются на последующем поведении, самочувствии и здоровье людей. Имеются данные, что отрицательные энергетические последствия агрессивного посыла вызывают деструктуризацию воды и делают ее вредной для здоровья человека, они даже могут сказаться на генетическом уровне. Эксперименты с водой, проведенные Масару Эмото показали, что ее кристаллизация и химические свойства зависят от произносимых людьми речей, выражаемых ими эмоций и даже мыслей! Чем негативнее энергетический посыл, тем сильнее и беспорядочнее разрушение кристаллической решетки замораживаемой воды. Человек состоит на 60–68% из воды и эта его составляющая постоянно находится под влиянием излучаемых окружающим миром волн. Атмосфера любви и нежности, уважения и благодати облагораживает воду, очищает даже загрязненные химикатами и водорослями водоемы, не говоря о клеточном содержимом человека – цитоплазме, межклеточной жидкости и крови.

Научно доказано, что слова «любовь» и «благодарность» формируют самую красивую кристаллическую структуру воды, грубые выражения и агрессивная музыка порождают хаос, создавая безрадостный и тусклый рисунок. Часто ли мы имеем возможность «облагородиться» в кинотеатре или перед экраном телевизора, в танцевальном клубе или в кон-

цертном зале? Справедливо говорить о прижившейся за последние годы в кинематографическом и «попсовом» музыкальном производстве, направленной на кинозрителя и слушателя конкретной «порчи»! О присутствии «бесовской грязи» в потоке телеинформации также имеется довольно распространенное мнение. Профессор неврологии из Германии Ульм Спицер утверждает, что обнаружил прямую связь между временем, которое пациенты проводят у телевизора, и уровнем смертности от ожирения, гипертонии, диабета и повышенного уровня холестерина. У заядлых телезрителей формируется склонность к рассеянному вниманию, депрессии и проявлению агрессивности. По подсчетам профессора, ежегодно 20 000 немцев гибнут из-за увлечения телевидением. «У людей, привязанных к телевизору, не хватает времени для того, чтобы заниматься спортом или какой-либо двигательной активностью. У них вырабатывается привычка есть перед экраном, что, в свою очередь, приводит к ожирению и преждевременной смерти. У детей, которые постоянно смотрят телевизор, кругозор ограничен, у них нет стимула к развитию и отсутствует такое качество, как гибкость ума». Каждый седьмой алматинец – школьник. Каждый пятый – студент вуза или колледжа. Медицинские осмотры в алматинских школах выявили *хроническую патологию* более чем у 50% детей в возрасте от 7 до 18 лет. На первом месте *хронические заболевания желудочно-кишечного тракта* – 42%, *патология органов зрения* – 23,8%, *патология центральной и периферической нервной системы* – 17,2%, *лор-заболевания* – 14,7%, *сколиозы, плоскостопие* – 16,4%. Подчеркнем

факт малоподвижного образа жизни учеников – 67%. В Казахстане до 20% школьников страдают от *заболеваний щитовидной железы*, вызванных недостатком в пище йода. Из них у 8% отмечен *гипотериоз* и, как следствие, *тенденция к снижению умственных и физических способностей*. У более 20% детей содержание свинца в крови заметно превышает норму, что, в свою очередь, проявляется *повышенной возбудимостью, гиперактивностью и агрессией*. Из фактов превышения содержания марганца в почвах города в 2–10 раз можно прогнозировать *увеличение у людей преступных наклонностей* в результате повреждения этим микроэлементом клеток мозга. Ряд негативных последствий загрязнения окружающей среды на здоровье подростков можно продолжать почти до бесконечности, но общий вывод таков – в казахстанских городах повсеместно растет дефицит чистого воздуха, жизненно важных веществ и создается избыток угрожающих здоровью токсических элементов. Доминирующими заболеваниями среди подростков являются болезни органов пищеварения (16,7%), костно-мышечной системы, глаз и придатков (по 11,8%), болезни нервной системы и органов дыхания (по 9–11%), эндокринной системы и кроветворных органов (соответственно 9% и 7%). В Казахстане больше всего умирают люди от сердечно-сосудистых заболеваний, это 55% всех смертей, 40% инвалидов по этой же причине. Здесь следует подчеркнуть, что *органы пищеварения* связаны с энергией ВЛАЖНОСТИ, *костная система и мочеполовая система* – с энергией ХОЛОДА, *мышечная система и глаза* – с ВЕТРОМ и в случаях малой подвижности – с ХО-

ЛОДОМ в ВЕТРЕ, *органы дыхания* – с энергией СУХОСТИ. Восточная медицина считает, что если ребенок *отстает в росте*, то это говорит о недостатке ЖАРА в позвоночнике, т.е. в ХОЛОДЕ, *остеохондроз* – избыток СУХОСТИ и ХОЛОДА в спинном мозге, *спазм коронарных артерий* – ХОЛОД в структуре сердца (ТЕПЛЕ), *ноющие боли в сердце* – ВЛАЖНОСТЬ, *тахикардия* – ВЕТЕР. Если рассматривать социально-экономический фактор здоровья, то экономическую ситуацию для большинства населения в наше время трудно назвать стабильной. В повседневной жизни человек постоянно испытывает беспокойство (ВЛАЖНОСТЬ), печаль (СУХОСТЬ) и страх за настоящее и будущее себя и своих детей (ХОЛОД). Уровень жизни в Казахстане низок, высок процент безработных и неустроенных, проблематична социальная и правовая защищенность граждан, что создает дополнительные условия к поддержанию в обществе и на семейном уровне атмосферы постоянного стресса (избыток ВЛАЖНОСТИ, СУХОСТИ и ХОЛОДА). Как реакцию на стрессы и отрицательные примеры действительности правомерно рассматривать растущую среди подростков преступность (агрессия – ВЕТЕР). Почти каждый пятый грабеж и каждое шестое разбойное ограбление совершается подростками. Статистические данные по РК о состоянии, динамике и структуре преступности на конец 90-х годов XX в. свидетельствуют, что из общего числа преступлений на счет подростковой преступности приходится 15%. Около 7% преступлений совершается девушками и 93% юношами (по своей природе юноши характеризуются избытком энергии

ВЕТРА). Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 15 лет составляют 24%, от 16 до 17 лет – 76%. В группе совершается до 76% преступлений. Около 25% преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. В 2006 году только в Западно-Казахстанской области из 22 000 зарегистрированных правонарушений более 2 000 пришлось на несовершеннолетних. До 70% правонарушений было совершено учащимися среднеобразовательных учебных заведений. Один из самых высоких в мире уровней преступности в России. Например, ежегодное количество убийств (на 100 тысяч населения) в России – 20,5 чел. В США эта цифра составляет – 6,3 чел. В Чехии – 2,8. В Польше – 2. В 2001 году в России было совершено 33,6 тысяч убийств и покушений на убийство, 55,7 тысяч случаев причинения тяжкого вреда здоровью, 148,8 тысяч грабежей, 44,8 тысяч разбойных нападений (господствуют энергии ХОЛОДНОГО ВЕТРА и ХОЛОДА Отсутствие в семье «атмосферы спокойной радости» (ТЕПЛА), ответственности и самодисциплины – серьезный повод поиска иных «радостей» и приобщения подростка к уличной преступности. Американский психотерапевт М. С. Пека справедливо отмечает, что методика самодисциплины заключается в отсрочке удовольствия, принятии ответственности, преданности реальности и сбалансировании поведения. Также она исходит из умения вовремя поступиться чем-то, казалось бы, важным на этот момент, и таким образом сбалансировать противоречия между реалиями быта и мечтами, трудностями и фантазиями, возможностями и потребностями. Если человек понимает необхо-

димость подавления в себе животного начала и имеет потребность к духовному росту, то он просто обязан обладать способностью и культурой «внутреннего сопротивления» этому началу. То, что сегодня предлагает детям и подросткам коммерческий кинематограф, видео- и телеэкран, внедряют в сознание агрессивные компьютерные игры, скорее напоминает кинутую на «собаку-драку» тюремную «пайку», как повод для камерной разборки в борьбе за власть и «престижные» нары. Внешний облик и поведение «героев» практически неразличимы. В стремлении достичь ту или иную цель и «плохой», и «хороший» не останавливаются ни перед какими преступлениями и убийствами. «Добро» и «зло» одинаково ожесточенно машут кулаками и пинают ногами, стреляют из всех видов оружия, взрывают дома с людьми, топя корабли и легко теряя друзей и подельников. Мужчины безнравственны и ненадежны, женщины продажны и беспринципны. Кейс с денежными купюрами, наследство или счет в банке – достаточный повод для совершения любого преступления девушкой и юношей, банкиром и сенатором, бандитом и полицейским. Монстры всех мастей и калибров поселились в детских игрушках. Вампиры с наслаждением пьют молодую кровь. Чудовища с удовольствием пожирают друг друга и людей в компьютерных играх. Хрипылыми и нежными голосами ночью и днем истошно призывают убивать в телесериалах привлекательные младенцы и ласковые тети. На экранах все преступные действия стремительны, динамичны, притягательны и безнаказанны, а награда – все, что пожелаешь! Несформиро-

вавшийся психически и физически ребенок, подросток и юноша принимают не требующий труда над собой образ эгоиста и потребителя, равнодушного обывателя или вороватого подлеца-хитреца, примеряют на себя образ успешного сутенера или убийцы, «прикольной» бездельницы-бродяжки или красивой, без нравственных комплексов, проститутки. Как сомнамбулы, такие ребята сидят на уроках, жестоко участвуют в дворовых разборках, шутя подставляют «друзей», не реагируют на замечания родителей и учителей, ждут с неба «золотой дождь».

Можно, конечно, уйти в мир Гарри Поттера и ему подобных волшебников и колдунов. Вот только где взять волшебную палочку и пару волшебных фраз, чтобы желаемое пришло само, без труда и переживаний?! Зашел в такую сказку ребенок и вышел, так ничему не научившись и не приобретя, но пребывая в уверенности, что рыбку из пруда вполне можно выловить и без труда. А жизнь в ответ начинает сурово и методично наказывать, обучая уже не словами и любовью близких людей, а пинками и мордобитием уличных реалий. Как выяснилось, комедии способствуют развитию дружеских отношений и совсем не стимулируют сексуальные чувства. Совместный просмотр мистики и фантастики отдаляет влюбленных друг от друга, слегка замыкая их в себе. После ужасиков легче возникают раздражительность и поводы для мелкой ссоры. Мультфильмы и сказки рождают у влюбленных эгоизм. Здесь хочется подчеркнуть, что испытуемой группой была студенческая, т.е. достаточно взрослая аудитория. Что же говорить о детском и подростковом возрас-

те, буквально «распахнутом» влияниям окружающего мира и завораживающей жизни на светящемся экране? А этот мир за последние десятилетия изменился самым коренным образом. Из наблюдений медиков следует, что после 15–30 минутного просмотра грустного киноэпизода, кровоток уменьшается почти у 75% зрителей. Просмотр смешных эпизодов улучшает кровоток почти у 95% кинозрителей. Разница в интенсивности кровообращения у зрителей в первом и втором случае различалась более чем на половину! По мнению исследователей, реакцию человеческого организма на печальный фильм можно сравнить с реакцией на неприятные воспоминания или арифметические упражнения в уме, тогда как реакция на смешной фильм по выраженности близка к сеансу аэробики или похожа на начало приема статинов.

Американские ученые Л. Леви и Л. Элер показали, что просмотр многосерийных кинофильмов уменьшает выделение гормонов стресса – *катехоламинов*, а просмотр триллеров и боевиков – увеличивает. Американский психолог К. Изард отметил, что при просмотре кинофильма идет процесс нарастания возбуждения нейронов, возникает любопытство и интерес к действию. Долгую привязанность к этому виду отдыха создает высокая степень удовольствия при просмотре и малая степень напряжения и импульсивности. У заядлых зрителей «мыльных опер» происходит стойкое изменение суточного стереотипа поведения – от работы и повседневных забот к ежевечерней «дозе» погружения в вымышленный мир, от напряжения к некоему умиротворению. Как показали наблюдения азербайджанского ученого

В. Кнабенгофа (г. Баку) перед просмотром зрители находятся в предстартовом состоянии и выброс гормонов у них несколько повышается. Индекс напряжения от нормы 65–15 поднимается до 320, что говорит о преобладании воздействий симпатической нервной системы на работу сердца. При этом учащается сердцебиение, убыстряется пульс, суживаются сосуды, повышается давление. Пребывание в течение часа в неподвижном состоянии и сосредоточенный просмотр фильма приводил к снижению индекса напряжения до 199. При этом замедлялись сердцебиение и пульс, сосуды расширялись и давление снижалось, что говорило о том, что на регуляцию работы сердца большее влияние начинала оказывать парасимпатическая нервная система. На основании существенного снижения индекса напряжения и стабилизации состояния сердечно-сосудистой деятельности у зрителей телесериалов, сделан вывод об имеющих место определенных терапевтических последствиях, особенно для больных гипертонией, нейроциркуляторной дистонией и другими сердечно-сосудистыми нарушениями, в основе которых лежат сбой нервной регуляции.

На наш взгляд, можно с определенной уверенностью объяснить увлечение телезрителей слезливыми мелодрамами. Так, исследованиями ученых Миннесотского университета (США) доказано, что химический состав слез, пролитых под влиянием эмоций характеризуется присутствием болеутоляющих веществ. В слезах, выделившихся под влиянием природных или химических раздражителей эти вещества отсутствуют. Однако степень эмоциональной реакции на теле-

сериальные «страсти» не у всех зрителей одинакова. Отличаются зрители и по состоянию здоровья нервной и сердечно-сосудистой систем, что подразумевает индивидуальный подход к выбору объекта телепросмотра и делает вывод о телевизионной терапии неоднозначным. Избегать негативных суммаций эмоциональных стрессов позволяет позитивный настрой на жизнь, включающий: любовь к ближнему, положительные эмоции, стремление к духовному совершенству, жизненные установки на достижение доступных целей, самостоятельность поступков и действий, соблюдение режимов чередование умственной и физической деятельности, творческую активность и различные хобби, своевременный отдых дома и на природе, полноценное питание и сон.

Полезно помнить о необходимости содержания детского сознания в атмосфере любви и дружбы.

Литература

1. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – М., 2007. – 543 с.
2. Нелидов С. Н. Телософия сексуальных отношений. Кн. 2 – Алматы, 2007. – 458 с.
3. Нелидов С. Н. Экология жизнедеятельности – Алматы, 2015. – 884 с.
4. Нитченко Ю. Казахстан – в десятке стран с самым высоким уровнем суицида // Комсомольская правда. Казахстан. – 2014, № 108(26286). – С. 7.
5. Пак Пак Чжэ Ву. Лекции по Су Джок терапии. – М., 1995. – 370 с.
6. Фалькович Т. А., Толстоухова Н. С., Высоцкая Н. В. Подростки XXI века. Психолого-педагогическая работа в кризисных ситуациях. – М., 2007. – 251 с.

КАРЬЕРА, КАК ПУТЬ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Ободкова Е. А. (Ярославль, Россия)

Аннотация: Современное общество живет в эпоху изменений, в то время, когда необходимо обращение к личности человека, к причинам поступков и смыслам жизни. В статье рассматривается подход к карьере, как к пути самореализации, немыслимом без феномена «личная ответственность», понимаемым нами как способность влиять на ход событий жизни.

Ключевые слова: карьера, внутренняя и внешняя карьера, личная ответственность, бытийность.

Abstract: Modern society lives in the epoch of changes, we should look to the human personality, an appeal to reasons for actions and the meanings of life. The article discusses the approach to career as self-realization, is studied the phenomenon of “personal responsibility”, understood by us as the ability to influence the course of events in life.

Keywords: career, career internal and external, personal responsibility, Beingness.

Современное общество живет в эпоху изменений, в то время когда необходимо обращение к личности человека, к причинам поступков и смыслам жизни.

Развитие и изменения современного общества ставят новые вопросы в понимании человека в целом и в системе социальных, профессиональных, трудовых и др. отношений в частности. Полагаем, что в рамках карьерного вопроса в последние годы идут явные не только формальные, но и содержательные изменения, происходит смена акцентов внимания.

Привычное понимание карьеры, как пути достижения человеком высокого положения в обществе, связанного с материальными возможностями и властными полномочиями [8] (ориентация внешняя, социальная), переходит в поле карьеры как пути самореализации (ориентация внутренняя, личностная), что, на наш взгляд, является принципиально важным, актуальным и интересным трендом [4].

Карьера – это «путь человека», отсутствующий в факте природы (у животных

е нет), он присущ исключительно общественной системе, задающей социальные траектории. Карьера как культурологический феномен, как способ умножения жизненных сил общества, именно в сознательном и целенаправленном умножении таких сил возможна взрослая ответственная позиция человека, как развивающегося субъекта культуры.

Практически все исследователи, определяя карьеру, в качестве результата ставят профессиональный или должностной эффект в жизни личности, например:

Ожегов С. И. дает определение: карьера – «род занятий, путь к успехам, видному положению в обществе, достижение высокого положения» [6].

Иванцевич Д. М., Лобанов А. А.: карьера – «индивидуально осознанная последовательность изменений во взглядах, позиции и поведении, связанных с опытом работы и длительностью работы в течение трудовой жизни» [2].

Сотникова С. И.: карьера – «индивидуально осознанная позиция и поведение, связанное с накоплением и исполь-

зованием возрастающего человеческого капитала на протяжении рабочей жизни человека» [8].

Маршал Г.: карьера – «роли, через которые проходит индивид за период трудовой жизни, приобретая престиж, связанные с социальной мобильностью» [8].

Хенеман Х.: «последовательность должностей, через которые проходит работник у одного нанимателя» [8].

Мы говорим о карьере, как пути, на котором человек осознанно создает ценности и смыслы вокруг себя, строит пространство и самореализуется. Этот путь очень сложен, т.к. его построение, его результаты, ответственность полностью лежат на конкретном человеке – это путь для зрелых и сильных личностей, можно сказать для людей со стилем мышления под названием «вне системы».

Углубим нашу мысль через разделение карьеры на внешнюю по отношению к Бытию человека и внутреннюю.

Под Бытием человека мы понимаем осознанный путь создания внешних и внутренних форм (по отношению к человеку) и их заполнение своим внутренним содержанием (заполнение формы собой).

Внешняя карьера – это путь, созданный системой (организацией), путь выполнения конкретных правил, политик, регулирующих движение сотрудника в структуре (компании). В данном случае, что бы карьера «складывалась», человеку необходимо усвоить ценности этой компании, а если они отличаются от индивидуальных ценностей и человек продолжает работать, то встает вопрос о Бытийности данного человека (т.е. вопрос выбора перед человеком кем или чем он будет являться).

Внутренняя карьера – это путь, создаваемый человеком, посредством осознанного отношения к себе и миру, личный путь, по которому человек идет в мире социальных структур.

На данном этапе развития общества наблюдается тренд: человек, осознающий свою Бытийность, берущий ответственность за свой личный выбор не нуждается в организации, как задавателе карьерной структуры (карьерного движения), как месту построения карьеры, если такой человек идет работать в организацию – то это его осознанный выбор, он понимает зачем он пришел в структуру. На данном этапе есть примеры современных компаний, которые меняют свои «закостенелые карьерные траектории» по отношению к сотрудникам и предоставляют возможности для внеструктурной самореализации продвинутых и перспективных людей, несущих содержание и смыслы. Компании, которые нацелены на человека и создают условия для реализации ими своего потенциала, получают в них благодарных союзников, клиентов и пропагандистов. Что если такой посыл осуществить в рамках целой страны?...

Не нужно обманывать себя, как исследователей и четко понимать, что среди нашего населения большинство живет неосознанно, т.е. не мыслят себя осознанно в поле своей профессии, семьи... или жизни в целом, не задают себе вопросы почему и зачем я это делаю..., что влечет за собой безответственное поведение, поведение вне выбора, поведение, полностью регулируемое внешними по отношению к Бытию человека правилами.

Осознанная самореализация, проявление своего Бытия требуют от человека быть способным к личной ответственности.

ности за свой выбор. Ответственность за свою Бытийность (за выбор: кем или чем человек будет являться) мы рассматриваем как способность влиять на ход событий своей жизни.

На наш взгляд, при изучении карьеры как пути самореализации, как пути проявления своего Бытия вне зависимости от того, кто задает структуру карьерного движения, вопрос ответственности, как способности, влиять на ход событий своей жизни является ключевым.

Путь самореализации ставит вопрос об осознании личностью себя в данном пути, о формировании пространства, в котором такая самореализация возможна, о специфических чертах подобной личности.

Проведенное нами исследование показывает, что описанное движение возможно только в том случае, если личности присущи черты: осознанность, личная целеустремленность/целенаправленность, широта кругозора (вне стереотипов) и гибкость поведения, социальная ориентация... и как системообразующий феномен – феномен личной ответственности [5].

Для нас интересен феномен личной ответственности, возникающий в поле самореализации, в нашем понимании карьера требует постоянного принятия самостоятельного решения, после чего все плюсы и минусы становятся плюсами и минусами конкретной личности, а не структуры или системы.

Ответственность – специфическая для зрелой личности форма саморегуляции и самодетерминации, выражающаяся в осознании себя как причины совершаемых поступков и их последствий

и в осознании и контроле своей способности выступать причиной изменений (или противодействия изменениям) в окружающем мире и в собственной жизни [7].

Мы рассматриваем личную ответственность не как цель, это способность человека, а, скорее, даже целый путь, это способ жить определенным образом, а с точки зрения деятельностного подхода личная ответственность становится деятельностью, со всеми свойственными ей характеристиками. Личная ответственность развивается через механизмы осознания и рефлексии.

Карьера в рамках пути самореализации – это движение вне или внутри системы (конкретной организации), это путь с личностно и осознанно выстроенными правилами, приоритетами и ориентирами, несущий добавочную ценность обществу и окружению. Результатом такой карьеры становится создание «осознанного поля смыслов, идей, событий».

Каждый ли из нас готов встать на путь осознания, путь личной ответственности и самореализации, каждый ли готов осознанно творить поле смыслов и оставлять ценности обществу, или, как отмечает Г. Гурджиев: «мы готовы быть машинами, работающими по внешним, зарегламентированным правилам» [1]. Выбор за нами, и пусть он будет личностно осознан и ответственен!

Литература.

1. Гурджиев Г. И. Все и вся <http://audiotracker.org/audio/4702/>
2. Иванцевич Д. М., Лобанов А. А. Человеческие ресурсы управления: Основы управления персоналом – М.: Дело, 1993
3. Коноваленко М. Ю. Моделирование деловой карьеры – М.: Дашков и К, 2010–176 с.

4. Ободкова Е. А. Имиджевая политика: Молодой профессионал: коллективная научная монография / общ. ред. Е. А. Ободковой – Ярославль: ООО «Аверс Плюс», 2014.– 276 с.
5. Ободкова Е. А. Имиджевая политика организаций: карьерный аспект// Человеческий фактор: Социальный психолог. – Ярославль, 2015, 31 (29). – С. 76–80.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка – М.: Мир и Образование, Оникс, 2011.– 736 с.
7. Психологический словарь//Мир психологии, 20.10.2015 <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=616>
8. Сотникова С.И. Управление карьерой: Учеб.пособие / С. И. Сотникова. – М.: ИНФРА-М, 2001.– 407 с.

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНАМИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Сандомирский М. Е., Гимранова Э. Ф. (Москва)

Аннотация

Обсуждаются социально-психологические аспекты помощи женщинам, ставшим жертвами насилия, и механизмы формирования у них психосоматических расстройств в отдаленном периоде психологической травмы

The problem of violence against women is discussed, including socio-psychological aspects of help to the victims and mechanisms of posttraumatic psychosomatic disorders

Ключевые слова

Агрессия, насилие в отношении женщин, посттравматические психосоматические расстройства у женщин, виктимность

Keywords

Aggression, violence against women, posttraumatic psychosomatic disorders in women, victimization

Актуальной проблемой общества является насилие (сексуальное, физическое), жертвами которого становятся женщины. Подобное насилие становится одной из социальных эпидемий [3] современного общества, даже в развитых странах. Так, по данным исследования «Насилие против женщин» (GewaltgegenFrauen) Агентства Европейского Союза по основным правам (FRA), респондентами которого стали 42 тысячи женщин от 18 до 74 лет в 28 странах Евросоюза, 33% опрошенных после достижения 15-летнего возраста подвергались телесному и/или сексуальному насилию. Из них 18% женщин становились жертвами назойливого преследования, 5% – изнасилований. При этом 12% опрошенных подверглись той или иной форме сексуального домогательства со стороны взрослых мужчин еще до достижения 15-летнего возраста [10, 12].

Аналогичная европейским данным ситуация наблюдается и в мире. В результате агрессия, направленная на женщин, по своим последствиям может рассматриваться как эпидемия не только в социальном или психологическом, но и в клиническом смысле. Подытоживая результаты исследования Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ, 2013), Генеральный директор ВОЗ М. Чан сделала вывод: «Насилие в отношении женщин является глобальной проблемой здравоохранения, имеющей масштабы эпидемии» [10].

К сожалению в нашей стране проблема стоит еще более остро, чем в развитых странах Европы. Отмечается устойчивый многолетний негативный тренд динамики психологических характеристик российского общества: за период с 1981 по 2011 гг. по экспертным оценкам уровень агрессии вырос в 3,95 раза [6]. Вку-

пе с кризисом семьи как социального института и разрушением моральных устоев общества, снижением уровня общей культуры это приводит к росту насилия в отношении женщин. Так, в России ежегодно 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесённых мужьями; насилие над жёнами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвёртой семье [7].

Помимо самого насилия, существует еще проблема правовой защиты и социально-психологической реабилитации жертв. Нередки случаи, когда женщина, подвергшаяся насилию, не обращается ни в органы охраны правопорядка, ни к специалисту стыдясь произошедшего, боясь огласки и последующего осуждения общества. Одной из причин подобного виктимного поведения становится чувство вины, точнее – самообвинения, возникающего вследствие распространенных в обществе неадаптивных убеждений: якобы в подобных случаях виновата сама жертва насилия, которая своим поведением спровоцировала агрессора.

В результате женщина переживает свою психологическую (а порой и физическую) травму, лишая себя поддержки окружающих либо подвергая себя добровольной социальной изоляции, «один на один» со своей бедой, что приводит к вторичным негативным последствиям в форме нервно-психических и психосоматических расстройств. Многие из жертв насилия годами носят в себе неотрагированные травматические переживания и аффективно ассоциированные воспоминания, не будучи готовыми не только рассказывать о происшедшем

своим близким, но и даже признавать, что это с ними это случилось.

Какие отдаленные последствия перенесенного насилия могут выступать в качестве психотерапевтических запросов при обращении женщины за помощью?

а) Обычные (не соматические) психотерапевтические запросы.

При обращении за психотерапевтической помощью с самыми различными запросами у части клиенток в процессе длительной терапии обнаруживается в анамнезе перенесенное насилие, причем в контексте терапевтической работы этот эпизод оказывается связанным с изначальным запросом. Механизмом такого избегания выступают не только вытеснение и рационализация (обычные рациональные формулировки «все это было давно», «эта тема меня уже не беспокоит», «я уже об этом забыла думать»), но и сознательный запрет думать на эту тему и признавать значимость травматичного события. Конечно, это не способствует действительно глубокой переработке травматичных аффективно-связанных воспоминаний, и делает возможной реактивацию подавленного подсознательного материала в обход защитных механизмов.

Необходимо учитывать и роль личностных особенностей в переработке травмы. Изначально у части женщин, становящихся жертвами насилия, присутствует виктимность. Она может быть связана с инфантильной структурой личности и склонностью к возрастной регрессии, поскольку именно регрессионное состояние жертвы, возникающее в моменты стресса, воспринимается агрессором как беззащитное, беспомощное и становится для него внешним моти-

ватором проявления насилия и внутренней индугенцией безнаказанности [4].

Подобные закономерности не носят только лишь гендерный характер. Они могут быть отнесены и к описанному Н. FlandersDunbar «травматическому» типу личности [4], также связанному с инфантильными чертами личности [1, 2]. В более широком контексте, подобные личностные особенности могут обнаруживаться у лиц с синдромом жертвы несчастного случая (syndrome of accident proneness), как основа неадаптивных паттернов поведения [9].

В результате, по данным упомянутого исследования FRA [10], отдаленными психологическими последствиями перенесенного женщиной насилия становятся депрессия, ощущение страха, панические атаки, нарушение сна, нарушение концентрации внимания, потеря чувства уверенности, проблемы в межличностных отношениях. На основании обобщения опыта психотерапевтической практики, необходимо также учитывать в случаях насилия, связанного с угрозой для жизни, последствия в форме посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), приводящего к нарушению социально-психологической адаптации вследствие социального отгораживания.

б) Психосоматические терапевтические запросы.

В психотерапевтической практике у женщин, перенесших насилие, в отдаленном периоде чаще всего отмечают запросы со стороны урогенитальной, эндокринной и респираторной систем; это по-видимому связано с тем, что соответствующие органы и системы выступали в роли мишеней перенесенного стресса [4]. Необходимо также учитывать

возможность возникновения болевого синдрома, особенно урогенитальной локализации, как следствие перенесенного (в т.ч. в детстве) сексуального насилия, по механизму соматизации вытесненных болезненных психологических воспоминаний [11]. Перенесенное в детстве насилие может также стать причиной последующего нарушения возрастного развития, как психического, так и соматического [4].

Необходимо подчеркнуть, что перенесшие насилие женщины в дальнейшем по механизму переноса подсознательно транслируют отношение к агрессору и непереработанные аффекты в своем социальном окружении, включая семейное. Это может становиться причиной индуцированных психосоматических нарушений у детей [4, 5], описанных как эффект «психосоматогенной семьи» [8].

Таким образом, женщины, ставшие жертвами насилия, в отдаленном периоде перенесенной психотравмы нуждаются в психотерапевтической помощи в связи как с психологическими, так и психосоматическими последствиями последней. Для того, чтобы сделать для них помощь более эффективной и доступной, а обращение за ней своевременным, целесообразно широкое информирование общества о проблеме насилия в отношении женщин, как в аспекте ее социальной значимости, так и в аспекте возможных последствий перенесенного насилия и их коррекции.

Литература

1. Карвасарский Б. Д. Медицинская психология. – Л.: Медицина, 1982.– 272 с.
2. Карвасарский Б. Д. Клиническая психология. – СПб.: Питер, 2014–896 с.

3. Катков А. Л. Деструктивные социальные эпидемии: опыт системного исследования. Павлодар: РНПЦ, 2012.– 223 с.
4. Сандомирский М. Е. Посттравматические психосоматические расстройства у женщин // Литклуб. Рег. № 214032101324 от 21.03.2014
5. Сандомирский М. Е. Семейные аномалии // Наша психология № 4(49), 2011. – С. 116–117
6. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: ЗАО «Изд-во «Питер», 1999.– 656 с.
7. Юревич А. В., Юревич М. А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012.– 413 с. – С. 21–41
8. Юревич А. В. Нравственное состояние современного российского общества // Социологические исследования. 2009. № 10
9. Burnham J. C. The syndrome of accident proneness (Unfallneigung): why psychiatrists did not adopt and medicalize it // History of Psychiatry.– 2008.– 19(3) – Pp. 251–274
10. Knaack B. EU-Studie: Jede dritte Frau in Europa ist Opfer von Gewalt // Spiegel.– 04.03.2014. Электронный адрес: <http://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/eu-studie-frauen-erleben-haeufig-psychische-und-physische-gewalt-a-956872.html>
11. van der Kolk B. A., McFarlane A. C., Weisaeth L. Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body and society. New York: Guilford Press, 1996
12. Violence against women. Intimate partner and sexual violence against women / WHO World Health Organization. Fact sheet No. 239. – November 2014 Электронный адрес: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs239/en/>

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ РАЗВИТИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Стародубцева Г. А., Фролова О. П. (Иркутск)

Ключевые слова: Безопасность среды, информационная безопасность детей, социальная ситуация развития ребенка, роль взрослого в обеспечении информационной безопасности ребенка.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности современной социальной среды, оказывающие различные воздействия на развитие детей в разные сензитивные периоды. Отмечается повышение роли взрослых, особенно воспитательных и образовательных институтов в адаптации информационных технологий и наработок информационного общества для психического развития детей.

Key words: Security protection, information security of children, social situation of development of the child, the adult role in ensuring the child's safety information.

Annotation: The article discusses the features of the modern social environment, have different effects on the development of children at different sensitive periods. There enhancing the role of adults, especially educational and training institutions in the adaptation of information technology and the developments of the information society for the mental development of children.

Современное общество характеризуется насыщенностью стремительно развивающимися информационными технологиями, массовыми коммуникациями, ростом потребления информации в сети Интернет, интенсивным оборотом рекламной продукции, электронных и компьютерных игр, аудиовизуальных сообщений и материалов. Все это приводит к тому, что перед государством и обществом встает задача разработки эффективных механизмов обеспечения информационной безопасности детей в целях формирования здоровой, гармоничной личности.

Информационная безопасность определяется как состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью, физическому, психическому, духовному и нравствен-

ному и составляет важнейший аспект психологической безопасности ребенка (ФЗ № 436 от 29.12.10 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). Это связано с представлением в целом о безопасности среды, которая, в свою очередь, является таким ее состоянием и условием жизнедеятельности конкретного человека, группы, общества в целом, обеспечивающая целостность, адаптивность, функционирование и развитие социальных субъектов, как отдельного человека, так и групп, и общества в целом.

Рассматриваемые сегодня аспекты информационной безопасности детей ставят вопросы перед возрастной психологией, связанные с изучением изменившихся социальных условий развития и образования детей. Опираясь на идеи культурно-исторической концепции

Л. С. Выготского, необходимо еще раз обратить свое внимание на главные принципы и процессы усвоения личностью норм и ценностей конкретной группы и общества, обеспечиваемые механизмами интериоризации, которые складываются в ходе диалога, общения и совместной деятельности ребенка с другими детьми и со взрослыми [2].

Разъясняя механизмы культурного развития, Л. С. Выготский подробно останавливается на доказательстве тех основ, на которых строится современная отечественная детская психология и которые являются уже очевидными, но явно требующими еще и еще раз актуализации. Во-первых, отечественный исследователь утверждает, что биологическое и историческое развитие ребенка, или натуральное и культурное, сплетаются между собой, образуя единый процесс. Причем различные формы сплетения этих двух процессов и дают своеобразие каждой возрастной ступени в развитии поведения и своеобразный тип детского развития. Далее этот тандем психического (биологического) и социального (культурного) обретает смысл в понятии «социальная ситуация психического развития ребенка» [1].

Во-вторых, более отчетливо Л. С. Выготский раскрывает понятие «развитие высших психических функций» через развитие двух ветвей высших форм поведения в онтогенезе: первая связана с процессом овладения внешними средствами культурного развития и мышления – языком, письмом, счетом, рисованием, вторая включает процессы развития специальных высших психических функций, не ограниченных и не определенных сколько-нибудь точно и называемых

в традиционной психологии произвольным вниманием, логической памятью, образованием понятий и т.д. Те и другие, взятые вместе, и образуют то, что мы называем процессом развития высших форм поведения ребенка. Из этого набора психических проявлений отчетливо видны, условно называемые, ведущие средства развития психики и искомые результаты развития, которые собственно и есть высшие психические функции. Очевидно, что своевременное и полное их развитие в определенное время (сензитивный период), позволяют создать базу для дальнейшего освоения высших форм поведения, при этом развивающаяся личность использует только тот наличный материал, который раскрывается ему в современном обществе, использует только те орудия и предметы, которые ему предлагаются.

Таким образом, представления отечественной психологии о социальной ситуации психического развития ребенка позволяют вписать онтогенез его личности в социально-исторический контекст. Социальная ситуация развития напрямую связана с объективными условиями онтогенеза и социогенеза: социальными, политическими, экономическими, правовыми и др. предпосылками развития личности. Немаловажны социальный статус детства в конкретном обществе и социальные роли, развивающие общую социальную позицию ребенка: систему его отношений к условиям, статусу, ролям, выражающуюся в его установках, готовности к принятию ценностей и ожиданий референтной для него группы.

Те социально-экономические изменения, которые сейчас происходят в обществе, возможность бесконтроль-

ного использования информационной продукции детьми и подростками приводят к быстрой смене социальной ситуации развития ребенка, а, следовательно, к трудности формирования традиционной культурной идентичности подрастающего поколения. В итоге, опасная среда и социальные условия становятся угрозой для их психологического благополучия и всестороннего развития.

В Концепции информационной безопасности Российской Федерации выделяется ряд особенностей условий социальной среды, которые привели к изменению социальной ситуации психического развития детей в современном информационном обществе [6]:

1. социальная стратификация детства, повлекшая за собой нарастание групповых различий в траекториях развития детей из разных слоев населения;
2. социальная аномия (Э. Дюркгейм), характеризующаяся исчезновением одной ценностной системы общества при несформированности другой. В настоящее время нарастает культ ценностей потребления, достатка в ущерб ценностям духовного саморазвития, творчества;
3. высокая социальная неопределенность, обусловленная резкими переменами в экономической, политической жизни общества;
4. кризис института семьи (рост разводов, неполных семей, девиантного материнства, жестокого обращения с детьми), рост социального сиротства;
5. утрата преемственности ступеней дошкольного и общего образования

находит свое отражение в росте явлений школьной дезадаптации, формирования психического и умственного развития детей;

6. информационная социализация детей, замещающая собой традиционные институты социализации, приводит к потере «значимого взрослого» для детей;
7. культурная депривация приводит к невозможности обретения культурной идентичности ребенком, поскольку весомую долю информационной медиапродукции составляет зарубежная продукция или продукция, снятая под копировку, что подразумевает в основе своей различные стандарты поведения, идеалы, духовные традиции.

Из всех, справедливо отмеченных выше многочисленных характеристик изменившихся социальных условий и влияющих на социальную ситуацию развития психики ребенка, обратимся к последним двум, на наш взгляд, напрямую указывающих на информационную составляющую настоящей среды. Итак, если коротко говорить, современные дети предпочитают всем привычным способам социализации виртуальный мир, который лишает их возможности развиваться в реальном предметном мире и, более того, элиминирует образцы поведения значимых взрослых в традиционной схеме: ребенок – родители, прародители, родственники, друзья. И, во-вторых, наполненность этого мира содержанием чуждым отечественным традициям, замещение их клишированными потребительскими (в широком смысле, включая и агрессивными) элементами, приводит к утрате возмож-

ностей социализации ребенка в том объеме и качестве, которые традиционны для нашей культуры, связанные с памятью о предках и народной мудростью. Все это последовательно ведет к задержке в развитии, а в дальнейшем – и социальной дезадаптации в разных ее формах и проявлениях.

Особенно актуальна данная проблема для детей дошкольного возраста. Этот период детства является сензитивным для развития разнообразных способностей. В основном в младшем дошкольном возрасте дети в предметных играх воспроизводят предметные действия, в среднем – преимущественно в ролевой игре пробуются межличностные отношения, а в старшем – развиваются нормативные отношения в играх по правилам. Причем надо заметить, что пропуски в развитии соответствующих сензитивным периодам элементов психики, не только трудно восполнимы, но ведут к задержке развития последующих их форм.

В последнее время воспитателями детских садов отмечается неразвитость у современных детей предметных действий, неумение участвовать в ролевых играх, устанавливать контакт со взрослыми и детьми, а больше проявляются обособленные формы существования в пространстве, наблюдается в целом снижение познавательной активности детей, недоразвитость речь и пр. Очевидно, что это связано не только с условиями информационной насыщенности, но именно с отсутствием учета возрастной сензитивности детского развития. Говоря об информационной безопасности, речь идет не только о сбережении эмоционального и психологического благополучия детей, особенно в дошкольном возрасте,

от негативной информации, вредной для ребенка, но и о запретах, непонимании использования современных условий высокой информатизации, компьютеризации для развития и повышения адаптивности личности в социуме в дальнейшем.

По большому счету, социальная ситуация развития психики ребенка (или включенность онтогенеза в социально-исторические условия) в настоящее время такова, что от компьютерных технологий отгородить детей невозможно, а возможно только включение и учет их в этом процессе.

Так, при написании программ развития для дошкольной образовательной организации, мы обращаем свое внимание (при научном сопровождении данных организаций) на создание положений об организации игровой деятельности детей с включением компьютерных и других информационных возможностей среды. Например, в программе по формированию социально-психологической готовности детей к школе (учитывая сензитивные периоды от младшего к среднему и старшему дошкольному возрасту) делается акцент на целенаправленную организацию игровой деятельности с включением в нее и с использованием компьютерных детских игр (а не запрета или неразумных ограничений), обучающих программ, современных мультфильмов, добиваясь гармоничного сочетания их с традиционными (предметными, ролевыми, по правилам) играми. В инновационном проекте о влиянии сюжетно-ролевой игры на социально-психологическое развитие детей дошкольного возраста особое внимание уделяется именно ресурсам и возможностям ролевой игры в овладении ребенком таких навыков, как: умение вза-

имодействовать, разрешать простейшие конфликты, соблюдать правила совместных действий, проявлять терпимость по отношению к другим участникам процесса и т.д. При этом современная информационная продукция для детей как бы вплетена в игру: дошкольники сначала смотрят, например, мультфильм, затем, совместно с воспитателем, обсуждают сюжет, поступки главных героев, стараются выяснить причины их поведения, плохого или хорошего, затем разбирают роли персонажей и, наконец, проигрывают их в своей сюжетно-ролевой игре. Это уже не просто игра-подражание элементарных действий и сюжетов, это уже становится игра с осмыслением, с пониманием сути поступков, дети дошкольного возраста понимают, зачем и почему, в случае, необходимости, они могут полностью изменить свою игру в тех направлениях, в которых, как им кажется, герои должны поступать правильно и конструктивно.

Роль взрослого в создании безопасной социальной среды, условий развития была всегда ведущей, в связи с ростом агрессивности этой среды в форме массивного информационного потока на сознание ребенка становится еще более важной, чем прежде. Взрослый в современном мире должен стать проводником для детей в информационной среде, поскольку несовершеннолетние легко поддаются влиянию и уязвимы перед негативным воздействием информационной продукции, что влияет на их психологическое развитие. Но невозможно добиться этих целей запретом, а следует использовать настоящие условия среды, не исключая их воздействие.

Современная социальная ситуация развития детей обусловлена, с одной стороны, их психологическими и возрастными особенностями, а, с другой стороны, получаемой и воспринимаемой детьми информацией, которая либо способствует их развитию, либо, наоборот, оказывает деструктивное влияние на формирование их сознания, психических процессов и эмоционального благополучия. Таким образом, говоря об информационной безопасности в самом широком смысле, мы имеем в виду безопасное функционирование психических механизмов, не затрудняющих развитие способностей и психики ребенка в соответствии с сензитивными периодами, но с грамотным включением условий и средств современных информационных технологий и создание соответствующих контекстов социальной ситуации развития. Условия эти должны создаваться посредством традиционных институтов социализации (семья, сверстники, детский сад, школы и т.д.) в связке с современными средствами доставки информации (СМИ, Интернет, массовые коммуникации и др.).

Литература:

1. Выготский, Л. С. Проблемы возрастной периодизации детского развития / Л. С. Выготский // Вопросы психологии, 1972, – № 2, – С. 3–12;
2. Выготский Л. С. Проблема возраста / Л. С. Выготский Собр.соч. в 6 т. Т. 4. – М.: Педагогика, 1983;
3. Выготский Л. С. Проблема развития высших психических функций / Л. С. Выготский // Психология развития как феномен культуры: Под ред. М. Г. Ярошевского. – М.: Изд-во «Инст-т пратической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – С. 219–261;

4. Выготский Л. С. Педагогическая психология / Лев Выготский; под ред. В. В. Давыдова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2008;
5. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»;
6. Концепция информационной безопасности РФ. Раздел 8. Методологические основы, положения и принципы возрастнопсихологического подхода к анализу вредного воздействия средств массовой информации и других средств массовой коммуникации, включая информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, и иной информационной продукции на психическое развитие и здоровье детей и подростков. Электронный ресурс: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/p700/p701/>

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ У ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ ГОЛОСА

Барабанов Р.Е. (Москва)

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты исследования эмоционально-личностной сферы пациентов с нарушением голоса, описываются различные подходы к исследованию эмоциональных состояний у лиц с голосовой патологией, представляются результаты исследования эмоционально-личностной сферы у лиц с патологией гортани.

Abstract. The article discusses the theoretical aspects of the study of emotionally-personal sphere of patients with voice disorders, describes various approaches to the study of emotional states in people with voice disorders, presented results of a study of emotionally-personal sphere in patients with laryngeal pathology.

Ключевые слова: голос, нарушение голоса, дисфония, эмоционально-волевая сфера, эмоциональное напряжение.

Keywords: voice, voice disorders, dysphonia, emotional and volitional, emotional stress.

Введение

Эмоционально-личностная сфера любого человека имеет сложное многоуровневое строение и включает в себя различные эмоциональные реакции, эмоциональные состояния, чувства, свойства личности, а также характерные черты поведения.

Отношение любого человека как отдельно взятого индивида к объекту реальной действительности отражается на нескольких уровнях:

На психологическом – в виде личностного переживания;

На физиологическом – в форме изменения ЧСС, дыхания, сдвигов в обменных процессах;

На поведенческом – в виде невербальной экспрессии (мимики, жестов) и различных действий (побега, борьбы, оцепенения и т.п.).

Эмоциональное состояние в психологической науке многими авторами

определяется как прямое отражение переживания человеком собственного отношения к себе и к другим людям – в зависимости от уникальной жизненной ситуации, предшествующего психоэмоционального состояния и особенностей личности.

Следовательно, любые негативные эмоциональные состояния больного человека превращаются в самостоятельный процесс переживания, оказывая влияние на его личностную сферу, что в свою очередь приводит к возникновению тревоги, усугубляя соматическое заболевание и оттягивая процесс выздоровления. Поэтому, важно понимать, что положительный психоэмоциональный фон благотворно влияет на личность индивида, способствуя его скорейшему восстановлению.

Для анализа эмоционально-личностного состояния человека в рамках клинической психологии широко применяется

экспериментально-психологический метод. Ондает возможность изучать не болезнь пациента как таковую, а самого больного, при этом не столько классифицировать и диагностировать, сколько понимать и помогать больному человеку.

Экспериментально-психологический метод обращен к настоящему и прошлому человека, так как личность не может рассматриваться вне процессов своего развития. **Экспериментально-психологический метод** интегрирует весь спектр доступной клиническому психологу информации, относящийся к генезу личности пациента и патологических явлений [27].

Исходя из этого, мы можем предположить, что наиболее важную роль в определении общего вектора реабилитационной работы и тактики лечения играет своевременная и качественная оценка эмоционально-личностной сферы пациента, находящегося в трудной для него ситуации, а именно в состоянии болезни при помощи экспериментально-психологического метода исследования. Это очень важно для определения дальнейшей стратегии профилактической работы на фоне психокоррекции общего эмоционального состояния и личностных особенностей человека.

Из-за пагубных средовых воздействий и риска серьезных гортанно-трахеальных заболеваний, а также различных голосовых нарушений в наше время частота эмоциональных расстройств и их негативных последствий среди взрослого населения растет, поскольку возрастает количество проблем, с которыми сталкивается пациент в период своей болезни, это определяет **актуальность представленной темы.**

Цель работы-исследование эмоционально-личностной сферы у лиц с нарушением голоса.

Объект исследования – эмоционально-личностная сфера людей с голосовой патологией.

На основе изученной литературы по данной проблеме был выбран **предмет исследования** – особенности эмоционально-личностной сферы представителей взрослой возрастной группы под влиянием голосовых расстройств и без, в частности, степень истощения жизненных сил, уровень психосоциального стресса, преобладание определенных эмоциональных черт, степень выраженности ситуативной и личностной тревожности и т.п.

Гипотезы

Общая гипотеза исследования: предполагается, что существуют различия между особенностями эмоционально-личностной сферы больных с голосовой патологией и лицами, не имеющими заболеваний гортани.

Частные гипотезы исследования:

1. Степень истощения жизненных сил и выраженность депрессии у лиц с нарушением голоса выше, чем у лиц, не имеющих таковой патологии.
2. Уровень психосоциального стресса у лиц с голосовыми расстройствами выше, чем у лиц, не имеющих этих расстройств.
3. Уровень ситуативной тревожности (СТ) у лиц с патологией голоса выше, чем у лиц, не имеющих голосовых расстройств.
4. Уровень личностной тревоги (ЛТ) у лиц с голосовыми расстройствами

выше, чем у лиц, не имеющих таких расстройств.

5. Существует разница между наибольшей и наименьшей выраженностью некоторых эмоциональных черт в экспериментальной и контрольной группах.
6. У лиц с нарушением голоса уровень агрессивности выше, чем у лиц, не имеющих голосовой патологии.
7. Уровень враждебности у лиц с заболеванием голосового аппарата выше, чем у лиц, не имеющих таковой патологии.

Для подтверждения настоящей гипотезы были поставлены следующие **задачи**:

1. Анализ литературы по теме исследования;
2. Изучение видов и причин возникновения голосовых расстройств;
3. Проведение эмпирического исследования тревожности, депрессии и агрессии у лиц с нормальным состоянием голоса и с поражением голосового аппарата;
4. Сравнительный анализ результатов по показателям тревожности, депрессии и агрессии в экспериментальной и контрольной группах.

Контингент испытуемых: исследование проводилось на базе ФГБУ «Научно-клинический центр оториноларингологии Федерального медико-биологического агентства России». Было исследовано 50 пациентов с нарушением голоса в возрасте от 18 до 56 лет (33 мужчины и 17 женщин).

Контрольная группа была набрана из АОЧУ ВО «Московский финансово-ю-

ридический университет МФЮА». Было исследовано также 50 человек в возрасте 18–45 лет (29 женщин и 21 мужчина).

Объекты и методы исследования:

В данной работе было проведено исследование особенностей эмоционально-личностной сферы лиц с нарушением голоса в возрасте 18–56 лет, а также лиц с нормальным функционированием голосового аппарата в возрасте 18–45 лет, общим количеством 100 человек. В экспериментальной группе – 50 человек, в контрольной – 50, мужского и женского пола.

Исследование было проведено на базе ФГБУ «Научно-клинический центр оториноларингологии Федерального медико-биологического агентства России». Там же была набрана экспериментальная группа.

Контрольная группа была набрана из АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА».

Экспериментальная группа состояла из пациентов с функциональной дисфонией (33 мужчины и 17 женщин). Преобладали лица молодого и трудоспособного возраста ($29 \pm 1,1$ года). Разделение пациентов согласно их нозологической формы заболевания представлено в таблице 1.

Давность заболевания составляла от 1 недели до 7 лет.

Среди нозологических форм превалировала функциональная дисфония – 74% (см. таблицу 1). Органическая патология в виде доброкачественного новообразования гортани была диагностирована в 26% случаев.

В данной работе использовались следующие методы:

1. Опосредованное и непосредственное наблюдение;

Таблица 1 – Нозологические формы

Диагноз	Мужчины	Женщины	Абсолютное число больных	Всего больных в%
Гипотонусная дисфония	11	5	16	32%
Гипертонусная дисфония	3	1	4	8%
Психогенная дисфония	4	2	6	12%
Парезы и параличи голосовых складок	8	3	11	22%
Узелки голосовых складок	7	6	13	26%
Абсолютное число больных	33	17	50	100%
Общее число больных в%	66%	34%	100%	

2. «Самооценка тревожности» Спилбергера-Ханина;

3. «Тест на истощение жизненных сил и депрессию» А. А. Аппелса;

4. Опросник К. Изарда «Основные эмоциональные черты»;

5. «Шкала психосоциального стресса» Л. Ридера.

6. Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки.

Результаты исследования и их анализ

Для оценки достоверности различий между выборками использовался U-критерий Манна-Уитни. Статистический критерий предназначен для выявления различия между двумя независимыми выборками по уровню какого-либо признака, измеренного количественно. В результате статистического анализа мы получили следующие данные:

1) Показатели ситуативной и личностной тревожности статистически значимо выше в группе больных респондентов, чем у здоровых $U(20) = 72, p < 0,1$ с преобладанием нестабильного эмоционального состояния, сопровождающегося напряжением, беспокойством, нервозностью.

2) У мужчин с патологией голоса выше показатели личностной и ситуативной тревожности, а у женщин с расстройствами голоса сильнее выражен психосоциальный стресс.

3) У респондентов с нарушением голоса преобладают такие эмоции как горе, страх, гнев. У здоровых преобладают возбудимость, интерес $F(9) = 3,6, p < 0,1$, радость $F(9) = 3,2, p < 0,1$. и эмоциональная возбудимость $F(9) = 3,23, p < 0,1$. Чувствительность к мнениям и чувствам других, социальная конформность, а также интерес к окружающему миру, удивление снижают риск возникновения голосовых расстройств.

4) Основными факторами, сопутствующими патологии голоса, являются такие эмоциональные черты, как отсутствие интереса к жизни, страдание и горе, невысокий порог возбудимости и, как следствие, позднее отреагирование чувств.

Заключение

В результате изучения многих литературных источников, а также опираясь на данные исследования, можно сделать ряд выводов относительно проблемы представленной работы:

Как мы выяснили, нарушение голоса – это сложное структурно-функциональное нарушение, требующее комплексного подхода не только к диагностике, но и к самой лечебно-коррекционной работе;

Больные с нарушением голоса обладают специфическим набором эмоционально-личностных и поведенческих качеств, которые оказывают серьезное влияние на ход течения заболевания, а во многих случаях являются первопрричиной возникновения голосовой патологии;

Особенности эмоциональной сферы таких пациентов обуславливают важность и необходимость комплексного подхода к реабилитации такого рода больных. Требуется не только медико-педагогическая работа, но и психологическая коррекция, желателно с применением специальных психотерапевтических техник, которые направлены на изменение эмоционального и мотивационного фона данного контингента больных;

Программа оздоровительно-коррекционных мероприятий должна быть дифференцирована, патогенетически обусловлена и личносно ориентирована;

На первом этапе работы, обучающиеся должны научиться достигать полного телесного расслабления, регулировать тонус собственного тела, осознанно избавляться от излишнего эмоционального напряжения. Для этого использовались задания на восприятие напряжения в теле и регуляцию тонуса. Всем лицам с нарушениями голоса рекомендовались упражнения, направленные на сознательное расслабление мышц, участвующих в голосообразовании, уменьшение напряжения артикуляционной мускулатуры.

В данной работе показано, что здоровый человек имеет риск возникновения заболевания, в частности голосодыхательной системы, вследствие депрессивных травмирующих переживаний, продолжительных стрессовых ситуаций, психоэмоциональных нагрузок и отсутствия эмоционального контроля. Личность человека в период заболевания наиболее подвержена расстройствам настроения, поскольку в это время происходит приспособление организма к новым ощущениям и положению. Это в свою очередь способствует замедлению процесса выздоровления, этому служат подтверждением отечественные и зарубежные исследования.

Список литературы:

1. Абрамова Г.С. Введение в практическую психологию: учебник, М.: Международная педагогическая академия, 2007.
2. Васильева О.С. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки, М., 2001.
3. Вассерман Л.И. Психологическая диагностика отношения к болезни: методическое пособие / Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. Бехтерева, 2005.
4. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов, М.: Смысл, 1998.
5. Вилнонас В.К. Психология эмоциональных явлений и состояний. – М.: МГУ, 1976.
6. Герасименко Ю.М. Психогенные расстройства голоса – СПб.: Политехника, 1993.
7. Гельгорн Э., Луфборроу Дж. Эмоции и эмоциональные расстройства. Нейрофизиологическое исследование. – М., 1996.
8. Годфруа Ж.. Что такое психология. – М.: Мир, 1996. – Т. 1. – С. 257–263.

9. Гуревич К. М. Психологическая диагностика: учебное пособие / Под ред. К. М. Гуревича и Е. М. Борисовой., М.: УРАО, 1997.
10. Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. СПб: Питер, 2001.
11. Гаркави Л. Х., Квакина Е. В., Уколова М. А. Адаптационные реакции и резистентность организма. – Ростов-на-Дону, 1977.
12. Горст В. Р. Формирование ритма сердца и адаптационные возможности организма при различных функциональных состояниях. – Астрахань: Автореф. дис. д. б. н., 2009.
13. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология: учебное пособие / В. Н. Дружинин – М.: ИНФРА-М, 1997.
14. Елисеев Ю. Ю. Психосоматические заболевания, М.: Эксмо, 2003.
15. Изард К. Э. Психология эмоций, Изд. Питер, 2012.
16. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. – СПб: Питер, 2001.
17. Исследование личностных особенностей в группах, различающихся по успешности освоения метода игрового биоуправления / О. Г. Донская, О. А. Джафарова, О. В. Гриценко, К. Г. Очеретная // Биоуправление в медицине и спорте. – Омск, 2003.
18. Кривошеков С. Г., Леутин В. П., Чухрова М. Г. Психофизиологические аспекты незавершенных адаптаций. – Новосибирск: [б. и.], 1998.
19. Кабанов, М. М. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике.: Медицина, 1983.
20. Куликов Л. В. Психология настроения: учебник / Изд-во СПбГУ, 1997.
21. Ланг Г. Ф. Избранные труды – М., 1975.
22. Мажирина К. Г., Первушина О. Н., Джафарова О. А. Индивидуальные механизмы саморегуляции: их мобилизация и прогнозирование в условиях, характеризующихся высокой степенью неопределенности. // Вестник Томского государственного университета.– 2008.– № 310.
23. Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология: Практическое руководство / М.: МЕДпресс, 2001.
24. Михайлов Б. В. Психотерапия в общесоматической медицине: Клиническое руководство / Под общ. ред. Б. В. Михайлова / Б. В. Михайлов, А. И. Сердюк, В. А. Федосеев. – Харьков: Прапор, 2002.
25. Применение биологической обратной связи для коррекции и лечения нарушения голоса / О. С. Орлова, Г. Ф. Иванченко, Г. Р. Абдурафикова, О. В. Маслова, Л. С. Хоппе // Актуальные проблемы оториноларингологии: респ. сб. тр. – М., 1994–1995. – Вып. 38.
26. Психология эмоций. Под ред. В. К. Виллюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: МГУ, 1984.
27. Психология мотивации и эмоций. // Хрестоматия под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликмана. – М.: ЧеРо, 2002.
28. Распространённость голосовой патологии среди мужчин и женщин России / Т. В. Камардина, И. С. Глазунов, Л. А. Соколова, Л. А. Лукичёва // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья.– 2002. – Т. 5, № 1.
29. Репина Н. В. Основы клинической психологии / Д. В. Воронцов., Н. В. Репина., И. И. Юматова., Ростов н/Д: Феникс, 2003.
30. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. – М., 1979.
31. Редько Н. Г., Джафарова О. А., Бахтина И. А. Эффективность игрового биоуправления при лечении и реабилитации психосоматических заболеваний. // Вестник НГУ. Серия: Биология, клиническая медицина.– 2007. – Т. 5, Вып. 2.
32. Сельченков К. В. Психосоматика: взаимосвязь психики и здоровья: хрестоматия / сост. К. В. Сельченков., Мн.: Харвест, 2003.

33. Сидоров П. И., Парняков А. В. Введение в клиническую психологию. – Т. 1. – М.: 2007.
34. Фредриксон Б. Л. Статья из главы 11. Эмоции / Б. Л. Фредриксон., Санкт-Петербург, 2007.
35. Червинская К. Р. Медицинская психодиагностика и инженерия знаний: монография / К. Р. Червинская, О. Ю. Щелкова; Под ред. Л. И. Вассермана. СПб.: М.: Ювента, Академия, 2002.
36. Щербатых Ю. Общая психология: учебник / Ю. Щербатых., 2008.
37. Шмелева А. Г. Основы психодиагностики: учебное пособие для студентов педвузов / под общ. редакцией А. Г. Шмелева – Москва, Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996.
38. Яхин К. К. Пограничные психические расстройства у больных с дисфониями (психосоматические соотношения) / К. К. Яхин, Л. К. Галиуллина // Consilium medicum 2007. – Т. 02. – № 2

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ

Вербина Г. Г., Вербина О. Ю. (Чебоксары)

Аннотация

В статье рассматривается такое понятие как «субъективное благополучие». Раскрываются факторы, влияющие на субъективное благополучие личности. Представлены результаты исследования субъективного благополучия студентов.

Ключевые слова: субъективное благополучие, психологическое благополучие, экономическое благополучие, удовлетворенность жизнью.

Annotation

In article such concept as «subjective wellbeing» is considered. The factors influencing subjective wellbeing of the personality reveal. Results of research of subjective wellbeing of students are presented.

Keywords: subjective wellbeing, psychological wellbeing, economic wellbeing, satisfaction with life.

Субъективное благополучие можно охарактеризовать как понятие, выражающее отношение человека к своей жизни, процессам и к личности. Охарактеризовать его можно как ощущение удовлетворенности к внешней и внутренней среде, а также усвоение нормативных представлений о жизни в социуме. На формирование субъективного благополучия каждого человека оказывают влияние не только внешние факторы, но и система иерархии жизненных ценностей, складывающаяся индивидуально. Именно поэтому, можно отметить, что субъективное благополучие является одним из важнейших психологических регуляторов всей жизни человека.

Нестабильная обстановка в обществе, в процессах, которые ее сопровождают, оказывают непосредственное влияние на настроение, самочувствие и субъективное благополучие и на ту часть социума, куда относятся по своему статусу молодые люди, являющиеся студентами высших учебных заведений.

Многие известные ученые в своих трудах затрагивали аспекты субъективного благополучия личности: М. Аргайл, Л. В. Куликов, К. А. Абульханова-Славская, Р. М. Шамионов, Г. С. Никифоров, Г. М. Головина, Т. Н. Савченко, Г. М. Зараковский, В. А. Хащенко, Е. Е. Давыдова и А. А. Давыдов, А. А. Новик, А. Мишелл, М. В. Соколова, Р. Инглхарт и др.

Цель нашего исследования: Изучить показатели субъективного благополучия студентов.

Объект исследования. Субъективное благополучие.

Предмет исследования. Показатели субъективного благополучия студентов.

Методики исследования: 1. Теоретический анализ научных источников. 2. Шкала психологического благополучия К. Рифф. 3. Методика субъективного экономического благополучия В. А. Хащенко. 4. Шкала субъективного благополучия М. В. Соколовой.

Многие исследователи не раз пытались проанализировать такое понятие как «счастливая личность» и разобраться,

какие же критерии оно в себя включает. В благоприятном аспекте определения данного понятия используются разные термины: эмоциональный комфорт, удовлетворенность жизнью, ощущение счастья. В последние годы можно наблюдать все возрастающий интерес к изучению качества жизни, к субъективному благополучию личности.

Понятие субъективного благополучия очень неоднозначно. Опираясь на известные исследования в области субъективного благополучия и счастья, Г.Л. Пучкова выделила следующие психологические признаки субъективного благополучия [3]:

1. Субъективность – означает, что субъективное благополучие существует внутри индивидуального опыта.

2. Позитивность измерения. Субъективное благополучие – это не просто отсутствие негативных факторов, что характерно для большинства определений психического здоровья. Необходимо наличие определенных позитивных показателей.

3. Глобальность измерения. Субъективное благополучие обычно включает глобальную оценку всех аспектов жизни личности в период от нескольких недель до десятков лет [3].

Именно при помощи такого понятия как «субъективное благополучие» можно определить отношение личности к существованию в социуме, к изменениям личности, причем, не всегда благоприятным.

В рамках позитивной психологии было введено понятие «субъективное благополучие» (subjective well-being), которое используется в качестве синонима понятия «счастье». Оно соотносится

с тем, как люди оценивают свою собственную жизнь в терминах когнитивных и аффективных объяснений, и может быть выражено некоторой формулой [1]:

Субъективное благополучие = удовлетворенность жизнью + аффект,

где удовлетворенность жизнью – отражает оценку человеком его собственной жизни, аффект – представляет собой эмоциональную сторону, причем как положительные, так и отрицательные эмоции и состояния, связанные с повседневным опытом.

М. Селигман [4] вывел формулу счастья (С):

$$C = I + O + V$$

Счастье = индивидуальный диапазон + внешние обстоятельства + волевой контроль,

где, I – индивидуальный диапазон, генетически предопределенный уровень счастья, который остаётся относительно стабильным на протяжении жизни и, к которому человек возвращается вскоре после большинства значительных событий в своей жизни. Данный показатель определяет счастье приблизительно на 50%.

O – это внешние жизненные обстоятельства (семья, дети, религия, повседневная деятельность), определяет счастье приблизительно на 10%.

V – факторы, поддающиеся волевому контролю, т.е. сознательные, намеренные и требующие усилий действия, которые человек может выбрать для себя (определяют счастье на 40%) [4].

М.В. Соколова на основе анализа определений субъективного благополучия выдвигает три категории этого явления:

1) определяемая по внешним критериям «нормативности» (соответствие системе ценностей, принятой в культуре);

2) определяемая посредством понятия удовлетворенности жизнью и связываемая со стандартами респондентов в отношении внутренних нормативов «хорошей жизни»;

3) определяемая посредством обыденного понимания счастья как превосходства положительных эмоций над отрицательными [5].

Исследователи различают три варианта субъективного благополучия – физическое, психологическое и социальное. Данное понимание согласуется с подходами психологов к внутренней структуре личности, включающих неразрывное единство трех ипостасей «Я». Так, в структуре личности У. Джеймса обнаруживается три класса элементов: физическое «Я», социальное «Я» и духовное «Я». Физическое «Я» включает телесную организацию и все материальное, чем обладает человек, а также ближайшие родственники. Потеря или «порча» какой-либо части физического «Я» ведет к потере «части личности». Структуру социального «Я» составляют роли, нормы и стремление человека к обществу. Духовное «Я» – это «полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств» [2].

Таким образом, субъективное благополучие личности представляет собой

интегральное социально-психологическое образование, включающее оценку и отношение человека к своей жизни и самому себе и несущее в себе активное начало. Оно содержит все три компонента психического явления – когнитивный, эмоциональный, конотативный (поведенческий), и характеризуется субъективностью, позитивностью и глобальностью измерения.

Исследование субъективного благополучия студентов проводилось на базе факультета управления и социальных технологий «Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова». Выборка составила 50 испытуемых. Гендерный состав: 25 девушек и 25 юношей. Возраст испытуемых от 18 до 20 лет.

Исследование было начато с методики субъективного экономического благополучия В. А. Хащенко.

Максимальная тестовая оценка по шкале интегрального общего индекса субъективного экономического благополучия, то есть, комплексного индикатора, включающего в себя измерение субъективных оценок разных сторон личной материальной жизни (22 пункта) составляет 104 балла, минимальная тестовая оценка – 65 баллов. Среднее значение по данной шкале составило – 74,41, стандартное отклонение – 12,16. Были проанализированы результаты и по шкалам, которые включают в себя частные индексы (см. Табл. 1).

Таблица 1

Шкалы	Общее среднее значение	Юноши (среднее значение)	Девушки (среднее значение)
Общий индекс	74,41	73,8	68,5
ИЭО	20,58	20,2	19,2
ИАД	14,25	12,2	15,1
ИБС	14,41	16,8	13,5
ИНД	18,5	17,3	18,2
ИЭТ	14,33	12,1	15,3

Таким образом, опираясь на показатели по шкалам можно сказать, что субъективное экономическое благополучие имеет более важное значение для девушек, чем для юношей. Это говорит о том, что для девушек более важны материальные аспекты жизни, жизненная позиция в сфере материальных потреблений и устремлений у «слабого пола» выше, чем у юношей. Опираясь на результаты по шкале «Индекс экономического оптимизма и уверенности», можно сказать, что как юноши, так и девушки оптимистично оценивают свои внешние и внутренние условия материального благополучия. По «Индексу субъективной адекватности дохода и запросам» видно, что у девушек, в отличие от юношей, запросы превышают показатели среднего дохода.

В исследовании применялась методика «Шкала психологического благополучия» К. Рифф. Опираясь на результаты, полученные по методике, можно выявить актуальное благополучие человека на данном жизненном этапе.

Большинство испытуемых, а именно 44% набрали наибольший балл по шкале «Положительные отношения», что является показателем того, что испытуемые имеют удовлетворительные, доверительные отношения с окружающими; заботятся о благополучии других; способны

сопереживать, допускают привязанности и близкие отношения; понимают, что человеческие отношения строятся на взаимных уступках.

Также у 66% испытуемых выявлен высокий балл по шкале «Управление окружением». Это говорит о том, что испытуемые обладают компетенциями в управлении окружением, контролируют всю внешнюю деятельность, эффективно используют предоставляющиеся возможности, способны улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей. Вместе с тем, у 12% студентов, принявших участие в исследовании, выявлен низкий балл, характеризующий их как людей, которые испытывают сложности в организации повседневной деятельности, чувствуют себя не способными изменить или улучшить складывающиеся обстоятельства. По шкале «Личностный рост» 52% испытуемых набрали наибольший балл. Они обладают чувством непрекращающегося развития, воспринимает себя «растущими», открыты новому опыту, испытывают чувство реализации своего потенциала. 14% испытуемых набрали наименьший балл. Они осознают отсутствие собственного развития, не испытывают чувства улучшения или самореализации,

испытывают скуку и не имеет интереса к жизни. 20% испытуемых имеют высокий балл по шкале «Цели в жизни». Такие люди имеют цель в жизни и чувство направленности. У 16% испытуемых выявлен низкий балл по данной шкале, что является показателем того, что они лишены смысла в жизни; имеют мало целей или намерений. 60% респондентов

набрали наибольший балл по шкале «Самопринятие». Данный показатель характеризует их как людей, позитивно относящихся к себе. У 10% респондентов был выявлен наименьший балл. Данные люди не довольны собой, разочарованы событиями своего прошлого, испытывают беспокойство по поводу некоторых личных качеств.

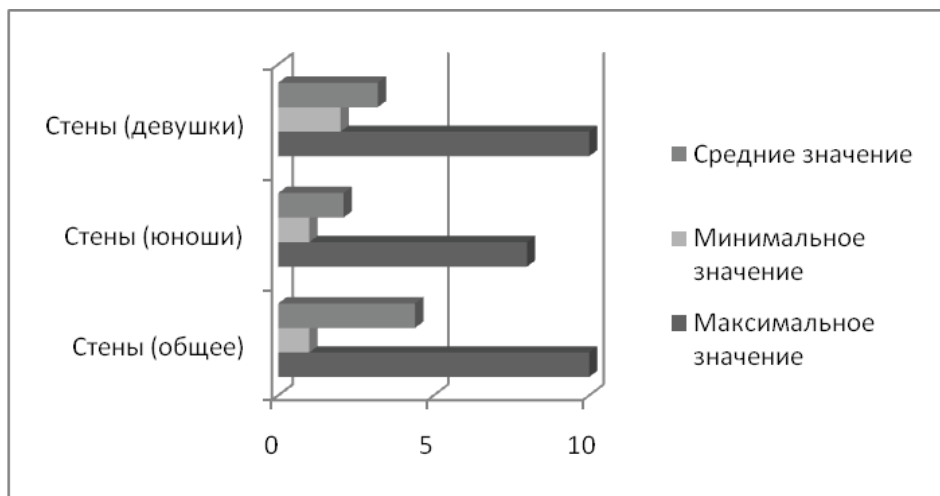

Рис. 1. Результаты по методике М. В. Соколовой

Далее применялась методика М. В. Соколовой «Шкала субъективного благополучия»

Методика оценивает качество эмоциональных переживаний субъекта в диапазоне от оптимизма, бодрости и уверенности в себе до подавленности, раздражительности и ощущения одиночества (см. Рис. 1).

На рис. 1 видно, что большинство испытуемых имеют средние значения, выражающееся умеренным субъективным благополучием. У 14% испытуемых были выявлены оценки, отклоняющиеся в сторону субъективного неблагополучия (8–9 стенов), характерные для лю-

дей, склонных к депрессии и тревогам, пессимистичных, замкнутых, зависимых, плохо переносящих стрессовые ситуации. Крайне высокие оценки (10 стенов) были выявлены у 20% респондентов. Такие данные свидетельствуют о выраженном эмоциональном дискомфорте. У лиц с такими оценками возможно наличие комплекса неполноценности, они скорее всего, не удовлетворены собой и своим положением, лишены доверия к окружающим и надежд на будущее, испытывают трудности в контроле своих эмоций. Крайне низкие оценки по шкале СБ (1 стен) были выявлены у 4% испытуемых. Это свидетельствует о полном эмоци-

ональном благополучии испытуемых и отрицании серьезных психологических проблем. Такие люди, скорее всего, обладают позитивной самооценкой, не склонны высказывать жалобы на различные недомогания, оптимистичны, общительны, уверены в своих способностях, эффективно действуют в условиях стресса, не склонны к тревогам.

Таким образом, субъективное благополучие отражает не только обстоятельства жизни, но и стабильные личностные характеристики, с помощью которых человек справляется с трудными ситуациями, легко приспосабливается к меняющимся условиям, охотно и удачно взаимодействует с людьми, уважает себя и окружающих людей. Студенческая среда относится к такому периоду, когда происходит развитие и саморазвитие человека в результате усвоения нового опыта, общения с людьми. Ведущими ценностно-смысловыми сферами студенчества, определяющими степень субъективного благополучия личности, являются: сфера взаимоотношений личности, материаль-

ных ценностей, межличностной активности.

Список литературы

1. Бонивелл, И. Ключи к благополучию. Что может позитивная психология / Пер. с англ. М. Бабичевой. – М.: Время, 2009. – 192 с.
2. Джеймс У. Структура личности – Москва: ФГУП «Издательство Просвещение», 2006–286с.
3. Пучкова, Г.Л. Субъективное благополучие как фактор самоактуализации личности: Автореф. дис... канд. психол. наук/ Г.Л. Пучкова. – Хабаровск, 2003.– 17 с.
4. Селигман, Мартин Э.П. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / Перев. С англ. – М.: Издательство «София», 2006.– 368 с.
5. Соколова М.В. Управление человеческими ресурсами – Москва: Велби, 2004–240с.
6. Хашенко В. А. Психология экономического благополучия М.: Институт психологии РАН, 2012–426с.
7. Шамионов, Р.М. Психология субъективного благополучия: (к разработке интегративной концепции) – Мир психологии.– 2007.– № 2. – С. 143–148

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАЦИЙ У ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ: ВЗГЛЯД НА НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Воронцова О. Г. (Иркутск)

Статья посвящена проблеме наркотизации молодежи и латентной профилактике наркомании среди подростков и молодежи в Иркутской области. В ней описаны этапы экспериментальной работы. Приводятся результаты пролонгированного экспериментального исследования эффективности апробирования программы скрытой профилактики наркомании среди подростков и молодежи.

Ключевые слова: распространение наркомании среди подростков и молодежи, латентная профилактика наркотизации, анализ эффективности скрытой профилактики наркомании, нравственное заражение окружающих вредностей.

The article is devoted to the problem of narcotism spreading among the youth and concealed prophylaxis of narcotism among teenagers and youth in of the Irkutsk region. Experiment phases are described in it. The results of the prolonged experimental investigation on the effectiveness of the programme of concealed narcotism prophylaxes among teenagers are adduced in the article.

Key words: narcotism spreading among the youth, concealed prophylaxis of narcotism, reasons for the first «trials», analysis of the effectiveness of concealed narcotism prophylaxis.

В настоящее время Россия переживает перемены по разным направлениям. В. В. Путин в своем обращении к Государственной Думе говорит: «За текущими проблемами нельзя упускать основные тенденции глобального развития. Стремительно меняются контуры мировой экономики, формируются новые торговые блоки, происходят радикальные изменения в сфере технологий. Именно сейчас определяются позиции стран в глобальном разделении труда на десятилетия вперед, и мы можем и обязаны занять место в числе лидеров. Россия не имеет права быть уязвимой. Нам нужно быть сильными в экономике, в технологиях, в профессиональных компетенциях, в полной мере использовать сегодняшние благоприятные возможности, которых завтра может уже и не быть... Мы многое сделали в демографии, образовании, здравоохранении. ... Нам нужно и даль-

ше укреплять доверие между властью и бизнесом, улучшать деловой климат в стране». Президент говорит о том, что необходимо обратить серьезное внимание на гражданское и патриотическое воспитание, профессиональную подготовку подрастающего поколения – преемников нынешних управленцев. При этом профессор кафедры социологии МГИМО МИД РФ Носкова Антонина Вячеславовна в своей статье «Социальное воспитание детей и молодежи России: современные реалии и проблемы» пишет: «... Огромную роль в том, сможет ли нынешнее поколение молодежи принять от старшего поколения «груз ответственности» за страну, а, значит, сохранить Россию как государственную и социокультурную целостность, играет социально-нравственная позиция молодежи – совокупность социальных установок, морально-нравственных принципов и ценностных ори-

ентаций молодых людей. Складываясь в сознании индивида в ходе социализации и воспитания, социально-нравственная позиция регулирует поведение человека, определяя его жизненные стратегии – жизненные цели и средства их достижения. Все дело в том, что деформация морально-нравственных установок приводит к распространению «нездоровых» проявлений в молодежной среде».

Нами в Бодайбинском районе Иркутской области были проведены экспериментальные исследования эффективности латентной профилактической работы, которые были описаны подробно в более ранних публикациях. В данной статье мы приведем только основные моменты периода с 2003 по 2009 годы и подробнее остановимся на настоящем этапе.

В начале эксперимента был проведен блок групповых занятий по адаптированной нами программе скрытой профилактики отклоняющегося поведения Гарифуллина Р.Р. Затем мы проанализировали проведенную работу методом корреляционного анализа Стьюдента и выявили, что данная методика не дает тех результатов, которые необходимы для развития асертивности личности подростков, а именно, статистически достоверно только позитивное влияние психокоррекционного воздействия, которое проявилось в параметрах:

- склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению (снижение на 9,48%);
- склонность к делинквентному поведению (снижение на 5,57%);
- склонность к нарушению норм и правил (снижение на 5%);

- волевой контроль эмоциональных реакций (повышение на 3,23%).

В экспериментальной группе только положительная динамика по всем параметрам, но в некоторых шкалах изменение незначительное:

- склонность к агрессии и насилию (снижение на 2,68%);
- склонность к аддиктивному поведению (снижение на 3,29%).

Склонность ко лжи практически не изменилась.

Особо важным и указывающим на эффективность является значительное повышение волевого контроля эмоциональных реакций, что может быть использовано как личностный ресурс для преодоления склонности к отклоняющемуся поведению, а заложенное в коррекционной программе повышение юридической грамотности, возможно, привело к снижению шкалы – склонность к аддиктивному поведению, что тоже статистически достоверно. Но, в то же время, снижение склонности к аддиктивному поведению, склонности к агрессии и насилию можно рассматривать лишь как проявление положительной тенденции, т.к. результаты статистически не достоверны.

Анализ результатов психодиагностической методики К. Левитина «Определение склонности к риску» выявил также лишь положительную тенденцию снижения данной формы поведения (снижение на 1,23%), т.к. результат является статистически недостоверным.

Поэтому наша программа была дополнена индивидуальными занятиями и адаптирована к условиям образовательного пространства школы. К концу 2007 года нами была создана и в 2008 году

апробирована программа курса скрытой профилактики отклоняющегося поведения «Я выбираю себя», которая показала достаточно высокие результаты психокоррекционной работы, так как она оказывает позитивное влияние на эмоциональную сферу взрослеющего подростка и помогает активизировать развитие его личности. Исходя из позиции В.В. Козлова, который, рассматривая идентичность личности, поднимает вопрос о методах воздействия и методах взаимодействия с кризисными состояниями личности и с кризисной личностью, поскольку личностный кризис выступает как некая прерывность в линейной области эволюции личности как сложной системы. Вместе с ним мы рассматривали идентичность как некую структуру, состоящую из определенных элементов, переживаемую субъективно как чувство тождественности и непрерывности собственной личности при восприятии других людей признающими эти тождество и непрерывность. Мы учли в программе профилактики его мнение, что чувство идентичности сопровождается ощущением целенаправленности и осмысленности собственной жизни и уверенности во внешнем одобрении. Наша программа профилактики включила в себя латентный подход в развитии ядерных качеств личности взрослеющего подростка. Мы вместе с В.В. Козловым считаем, что в коррекционной работе с подростками необходим оптимально-личностный подход, который представляет собой целесообразное сочетание методов положительного и отрицательного стимулирования, «золотую середину».

Полученные в результате анализа показатели указывают на то, что при система-

тической работе психолога по программе скрытой профилактики девиантного поведения, воздействующей на ядро личности, происходит формирование базовых ее характеристик (способность к самоконтролю и конструктивному общению, практичность, рациональность, расчетливость, эмоциональная устойчивость), при этом косвенно происходит значительное снижение количества учащихся, склонных к аддиктивному поведению. В контрольной же группе, в которой проводились традиционные мероприятия, их количество неуклонно растет и тех ребят, что не употребляют психоактивные вещества, остались единицы. Это привело нас к выводу, что традиционные методы работы не дают высокого результата коррекционной работы.

В начале нашего исследования школа по статистическим данным была на одном из первых мест по распространению употребления наркосодержащих веществ в Бодайбинском районе, но за последние годы в связи с экспериментальной работой ситуация заметно улучшилась и ее показатели уже среди лучших. В настоящее время программа внедряется в общеобразовательных школах Бодайбинского района. Полученные нами показатели указывали на то, что при систематической работе психолога по программе скрытой профилактики девиантного поведения, значительно снижается количество учащихся, употребляющих наркотические вещества.

При этом лонгитюдные наблюдения с 2009 по 2015 г.г. за взрослением молодых людей, участвовавших во втором этапе эксперимента, показали необходимость дополнения профилактической программы блоком занятий развивающих

духовную сферу, т.к. отмечено недостаточное ее развитие. В настоящее время они обучаются в различных ВУЗах страны, некоторые из них работают, закончив бакалавриат. В целом это хорошо адаптированные в обществе люди, они продолжают вести здоровый образ жизни, но имеются некоторые проблемы, например, в создании семьи с официальным оформлением брака (20% из них зарегистрировали брак, 50% живут в гражданском браке, 20% имеют второго партнера, 10% имеют более двух партнеров). Проблема в том, что они оказались подверженными влиянию социума именно в нравственной сфере, которой в нашей профилактической работе мы не касались. В то же время Носкова пишет, что сегодня нравственная, духовная дезориентация молодого поколения заметна невооруженным взглядом. Для «простых» россиян, не знакомых с результатами социологических исследований, моральный облик молодого человека проявляется, прежде всего, в его внешнем виде и поведении. Она указывает, что достаточно распространенным стал образ молодого человека, у которого в руках – сигарета, бутылка с каким-нибудь горячительным напитком, а из уст льется громкий поток нецензурной брани. Зачастую мы видим у молодых людей то один компонент из этого набора, то – другой, а нередко – и сразу все. Безнравственность и бездуховность повседневной жизни, отсутствие ясных социальных целей, невозможность проявить себя в социально значимых видах деятельности, забота, в основном, о денежной стороне жизни во многом приводят к массовому распространению антиобщественных явлений в молодежной среде: алкоголиз-

му и наркомании, преступности, бездельности и лени. Валькова У.В. в своем автореферате диссертационного исследования «Наркотизм в молодежной среде: социологический анализ» приводит статистические данные и делает вывод о том, что молодежь становится «мощным фактором воспроизводства риска в стране». Она обращается к результатам интернет-опроса молодых людей в возрасте 15–29 лет [1], который был проведен в мае-июне 2012, в котором явно видно, что и сами молодые граждане осознают остроту ситуации в сфере морали и нравственности. Отвечая на вопрос: «Какие проблемы, на Ваш взгляд, наиболее остро стоят перед современной российской молодежью?», респонденты указывали, прежде всего, *не на материальные или финансовые трудности, а на поведенческую деградацию, морально-нравственные проблемы*. Ее выводы неутешительны: «... на первое место рейтинга злободневных проблем молодежи сама молодежь ставит «алкоголизм и наркоманию» (59%); вторая по значимости проблема, по мнению респондентов, – безделье и лень (57%); третью позицию занимает «безнравственность и бездуховность» (47%). Очевидно, что распространение подобных социальных патологий является мощным заслоном на пути решения российских социальных и демографических проблем. А это означает, что государство и общество испытывают острейшую потребность в профилактике молодежной девиации, в своевременной социальной адаптации молодых людей.

Носкова пишет, что совершенно очевидно, что российская молодежь на современном этапе переживает «духовный кризис», обусловленный деструктивны-

ми явлениями, происходящими в политической, экономической и социальной сферах. Поэтому, как никогда, сегодня актуальна проблема духовно-нравственного возрождения подрастающего поколения. Духовность и нравственность являются важнейшими, базисными характеристиками личности. Духовность определяется как устремленность личности к избранным целям, ценностная характеристика сознания. Нравственность представляет собой совокупность общих принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу. В сочетании они составляют основу личности.

Проведенные нами и другими авторами исследования позволяют сделать вывод, что социальные отклонения представляют собой нарушения социальных, нравственных, юридических норм, установленных обществом и государством, с одной стороны, и являются конкретным человеческим поведением, обусловленным социально-экономическими, политическими, нравственными, культурными и иными потребностями молодых людей, интересами и задачами общества на определенных этапах его развития, с другой. Это взаимосвязанный и взаимозависимый процесс, который требует социального контроля и не директивных форм воздействия.

Современный российский психолог-исследователь В. В. Козлов в своей книге «Социальная работа с кризисной личностью» пишет, что в настоящее время многие ученые склонны рассматривать индивидуальную и социальную идентичность личности не как полярные и взаимоисключающие процессы, а, скорее, взаимодополняющие. При этом автор выделяет три базовых структуры,

с которыми отождествляется и идентифицируется личность: «Я» – материальное; «Я» – социальное и «Я» – духовное. По его мнению, каждая структура идентификации имеет центр и отличается по содержанию; по значимости и объему занимаемого пространства в структуре личности; мерой устойчивости и временем существования. Например, центром «Я» – материального автор считает образ своей телесности и отношение к телу. К данному центру примыкают вторичные материальные идентификации: пол, возраст и качества, которые высвечивают отношения к своей телесности, биологической данности.

Мы же в своей программе учитывали только первые две структуры «Я» – материальное и «Я» – социальное из-за дефицита времени в образовательном процессе школы. В итоге, недостаточное внимание к духовной сфере сыграло свою роль в том, что молодые люди попадают под «нравственное заражение окружающих вредностей».

Мы согласны с В. В. Козловым, который считает стержневой структурой, вокруг которой разворачивается социальное Ego, интегративный статус, т.е. то социальное положение, которым содержательно наполнено жизненное пространство и на которое направлена активность человека. При этом жизненное пространство выступает в качестве основного смысло-деятельностного поля человека, в котором кем-то человек (в нашем случае – подросток) идентифицирован. Интегративный статус диктует определенный уклад жизни, круг интересов, сферу общения, способ жизни, мировоззрение, ценностную ориентацию, мотивацию и т.п. Психолог отмечает то,

что ядро Я-духовного – это интимные, сакральные смыслы, которые касаются главных проблем бытия: одиночества, проблем смысла жизни, экзистенциальной грусти, тоски, смерти, служения. Оказалось, что некоторые наши испытуемые для отвлечения от своих наболевших проблем используют пирсинг и татуажную живопись на теле, не находя позитивного канала для выплеска негативной энергии. Сами молодые люди объясняют этот момент простым следованием моде либо созданием красивых образов, а исследователи видят в этом деструктивное проявление склонности к делинквентности. Данная проблема в настоящее время активно нами исследуется у наших респондентов.

Позиция В.В. Козлова для нас интересна тем, что, рассматривая идентичность, он поднимает вопрос о методах воздействия и методах взаимодействия с кризисными состояниями личности и с кризисной личностью, поскольку личностный кризис выступает как некая прерывность в линейной области эволюции личности как сложной системы. Он рассматривает идентичность как некую структуру, состоящую из определенных элементов, переживаемую субъективно как чувство тождественности и непрерывности собственной личности при восприятии других людей признающими эти тождество и непрерывность. Он пишет, что чувство идентичности сопровождается ощущением целенаправленности и осмысленности собственной жизни и уверенности во внешнем одобрении. Данный подход означает совершенно иной подход в развитии ядерных качеств личности взрослеющего подростка и не-

обходимость его учета в профилактической работе. Мы видим, что в коррекционной работе с подростками необходим оптимально-личностный подход, который представляет собой целесообразное сочетание методов положительного и отрицательного стимулирования, «золотую середину». Нахождение этого сочетания требует от всех, кто общается с подростком, причастен к его воспитанию, высокого профессионализма.

Таким образом, социальные отклонения представляют собой нарушения не только социальных и юридических, но и нравственных норм, установленных обществом и государством, с одной стороны, и являются конкретным человеческим поведением, обусловленным социально-экономическими, политическими, нравственными, культурными и иными потребностями молодых людей, интересами и задачами общества на определенных этапах его развития, с другой. Это взаимосвязанный и взаимозависимый процесс, который требует социального контроля и недирективных форм воздействия. Мы видим жизненно важную необходимость доработки и совершенствования программы латентной профилактики блоком развития духовной сферы подростков. Также необходимо продумать пути коррекции для тех молодых людей, которые участвовали в нашем эксперименте после лонгитюдных диагностических наблюдений.

Список литературы:

1. *Валькова У.В.* Наркотизм в молодежной среде: социологический анализ // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2012.

2. Дворец и дом пионеров // 14.07.2012 <http://www.webmechta.com/poznay-mir/205-dvorec-i-dom-pionerov>.
3. Дворцы для пионеров // 14.07.2012 <http://edu.zelenogorsk.ru/museum>.
4. Ильинский И. М. Будущее России и молодежь: к новой концепции молодежной политики // 14.07.2012 <http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/budros.php>.
5. Козлов, В. В. Работа с кризисной личностью: методическое пособие / В. В. Козлов. – 2-е изд., доп. – М.: Психотерапия, 2007. – 336 с.
6. Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012.
7. Миссия Федерального агентства по делам молодежи // 14.07.2012 <http://www.fadm.gov.ru/about/mission/>.
8. Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. 14.07.2012 http://www.gks.ru/free_doc/doc_2011/MOLODEG_RUS_2010.pdf.
9. Носкова А. В. Социальное воспитание детей и молодежи России: современные реалии и проблемы / Демографические исследования, № 14//http://demographia.net/articles_N/index.html?idR=13&idArt=2165
10. Послание Президента Федеральному собранию на 2013 г. // www.президент.рф/новости/171118
11. Письмо Роскультуры от 10.07.2007 N2035–07/4–1/04 «Информационная справка по вопросам деятельности детских школ искусств (2007 г.)» // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=409397>.
12. Распределение численности населения Российской Федерации по полу и возрастным группам на 1 января 2011 года // Российский статистический ежегодник – 2011 // 14.07.2012 http://www.gks.ru/http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d2/07–27.htm.
13. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации (утверждена 18 декабря 2006 г.).
14. Филиппов В. Э. Социальный потенциал современной молодежи в условиях модернизации российского общества: социологический анализ // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2007.
15. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001.
16. А. Дзиов, А. Ветошкин, В. Усманов. Духовно-нравственный путь развития России и молодежи / Русская народная линия и «ДелоРус и Александро-Невская Семья» / 28.12.2010

ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ПСИХОТЕРАПИЯ

Гордеева Е. Г. (Москва)

Ключевые слова: трансперсональный подход, трансперсональная парадигма, С. Гроф, холотропный подход, психотерапия

Резюме. В работе анализируется вклад трансперсональной психологии в развитие представлений о возможностях психотерапевтического воздействия на клиента. Подробному анализу подвергаются техники, используемые С. Грофом и К. Гроф на этапе их трансперсональных психологических исследований (так называемом холотропном подходе).

Keywords: transpersonal approach, transpersonal paradigm, S. Grof, the holotropic approach, psychotherapy

Summary. The paper examines the contribution of transpersonal psychology in the development of ideas about the possibilities of psychotherapy to the client. Detailed analysis are techniques used by S. Grof the transpersonal psychological research (the so-called holonomies approach).

Вторая половина XX столетия ознаменовалась интенсивным поиском новых направлений в психологии и, соответственно, новых возможностей воздействия на психику в психотерапевтических целях. Как и следовало ожидать, поиски принесли обильные плоды, возникли новые перспективные течения. Одним из таких направлений стала трансперсональная психология, получившая широкое распространение и за рубежом, и в России. Не вдаваясь в подробности, отметим, что особая роль трансперсонального подхода состоит, по-видимому, в том, что человек в рамках этого движения был воспринят как несомненная ценность, как микрокосм, как вселенная, что, собственно говоря, и составило основной пафос данного направления в психологической науке.

Как справедливо отмечает В. В. Козлов, трансперсональная психология, как и другие крупные проекты психологии, родилась конечно же не на голом месте, и мы не можем понять трансперсональную психологию, наблюдая только вну-

треннюю логику развития психологии от Фрейда к другим направлениям – постфрейдизму, бихевиоризму, аналитической психологии Юнга, экзистенциально-гуманистической психологии, а затем трансперсональной психологии [16]. Несомненно, что формирование идей трансперсональной психологии сопровождалось тектоническими парадигмальными изменениями, пересмотром мировоззрения и миропонимания. Впрочем, обсуждение этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи. Совершенно очевидно, что идеи, предвосхищающие основные положения трансперсональной идеологии, появились не вчера и были артикулированы с большей или меньшей степенью отчетливости неоднократно. Заметим, что вопрос представляется важным, и новое рассмотрение предпосылок трансперсонального подхода явно бы не помешало, так как в истории трансперсональной психологии явно имеются «белые пятна». В настоящей статье мы не станем затрагивать этот в высшей степени интересный и перспективный во-

прос. Поэтому здесь лишь отметим, что возникло движение в конце 1960-х годов.

Впрочем, можно предоставить слово одному из создателей этого направления Станиславу Грофу: «В конце 60-х годов я познакомился с небольшой группой специалистов, в которую входили Абрахам Маслоу, Энтони Сутич и Джеймс Фейдман, – они разделяли мою убежденность, что пришло время нового психологического направления, которое сосредоточилось бы на изучении сознания и признавало значимость духовных измерений психики. После нескольких встреч, имевших целью прояснение новых концепций, мы решили назвать это направление «трансперсональной психологией» [3, с.15]. И далее: «Ситуация резко изменилась за первые десять лет существования Ассоциации трансперсональной психологии. Стало ясно, что трансперсональная ориентация и трансперсональная перспектива далеко раздвигают узкие прежде границы психиатрии, психологии и психотерапии. За это время установились важные связи с революционными открытиями в других научных дисциплинах – в квантово-релятивистской физике, теориях систем и информации, изучении диссипативных структур, исследованиях мозга, парапсихологии, голографии и холономном мышлении» [3, с.15].

Станислав Гроф – чешско-американский врач и ученый, посвятивший почти 60 лет своей жизни исследованиям измененных состояний сознания и духовного роста, один из основателей и виднейших представителей трансперсональной психологии. С. Гроф один из выдающихся реформаторов психологии и психиатрии XX века, заложивший основы психологии будущего, автор широкоизвестных

работ по трансперсональной психологии [2–15].

С. Гроф родился в Праге 1 июля 1931 года, до 1967 года был практикующим психиатром в Чехословакии, активно изучает психоанализ. В 1959 году Станислав Гроф удостоивается премии Кюффнера – национальной чехословацкой награды, ежегодно вручаемой за наиболее выдающийся вклад в области психиатрии. С 1961 года он возглавляет в Чехословакии исследования применения ЛСД и других психоделиков для лечения психических расстройств. (В скобках заметим, что до 1968 года психологические исследования с использованием ЛСД были вполне законны, никаких запретов и ограничений не существовало). В 1967 году Станислав Гроф, будучи стипендиатом Фонда поддержки психиатрических исследований, получил возможность пройти стажировку в Университете Джона Хопкинса (США), а после нее продолжил научно-исследовательскую деятельность в Мэрилендском центре психиатрических исследований. С 1973 по 1987 год С. Гроф живет и работает в Институте Эсален в Биг-Сур (Калифорния). В этот период вместе с женой Кристиной Гроф он разрабатывает метод холотропного дыхания – уникальный метод психотерапии, самопознания и личностного роста.

Как отмечается биографами, С. Гроф является одним из основателей Международной трансперсональной ассоциации (ИТА), долгое время являлся ее президентом. В 1993 году он награжден почетной премией Ассоциации трансперсональной психологии за выдающийся вклад в развитие трансперсональной психологии. В настоящее время С. Гроф – профессор факультета психологии Ка-

лифорнийского института интегральных исследований. Кроме того, он проводит обучающие семинары для профессионалов («Трансперсональные тренинги Грофа»), а также выступает с лекциями и семинарами по всему миру [17]. Летом 2010 С. Гроф был участником Международного конгресса по трансперсональной психологии в Москве.

Важнейшей научной заслугой С. Грофа является открытие сущностного «трансперсонального» единства всех мировых культур и традиций. Эта связь имеет свою аналогию в духовной жизни и ритуальной практике различных культур, существующих испокон веков. В качестве примера можно привести шаманские инициации, ритуалы перехода, бдения экстатических сект или древние мистерии смерти-возрождения. В некоторых случаях символический контекст, используемый в одной из этих систем, бывает более уместным для интерпретации и понимания конкретного перинатального опыта, чем эклектическая смесь из концепций О. Ранка, В. Райха, К. Юнга и экзистенциализма [16], [17].

С. Гроф показал, что запутанную ситуацию в западной психологии, представляющей собой почти непроходимые джунгли конкурирующих направлений, можно значительно упростить, если понять, что они имеют в виду отнюдь не одно и то же. Существуют разные сферы психики и различные уровни сознания, каждый из которых обладает конкретными характеристиками и подчиняется определенным законам. Феномены психики в целом невозможно свести к простому общему знаменателю, имеющему повсеместное применение и эффективность; и, конечно, их нельзя

свести к нескольким основным биологическим и физиологическим механизмам. К тому же, сфера сознания имеет не только много уровней, но и много измерений. По этой причине любая теория, основанная на ньютоново-картезианской модели мира и на линейных описаниях, обязательно будет неполной и внутренне непоследовательной. Она также, вероятно, будет противоречить другим теориям, выделяющим иные фрагментарные аспекты реальности, даже не ведая об этом [17].

В настоящей статье мы хотели бы сосредоточиться на анализе тех техник, которые использовал в своих работах С. Гроф.

Как пишет сам С. Гроф, «моя жена Кристина и я разрабатывали действенный нефармакологический метод, который мы назвали целостной интеграцией, или холотропной терапией» [2, с. 384].

Центральная идея состояла в том, что существует потенциал необычных состояний сознания, способных к трансформации и эволюции и обладающих «оздоровительным действием». «Мне бы хотелось, – пишет Гроф – сохранить термин «холотропная терапия» для разработанной нами процедуры, которая включает контролируемое дыхание, музыку и различные формы использования звука, а также фокусированную работу с телом» [2, с. 384].

Веками был известен факт, что с помощью дыхания, которое регулируется разными способами, можно влиять на состояния сознания. На семинарах в Эсаленском институте С. Гроф экспериментировал с различными приемами изменения дыхания, взятыми как процедур практической психотерапии гуманистической психологии. С. Гроф пришел

к заключению, что специфическая техника менее значима, чем процедура учащенного дыхания в сочетании с полной концентрацией и осознанием процесса.

Основная стратегия холотропной терапии сводится к тому, что доверять мудрости нашего тела. Характер и направление практической работы с использованием гипервентиляции зависит от индивидуальных особенностей, поэтому возможны различные варианты.

С. Гроф отмечает, что они систематически использовали музыку в программах психоделической терапии и обнаружили ее необыкновенный психотерапевтический потенциал. В работе с группами громкая динамическая музыка имеет дополнительную функцию, состоящую в том, чтобы приглушить звуки, издаваемые участниками групповой работы на различных стадиях процесса и слить их в единую художественную форму [2].

В холотропной психоделической терапии, согласно С. Грофу, очень важно полностью подчиниться музыкальному потоку, позволить ему резонировать во всем теле и отвечать на него в спонтанной непосредственной манере. В терапии человек может дать волю всему, что возникает под действием музыки – крику или громкому смеху, любым звукам. Исключительно важно приостанавливать любую интеллектуальную активность связанную с звучащей музыкой включая попытки угадать композитора, соотнести музыкальный отрывок с культурой и т.д.

Как отмечает С. Гроф, надо позволить музыке воздействовать на психику и тело совершенно спонтанным образом, тогда музыка становится очень мощным инструментом индуцирования и поддержания необычного состояния сознания:

используемая в целях она должна обладать высоким техническим качеством и достаточной мощностью чтобы вести за собой. Комбинация музыки с гипервентиляцией приводит к взаимному обогащению приемов и оказывает воздействие удивительной силы [2].

В период подготовки, предшествующей собственно сеансам происходит ознакомление с развернутой картографией психики, включающей уровень биографических воспоминаний, элементы процесса смерти – рождения и спектр трансперсональных переживаний. Разъясняется и подчеркивается, что все эти переживания абсолютно нормальные, и что они имеют место во всех группах [2]. Новая эмпирическая техника, которая весьма эффективна в преодолении эмоциональных и психосоматических блокад, встречается с новой формой защиты (согласно нашему опыту) когнитивного или философского характера. Эти методы открывают доступ к тем областям опыта, который не имеет соответствующего концептуального оформления в нашей культуре. Несмотря на то, что такие формы опыта, как перинатальные и трансперсональные переживания, оказывают значительное трансформирующее и оздоровительное воздействие, рядовой представитель западной культуры стремится бороться с ними и сопротивляется им потому, что они кажутся ему странными, эксцентричными и патологичными [2]. Подготовительный этап является важной частью терапевтического процесса.

Другой важной частью подготовки является формальное (методическая) сторона процесса. Участников просят оставаться до конца сеанса в расслабленном положении, с закрытыми глазами, фоку-

сировать внимание на эмоциональных и психосоматических процессах, индуцируемых дыханием и музыкой подчиняясь им с полным доверием без рассуждений. Представляется полезным начинать сеансы холотропной терапии с короткой медитации и релаксации. Как пишет С. Гроф, обычно просим участников принять положение в котором руки лежат вдоль тела ладонями вверх, а ноги слегка разведены. Эти физическое выражение основного отношения к практической работе – открытость, восприимчивость и готовность принять [2].

Полезно комбинировать холотропную работу с рисованием мандалы в соответствии с разработкой Джоан Келлог, психолога и арттерапевта.

Техники, предложенные С. Грофом и К. Гроф используются нами в практике клинической трансперсональной психотерапии [1]. Клиническая трансперсональная психотерапия (КТП) – новое авторское направление групповой психотерапии, в основе которого лежит интеграция элементов дыхательных техник (холотропной терапии, ребефинга, вайвэйшн), телесноориентированной терапии, арттерапии и психосинтеза, которые взаимодополняют и потенцируют друг друга, что позволяют вести работу на глубинном уровне, «обойти» механизмы психологической защиты и добиться отреагирования на телесном и эмоциональном уровне, не выводя в сознание психотравмирующую ситуацию [1].

Литература

1. Гроф С. Трансперсональные опыты // Гуманистическая и трансперсональная психология. Хрестоматия. / Сост. К. Сельченок. Минск: Харвест, 2000, с. 384–403
2. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: ТПИ, 1994. 504 с.
3. Гроф С. Зов ягуара. М.: АСТ и др., 2001. 308 с.
4. Гроф С. Области человеческого бессознательного. М.: ТПИ, 1994. 278 с.
5. Гроф С. Психология будущего. М.: АСТ и др., 2001. 476 с.
6. Гроф С. Путешествие в поисках себя: измерения сознания и новые перспективы психотерапии и внутреннего исследования. М.: ТПИ, 1995. 342 с.
7. Гроф С. Холотропное сознание. М.: АСТ и др., 2002. 267 с.
8. Гроф С., Гроф К. Неистовый поиск себя. М.: АСТ и др., 2003. 347 с.
9. Гроф С., Ласло Э., Рассел П. Революция сознания. М.: АСТ и др., 2004. 276 с.
10. Гроф К. Жажда целостности: наркомания и духовный кризис. М.: ТПИ, 1999. 260 с.
11. Гроф С. Космическая игра: исследование рубежей сознания. М.: АСТ и др., 2002. 248 с.
12. Гроф С. Надличностное видение. М.: АСТ и др., 2002. 237 с.
13. Гроф С., Гроф К. (ред. – сост.). Духовный кризис: когда преобразование личности становится кризисом. М.: АСТ и др., 2003. 377 с.
14. Гроф С., Хэлифакс Дж. Человек перед лицом смерти. М.: ТПИ; Киев: Эрланд, 1996. 246 с.
15. Козлов В. В., Майков В. В. Трансперсональная психология: истоки, история, современное состояние. М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 2005
16. Козлов В. В. Основы трансперсональной психологии. М., 2009
17. Козлов В. В., Майков В. В. Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции. Том I. Мировой трансперсональный проект. М., 2007
18. Пушкарев А. Л., Доморацкий В. А., Гордеева Е. Г. ПТСР – диагностика и лечение. Издательство института психотерапии Москва 2002 г.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Гюлмамедов А. Б. (Иваново)

Аннотация: в статье рассматриваются показатели стрессоустойчивости студентов – будущих психологов, ориентированных на работу в системе образования. Определены различия в проявлениях стрессоустойчивости у старшекурсников вуза в ситуации учебно-профессиональной деятельности, позволяющие организовывать им психологическую и психопрофилактическую помощь в преодолении ситуаций, отрицательно сказывающихся на общем и психологическом состоянии и сказывающихся на отношении к будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, эмоциональные состояния, профессиональное выгорание, учебно-профессиональная деятельность.

Abstract: the article deals with the indicators of stress resistance of students – future psychologists, oriented to work in the education system. Identified differences in manifestations of stress among undergraduates of the University in the situation of educational and professional activities, allowing them to arrange psychological and psycho to help you overcome the situations that have a negative impact on General and psychological state and affects the attitude to future professional activity.

Keywords: stress tolerance, emotional state, professional burnout, educational and professional activity.

Стрессоустойчивость в современной психологической литературе рассматривается как качество, необходимое для сохранения здоровья людей. Однако вопрос об индивидуальных различиях в реакциях на стрессогенные воздействия остается открытым. Исследователи, как правило, стараются выделить какой-то центральный стрессогенный фактор, связанный с содержательной спецификой рассматриваемой профессии [1]. Так, в частности, В. А. Бодров и Л. М. Аболин определяют в качестве базового критерия эмоциональной устойчивости достижение цели деятельности [2].

Профессии учителя и педагога-психолога относят к разряду стрессогенных, требующих больших резервов

самообладания и саморегуляции. Начальные симптомы психического выгорания проявляются уже в период обучения студентов, который становится моментом принятия необходимых профилактических мер [3; 4; 5]. Симптомы профессионального выгорания указывают на характерные черты длительного стресса и психической перегрузки, которые приводят или могут приводить к полной дезинтеграции различных психических сфер и, прежде всего – эмоциональной [6]. Его последствия могут влиять на саму личность и профессиональную деятельность: ухудшается качество работы, утрачивается творческий подход к решению задач, растет число профессиональных ошибок, увеличива-

ется число конфликтов на работе и дома, возрастает неудовлетворенность профессией, вплоть до перехода на другую работу с другими профессиональными обязанностями.

В этой связи, в соответствии с генетическим принципом исследования, введенным еще Л.С. Выготским, представляется целесообразным рассмотреть первые симптомы и предпосылок профессионального выгорания в период получения профессии, т.е. в студенческом возрасте. Наиболее важным для данного жизненного этапа, с ведущей учебно-профессиональной деятельностью, является достижение определенного поведения, способствующего поддержанию стрессоустойчивости организма. Учебно-профессиональная учебная деятельность считается, согласно В.Д. Шадрикову [7] на старших курсах вуза. Именно поэтому целью нашего исследования стало выявление особенностей проявления стрессоустойчивости в учебно-профессиональной деятельности студентов с различными типами поведенческой активности.

Выборка эмпирического исследования составила 68 студентов психологической специальности отделения заочного обучения (3 и 4 курс). Эта категория студентов в той или иной степени вынуждена совмещать учебу с работой и, при достаточно ответственном отношении к получению профессии, их переживания могут быть соотнесены с типом их поведения.

С этой целью нами было проведено диагностическое исследование с помощью методики AVEM [], для уточнения степени выраженности переживаний студентов в образовательной среде вуза, связанной с ее стрессогенностью. Оценивался уровень психической нагрузки

студентов, которую отражают шкалы трех сфер личности: профессиональная, т.е. учебная активность, психическая устойчивость и стратегии преодоления проблемных ситуаций в учебной деятельности, и, наконец, эмоциональное отношение к обучению по выбранной специальности. Результаты представлены на рис. 1. и табл. 1.

На рисунке 1 показано, что испытуемые с **типом поведенческой активности А**, в сфере профессиональной активности заметно выделяются по сравнению со студентами с типами поведенческой активности АВ и В имеют следующие показатели: субъективное значение деятельности на высоком уровне (6 баллов), профессиональные притязания на высоком уровне (6 баллов), готовность к энергетическим затратам на высоком уровне (6,6 балла), стремление к совершенству на среднем уровне (5,5 балла), способность сохранять дистанцию по отношению к работе на среднем уровне (5 баллов). Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что профессиональная активность для испытуемых с типом поведенческой активности А является более значимой, чем для студентов с типами поведенческой активности АВ и В. Работа для них занимает одно из важных мест в жизни, они стремятся к более высоким профессиональным целям, чем большинство других, готовы посвятить все свои силы выполнению профессиональных задач. Когда надо, – работают до изнеможения. Высока и их концентрация на качестве выполняемых заданий: выполняют их всегда безупречно и лучше других, даже после окончания рабочего дня не перестают думать о работе.

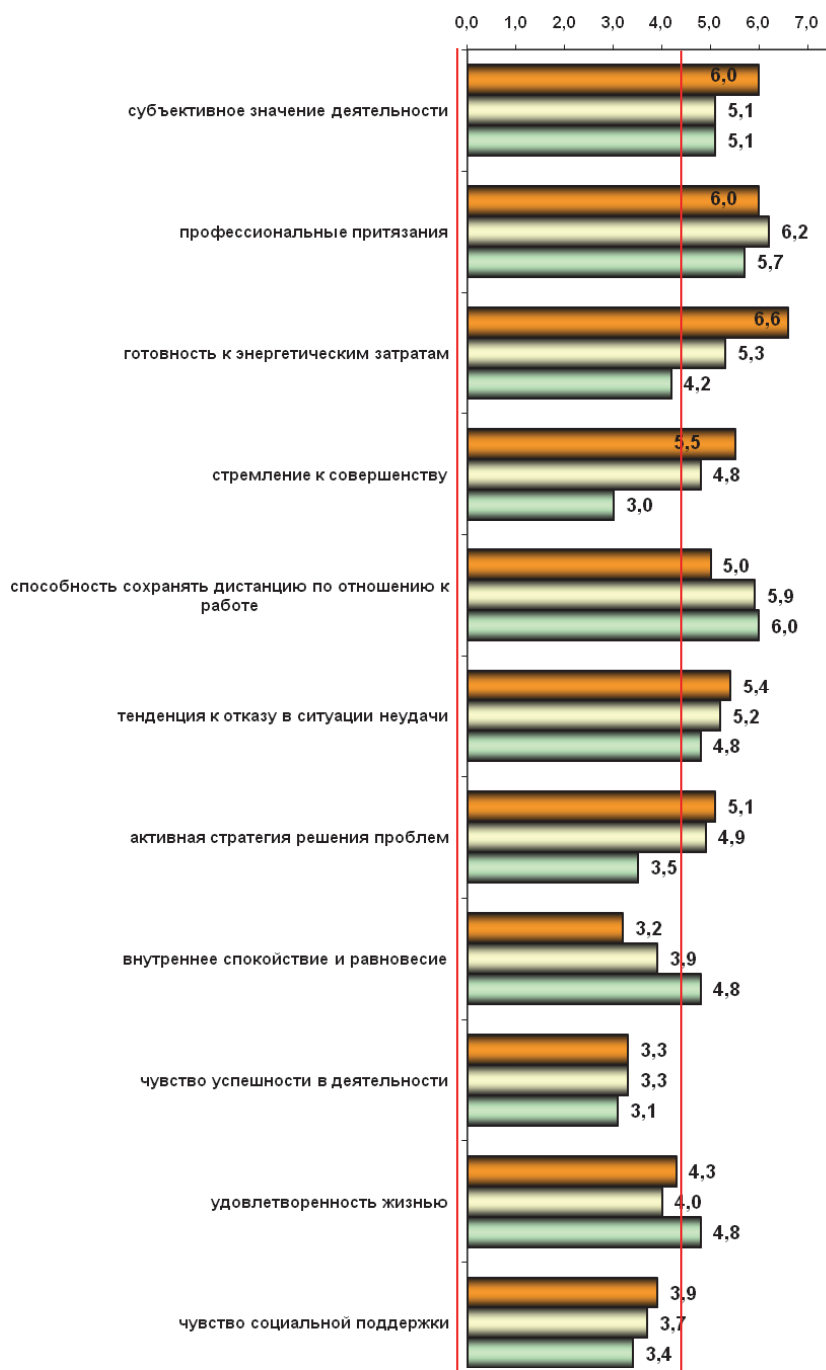

Рис. 1. Показатели «переживаний в образовательной среде» у студентов с различным типом поведенческой активности

Структура психической устойчивости и стратегий преодоления проблемных ситуаций у студентов с типом поведенческой активности А выглядит следующим образом: тенденция к отказу в ситуации неудачи имеет средний уровень (5,4 балла); активная стратегия решения проблем находится также на среднем уровне (5,1 балла); внутреннее спокойствие и равновесие на среднем уровне близком к низкому (3,2 балла). Можно сделать вывод, что испытуемые с типом поведенческой активности А больше, чем другие, склонны к примирению с ситуацией неудачи и легкому отказу от ее преодоления. Если они не добиваются успеха, то быстро сдаются. При этом активная и оптимистическая установка по отношению к появляющимся проблемам и задачам у них имеется, но не всегда они ей пользуются. Иногда им проще отказаться от решения проблемной ситуации, чем найти выход из нее. Таких студентов легко вывести из состояния спокойствия, т.к. их чувство психической стабильности и равновесия ниже, чем у других.

Сфера эмоционального отношения к работе состоит из трех составляющих. Баллы по ним у студентов с типом поведенческой активности А распределились следующим образом: чувство успешности в деятельности на среднем уровне близком к низкому (3,3 балла), удовлетворенность жизнью на среднем уровне (4,3 балла), чувство социальной поддержки на среднем уровне (3,9 балла). Таким образом, студентам с поведенческим типом активности А не хватает внутреннего спокойствия и душевного равновесия. Они чувствуют себя не достаточно уверенными в учебной деятельности, хотя обучение имеет для них высокое

субъективное значение. У этих студентов профессиональные притязания довольно высокие. Они готовы работать для достижения результата «до изнеможения». При этом, мало времени отдают досугу, не забывая об учебе даже на отдыхе.

Студенты с типом поведенческой активности АВ в сфере профессиональной активности набрали следующие баллы: субъективное значение деятельности на среднем уровне (5,1 балла), профессиональные притязания на высоком уровне (6,2 балла), готовность к энергетическим затратам на среднем уровне (5,3 балла), стремление к совершенству на среднем уровне (4,8 балла), способность сохранять дистанцию по отношению к работе на среднем уровне (5,9 балла). На основе полученных данных можно сделать вывод, что, хотя работа в их жизни занимает не самое важное место, но они стремятся к профессиональному росту. Они готовы к энергетическим затратам, но не будут посвящать все свои силы работе. При в целом хорошей концентрации на качестве выполняемой работы, после окончания рабочего дня эти испытуемые способны к релаксации и отдыху.

Сфера психической устойчивости и стратегий преодоления проблемных ситуаций у данных испытуемых выглядит следующим образом: тенденция к отказу в ситуации неудачи средний уровень (5,2 балла), активная стратегия решения проблем на среднем уровне (4,9 балла), внутреннее спокойствие и равновесие на среднем уровне близком к низкому (3,9 балла). Таким образом, студенты с типом поведенческой активности АВ склонны к примирению с ситуацией неудачи и легкому отказу от ее преодоления. Если они не добиваются успеха, то сдаются.

Активная и оптимистическая установка по отношению к появляющимся проблемам и задачам у них имеется, но не всегда они ей пользуются. Иногда им проще отказаться от решения проблемной ситуации, чем найти выход из нее. Их нелегко вывести из состояния спокойствия.

Сфера эмоционального отношения к работе у данной группы испытуемых имеет небольшие отличия от типа А. Баллы по трем составляющим у студентов с типом поведенческой активности АВ распределились следующим образом: чувство успешности в деятельности находится на среднем уровне, близком к низкому (3,3 балла); удовлетворенность жизнью находится на среднем уровне (4 балла), а чувство социальной поддержки – на среднем уровне (3,7 балла). Испытуемые с типом поведенческой активности АВ чувствуют себя вполне успешными в своей профессиональной деятельности. Общая жизненная удовлетворенность, с учетом профессионального успеха, у них на среднем уровне. В общем и целом можно сказать, что они счастливы и довольны, поскольку у них есть доверие и поддержка со стороны близких людей, поддерживающих их чувство социального благополучия.

Студенты с типом поведенческой активности В в сфере профессиональной активности продемонстрировали менее оптимистичные средние значения всех показателей: субъективное значение деятельности – на среднем уровне (5,1 балла); профессиональные притязания – на среднем уровне (5,7 балла); готовность к энергетическим затратам – на среднем уровне (4,2 балла); стремление к совершенству – на низком уровне (3 балла); способность сохранять дистанцию по от-

ношению к работе – на среднем уровне (6 баллов). Работа и учебно-профессиональная деятельность в их жизни занимают не самое важное место. При сохранении стремления к профессиональному росту, меньше других готовы к энергетическим затратам. Отмечается плохая концентрация на качестве выполняемой работы, но после окончания рабочего дня способны к релаксации и отдыху.

Сфера их психической устойчивости характеризуется низкой стратегией в решении проблем (3,5 балла) и достаточно высоким уровнем спокойствия и равновесия. Тенденция к отказу в ситуации неудачи имеет выраженность, соответствующую среднему уровню (4,8 балла); активная стратегия решения проблем находится на среднем уровне (3,5 балла), внутреннее спокойствие и равновесие – на среднем уровне, близком к низкому (4,8 балла). Испытуемые с типом поведенческой активности В склонны к примирению с ситуацией неудачи и легкому отказу от ее преодоления. Если они не добиваются успеха, то сдаются. Активная и оптимистическая установка по отношению к появляющимся проблемам и задачам у них сохранена, но не всегда они ей пользуются, так как им проще отказаться от решения проблемной ситуации, чем найти выход из нее. При этом, их нелегко вывести из уравновешенного состояния.

Сфера эмоционального отношения к работе состоит из трех составляющих, баллы по которым у студентов с типом поведенческой активности В распределились следующим образом: чувство успешности в деятельности на сниженном уровне (3,1 балла), удовлетворенность жизнью при этом находится на среднем уровне (4,8 балла), чувство социальной

поддержки на среднем уровне, нижней границе нормы (3,4 балла).

Таблица 1

Показатели шкал АВЕМ (переживаний в образовательной среде) у студентов с разными типами поведенческой активности

Показатель	Тип поведенческой активности			Множественные сравнения по критерию Ньюмена-Кейлса		
	А (n = 38)	АВ (n = 88)	В (n = 46)	1–2	1–3	2–3
Субъективное значение деятельности	6,0 ± 0,42	5,1 ± 0,23	5,1 ± 0,50	0,147	0,177	0,767
Профессиональные притязания	6,0 ± 0,49	6,2 ± 0,16	5,7 ± 0,44	0,804	0,523	0,138
Готовность к энергетическим затратам	6,6 ± 0,26	5,3 ± 0,21	4,2 ± 0,36	0,005	<0,001	0,017
Стремление к совершенству	5,5 ± 0,45	4,8 ± 0,22	3,0 ± 0,34	0,230	<0,001	<0,001
Способность сохранять дистанцию по отношению к работе	5,0 ± 0,53	5,9 ± 0,25	6,0 ± 0,53	0,084	0,108	0,598
Тенденция к отказу в ситуации неудачи	5,4 ± 0,63	5,2 ± 0,29	4,8 ± 0,40	0,662	0,305	0,432
Активная стратегия решения проблем	5,1 ± 0,52	4,9 ± 0,26	3,5 ± 0,50	0,421	0,032	0,025
Внутреннее спокойствие и равновесие	3,2 ± 0,51	3,9 ± 0,23	4,8 ± 0,52	0,275	0,054	0,114
Чувство успешности в профессиональной деятельности	3,3 ± 0,51	3,3 ± 0,22	3,1 ± 0,48	0,798	0,634	0,580
Удовлетворенность жизнью	4,3 ± 0,49	4,0 ± 0,25	4,8 ± 0,52	0,585	0,528	0,163
Чувство социальной поддержки	3,9 ± 0,56	3,7 ± 0,20	3,4 ± 0,46	0,481	0,406	0,590

Студенты с типом поведенческой активности В чувствуют себя не вполне успешными в своей профессиональной деятельности, достижениями по учебным дисциплинам, и общая удовлетворенность жизнью у них снижена. Также они испытывают недостаток в социальной поддержке.

Проведенное нами эмпирическое исследование особенностей переживания

в образовательной среде у студентов-психологов с разными типами поведенческой активности, позволило уточнить перспективу его продолжения. По результатам исследования студенты продемонстрировали следующие типы поведения: тип АВ (51, 2% испытуемых); тип А (22,1% студентов); типа В (26,7% студентов).

Студенты с поведением типа А оценили себя, как менее стрессоустойчивые, бо-

лее подверженные стресс-факторам, чем студенты других типов (АВ и В). Такое распределение соответствует характеристикам типов поведенческой активности. Это позволяет продолжить исследование стрессоустойчивости студентов-психологов с учетом такого важного параметра, как акмеологическая составляющая в структуре их учебно-профессиональной деятельности.

Литература:

1. Апчел В. Я. Стрессоустойчивость человека. / В. Я. Апчел, В. Н. Цыган. – СПб.: Питер, 1999.– 88 с.
2. Бодров В. А. Информационный стресс. / В. А. Бодров. – Учебное пособие для вузов. – М.: Пер Сэ, 2000.– 352 с.
3. Водопьянова Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова.– 2-е издание Серия «Практическая ... – СПб.: Питер, 2008.– 336 с.:
4. Зимняя И. А. Педагогическая психология. / И. А. Зимняя. – М.: Логос, 2001.– 384 с.
5. Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2003.—607 с.
6. Ронгинская Т. И. Синдром выгорания в социальных профессиях. / Т. И. Ронгинская. // Психол. ж., 2002. № 3. – С. 85–95.
7. Шадриков В. Д. Деятельность и способности. / В. Д. Шадриков. – М.: Логос, 1994.– 320 с.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В РАЗВИТИИ РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРОФЕССИЯХ СОЦИОНОМИЧЕСКОГО ТИПА

Деревянко О. И., Финькевич Л. В. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация: Представлены результаты эмпирического исследования ролевого конфликта в управленческой деятельности сферы здравоохранения и образования. Статистически достоверно доказано, что преобладание того или иного гендера в профессиональной среде не оказывает влияния на степень выраженности ролевого конфликта и его структурные характеристики.

Ключевые слова: ролевой конфликт личности руководителя, тип ролевого конфликта, локус ролевого конфликта, профессиональная среда, гендер.

Summary: The results of empirical studies of role conflict in management of healthcare and education. Statistically proven that the predominance of one or another gender in a professional environment has no effect on the severity of role conflict and its structural characteristics.

Keywords: role conflict personalities, a type of role conflict, locus of role conflict, professional environment, gender.

На современном этапе большое теоретическое и практическое значение приобретают исследования, направленные на поиск психологических средств, обеспечивающих эффективность деятельности управленческих кадров во всех отраслях. Одним из вопросов при оптимизации управленческой системы является вопрос гендерных предпочтений при формировании управленческого состава и его рационального использования, с учетом специфичности управленческой деятельности в определенных средовых условиях.

Целью управленческой деятельности является обеспечение эффективного функционирования определенной организационной системы. Психологическая специфичность управленческой деятельности заключается в том, что она является одновременно и индивидуальной, и совместной. Синтез этих видов деятельности руководителя име-

ет групповую форму взаимодействия со многими участниками процесса при достижении общего результата и персональную ответственность руководителя за достигнутый результат. Другими словами, руководитель является членом организации, и в то же время занимает определенную иерархическую позицию в этой организации [8]. Также следует отметить, что в структуре организационной системы руководитель выступает одновременно и субъектом, и объектом управления. Как субъект управленческой деятельности он ставит цели перед исполнителями, контролирует процесс их деятельности, корректирует и оценивает полученный результат. В то же время, как объект управления он имеет определенную личностную мотивацию, свое понимание и критерии оценивания поставленных перед ним задач, что в значительной степени влияет на результат его деятельности и общую эффективность

достижения цели в системе управления. Дополнительную сложность исполнения управленческой деятельности составляет взаимодействие со многими субъектами, между которыми складываются особые межличностные отношения, основанные на групповых процессах и явлениях [5].

Немаловажным фактором, который определяет эффективность управленческой деятельности, являются условия, в которых осуществляется управленческая деятельность. В рамках данной работы, особое внимание уделяется руководителям, управленческая деятельность которых реализуется в социальном типе профессий, интерес к которым обусловлен высоким уровнем их социальной значимости.

Согласно концепции профессионального развития личности Е. А. Климова, описательная психологическая характеристика данного типа профессий свидетельствует о достаточно широком диапазоне профессиональных функций [9]. В связи с этим возрастает общий уровень сложности деятельности, так как руководителю необходимо совмещать организацию производственного процесса, реализацию социально-психологических технологий по управлению персоналом, а также осуществлять взаимодействие с внешней средой. Это приводит к высокой эмоциональной напряженности, которая обусловлена наличием большого числа стрессогенных факторов. Это и повышенная ответственность, и высокий динамизм, разнообразие рабочих перегрузок, сложность возникающих нестандартных ситуаций, необходимость осуществления частых и интенсивных контактов с другими людьми, взаимодействие с различными социальными груп-

пами. Все это предъявляет особые требования к эмоциональной устойчивости и гибкости руководителя. Помимо этого, специалисты данных профессий должны обладать высоким уровнем профессиональных компетенций и особым набором личностных качеств, таких например как: внимательность, эмпатия, альтруизм, интеллектуальность, креативность, ораторские способности, а также способность к саморазвитию и самообразованию [10].

Исполнительно-двигательная сторона труда представителей этого типа профессий предполагает высокий уровень речедвигательных навыков и высокие требования к выразительности движений. Для некоторых профессий необходим высокий уровень точности и координации собственно рабочих движений. Особенности познавательной деятельности представителей профессий этого типа во многом определяется сложностью и текучестью, нестандартностью предметов рассмотрения, воздействия, поиска, принципиальной нечеткостью границ, разделяющих социальные явления. Очень важным является умение слушать и слышать другого человека. Необходим широкий кругозор в области гуманитарных знаний. Поскольку социальные ситуации достаточно изменчивы и неповторимы, то как отмечает Е. А. Климов, желателен жизненный опыт [10].

Еще одной специфичностью управленческой деятельности в социальном типе профессий является и то, что именно в них происходит совмещение управленческих и профессиональных функций, не зависимо от уровня управления. Как правило, на руководящую должность выдвигаются специалисты с базовым профильным образованием,

не имеющие вовсе, или имеющие минимальную специальную подготовку в сфере управления. Как следствие, они вынуждены осваивать управленческие навыки в реальной профессиональной деятельности [12]. Проблема заключается в том, что человек в процессе освоения управленческой деятельности может утратить профильные профессиональные знания и навыки, но у него неизменными остаются его психологические установки, способы мышления и подходы к решению проблем, характерные для профессиональных задач и неприемлемые для решения управленческих [12]. В результате, возможны проблемы, вызванные диссонансом в совмещении профессиональной и управленческой ролей, асинхронностью уровней развития разных аспектов роли: профессионал-руководитель.

Таким образом, основными характеристиками управленческой деятельности являются: высокий уровень ответственности, разнообразие и интенсивность рабочих перегрузок в условиях дефицита времени, большой объем получаемой и перерабатываемой информации, ненормированность рабочего дня, одновременное решение управленческих задач разного уровня, сложность и неопределенность возникающих ситуаций, необходимость осуществления частых контактов. При этом возможна нескоординированность деятельности отдельных объектов и/или субъектов управления, что способно приводить к расхождению в ожиданиях и к противоречивости требований к руководителю, как ролевому исполнителю должностной позиции [5]. Обозначенные условия создают предпосылки к возникновению и развитию ро-

левого конфликта личности руководителя (РКЛР), под которым следует понимать состояние психической напряженности, которое возникает у руководителя в ситуации противоречивой и/или несовместимой системы ожиданий и требований, предъявляемых к нему как исполнителю социальной роли, оказывающее определенное воздействие на его личностные характеристики и систему его межличностных отношений [5,6].

Учитывая деструктивную направленность ролевого конфликта, его можно определить как острое негативное переживание, вызванное затянувшейся борьбой структур внутреннего мира личности, отражающее противоречивые связи с социальной средой. Другими словами, с одной стороны, включение личности в деятельность, установка на реализацию ее целей и задач обуславливают стремление субъекта деятельности адаптировать содержание и способы обеспечения трудового процесса к тем функциональным возможностям, которые определяются структурой личности конкретного человека. С другой стороны, личность, находясь долгое время под воздействием внутриличностного конфликта, испытывает состояние высокой психической напряженности. Если личность не может найти выход из этого состояния, возникает ряд негативных проявлений: психическая и физиологическая дезорганизация личности; снижение активности и эффективности деятельности; состояние психической подавленности; тревожность; зависимость человека от других людей и обстоятельств; появление агрессии или наоборот покорность в поведении; появление неуверенности в своих силах; разрушение смыслообразующих жизненных

ценностей [11]. В этом случае отрицательные последствия будут касаться уже не только состояния самой личности, ее внутренней структуры, но и ее взаимодействия с другими людьми. Возможными проявлениями деструкции межличностных отношений будут – обособление личности в группе, повышенная чувствительность к критике, неадекватная реакции на поведение других людей [1,11].

Следуя из вышеизложенного можно сделать вывод, что основная причина возникновения и развития РКЛР кроется в социально-психологических факторах профессиональной среды. Однако, как свидетельствуют статистические данные, в сфере социономических профессий управленческие функции реализуют в большей степени женщины. Например, в образовательной и медицинской профессиональных средах, подавляющее большинство руководителей представительницы женского пола.

Согласно современным социологическим и психологическим исследованиям по гендерным аспектам в управленческой деятельности, женщины и мужчины живут в реальностях с различной аксиоматикой, по-разному видят причинно-следственные связи, в том числе в структуре профессионального, организационного взаимодействия. Кроме того, как отмечают М. М. Басов и И. В. Грошев, имеются определенные особенности в выборе женщинами средств и методов управленческого воздействия, в разработке, принятии и реализации управленческого решения, поведения в конфликтных ситуациях и т.п. [3].

Кроме этого, эти исследования указывают на наличие «гендерной стигматизации» в профессиональной деятельности,

т.е. отнесение конкретной деятельности к «мужской» или «женской» сфере. В исследовании, проведенном К. Н. Ахмадеевой, указывается на то, что управление является более «женской» профессией на уровне исполнителей, и более «мужской» на уровне руководителей. Некоторые респонденты исследования К. Н. Ахмадеевой считают, что управлением в целом должны заниматься скорее мужчины, поскольку они более приспособлены для такой работы. В подобных высказываниях довольно ярко отражаются стереотипные восприятия различий между «мужским» и «женским» управлением, в частности, интерпретация фемининного управления как эмоционального и мягкого («женщины более эмоциональны, мужчины более рассудительны») [2].

В ряде психологических исследований проблемы ролевого конфликта в управленческой деятельности установлена связь ролевого конфликта с психологическим полом женщины. В частности, андрогинные женщины, по сравнению с другими группами, имеют наименее выраженный ролевой конфликт, т.е. они наиболее успешны в совмещении ролей [4]. В тоже время, существующие исследования свидетельствуют о том, что черты андрогинного типа – высокая адаптивность, гибкость, высокая фрустрационная толерантность, стрессоустойчивость являются стержневыми личностными характеристиками необходимыми для успешного выполнения широкого круга задач [13]. С другой стороны, достаточное количество научных исследований указывает на то, что женщины в большей степени подвержены стрессу, депрессиям, они более тревожны, боязливы и застенчивы, более конформны, легче подвергаются

фрустрациям и т.д. [8]. И. А. Загайновым и Е. Н. Загайновой отмечено, что в ситуации стресса мужчины и женщины руководители обычно ведут себя по-разному: мужчины-менеджеры склонны впасть в диктаторство, замыкаться в себе, а женщины чаще прибегают к советам, могут поделиться проблемами с окружающими. Мужчины и женщины переживают одни и те же эмоции, но выражают их по-разному [7].

Опираясь на выявленные данные, закономерным и логичным является предположение, что выраженность и струк-

турно-содержательные характеристики РКЛР взаимосвязаны с гендером в большей степени, чем с социально-психологическими факторами профессиональной среды. В нашем исследовании при выявлении и описании специфики РКЛР на примере профессиональных сред социономического типа (образование, здравоохранение) данное предположение было подвержено верификации.

В исследовании приняли 299 руководителей государственных учреждений образования и здравоохранения различного уровня управления (таблица 1).

Таблица 1. Социально-демографические характеристики медицинской и образовательной профессиональных сред.

социально-демографические характеристики	общая выборка		медицинская проф. среда			образовательная проф. среда		
	диапазон	М	диапазон	М	диапазон	М		
возраст	25–66	44	25–66	45	26–61	44		
общий стаж работы (лет)	1–48	22	1–48	23	5–42	22		
стаж работы в должности руководителя (лет)	1–35	7	1–35	8	1–31	6		
образование	высшее							
уровень управления			1	2	3	1	2	3
			26%	35%	39%	39%	61%	0%
место проживания	Минск	область	Минск	область	Минск	область		
	30%	70%	29%	71%	32%	68%		
пол	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.		
	29%	71%	42%	58%	15%	85%		

В ходе проведения основного этапа исследования с помощью «Шкалы ролевого конфликта» (С. И. Ерина) было установлено актуальное состояние ролевого

конфликта личности руководителя в медицинской и образовательной профессиональных средах (рисунок 1).

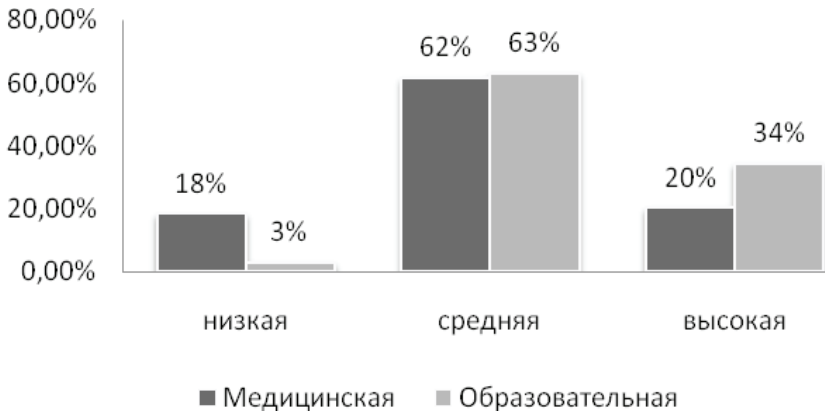

Рисунок 1. Выраженность ролевого конфликта личности руководителя в медицинской и образовательной профессиональных средах.

Как видно, в обеих профессиональных средах преобладает средняя степень выраженности РКЛР. Вместе с тем, в них имеют место значимые различия по высокой и низкой степени выраженности РКЛР ($\chi^2=22,33$; $p=0,00001$). Полученные данные свидетельствуют о том, что высокая степень выраженности ролевого конфликта более представлена у руководителей образовательной профессиональной среды: 34% против 20% респондентов медицинской среды. Относительно низкой степени выраженности ролевого конфликта, то она более выражена в медицинской профессиональной среде: 18% против 3% респондентов образовательной профессиональной среды.

Доминирующим типом ролевого конфликта личности руководителя в образовательной профессиональной среде является – внутриролевой. В данном случае наибольшую напряженность вызывают противоречия между сложившимися условиями и соблюдением ролевых требова-

ний руководителя, а также противоречия вызванные расхождением в множественном ролевом диапазоне руководителя, которые обусловлены ожиданиями, обращенными к нескольким ролям для одной и той же личности, которые порой требуют противоречивого поведения. Именно в образовательной профессиональной среде проявляются две формы внутриролевого конфликта. Одна имеет отношение к расхождению ожиданий между разными группами по отношению к одному и тому же исполнителю роли. Другая, предусматривает возможные расхождения, отсутствие единства внутри каждой из групп. В 5% случаях в образовательной профессиональной среде отмечается личностно-ролевой тип ролевого конфликта, что указывает на противоречия, вызванные несовпадением внутренних устремлений, стандартов, ценностей личности и требованиями выполняемой роли (рисунок 2).

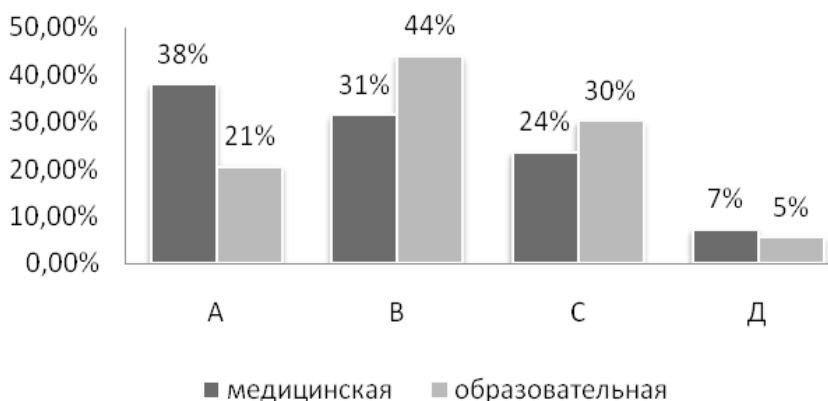

Рисунок 2. Типы ролевого конфликта личности руководителя в медицинской и образовательной профессиональных средах.

(А – межролевой; В, С – внутриролевой; Д – личностно-ролевой)

Медицинская профессиональная среда обнаруживает преобладание противоречия между различными ожиданиями от разных групп «сверху» и «снизу», что в свою очередь дает основание говорить о межролевом типе ролевого конфликта. Иными словами, руководитель является одновременно носителем таких ролей, которые предъявляют к нему несовместимые или трудносовместимые ожидания. Помимо этого в данной среде выделяется одна из форм внутриролевого типа ролевого конфликта, которая свидетельствует о наличии противоречия между сложившимися условиями и соблюдением ролевых требований руководителя, которые обусловлены расхождениями в ожиданиях к руководителю между разными группами. В 7% случаях в медицинской профессиональной среде наблюдается личностно-ролевой тип ролевого конфликта, что указывает на противоречия, вызванные несопадением внутренних устремлений, стандартов, ценностей личности и требованиями выполняемой роли.

При проверке гипотезы нами установлено, что статистически значимых различий в уровне выраженности ролевого конфликта в зависимости от пола не обнаружено ни в медицинской профессиональной среде ($\chi^2=3,71$, $p=0,294$), ни в сфере образования ($\chi^2=0,41$, $p=0,816$). Следовательно, несмотря на преобладание женщин в профессиональных средах социномического типа, пол не оказывает значимого влияния на выраженность ролевого конфликта личности руководителя в управленческой деятельности. Анализ результатов свидетельствует о том, что тип ролевого противоречия (образование $-\chi^2=5,76$, $p=0,123$; здравоохранение $-\chi^2=0,96$, $p=0,616$) в обеих профессиональных средах также не имеют связи с гендером.

На основании анализа полученных данных с помощью опросника «Шкала локуса ролевого конфликта» (П. П. Горноста́й) установлено, что у 53% руководителей всей выборки обнаружен экстернальный локус ролевого конфликта, у 40% промежуточный локус ролевого конфликта. Интернальный локус ролевого конфликта обнаружен у 7% руково-

дителей. При этом, значимых различий в преобладании определенного типа ролевого конфликта в зависимости от локуса ролевого конфликта не выявлено ($\chi^2=7,746$; $p=0,257$). В то же время, вы-

явлены значимые различия в преобладании определенного локуса ролевого конфликта в образовательной и медицинской профессиональных средах ($\chi^2=8,051$; $p=0,017$) (рисунок 3).

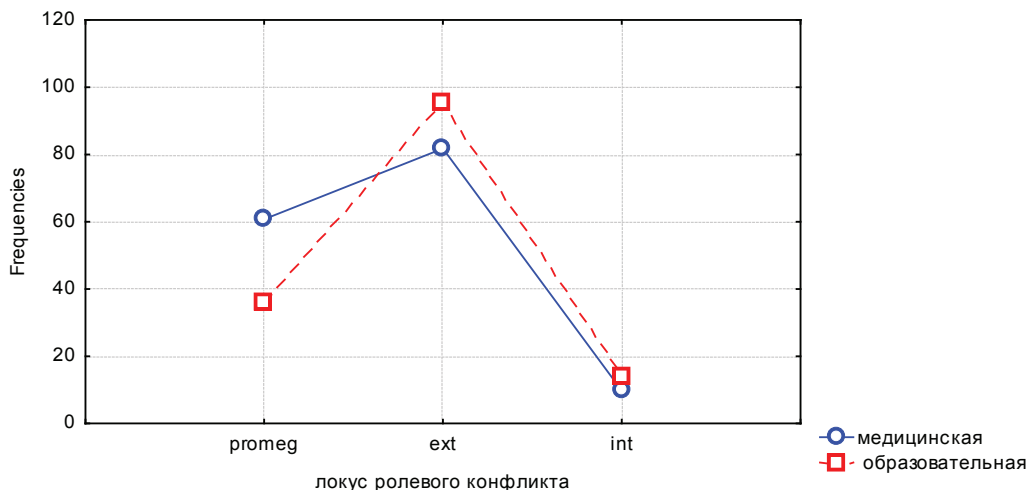

Рисунок 3. Проявление локуса ролевого конфликта в профессиональных средах.

Таким образом, мы можем констатировать, что в большей степени выборка представлена руководителями с выраженным экстернальным локусом ролевого конфликта, с более яркой выраженностью в образовательной профессиональной среде. Из этого следует, что ролевое поведение строится преимущественно в соответствии с ролевыми ожиданиями. Следовательно, руководители стремятся устанавливать и поддерживать внешние связи. Они в большей степени ориентированы на внешнюю систему ценностей, при этом, в меньшей степени оказываются быть способными опираться на собственную систему ценностей и убеждений.

Также, нами было отмечено, что у руководителей медицинской профессио-

нальной среды нередко обнаруживается промежуточный локус ролевого конфликта. Следовательно, оказываясь перед выбором стратегии собственного ролевого поведения, руководитель может либо ориентироваться на внутренние ценности, «подстраивая» под них свою социальную роль, либо, напротив, строить ролевое поведение исходя из ролевых ожиданий объектов и субъектов управления. На основании этого можно сделать предположение, что руководители с промежуточным локусом ролевого конфликта могут быть более успешными в управленческой деятельности за счет достаточно высокой адаптивности к быстро меняющимся условиям деятельности. С другой стороны, в исследованиях С.Н. Монастырёва, О.В. Рубцовой показано, что это может

быть связано с высоким уровнем профессионализма (в нашем случае следует предполагать, что это руководители с богатым жизненным и профессиональным опытом), или с несформированностью ролевой идентичности (в нашем случае следует предполагать, что это руководители с минимальным опытом управленческой деятельности).

Анализ полученных результатов убедительно свидетельствует о том, что тип локуса ролевого конфликта (образование – $\chi^2=0,91$, $p=0,635$; здравоохранение – $\chi^2=2,38$, $p=0,496$) в обеих профессиональных средах также не имеют зависимости от пола.

При этом, полученные данные позволяют сделать вывод, что существуют статистически значимые различия в степени выраженности РКЛР в зависимости от наличия преобладающего типа организационной культуры ($\chi^2=13,81$, $p=0,003$).

С помощью методики «ОКАИ» (К.К. Камерон, Р.Э. Куинн) нами были выявлены существующие на данный момент типы организационной культуры в изучаемых профессиональных средах, которые значимо различаются ($\chi^2=13,80$; $p=0,00318$). Сравнительный анализ типов организационной культуры в профессиональных средах показал, что в сфере здравоохранения выявлено преобладание иерархического типа организационной культуры. Выявленный тип организационной культуры в сфере образования показал наличие определенной сбалансированности признаков разных культур с преобладанием клановой. Полученные данные убедительно доказывают, что исследуемые профессиональные среды имеют различные преобладающие типы организационных культур. Опираясь

на данные полученные различными исследователями организационной культуры (Э. Шейн, К.К. Камерон, Р.Э. Куин, О.Г. Тихомирова и др.) мы можем констатировать, что наличие того или иного типа организационной культуры не может обеспечивать высокую продуктивность организации. Однако, преобладание того или иного типа организационной культуры оказывает воздействие на: внутриорганизационные процессы (общение, принятие решения, карьеру, социализацию, трудовой процесс); на организационную структуру; организационное поведение; индивидуальную и организационную конкурентоспособность. На основании теоретических и эмпирических данных, учитывая сложность и многоаспектность содержания и характера управленческой деятельности в профессиональных средах социомического типа, мы предположили, что в выявленных типах организационной культуры присутствует своеобразное сочетание стрессогенных факторов, усиливающих выраженность ролевого конфликта личности руководителя.

С помощью «Экспресс-методики определения стрессогенных факторов в деятельности руководителя» (И.Д. Ладанов, В.А. Уразаева) нами установлено, что медицинская и образовательная профессиональные среды имеют своеобразные проявления стрессогенных факторов. Более детальный анализ показал, что разные стрессогенные факторы выражены в разных средах по разному ($F(1,297)=36,71$; $p<0,00001$). Доминирующими стрессогенными факторами образовательной профессиональной среды являются: «стресс рабочих перегрузок» ($r=0,469$; $p=0,01$); «конфликтность ком-

муникаций» ($r=0,314$; $p=0,01$); «стресс «вертикальных» коммуникаций» ($r=0,290$; $p=0,03$). Следовательно, образовательная профессиональная среда отличается большим ролевым разнообразием в деятельности руководителя, высокой стрессогенностью организационных коммуникаций и психологической напряженностью в коммуникациях по вертикали. Это может быть объяснимо тем, что деятельность руководителя-педагога полифункциональна и предполагает большое количество социальных контактов как в самой образовательной среде, так и за ее пределами, а также высокой эмоциональной вовлеченностью в них. В медицинской профессиональной среде выделены такие типичные стрессоры как: «стресс рабочих перегрузок» ($r=0,489$; $p=0,05$); «информационный стресс» ($r=0,263$; $p=0,05$). Выделенные стрессогенные факторы в медицинской профессиональной среде, свидетельствуют о неконструктивной организации работы руководителя, что может быть обусловлено дискомфортом, а порой и экстремальными условиями профессиональной среды, которые опосредованы воздействием физико-химических, информационных, социально-психологических и эстетических факторов. Высокий уровень профессиональной и личной ответственности за жизнь человека, и высокая степень применения инновационных технологий в лечебной практике, дополнительно усложняют исполнение профессиональных обязанностей руководителя.

Выявленные стрессогенные факторы свидетельствуют о наличии психологических перегрузок у руководителей социоэкономического типа профессий, о повышенной конфликтности делового

общения, т.е. высокой стрессогенности организационных коммуникаций, о стрессогенности в корпоративных отношениях, которые могут быть вызваны проблемами отношений между субъектами и объектами управления. В меньшей степени причиной рабочих стрессов является низкая профессиональная компетентность. Следствием выраженности стрессогенных факторов, являются проблемы асинхронного развития в структуре личности профессиональной и управленческой ролей.

Таким образом, полученный фактологический материал убедительно доказывает, что результаты проведенного анализа актуального состояния РКЛР в разных профессиональных средах социоэкономического типа указывает на возможность рассмотрения в качестве его источника и основных условий вариативное сочетание личностного и организационного факторов. Следовательно, гендерный аспект не должен учитываться при формировании управленческого состава организации.

Литература:

1. Анцупов, А. Я. Конфликтология / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – 3-е изд. – СПб.: Питер: Питер Пресс, 2008. – 490 с. – С. 186–190; 268–280.
2. Ахмадеева К. Н. «Женщины – эмоциональные, мужчины – рациональные...»: стереотипы гендера в саморефлексивном дискурсе управленцев / К. Н. Ахмадеева // Вестник Казанского технологического университета. 2011. – № 1. – С. 163–170.
3. Басова М. М. Гендерные особенности поведения личности руководителя в управленческой деятельности / М. М. Басова, И. В. Грошев // Социально-экономические явления и процессы. 2010. – № 2. – С. 20–23.

4. Гаврилица, О. А. Ролевой конфликт работающей женщины: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / О. А. Гаврилица. – Москва. 1998. – 185 л.
5. Деревянко, О. И. Ролевой конфликт в управленческой деятельности: теоретические подходы, психодиагностические методы измерения, современное состояние / О. И. Деревянко // Сб. «Научные Труды РИВШ. Истор. и псих. – пед. науки»: сборник научных статей. – Минск. РИВШ, 2013. – Ч. 2, – 427. – С. 102–110.
6. Ерина, С. И. Ролевые конфликты в управленческих процессах // Конфликтология: хрестоматия / Н. И. Леонов. – 4-е изд., – М.: МПСИ. – Воронеж: Модэк, 2011. – 567 с. – С. 192–198.
7. Загайнов И. А. Профессиональная подготовка менеджера: гендерный аспект / И. А. Загайнов, Е. Н. Загайнова // Вестник Марийского государственного университета. 2011. № 6. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-podgotovka-menedzhera-gendernyy-aspekt>. Дата доступа: 01.03.2016.
8. Ильин Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2008. – 432 с.
9. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения: уч. пособие / Е. А. Климов. – М.: Академия, 2004. – 304 с.
10. Климов, Е. А. Образмира вразнотипных профессиях / Е. А. Климов. – М.: Издательство МГУ, 1995. – 224 с.
11. Курбатов В. И. Конфликтология. изд-ие 3-е / В. И. Курбатов. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 445 с.
12. Милорадова, Н. Г. Психология управления в условиях стабильной неопределенности [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Н. Г. Милорадова. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 233 с.
13. Селезнева, Е. В. Лидерство: учебник и практикум для академического бакалавриата / Е. В. Селезнева. – М.: Юрайт, 2015. – 429 с.

Событийно-когнитивные и акмеологические компоненты как основа управления конфликтом

Кашапов А. С. (Ярославль)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 16-06-00196а)

Аннотация: Определены компоненты готовности к управлению конфликтом. Обосновано, каким образом учёт принципов управления конфликтами способствует более гибкому поведению в условиях конфликтного взаимодействия. Творческий потенциал в управлении конфликтом раскрыт посредством анализа факторов, способствующих быстрому нахождению оригинального решения конфликтной проблемы.

Ключевые слова: событийность, трансформации, события, профессионализации, социализации, конфликт, ситуация.

Annotation: The components of readiness to conflict management are defined. Founded, how accounting principles of conflict management contributes to a more flexible behavior in conditions of conflict interaction. Creativity in managing the conflict revealed through the analysis of the factors contributing to the fast finding of the original solution of conflict problems.

Keywords: eventfulness, the transformation, events, professionalisation, socialization, conflict, situation.

Событийно-когнитивные компоненты являются профессионально ориентированной системой знаний и умений, необходимых для эффективного межличностного взаимодействия в условиях управления конфликтом. Оптимальная работа с конфликтом является основным социальным заказом для всех практических психологов. Конфликт необходимо переводить в конструктивное русло, а не консервировать его – в этом заключается актуальность рассмотрения структурных основ управления конфликтом.

Знание общих закономерностей межличностного взаимодействия помогает овладеть акмеологическими основами взаимопонимания, позволяет улучшить отношения со значимыми людьми. Акмеологическое усвоение и преобразование познаваемой реальности связано с мыслями, чувствами и поступками субъекта,

поэтому необходимо системное описание мыслительных операций и практических действий, которые обеспечивают эффективное управление конфликтом.

Для решения проблем, связанных с обучением управлению конфликтом представляется целесообразным решение следующих задач: во-первых, сформировать представление об акмеологических основах управления конфликтом; во-вторых, раскрыть сущность акмеологии в контексте профессионального и личностного развития; в-третьих, способствовать формированию необходимых профессиональных умений в управлении конфликтом с применением акмеологических знаний.

Акмеология выделилась в качестве особой дисциплины о социальной и профессиональной зрелости человека, состоящей из ряда фаз развития,

не только предшествующих, но и противостоящих инволюционным процессам (Б.Г. Ананьев, О.С. Анисимов, Е.Н. Богданов, А.А. Бодалев, В.П. Бранский, Н.В. Вишнякова, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Е.А. Климов, И.П. Краснощеченко, Н.В. Кузьмина, Ю.Н. Кулюткин, Т.В. Огородова, С.Д. Пожарский, Ю.В. Пошехонова, А.А. Реан, Н.П. Фетискин и др.). Акмеология выявляет феноменологию, закономерности и механизмы развития человека на ступени взрослости и условия достижения им оптимума в этом развитии.

Акмеология как наука, базируется на знании основных понятий общей, педагогической, социальной, медицинской психологии и психологии личности (развитие, целостность, социализация, профессионализация, конфликт) и профессиональной деятельности (ее структура и развитие). Овладение этой информацией позволяет осуществлять эффективную коммуникативную деятельность и творческую жизнедеятельность.

В основе акмеологии лежат накопленные многовековой культурой человечества идеи об уникальности и ценности человеческой жизни, способности человека к творчеству и самосовершенствованию, переосмысливаемые в духе современных наук об управлении сложными объектами, стратегического прогнозирования и планирования, системного моделирования.

Методология познания коммуникативной деятельности и жизнедеятельности социального субъекта, сложившаяся в рамках традиционной парадигмы, не обеспечивает качественного роста новых возможностей. Более того, в новой ситуации не все стереотипы познания

отвечают социальным требованиям. Как следствие такого подхода каждая наука о конфликте (философия, социология, конфликтология, политология, педагогика, экономика, этнология, психология, филология и др.) в отдельности получает и оперирует частичным знанием о феноменологии субъекта конфликтных отношений. Не получив изначально целостного конструктивного оформления, предлагаемые фрагментарные знания об управлении конфликтом в значительной мере оказываются не востребованными. Все это привело к необходимости поиска принципиально нового подхода, обеспечивающего синтез многих сведений, получение целостной картины социального субъекта и при этом учета его включенности во все реальные связи и отношения. Именно акмеология и предложила такой подход. Его основной смысл состоит в следующем.

Использование в акмеологическом познании философских теоретико-методологических положений позволяет выбрать общее направление в выработке целостного интегративного подхода к пониманию конфликта. Данные положения позволяют ответить на вопрос: где и как найти оптимальные точки сопряжения интересов различных наук в исследовании и решении проблемы достижения вершин профессионального мастерства в управлении конфликтом.

Особую фундаментально-прикладную роль для акмеологии играет психология, в рамках которой она получила признание и успешно развивается. Одним из первых идею изучения человека как целостного феномена выдвинул и начал реализовывать В.М. Бехтерев. В последующем С.Л. Рубинштейн отмечал, что человека

надо рассматривать как совокупность всех его внутренних условий. Они расценивались им как иерархия низших и высших специфических свойств, избирательно и активно взаимодействующих с внешними условиями. Б.Г. Ананьев, последовательно развивая идею человекознания, практически доказал правильность и перспективность изучения человека как целостности. Он выделил в нем такие важные взаимосвязанные признаки как индивид, субъект деятельности, личность и индивидуальность. Данные макрохарактеристики он изучал в реальной среде – в совокупности взаимосвязано действующих природных, социальных и духовных факторов.

Искусство акмеолога состоит в использовании не прямых рекомендаций, которые вызывают агрессию, а в применении стратегий косвенного селективного управления, порождающих потребность в самокоррекции и самореорганизации деятельности. В центре акмеологического исследования оказывается целостный субъект индивидуального или группового характера, который включен во всё многообразие реальных связей и отношений.

Следовательно, выше изложенные положения позволяют найти ответ на вопрос: В чем состоят акмеологические основы управления конфликтом? Знание акмеологии позволяет субъекту познать и учитывать механизмы и закономерности, обеспечивающие успешное социальное познание затруднений и противоречий, возникающих в межличностном взаимодействии.

В качестве акмеологической единицы анализа конфликтных отношений рассматривается акме-событие. Суть управления конфликтом заключается

в трансформации конфликтной ситуации в судьбоносное событие, способное оказать сильное влияние на дальнейшее развитие личности. Человек, находясь в условиях конфликтного взаимодействия, остро межличностного противостояния и противоборства, извлекает нечто новое, ранее не познанное, осмысление которого изменяет его внутренний мир.

Однако, по-прежнему, актуальным остается вопрос о детерминированности знакового события ситуацией, в которую он попадает, проживая и осмысливая свою взрослость и зрелость. Становление индивидуального сознания человека – субъекта деятельности является результатом совместного влияния познания, общения и труда, их разнообразных конвергенций. В благоприятных условиях существования и деятельности происходит не только трата, но и самосозидание и воспроизведение потенциалов субъекта. Однако разобщенность так называемых функциональных и личностных подходов к разработке проблем становления и формирования конфликтной компетентности, относящихся к динамике отношений, к мотивации, к личностному и профессиональному развитию, препятствует построению единой теории управления конфликтом.

Одним из важных положений такой теории может служить тезис о функциональном понимании коммуникативной компетентности как качества личности, способной осмысливать и выделять основные стадии и фазы развития конфликтной ситуации, предвидеть и быстро находить оптимальные решения, соизмерять их с условиями ситуации и со средствами, которые имеются в распоряжении в данный момент времени.

В целом акмеологический подход позволяет осуществить комплексные исследования и восстановление целостности субъекта, проходящего ступень зрелости. Комплексное исследование характеризуется единством рассмотрения индивидуальных, личностных и субъектно-деятельностных характеристик человека для того, чтобы содействовать достижению им высших уровней развития своего жизненного акме. Человек становится «творцом своего жизненного пути» за счет раскрытия и реализации собственного личностного потенциала, индивидуальной ресурсности.

Творческий конечный результат акмеологических стратегий заключен в показателях такого уровня сформированности основ конфликтологической культуры личности и деятельности специалиста, который в большей или меньшей степени обеспечивает ему готовность к продуктивному разрешению конфликтных проблем и способствует саморазвитию в условиях самостоятельной деятельности.

Понимание и принятие акмеологической концепции позволяет исследовать и оценивать управление конфликтом с точки зрения высокого уровня зрелости осмысления специалистом коммуникативной деятельности. В акмеологическом понимании зрелость характеризуется как способность личности делать осознанный выбор и нести ответственность за него. Акмеологический подход к исследованию человека подразумевает не только анализ его профессиональных вершин, а также изучение психологических закономерностей и механизмов, обеспечивающих достижение высшего этапа зрелости человека – познание смысла своего существования. Акмеологичность

является свойством жизнедеятельности человека, характеризующееся его устремленностью к вершинам личностного и профессионального развития и самосовершенствования. Тенденция развития к расцвету, в виде зрелых, гармоничных, самосовершенствующихся акме-форм определяет онтологический атрибут бытия человека и общественной системы. Акмеологичность в синхроническом плане означает самосовершенствование человека, а в диахроническом – его профессиональную социализацию. Творческое саморазвитие личности определяется акмеологической деятельностью в интрапсихическом пространстве.

Одним из ключевых понятий, связывающим событийно-когнитивные и акмеологические компоненты в управлении конфликтом является событийность, под которой понимается часть события людей как потенциала возможностей решений не только индивидуального, но и коллективного субъекта, реализуемых в процессе диалога внутри микрогруппы и взаимодействия с окружающим его многомерным миром. Опираясь на системно-субъектный подход (А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, А. О. Прохоров, Е. А. Сергиенко и др.) можно отметить, что исследование феномена взаимоотношений состояний и когнитивных процессов требует разрешения нескольких методологических проблем. Остается по-прежнему открытым вопрос, каким образом информация, интегрированная в структуру опыта личности, становится сплавом знаний и мотивов, а в дальнейшем и качеств личности. Данный сплав обеспечивает возникновение базовых характеристик конструктивной событийности, которые способствуют осуществле-

нию позитивного переструктурирования внутреннего мира человека, что выражается, прежде всего, в изменении приоритетов; формировании иного видения, происходящего в условиях конкретной ситуации. Благодаря этому происходит дифференциация и возникновение новых акцентов. Конструктивный формат понимания содержания ситуации, новый взгляд на нее позволяют расширить рамки осмысления ситуации, что лежит в основе реализации надситуативного подхода к разрешению возникших противоречий, в том числе и конфликтного содержания. М. А. Холодная [16], Е. А. Сергиенко [14] определяют интеллектуальные ресурсы как совокупность меры интеллектуальных способностей и метакогнитивной способности индивидуальных когнитивных стилей. Именно система интеллектуальных ресурсов выступает в качестве метарегулятора событийности мышления. В нарративной психологии и психотерапии (Дж. Брунер, Т. Р. Сарбин, Д. Мак-Адамс, J. Winslade, G. Monk) существует собственная трактовка прошлого клиента, инициированная психотерапевтом.

Смена акцентов в выделении наиболее значимых событий жизненного пути ведет к изменениям и трансформациям личности клиента, психокоррекции его травмирующих и невротических переживаний. В. В. Знаков отмечает, что люди используют различные способы описания и истолкования событий: тезаурусное и нарративное. Результатом тезаурусного понимания оказывается картина, основанная на семантических, смысловых, ассоциативных, эмоциональных связях. Такое понимание фрагментарно, мозаично, непоследовательно и нередко ло-

гически противоречиво. А нарративное понимание событий основано на какой-либо одной принятой субъектом версии происходящего. Субъект сознательно и целенаправленно старается структурировать события таким образом, чтобы в повествовании присутствовали смысл (связанность), цель или ценностный конечный результат [4]. Автобиографическая память трактуется в нарративной психологии, по мнению В. Ф. Петренко, не как склад воспоминаний прошлого, застывших в своей неизменности, а как динамический механизм, конструирующий версии прошлого исходя из актуальных задач настоящего и потребностей саморазвития личности [12].

Идея событийной структуры жизни успешно реализуется Б. Г. Ананьевым [1]. Содержательное, смысловое насыщение событий, утверждает Л. В. Куликов, так или иначе, меняет психологическое время, скорость его течения, психологическое пространство, его структуру и объем. Степень событийной новизны должна быть приемлема для личности. Если ее слишком много или, напротив, мало, это приводит к напряжению, а при крайних степенях – к психическим отклонениям и расстройствам [10. с. 135].

Событие можно назвать критическим, если оно характеризуется следующими признаками: всегда локализовано во времени и пространстве; внезапно и коренным образом изменяет привычное течение жизни и поэтому требует от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия; вызванные им изменения сопровождаются стойкими аффективными реакциями, а не только кратковременными эмоциями. Критические, изменяющие жизнь со-

бытия М. Перре, А.Р. Лайрейтер, У. Бауман предлагают называть нормативными, если они характерны для многих членов определенного культурного сообщества и их можно предсказать [11].

В теории копинг-поведения [18; 19] выделяются базисные копинг-стратегии: «разрешение проблем», «поиск социальной поддержки», «избегание» и основные копинг-ресурсы: Я-концепция, локус контроля, эмпатия, аффилиация и когнитивные ресурсы. Механизмы совладания используются человеком сознательно и целенаправленно, поэтому совладающее поведение относят к факторам активности личности, которые называются дескрипторами субъекта. Совладающее поведение связывают с личностным развитием, благополучием, наличием ресурсов и адаптацией [9].

Результатом совладания является приобретение: новая роль, социальный статус, автономность и т.д. Вопрос «цены» жизненных приобретений в процессе проживания стресса обусловлен личностным копинг-ресурсом, помогающим осмысливать и целенаправленно управлять стрессом, направлять энергию на достижение значимых целей, формировать новое отношение к собственным личностным усилиям. С.Е. Хобфолл в теории сохранения, консервации ресурсов подчеркивал, что в оценке стрессогенности ситуации, ее возможного ущерба участвуют три системы: система когнитивной оценки, функционирующая в основном на уровне оценки личных и социальных взаимоотношений, отношения к самому себе; биофизиологическая система, более стабильная, менее гибкая и оценивающая ситуацию и ресурсы с точки зрения вреда и полезности их для индивида, организ-

ма. Он подчеркивает исключительную важность еще одной функционально более сложной системы – подсознательно-го, – включающей опыт раннего детства и травматический опыт взрослой жизни [17]. Важную роль при этом играет устойчивость как способность восстанавливаться после столкновения со стрессором, а затем приспосабливаться к изменениям и трудностям [20].

Анализ описанных концепций позволяет отметить, что мысли человека предвещают и одновременно создают обстоятельства его жизни. Посредством событийности мышления создаются устойчивые формы событий – «вехи», «знаковые повороты судьбы», «вызовы». Данные формы закономерны. Прогнозировать межличностные события позволяет социальный интеллект как устойчивая способность понимать самого себя, а также других людей, их взаимоотношения. Социальный интеллект помогает улавливать сложные отношения и зависимости в социальной сфере жизнедеятельности, поэтому ожидаемый вызов, по сравнению со стихийным, есть переживаемая и осознаваемая индивидом смыслообразующая величина, обеспечивающая самоактуализацию и самореализацию личности.

Следовательно, событийность наиболее ярко проявляется именно в условиях конфликтного взаимодействия. Событийность характеризуется насыщенностью эмоционально окрашенными событиями, значимыми для конкретной личности или группы. Под событийностью понимается часть со-бытия людей как потенциала возможностей решений не только индивидуального, но и коллективного субъекта, реализуемых в процессе диалога внутри микрогруппы и взаимодействия

с окружающим его многомерным миром [5; 6; 7]. Событие тогда воспринимается вторичным, когда оно оказывает влияние на восприятие первичного и обусловливает более глубокое восприятие, осмысление и осознание последующего события. Адекватное осмысление и понимание психологических механизмов влияния события на личность возможно с учетом данного контекста взаимосвязи событий. Именно в этом случае ситуация, заведомо «обреченная» на негативный исход, трансформируется в событие, способствующее и обеспечивающее конструктивный выход в процессе разрешения конфликтной проблемы.

Под событийностью мышления понимается актуализация потенциала возможностей субъекта, реализуемых в рамках диалога внутри микрогруппы и с окружающим его многомерным миром. Такой переход способствует и обеспечивает нахождение конструктивного выхода в процессе разрешения конфликтной проблемы. Поэтому важной составляющей творческого мышления является одухотворенность мыслительных процессов. Духовность в качестве основного компонента событийности мышления, представляет собой динамическое интегральное личностное образование, формирование которой происходит в процессе взаимодействия личности с социальной и культурной средой [8].

Важной составляющей творческого мышления, позволяющего очевидное поражение обернуть в реальную победу, является событийное мышление, которое проявляется в последовательном выявлении и осмыслении логически вытекающих друг из друга явлений (событий); твердо установленных фактов, относи-

тельно легко поддающихся суммированию или квантификации. Примером такого мышления может быть выстраивание в контексте анализа события логической цепочки следующих суждений относительно генезиса конфликтной ситуации: причина – повод – конфликт – следствие – последствие. Такой подход позволяет рассматривать жизнь как последовательную цепь причинно-следственных событий.

Понимание такой цепочки обусловлено точкой зрения субъекта, Так, В. Франкл в контексте разработанной им размерной онтологии выделяет два закона. Первый закон размерной онтологии звучит так: «Один и тот же предмет, спроецированный из своего измерения в низшие по отношению к нему измерения, отражается таким образом, что различные проекции могут противоречить друг другу». Представим цилиндр, например, стакан. Если спроецировать его из трехмерного пространства на горизонтальную и вертикальную двумерные плоскости, то в первом случае получится круг, а во втором – прямоугольник. Наиболее важным является не то, что эти картинки не соответствуют друг другу, а то, что стакан – открытый сосуд, в то время как круг и прямоугольник – закрытые фигуры. Противоречие иного уровня! Теперь давайте перейдем ко второму закону размерной онтологии, который гласит: «Различные предметы, спроецированные из их измерения в низшее по отношению к ним, отражаются так, что проекции оказываются многозначными». Представим себе цилиндр, конус и шар. Тени, которые они отбрасывают на горизонтальную плоскость в виде трех кругов, равнозначны, и мы не сможем

определить на основании тени, отбрасывает ли ее цилиндр, конус или шар. Как теперь приложить все это к антропологии и онтологии? Если спроецировать человека на плоскость биологии и психологии, то результаты также окажутся противоречивыми. В одном случае результатом является биологический организм, в другом – психологический механизм. Хотя телесные и психические аспекты человеческого существования могут противоречить друг другу, это противоречие, рассматриваемое в рамках размерной антропологии, больше не ставит под сомнение единство человека. Или несовпадение круга и прямоугольника противоречит тому факту, что это две проекции одного и того же цилиндра? Размерная онтология далека от решения психофизической проблемы. Но она может объяснить, почему психофизическая проблема не может быть разрешена. Обязательное единство человека (несмотря на сложность души и тела) невозможно найти ни на биологическом, ни на психологическом уровнях, но должно быть найдено на ноологическом уровне, на который человек проецируется в первую очередь [15].

Следовательно, важно выделить существенное отличие события от факта. В частности, З. Вендлер, отмечает, что факты, в отличие от событий, не локализованы в мире, они – «о мире» [3]. Н. Д. Арутюнова рассматривает событие – как неотъемлемую часть реальности. Она подчеркивает, что, став истинным и тем самым освободившись от своего автора, утверждение становится фактом, но не может обрести плоть и кровь, то есть превратиться в событие,

которому оно обязано своим существованием. Утверждение может превратиться в факт, но ни утверждение, ни факт не могут превратиться в событие. Можно быть свидетелем события, но нельзя быть свидетелем факта [2]. По мнению Б. Рассела, отправной точкой отсчета для факта является категория истинности/ложности, тогда как «событие» происходит в реальном пространстве. Имя «факт» ориентировано на мир знания, то есть на логическое пространство, организованное координатой истины и лжи, имя «событие» ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени [13].

В целом, событийность как психологический механизм творческого профессионального мышления проявляется в понимании самого себя, а также других людей, их взаимоотношений. Актуализация событийности позволяет прогнозировать межличностные события. Благодаря способности к событийности у субъекта появляется возможность улавливать сложные отношения и зависимости в социальной сфере жизнедеятельности; возникает промышляемость, позволяющая профессионалу работать на опережение, в том числе и на профилактику деструктивных конфликтов в коллективе. А в случае их возникновения, использовать эффективные стратегии посредством актуализации и реализации событийно-когнитивных и акмеологических компонентов управления конфликтом.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Психология человека. Избранное. СПб. 1997.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Язык русской культуры, 1998. – 895 с.

3. Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. – С. 264–276.
4. Знаков В. В. Тезаурусное и нарративное понимание событий как проблема психологии человеческого бытия // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 3.
5. Кашапов М. М. Психология творческого процесса в конфликте. Монография. Ярославль, Яросл. гос. ун-т. 2011. 296 с.
6. Кашапов М. М. Событийность мышления как ресурс конструктивной конфликтности личности // Психология конструктивной конфликтности личности. Монография / Под ред. проф. А. В. Карпова, проф. М. М. Кашапова. – Ярославль: ИПК «Индиго», 2013. С. 44–63.
7. Кашапов М. М. Формирование профессионального творческого мышления: учеб. пособие / М. М. Кашапов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. 136 с.
8. Кашапов М. М. Событийность мышления преподавателя как средство профессионализации и социализации студентов / М. М. Кашапов // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 186–195.
9. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010.
10. Куликов Л. В. Общенаучные категории в отечественной психологии. СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та. 2013.
11. Перре М., Лайрейтер А. Р., Бауманн У. Критические, изменяющие жизнь события (макрострессоры) // Клиническая психология / под ред. М. Перре, М. Бауманна. СПб.: Питер, 2002.
12. Петренко В. Ф. Понятие конструктивизма в психологической науке // // Вестник интегративной психологии. Ярославль, Москва. Выпуск 7. 2009. С. 31–33.
13. Рассел Б. Искусство мыслить (2-е изд., испр.). М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 1999. 240 с.
14. Сергиенко, Е. А. Контроль поведения как субъектная регуляция / Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, Ю. В. Ковалева. – М.: ИП РАН, 2010. 352 с.
15. Франкл В. Сказать жизни «Да»/ под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
16. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М. А. Холодная. – СПб.: Питер, 2004.
17. Hobfoll S. E. (1998). Stress, culture and community: The psychology and philosophy of stress. New York: Plenum.
18. Lazarus R. S. (1993). Coping theory and research: Past, present, and future / R. S. Lazarus // Psychosomatic Medicine.— 55. – P. 234–247.
19. Lazarus R. S., Folkman S. (1984). Stress, Appraisal and Coping. N.Y.: Springer Publishing House,
20. Werner E. E. (1993). Risk, resilience, and recovery: Perspectives from the Kauai Longitudinal Study // Development and Psychopathology. V. 5. P. 503–515.

КРЕАТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Кашанов М. М., Солодчук О. Н.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 16-06-0019а)

Аннотация: Работа направлена на изучение креативности как надпрофессиональной компетентности у студентов медицинского университета. Приводятся данные эмпирического исследования, подтверждающие необходимость формирования творческих способностей у будущих специалистов.

Ключевые слова: невербальная креативность, вербальная креативность, творческие способности, индекс оригинальности, индекс уникальности, студенты.

Abstract: The work is aimed at highlighting the issue of creativity as nepotistically competence of medical students. Data of empirical research confirming the need of formation of creative abilities of future specialists.

Key words: nonverbal creativity, verbal creativity, creative abilities, originality index, the index uniqueness, the students.

В настоящее время в обществе возросла потребность в творческих, креативных людях, способных к самообразованию и неожиданным идеям [1, 10].

Современное образование требует от студентов овладения не только определенными знаниями, умениями и навыками, но и творческим подходом к будущей или настоящей профессиональной деятельности, развития устойчивых познавательных интересов и потребности в постоянном самообразовании. Но система образования, в том числе врача, и дальнейшая работа ориентирована на логическое, прагматическое мышление. Лечебный процесс построен на соблюдении принятых стандартов и протоколов. К тому же в деятельности врача существует огромное количество инстанций, которым он подотчетен. Это порождает противоречие [2, 4, 5, 7].

Творческие способности относятся к дивергентному мышлению, т.е. типу мышления, идущему в различных направлениях от проблемы, отталкиваясь

от ее содержания, тогда как типичное для большинства людей – конвергентное мышление – направлено на поиск из множества решений единственно верного. [9].

Люди, используя в повседневности в основном конвергентное мышление, привыкают употреблять слова и образы в определенной ассоциативной связи с другими словами, причем стереотипы и шаблоны в каждой социальной группе свои. Отсюда креативный мыслительный процесс, по сути, является формированием новых смысловых ассоциаций, величина отдаленности которых от стереотипа может служить измерением креативности личности [9].

Креативная компетентность человека выступает в качестве надпрофессиональной компетентности, которая не может быть привязана лишь к определенной деятельности человека. Креативные люди не просто поступают нестандартным образом, их поступки оправданы и полезны [6, 7, 9, 14].

Творческие способности индивида характеризуются готовностью к порождению новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления, а также способность решать проблемы, возникающие в процессе профессиональной деятельности [8, 11, 13]. Способность к творчеству проявляется в гибкости мышления. Оригинальность помогает врачу адекватно воспринять пациентов и уметь найти к ним особый подход.

В современной психологии не существует единого определения понятия «креативность». Креативность – «creative» (англ.) – творчество, creation (лат.) – сотворение. То есть под «креативностью» подразумевается способность получать ценные результаты нестандартным способом [3]. По мнению М. А. Холодной, креативность – это способность порождать множество разнообразных оригинальных идей в нерегламентированных условиях деятельности. Дж. Гилфорд рассматривает креативность не как единый фактор, а как совокупность способностей, каждая из которых может быть представлена в той или иной степени. Д. Б. Богоявленская определяет креативность как ситуативно – нестимулируемую активность, которая проявляется в стремлении выйти за пределы заданной проблемы, т.е. креативность является глубинным личностным свойством, которое выражается в оригинальной постановке проблемы, наполненной личностным содержанием [2, 8].

В настоящее время можно выделить несколько подходов к пониманию феномена креативности. Среди них:

1) креативность как особенность интеллекта (Д. Б. Богоявленская, 1981; Е. Е. Туник, 1997);

2) креативность как способность интеллекта (В. Н. Дружинин, 1999);

3) креативность как потребность личности в поисково-преобразовательной деятельности при условиях активного взаимодействия со средой (Я. А. Пономарев, 1976);

4) креативность как свойство целостности личности (Г. Шоттенлоэр, 2000) [1, 3, 4].

В педагогической психологии креативное мышление понимается как мышление анализирующее, оценивающее, проблематизирующее, как ориентированное на «участие» в социальной и индивидуальной жизнедеятельности. В вузовской педагогике широко используется понятие «творческая деятельность», в практике конкретных исследований включающее представление о креативном мышлении [8].

В теории А. Адлера представлена концепция творческого «Я», то есть каждый человек создает свой стиль жизни и в результате реализации которого сам несет ответственность за свое поведение, поступки. А. Г. Маслоу, представитель гуманистического направления психологии, сформулировавший теорию самоактуализации, считал, что самоактуализация и креативность очень близки друг другу и может рассматриваться как личностная характеристика.

По С. Л. Рубинштейну, творчество – это деятельность, созидаящая новые материальные и духовные ценности. Благодаря творчеству у специалиста есть возможность конструктивно выйти

за привычные схемы мышления, поведения и деятельности [1].

Креативность, по мнению Е. Торренса, включает в себя повышенную чувствительность к проблемам, к дефициту или противоречивости знаний, а также действия по определению этих проблем, по поиску их решений на основе выдвижения гипотез, по проверке и изменению гипотез, по формулированию результата решения [15]. Творческое решение требует перекомбинирования старых элементов в новые конфигурации.

Р. Стеринберг считает, что креативность предполагает способность идти на разумный риск, внутреннюю мотивацию, готовность преодолевать препятствия [1].

Согласно позиции В.Н. Дружинина творчество проявляется не по причинам «потому что», а «несмотря ни на что», то есть творческий процесс является реальностью, спонтанно возникающей и завершающейся. Главное в творчестве – внутренняя доминанта создания образа.

Г. Селье вводит в творческий процесс мотивацию. Творческий процесс происходит посредством наблюдения, сбора фактов, накопления их в памяти, расположения их в том порядке, который диктуется рациональным мышлением. Если после сознательного процесса рассуждений и умозаключений, факты не желают образовывать гармоничную картину, тогда сознание с его привычкой к наведению порядка должно отойти в сторону [2]. При этом раскрепощенное воображение управляет порождением случайных ассоциаций. Иногда одна из мозаичных картин может вызвать интуитивное прозрение.

С. Медник пишет, что креативность – это способность преодолевать стереотипы на конечном этапе мыслительного синтеза и широта поля ассоциаций. На бытовом уровне креативность проявляется как смекалка – способность достигать цели, находить выход из кажущейся безвыходной ситуации, используя обстановку, предметы и обстоятельства необычным образом. В широком смысле – нетривиальное и остроумное решение проблемы. Причем, как правило, неспециализированными инструментами или ресурсами, если потребность материальна.

Профессор М.М. Кашапов выделяет в творчестве два уровня: потенциальный (характеризующий потребность человека продуцировать новые идеи, подходы, способы и методы работы) и актуальный (характеризующий готовность реализовывать вышеназванную потребность и обладание соответствующими способами действия и навыками) [8, 9].

Для творчества необходима независимость мышления от стереотипов и внешнего влияния. Творческий человек самостоятельно ставит проблемы и автономно их решает. Творческие решения приходят в момент релаксации, рассеянного внимания, а не в момент сосредоточения над решением проблемы [9, 15]. Креативность так же проявляется при дефиците знаний, в процессе включения информации в новые структуры и связи, идентификации недостающей информации, поиска новых решений и их проверки, сообщения результатов [7, 8].

Концепция креативности специалиста медицинского профиля – деятельность, в результате которой продуцируются необычные идеи, меняются традиционные

схемы мышления и поведения, и появляется способность быстро и правильно решать проблемы и проблемные ситуации. Креативность врача представляет два взаимосвязанных между собой компонента: профессиональное мышление и деятельность, условно состоящих из следующих подсистем: когнитивной, личностной, социальной [8, 9].

1. Когнитивная представлена мыслительными способностями, регуляторными процессами.

2. Личностная:

- психофизиологическими характеристиками специалиста медицинского профиля (в том числе, перцептивные – необычная способность концентрации внимания, восприятия, большая впечатлительность; эмоциональная лабильность; высокая толерантность к неопределенным ситуациям, конструктивная активность в этих ситуациях); мотивом достижений (внутренняя, познавательная мотивация; сосредоточенность на задаче);

- уровнем притязаний и самооценки;

- направленностью личности;

- характерологическими особенностями (частое уклонение от шаблонов, оригинальность, инициативность, упорство, высокая трудоспособность и самоорганизованность; желание заниматься творчеством, интерес ко всему новому, развитое эстетическое чувство, стремление к красоте);

- фасилитаторскими способностями [8].

3. Социальная сфера представлена концепцией системы социальной деятельности [9]. Таким образом, единую интегративную структуру творческого потенциала врача составляют:

1. Постоянное получение новых знаний;

2. Исследовательская творческую активность, выражающаяся в обнаружении нового, в постановке и решении проблем; в принятии оригинальных решений [6].

В процессе диагностики креативность подразделяют на вербальную (словесное творческое мышление) и невербальную (изобразительное творческое мышление). Такое разделение стало оправданным после выявления связи указанных видов креативности с соответствующими факторами интеллекта: образным и вербальным [9, 15, 12].

Творческая составляющая профессионализма является определяющей как для непосредственной деятельности (с точки зрения ее эффективности), так и для личности человека. Креативная компетентность способствует профессиональному росту, стремлению к самосовершенствованию, а также препятствует профессиональному выгоранию [6, 8, 9, 11].

В исследовании использованы методики: тест вербальной креативности (RAT) С. Медника (адаптация А. Н. Воронина, взрослый вариант), диагностика невербальной креативности – методика Е. Торренса (в адаптации А. Н. Воронина, 1994). Обработка эмпирических данных осуществлялась с помощью многофункциональной (гибридной) компьютерной диагностической системы Psychometric Expert 6.0.

Выборку составили 180 человек – по 30 студентов с 1 по 6 курс педиатрического факультета ярославского государственного медицинского университета.

Наиболее креативными себя показали студенты 1-го и 6-го курсов (таб. 1). На первом курсе высокий уровень твор-

ческих способностей объясняется тем, что существует эйфория от начинающегося нового этапа жизни, желание быть нужными и интересными. На последующих курсах уровень креативности несколько снижается и это может быть связано с большой нагрузкой в усвоении материалов и выполнении больших до-

машних заданий, которые чаще строятся на уже имеющихся схемах. На шестом выпускном курсе отмечен вновь подъем уровня креативности, ведь уже молодые люди ощущают свои знания и могут позволить себе включать творческую составляющую в выполнение процесса.

Таблица 1
Выраженность вербальной креативности

	Выраженный уровень (%)	Средний уровень (%)	Низкий уровень (%)
1 курс	82,4**	8,8	8,8
2 курс	70,9	19,4	9,7
3 курс	66,7	7,4	25,9
4 курс	70	23,3	6,7
5 курс	67	29,7	3,3
6 курс	73,4*	26,6	

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

Более половины опрошенных во всех студенческих группах показали, что обладают вербальной креативностью выше среднего уровня. Этот показатель отражает интеллектуальную активность человека, способность предлагать идеи, отличные от очевидных, общепринятых и банальных.

Использование различных методик диагностики творческих способностей позволило выявить общие принципы оценки креативности:

а) индекс продуктивности как отношение числа ответов к количеству заданий (таб.1);

б) индекс оригинальности как сумма индексов оригинальности (т.е. обратных величин по отношению к частоте встречаемости ответа в выборке) отдельных ответов, отнесенная к общему числу ответов. Оригинальность, выявляет степень непохожести созданного испытуемым изображения на изображения других испытуемых;

в) индекс уникальности как отношение количества уникальных (не имеющих аналогов в выборке) ответов к общему их количеству.

Таблица 2
Средний индекс оригинальности и уникальности при оценке вербальной креативности

Курс	Креативность вербальная. Индекс оригинальности доли	Креативность вербальная. Индекс уникальности доли
1 курс	0,59	7,53*

2 курс	0,60	7,45*
3 курс	0,60	6,48
4 курс	0,67	9,73**
5 курс	0,62	8,76**
6 курс	0,59	8,07**

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Средний индекс оригинальности вербальной креативности (таб. 2) был высокий у студентов всех курсов. Индекс уникальности так же был высокий у всех студентов, а достоверно выше на 1-м, 2-м ($p < 0,05$) и 4–6 курсах ($p < 0,01$). Достоверно выше среднее число индекса уникальности вербальной креативности обнару-

жено у студентов 1-го и 6-го курсов, чем у студентов 3-го курса ($p < 0,05$) и у студентов 2-го курса ($p < 0,01$). Но студенты 3-го курса показали достоверно выше результаты при оценке индекса уникальности относительно студентов 4-го и 5-го курсов ($p < 0,05$).

Таблица 3
Выраженность невербальной креативности

	Выраженный уровень (%)	Средний уровень (%)	Низкий уровень (%)
1 курс	94*	6	
2 курс	77,5	19	3,5
3 курс	79,7	20,3	
4 курс	75,8	17,1	7,1
5 курс	79,9	16,6	3,5
6 курс	62	27,6	10,4

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

Высокий уровень развития невербальной креативности (таб. 3), то есть высокую степень нестандартного образного мышления, продемонстрировали 2/3 опрошенных в группах студентов 1–5 курсов, у 1/2 группы 6-го курса. Примечательно, что создаваемые из заданных картинок образы близкие к специальности,

связанные с медициной. **Что говорит о формировании профессионального мышления, которое отличается от общих творческих способностей.**

При оценке вербальной и невербальной креативности мы изучали как индекс оригинальности, так и индекс уникальности.

Таблица 4
Средний индекс оригинальности и уникальности при оценке невербальной креативности

Курс	Креативность невербальная. Индекс оригинальности доли	Креативность невербальная. Индекс уникальности доли
------	---	---

1 курс	0,75	3,15*
2 курс	0,73	2,61
3 курс	0,69	2,11
4 курс	0,73	3,27
5 курс	0,73	3,57
6 курс	0,9	3,23

Примечание: * $p < 0,05$.

При статистическом анализе средних показателей индекса уникальности (таб. 4) было обнаружено, что студенты 1-го и 4-го, 5-го, 6-го курсов обладают большей творческой способностью, чем студенты 2-го и 3-го курсов ($p < 0,05$). Индекс уникальности достоверно выше был у студентов 1-го, 5-го и 6-го курсов, чем у студентов 3-го курса ($p < 0,001$).

Студенты всех курсов творчески очень способны и креативны, так как креативность может проявляться при дефиците знаний, в процессе включения информации в новые структуры и связи, идентификации недостающей информации, поиска новых решений и их проверки, сообщения результатов. Уровень креативности в студенческом возрасте высокий, однако, как мы выявили в ходе исследования без благоприятных условий для развития в процессе профессионализации он снижается.

Современное образование требует от студентов овладения не только определенными знаниями, умениями и навыками, но и творческим подходом к будущей или настоящей профессиональной деятельности, развития устойчивых познавательных интересов и потребности в постоянном самообразовании. При наличии специальных знаний у профессии

она появляется возможность использовать не только шаблонное мышление, но и адаптировать необходимое лечение под конкретного пациента с учетом его анамнестических особенностей. То есть устойчивый интерес к творческой деятельности, ориентированной на познание, преобразование будет способствовать дальнейшей профессионализации специалиста. В связи с чем мы считаем необходимым способствовать формированию и развитию креативности у молодых людей.

Литература:

1. Барышева, Т.А. Креативность. Диагностика и развитие: монография/ Т.А. Барышева. СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002.– 205 с.
2. Барышева, Т.А. Психологическая структура и развитие креативности у взрослых: автореферат дисс. д-ра психол. наук/ Т.А. Барышева. СПб.: С.–Петербург. гос. ун-т, 2005.– 38 с.
3. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.– 672 с.
4. Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. Мастера психологии/ Е.П. Ильин. СПб.: Питер, 2009. 443 с.
5. Интеллект и креативность в ситуациях межличностного взаимодействия: сб. науч. тр. / РАН Ин-т психологии; Ред. – сост. А.И. Воронин. М., 2001.– 275 с.

6. Кашапов, М. М. Формирование профессионального творческого мышления: учеб. пособие / М. М. Кашапов. Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 136 с.
7. Кашапов, М. М. Активные методы обучения и воспитания: психолого-педагогический тренинг креативности: Методические указания / М. М. Кашапов. Ярославль: Ярсл. гос. ун-т, 2001. 39 с.
8. Кашапов М. М., Милова А. А. О формировании креативности в условиях современной образовательной среды // ЧФ: Социальный психолог, 2003. Выпуск № 1 (5). С. 95–97.
9. Креативность как ключевая компетентность педагога. Монография / Под ред. проф. М. М. Кашапова, доц. Т. Г. Киселевой, доц. Т. В. Огородовой. – Ярославль: ИПК «Индиго», 2013. – 392 с.
10. Мягкова Н. А. Креативность личности как научно-педагогический феномен. // Вопросы теории и практики гуманитарных исследований: сб. материалов Междунар. заоч. науч. – практ. конф. Чебоксары: Издат. отдел ЦДИП «INet», 2013. – С. 76–80.
11. Психология профессионального педагогического мышления / под ред. М. М. Кашапова. М.: Ин-т психологии РАН, 2003. – 398 с.
12. Рождественская, Н. В. Креативность. Пути развития и тренинги/ Н. В. Рождественская. М.: Речь, 2006. — 328 с.
13. Nicholls D. J., Miller, R. B. (1994). Cooperative learning and student motivation. Contemporary Educational Psychology. – 1994. — 19, P. 161–178.
14. Pascarella E. Cognitive growth in university. Change. – 2001. – 33/6, P. 21–27.
15. Torrance E. P. Guiding creative talent – Englewood Cliffs, W.J.: Prentice-Hall, 1964. c

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ САМООТНОШЕНИЯ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ СОВМЕСТНО-РАСПРЕДЕЛЕННОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Клюева Н. В., Котина Н. Н. (Ярославль)

Статья посвящена механизмам развития самооотношения детей младшего подросткового возраста в совместно-распределенной учебной деятельности. Проанализированы основные теоретические подходы к формированию механизмов самооотношения в подростковом возрасте. Выявлено, что на содержание и структуру самооотношения детей младшего подросткового возраста оказывают влияние опыт построения социальных отношений в учебной группе, смена ролей субъекта обучения, педагогическая оценка и оценки сверстников, учебная рефлексия и успешность решения учебной задачи.

Ключевые слова: самооотношение, младший подростковый возраст, совместно-распределенная учебная деятельность.

The article is devoted to the mechanisms of development of self-evaluation of children younger adolescence in its joint distributed learning activities. Analyzes the main theoretical approaches to the formation of mechanisms of self-evaluation in adolescence. Revealed that the content and structure of self-attitude of children of younger teenage age influence the experience of building social relations in the study group, changing roles of subject learning, teacher evaluation and evaluation of peers, academic reflection and the success of a task.

Key words: self-relation, a Junior adolescence, jointly-distributed learning activities.

Подростковый возраст с точки зрения многих исследователей является временем повышенного интереса к себе, стремления к самопознанию, осложненного восприимчивостью к мнению окружающих.

У ребенка интенсивно формируется чувство взрослости как субъективное переживание отношения к самому себе как к носителю уникальных качеств и личностных особенностей, присущих взрослому человеку [1].

Вопрос о механизмах формирования самооотношения, равно как и вопрос об особенностях данного феномена в подростковом возрасте, недостаточно освещен в психологической литературе. Понятие «отношение к себе»

также трактуется в психологической науке неоднозначно. Разработке данного вопроса посвятили свои работы Р. Бернс, А. М. Кольшко, И. С. Кон, В. С. Мухина, С. Р. Пантелеев, Н. И. Сарджвеладзе, Е. Т. Соколова, В. В. Столин, И. И. Чеснокова и многие другие. Опираясь на положение В. В. Столина, под самооотношением будем понимать специфическую активность субъекта в адрес своего «Я», состоящую в определенных внутренних действиях, характеризующихся как эмоциональной спецификой, так и предметным содержанием самого действия, осмысление самого себя в аспекте собственных наиболее значимых деятельностей [9].

Самоотношение – сложная динамичная уровневая система с тенденцией к самоподдержанию, анализ которой можно проводить в различных контекстах. Так, Н. И. Сарджвеладзе предлагает выделять три компонента самоотношения: когнитивный, эмоциональный и конативный [4]. Когнитивный компонент предполагает, что самоотношение «обслуживается» процессами восприятия, памяти, мышления и воображения и включает в себя обобщенное самоотношение, самопознание и самооценку. В подростковом возрасте самовосприятие своей внешности значительно определяет форму и содержание жизнедеятельности ребенка. Эмоциональный компонент включает в себя: аутосимпатию – антипатию, самоуважение – неуважение. В. В. Столин [9] считает, что указанные составляющие, а также близость – отдаленность определяют строение эмоционально-ценностного отношения человека к другому человеку, а их представленность в самоотношении определяется указанным Л. С. Выготским [11] механизмом перехода интерпсихических отношений в интрапсихическую сферу. Конативный компонент выступает в качестве внутренних действий в собственный адрес или как готовность к таким действиям. Сюда входят самоуверенность и самопоследовательность, самопринятие и самообвинение, ожидаемое отношение от других (отбор информации о себе) и т. д.

На основе теоретического анализа литературы мы выделили следующие механизмы формирования самоотношения подростков:

- интериоризация оценок значимых других, прежде всего, полученных на ос-

нове результатов учебной деятельности подростка;

- опыт построения социальных отношений в группе;

- освоение многообразия социальных ролей и ролевых функций.

- гармонизация расхождения между представлениями Я реальный и Я желаемый;

В 2014–2015 гг. нами было проведено экспериментальное исследование, целью которого стало выявление возможностей использования совместно-распределенной учебной деятельности для изменения самоотношения детей младшего подросткового возраста, которое слабо дифференцировано по своей структуре, опирается на отношение окружающих, имеет значительную сцепленность разно-модальных составляющих и отличается реципрокностью представленных компонентов.

Выборку составили подростки 12–13 лет (n=151), обучающиеся школ № 2117 и 2120 г. Москвы.

С помощью методики «Личностный дифференциал» мы выявляли самооценки испытуемых по направлениям самоуважения, развития волевых качеств, активности, а также анализировали уровень притязаний и согласованности Я реальный и Я идеальный, для изучения структуры самоотношения использовали опросник самоотношения В. В. Столина, для анализа статуса ребенка в группе и групповых социометрических индексов – социометрию М. Битяновой, с помощью методики «Кто Я?» в модификации Т. В. Румянцевой анализировали уровень рефлексивности подростков.

Испытуемые были разделены на контрольную и экспериментальную группы.

С экспериментальной группой в течение учебного года в ходе освоения предметных областей была реализована совместная-распределенная учебная деятельность. В ходе образовательного процесса особое внимание мы уделили построению развивающей среды через отсутствие жестких статусно-ролевых предписаний субъектам обучения, соблюдение принципа совместного коллективного обсуждения задач, обеспечение субъект-субъектного взаимодействия. Предоставив возможность подростку занимать различные социальные роли (например, эксперта, наблюдателя, спикера, секретаря, генератора идей, аналитика, критика, контролера), спектр коммуникативных связей в группе, обеспечивающих успешность в общении при достижении общих целей. Это привело к повышению сплоченности класса, о чем свидетельствует изменение индексов сплоченности групп (0,07–0,11; 0,06–0,125; 0,05–0,09 в трех классах экспериментальной группы до и после эксперимента соответственно). Члены группы получили возможность почувствовать свою значимость и необходимость выполнения своих ролевых функций в получении группового результата, самореализоваться в деятельности, что привело к повышению уровня самоуважения, аутосимпатии (уровень значимости 0,014 и 0,032 в экспериментальной группе, в контрольной группе изменения не выявлены).

Педагоги значительно расширили спектр оценок, мотивирующих на достижение успеха в решении нового типа задач или освоение нового способа действия. Во время проведения исследования использовались экспертные карты, листы наблюдений, дорожные карты, ан-

кеты, опросники, оценивание опиралось на субъективные возможности ученика, совершенство его учебной деятельности. Особо подчеркнем, что важны не оценки сами по себе, а оценки как средство, стимулирующее выполнение учебной деятельности, как доказательство, убеждающее «слабого» ученика в том, что он способен развиваться. Задача учителя – помочь ребенку выйти в режим развития, пробудить в ученике потребность познания, самосовершенствования, помогая приблизиться к Я идеальному, удовлетворить уровень притязаний подростка на признание и уважение. Дети не избегают учебного процесса, а стремятся к достижениям, более высоко оценивают себя в деятельности. Значения показателя развития волевых сторон по методике «Личностный дифференциал» у 75% (57) испытуемых говорят об уверенности в себе, обретении чувства независимости, склонности рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях. Гармонизация отношений между Я-реальным и Я-идеальным – механизм развития самооотношения, который в подростковом возрасте, начинает активно функционировать.

Особое внимание было уделено учебной рефлексии, опыт освоения которой запустил механизмы рефлексии личностной, именно она помогает осмысливать окружающий мир и себя в нем, позволяет личности находить социально ценные, личностно значимые и реальные способы реализации себя в общении и активной жизни. Подростки стали более осознанно подходить к своему личностному становлению, оценивая себя с точки зрения собственных достижений. Использовались приемы самоконтроля, самоанализа, по-

парного и группового контроля. Следует отметить, что эта часть работы была самой трудной как для педагогов, так и для обучающихся. Возможности подростка отразить происшедшее с моим «Я» (что я думал? что чувствовал? что приобрел? что меня удивило? что я понял и как строил поведение? Что значило для меня быть рядом с другими? как воспринимал я поведение других?) еще достаточно ограничены. Проведенный замер рефлексии подростков по методике «Кто Я?» в модификации Т. В. Румянцевой по итогам эксперимента показал увеличение количества ответов на вопрос «Кто Я?». В ответах детей наравне с увеличением количества ответов стало больше указаний, свидетельствующих об ориентации на выделении личностных характеристик (интересный, вредный, терпеливый и т.д.).

И, наконец, напомним, что личность формируется и проявляет себя в социальных отношениях. Детям подросткового возраста присущи повышенный интерес к своей личности, потребность в осознании и оценке своих качеств. Анализируя и оценивая свое поведение, подросток постепенно сравнивает его с поведением окружающих людей. При этом он дорожит мнением не только сверстников, но и взрослых, стремясь выработать в себе такие черты, которые позволяли бы ему добиваться успехов в деятельности и улучшать взаимоотношения с другими людьми. Возможность осознавать, оценивать свои личные качества, удовлетворять свойственное ему стремление к самосовершенствованию подросток получает в системе взаимодействия с «миром людей». По итогам стартовой социометрии, мы учли полученные данные

об эмоциональных предпочтениях членов групп в ходе совместно-распределенной деятельности. Эмоциональным лидерам групп предлагались как роли организаторов, так и помощников, исполнителей, а детям, отвергаемым сверстниками, необходимо было работать наблюдателями, когда их точка зрения становилась важной для группы, экспертами, оценивающими вклад членов группы в общий результат, спикерами, озвучивающими точку зрения группы. Результаты повторного замера показали расширение микрогрупп, реструктуризацию социограммы в сторону снижения количества эмоциональных лидеров с взаимными выборами, отвергаемых и пренебрегаемых участников. Следует также отметить снижение группового индекса конфликтности в экспериментальных классах (0,57; 0,73; 0,8), подростки ориентированы на решение общих задач, даже если эмоциональное отношение к партнеру не отражает дружеского отношения

По итогам факторного анализа в структуре самооотношения подростков экспериментальной группы компоненты самооотношения стали более дифференцированными, ядерная структура самооотношения после эксперимента базируется на самоуважении, самопонимании, что способствует устойчивости, уверенности в себе, а выявляемые в ходе рефлексии проблемные моменты будут для ребенка стимулом к развитию, самопознанию и самоизменению. Мы обнаружили отсутствие в структуре самооотношения самообвинения, что поможет ребенку в случае неуспеха в деятельности быть более устойчивым в своем самооотношении и видеть действительные причины неудачи, а не выносить самоприговоры.

Самопонимание, являясь интегральной способностью человека, включающая в себя ответственность за внутреннюю свободу, рефлексивность, позволят подросткам взаимодействовать с жизненной действительностью и сохранять при этом свою целостность [13]. При этом мнение окружающих, являясь важным для подростка, учитывая его ведущий вид деятельности, не является преобладающим, а служит некоторой опорой для самооценки, приобретения знаний о себе и наполнения самооотношения эмоционально-ценностным содержанием.

У детей, входящих в контрольную группу, по-прежнему наблюдается слабая дифференциация компонентов самооотношения. Наиболее значимыми факторами являются интегральное самооотношение и самоинтерес.

Анализируя показатели динамики изменения структурных компонентов при помощи критерия Вилкоксона, отмечаем значимые различия в следующих параметрах самооотношения: общее чувство за или против своего Я (0,00013), самоуважение (0,014), аутосимпатия (0,032), ожидаемое отношение от других (0,0014), самоуверенность (0,0084), отношение других как отбор информации о себе (0,00009), самопринятие (0,027). Динамика показателя самообвинения отрицательна, что означает повышение самооценки детей, принятие и приятие себя. Не произошло сдвигов в показателях самоинтереса, что может быть объяснено стабильно высоким уровнем самоинтереса на всем протяжении подросткового возраста.

В контрольной группе получены достоверные различия по показателям интегральное самооотношение (0,004) и от-

ношение других (0,0004). В условиях традиционного обучения в 6–7 классе при ослабевающей роли учебной деятельности, на смену которой приходит общение как ведущий вид деятельности, отношение сверстников и значимых других к личности подростка начинает оказывать влияние на интегральное самооотношение.

Таким образом, заложенные в совместно-распределенной учебной деятельности личностный подход, постановка ребенка в положение субъекта обучения, стимулирование успеха дали возможность раскрыть потенциал детей к самопониманию и установлению отношения к себе на основе самоуважения и принятия ценности своей личности. Понимание самооотношения как целостной личностной характеристики дает основания для раскрытия подросткам возможностей саморазвития и социального становления, которые помогут ему открыто воспринимать новый жизненный опыт, чувствуя уверенность в своих силах.

Литература

1. Балыкина О. С. Особенности социальной и личностной идентификации в юношеском возрасте: дис. канд. психол. наук: 19.00.05. Курск: Кур. гос. ун-т, 2004, 128 с.
2. Гайдар К. М. Субъектный подход к психологии малых групп: история и современное состояние. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2006. 160 с.
3. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5
4. Колышко А. М. Психология самооотношения: Учеб. Пособие. Гродно: ГрГУ, 2004. 102 с.

5. Кургинян С. С. К вопросу о специфике процесса формирования отношения к себе (самоотношения) в подростковом возрасте [тезисы] // Психология наука будущего Материалы международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего»/ Под ред А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М. Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 237–239
6. Кургинян С. С. К вопросу о сущности феномена «отношение к себе»// Проблемы педагогического образования. Сборник научных статей. Выпуск 26/ Под ред. В. А. Слостенина, Е. А. Левановой. М. МГТГУ, 2006. С. 119–124
7. Педагогические основы формирования отношения личности к себе: самоотношение как педагогическая проблема. Емузова Н. Г. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, 2001. 158 с.
8. Сибгатуллина О. Л. Социально-психологическая коррекция самоотношения личности: диссертация кандидата психологических наук: 19.00.05. Ярославль, 2001. 227 с.
9. Столин В. В. Самосознание личности. М.: Издательство МГУ, 1983. 286 с.
10. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. М., Изд-во Института Психотерапии. 2002. 490 с.
11. Чернышев А. С. Динамика мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России (на рубеже XX–XXI вв.)/ А. С. Чернышев, С. В. Сарычев, Ю. Л. Лобков [и др.]. Курск: Изд-во Кур. гос. ун-та, 2010. 213 с.
12. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977, 144 с.
13. Становление самопонимания старших подростков как предмет педагогического анализа. Шик Сергей Владимирович. Журнал «Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева» Выпуск № 1. 2008, с. 90–94

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ КОПИНГА

Кривобоков А. С. (Ярославль)

Разработанный эксперимент позволил получить новые данные по использованию личностью совладающего поведения. Эксперимент изучает динамику совладающего поведения в условия ситуации, когда испытуемый не может добиться своего решения проблемы (фрустрирующая ситуация). Полученные данные в эксперименте позволяют предполагать, что не существуют поведенческие, когнитивные и эмоциональные виды копинга, что каждое поведенческое усилие сопровождается эмоциональной реакцией. Следовательно, правильнее будет подразумевать поведенческое, когнитивное и эмоциональное как компоненты в совладающем поведении.

Ключевые слова: экспериментальное исследование, копинг, динамика совладающего поведения, фрустрирующая ситуация, эмоциональный компонент, поведенческий компонент.

The developed experiment allowed to get new data about using coping behavior by personality. The experiment researches dynamics of coping behavior in conditions of inability of a subject to solve a problem (frustrating situation). The acquired data from the experiment allows to assume, that there are no behavioral, cognitive or emotional types of coping behavior, that every behavioral effort is accompanied by an emotional reaction. Therefore, it would be more correct to assume behavior, cognition and emotions as components of coping behavior.

Key words: experimental research, coping behavior, dynamics of coping behavior, frustrating situation, emotional component, behavioral component.

Существуют несколько подходов к классификации копинг-стратегий, два из которых тяготеют к дифференцированию поведенческого, эмоционального и когнитивного в совладании. Первый подход рассматривает их как *компоненты «усилий»* по преодолению, или как процессы, второй выделяет в *особые типы способов* преодоления (поведенческие, эмоциональные или когнитивные копинги). Правомерно ли выделять данные виды копинга на этом основании? Такой вопрос до сих пор остается спорным.

Р. Лазарус и С. Фолкман определяют копинг-стратегии как «когнитивные и поведенческие усилия», то есть считали когнитивное и поведенческое составными частями совладания [3]. Стресс

рассматривался как продукт познавательных процессов, эмоциональной оценки ситуации, знания своих собственных сил и наличия опыта в управлении своим поведением в чрезвычайных ситуациях. Этим же путем пошли и ряд других исследователей (Моос и Шеффер [4]; А. Billings и R. Moos [4]; Пере и Райхертс [5]; P. Vitaliano [5]; Н. Weber [5]). Появились новые данные в изучении копинга, и многие исследователи стали выделять в копинг-стратегиях такие виды: как поведение, направленное на решения проблемы, как способ эмоциональной регуляции, и как умственные усилия по поиску решения проблемы.

Это позволило некоторым исследователям предложить классификации,

в которых копинг-стратегии выделяются по признакам поведенческих, эмоциональных и когнитивных процессов. Например, классификация П. Тойса, опирается на модель копинг-поведения, где выделяют две группы стратегий: поведенческие и когнитивные [6]. Е. Коплик (Korlik, 1992), говорит о стратегиях только когнитивного coping. Е. Heim (1988) все виды копинг-поведения распределил на три группы по степени их адаптивных возможностей, а каждая из этих групп имела 3 варианта копинг-поведения: когнитивный, эмоциональный и поведенческий [7].

Российские исследователи И.М. Никольская, Р.М. Грановская [6] выделили три больших группы копинг-стратегии: поведение, эмоциональная проработка подавленного и познание. Теоретико-методологический анализ проблем психологического преодоления жизненных трудностей содержат работы Л.И. Анцыферовой, где она выделяет стратегии когнитивного и поведенческого уровня регуляции этого процесса и своеобразия трудных жизненных и рабочих ситуаций [1].

Наше предположение состояло в том, что любая копинг-стратегия взаимосвязана с соответствующим ей особым эмоциональным компонентом наряду с поведенческим компонентом. Теоретической основой исследования послужила двухфакторная теория эмоций (two-factor theory of emotion) Стенли Шехтера (1962), где возникновение чувства представляется как функция физиологического возбуждения, выражаемое в силе эмоции (количественный компонент) и интерпретации этого возбуждения как приятности эмоции (качественный компонент). [2]

Мы поставили задачу процессуально исследовать копинг-поведение и создали фрустрирующий многоуровневый эксперимент, где испытуемому предлагалось «взаимодействовать» с мысленно представляемым другим человеком, разными ему удобными способами поведения попытаться выполнить свою задачу. С каждой последующей попыткой испытуемый получал отказ и вынужден был предпринять следующую попытку, придумывая новые поведенческие способы воздействовать на другого.

Многоуровневый двухфакторный эксперимент для исследования копинг-стратегий в условиях ситуации фрустрации содержал следующие факторные независимые переменные:

1. Испытуемый пытается своими предполагаемыми способами поведения заставить воображаемого незнакомого человека сделать что-то, что важно для испытуемого. Задача испытуемого добиться/достичь согласия от незнакомца: «Представьте себе, что перед вами находится человек, неизвестный Вам. Неизвестно его отношение к Вам. Он может что-то сделать для Вас, то, что Вам ОЧЕНЬ нужно, Вы очень хотите, чтобы он сделал это для Вас. Что Вы будете делать?»;
2. Испытуемого пытается своими предполагаемыми способами поведения отказать от чего-то, что просит его сделать воображаемый незнакомый человек. Задача испытуемого отказать незнакомцу: «Представьте себе, что перед вами находится человек, неизвестный Вам. Неизвестно его отношение к Вам. Он добивается

чтобы Вы что-то сделали для него, но Вам этого сильно не хочется. Что Вы будете делать?».

Независимой многоуровневой переменной в эксперименте является фрустратор (внешний фактор невозможности выполнить задачу), которым заканчивается любая попытка испытуемого решить проблему, то есть невозможность добиться своего. *Зависимыми переменными* в планах эксперимента является предполагаемое испытуемым поведение совладания с проблемной ситуацией, регистрируемое с его слов о его предпринимаемых действиях на каждом уровне (поведенческий компонент) и его отчет об эмоциональном состоянии в ходе эксперимента (эмоциональный компонент), которое регистрируется на шкале «сила эмоционального возбуждения» и шкале «степень неприятности-приятности эмоции» на соответствующих двух шкалах в баллах от 1 до 10. Испытуемому давалось поочередно 2 плана эксперимента. При этом у одной половины испытуемых эксперимент начинался с задания «добиться от другого согласия», у второй половины испытуемых – с задания «отказать другому». Затем они выполняли другой план эксперимента. Эксперимент продолжался до тех пор, пока испытуемый не заявит, что он и дальше будет настаивать на каком-то одном действии до «бесконечности» или, что испытуемый отказывался от дальнейшей «борьбы», от своих попыток изменить ситуацию.

Выборка: 32 человека в возрасте от 18 до 53 лет. Случайная (рандомизированная) выборка.

После экспериментального исследования, проводился контент-анализ, систематизировались высказывания испы-

туемых, контент-единицы объединялись и классифицировались в смысловые категории.

В итоге получилось по 13 контент-категории совладания на каждый из двух планов эксперимента, где поступки испытуемых были сгруппированы по признаку схожести в действиях. Мы попытались соотнести выявленное категориальные копинг-действия с классификацией копинг-стратегий по Лазарусу, но совпадение оказалось не полным (в статье мы не будем приводить данный подробный сравнительный анализ).

В плане «добиться своего» присутствовали категории: Д1) Просьба, Д2) Установление (налаживание) контакта, Д3) Сбор данных, упорядочение, обдумывание действий, Д4) Объяснение своей позиции, Д5) Рациональное манипулирование («схитрить»), Д6) Эмоциональное манипулирование («разжалобить»), Д7) Предложение выгоды, договор, Д8) Агрессия, Д9) Поиск других для решения проблемы, Д10) Поиск других для влияния на оппонента, Д11) Поиск своих способов решения, Д12) Временный отказ от решения, Д13) Полный отказ от решения.

Мы проанализировали связь типа стратегии и сопровождающего её эмоционального состояния. Для более точного описания был введен индекс эмоционального состояния, отражающего эмоциональный знак полюса неприятности-приятности и силы эмоции. Он рассчитывается следующим образом: $ИЭ = СЭ * (ПЭ - 5,5)$, где ИЭ это Индекс эмоции, СЭ – Сила эмоции, ПЭ – Приятность эмоции. Коэффициент «5,5» означает середину шкалы от 1 до 10. Отрицательное значение индекса говорит о неприятно-

сти эмоции, а большое значение говорит о её силе и выраженности эмоционального полюса.

В результате расчета средних значений эмоциональной силы, неприяти-

я-приятя и индекса эмоциональной напряженности в эксперименте «добиться своего» мы получили следующие результаты, выложенные в таблице № 1.

Таблица 1.

Средние значения эмоциональных параметров копинга в ситуации «добиться своего».

Средние значения по категориям			
Категории копинг-поведения	Сила	Приятность	Индекс
Д 1	4,71	5,10	-11,07
Д 2	4,17	4,83	-4,55
Д 3	3,88	4,65	-7,52
Д 4	5,24	3,95	-8,48
Д 5	5,00	5,70	-4,90
Д 6	8,50	1,75	-33,50
Д 7	5,93	3,90	-11,03
Д 8	6,93	2,93	-18,80
Д 9	4,11	4,31	-5,57
Д 10	7,00	3,50	-16,40
Д 11	4,82	4,59	-5,76
Д 12	4,91	4,32	-9,59
Д 13	6,24	3,47	-15,82
Средние значения	5,0814	4,2597	-9,595

Из данных таблицы видно, что введение нами индекса эмоционального напряжения позволяет точнее видеть эмоциональный компонент копингов. Наибольшая отрицательная эмоциональная напряженность соответствует копингу «Эмоциональное манипулирование» (Д6)= -33,5. Почти в два раза менее отрицательно эмоционально напряжен копинг «Агрессия» (Д8)= -18,8. Наиболее «спокойные» копинги это – «Установление контакта» (Д2)= -4,55, «Рациональное манипулирование» (5)= -4,9, «Поиск других для решения проблемы» (9)= -5,57 и «Поиск своих способов решения» (11)= -5,76.

Таким образом, совладающее поведение, требующее рационального подхода, вызывает эмоциональное «расслабление», а там, где требуется наигранность/манипуляция, искусственное создание эмоциональной реакции, вызывает наибольшее отрицательное эмоциональное напряжение. Даже агрессия, социально неодобряемый копинг, вызывающий явный эмоциональный всплеск, выражающая истинные, а не ложные эмоции, в два раза уступает по интенсивности эмоциональному напряжению, когда испытуемый пытается эмоционально манипулировать.

Для проверки значимости различий использовали однофакторный дисперсионный анализ ANOVA (таблица № 2).

Таблица 2.

Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA значимости различий в эмоциональных состояниях при использовании копинга «достижения своего»

	SS	df	MS	SS	df	MS		Уровень значимости
	Effect	Effect	Effect	Error	Error	Error	F	p
Сила	279,68	12	23,307	1577,6	245	6,4392	3,6196	0,00005317 ***
Приятность	125,14	12	10,428	1046,5	245	4,2713	2,4414	0,00511837 **
Индекс	6725,5	12	560,46	40764	245	166,38	3,3685	0,00014434 ***

*** – значимость различий на уровне $p < 0,001$

** – значимость различий на уровне $p < 0,01$

Данный анализ подтвердил достоверность различий эмоциональных компонентов копинга на значимом уровне: Сила и Индекс эмоционального напряжения $p < 0,001$, Приятность эмоций $p < 0,01$. Это косвенно подтверждает, что принятое нами разделение копинг-поведения в ситуации «добиться своего» по выбранным критериям достоверно, так как эмоциональный компонент каждого копинга имеет свое отличие от такового у других способов совладания. Кроме этого, наличие разных эмоциональных проявлений в копингах по данным категориям подтверждает, что совладающее поведение тесно связано с эмоциями и не может рассматриваться в отрыве от него.

В плане «отказать другому» присутствовали категории: О1) Простой отказ,

О2) Отговорки разными причинами, О3) Уход, как физическое избегание, О4) Игнорирование, отвлечение, О5) Сбор информации, О6) Предложение договора, компромисса, О7) Посыл за помощью к другому, О8) Поиск других для влияния на оппонента, О9) Агрессия скрытая, косвенная вербальная, О10) Агрессия явная вербальная, О11) Агрессия физическая, О12) Внешняя уступка, условное согласие, О13) Согласие безусловное.

В результате расчета средних значений эмоциональной силы, неприятия-прития и индекса эмоциональной напряженности в эксперименте исследования копингов «отказа» мы получили следующие результаты, выложенные в таблице 3.

Таблица № 3.

Средние значения эмоциональных параметров по копингам «отказать другому».

Средние значения по стратегиям			
Категории копинг-поведения	Сила	Приятность	Индекс
О1	5,44	4,26	-9,62

O 2	5,27	3,74	-10,08
O 3	6,09	3,80	-11,26
O 4	5,21	2,97	-12,84
O 5	3,63	4,75	-4,75
O 6	4,90	4,05	-6,98
O 7	5,56	3,19	-14,97
O 8	6,75	3,25	-14,79
O 9	6,91	2,83	-19,60
O 10	7,88	2,50	-23,27
O 11	2,40	1,40	-7,60
O 12	6,50	4,00	-6,75
O 13	7,17	3,83	-11,58
Среднее =	5,6844	3,4749	-12,46

Из данных таблицы видно, что наибольший эмоциональный компонент виде индекса эмоционального напряжения соответствует копингам: O10 – Агрессия явная, O9 – Агрессия скрытая. Наиболее «спокойные» копинги это – «Сбор информации» (O5)= -4,75, «Уступка, условное согласие» (O12)= -6,75, «Предложение договора, компромисса» (O6)= -6,98 и «Агрессия физическая» (O11)= -7,60.

Как и в прошлом опыте мы видим, что копинги требующие рационального под-

хода, вызывают эмоциональное «расслабление», а там, где требуется активное противодействие, давление на оппонента, вызывает наибольшее отрицательное эмоциональное напряжение.

Для проверки значимости различий в эмоциональных состояниях при использовании разных копингов «отказать другому» мы использовали однофакторный дисперсионный анализ ANOVA (таблица № 4).

Таблица 4.

Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA значимости различий в эмоциональных состояниях при использовании разных стратегий отказа

	SS	df	MS	SS	df	MS		Уровень значимости
	Effect	Effect	Effect	Error	Error	Error	F	p
Сила	367,57	12	30,63	2157,8	345	6,2544	4,8974	0,00000018 ***
Приятность	146,39	12	12,199	1416,9	345	4,1069	2,9704	0,00058167 ***
Индекс	7292,5	12	607,71	90370	345	261,94	2,32	0,00733212 **

*** – значимость различий на уровне $p < 0,001$

** – значимость различий на уровне $p < 0,01$

Данный анализ подтвердил достоверность различий эмоциональных компонентов копинга в ситуации «отказать другому» на значимом уровне: Сила и Приятность эмоций $p < 0,001$, Индекс эмоционального напряжения $p < 0,01$. Это косвенно подтверждает, что принятое нами разделение на данные копинг-категории по выбранным критериям достоверно, так как эмоциональный компонент каждого копинг-поведения имеет свое отличие от такового у другого копинга. Кроме этого эмоциональный компонент присутствует в каждой категории, а значит совладающее поведение тесно связано с эмоциями и не может рассматриваться в отрыве от него.

Выводы

Эмоциональный компонент в поведении совладания был обнаружен у всех копингов без исключения, разница составляла только в степени возбуждения/спокойствия и приятности/неприятности эмоции. Так же, каждый копинг обладал своим особенным, соответствующим ему эмоциональным компонентом неотделимым от поведенческого и отличимый от других эмоциональных проявлений совладания.

На основании этого, мы пришли к выводу, что не может существовать разделение копинга на только поведенческий, только когнитивный или только эмоциональный копинги, так как каждый тип совладающих действий, выделенных нами в эксперименте, обладает особыми

эмоциональными напряжением, силой и интерпретацией в разной степени выраженности. Возможно есть смысл использовать только описание преобладания того или иного компонента совладания (эмоционального, поведенческого, когнитивного). Например, когда человек находится под влиянием сильных чувств, он все равно демонстрирует определенный тип поведения, эмоционального отношения и понимания.

Литературные источники:

1. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психолог. журн. 1994. № 1. с. 3–18;
2. Бреслав Г. М. Эмоции или воля: ложная дихотомия // Новые исследования в психологии. – 1977. – № 1 (16). – С. 28–32.
3. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс. – Л., 1970.
4. Муздыбаев К. Стратегии совладания с жизненными трудностями. // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998, том 1, вып. 2.
5. Нартова-Бочавер С. К. «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности. Психологический журнал, т. 18, № 5, 1997.
6. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. – С- Пб: Речь, 2000.
7. Хазова С. А. Психология совладающего поведения: материалы Межд. научно-практ. конф./ отв. ред. Е. А. Сергиенко, Т. Л. Крюкова. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – С. 121–124

ВЫСОКООРГАНИЗОВАННЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ

Мантикова А. В. (Абакан, республика Хакасия, Россия)

Ключевые слова: семья как система, высокоорганизованные домашние животные, домашнее животное как член семьи, кошка, собака, анималотерапия, психологический климат в семье

Key words: family as a system, a highly organized domestic animals, pet as a family member, cat, dog, animal-assisted therapy, psychological climate in the family

Аннотация

Общение человека и животного, тем более такого высокоорганизованного, как кошка или собака, представляет собой особый вид социального взаимодействия. В психологии накоплен эмпирический материал о психологическом влиянии домашних животных на людей, но о том, какое место занимает животное в жизни хозяина, и о восприятии человеком тех животных, которые находятся с ним рядом, существуют хоть и многочисленные, но, зачастую, ненаучные сведения. Исследование представления о домашних животных становится все более актуальным в связи с постоянным ростом численности последних за минувшее десятилетие, и возрастающей роли в общении человека.

Цель: исследование отношения владельцев к их домашним животным.

Объект: люди, имеющие домашних животных

Предмет: представления об имеющихся в семье кошках и собаках, место домашних животных в семейной системе

Гипотезы:

домашнее животное воспринимается человеком как член семьи;

домашнее животное персонифицируется, то есть наделяется человеческими качествами;

представления о кошках и собаках имеют различия.

В ходе исследования были использованы следующие методы: теоретический анализ, анкетирование, метод «Семейная социограмма», тестирование (проективные методики – сочинение «Мое домашнее животное»). Для математической обработки использовано угловое преобразование Фишера (автор просит прощения за использование «морально устаревшего» метода обработки данных в силу того, что это была моя первая курсовая работа), контент-анализ. Исследование реализовано в 2003 году в г. Абакане и г. Красноярске.

Семья является системой с четкой структурой. Каждый член семьи является элементом системы и постоянно вступает во взаимодействия с другими элементами. Являясь системным качеством семьи, психологический климат влияет на всех ее членов. Существует и обратная связь: каждый член семьи может менять семейную атмосферу и регулировать ее по принципу комплементарности.

В ходе исследования подтвердилась 1-я гипотеза, согласно которой домашнее животное воспринимается как член семьи. Это прослеживается в результатах всех

методик: В проективном тесте «Семейная социограмма» 78% респондентов поместили символ животного в круг, представляющий собой семейное пространство. В анкете 96% респондентов отметили, что считают домашнее животное членом своей семьи. Различия результатов двух методик, одной из целей которых было исследование, относят ли люди домашних животных к членам семьи, можно объяснить следующим. Методика проективного теста проводилась первой, в ней целенаправленно не давалось разъяснений, включать ли домашнее животное в семейное пространство. Анкета была третьей частью исследования и в ней вопрос о причислении животного к членам семьи был поставлен открыто, поэтому процент утвердительно-го ответа на него выше (96 и 78% соответственно). Несмотря на различие в процентном отношении, оба результата статистически достоверны и подтверждают данную гипотезу.

Вторая гипотеза также получила подтверждение: домашнее животное персонифицируется, т.е. наделяется человеческими качествами. Это доказывают результаты анкетирования и контент-анализа сочинений. Хозяева относятся к своим питомцам как к людям. Они часто разговаривают с ними, даже изливают душу и делятся проблемами, находят некоторые сходные черты характера, перечисляют множество качеств животных, являющихся чертами личности человека.

Третья гипотеза не нашла подтверждения: не выявлено достоверных различий в отношении к домашнему животному в зависимости от его вида. Все процентные различия по двум видовым подгруппам, которые были выявлены в ходе исследования, не имеют статистической значимости. Люди одинаково относятся как к кошкам, так и к собакам.

Особенностью данной статьи является значительная представленность ненаучных, популярных источников (газеты, журналы), из которых собиралась информация о влиянии кошек и собак на человека.

Abstract

The article describes a special kind of social interaction is communication between human and animal, this highly organized, like a cat or a dog. Psychology has accumulated empirical material about the psychological impact of Pets on people. However, the place of pet in the life of the owner, the perceptions of those animals that are near him, though there are many, but, often, unscientific information. The study of the representations about Pets is becoming more urgent due to the constant growth of the number of the latter over the past decade, and the increasing role of highly organized animals in communication and therapy human.

Прежде чем искать в истории подтверждения того, что собак и кошек считают членами семьи, необходимо обратиться к факту появления этих животных как домашних. Приблизительно известно, что история одомашненной собаки насчитывает 40–60 тыс. лет. Это 1-е животное, которое прикормил человек.

В то время собака была необходима для сообщения об опасности – для отмены изнурительных ночных дежурств у коистра. Затем, намного позже, собака стала помощником человека в охоте [9].

Одомашнивание кошки произошло относительно недавно: около 5 тыс. лет назад. В Египте около 2000 г. до н.э. су-

ществовал религиозный культ кошки. В образе кота великий бог солнца Ра ежедневно побеждал змея тьмы. Египтяне любили своих домашних животных, которые часто изображались лежащими на коленях или под сиденьем хозяина. Если кошка умирала, то в знак траура все члены семьи выбривали себе брови. Кошки играли заметную роль не только для населения Египта. В Китае в образе кошки изображался бог сельского хозяйства, у жителей Перу – богиня плодородия, в Ирландии почиталось божество с кошачьей головой. На юге Франции широко была распространена вера в волшебных котов – магатов, приносящих счастье и процветание дому. В России кошка с давних времен жила рядом с человеком. «Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе», – гласит одна из русских пословиц [20].

Подсчитано, что в мире каждые 10 человек имеют по 1-й собаке, а популяция кошек к 2000 г. составила 300 млн. Психологи полагают, что этот бум носит долговременный характер. Люди видят теперь в домашних животных друзей и членов семьи. Лесли Смит в статье «Житейская мудрость на четырех лапах» отмечает: «В отношениях между человеком и собакой есть нечто большее, чем проживание под одной крышей».

Падение рождаемости и ослабление межличностных связей, очевидно, способствует возникновению необходимости в домашних животных как «суррогатах рода человеческого».

В Японии налицо все признаки того, что к животным относятся как к членам семьи. Аналитики отмечают, что объем сбыта домашних животных, а также товаров и услуг для них достиг 700–800 млрд иен в год и в будущем, вероятно,

превысит 1 трлн иен. Каждый 6-й житель страны сейчас имеет собаку или кошку. Хозяева домашних животных постоянно увеличивают расходы на них, обеспечивая первоклассное ветеринарное обслуживание и приплачивая за совместное проживание в гостиницах.

Нобуеси Куроки, ветеринар, лечащий собак и кошек песочными ваннами, отмечает, что приток клиентов постоянно возрастает. Причем приезжают в его клинику с питомцами, преодолевая многие сотни километров. Животные теперь страдают человеческими болезнями, например, гиподинамией. Поэтому большое число японцев снабжают своих собак устройствами для контроля за состоянием здоровья – шагомерами.

Одному из курортов Японии приносят 90% прибыли именно владельцы кошек и собак. Помимо питания животным там предоставляется теплый источник на открытом воздухе. Посетители могут принимать ванны в специальной семейной бане вместе со своими любимцами.

В некоторых странах зарубежья существуют компании, предлагающие набираться опыта общения с домашними животными тем клиентам, которые не могут себе позволить содержать их из-за квартирных условий или аллергии.

В 1998 г. открылся «Собачий парк К – 9», где посетители могут играть с собаками и кошками или брать собаку «напрокат» для прогулки. По словам директора, эта идея способствует притоку посетителей даже при плохой погоде.

В Японии развивается индустрия погребения животных: более 3000 питомцев были кремированы на кладбище для животных за пятилетний период с 1998 по 2003 гг [2].

Маркетинг чутко реагирует на моду, и, соответственно, спрос. Так, в 2010-х гг. тенденция предоставлять «человеческие услуги» для животных актуализировалась и в России – это всевозможные салоны красоты, ателье, развлекательные центры-гостиницы для кошек и собак. В наши дни практически в любом супермаркете можно увидеть специально отведённую стойку не только с кормами, но и средствами гигиены, аксессуарами, игрушками для кошек и собак.

Как утверждает главный кинолог Кинологической ассоциации России Мария Пономарева, по тому, какое домашнее животное заводит человек, можно судить о его характере и наклонностях. Уравновешенные люди редко заводят агрессивных собак, за счет которых пытаются самоутвердиться. Согласно наблюдению, человек, который хочет подчинять и подчиняться, заведет собаку. Кто не испытывает в этом потребности – больше любит кошек. Однако, люди, любящие животных, нередко заводят и кошек, и собак одновременно.

Собаку преимущественно заводит тот, кто не терпит одиночества и зависим от общения с другими людьми. Те же, кто предпочитают кошек, комфортно чувствуют себя в одиночестве.

Фелинологи отмечают, что выбранный человеком зверь тоже воспитывает своего хозяина. У кошки человек научится независимости, уверенности в себе, мягкости и спокойствию, у собаки – умению контактировать, знакомиться, послушанию и доброжелательности [17].

У кошки воспитание хозяина эффективнее: собака, если даже на нее накричать и ударить, все равно простит и останется другом. Кошка же станет врагом

на всю жизнь. Поэтому владельцы кошек становятся значительно терпимее и к питомцу, и к окружающим в целом [14].

Результаты исследования, проведенного в одном из британских университетов, подтверждают, что для людей с определенными психологическими проблемами, именно животные могут стать главным источником эмоциональной поддержки. Люди, которые по своему характеру не умеют быть откровенными, проявлять любовь или заводить друзей, часто изливают привязанность на домашнее животное [1].

Пациенты психотерапевтов, имеющие травмы на эмоциональном уровне, поэтому замкнутые в себе, или же аутисты проявляют стремление общаться с животным, улыбаться ему; пациенты с гипертрофированной активностью, неспособные совершать какие-либо действия из-за высокого уровня тревожности, при контакте с кошками успокаиваются настолько, что могут нормально взаимодействовать с животным, а главное, с другими людьми. Люди, сомневающиеся в себе, ищут в животном понимающего собеседника и терпеливого друга. Эмоциональная связь между человеком и домашним любимцем очень сильна. У детей часто устанавливаются особенно близкие отношения с домашними животными. Они могут играть важную роль в эмоциональном развитии ребенка и принести в его жизнь дружбу, бескорыстную любовь, стабильность и безопасность. Безусловно, животные являются стимуляторами улыбок, нередко и смеха [3].

О целительных силах животных было известно еще в древности. Китайские мудрецы даже указывали на лечебную «специализацию» кошек и собак: «Кош-

ка – это животное холода. Она может забрать на себя болезни тепла, то есть те, которые сопровождаются воспалительными процессами. Собаки – животные тепла. Они действуют на болезни холода – рак, цирроз печени, артриты» [22].

Считается, что среди животных лучшим помощником врачей оказалась собака, а на 2-м месте – кошка [1]. Сегодня анималотерапия – официально признанная в мире наука. За рубежом проведен ряд исследований, доказывающих, насколько важным для здоровья человека может быть присутствие животного в доме. Английские ученые из Кембриджа обнаружили, что уже через месяц после того, как в доме появляется кошка или собака, у хозяев отмечается значительное снижение случаев недомогания. Проведенное в Австралии обследование 6 тыс. пациентов показало, что у тех, кто держит дома животных, ниже кровяное давление, меньше уровень холестерина в крови, и как следствие этого, меньшая предрасположенность к инфаркту. Американские ученые установили, что владельцы домашних животных составляют большинство среди людей, оставшихся в живых год спустя после инфаркта.

В 70-ти американских домах для престарелых, где было разрешено пребывание животных, старики, страдавшие депрессией или отвергающие любой вид общения, полностью меняли характер, начинали участвовать в общественной жизни, завязывали дружеские отношения с людьми, с которыми прежде не контактировали [3].

Существует международная программа «Собаки – лекари», участники которой приводят собак на места катастроф, чтобы их могли прижать к себе и погла-

дить пострадавшие, которые пребывают в состоянии дистресса и шока, а также выбившиеся из сил спасатели.

Образованы также организации добровольцев, которые вместе со своими домашними животными посещают больницы, школы и приюты для детей-инвалидов. Животные, обитающие на территории хосписов, скрашивают жизнь безнадежно больных.

Приветствуется наличие животных даже в некоторых тюрьмах Великобритании. Ветеринар Элизабет Ормерод, занимающаяся разработкой программ для заключенных, считает, что животные могут оказаться «чудодейственным средством кардинальных изменений в образе мыслей и стиле поведения». Профессор Ильичев, изучающий проблемы совместности животных и их хозяев, убежден, что человек становится добрее с животными, с которыми у него есть контакт [1].

Таким образом, собаки и кошки соседствуют с человеком очень давно. С момента их появления рядом с людьми и по сей день к ним наблюдается особое отношение. За бескорыстную любовь, за доставление радости, люди относятся к своим домашним животным с особой теплотой и заботой. Животные, в свою очередь, отвечают преданностью и питают хозяев эмоциональной энергией.

Статистика показывает, что среди домашних животных более всего распространены кошки и собаки. Находясь на более высокой ступени развития по сравнению с другими домашними животными, они представляют наибольший интерес для человека. Несомненно, что людям интереснее общаться с сообразительными, экспрессивными животными, каковыми и являются кошки и собаки.

Поэтому в выборку исследования вошли владельцы именно этих животных. По возрастному критерию выборка гетерогенная – в нее включены семьи, а также отдельные представители семей от 14 до 66 лет: 2-е детей старшего школьного возраста, 36 студентов в возрасте от 18 до 21 года, 8 взрослых людей от 24 до 66 лет. Количество выборки – 46 человек, из них 37 женского пола и 9 мужского. 30 – жители г. Абакана и 16 – г. Красноярска. Все эти люди в своей семье имеют домашнее животное, большинство респондентов являются его хозяином. Исследование было проведено в период с 20.09 по 02.12.2003 г.

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Проективный тест «Семейная социограмма», [20]. Данный проективный рисуночный тест был использован для того, чтобы выявить, относят ли респонденты домашних животных к членам семьи. Для этого им предъявлялся бланк с нарисованным кругом диаметром 110 мм и давалась инструкция: «На листе изображен круг. Нарисуйте в нем самого себя и членов вашей семьи в форме кружков и обозначьте кружки именами».

2. Сочинение. Испытуемым в зависимости от их домашнего животного было предложено написать сочинение «Моя кошка» или «Моя собака». На основе тем, наиболее часто встречающихся в сочинениях, все они по 2-м подгруппам (1-я подгруппа – владельцы кошек, 2-я – собак) были рассортированы по категориям. Также была определена частота встречаемости (в %) каждой категории.

3. Авторская анкета, состоящая из 12 вопросов как с закрытыми, так и с открытыми вопросами. Анкета предназначена

для выявления специфики отношений человека к животному: степени эмоционального контакта, структуры связей животного в семье, его положения в этой структуре и влияния на атмосферу в семье.

Из 46 человек выборки в «Семейной социограмме» 36 отметили свое домашнее животное и 10 не отметили (78 и 22% соответственно). Эти различия достоверны ($\phi^* = 4,796$ при $p \leq 0,01$). Т.е., большинство респондентов считают домашнее животное членом семьи. Статистических различий между владельцами кошек и собак не обнаружено ($\phi^* = 0,792$).

33% респондентов расположили символ животного (кружок с его именем) в центре круга, 67% – на периферии. По топографии символа животного не выявлено значимых различий ($\phi^* = 1,51$), что свидетельствует о том, что респонденты представляют животное и как весьма значимое лицо для семьи, и как достаточно автономного (менее значимого) для семьи члена.

Близость символа животного к символам членов семьи (в порядке убывания). Животное расположено на одинаковом расстоянии от всех членов семьи (43%), ближе к испытуемому (20%), к самым младшим в семье (14%), к взрослым (11,5%). Остальные 11,5% респондентов отличились неординарностью расположения символа животного, нарушив инструкцию. (Символ был изображен в виде вытянутого эллипса, обрамляющего все остальные символы членов семьи, в виде концентрических кругов, наслаивающихся на символы других членов семьи). Анализ месторасположения символа животного не выявил значимых различий ($\phi^* = 1,49$).

Варьировался и размер символа животного: больше (7%), меньше (31%) и равный символу остальных членов семьи (62%). Доля респондентов, изобразивших символ животного равным символам остальных членов семьи статистически отличается от доли респондентов, изобразивших символ животного больше символов остальных членов семьи. Статистически одинаково часто респонденты изобразили символ животного как меньше, так и равного символу остальных членов семьи.

Таким образом, животное считается значимым лицом, занимающим в структуре семьи равное и подчиненное положение. Итак, большинство респондентов считает своих кошек и собак членами семьи.

Помимо настоящего исследования, реализованного в 2003 г., тест «Семейная социограмма» используется автором на протяжении 9 лет как по индивидуальным запросам родителей на психодиагностику ребёнка, так и при проведении судебно-психологических экспертиз, касающихся определения места жительства ребенка, либо порядка общения разведенных родителей с ребенком. Опыт его применения свидетельствует о том, что дети достаточно часто, находясь в сложных обстоятельствах, таких как, например, развод родителей, черпают эмоциональный резерв из коммуникации с домашним питомцем. На это время кошка или собака становится близким другом ребенку, об этом свидетельствует его наличие в семейном пространстве, топология, размер кружка домашнего животного, комментарии ребёнка о нём [15].

При ответе на вопрос: “Считаете ли вы домашнее животное членом вашей се-

мьи?”, – 96% респондентов ответили утвердительно, (соответственно 4% не считают). Данные различия достоверны, $\varphi^*=6,218$ при $p \leq 0,01$. Полученные результаты подтверждают данные теста «Семейная социограмма» и гипотезу о том, что домашнее животное воспринимается как член семьи. Статистических различий между владельцами кошек и собак не обнаружено ($\varphi^*=0,792$).

Сравнивались клички животных, которые разделились на 2 категории: человеческие имена и типичные клички для животных (например, Маркиз, Рекс). Существует множество вариантов как человеческих имен (Лиза, Виктория, Арлетта), русскоязычных и иностранных, так и разнообразие кличек (Баловень, Лорд, Пикачу). Несмотря на это, статистически достоверных различий в преобладании тех или иных не выявлено ($\varphi=0,792$). Практически все разговаривают со своими домашними животными – 98%. Причем темы разговоров различные, но большинство касается похвалы. Некоторые жалуются на жизненные трудности, сетуют, большинство отметило, что разговаривают с животным очень часто, когда отдыхают, кормят его, непосредственно активно общаются. Конфликты из-за животных в семье случаются у 18% респондентов, в данных случаях содержанием конфликта является бытовая проблема: выгул либо кормление, но никогда поводом конфликта не является плохое отношение кого-либо из членов семьи к животному.

Испытуемым предлагалось написать особенности характера своего питомца, а именно: положительные и отрицательные качества. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.
Особенности характера домашнего животного.

черты характера	«человеческие»		«животные»	
	положит.	отрицат.	положит.	отрицат.
кол-во высказываний	82	30	49	18
%	45,8	16,8	27,4	10
всего высказываний	112		67	

Человеческие качества значительно преобладают над животными: 62,6% и 37,4% соответственно. Данные различия достоверны ($\varphi^*=1,727$ при $\rho \leq 0,005$). Между положительными человеческими и положительными животными качествами нет значимых различий ($\varphi^*=1,304$).

Среди качеств животных, разделенных на 4 подгруппы (человеческие положительные, человеческие отрицательные, животные положительные, животные отрицательные), со значительным перевесом преобладают положительные

качества. Достоверных различий между отрицательными человеческими и животными качествами не обнаружено ($\varphi^*=0,68$). Нет различий и между положительными и отрицательными животными качествами ($\varphi^*=0,458$). Можно сделать вывод, что животных в целом воспринимают как носителей положительных характеристик (как человеческих, так и животных), и среди человеческих преобладают положительные. Рассмотрим данные различия в таблице 2.

Таблица 2.

Человеческие качества, приписываемые животному, (частота встречаемости).

положительные	кол-во высказываний	отрицательные	кол-во высказываний
добрый	22	вредный	5
умный	16	ленивый	3
послушный	5	трусливый	2
веселый	3	расчетливый	1
спокойный	4	строгий	1
независимый	2	капризный	1
тихий	2	навязчивый	1
общительный	2	наглый	1
добродушный	1	слишком серьезный	1
воспитанный	1	необщительный	1
чистоплотный	1		
гордый	1		
любезный	1		
гостеприимный	1		
невозмутимый	1		
хитрый	1		

Между положительными и отрицательными человеческими качествами наблюдается достоверное различие: $\varphi^*=2,175$ при $\rho \leq 0,005$. Причем у живот-

ных отмечены даже такие типично человеческие качества, как гордость, любвеобильность, гостеприимность, вредность, хитрость, чрезмерная серьезность и др.

В таблице 3 указаны все качества животных, отмеченные хозяевами.

Таблица 3.
Качества животных, отмеченных хозяевами.

положительные	кол-во высказываний	отрицательные	кол-во высказываний
ласковый	22	«пакостный»	4
верный	6	гиперактивный	1
игривый	5		
непривередливый к пище	1		
преданный	1		

Отсутствуют значимые различия между положительными и отрицательными животными качествами ($\varphi^*=0,458$).

На вопрос о наличии сходства в характере 52% респондентов отметили, что их питомец в чем-либо похож на кого-нибудь из семьи, в большинстве случаев (82%) респондент наблюдает схожесть со своим характером. Она проявляется в добродушии, спокойствии, упрямстве, лени и других качествах. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с проекцией, вместе с тем, не исключено взаимное влияние – скульптура характера, между животным и его хозяином.

31 респондент (72%) ответил, что наличие домашнего животного в семье положительно сказывается на психологическом климате. Это проявляется в ощущении комфорта, тепла, разрядки напряженности во время конфликта, в примирительной роли животного.

Как по подгруппе владельцев кошек, так и владельцев собак из всех проанализированных сочинений выделено 10 наиболее распространенных категорий, которые занесены в таблицу 4 в порядке убывания частоты их встречаемости.

Таблица 4.
Результат контент-анализа сочинений «Мое домашнее животное».

Категория	Встречаемость	Кол-во для владельцев кошек	Кол-во для владельцев собак	Всего
Чувства к животному		15	9	24
Характеристики животного, его поведение		15	9	24
Отношения с животным		10	6	16
Влияние на настроение		6	4	10
История появления		5	2	7
Описание внешности		5	4	9
Человеческие качества		4	5	9
Схожесть с кем-либо из семьи		3	0	3
Рассуждения о роли животного		2	4	6
Интересный случай с животным		1	4	5

Как видно из таблицы 4, наиболее встречаемыми категориями являются отношения хозяина к питомцу и описание его характера, поведения. Достаточно внимания уделяется отношениям с животным. Отмечается положительное влияние животного на настроение, его улучшение. Яркими примерами участливого отношения к животному служат описания забавных случаев из его жизни. Некоторые респонденты в сочинениях рассуждают о роли животного в жизни человека. Анализ сочинений свидетельствует также о персонификации домашнего животного, т.к. практически в каждом сочинении (92%) встречаются темы, в которых описывается внешность, история появления кошки или собаки, ее человеческие качества (любопытство, хитрость, доброта), схожесть в поведении с членами семьи.

Обобщив результаты проведенных методик, можно заключить, что домашнее животное воспринимается человеком как элемент семейной системы, то есть, как член семьи. Об этом свидетельствует указание его в структуре семьи в проективном тесте «Семейная социограмма», ответе на вопрос о принадлежности животного к членам семьи, влияние его на психологический климат. Существуют связи домашнего животного со всеми членами семьи: если в доме имеется кошка или собака, то равнодушных к ней нет. Конфликтов, связанных с животным, у 82% респондентов не наблюдается. У тех же, в семьях которых наблюдаются эпизодические возникновения конфликтных ситуаций по поводу содержания животного, ни один респондент не отметил, что в семье кто-то категорически против

присутствия животного. Обычно поводом конфликта является выгул либо кормление, это происходит из-за того, что члены семьи считают животное одинаково привязанным ко всем, и не могут определить, кто ответственен за него в большей степени. Несмотря на это, подобные конфликты всегда разрешаются мирным путем. Это еще раз подтверждает, что животное воспринимается как член семьи.

Являясь частью семейной системы, животное вносит свой вклад в создание психологического климата, причем с положительной валентностью. Это подтверждают данные контент-анализа сочинений и ответы на вопрос о влиянии животного на атмосферу в доме. Хозяева очеловечивают своего питомца, наделяя его характеристиками, типичными для людей. Восприятие домашнего животного также аналогично восприятию члена семьи: люди, живущие вместе, и относящиеся с теплотой друг к другу, зачастую прощают им недостатки. Отмечено значительное преобладание в характеристике животного человеческих качеств положительной валентности. Более того, кошка или собака воспринимается как персона, имеющая свою историю появления в семье, привычки, склонности, манеру поведения. Различий между представлениями о кошках и собаках не обнаружено.

Список литературы

1. Благоднравова М. Домашние целители // Ридерз Дайджест. – январь – февраль 2002. – с. 62–67.
2. Бондарь В. Суррогаты рода человеческого // Геон.– 2003.– № 9. – с. 8–13.
3. Беккер М. Зачем я урчу и мурлыкаю? // Ридерз Дайджест. – май 2003. – с. 65–69.

4. Браун Дж., Кристенсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. – СПб.: Питер, 2001.– 352 с.
5. Гребенников И. В. Основы семейной жизни. – М.: Просвещение, 1991.– 158 с.
6. Дружинин В. Н. Психология семьи. – М.: «КСП», 1996.– 160 с.
7. Ковалев С. В. Психология современной семьи. – М.: ГИЦ «ВЛАДОС», 2003 г.– 208 с.
8. Лоренц К. Человек находит друга: Пер. с англ. – Новосибирск: Наука, 1991.– 176 с.
9. Лойшен Ш. Психологический тренинг умений. Школа Вирджинии Сатир. – СПб.: Питер, 2001.– 160 с.
10. Мантикова А. В. Бесплатный семейный доктор и воспитатель // Электронный ресурс: URL: http://clausess.blogspot.ru/2008/07/blog-post_12.html (дата обращения: 21.01.2016)
11. Мантикова А. В. Домашнее животное как инструмент Вашей диагностики с точки зрения системного подхода к семье // Электронный ресурс: URL: <http://clausess.blogspot.ru/2012/07/blog-post.html> (дата обращения: 21.01.2016)
12. Мантикова А. В. Нечеловеческая популяция наших друзей // Электронный ресурс: URL: http://clausess.blogspot.ru/2008/07/blog-post_8656.html (дата обращения: 21.01.2016)
13. Мантикова А. В. Обыденное представление о домашнем животном как члене семьи // Молодежь и наука XXI века: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Красноярск: Изд-во РИО КГПУ, 2004. – С. 208–209.
14. Мантикова А. В. Семейная система у удовлетворённых браком супругов, проживающих на территории республики Хакасия // Этнос развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы второй международной научно-практической конференции / науч. ред. Т. А. Фотекова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. – С. 71–79.
15. Мантикова А. В., Чупров Л. Ф. К вопросу о проведении судебно-психологической экспертизы в современных условиях // Материалы международной межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы административно-профилактической деятельности», Нижегородская академия МВД России, 16 марта 2016.
16. Плотниекс И. Э. Психология в семье. – М.: Педагогика, 1991.– 208 с.
17. Прикладная социальная психология / Под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. – М.: Институт практической психологии, 1998.– 688 с.
18. Семейная психотерапия. Хрестоматия. Составители Эйдемиллер Э. Г., Александрова Н. В., Юстицкис В. – СПб.: Питер, 2000.– 512 с.
19. Сивкова Г. Зверь во мне и другие животные // Зоопрайс.—2001.– № 21.
20. Системная семейная психотерапия / Под ред. Э. Г. Эйдемиллера. – СПб.: Питер, 2002.– 368 с.
21. Смит Л. Житейская мудрость на четырех лапах // Ридерз Дайджест. – июль – август 2001. – с. 117–119.
22. Сатир Вирджиния. Психотерапия семьи. – СПб.: «Речь», 2000.– 198 с.
23. Филатова И. Пауки против кошек//Московский комсомолец.–2002.– № 26. – с. 8.
24. Шмелев А. Г. Острые углы семейного круга//Народный университет. Пед. факультет. – М.: Знание, 1986.– № 6.– 96 с.
25. Юдин А. М. Будь здоров, брат меньшей! – Тула, 1993.– 160 с.

НАРУШЕНИЕ БАЗОВОЙ АФФЕКТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ УЧАЩИХСЯ СТАРШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА ОТКРЫТЫХ СМЕННЫХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ

Метельская Ю. С. (Ярославль)

В статье рассматриваются нарушения эмоциональной сферы учащихся открытых сменных общеобразовательных школ. Выявлены особенности эмоциональной сферы учащихся этой группы: недифференцированность эмоций, амбивалентность эмоциональной сферы, высокая степень актуальности негативных эмоций. Указана связь данных особенностей с особенностями объектных отношений.

Ключевые слова: уровни эмоциональной регуляции, дифференцированность, амбивалентность эмоциональной сферы, объектные отношения.

The article discusses the violations of the emotional sphere students of public secondary schools. The peculiarities of the emotional sphere of students of this group: undifferentiated emotions, ambivalence emotional sphere, a high degree of relevance of negative emotions. The relation of these features with the features of object relations.

Keywords: the levels of emotional regulation, differentiation, ambivalence of the emotional sphere, object relations.

Учащиеся открытых сменных общеобразовательных школ испытывают значительные сложности социально-психологической адаптации, проявляющиеся в школьной и социальной дезадаптации. Нами были исследованы особенности эмоциональной сферы старших подростков двух групп: учащиеся общеобразовательных школ (ОШ) и учащиеся открытых сменных общеобразовательных школ (ОСОШ), исходя из представления о роли базовой аффективной регуляции, лежащей в основе всей психической деятельности, включенной в процесс адаптации и регуляции поведения. Согласно модели «вертикальной» организации психической деятельности в виде трехуровневой системы, предложенной М. М. Семаго [4], базовая аффективная регуляция является одной из трех предпосылок (составляющих) психического развития, наравне с пространственными и пространственно-временными представлениями и про-

извольностью психической деятельности. Базовая аффективная регуляция имеет уровневое строение, включающее в себя уровень оценки интенсивности воздействия, уровень аффективных стереотипов, уровень аффективной экспансии, уровень эмоциональной коммуникации и уровень символической регуляции эмоциональных процессов [1]. В зависимости от того, в какой степени и какие уровни нарушены, будет зависеть прогноз развития личности в целом, ее социально-психологической адаптации.

Исследование проводилось по методике О. А. Ореховой «Домики» [3]. Анализ результатов исследования особенностей эмоциональной сферы с помощью данной методики: актуальные эмоции, уровень дифференцированности, инвертированности и амбивалентности эмоциональной сферы, позволил нам сделать выводы относительно содержания нарушения двух уровней базовой аффектив-

ной регуляции у подростков, относящихся к группе учащихся ОСОШ – уровня эмоциональной коммуникации и уровня символической регуляции эмоциональных процессов. При интерпретации результатов исследования нами использовалось психоаналитическое понимание связи эмоциональной коммуникации с объектными отношениями, представленное в концепциях М. Кляйн, М. Маллер, Д. Винникотта, Р. Фейнрберна, О. Кернберга и др. [2]

По результатам методики О. А. Ореховой «Домики» выявляются значимые статистические различия в группах учащихся ОСОШ и ОШ «горе» ($p < 0,001$) и «скука» ($p < 0,01$). В группе учащихся открытых ОСОШ наблюдается актуализация негативных эмоций горя и скуки, что отражает тенденцию к частому переживанию такого рода эмоций. Мы рассматриваем данную тенденцию как проявление нарушения системы межличностных отношений, или, согласно психоаналитической терминологии – объектных отношений. Частота переживаний эмоций «горя» и «скуки» указывает на то, что имеется определенная тенденция в эмоциональном анализе ситуации, проявляющаяся в склонности воспринимать многие ситуации межличностного взаимодействия как неудовлетворяющие, приносящие негативные эмоции. Корень этой тенденции находится в особенностях отношений с внутренней Объект-репрезентацией. Объект-репрезентации формируются на ранних этапах развития ребенка и проявляются в дальнейших межличностных отношениях в форме определенных эмоциональных установок, ожиданий, тенденций эмоционального анализа межличностного

взаимодействия и тенденциях к переживанию определенного рода эмоций, характеризующих ранние объектные отношения. Мы считаем, что актуальность переживания эмоции «скуки» указывает на такую особенность объектных отношений как переживание отсутствия (как физического, так и психологического) значимого объекта. Именно отсутствие объекта (значимого взрослого) вызывает у ребенка ощущение пустоты, скуки, особенно на ранних этапах его развития, когда он, значимый взрослый, выполняет роль мотиватора к деятельности, берет на себя функцию вызывания и поддержания интереса к общению, внешней познавательной и игровой активности. Эмоция горя так же относит нас к внутреннему переживанию утраты объекта. Таким образом, выявленные особенности эмоциональной сферы учащихся открытых сменных общеобразовательных школ приводят нас к пониманию особенностей объектных отношений, где значимый объект репрезентирован как отсутствующий, утраченный. Это объясняет особенности поведения данной группы подростков, проявляющиеся в недоверии к окружающим, особенно взрослым, трудностях установления контакта, неспособности принимать адекватную помощь, часто – в провокативном поведении, направленном на вызывание у окружающих эмоций неприятия, отторжения, гнева. Это подтверждается и разницей в актуальности эмоции «доброта» в группах учащихся ОСОШ и ОШ. У учащихся ОШ рейтинг «доброты» статистически значимо выше ($p < 0,05$), чем у учащихся ОСОШ, что так же указывает на особенности объектных отношений. У учащихся ОСОШ имеется дефицит переживания удовлет-

воряющих отношений с окружающими, в которых они чувствовали бы себя защищенными, вызывающими положительные эмоции у окружающих и испытывающими положительные эмоции сами. Дефицит переживания «доброты» в межличностных отношениях приводит к снижению или отвержению социальной ценности «доброта». Данные особенности указывают на нарушение уровня

эмоциональной коммуникации базовой аффективной регуляции ().

Кроме оценки степени актуализированности различного рода эмоций, методика О. А. Ореховой позволяет выявить следующие особенности эмоциональной сферы: дифференцированность, инвертированность и амбивалентность. Показатели по данным параметрам позволяют судить о зрелости и сформированности уровней эмоциональной регуляции.

Таблица 1. Показатели особенностей эмоциональной сферы учащихся открытых сменных общеобразовательных и средних общеобразовательных школ по методике «Домики» О. А. Ореховой.

№	Особенности эмоциональной сферы	Средние значения		U	Z	Уровень значимости p
		СОШ	ОСОШ			
1	Дифференцированность	1	0,15	640,0000	1,53960	0,123659
2	Инвертированность	0	1,675	616,0000	-1,77054	0,076638
3	Амбивалентность	***0	***1,925	399,0000	-3,85862	0,000114

Уровень значимости *** – $p < 0,001$

Из Таблицы 1 мы видим, что имеются статистически значимые различия в степени амбивалентности эмоциональной сферы у учащихся ОСОШ и ОШ. У учащихся ОСОШ выше показатели амбивалентности ($p < 0,001$) эмоциональной сферы. Наличие и степень амбивалентности указывает на нарушения развития эмоциональной сферы и сказывается на ее роли в регуляции поведения. Амбивалентность есть результат работы защиты расщепления, использующейся при невозможности разрешить конфликт и интегрировать противоречивые установки и чувства, направленные на один и тот же объект. Наличие амбивалентности как черты личности является одним из важных критериев уровня организации личности. Амбивалентность эмоциональной сферы учащихся ОСОШ

указывает на особенности объектных отношений и проявляется в конфликтном отношении к объекту с одной стороны, а с другой – в амбивалентности самого объекта, который расчленяется на «хороший» и «плохой». При этом образ объекта становится не интегрированным, не целостным, а значит, внутренне конфликтным. Наличие амбивалентности эмоциональной сферы учащихся ОСОШ проявляется в противоречивом, непоследовательном, конфликтном отношении к внешним и внутренним объектам, что в свою очередь проявляется в конфликтном, противоречивом и непоследовательном поведении в социуме.

В нашем исследовании в подвыборке учащихся ОСОШ была выделена подгруппа подростков с высоким показателем инвертированности эмоциональной

сферы. В данной подгруппе выявляется особая роль эмоции «скука». В силу этого, особо хотелось бы подчеркнуть значение эмоции скуки и лежащими за ней объективными отношениями. По мнению многих авторов, отсутствие объекта (а именно отсутствие объекта и вызывает эмоцию скуки) воспринимается и переживается гораздо травматичнее, чем наличие «плохого» объекта. Ребенок предпочитает иметь рядом «плохой» объект, чем совсем его лишиться. Этим объясняется существующая привязанность к «плохим» объектам у проблемных подростков, когда отсутствие объекта не допускается, а наличие «хорошего» объекта невозможно в силу отсутствия опыта позитивных

объектных отношений. Бегством от скуки (отсутствия объекта) для них является уход в асоциальность (отношения с «плохими» объектами). Именно наличие такого рода глубинной основы для асоциального поведения является причиной сложности перестройки, переориентации на социально-приемлемые стратегии поведения и межличностные отношения у подростков с социально-психологической дезадаптацией.

По результатам исследования корреляционных взаимосвязей эмоций в группе учащихся ОСОШ можно судить об уровне дифференцированности и амбивалентности эмоциональной сферы. Результаты представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Корреляционные взаимосвязи эмоций в группе учащихся ОСОШ по методике «Домики» О. А. Ореховой.

	счастье	обида	дружба	ссора	доброта	злоба
счастье						
справедливость	0,34*					
обида						
дружба	0,43**					
ссора		0,6***				
доброта	0,32**	0,47***	0,39**			
злоба	0,31*	0,64***	0,33*	0,51***	0,3*	
скука		0,37**	0,39**	0,41**	0,29*	0,41**
восхищение	0,31*	0,27*		0,31*		0,39**

Уровень значимости: *** – $p < 0,001$; ** – $p < 0,01$; * – $p < 0,05$

Анализируя полученные данные, мы видим, что положительные эмоции «счастье», «справедливость», «дружба», «доброта», «восхищение» имеют положительные корреляционные связи не только с другими положительными эмоциями, но и с отрицательными. Так проявляется

амбивалентность и слабая дифференцированность эмоциональной сферы подростков данной группы.

Иная картина предстает при анализе корреляционных взаимосвязей эмоций в группе учащихся ОШ. Данные представлены в таблице 3.

Таблица 3. Корреляционные взаимосвязи эмоций в группе учащихся средних общеобразовательных школ по методике «Домики» О. А. Ореховой.

	счастье	горе	справ- сть	обида	дружба	ссора	скука
счастье							
горе							
справедливость							
обида							
дружба							
ссора			0,44**				
доброта	0,36*				0,36*		
злоба				0,45**			
скука		0,32*				0,46**	
восхищение	0,33**						-0,33*

Уровень значимости: *** – $p < 0,001$; ** – $p < 0,01$; * – $p < 0,05$

Мы видим, что у учащихся ОШ положительные эмоции имеют корреляционные связи с положительными эмоциями, а отрицательные – с отрицательными. Это говорит о дифференцированности в эмоциональной сфере подростков данной группы положительных и отрицательных эмоций, что является основой для формирования символической регуляции эмоциональных процессов. Положительная корреляция «справедливости» со «ссорой» указывает на роль ценности справедливости в конфронтационном и конфликтном поведении. Чем выше ценность справедливости, тем больше шансов вступления в конфликты. Интересно, что данной связи не выявлено в группе учащихся ОСОШ. В их группе «ссора» связана со «злобой», «скукой» и «восхищением», что указывает на иные мотивы вступления в конфликты. То есть, учащиеся ОШ вступают в конфликты, ссоры по мотиву борьбы за справедливость, а у учащихся ОСОШ ссоры возникают по причине накопив-

шейся и требующей разрядки агрессии или от скуки, с целью заполнения образовавшейся эмоциональной пустоты. При этом у учащихся ОШ ссора не вызывает положительных эмоциональных переживаний, а в группе учащихся ОСОШ ссора связана с таким сильным и эмоционально окрашенным переживанием как «восхищение». Возможно, что не сама ссора вызывает восхищение, но переживания от нее сравнимы по силе с таким насыщенным переживанием как восхищение. В этом проявляется механизм инверсии – смены знака эмоций и стремления к переживанию «отрицательных» эмоций.

Для объективной оценки различий в структурах эмоций обследованных учащихся ОСОШ и ОШ нами был произведен анализ структур по системе структурных индексов, для чего была проведена обработка данных посредством вычисления матриц интеркорреляций. Вычисленные индексы когерентности, дивергентности и организованности структуры дают обобщенное представление о степени

обобщенности компонентов структуры. Результаты представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Индексы структур эмоций учащихся открытых сменных и средних общеобразовательных школ по системе структурных индексов.

№	Индекс	Учащиеся открытых сменных общеобразовательных школ	Учащиеся средних общеобразовательных школ
	Индекс когерентности структуры (ИКС)	68	28
	Индекс дивергентности структуры (ИДС)	0	10
	Индекс организованности структуры (ИОС)	68	18

Индекс когерентности структуры указывает на степень связанности, скоррелированности эмоций. У учащихся ОСОШ данный индекс существенно выше, чем в группе учащихся ОШ, что позволяет сделать вывод о большем количестве связей между эмоциями в первой группе. Индекс дивергентности структуры (ИДС) в группе учащихся ОСОШ школ равный 0 говорит о фактическом отсутствии дифференцированности эмоциональной сферы. Отсутствие дифференциации проявляется как в слабой дифференцированности отдельных эмоций друг от друга, так и в отсутствии дифференциации между положительными и отрицательными эмоциями. Если первое проявляется в неспособности учащихся ОСОШ понимать свои эмоции и эмоции окружающих, что ведет к трудностям адекватного восприятия и интерпретации реальности в процессе социального взаимодействия и коммуникации, то второе (отсутствие дифференциации между положительными и отрицательными эмоциями) – к трудностям формирования ценностных установок, в основе которых, по мнению многих авторов, лежат

эмоции. Учащиеся ОСОШ не имеют четких ценностных установок, так как нет эмоциональных ориентиров для формирования ценностей. Их внутренний мир характеризуется спутанностью эмоциональной сферы, трудностью понимания, каким эмоциональным ориентирам следовать в данный момент времени. В поведении учащихся ОСОШ это проявляется в непоследовательности поведения, не способности удерживать программу действий, постоянной смене мотивов и ценностных установок в зависимости от ситуации или социального контекста, что является уже фактором произвольной регуляции психической деятельности.

Подвыборка учащихся ОСОШ была разделена нами на подгруппы в зависимости от уровня дифференцированности эмоциональной сферы. Анализ корреляционных взаимосвязей эмоций и коэффициентов дифференцированности, инвертированности и амбивалентности эмоциональной сферы в группах учащихся ОСОШ выявил, что у учащихся, имеющих дифференцированную эмоциональную сферу большую актуальность имеют эмоции «справедливость» ($p <$

0,01), «дружба» ($p < 0,05$) и «обида» ($p < 0,01$), так же они менее склонны переживать «злобу» ($p < 0,01$), «скуку» ($p < 0,01$) и состояние ссоры ($p < 0,01$), что говорит об их более позитивном эмоциональном фоне, более удовлетворяющих объектных отношениях по сравнению с подростками ОСОШ с инвертированной эмоциональной сферой. Для учащихся, у которых эмоциональная сфера инвертирована, высокую актуальность имеют эмоции «злоба» и «ссора», в то время как отсутствуют эмоции и переживания позитивного спектра («счастье», «справедливость», «дружба», «доброта»). Амбивалентность эмоциональной сферы связана с высокой актуальностью эмоций: «горе» ($p < 0,01$), «обида» ($p < 0,01$) и «скука» ($p < 0,01$). Данный спектр эмоций более ассоциируется с состоянием покинутости, брошенности, утраты объекта.

Анализ корреляционных взаимосвязей эмоций и коэффициентов дифференцированности, инвертированности и амбивалентности эмоциональной сферы в группе учащихся ОШ показывает, что показатель дифференцированности имеет положительные корреляционные связи с рейтингом эмоций «счастье» ($p < 0,01$) и «восхищение» ($p < 0,05$), отрицательные – с «обидой» ($p < 0,01$), «злойбой» ($p < 0,01$), «скукой» ($p < 0,01$); показатель инвертированности имеет положительные корреляционные связи с рейтингом эмоции «обида» ($p < 0,01$) и отрицательные – с рейтингом эмоций «счастье» ($p < 0,01$), «справедливость» ($p < 0,05$), «дружба» ($p < 0,01$), «восхищение» ($p < 0,01$); Показатель амбивалентности имеет положительные корреляционные связи с эмоциями «горе» ($p < 0,01$) и «злоба» ($p < 0,05$),

отрицательные – с эмоцией «счастье» ($p < 0,01$).

Сравнивая связи показателей дифференцированности, инвертированности и амбивалентности с рейтингами эмоций в группах подростков, мы обнаруживаем ряд особенностей, указывающих на отличия эмоциональных сфер подростков ОСОШ и ОШ. В частности, подростки с дифференцированной эмоциональной сферой ОСОШ имеют высокие рейтинги эмоций «справедливость», «обида» и «дружба», а учащиеся ОШ с дифференцированной эмоциональной сферой – высокие рейтинги эмоций «счастье» и «восхищение». Это может говорить о том, что, хотя в обоих случаях мы имеем дело с подростками с высоким уровнем дифференцированности эмоциональной сферы, для подростков ОСОШ имеют большее значение эмоции, связанные с коммуникативной, социальной сферой и социальными ценностями, в то время как подростки ОШ придают особую значимость эмоциям, связанным с общечеловеческими ценностями. Так же имеются определенные особенности эмоциональных сфер подростков разных групп с инвертированной эмоциональной сферой. Учащиеся ОСОШ с инвертированной эмоциональной сферой имеют высокий рейтинг эмоций «злоба» и «ссора», в отличие от учащихся ОШ, для которых более актуальна эмоция «обида». В обеих группах инверсия связана с низким рейтингом счастья, справедливости, дружбы. Но, в группе учащихся ОШ происходит снижение значимости и актуальности «восхищения», но не происходит снижения значимости и актуальности «доброты». Это может говорить о том, что в основе процессов инверсии

эмоциональной сферы учащихся ОШ лежит переживание чувства обиды, но это не приводит к отрицанию «доброты» как ценности, формированию агрессивных установок, основой которых является особая субъективная ценность агрессивных эмоций («злоба», «ссора») как это происходит в группе учащихся ОСОШ. Можно сказать, что подростки ОШ с инвертированной эмоциональной сферой обижены, разочарованы, и защищаются от этих переживаний с помощью механизма инверсии, но они не озлоблены. Таким образом, инверсия эмоциональной сферы учащихся ОСОШ имеет более глубокий характер, затрагивает ценности в сфере отношений, формируя значимость негативных эмоций и агрессивных установок, в ее основе лежит интенсивное переживание агрессивных эмоций («злоба», «ссора»). Такая инверсия эмоциональной сферы учащихся ОСОШ ведет к серьезным трудностям социально-психологической адаптации, так как затрагивает ценностно-смысловую сферу личности. Недифференцированность эмоциональной сферы учащихся ОСОШ ведет к дефициту понимания социальной реальности, а также к дефициту или нарушению произвольной регуляции психической деятельности.

Результаты кластерного анализа структур эмоций в группах учащихся ОСОШ и ОШ в нашем исследовании подтверждают результаты анализа корреляционных связей эмоций в указанных группах. В группе учащихся ОСОШ нами было выявлено, что наиболее близкие связи существуют между эмоциями «обида», «злоба» и «ссора». Они образуют отдельный кластер. Слабая дифференцированность эмоций данной группы может

приводить к неадекватной оценке эмоционального контекста межличностного взаимодействия, неверным интерпретациям состояний самого субъекта и окружающих его людей. Анализ кластерных связей эмоций в группе учащихся ОШ показывает, что все эмоции разделяются на два кластера. В первом находятся «доброта», «счастье», «восхищение», «справедливость», «дружба», во втором – «скука», «ссора», «горе», «злоба», «обида». Такая группировка говорит о том, что в группе учащихся ОШ имеет место четкая дифференциация положительных и отрицательных эмоций. Недифференцированность эмоциональной сферы является проявлением нарушения формирования уровня символической регуляции эмоциональных процессов, где нарушение символизации эмоционального опыта проявляется в дефиците первичной дифференциации опыта по признакам «положительное-отрицательное» и ведет к нарушению дифференцированного восприятия аффективно насыщенных признаков.

Таким образом, по результатам методики О. А. Ореховой «Домики» в группах учащихся ОСОШ и ОШ нами были выявлено нарушение базовой аффективной регуляции в группе учащихся ОСОШ на уровнях эмоциональной коммуникации и символической регуляции эмоциональных процессов, проявляющееся в:

1. нарушении эмоциональной коммуникации с тенденцией к актуализации негативных эмоций «горя» и «скуки», что является следствием нарушения объектных отношений, а именно, формирования специфических внутренних отношений между Я- и Объект-репрезентациями,

в которых Объект-репрезентации представлены как отсутствующие и покидающие. Данные особенности уровня эмоциональной коммуникации определяют отсутствие доверия к окружающим, ожидание негативного отношения к себе, неспособности принимать помощь со стороны окружающих и использовать других как успокаивающие объекты.

2. слабой дифференцированности эмоций, приводящей к сложностям понимания эмоционального контекста межличностного взаимодействия;
3. выделении кластера эмоций «ссора-обида-злоба» с высоким уровнем связей с другими эмоциями;
4. высоком уровне амбивалентности ($p < 0,001$) и инвертированно-

сти ($p < 0,01$) эмоциональной сферы по сравнению с группой подростков ОШ;

5. более глубокой инверсии эмоциональной сферы учащихся ОСОШ по сравнению с учащимися ОШ, связанной с нарушением способности регуляции агрессивных эмоций.

Список использованной литературы:

1. Бардышевская М. К., Лебединский В. В. Диагностика эмоциональных нарушений у детей. М., 2003.
2. Кернберг Отто Ф. Тяжелые личностные расстройства. М., 2000.
3. Орехова О. А. Цветовая диагностика эмоций. Типология развития. СПб., 2008.
4. Семаго Н. Я., Семаго М. М. Проблемные дети. Основы диагностической и коррекционной работы психолога. М., 2003.

О РАЗРАБОТКЕ ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Бовин Б. Г., Федорова Е. М. (Москва)

Аннотация. В статье изложены некоторые результаты исследования, проведенного сотрудниками ФКУ НИИ ФСИН России, в процессе которого изучался феномен профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Предмет исследования – динамика процесса профессионального отчуждения сотрудников УИС в условиях применения методов психологической профилактики. В результате исследования разработана диагностическая модель профессионального отчуждения сотрудников УИС.

Ключевые слова: профессиональное отчуждение, профессиональная идентичность, диагностическая модель, психологическая профилактика, психологическая коррекция, психологическая диагностика, сотрудники УИС.

Annotation. The article presents some results of a study conducted by the employees of FКУ NII FSIN of Russia, in which the process has been studied the phenomenon of professional alienation of staff of the penal system (further – UIS). Subject of research – the dynamics of the process of alienation of professional staff of UIS in the conditions of use techniques of psychological prevention. The study is designed diagnostic model of professional alienation of staff of UIS.

Keywords: professional alienation, professional identity, diagnostic model, psychological prevention, psychological correction, psychological diagnostics, staff of UIS.

Одним из основных направлений деятельности психологической службы ФСИН России является психологическое сопровождение профессиональной деятельности сотрудников УИС, в том числе профилактика деструктивного поведения сотрудников. Одним из видов деструкций профессиональной направленности личности является профессиональное отчуждение, которое характеризуется потерей профессиональной идентичности, общности с профессиональной группой, обособлением профессиональных характеристик личности, позицией непричастности и ментальной непринадлежности к общественно приемлемой для данной профессии морали, доминирующей ориентацией профессионала на себя и на цели во внепрофессиональных сфе-

рах жизни, трудностями в профессиональной адаптации, автономностью и др. [3; 4].

Профессиональное отчуждение личности исследовалось такими учеными, как Н. Н. Егорова, Е. П. Ермолаева, Э. Ф. Зеер, М. С. Коданева, Э. Э. Сыманюк, Д. М. Зиновьева, Л. Б. Шнейдер и др., в основном, в рамках научных работ, посвященных особенностям формирования профессиональной идентичности специалистов различных профессиональных групп (психологов, педагогов, врачей, адвокатов и др.).

На базе ФКУ НИИ ФСИН России было проведено лонгитюдное исследование (2013–2015 гг.), в процессе которого впервые рассматривалась динамика процесса профессионального отчуждения

сотрудников УИС, в том числе начальников отрядов исправительных учреждений (далее – ИУ) в условиях применения методов психологической профилактики. Анализ полученных данных выявил две основные проблемы, возникающие в процессе организации психологической профилактики профессионального отчуждения как деструкции профессиональной направленности личности сотрудников УИС: 1) отсутствие апробированных методик для психодиагностики профессионального отчуждения; 2) недостаток теоретических и методических разработок по психологической профилактике и коррекции профессионального отчуждения в условиях службы в УИС.

В целях совершенствования психологической диагностики профессионального отчуждения сотрудников УИС нами была разработана диагностическая модель профессионального отчуждения. В процессе ее разработки для изучения статусов профессиональной идентичности были опрошены 1470 аттестованных сотрудников УИС обоего пола в возрасте от 21 до 55 лет, проходивших службу в 39 территориальных органах ФСИН России, стаж службы в УИС которых составил от 6 месяцев до 20 и более лет [5]. Опрос проводился с помощью методики Н. Н. Егоровой «Изучение профессиональной идентичности», представляющей собой 20 утверждений, по каждому из которых предлагается четыре варианта ответов [3]. Выбирается вариант, в наибольшей степени отвечающий ценностным ориентациям опрашиваемого, отношению к профессии, установкам, профессиональным ожиданиям и предпочтениям, его готовности к профессиональному развитию. Подсчет результатов

осуществляется по следующим четырем шкалам:

1. Диффузная (неопределенное состояние профессиональной идентичности), которая характеризует переживание негативных состояний, связанных с профессией, таких, как пессимизм, апатию, отчуждение от профессии, отсутствие перспективы и интереса к профессиональной деятельности.

2. Навязанная профессиональная идентичность, характерная для лиц, у которых профессиональный выбор был лишен самостоятельного решения, а связан с советом родителей, друзей, знакомых, хорошо организованной рекламой и т.п. Часто это связано с конформистскими установками, стремлением к уподоблению, неумением мыслить самостоятельно, боязнью ответственности и стремлением действовать по указанию или трафарету, строго выполняя инструкции.

3. Кризис профессиональной идентичности, характерный для человека, застрявшего на стадии профессионального выбора, меняющего профессиональную направленность и пробующего себя в различных профессиях и специальностях, используя свой профессиональный опыт в различных видах деятельности и готовый легко сменить профессию под влиянием изменившихся обстоятельств.

4. Достигнутая (сформированная) профессиональная идентичность, характеризующаяся верностью профессиональному выбору, заинтересованностью в профессиональном росте. Специалист со сформированной профессиональной идентичностью считает свою профессию призванием и не склонен ее менять, разделяет профессиональные традиции,

цели, ценности и смыслы деятельности своей профессиональной группы.

Анализ результатов проведенного нами опроса (результаты приведены в таблице 1) показал, что свыше 70,0% сотрудников УИС характеризуются достигнутой (сформированной) идентичностью со своей профессией, связанной с различными видами деятельности в УИС. Для этой категории характерна верность своему профессиональному выбору. 13,0% сотрудников УИС испытывают кризис профессиональной иден-

тичности, связанной с теми или иными факторами [2; 6]. Некоторые из них считают свою профессию лишь временным занятием, связанным со сложившимися обстоятельствами, и готовы поменять ее в изменившихся условиях. Они постоянно находятся в поиске подходящего вида деятельности или внутри системы, или за ее пределами, склонны к свободомыслию и независимости. Иногда работа интересует их до того момента, пока она нова, разнообразна и не превращается в однообразную, скучную деятельность.

Таблица 1

Статус профессиональной идентичности сотрудников УИС различных категорий

Статус профессиональной идентичности	Баллы опросника	Количество сотрудников	%
Диффузная	0–20	169	12,0
Навязанная	21–40	60	4,0
Кризис	41–60	189	13,0
Достигнутая	61–80	1036	71,0

Примерно столько же сотрудников (12,0%) находятся в диффузном, неопределенном состоянии по отношению к профессиональной деятельности в УИС. Они не задумываются над смыслом своего труда и делают то, что от них требуют и за что платят. Они могут негативно оценивать свой труд и избегают причислять себя к профессиональной группе. Как правило, они не стремятся к самосовершенствованию в своей профессии, не имеют достаточно осознанных профессиональных целей и карьерных планов, отстраняясь от прогнозирования своего профессионального будущего. При внешней формальной причастности к профессии их отличает внутренняя непринадлежность к профессиональной этике и ценностям. Для них наиболее характерно переживание негативных

состояний, связанных с отчуждением от профессии. И, наконец, 4,0% сотрудников УИС характеризуются навязанной профессиональной идентичностью и воспринимают работу как долг, обязательство, навязанное им извне. Выполняя обязанности, они стараются быть не хуже других, проявляя комформистские установки и неумение мыслить самостоятельно. Такие сотрудники ценят стабильность заведенного порядка и боятся изменений и преобразований в своей деятельности.

Для дальнейшего исследования была выбрана наиболее проблемная профессиональная группа – начальники отрядов исправительных учреждений (далее – ИУ) в количестве 227 человек со следующими социально-демографическими характеристиками. Мужчины – 174 человек, женщины – 53. Возраст: 20–25 лет –

36; 26–30 лет – 69; 31–35 лет – 53; 36–40 лет – 45; 41–45 лет – 13; 46–50 лет – 8; старше 50 лет – 3. Стаж работы в должности: до 1 года – 31; 1–5 лет – 115; 6–10 лет – 46; 11–15 лет – 24; 16–20 лет – 8; более 20 лет – 3. Стаж службы в УИС: до 1 года – 23; 1–5 лет – 74; 6–10 лет – 54; 11–15 лет – 47; 16–20 лет – 24; более 20 лет – 5. Образование: среднее – 8; среднее специальное – 27; высшее – 192.

Распределение начальников отрядов исправительных учреждений ИУ по статусу идентичности, оцененному по опроснику Н. Н. Егоровой «Изучение профессиональной идентичности» приведено в таблице 2. Соотношение достигнутой

(69,0%) и суммой остальных статусов профессиональной идентичности (диффузной, навязанной, кризисной) (31,0%) у начальников отрядов ИУ почти в точности соответствует соотношению в общей выборке сотрудников УИС (71,0% и 29,0%), отличаясь по структуре распределения лишь в «несостоявшихся» статусах, в которых у начальников отрядов ИУ выше кризис профессиональной идентичности (19,0%, против 13,0% в общей выборке) и навязанной идентичности (7,0%, против 4,0% в общей выборке), но меньше диффузной идентичности (5,0%, против 12,0% в общей выборке).

Таблица 2

Статус профессиональной идентичности начальников отрядов исправительных учреждений

Статус профессиональной идентичности	Баллы опросника	Количество сотрудников	%
Диффузная	0–20	11	5,0
Навязанная	21–40	16	7,0
Кризис	41–60	43	19,0
Достигнутая	61–80	157	69,0

Должность начальника отряда является ключевой в исправительном учреждении, на которую возложена основная работа по организации и проведению всего комплекса мероприятий с осужденными, которых в отряде, обычно, от 80 до 100–150 человек. В связи с этим кризисные явления в профессиональной направленности личности у этой категории сотрудников выражены в большей степени, по сравнению с общей выборкой.

В результате построения линейной модели регрессионного анализа было получено следующее уравнение множественной регрессии:

$$V_4 = 1,785 - 0,008age - 0,006 V_1 - 0,131G,$$

где:

V_4 – статус профессиональной идентичности;

age – возраст начальников отрядов;

V_1 – стаж службы в должности;

G – гендерные различия.

Уравнение множественной регрессии позволило объединить измеренные параметры в прогностическую модель распознавания профессиональной идентичности с помощью таких предикторов, как возраст сотрудника, стаж работы в должности, стаж службы в УИС и гендерная принадлежность. Расчеты показали, что профессиональная идентичность связа-

на с возрастом сотрудника – чем старше сотрудник, тем более вероятно наличие достигнутой (сформированной) профессиональной идентичности. Среди молодых сотрудников в большей степени распространена несформированная (диффузная), навязанная профессиональная идентичность или кризис идентичности.

Другой параметр, связанный с профессиональной идентичностью, – стаж работы в должности. Чем меньше стаж работы в должности начальника отряда ИУ, тем больше вероятность несформированной профессиональной идентичности, что, собственно, не удивительно. Вызывает беспокойство, что в дальнейшем профессиональная идентичность может и не быть достигнута. В связи с этим, как раз на стадии профессиональной адаптации особенно необходима просветительская, психопрофилактическая и психокоррекционная работа психолога с сотрудниками, начинающими свою профессиональную деятельность на этой должности.

Стаж службы в УИС (V_2) не вошел в регрессионное уравнение из-за слишком незначительного вклада в распознавание статуса профессиональной идентичности. Тем не менее, этот параметр дает дополнительную информацию при сравнительном анализе параметров распределения стажа работы в должности и стажа службы в УИС. В нашем исследовании профессионального отчуждения начальников отрядов ИУ резкое изменение разницы числа сотрудников в зависимости от небольшого стажа в должности может свидетельствовать о том, что лица, поступающие на должность начальников отрядов ИУ и не имеющие стажа службы в УИС, испытывают проблемы с форми-

рованием профессиональной идентичности и стремятся уйти в другие службы. Результаты исследования показали, что наиболее проблемной категорией являются сотрудники, пришедшие в УИС сразу на должность начальника ИУ и проработавшие 1–2 года. В связи с этим, не рекомендуется назначать на должности начальников отрядов ИУ лиц, впервые поступивших на службу в УИС и не имеющих опыта работы в исправительных учреждениях.

Таким образом, разработанная нами диагностическая модель профессионального отчуждения является интегральной моделью, учитывающей возраст сотрудника, стаж в должности, стаж службы в УИС и гендерную принадлежность и позволяющей определить объект психопрофилактической и психокоррекционной работы с сотрудниками, находящимися на должности начальника отряда ИУ и нуждающимися в подобной работе. Расчет среднего значения и статистических отклонений при использовании прогностической модели на выборке начальников отрядов, показал, что $V_4 \ll 1,354$ может свидетельствовать о сформировавшейся профессиональной идентичности, а $V_4 \geq 1,354$ – о несформировавшейся профессиональной идентичности и наличия профессионального отчуждения. Расчет таблицы сопряженности диагностического коэффициента (V_4) и определенного по опроснику Н. Н. Егоровой реального статуса профессиональной идентичности с использованием критерия χ^2 [1], показал значение $\chi^2 = 3,84$, свидетельствующее о 5% уровне значимости статистической связи диагностического показателя и реального статуса профес-

сиональной идентичности, подсчитанного по опроснику Н. Н. Егоровой.

Далее нами была проведена апробация разработанной диагностической модели профессионального отчуждения на независимой выборке в количестве 469 сотрудников, мужчин и женщин в возрасте от 20 до 50 лет, имеющих стаж в должности от 6 месяцев до 20 лет и более, занимающих различные должности в учреждениях и органах ФСИН России. Сопряжение диагностического показателя профессиональной идентичности, т.е. разработанной модели, и результатов опросника Н. Н. Егоровой обнаружило значимую связь по критерию хи-квадрат на 0,1% уровне ($\chi^2 = 12,95 > \chi^2_{\text{критич.}} = 10,83$), что подтвердило валидность и универсальность разработанной модели для сотрудников УИС, поскольку выборка апробации составлялась из сотрудников почти всех служб. Достоинством модели является использование только трех параметров (возраст, стаж в должности и гендерная принадлежность), позволяющих с определенной вероятностью прогнозировать профессиональную идентичность или ее отсутствие.

Разработанную диагностическую модель профессионального отчуждения можно использовать в скрининговых исследованиях для определения сотруд-

ников УИС, нуждающихся в психопрофилактической и психокоррекционной работе.

Список литературы

1. Аптон Г. Анализ таблиц сопряженности. – М.: Финансы и статистика, 1982.
2. Бовин Б.Г., Федорова Е.М. К вопросу о психологической профилактике профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 4. – С. 110–118.
3. Егорова Н.Н. Психологические особенности профессионального отчуждения педагогов: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – М., 2007. – 193 с.
4. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций: учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. – 240 с.
5. Теория и практика психологической профилактики профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы: методическое пособие / Е.М. Федорова, С.В. Кулакова, Л.В. Мешкова, К.Ф. Фадеева; ФКУ НИИ ФСИН России. – М.: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2015. – 96 с.
6. Федорова Е.М. Профессиональное отчуждение начальников отрядов исправительных учреждений: особенности психологической профилактики в процессе профессионального образования и подготовки // NovaInfo.ru. – 2015. – Т. 1. – № 34. – С. 319–323.

РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДОШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ИГРЫ

Т. М. Панкратова, Н. Н. Пушкова, Е. В. Белякова
(Ярославль, Углич Ярославской области, Россия)

Аннотация. В настоящее время наблюдается большой интерес педагогов дошкольных учреждений к обновлению развивающей предметно – пространственной среды в связи с необходимостью организации педагогической деятельности в соответствии с требованиями новых Федеральных образовательных стандартов дошкольного образования. В статье рассматриваются теоретические подходы к пониманию роли игровой деятельности в психическом развитии детей дошкольного возраста, излагаются практические рекомендации для педагогов дошкольных образовательных учреждений по организации театрализованной игровой деятельности для детей среднего дошкольного возраста.

Ключевые слова: игра как условие психического развития ребенка, принципы организации предметно-пространственной среды, театрализованная игра детей, театрально-игровые умения дошкольников.

Annotation. Presently there is large interest of teachers of preschool establishments to the update of developing in detail – spatial environment in connection with the necessity of organization of pedagogical activity in accordance with the requirements of the new Federal educational standards of preschool education. In the article the theoretical going is examined near understanding of role of playing activity in psychical development of children of preschool age, practical recommendations are expounded for teachers middle preschool age.

Keywords: game as condition of psychical development of child, principles of organization of subject-spatial environment, theatricalized game of children, theatrical-playing abilities of under-fives.

Игровая деятельность для детей дошкольного возраста является ведущим видом деятельности. А. Н. Леонтьев отмечал: «Ведущей мы называем такую деятельность, с развитием которой происходят главнейшие изменения в психике ребенка и внутри которой развиваются психические процессы, подготовляющие переход ребенка к новой, высшей ступени его развития» [2, с. 412]. Конкретными условиями, оказывающими влияние на процессы психического развития ребенка, являются только те элементы среды, с которыми он активно связан,

активно взаимодействует, усваивает их. С какими сторонами и элементами окружающей среды у ребенка установятся отношения взаимодействия, каков будет характер этих отношений, зависит, с одной стороны, от индивидуальных и возрастных особенностей самого ребенка и, во-вторых, от воздействия взрослых, от воспитания, так как именно воспитывающие ребенка взрослые устанавливают его отношение к окружающей действительности. Поэтому правильно организованная развивающая среда дошкольных образовательных учреждений

является важнейшим условием не только общего психического гармоничного развития дошкольника, но и его готовности к дальнейшему обучению в школе.

Игра представляет собой особый вид деятельности, который позволяет ребенку, играя в замкнутом пространстве по известным правилам, в большей степени пережить динамические возможности своей личности, то есть свою способность изменяться и одновременно осознавать эту свою способность – быть другим. Осознание начинается там, где возникает препятствие на пути активности человека, этим препятствием в игре является ограниченное пространство и ее правила. Игра также представляет собой модель социального взаимодействия, средство усвоения социальных установок и отражает нормы и образ жизни, существующие в данном обществе. Первоначальные социальные установки возникают в свободной игре ребенка и носят конкретную, непосредственную форму меняющихся друг друга игровых ролей. Более сложные социальные установки, которые не являются индивидуальным отражением общественных образцов социального и группового поведения, возникают в игре с правилами. Через такие социальные установки осуществляется дальнейшее освоение ребенком социального опыта. «В игре ребенок овладевает всем богатством действительности – миром предметов и действий с ними, языком, человеческими отношениями, мотивами человеческой деятельности и всеми человеческими способностями – только через и при посредстве взрослых людей. Деятельность ребенка по отношению к предметной действительности всегда является опосредствованной отноше-

ниями ребенка и взрослых» [3, с. 18]. Потребность во взрослом человеке, как указывает Д. Б. Эльконин, приобретает новое содержание в период до семи лет, она реализуется в непосредственном общении со взрослыми людьми, в совместной с ними предметной деятельности. Одновременно с развитием потребности жить жизнью взрослых, вместе с ними, занимать определенное место в жизни общества развивается и другая тенденция – тенденция к самостоятельности. Развитие этой тенденции связано с усвоением ребенком опыта действий с предметами и знаний о действительности, с развитием все новых и новых способностей.

Несмотря на то, что некоторые сюжеты встречаются на протяжении всего дошкольного детства, намечается определенная закономерность в их развитии. Развитие сюжетов идет от бытовых игр к играм с производственными сюжетами и, наконец, к играм с сюжетами общественно-политических событий. Такая последовательность, естественно, связана с расширением кругозора ребенка и его жизненного опыта, с вхождением его во все более глубокое содержание жизни взрослых. Развитие сюжетов идет не только по линии охвата все новых сфер действительности, но и по линии разнообразия форм игры в пределах одной группы сюжетов. Если у младших дошкольников игры с бытовыми сюжетами очень однообразны, то уже у средних и старших они становятся все более разнообразными. На разнообразии сюжетов игр определяющее влияние оказывает воспитательная работа с детьми.

Д. Б. Элькониным предложено, наряду с сюжетом, различать содержание ролевой игры. «Под содержанием игры

следует понимать то, что выделено ребенком в качестве основного момента деятельности взрослых, отражаемой в игре. Изменение содержания игр может быть выявлено не только по характеру действий, но и по тому, как начинается игра и что является основной причиной конфликтов, возникающих между детьми. У младших детей роль подсказывается самим предметом, попавшим в руки. Основные конфликты между детьми возникают из-за обладания предметом, с которым должно производиться действие. Поэтому очень часто на машине едут одновременно два шофера, больного осматривают несколько врачей, обед готовят несколько матерей. Отсюда частая смена ролей, связанная с переходом от одного предмета к другому» [3, с. 113]. У детей среднего дошкольного возраста роль формулируется до начала игры. И здесь главные «ссоры» возникают из-за ролей: кто кем будет. На первый план выступают отношения людей друг к другу. Действие может носить обобщенный характер, и его основное содержание может переноситься на выражение отношения к другому человеку (шофера к пассажирам, матери к дочке, водителя к кондуктору и т.п.). Наконец, у старших дошкольников главным в содержании игры становится подчинение правилам, вытекающим из взятой на себя роли. Причем, дети этого возраста чрезвычайно придирчиво относятся к выполнению правил своими товарищами по игре. И здесь в основном спорят вокруг того, «бывает ли так или не бывает», и, кроме того, отчетливо выступает критика действий соучастников по игре.

Таким образом, содержание детских игр развивается от игр, в которых основ-

ным содержанием является предметная деятельность людей, к играм, отражающим отношения между людьми, и, наконец, к играм, в которых главным содержанием выступает подчинение правилам общественного поведения и общественных отношений между людьми.

Специально организованная в дошкольном образовательном учреждении предметно-пространственная среда обеспечивает не только театрализованную деятельность детей, но и является основой самостоятельного творчества каждого ребенка, своеобразной формой его самообразования. Театрализованная игра – одна из самых демократичных, доступных для детей видов деятельности, представляет собой разыгрывание в лицах литературных произведений (сказки, рассказы, специально написанные инсценировки). Занятия театрализованной деятельностью не только знакомят детей с миром прекрасного, но и пробуждают в них способность к состраданию, сопереживанию, активизируют мышление, воображение, а главное – помогают психологической адаптации ребенка в коллективе. Театрализованная игра позволяет решать актуальные проблемы педагогики и психологии, связанные с когнитивным, нравственным, художественным развитием и воспитанием: развитием коммуникативных качеств личности, инициативности, психических процессов памяти, воображения, мышления, речи, воли и др.

Опыт работы педагогов дошкольных образовательных учреждений показывает, что психологическая готовность детей к театрализованной игре включает ряд показателей:

- 1) уровень развития процессов мышления ребенка, на основе которого облег-

чается понимание художественного произведения;

2) уровень эмоционального развития ребенка, определяющего возникновение эмоционального отклика на художественное произведение;

3) уровень развития речи, благодаря которому происходит овладение художественными средствами передачи образа.

Все эти показатели не складываются стихийно, а формируются в ходе воспитательно-образовательной работы [1]. Проектирование зоны театрализованной деятельности детей в дошкольных образовательных учреждениях предполагает соблюдение основных принципов организации предметно-пространственной среды: принципа обеспечения баланса между совместной и индивидуальной деятельностью детей; принципа создания возможностей для самовыражения воспитанников, принципа обеспечения когнитивного и эмоционального благополучия каждого ребёнка; принципа педагогической целесообразности, позволяющей предусмотреть необходимость и достаточность наполнения предметно-развивающей среды; принципа полифункциональности помещений и оборудования; принципа возрастной и полоролевой адресованности оборудования и материала; принципа создания среды с учётом интеграции образовательных областей.

Уголки для театрализованных представлений, спектаклей должны быть организованы в каждой группе детского сада. В них отводится место для режиссёрских игр с пальчиковым, настольным, стендовым театром, театром шариков и кубиков, костюмов, на рукавичках. В литературном уголке хранятся книжки-игрушки, книжки-раскладушки; книжки-панора-

мы. Книжки, обшитые тканью с рельефными аппликациями и представляющие собой ширму для разыгрывания кукольных спектаклей, имеют в качестве приложения 2–3 «перчаточные» куклы. Согласно рекомендациям В. А. Деркунской, в уголке располагаются: различные виды театров: бибабо, настольный, марионеточный, театр на фланелеграфе и др.; реквизит для разыгрывания сенок и спектаклей: набор кукол, ширмы для кукольного театра, костюмы, элементы костюмов, маски; атрибуты для различных игровых позиций: театральный реквизит, грим, декорации, стул режиссёра, сценарии, книги, образцы музыкальных произведений, места для зрителей, афиши, касса, билеты, карандаши, краски, клей, виды бумаги, природный материал [1].

Кроме специального оборудования, театрализованная деятельность детей может предполагать и наличие сцены, поэтому в группе с помощью родителей можно установить многофункциональный подиум. Подиум позволит визуально расширить пространство, увеличить дистанцию между теми, кто играет на нем, и теми, кто находится рядом. Гибкому зонированию группы способствуют многофункциональные ширмы, которые позволяют детям играть в театр на магнитной доске, двигать фигурки на фланелеграфе, использовать перчаточные куклы, куклы, сделанные руками детьми.

Покажем на примере, как организована педагогами работа по организации театрализованной деятельности с детьми среднего возраста в муниципальном дошкольном учреждении детском саду № 13 «Звездочка» города Углича Ярославской области.

Целью театрализованной деятельности детей в этом возрасте является расширение театрально-игрового опыта детей за счет *освоения игры-драматизации*. В возрасте 4–5 лет ребенок осваивает разные виды настольного театра: мягкой игрушки, деревянный театр, конусный театр, театр народной игрушки и плоскостных фигур. Доступен детям и театр верховых кукол (без ширмы, а к концу учебного года – и с ширмой), театр ложек и пр. Дети показывают постановки по сюжетам русских народных сказок «Лисичка со скалочкой», «Жихарка», «Рукавичка», «Бычок – смоляной бочок», «Пых», «Гуси-лебеди» и т.д. Пальчиковый театр чаще используется в самостоятельной деятельности, когда ребенок импровизирует на основе знакомых стихов и потешек, сопровождая свою речь несложными действиями («Жили у бабуся»; С. Михалков «Котята»), Зубкова «Мы делили апельсин»).

Задачи театрализованной деятельности детей среднего дошкольного возраста: воспитывать устойчивый интерес детей к театрально-игровой деятельности; подводить детей к созданию выразительного образа в этюдах, драматизациях, в песенных и танцевальных импровизациях; расширять представления об окружающих их предметах; расширять знания детей о персонажах, участвующих в театрально-игровой деятельности; пополнять и активизировать словарь детей, формировать интонационную выразительность речи, развивать диалогическую речь детей в процессе театрально-игровой деятельности; закреплять знания о правилах манипуляции с верховыми куклами, развивать у детей желание участвовать в танцевальных импровизациях с ку-

клами и без них; поддерживать желание выступать перед детьми, родителями, сотрудниками детского сада.

Содержание работы предусматривает практически все виды игровых заданий и игр – драматизаций: многоперсонажные игры-драматизации по текстам двух – трёхчастных сказок о животных и волшебных сказок («Зимовье зверей», «Лиса и волк», «Гуси-лебеди», «Красная шапочка»); игры-драматизации по текстам рассказов на темы «Дети и их игры», «Ребята и зверята», «Труд взрослых»; постановка спектакля по произведениям. Содержательную основу составляют образно-игровые этюды репродуктивного и импровизационного характера, например: «Угадай, что я делаю», «Угадай, что со мной только что было». В возрасте 4–5 лет ребёнок осваивает разные виды настольного театра: мягкой игрушки, деревянный театр, конусный театр, театр народной игрушки, театр плоскостных фигур, театр ложек, театр верховых кукол (без ширмы, а к концу учебного года – с ширмой) и др.

Дети показывают постановки по поэтическим и прозаическим текстам (С. Маршак «Сказка о глупом мышонке», К. Чуковский «Путаница»). Пальчиковый театр чаще используется в самостоятельной деятельности, когда ребёнок импровизирует на основе знакомых стихов и потешек, сопровождая свою речь несложными действиями.

Театрально-игровые умения дошкольников:

- Первая группа умений обеспечивает дальнейшее развитие позиции «зритель», что предполагает: быть внимательным и доброжелательным зрителем; проявлять элементы

зрительской культуры: не покидать своего места во время спектакля; адекватно реагировать на происходящие события на сцене; отвечать на обращение артистов благодарить их с помощью аплодисментов, позитивно оценивать игру сверстников-артистов.

- Вторая группа умений связана с совершенствованием позиции «артист», что подразумевает умение использовать средства невербальной (мимика, жесты, позы, движения) и интонационной выразительности для передачи образа героя, его эмоций, их развития и смены, для передачи физических особенностей персонажа, некоторых черт его характера; способность «управления» куклой, уметь держать её незаметно для зрителей; правильно «вести куклу» или фигурку героя в режиссёрской театрализованной игре, имитируя ходьбу, бег, прыжки, жесты и движения.
- Третья группа умений обеспечивает первичное освоение позиции «режиссёр» в режиссёрской театрализованной игре, т.е. умение создавать пространство на плоскости стола, наполнить его игрушками и фигурками по своему усмотрению.
- Четвёртая группа умений позволяет ребёнку овладеть основными умениями «оформителя» спектакля: определять место для игры, подбирать атрибуты, вариативно использовать материалы и элементы костюмов, включаться в процесс изготовления воспитателем недостающих атрибутов для игры.

- Пятая группа умений, направленная на позитивное взаимодействие с другими участниками игры, включает умение договариваться, улаживать ролевые отношения, владеть элементарными способами разрешения конфликтных ситуаций во время игры.

Педагог-воспитатель должен уделять внимание развитию интереса к творческой импровизации детей в процессе придумывания содержания игры и воплощения задуманного образа с помощью разных средств выразительности. Импровизационный характер детской деятельности становится основой работы на этапе обсуждения способов воплощения образов героев и на этапе анализа результатов театрализованной игры. Детей важно подвести к идее о том, что одного и того же героя можно показать по-разному. Необходимо поощрять желание ребенка придумать свои способы реализации задуманного, действовать в зависимости от своего понимания содержания текста.

Оснащение театрального уголка:

1. Атрибуты в соответствии с содержанием имитационных и хороводных игр: маски животных диких и домашних (взрослых и детенышей), маски театральных персонажей.
2. Большая складная ширма, маленькая ширма для настольного театра.
3. Стойка-вешалка для костюмов.
4. Костюмы, маски, атрибуты для постановки двух-трех сказок.
5. Куклы и атрибуты для обыгрывания этих же сказок в различных видах театра (плоскостной на фланеле-

графе, стержневой, кукольный, настольный, перчаточный).

6. Атрибуты для «Разноцветных сказок».
7. Театр математики.
8. Для создания музыкального фона в процессе театрально-игровой деятельности: аудиозаписи музыкальных произведений, записи звукошумовых эффектов, простейшие музыкальные игрушки – погремушки, бубен, барабан.

Детям могут быть предложены крупные надувные куклы, фигуры животных, сказочные персонажи, удобные для переноски, всевозможные жезлы, эмблемы. Празднично-карнавальные игрушки могут быть очень крупными, декоративными. Интересны игрушки-сюрпризы с эффектами, имитирующими фейерверк (без применения огня и воспламеняющихся материалов). Атрибуты костюмов и маски должны создаваться в соответствии с антропометрическими и эргономическими данными детей каждой группы.

Критериями адекватного развития детей среднего дошкольного возраста в театрализованной деятельности являются:

- 1) умение использовать средства невербальной (мимика, жесты, позы, движения) и интонационной выразительности;
- 2) способность «управлять» куклой, держать её незаметно для зрителей, правильно «вести» куклу или фигурку героя, имитируя ходьбу (бег, прыжки, жесты и движения);

3) навыки подбирать атрибуты для игры;

4) способность договариваться, устанавливать ролевые отношения с участниками игры.

Всестороннее развитие дошкольников средствами театрализованной игры будет эффективно при соблюдении следующих условий: систематическом использовании театрализованных игр в образовательном процессе; учете возрастных и психологических особенностей детей дошкольного возраста; создании комфортных психолого-педагогических условий, для становления гармонично-развитой подрастающей личности.

Таким образом, на основе театрализованной деятельности можно реализовать практически все задачи воспитания, развития и обучения детей, поскольку в играх выражается все более глубокое проникновение ребенка в жизнь окружающих его взрослых людей – через свое содержание и сюжет игра связывает ребенка с широкими общественными условиями, с жизнью общества.

Литература:

1. *Деркунская, В. А.* Образовательная область «Здоровье». Методический комплект по программам «Детство» [Текст] / В. А. Деркунская. – М.: Детство-Пресс, Сфера, – 2012. – 176 с.
2. *Леонтьев, А. Н.* Проблемы развития психики [Текст] / А. Н. Леонтьев. – М., Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1959. – 495 с.
3. *Эльконин, Д. Б.* Детская психология [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Д. Б. Эльконин. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 384 с.

СОЗНАТЕЛЬНОЕ ОТЦОВСТВО

Соткин А. С., Козлов В. В. (Ярославль)

Аннотация: В статье представлено исследование феномена сознательного отцовства, описывается и обосновывается этап разработки и проверки методики, а также проведен анализ работ ученых, которые внесли большой вклад в исследование сознательного отцовства.

Ключевые слова: Сознательное отцовство, роль отца, влияние, социализация.

Summary: In this article was presented the study of the phenomenon of conscious fatherhood, described and substantiated the design and verification of procedure, as well as the analysis of works of scientists who have made great contribution to the study of conscious fatherhood.

Keywords: conscious fatherhood, father's role, influence, socialization.

Актуальность проблемы заключается в том, что литература по сознательному материнству есть, а также данная проблема активно разрабатывается в настоящее время, а по сознательному отцовству литература и исследования практически отсутствуют. Исключения составляют отдельные авторы (Мистерлих [9], Э. Клэр [7] и другие). Дискуссии о роли родителей в процессе воспитания подверглись влиянию ещё со стороны психоанализа. В своей концепции, основную роль в воспитании ребенка и формировании его как личности, Фрейд [8] отводит матери, так как именно она закладывает основы его будущего характера, проявляющегося и во взрослой жизни. По мнению психолога и психотерапевта Энтони Клэра [7], данная точка зрения приводит к большой ошибке. Поскольку долгое время предполагалось, что неполные семьи, прежде всего, сталкиваются с финансовыми трудностями (ввиду отсутствия отца), откуда вытекают и все другие проблемы с детьми (образование, воспитание). Такое долгое игнорирование роли отца в воспитании ребенка было вызвано, прежде всего, от-

сутствием достоверных данных, а также исследований.

Важность отцовского воспитания и участия его в жизни ребёнка очень хорошо прослеживается при сравнении характеров детей в полных семьях и в семьях без отцов. Согласно психоаналитику Мистерлиху [9], дети, растущие без отца, чаще других имеют низкую успеваемость в школе, проблемы в эмоциональной и поведенческой сферах. Поэтому такие дети нуждаются в помощи психотерапевта. У них также может сформироваться алкогольная или наркотическая зависимость. В психике таких детей, в процессе воспитания, формируется вакуум, что приводит к формированию негативного образа отца, не имеющего значимой роли в воспитании детей, и искаженное представление об отцовстве. Впоследствии сыновья, транслируя подобный образец отцовства, чаще других становятся безответственными и некомпетентными родителями.

Доказано влияние отцов на раннее развитие ребенка. Данные многих исследований говорят о том, что отцы, державшие ребенка на руках сразу после рожде-

ния, и в дальнейшем продолжали больше играть со своими подрастающими детьми и заботиться о них. Эта новая роль заботливого отца благоприятно сказывается на развитии семьи. По результатам одного из исследований, младенцы, чьи отцы активно участвовали в их воспитании, показали более высокие оценки по тестам моторного и умственного развития. Другое исследование показало, что такие младенцы вырастают более отзывчивыми в социальном плане. Между супругами возникает меньше трений, у них наблюдается единство целей и согласие в принятии решений, если они оба принимают активное участие в воспитании ребенка. Однако, оценивая эти данные, мы должны помнить, что отцы, которые с самого начала стремятся принять активное участие в общении со своими детьми, вероятно, и во многих других отношениях отличаются от тех, кто не пытается установить ранний контакт с ребенком. [9]

Обследование более 20 тыс. американских семей показало, что дети, чьи отцы вовлечены в процесс их образования (например, посещают родительские собрания), чаще получают высшие баллы, больше любят школу, реже остаются на второй год. [1] Кроме того установлено, что отец играет важнейшую роль в усвоении детьми моральных норм. Родители через слова и поведение выражают свое отношение к определенным событиям или поступкам людей, предоставляя, таким образом, модели поведения и моральную оценку. Родители, особенно отец дисциплинируют детей, ставят определенные рамки поведения, одобряя одни поступки и наказывая за другие [6].

Результаты современных психологических исследований говорят о значительном влиянии отца на развитие ребенка [1]. Рождение ребенка важным этапом в развитии семьи и представляет для нее стрессовую ситуацию. Важнейшим фактором нормального пренатального развития ребенка является благоприятная обстановка в семье, эмоциональный комфорт беременной женщины, эмоциональная поддержка мужа, благодаря которой жене удастся с наименьшими психологическими потерями преодолеть трудности этого периода. Отсутствие такой поддержки становится провоцирующим моментом для возникновения у нее депрессивно-тревожных расстройств, являющихся, как правило, предшественниками послеродовой депрессии, отрицательное влияние которой на психическое развитие ребенка общепризнано. Таким образом, еще до рождения ребенка отец оказывает влияние на его развитие через обеспечение благоприятных условий

Взаимодействие с отцом положительно влияет на когнитивное развитие детей. Однако, прямая взаимосвязь между вовлеченностью отца в воспитание и когнитивными достижениями была выявлена только на мальчиках. Это объясняется тем, что отец дает пример практического и действенного разрешения различных проблемных ситуаций, причем вовлеченность в жизнь ребенка предполагает также эмоциональное участие, и именно потому, что отец в этом случае демонстрирует мужской подход к решению проблемы, его влияние не так заметно на девочках [1].

Особую роль отцов в воспитании детей связывают с процессами идентифи-

кации. Именно идентификация является наиболее важным фактором усвоения моральных норм и социальных ролей, и отец в этом случае особенно необходим мальчику. На это указывал еще З. Фрейд [8] описывая Эдипов комплекс. Данный комплекс играет ключевое, первостепенное значение в формировании личности ребенка. Роль отца в этом процессе огромна и в формировании дочерей, и в формировании сыновей.

При нормальных условиях отец значительно влияет на половую идентификацию ребенка. Для сына уже в раннем возрасте он является своеобразным примером, моделью для подражания, следовательно, влияет на формирование половой идентичности. Как замечает И. С. Кон [5], пассивные, отстраненные отцы мало влияют на формирование собственно мужских черт у своих сыновей. Недостаточный опыт общения с отцом и отсутствие приемлемой модели идентификации ослабляет формирование отцовских чувств у мальчика и юноши, часто неблагоприятно сказывается в будущем на воспитании своих собственных детей.

Любовь отца дает девочке уверенность в своей женской привлекательности и обаянии. Каждый раз, подчеркивая, что его дочь «умница и красавица» отец формирует у нее уверенность в себе. Недостаточная же эмоциональная отзывчивость отцов порождает у девочек беспокойство, неустойчивость настроения и капризность, как средство привлечения внимания [4].

Было установлено, что дети, которые близки с отцом, обладают значительно более высокой самооценкой и стабильностью образа Я в сравнении с теми, кто описывает свои отношения с отцом

как отчужденные. Дети, отцы которых принимают активное участие в их воспитании, вырастают более отзывчивыми в социальном плане. Изучение годовалых детей показало, что дети «вовлеченных» отцов, оставаясь с незнакомцем, плакали и страдали меньше, чем другие дети [6].

Кроме того, в наше время социализация детей становится очень сложной. Кризис и высокая криминогенная обстановка способствуют возникновению у детей тенденции к алкогольной и наркотической зависимости, поэтому сейчас, как никогда раньше, сильно повышается роль отца в воспитании ребенка. Отцу необходимо проявлять особое внимание к жизни ребенка, его досугу, а также к его друзьям.

Теоретическая значимость определяется тем, что в работе был выработан новый подход в понимании сознательного отцовства, основывающийся на психологической концепции Э. Клэра [7] о месте отца в процессе воспитания ребенка. Правомерность данного подхода подтверждается многими исследованиями (Мистерлих, Э. Клэр). В работе сформулированы критерии сознательного отцовства, на основании которых было составлено определение данного феномена, а также была разработана методика на диагностику сознательного отцовства. Данную методику можно применять в психологическом и семейном консультировании при решении вопросов планирования семьи.

Целью нашего исследования является разработка и полная психометрическая проверка методики, направленной на диагностику сознательного отцовства.

В нашем исследовании мы рассматриваем сознательное отцовство как черту

личности, которая может иметь разную степень выраженности у каждого отдельного индивида, при этом в значительной степени определяя его поведение по отношению к ребенку. Поэтому перед нами стояла задача создать такой инструмент, который был бы способен измерять уровень сознательного отцовства.

Первичная форма вопросника включала 110 вопросов (как прямых, так и обратных, сформулированных от первого лица). Шкала многоступенчатая.

Вопросы были составлены на основе:

1. Анализа литературы
2. Полученных данных от респондентов с помощью опросной анкеты
3. На основе критериев сознательного отцовства, которые были выделены нами в результате контент-анализа ответов респондентов.

В качестве критериев сознательного отцовства нами были выделены следующие:

*Эмоциональный: желание иметь ребенка, проводить с ним время, играть, заниматься, общаться, ухаживать за ним и т.д.

*Когнитивный: знания и подготовленность к отцовству, умение успокоить ребенка, найти к нему подход, наличие стратегии воспитания, посещение курсов будущих родителей и т.д.

*Поведенческий: конкретные ситуации взаимодействия с ребенком, как проводят с ним время, сколько времени уделяют ребенку в день, совместный досуг, совместные выходные, помощь матери в уходе за ребенком, игры с ребенком и т.д.

В результате психометрической проверки нашего вопросника на выборке

из 100 человек, которая состояла из мужчин от 18 до 50 лет, в итоговый вариант вопросника вошли 62 вопроса. Вот пример некоторых вопросов, которые наиболее сильно коррелируют с итоговым баллом:

1. Я читал литературу о методах воспитания детей ($r=0.65$).
2. Мне нравится проводить с ребенком свое свободное время ($r=0.62$).
3. Я часто интересуюсь проблемами своего ребенка ($r=0.61$).
4. Я всегда стараюсь помогать жене в уходе за ребенком ($r=0.55$).

Дальнейшее наше исследование было направлено на выявление индивидуально-психологических характеристик сознательных отцов.

В эмпирическом исследовании использовались 4 методики.

1. Методика “Сознательное отцовство”, разработанная нами в рамках данной работы и представленная во 2 главе.
2. Методика “Диагностика уровня развития рефлексивности” Карпова А.В., которая состоит из 27 вопросов, шкала 7 ступенчатая.
3. Методика “Уровень субъективного контроля” Дж. Роттера, состоящая из 44 вопросов, на которые нужно ответить “да” или “нет”. С его помощью можно оценить уровень субъективного контроля над разнообразными ситуациями, другими словами, определить степень ответственности человека за свои поступки и свою жизнь. Люди различаются по тому, как они объясняют причины значимых для себя собы-

тий и где локализируют контроль над ними. Возможны два полярных типа такой локализации: экстернальный (внешний локус) и интернальный (внутренний локус).

4. Методика “Личностный опросник самоидентичности Козлова (ЛОСК)” Козлова В.В. Данный опросник позволяет определить наличие баланса между подсистемами «Я» (материальным «Я», социальным «Я», духовным «Я»), уровень их согласованности или наличие жесткой идентифицированности с какой-либо из них.

В нашем исследовании приняли участие 100 мужчин в возрасте от 18 до 50 лет.

В результате проведенного исследования мы получили:

Уровень выраженности сознательного отцовства связан с уровнем развития рефлексивности респондентов. Чем выше уровень развития сознательного отцовства, тем выше будет наблюдаться уровень рефлексивности. Кроме того, чем выше уровень выраженности сознательного отцовства, тем выше у респондентов будет уровень развития интернальности в области семейных отношений. У более взрослых мужчин наблюдается более высокий уровень развития черты сознательного отцовства по сравнению с более молодыми отцами. Статистический критерий **t-Стьюдента** подтвердил статистически достоверные различия между двумя этими выборками на уровне значимости $p=0.001$ ($t=3,27$).

Скорее всего, данный факт можно объяснить тем, что взрослые мужчины в значительной мере более обеспечены

в сравнении с молодыми людьми, которые ещё учатся, либо только закончили институт, также у них больше опыта и знаний о том, как взаимодействовать и как воспитывать детей. Кроме того, они психологически являются более зрелыми, и у них будет сильнее желание иметь ребенка, заботиться о нем и любить его.

Во-первых, взрослые мужчины более обеспечены материально, тем самым они имеют возможность содержать своего ребенка. Они хорошо осознают это. Во-вторых, они сильнее мотивированы в желании заботиться о ребенке, воспитывать его, так как у них имеется передать детям свои знания и опыт, обучить их всему, что они умеют сами. Главная же задача более молодых мужчин – это построение карьеры, улучшение своего материального положения, они должны еще встать на ноги.

Таким образом, можно сказать, что хотя все мужчины в разное время начинают задумываться о рождении ребенка, а также становятся готовыми его воспитывать и содержать, однако наши данные говорят о значимой взаимосвязи возраста мужчины и уровня сознательного отцовства.

В данном случае, мы можем сослаться на исследования Вишневого [3], у взрослых женщин качество воспитания ребенка выше. Это объясняется тем, что такие женщины более опытные и зрелые, и, тем самым, достигают больших успехов в воспитании детей, и их дети получают более качественное воспитание и заботу, чем дети, имеющие молодых родителей. То же самое мы можем перенести и на отцовство. Более зрелые отцы имеют более богатый жизненный опыт, к тому же, у них уже могут быть дети, поэтому они также имеют опыт воспитания

детей, общения и взаимодействия с ними, что очень важно. Что касается эмоциональной близости с ребенком, желания иметь ребенка и внутренней мотивации стать отцом, то здесь также играет роль фактор возраста. Поскольку инстинкт родительства формируется и возникает постепенно, по мере роста и развития мужчины.

Таким образом, анализируя мужчин по выделенным нами трем критериям сознательного отцовства, взрослые мужчины значительно опережают более молодых по каждому из них: по когнитивному, поведенческому и эмоциональному.

Сознательные отцы, таким образом, более осведомлены о методах воспитания детей, умеют справляться и ладить с детьми, находят с ними общий язык, умеют организовать совместный досуг и знают, как можно научить ребенка что-либо делать. Они больше проводят времени с ребенком, гуляют, играют с ним в игры, помогают выучить уроки и т.д., они больше вовлечены в процесс взаимодействия и воспитания ребенка, охотно помогают в этом своей жене. Также отцы сильнее любят своего ребенка, искренне радуются общению с ним.

Дети, чьи отцы вовлечены в процесс их образования (например, посещают родительские собрания), чаще получают высшие баллы, больше любят школу, реже остаются на второй год. Кроме того, установлено, что отец играет важнейшую роль в усвоении детьми моральных норм. Что особенно важно в наше время, поскольку высокая криминогенная обстановка в стране заставляет быть особенно внимательными по отношению к детям. Родители через слова и поведение выражают свое отношение к определенным

событиям или поступкам людей, представляя, таким образом, модели поведения и моральную оценку. Взаимодействие с отцом положительно влияет на когнитивное развитие детей, особенно для мальчиков. Это объясняется тем, что отец дает пример практического и действенного разрешения различных проблемных ситуаций, причем вовлеченность в жизнь ребенка предполагает также эмоциональное участие, и именно потому, что отец в этом случае демонстрирует мужской подход к решению проблемы. Особую роль отцов в воспитании детей связывают с процессами идентификации. Именно идентификация является наиболее важным фактором усвоения моральных норм и социальных ролей, и отец в этом случае особенно необходим мальчику. На это указывал еще З. Фрейд [8] описывая Эдипов комплекс. Данный комплекс играет ключевое, первостепенное значение в формировании личности ребенка. Роль отца в этом процессе огромна и в формировании дочерей, и в формировании сыновей. При нормальных условиях отец значительно влияет на половую идентификацию ребенка. Для сына уже в раннем возрасте он является своеобразным примером, моделью для подражания, следовательно, влияет на формирование половой идентичности.

Как замечает И. С. Кон [5], пассивные, отстраненные отцы мало влияют на формирование собственно мужских черт у своих сыновей. Недостаточный опыт общения с отцом и отсутствие приемлемой модели идентификации ослабляет формирование отцовских чувств у мальчика и юноши, часто неблагоприятно сказывается в будущем на воспитании своих собственных детей. Любовь отца дает де-

вочке уверенность в своей женской привлекательности и обаянии. Каждый раз, подчеркивая, что его дочь «умница и красавица» отец формирует у нее уверенность в себе. Недостаточная же эмоциональная отзывчивость отцов порождает у девочек беспокойство, неустойчивость настроения и капризность, как средство привлечения внимания. Кроме того, дети, которые близки с отцом, обладают значительно более высокой самооценкой и стабильностью образа Я в сравнении с теми, кто описывает свои отношения с отцом как отчужденные. Дети, отцы которых принимают активное участие в их воспитании, вырастают более отзывчивыми в социальном плане. Изучение годовалых детей показало, что дети «вовлеченных» отцов, оставаясь с незнакомцем, плакали и страдали меньше, чем другие дети.

Поэтому результаты говорят нам прежде всего о том, что к отцовству, ровно как и к материнству, нужно подходить сознательно. Нужно твердо оценивать свою готовность стать отцом, а также свои возможности обеспечить ребенка, а уж затем принимать решение о рождении ребенка вместе с женой. Сейчас же у нас в стране довольно печальная картина. Это и переполненные детские дома, большое количество беспризорных детей.

Поэтому в нашем исследовании и была поставлена задача диагностики и выявления сознательного отцовства с помощью разработанной нами методики, а также описание индивидуально-психологических особенностей сознательных отцов. Данную методику можно применять в различных сферах, например, в индивидуальном и семейном консультировании. Она направлена на выявление степени развития черты сознательного отцовства

в мужчине, и, тем самым, может ответить на вопрос, на сколько готов данный человек стать отцом, и насколько сознательно он принимал данное решение. Кроме диагностической направленности, данная методика носит и информационный характер. Каждый мужчина может ознакомиться с ней, и тем самым, может узнать, как же себя должен вести сознательный отец, чтобы его ребенок рос счастливой и гармоничной личностью. Поскольку в вопросник был заложен эталон такого сознательного отца, к которому должен стремиться каждый мужчина. И каждый отец, после заполнения методики, подсчета баллов и анализа своих ответов, может проанализировать и понять, в чем на данном этапе его слабая сторона, над какими моментами и деталями ему еще предстоит работать. Тем самым, он может наметить пути и стратегию своего дальнейшего развития, и он сможет достигнуть лучших результатов в воспитании ребенка в будущем. Поэтому можно сказать, что кроме диагностической цели, которую наша методика безусловно выполняет, т.к. мы это выяснили в результате ее психометрической проверки, она также выполняет и информационную и просветительскую цели, что также является очень важным и значимым.

Литература

1. Борисенко Ю. В. Психология отцовства // Журнал практической психологии.– 2007.– № 1. – С. 3–7
2. Борисенко Ю. В., А. Г. Портнова. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии.– 2006.– № 3. – С. 122–130
3. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. Москва, 1982.– 287 с.

4. Зурабов А. Отец и дочь // Дошкольное воспитание. – 2006. – № 4. – С. 117–120
5. Кон Н. С. Психология старшеклассника. М.: Просвещение, 1980. – 446с.
6. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 504с.
7. Clare, Anthony W. On Men: Masculinity in Crisis. London, 2000.
8. Freud, S. An outline of Psychoanalysis. London, 1938.
9. Misterlich, A. Society without the father: a contribution to social psychology. New York, 1993.
10. Palkovitz, R. Fathers' birth attendance, early contact, and extended contact with their newborns: A critical review. 1985.

ФОРМИРОВАНИЕ БАЗОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РЕБЕНКА В ПЕРИНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД.

Степанов О. Г., Панова Н. В. (Челябинск)

Аннотация:

В утробе происходит формирование базисных пониманий ощущений или первичных чувств ребенка, первичных понятий о добре и зле, об отношениях, о взаимодействии с миром. Многие наши переживания и чувства (очень многие) в основе своей динамики, эмоциональности, энергетике имеют перинатальные корни. во время внутриутробного развития, в перинатальный период, возможно переживание высоко дифференцированных эмоций и чувств, сравнимых по своим характеристикам с таковыми у взрослых. Что в этот период происходит формирование базовых представлений ребенка: рай, ад, трансцендентная функция, Самость и т.д.

Ключевые слова:

Пренатальные отношения, базисные представления, эмоции, чувства, ощущения, ребенок, внутриутробное развитие.

Article title

Formation of basic concepts of the child during the perinatal period.

Annotation

It occurs in utero formation of basic understanding of the concepts in the child. Many of our experience of feeling basically is perinatal roots. In the perinatal period, the formation of highly differentiated feelings and emotions as adults. During this period, the formation of the basic concepts of the child's: paradise, hell, transcendental function, Selfhood.

Keywords

Prenatal relations, basic presentation, emotions, feelings, child, natal development.

Мне хотелось бы начать с одного важного замечания: *все переживания в утробе, все ощущения и чувства не забываются*. В утробе происходит формирование базисных пониманий ощущений или первичных чувств ребенка, первичных понятий о добре и зле, об отношениях, о взаимодействии с миром.

Станислав Гроф говорит о том, что в утробе возникают главные, по его словам, представления о «рае» и «аде». Откуда ребенок может взять эти представления? Из того, что его окружает, наверное, откуда же еще... Странно так, что в одно время, из одного окружения, из одного места, из одного корня вырастают два,

казалось бы, противоположных понятия: «рай» и «ад». Если каждого из нас попросить описать что такое «рай», то несмотря на то, что оно должно быть достаточно одинаковым или должно быть каким-то похожим, каждый расскажет об этом по-разному. С чем это связано? Ведь и об «аде» то же самое. Получается так, что они, эти понятия «рая» и «ада» должны иметь что-то очень общее, а в чем-то различаться до полной противоположности! Две крайности одного и того же? Наверное, это связано с тем, что эти представления формировались у вас очень давно, бессознательно. По свидетельствам многих исследовате-

лей отношение к «раю» и к «аду» формируется там, в утробе, и непосредственно связано с маткой, с матерью. Все ощущения блаженства, чувства переживаемой радости в соединении с матерью – вот что сравнимо с «раем». Все негативные мысли матери, недостаток любви не проходят без последствий и формируют ощущение «ада».

По С. Грофу проживание первой матрицы с ее космическим сознанием «вне – пространственности, безграничности, безвременности» соотносится с «раем», а проживание второй матрицы с ее отчаянием необходимости выхода – с «адам» (об этом поговорим в следующей главе). Что же можно сказать о таких характеристиках «рая» и «ада», с которыми согласится большинство из нас? Я много думал над этим. Рискну предложить свою версию: Общим, наверное, будет абсолютность проживания... *Только «рай» – это абсолютная, непрерывная безмятежность, абсолютный ненаправленный, вневременный полет («Где ты? Я везде!»), а вот «ад» – это абсолютное непрерывное отчаяние безысходности («Невозможно терпеть, что нет нигде нет выхода! Где ты? Я нигде!»)*. Наверное, в нашей жизни мы все время находимся на пути в ту или другую крайность и, слава Богу, не достигаем ни одной из них, потому что достижение любой из этих крайностей означает потерю себя... Похоже на ваши представления? Я думаю, что, то же самое и с понятиями о «добре» и «зле».

Как начинаются, формируются и развиваются ощущения и чувства ребенка во внутриутробной жизни? Я говорю вначале об ощущениях, а потом о чувствах не просто так, потому что по сви-

детельству большинства исследователей именно ощущения для ребенка являются предтечей и началом познавательного процесса. С них все начинается. Потом появляются чувства (сначала ощущения, потом чувства).

Новорожденный ребенок, гораздо лучше нас знает иррациональную сторону нашего мира и поэтому из всех познавательных функций, из всех исследующих аппаратов для него гораздо ближе ощущения, интуиция, нежели чувства и мышление. Это очень важно, поэтому наша задача при общении с ним отключаться от рациональных причинно-следственных принципов нашего познания и включать иррациональные структуры. Многие сентенции вообще невозможно понять разумом, но можно ощутить их, прочувствовать, прожить. *С новорожденным ребенком надо говорить не головой, а сердцем.*

Дэвид Чемберлен в своей работе «Разум новорожденного ребенка» (1995) говорил, что по сведениям большинства исследователей ребенок получает главную информацию в утробе на ранних сроках от комбинации между соприкосновением, а скорее ощущением прикосновения (тактильными ощущениями) и слушанием, то есть слухом. И, наверное, это так. Уже в первые 1–2 месяца развивается полость рта, и она реагирует на раздражители в виде осязания, ощущения соприкосновения и даже вкуса. В 3–4 месяца развиваются руки, полость рта и большая часть поверхности тела. Они чувствуют тактильное болевое раздражение и боль. Вот, наверное, первые ощущения, когда поверхность тела чувствует раздражение и боль, или наоборот приятные ощущения. А в 6 месяцев

происходит развитие руки, и рука чувствует и вибрацию, и давление и боль и это уже тонкие достаточно чувства. Недаром и после рождения придается такое большое значение развитию руки и ее мелких моторных функций. Потому что это имеет прямую связь с развитием головного мозга, с ощущениями, чувствами и мыслями. Так вот в 6 месяцев отмечается достаточно тонкая дифференцировка руки; она уже может дифференцировать отдельные ощущения и чувства и в дальнейшем уже после родов. Дэвид Чемберлен в своей книге упоминал про кистевой язык новорожденного ребенка. Удивительно, но кистью ребенок может очень много показать и рассказать про свои отношения с окружающим миром.

На сегодняшний день бесспорным фактом является вибрационный резонанс между звуком во внутриутробной среде, ощущениями, позвоночником, то есть позвонками и парасимпатических ганглиев. Это указано в работе Бертины Андре (1991), где еще раз подчеркивается существенное значение резонанса для развития эмоциональной составляющей личности ребенка. Качество эмоциональных связей между матерью и ребенком определяет его развитие. Любовь, с которой она вынашивает ребенка, дает активирующее влияние на психику плода и формирует основные качества личности. У холодных негативных матерей дети страдают снижениями адаптивных возможностей к окружающей жизни во внеутробное время. При стрессе матери вырабатывают гормоны; у ребенка параллельно происходит выработка тех же гормонов стресса, собственно говоря, потому что они снабжаются одной кровью. Получается, что титр гормонов стресса в еди-

ной крови будет влиять и на «большую» мать и на «маленького» ребенка (Да он просто «купается» в гормонах матери!). В чем разница? У матери при стрессе выработка гормонов – это защитно-приспособительная реакция, но в то же время, у нее есть другие защитные приспособительные механизмы, защищающие мозг, защищающие другие органы от излишних воздействий гормонов стресса. У детей, отмечает Бертина Андре, таких защитных механизмов нет или они еще находятся в несформированном состоянии. Отсюда можно сделать такой вывод, важный для меня, что сила эмоционального сопереживания, сила эмоциональных ощущений, связанных со стрессом у ребенка гораздо сильнее, чем у взрослого. Более того, она может носить даже деструктивный характер. И я глубоко убежден, что ребенок чувствует, эмоционарует гораздо сильнее, чем взрослый. И для него это может быть травматичнее и значимо сильнее по своей энергетике. Бертина Андре приводит свою схему, где мать ассоциируется с источником энергии с солнцем, с «плюсом». И плод, и генетические факторы – это «минус», а чувства, возникающие между ними через кровь матери, это как бы передающая среда. Но мы также знаем, что всегда осуществляется обмен энергией. По закону сохранения энергии всегда есть обратный ток – от плода к матери энергия тоже идет. Между ними осуществляется обмен и только так возможно действительное течение событий. В жизни всегда происходит постоянный обмен энергией и туда, и сюда. Далее, если говорить по большому счету (по большому философскому счету), он одинаков. Нет больше энергии туда и меньше энергии сюда. Эти процес-

сы всегда уравнены. Только тогда – это стабильная пара.

Резонанс играет очень важную роль во всех психических процессах. Резонанс – это универсальный мессенджер возбуждения, раздражения и их передачи. Вибрация начинается еще с зачатия. Бертина Андре отмечает, что чем глубже резонанс гамет, тем больше и лучше энергетический обмен и тем более ребенок эмоционален и способен к сопереживанию. Она видит в этом прямую связь.

Далее я хочу опереться на работы Инге и Ханса Кренц «Перинатальные отношения, размышления об этиологии расстройств личности», опубликованные в 2001 году (и ряде еще работ, в которых даны основополагающие позиции по перинатальным отношениям и их роли). Итак, пренатальные взаимоотношения отмечают эти авторы между матерью и ребенком рассматриваются в качестве «первой привязанности». Дефицит пренатальной привязанности произрастает из недостающего или неадекватного резонанса матери на потребности пренатального ребенка (опять о резонансе!).

Дефицит пренатальной привязанности выражается в некоторых чувствах уже после рождения и даже во взрослом периоде. Первое – это чувство *аннигиляции*, чувство уничтожения, второе – *чувство смертельной тревоги*, попытки обороняться постоянно или как-то компенсироваться при столкновении с повторно возникающим чувством зависимости или потребности к слиянию. Вот коротко, чем определяется дефицит пренатальной привязанности. И нужно здесь подчеркнуть, что пренатальные отношения – это основа формирования личности.

Затем – предчувствие. Так как сами по себе ощущения, чувства детей в пренатальном периоде носят во многом иррациональный характер, то и предчувствия, возникающие во взрослом периоде, имеют тоже иррациональное качество. Оно имеет *пренатальную* основу. А также еще настроение, эмоции, поведение, что конечно определяет возникновение уже во взрослом периоде диффузных телесных регрессий (то есть тогда, когда возникают какие-то реакции тела, которые мало поддаются описанию). Почему они возникают? Они напрямую связаны с неприятными эмоциональными переживаниями. Допустим, стресс, выраженные негативные переживания между близкими людьми вдруг вызывают боли в спине, боли в сердце, боли в позвоночнике, пересекает спину, заклинивает шею или *оральную фрустрацию* (когда человек не может что-то высказать, у него перехватывает горло) – это как раз те чувства или ощущения, возникающие при реактивации имплицитных негативных переживаний ребенка в утробе.

Вот я коснулся настроения, эмоций, поведения. Почему это именно так, почему настроение, поведение взрослого так связано с пренатальными переживаниями? Начнем с самого начала. В последнее время очень важное значение предается тому, что функции *неокортекса* или коры регулируются нижними церебральными структурами. Гипоталамус и миндалевидное тело развиваются еще с 5–6 недели, а лимбические пути – с 7 недели и уже в 7 недель лимбическая система достаточно хорошо развита. Важно знать, что именно лимбические пути, лимбическая система, отвечает за осознание и инсайт. Еще раз – осознание и инсайт могут

быть приведены в действие только с «согласия» лимбической системы. Начиная с 6 по 9 неделю происходит формирование гипоталамуса, миндалевидного тела, лимбической системы, которая в некоторых кругах ученых называется «мозгом рептилии». И странно сознавать, что даже во взрослом периоде, ваше настроение, ваши эмоции, их качество, их энергетика часто зависят от лимбической системы, которая имеет такое раннее развитие. Уже с первых недель появляется аффективное снаряжение лимбической системы, регуляция настроения. И затем уже появляется второй слой лимбической системы, появляются процессы обуславливания. Окружающая пренатальная среда является фактором развития личности – психика матери, стрессы, переносимые матерью все механизмы защиты (ну в частности гормональный) оказывают воздействие на плод, включая несколько петель с позитивной и негативной обратной связью, об этом я говорил выше. Из этого следует, что депрессивная мать она напрямую ведет к развитию депрессивного ребенка и наоборот, депрессивный ребенок обуславливает или усиливает депрессию матери.

Итак, пренатальные отношения ребенка и матери это пример первой привязанности. Пренатальные привязанности формируются, как я говорил выше, с помощью аудиального и хемосенсорного обучения. Это отмечено в работах Хеглера (1995, 2002). Он же отмечает существование «хороших» привычек и «менее хороших» отношений и привязанностей. И репрезентация поведенческих паттернов поведения, возникающих уже потом после рождения ребенка, при дальнейшем его развитии напрямую зависит от эмо-

ционального состояния матери, матки, а также резонанса и чувствительности, возникающих между матерью и плодом во внутриутробное время. Ребенок состоит с матерью во взаимоотношениях с самого начала; я вот говорил о 5–6 неделях, а на деле пренатальные отношения между матерью и отцом ребенка начинаются еще задолго до зачатия. Это желание, стремление, страхи, ожидание связанные с появлением ребенка, забота родителей скрытые мотивы, которые ведут к этому к тому, что они думают нужно ребенка или не нужно. Это еще до появления его на свет, до его позиции соединения клеток – гаммет уже начало центральных отношений. Собственно говоря, это в какой-то мере объясняет сентенцию о том, что «говорят, душа ребенка выбирает сама, когда ей родиться и как родиться. И это она выбирает родителей, а не родители выбирают души ребенка».

Уже даже встреча спермы и яйцеклетки происходит во взаимоотношениях. Сейчас даже говорят о так называемой «умной» яйцеклетке, что яйцеклетка «выбирает» «подходящую» сперму. Далее, кроме всех окружающих факторов есть и такой очень важный момент взаимоотношений, как чувства матери, которые она проживает во время беременности, в которых «купается» плод. Ребенок напрямую переживает физические и эмоциональные состояния матери, но нужно сказать, что и мать сознательно или бессознательно испытывает состояние ребенка. Часто, когда уже на 7 месяце возникают, так называемые депрессии у матери, связанные со страхом рождения, когда действительно ей очень тяжело, когда она понимает, что роды скоро и возникающий страх смерти у нее вызы-

вает депрессивные мысли – что же тогда творится с ребенком? Иногда эти состояния переживаются матерью достаточно автономно, и она очень уверена в том, что это именно ее страх. Но нужно сказать, что ребенок гораздо в большей степени боится, испытывает страх смерти. Напрямую переживая такие же мысли, которые проживает мать, он еще больше боится родиться потому что для него быть исключенным из системы – это непосредственная угроза деструкции. Да, это связано именно с двоичной абсолютностью самого чувства страха аннигиляции. Поэтому, конечно, фон или обратная связь, которые дает сам ребенок, могут быть даже выше, чем тот фон, который дает мать ребенку (потому что у нее есть другие защитные механизмы, я уже говорил выше). Но матерью то это расценивается, как *только ее* переживания и страдания. Хотя теперь понятно, что возможно гораздо больше переживаний и страхов у самого ребенка.

На уровне нашего обычного понимания частные характеристики самих пренатальных отношений, в принципе, невозможно описать. Ну как описать состояние и эмоции ребенка в утробе? Каким языком? Но какие-то успехи на этом поприще есть – это в основном связано с тем, что часть ощущений, переживаемых в утробе, все равно всегда остается и с помощью гипнотических методов или холотропных сеансов, практик ребефинга эти воспоминания пренатальных ощущений и чувств можно реактивировать. Но опять проблема в том, что люди, которые смогли реактивировать свои некоторые пренатальные ощущения с трудом могут как-то это описать. Они ни капли не сомневаются в истинности этих ощу-

щений, но... Я прошел много сеансов ребефинга у В.В. Козлова, я проводил и провожу семинары по своей адаптивной методике ребефинга не один год, «мокрого и «сухого», но... Я хорошо помню все ощущения и чувства, но описать их достаточно трудно обычным рациональным языком.

И все же... Э. Стодерлик (1998) впервые знакомит нас с миром ребенка, который находится в утробе. Ребенок испытывает сенсорное воздействие в присутствии жидкости мягких тел, границ, укрытия, матки. Он чувствует проходящую через него плацентарную кровь. Через плацентарную кровь у него появляется первое ощущение амниотической жидкости, через нее дальше происходит формирование ощущения плаценты, затем опосредованно пуповины и амниотического пузыря. Стодерлик описывает это как «смутное ощущение границ». «Смутное ощущение границ», как будто идет ранний рассвет, еще темно очень и ты находишься в каком-то таком пространстве, когда еще тени, предметы, серый цвет, движения их осознаются только еще буквально на уровне первых ощущений (про рассвет – это уже от меня). Дальше он говорит, что появляются, так называемые «объекты-тени», «вещи – которые – кажутся» и, наверное, первое ощущение Другого или, так называемое ощущение «палец Другого» или «вещь, которая кажется» – это пуповина. Пуповина так и описывается, как «первое прикосновение пальца Другого», ранний опыт прикосновения *Другого, как репрезентации мира*, несмотря на то, что пуповина же является частью самого ребенка. И на уровне именно *первых Других* рассматривается и сама пла-

цента – это раннее диффузное присутствие древнего питающего компаньона, древнего питающего друга. Собственно говоря, плацента в этом смысле получается некоторым архаичным представлением или ощущением груди матери. То есть сначала, на первой ступени появляется это смутное ощущение дающего *Другого* (в виде плаценты), после родов уже происходит это ассоциативное развитие представлений до осознания дающей груди матери – это вторая ступень. Но я смею предположить, что есть и третья ступень осознания, когда сама мать рассматривается дающей *Другой*, дающей мир... Я надеюсь, вы поняли, что я хочу сказать.

Само ощущение соединения с матерью раскладывается у ребенка в утробе на три составляющие:

1) космическое сознание, океаническое сознание, внепространственное ощущение образа Вселенской Океанической Матери (описанной еще З. Фрейдом), а также внепространственное ощущение вневременности, ощущение полета наслаждения;

2) ощущение радости и боли, сладко тянущей боли, которая вызывает даже некоторую радость, то есть «радость через боль, а боль через радость». Это второе ощущение связано с развитием тактильной системы. Раздражение и боль, как ни странно, отличаются прямой связью с радостью соединения. Как говорил Ницше: «Без боли нет радости!» Вот второе ощущение, которое возникает – это сладко тянущее ощущение боли – радости. Недаром, после рождения, я потом об этом буду говорить, осознание чувства радости тоже возникает после осознанного чувства печали!

3) ощущение слияния, *всепроникновение* во все, во весь мир, в мать, ощущение *монадности* – слияния, единства с матерью. Счастье, которое может быть только в утробе, то есть это то ощущение «рая», о котором я уже говорил. Явление это основано, еще раз напоминаю, на резонансе с окружающим, прикасающимся к тебе миру, матерью, резонанс усиливает все энергетические процессы, происходящие между ребенком, матерью, между этой парой в 2–3 раза.

Итак, эти три ощущения являются базовыми с матерью, но нужно понять для себя одно, что эти ощущения очень скоротечны как в утробе так, так собственно говоря, потом и во взрослой жизни. Я бы сказал: «*Миг и все!*». Полет, оргазм не могут быть все время. Как поется в песне – «*радости скупые телеграммы*» – это и есть определение жизни на любом ее сроке. Поэтому во внутриутробном периоде они также скоротечны.

Вообще-то, долгое время внутриутробную жизнь демонстрировали как *землю Коккейна* – это страна молока и меда, страна изобилия и праздности, сладостного состояния полного изобилия, в которое все хотели бы вернуться. Но ведь это не всегда, ребенок может переживать и «ад» в матери, которая, допустим, его не хочет. Другое дело, что они все равно хотят в него вернуться, даже если мать его не хотела, даже если она хотела сделать аборт, даже если она много усилий делала к тому, чтобы он не родился. Почему? Все дело в абсолютности и двоичности этих чувств, которые переживает ребенок во внутриутробном. Чем меньше ребенок, чем его меньше возраст, тем более абсолютны и двоичны его чувства: «да или нет», «жизнь или смерть»,

«черное или белое». Да и во взрослом состоянии многие бы хотели вернуться в двоичный мир, где только белое и черное, ясное и определенное, жизнь или смерть. Из нашего асимметричного, по отношению к нам, мира в котором, в общем-то, **Все** и не белое, и не черное, а серое, наверное, с множеством оттенков, полутонов и полутеней. Трудно жить в мире с такой неопределенностью. Поэтому, конечно понятно, почему люди пытаются опять испытывать только абсолютно двоичные чувства. С ними жить легче.

Первые взаимоотношения между матерью и ребенком они абсолютные, отличаются абсолютной зависимостью, потому что здесь напрямую стоят вопросы жизни и смерти. Разные шоковые состояния, аборт, стрессы, ситуации, желание матери избавиться от ребенка – это вызывает формирование у ребенка примитивных стратегий выживания, чувства аннигиляции, смертельной тревоги, двоичной жизни или смерти. Во взрослой жизни это также может сопровождаться развитием смертельной тревоги и страха аннигиляции. При формировании позитивной привязанности возникает диффузное «запоминание» базового чувства безопасности, физической и эмоциональной связанности, релаксации и единства.

Я постарался вам дать ощущение о важности пренатальных отношений, возникающих между матерью и ребенком для того, чтобы мы могли с вами понимать, что происходит между ними, ощущать «точно также как ощущают они» и мочь присоединяться со своими ощущениями, чтобы почувствовать их состояние. **Многие наши переживания и чувства (очень многие) в основе своей**

динамики, эмоциональности, энергетики имеют перинатальные корни.

Необходимо отметить, что этому положению во многом способствовал тот прорыв научной мысли, произошедший в перинатальной психологии в конце XX века. Вот самые главные положения:

1) Формирующаяся структура (нервная система) немедленно начинает действовать (проявляет свою функцию).

2) Сегодня четко доказано, что высокая организация деятельности мозга ребенка возможна уже при незаконченной миелинизации нервной системы.

Что это означает? Что во время внутриутробного развития, в перинатальный период, возможно переживание высоко дифференцированных эмоций и чувств, сравнимых по своим характеристикам с таковыми у взрослых. Что в этот период происходит формирование базовых представлений ребенка: рай, ад, трансцендентная функция, Самость и т.д. Уместно здесь привести слова К.Г. Юнга о цели трансцендентной функции (ТФ) у детей на семинаре по детским сновидениям (1938): «цель ее – реализация во всех аспектах личности первоначально скрытой в эмбрионально-зародышевой плазме; рождение и развертывание оригинальной потенциальной целостности.»

Все это позволяет по-другому взглянуть на периодизацию детского развития (оральная, анальная фазы и т.д.), т.к. наивысший уровень ТФ и Самости у человека можно захватить сразу после рождения и первые месяцы жизни... Недаром говорится, что устами ребенка говорит Бог. Получается, что каждый ребенок говорит своей Самостью-Богом какое-то время – кто больше, кто меньше. А когда Бог «перестает» говорить устами ребенка?

Когда у ребенка накопится достаточное количество боли, фрустраций, негативно-го опыта он «замолкает». Вектор уровня Самости с возрастом идет «вниз» (у большинства навсегда). Рубежной для «обвала» уровня Самости обычно может быть анальная фаза – при ее неблагоприятном течении наступает разлом и формирование генитальной фазы может пойти по ущербному пути (но это может случиться и в оральную фазу и внутриутробно). Пути трансформации Самости:

1) у большей части людей вектор Самости уходит в безвозвратное пике, так как они так не и не справляются с вопросом: «Что от меня хочет этот мир?», не уравновесив себя;

2) единицы после кризиса среднего возраста стабилизируются в потере уровня Самости и выходят на суб «тот» уровень (уровень новорожденного);

3) и лишь единицы из сотен выходят на уровень просветления (Будды).

В заключении хотелось бы привести провидческие слова К.Г. Юнга (1938), которые послужат некоторой иллюстрацией к вышесказанному: «В конце концов не можем же мы приписывать ребенку психологию взрослого человека. Но как бы странно это не звучало, бессознательно ребенок уже обладает психологией взрослого. С самого рождения – можно сказать еще до рождения – личность уже является тем, чем ей предстоит стать... Жизнь вынуждает нас разделять и разграничивать. И именно поэтому мы теряем самих себя и вынуждены искать себя заново. Придя к целостности, мы заново открываем себя и понимаем, каким мы на самом деле были все это время».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЭТАПАХ КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Субботина Л. Ю. (Ярославль)

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта РГНФ № проекта 16-06-00960

Аннотация: Социально-экономические кризисы имеют важные социально-психологические последствия. Они отражаются на всех сферах жизни личности. В итоге происходят трансформации устойчивых психических феноменов. В частности, феноменов социальной перцепции. Исследование этих трансформаций позволяет уточнить механизмы социального восприятия.

Ключевые слова: социальная перцепция, трансформация, управление, перцептивный образ, социальный кризис.

Annotation: Social and economic crises have important social and psychological consequences. They are reflected in all areas of a person's life. As a result, there is a transformation of stable psychic phenomena. In particular – phenomena of social perception. The study of these transformations allows us to refine the mechanisms of social perception.

Keywords: social perception, transformation, management, perceptual image, social crisis.

Радикальные общественные изменения приводят к разрушению взаимосвязей, которые складывались на основе достаточно стабильного жизненного опыта, в результате чего все социально-психологические и субъектно-личностные процессы меняют свои параметры.

Влияние социально-психологических кризисов сказывается на всех сферах жизни человека. Рассмотрим данное явление на примере изменения структуры социальной перцепции. Этот феномен требует активного изучения. Современное состояние проблемы социальной перцепции позволяет сделать вывод о недостаточности ее разработки, особенно в плане концептуальных подходов [2,7]. Актуальность исследования социальной перцепции обуславливается и отсутствием методологического единства в анализе проблемы. Исходя из логики теоретической науки «от частного к общему», накопленный в исследованиях материал

позволяет перейти в изучении феномена на новый, качественно иной уровень рассмотрения. Плодотворное развитие системного подхода и структурно-уровневых концепций, трансформированных в форму метасистемного подхода, предоставляет возможность рассмотреть феномен социальной перцепции в единстве многообразных связей [5].

Рассмотрим трансформацию социальной перцепции на примере управленческой деятельности. Кризисные изменения социальной ситуации развития общества приводят к трансформации социальных стереотипов, отражающихся в построении новых образов восприятия руководителя в системе управления [4]. Трансформация образа включает изменение системы ценностных ориентаций, всех структурных элементов перцептивной системы, видоизменяют результат социального восприятия (приводят к построе-

нию нового эталонного и перцептивного образа) [3].

Исследование выполнялось с позиций системного и комплексного подходов в анализе психического отражения и деятельности. Эмпирическая часть работы в соответствии со спецификой объекта исследования включала метод экспертной оценки; авторские анкеты на выявление управленческих качеств, тест «ЦОЛ-8» для характеристики ценностных ориентаций, метод интервью для выявления эффекта стереотипизации. Большое количество парциальных, средних и средне-групповых оценок обусловили необходимость применения математического аппарата и компьютерной обработки. Математическая обработка данных социально психологической информации проводилась с помощью корреляционного и дисперсионного анализа. Использовался статистический пакет программ «Statistika 6.0». Базой для проведения эмпирических исследований послужили коллективы 13 предприятий г. Иваново, Ивановской области, Владимирской области, г. Тутаев Ярославской области. Общая выборка $N = 3430$ чел. Эти исследования были проведены в форме лонгитюд и метода «поперечника» с 1980 по 2013 гг под руководством Н. А. Никифоровой* и Л. Ю. Субботиной.

Полученные результаты позволяют сделать ряд обоснованных выводов о трансформационных особенностях социальной перцепции. Установлено, что особое влияние на социальное восприятие оказывает формальный статус руководителя, являющегося объектом перцеп-

ции. Формальный статус руководителя можно рассматривать в нескольких аспектах: по цели его деятельности (а соответственно, и задачам), как определенное соотношение прав и обязанностей, через характер общения с подчиненными (в том числе и частоту контактов) и пр. [1,4,6]. Каждый из этих аспектов (как и успешность и неуспешность выполнения руководителем предписанных функций) будет определенным образом влиять на результаты социально-перцептивного процесса. Наши исследования доказали, что увеличение должностного статуса руководителя предопределяет снижение оценок качеств его личности и, кроме того, формальный статус руководителя имеет главенствующее значение в формировании оценочных суждений о личности управляющего, видоизменяя влияние других характеристик объекта перцепции [7]. Руководители нижнего уровня управления – мастера получают у рабочих самые высокие оценки (6,9 балла), а руководители предприятия – значительно ниже (5,9 балла), что соответственно отражает формирующийся социально-перцептивный образ.

Эмпирические исследования структурной организации социально-перцептивного образа позволили сделать вывод, что на восприятие перцепиентов, отразившееся в снижении оценок с повышением статусного уровня объекта перцепции, влияют ценностное содержание и качественные характеристики ситуаций общения: сложность, частота встречаемости, эмоциональная насыщенность и когнитивная включенность, что обусловлено ролевой дифференциацией. Анализ эмпирических данных показывает, что социальные стереотипы восприятия под-

* Частично данный материал был предоставлен автору Н.А.Никифоровой в 2009 г. На его основе было издано совместное учебное пособие «Психологические основы социальной перцепции в управлении» Иваново, 2011

чиненными руководителями верхнего звена управления отличаются от стереотипов восприятия руководителей среднего и нижнего звена по структуре значимых качеств. Проявляется некоторая закономерность: при увеличении социальной дистанции и, соответственно, уменьшении частоты контактов происходит смещение значимости с одних качеств руководителя на другие: с личностных качеств – у мастеров (значима сфера общения) на деловые качества – у начальников цехов и руководителей предприятия (оценка по делу и результату).

В дифференциации оценок по статусу большую роль играет стиль руководства. В наших исследованиях выявлено, что в индивидуальном стиле управления мастера демократического компонента значительно больше, чем у руководителей среднего и верхнего уровней управления, и этот демократизм проецируется от стиля руководства на личность в целом.

В ходе эмпирических исследований формирования структуры социально-перцептивного образа руководителя выявились следующие основные действующие элементы СПО: стереотипы –

действующие в простейших ситуациях; социальные стереотипы – действующие в сложных социальных ситуациях; направленность личности – мотивация, интересы, ориентация на определенные сферы деятельности; ценностные ориентации – система доминирующих терминальных и инструментальных ценностей.

Таким образом, было установлено, что формальный статус (должность) является тем показателем, в котором аккумулированы различные критерии, предопределяющие характер общения, взаимодействия и отношений руководителя и подчиненного. В целом, эти особенности восприятия руководителя подчиненными, предопределили направленность влияния формального статуса объекта восприятия на результат восприятия. В частности, *с повышением должности руководителя снижаются оценки его личности.*

Исследования, периода относительно стабильной социально-экономической ситуации в стране (80-е годы), позволили выявить весьма важную и существенную особенность социально-перцептивного процесса в управлении – формальный статус руководителя на производстве

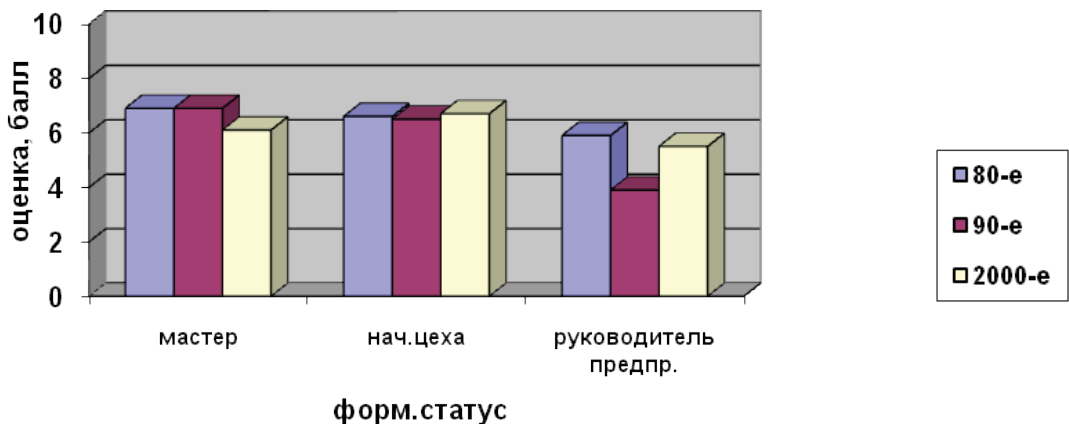

Рис. 1. Средние оценки качеств личности руководителей рабочими ($N = 3040$)

имеет главенствующее значение в формировании оценочных суждений подчиненных о личности руководителя. Увеличение должностного статуса руководителя предопределяет снижение средних оценок качеств его личности. Эта закономерность сохранилась и при изменившихся условиях макросреды (рис. 1).

Результаты изучения СППУ в середине 90-х годов, характеризуют не только сохранение общей тенденции снижения оценок качеств личности руководителей с повышением их должностного статуса, но и ее ускорение. Интегральные оценки мастеров составляют 6,9 балла, начальников цехов – 6,5 балла, а руководителей предприятий – 3,9 балла. Эти результаты отражают противоречие между качествами личности действующих руководителей, в том числе и устоявшимся стилем руководства (преимущественно директивным), с одной стороны, и новыми требованиями, предъявляемыми к управляющим в связи с решением новых кардинальных задач в экономической, политической и социальной сферах нашего общества – с другой.

Относительная стабилизация экономического положения большинства промышленных предприятий в 2000-х годах привела к изменению отношения подчиненных к руководителям, т.е. к изменению результатов СППУ. Главным итогом послекризисной стабилизации макросреды стало повышение оценок качеств личности руководителей предприятий: интегральные оценки составили 5,5 балла (при 3,9 балла – в 90-х годах), т.е. почти достигли уровня в докризисный период (5,9 балла – в 80-е годы). Очевидно, что здесь в первую очередь, сказались последствия стабилизации экономического

положения предприятий, выразившиеся для работников в регулярности выплат заработной платы, отсутствия угрозы безработицы, а на отдельных предприятиях – и в существенном повышении размеров доходов. С другой стороны, изменение параметров процесса социальной перцепции вызвано изменениями в личности самих перцепиентов – произошла адаптация к существованию в условиях рыночных отношений (и, соответственно, снизился накал протестных реакций), изменились требования к управленцам при работе в новых экономических условиях, и, наконец, изменилась система ценностных ориентаций перцепиентов. Дисперсионный анализ подтвердил, что процесс социального восприятия в управлении не является стабильной системой: дисперсии всех трех совокупностей (80-х, 90-х, 2000-х гг.) не равны. Следовательно, можно сделать заключение, что СППУ – процесс динамичный и основным детерминирующим фактором для него является глобальная трансформация макросреды. Ухудшение социально-экономического положения предприятия в условиях кризиса вызывает поляризацию результатов социально-перцептивного процесса в управлении, выражающуюся в устойчивой тенденции снижения оценки позитивных качеств личности руководителей среднего и верхнего уровня управления при сохранении позитивного отношения к руководителям нижнего звена. Улучшение и стабилизация социально-экономического положения предприятия в условиях стабилизации социально-экономической обстановки в обществе возвращает положительные оценки подчиненными качеств личности руководителей верхнего управления.

Изучение динамики системы ценностных ориентаций работников промышленных предприятий в период с начала 80-х годов по 2008 год выявило тенденцию изменения ценностных ориентаций на фоне изменений макроситуации в стране аналогичную динамике изменения общих личностных оценок.

На рис. 2 представлены результаты исследований ценностных ориентаций, проведенных в 80-х годах – т.е. в период относительно стабильной социально-экономической ситуации в стране; в середине 90-х годов – в период политического кризиса и в 2003–2006 годах (далее – в 2000-х годах) – в начале послекризисной стабилизации.

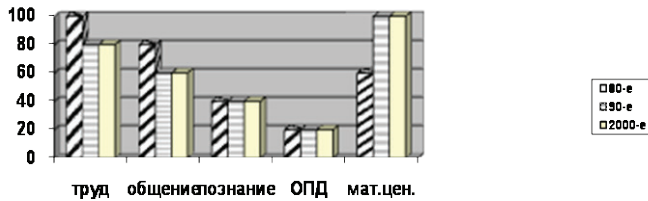

Рис. 2. Ценностные ориентации – цели жизни работников промышленных предприятий (N = 500)

Общая картина иерархии терминальных ценностей описывается следующим (в соответствии с ранговыми местами) последовательным рядом ценностных ориентаций: 80-е годы: труд – общение – материальные ценности – познание – ОПД; 90-е годы: материальные ценности – труд – общение – познание – ОПД; 2000-е годы: материальные ценности – труд – общение – познание – ОПД. Результаты анализа качественных изме-

нений в системе терминальных ценностей – целей жизни, свидетельствуют о взаимосвязи структурных преобразований в системе ценностных ориентаций с изменениями макросреды.

Структура системы инструментальных ценностей (ценностных ориентаций – средств достижения целей жизни) в различные периоды с 1986 по 2008 годы представлена на рис. 3.

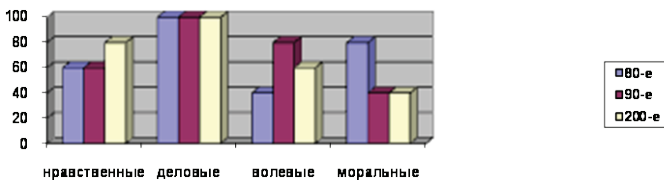

Рис. 3. Ценностные ориентации – средства достижения целей жизни работников промышленных предприятий (N = 500)

Среди средств достижения целей жизни у работников промышленных предприятий выделяется ориентация на развитие деловых качеств личности. Во всех трех рассматриваемых периодах, отличающихся основными факторами макроэкономической ситуации в стране, ценностные ориентации на развитие деловых качеств личности прочно занимают первое место, что логично связано с доминирующими ценностями жизни – материальным благосостоянием и трудовой деятельностью.

Иерархия структуры ценностных ориентаций на развитие различных качеств личности в разные периоды схематично выглядит следующим образом: 80-е годы: деловые – моральные – нравственные – волевые; 90-е годы: деловые – волевые – нравственные – моральные; 2000-е годы: деловые – нравственные – волевые – моральные.

Анализ динамики изменения состава инструментальных ценностных ориентаций показывает, что изменения макроситуации в стране неизбежно вызывают адекватные этой ситуации изменения в структуре ценностных ориентаций.

На основе вышеизложенного можно констатировать, что глобальное изменение макросреды (политическое, социальное, экономическое) вызвало значительные структурные изменения системы ценностных ориентаций работников промышленных предприятий: в структуре терминальных ценностей приоритетное значение *труда* и *общения* сменилось резко возросшей ориентацией на *материальное благополучие*; в структуре инструментальных ценностей более суровые условия жизни привели к суще-

ственной трансформации *нравственных* и *моральных* качеств личности.

Таким образом, можно сделать заключение, что изменения макросреды (политические, социальные и экономические) существенным образом влияют на трансформацию системы ценностных ориентаций личности.

Эмпирически зафиксировано изменений социального стереотипа руководителя, динамически совпадающее с тенденциями изменения социального восприятия управляющего с одной стороны, и соответствующей динамикой системы ценностных ориентаций – с другой.

В период относительной стабильности макросреды, к которому еще можно отнести 80-е годы XX века, господствовал устойчивый стереотип руководителя с достаточно адекватной оценкой качества личности руководителей. Этот феномен подтвержден комплексными исследованиями на более чем десяти промышленных предприятиях в разных городах России. Разразившийся в 90-х годах социально-экономический кризис, (кардинальное изменение макросреды), имеющий долговременный и необратимый характер, привел к неизбежному адаптационному изменению отдельных подструктур личности человека. Это нашло отражение в принципиальном изменении стереотипа руководителя. В перечне качеств личности руководителя предприятий в первую очередь значительно снизились интегральные оценки морально-нравственных качеств: оценка «выполнения обещаний» снизилась на 2,8 балла, «защиты интересов коллектива» – на 2,5 балла, «справедливости» – на 2,4 балла. Одновременно с этим в глазах подчиненных были дискредитированы и де-

Таблица 1
Стереотип восприятия руководителя подчиненными в 80–90-х и 2000 годах (N=1620)

Стереотип 80–х гг.	Стереотип 90-х гг.	Стереотип 2000-х гг.
Организаторские способности	Организаторские способности	Организаторские способности
Оперативность	Оперативность	
Отвеств. отношение к делу	Способность быть лидером	Ответственность
Техническая эрудиция	Интеллект	Техническая грамотность
		Интеллект
Требовательность к подчиненным		Требовательность
Выполнение обещаний	Выполнение обещаний	Выполнение обещаний
Трудолюбие	Трудолюбие	Трудолюбие
Защита интересов коллектива	Защита интересов коллектива	Защита интересов коллектива
Справедливость		Справедливость
Тактичность в общении	Тактичность в общении	
		Интеллигентность
Контроль исполнения решений	Твердость в решениях	Способность контролировать работу коллектива
Видение перспективы	Способность прогнозировать ситуацию	Прогнозирование
Склонность к разумному риску	Предприимчивость	
Самообладание в экстремальной ситуации	Самообладание в экстремальной ситуации	
Способность признать свою ошибку		
Принципиальность	Целеустремленность	Решительность
Порядочность		Порядочность
Умение выслушивать подчиненного	Умение выслушивать подчиненного	
Знание трудового законодательства	Экономическая грамотность	Экономическая грамотность
Совместимость с коллективом	Умение общаться	Умение общаться
Требовательность к себе	Работоспособность	
Умение создать творческую атмосферу	Способность произвести благоприятное впечатление	Умение разрешать конфликты
Умение планировать работу		Умение планировать
Нестандартность мышления	Коммерческое мышление	Коммерческое мышление
Стремление к повышению профессионального уровня	Знание отрасли	Способность к новациям

ловые качества личности руководителей предприятий: «организаторские способности», «ответственность», «техническая эрудиция», «оперативность» и даже «трудолюбие» – по выборке 90-х годов не превышают 3–4 баллов (по десятибалльной шкале). Новая макроэкономическая ситуация, формировавшаяся в течение последних 10 лет, к середине первого десятилетия XXI века обрела уже довольно явные черты стабилизации в политической, социальной и экономической сферах жизни общества. Этот временной период оказался достаточным и для процесса интериоризации в личности условий новой макроструктуры и адаптации к ним. Значительную роль в оптимизации процесса социального восприятия сыграло снижение уровня негативного эмоционального настроя перцепиентов, ранее являвшегося препятствием для формирования объективной оценки качеств личности руководителя.

Впервые качественные изменения стереотипа руководителя были отмечены в 90-е годы. В составе нового стереотипа сохранилась часть качеств, входящих в перечень значимых и в 80-е годы, но они составляют лишь половину набора (10 из 20). Группировка качеств, входящих в стереотип 90-х годов, показывает, что в нем доминируют деловые, волевые качества и качества, характеризующие отношение к другим людям. Причем последняя группа является самой многочисленной. В этой же группе наблюдается наличие наибольшего количества и прежде высоко ценимых качеств: «защита интересов коллектива», «выполнение обещаний», «умение выслушать подчиненного». Дополнительно вынесены качества, способные, по мнению подчи-

ненных, обеспечить эффективное управление предприятием в новых условиях: способность прогнозировать ситуацию, предприимчивость, коммерческое мышление, экономическая подготовленность, знание отрасли и др. Актуализация новых показателей в группах волевых и деловых качеств личности руководителей также сочетается с трансформацией системы ценностных ориентаций подчиненных.

Улучшение социально-экономической ситуации в стране в 2000-х годах, а также достигший достаточно приемлемых параметров результат, протекающего уже в течение нескольких лет процесса адаптации работников к новым условиям, привели к формированию нового эталона руководителя.

Качества, входящие в состав нового стереотипа, соотносятся как с новыми требованиями обстановки (макроусловиями), так и с новыми ожиданиями подчиненных. Состав стереотипа 2000-х (табл. 1) по ряду показателей отличается от стереотипов двух предыдущих периодов (80-х и 90-х годов).

Таким образом, можно сделать заключение, что социально-перцептивный процесс в управлении имеет содержательную динамику, которая обусловлена воздействием социокультурных факторов макро- и микросреды. На примере коллективов промышленных предприятий получило конкретизацию положение о влиянии факторов макросреды, которые выступают в роли контекст-информации процесса перцепции, на социально-перцептивные процессы в управлении в условиях кардинальных изменений ситуации в обществе. Стереотип восприятия руководителя меняется вслед за измене-

ниями условий макросреды, преобразуясь в соответствии с требованиями ситуации, выдвигая на первый план и включая новые элементы, обеспечивающие адаптацию в новых условиях. Новообразования в стереотипе восприятия руководителя сочетаются с аналогичными новообразованиями в системе ценностных ориентаций перцепиентов.

Влияние на субъектов перцепции условий новой макросреды, а также формирование новых стереотипов, перестройки системы ценностных ориентаций, приводит к изменению перцептивного образа руководителей.

Ситуация кризиса характеризуется совершенно другим масштабом изменений. Социальные кризисные явления имеют гораздо большее влияние на массовую психологию и приводят к глубоким и устойчивым изменениям в сознании людей на эмоциональном и мотивационном уровнях. Эти изменения активизируются в виде трансформированных или принципиально новых социальных образов, сохраняющих свой регулирующий характер. Радикальные изменения социально-экономических отношений обуславливают смену содержательных характеристик психики, что приводит к изменению (трансформации) представлений подчиненных о своем руководителе. В рамках этих изменений вероятно возникновение противоречия между ожиданиями подчиненных, закрепленных в новом социально-перцептивном образе и старыми моделями поведения, реализуемыми руководителем. Следствием этого выступает:

- изменение оценок потенциала реального руководителя и его психологического «портрета»;

- трансформация социально-перцептивного образа в направлении учета эффективности его деятельности;

- разрушение идентичности и системы ценностных ориентаций субъекта перцепции;

- снижение адаптивности взаимодействия в системе «руководитель – подчиненный».

Эмпирически рассмотрев возможные факторы влияния и механизмы СППУ, мы пришли к выводу о наличии определенных трансформаций, наблюдаемых в социально-перцептивном образе руководителя.

Первая трансформация отражает изменения по уровню эмоционального принятия подчиненными руководителя. Социально-перцептивный образ руководителя у рабочих трансформируется по эмоциональному континууму «привлекательный – непривлекательный» в зависимости от должностного статуса от низшего звена управления к высшему. Формальный статус (должность) является тем показателем, в котором аккумулярованы различные критерии, предопределяющие характер общения, взаимодействия и отношений руководителя и подчиненного. Социальный образ руководителя трансформируется по континууму «ответственность – обязательства» в направлении больших ожиданий и требований от низшего звена управления к высшему. По стилям управления социально-перцептивный образ трансформируется в направлении от преобладания демократического компонента к авторитарному от низшего звена управления к высшему.

Вторая трансформация наблюдается в оценке личностных качеств руководителей. Выявлены факты деформации лич-

ности по мере повышения должностного статуса, что находит гипертрофированное отражение в социально-перцептивном образе. При увеличении социальной дистанции и, соответственно, уменьшении частоты контактов происходит смещение значимости с одних качеств руководителя на другие: с личностных качеств – у мастеров (значима сфера общения) на деловые качества – у начальников цехов и руководителей предприятия (оценка по делу и результату). При обострении кризисных условий негативная оценка личностных качеств руководителей высоких рангов имеет выраженную тенденцию резко усиливаться. Качества, входящие в состав нового стереотипа, соотносятся как с новыми требованиями обстановки (макроусловиями), так и с новыми ожиданиями подчиненных. Результаты социально-перцептивного процесса в управлении в период кризиса макроситуации отличаются резким ухудшением оценочного стереотипа руководителей промышленных предприятий. На уровне субъектного формирования социально-перцептивного образа системообразующей основой выступают ценностные ориентации. Их структура принципиально определяет социально-перцептивной образ руководителя в глазах подчиненных.

Третья трансформация отражает изменение структуры ценностей у воспринимающего субъекта. На фоне социально-экономического кризиса, происходит кардинальное изменение структуры ценностных ориентаций. Анализ динамики изменения состава инструментальных ценностных ориентаций показывает, что изменения макроситуации в стране неизбежно вызывают адекватные этой ситуа-

ции изменения в структуре ценностных ориентаций.

Четвертая трансформация затрагивает принципиальные основы построения перцептивного образа от «субъектному» к «объектному» восприятию руководителя подчиненными. Улучшение социально-экономической ситуации в стране в 2000-х годах, а также достигший достаточно приемлемых параметров результат протекающего уже в течение нескольких лет процесса адаптации работников к новым условиям, привели к формированию нового эталона руководителя. Стереотип восприятия руководителя трансформируется вслед за изменениями условий макросреды, преобразуясь в соответствии с требованиями ситуации, выдвигая на первый план и включая новые элементы, обеспечивающие адаптацию в новых условиях. Руководитель перестает восприниматься подчиненными как представитель того же социума, который может и должен решать социальные и даже личные проблемы работников предприятия. Стереотипные представления о руководителях как о «своих», хотя и старших по рангу, разрушаются. Переход руководителя в группу «других» сделал его объектом что соответствующим образом сказалось на результатах социально-перцептивного процесса. Частичная трансформация социальных стереотипов и системы ценностей перцепиентов сопровождается разрушением прежних стереотипов восприятия руководителей, поскольку в ситуации социальной и экономической нестабильности происходит актуализация других задач, при решении которых воспринимается объект. Под влиянием новых задач в перцептивном образе руководителя аккумулируется

и систематизируется значимая информация.

Частичная трансформация социальных стереотипов и системы ценностей перцепиентов сопровождается разрушением прежних стереотипов восприятия руководителей, поскольку в ситуации социальной и экономической нестабильности происходит актуализация других задач, при решении которых воспринимается объект. Под влиянием новых задач в перцептивном образе руководителя аккумулируется и систематизируется значимая для субъекта информация. Опорой для формирования перцептивного образа в условиях новой стабильной макроситуации становятся психологические новообразования в подструктуре направленности личности, которые соответствуют условиям новой макросреды. Преодоление кризиса социальной идентичности (вызванного кризисом макросистемы) приводит к тому, что процесс построения перцептивного образа социального объекта приобрел более объективный характер.

Итак, изменение социально-экономической ситуации в обществе находит свое отражение в особенностях и результатах социально-перцептивного процесса в управлении. Изменения условий макросреды приводят к существенным изменениям социально-перцептивного процесса в управлении в том случае, когда они затрагивают сложившиеся социальные стереотипы и систему ценностных ори-

ентаций перцепиентов. Одной из особенностей формирования социально-перцептивного процесса при кризисных социально-экономических изменениях является трансформация. Полученные в нашем исследовании результаты касаются управленческой деятельности, однако есть основания полагать, что трансформация в сфере социальной перцепции как следствие социально-экономического кризиса и ее конкретные механизмы имеет более широкий диапазон представленности. Она характерна для любых периодов кризисного развития.

Литература

1. Абрамова Г. С. Психологические механизмы управления и о том, как их использовать. – М.: Известия, 2002.– 309 с.
2. Агеев В. С. Механизмы социального восприятия // Социальная психология в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – С. 276–289.
3. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: МГУ, 1982.– 200 с.
4. Карпов А. В. Психология менеджмента. – М.: Гардарики, 1999.– 584 с.
5. Карпов А. В. Психология сознания. Метасистемный подход. М.: РАО, 2011–1088 с.
6. Карпов А. В., Пономарева В. В. Психология рефлексивных механизмов управления. – М., Ярославль: «Институт психологии РАН», 2000.– 284 с.
7. Никифорова Н. А., Субботина Л. Ю. Психологические основы социальной перцепции в управлении. – Иваново: Изд-во Ивановский государственный университет, 2011.– 112 с.

РАЗЛИЧИЯ В ПОКАЗАТЕЛЯХ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ, ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ, КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И УРОВНЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДОЙ У ЖЕНЩИН С НОРМАЛЬНОЙ И ОСЛОЖНЕННОЙ БЕРЕМЕННОСТЬЮ

Ульянич А. Л., Азаркова Л. А., Бухарина И. Ю., Толмачев И. В. (Томск)

Исследование поддержано грантом РГНФ 15–06–10666а

«Оценка влияния психоэмоционального состояния, уровня качества жизни и городской среды на физиологическое протекание беременности, родов у женщины и состояние новорожденного»

Аннотация: В статье представлены и описаны достоверные различия по показателям психоэмоционального, качества жизни и удовлетворенности городской средой у женщин с нормальной и осложненной беременностью. Созданы и описаны математические модели прогноза беременности для женщин на первом и втором триместрах. Выявлены показатели, выраженность которых определяет с высокой долей вероятности характер течения беременности на первых этапах.

Ключевые слова: *беременность, психологическое состояние, качество жизни, городская среда, физиологичное протекание беременности, математическая модель прогноза беременности акушерство, гинекология, репродуктивное здоровье, демография.*

Title: Differences across indicators of psychoemotional state, personality traits, quality of life and level of satisfaction from the urban environment in women with normal and complicated pregnancy

Annotation: In the article the reliable differences across indicators of psychoemotional state, quality of life and satisfaction from the urban environment in women with normal and complicated pregnancy are presented and described. The mathematical models of prognosis of pregnancy for women in the first and second trimesters have been created and described. The indicators have been revealed which severity determines character of course of pregnancy at the first stages.

Keywords: pregnancy, psychological state, quality of life, urban environment, physiological course of pregnancy, mathematical model of prognosis of pregnancy, obstetrics, gynecology, reproductive health, demography.

Актуальность исследования обусловлена высокой частотой прерывания беременности, осложнениями в течении беременности, осложнениями в родах и плохим состоянием новорожденных, и, как следствие, низкой рождаемостью и ухудшением демографической ситуации в стране [1, 2]. Поиск решения проблемы психологических факторов, определяющих нормальное физиологическое течение беременности актуализирует исследовательские задачи по установлению тех условий, которые препятствуют развитию симптомокомплексов, свидетельствующих о нарушениях физиологического (естественного) процесса

беременности. Среди таких многие исследователи, наряду с биологическими, социальными, экологическими, факторов выделяют и психологические [3, 4, 5, 6, 7]. К основным относятся психологическое состояние женщины во время беременности, условия, в которых она находится, взаимоотношения в семье, коллективе, социальное положение, а также качество условий городской среды [8].

Целью данного исследования является изучение достоверных различий по трем группам факторов у женщин с нормальной и осложненной беременностью в период первого и второго триместра. Первая группа факторов – внутренние (психоэмоциональное состояние, личностные особенности), вторая группа – мезо-факторы (качество жизни женщины) и третья группа факторов: макро-факторы (качество городской среды). Под качеством жизни понимается оценка условий и характеристик жизни женщины и степень удовлетворенности данными условиями. Под качеством городской среды подразумевается оценка женщинами способно-

сти городской среды удовлетворять их потребности и запросы.

Выборка исследования:

Сбор данных осуществлен на выборке 138 беременных женщин первого триместра беременности и 102 беременных женщин второго триместра беременности.

Методы исследования:

1. Для оценки психоэмоционального состояния беременных женщин были использованы Методика диагностики оперативной оценки самочувствия, активности и настроения (САН) и Тест «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка.

2. Для изучения личностных особенностей беременных женщин были использованы методики: Батарейный тест-опросник «Темперамент-Характер» В.М. Русалова и

О.Н. Манолова, Пятифакторный личностный опросник (Big five) Р. МакКрэй и П. Коста, Самоактуализационный тест (САТ) и Семантический дифференциал Ч. Осгуд.

Таблица 1. Демографические показатели выборки исследования

Демограф показатели	Кол-во женщин 1 триместр	Кол-во женщин 2 триместр
Возраст 19–25 лет	33%	32%
Возраст 26–33 лет	53%	49%
Возраст 34–43 лет	14%	19%
Гражданский брак	43%	49%
Зарегистрированный брак	57%	51%
Средний уровень образования	14%	21%
Средне-специальный уровень образования	28%	27%
Высшее образование	58%	52%
Здоровая беременность	57%	55%
Угроза прерывания беременности	43%	45%

3. Мезо-факторы (качество жизни женщины) изучались с помощью Методики «Качество жизни» SF-36.

4. Макро-факторы (качество городской среды) окружающей среды изучались с помощью авторской анкеты изучения степени удовлетворенности городской средой.

5. С помощью анализа медицинских карт происходил сбор акушерского и гинекологического анамнеза, изучение соматического статуса на протяжении течения беременности по триместрам (токсикоз, угроза прерывания беременности, лабораторное обследование, заболевания, инфекции, УЗИ, доплерометрия) и установление социального статуса женщины (образование, статус, семейное положение).

Результаты:

На первом этапе исследования на основе данных акушерского, гинекологического анамнеза и соматический статуса выборки первого и второго триместра беременности были разделены каждая на две группы. Первую группу «норма» составили женщины со здоровой беременностью (n=78 – беременные первого триместра, n=45 – беременные

второго триместра), вторую группу «патология» оставили беременные женщины, в анамнезе которых были аборт (больше 3х), замершие беременности, самопроизвольные выкидыши, сопутствующая хроническая соматическая патология сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, моче-выводящей и гормональной систем, инфекции и угроза прерывания беременности (n=60 – беременные первого триместра, n=37 – беременные второго триместра).

Далее с помощью анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни были выявлены различия в личностных особенностях, особенностях психоэмоционального состояния, показателях качества жизни и удовлетворенности окружающей средой у женщин с нормальным физиологическим течением беременности и с угрозой прерывания беременности на первом и втором триместре беременности.

Анализ достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни выявил различия в группе женщин первого триместра беременности по следующим шкалам (Таблица 2).

Таблица 2. Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни на выборке первого триместра беременности, (n=138)

Показатели	U Манна-Уитни	W Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость
Физическое функционирование	691,000	1156,000	-,595	,552
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	665,500	1130,500	-,866	,386
Интенсивность боли	725,500	2000,500	-,257	,797
Общее состояние здоровья	729,000	2004,000	-,210	,834
Жизненная активность	619,500	1894,500	-1,303	,193

Социальное функционирование	667,000	1942,000	-,846	,398
Рольевое функционирование, обусловленное эмоц. состоянием	701,500	1166,500	-,540	,589
Психическое здоровье	625,500	1900,500	-1,243	,214
Педантичность	707,500	2192,500	-2,044	,041*
Синергия	776,000	2429,000	-2,056	,040*
Самочувствие	601,000	1636,000	-,329	,742
Активность	609,500	1644,500	-,233	,816
Настроение	603,000	1009,000	-,307	,759
Тревожность	858,500	1453,500	-,226	,821
Фрустрация	778,000	1373,000	-,939	,348
Агрессивность	813,500	2191,500	-,626	,531
Ригидность	712,000	1307,000	-1,525	,127
Мой ребенок Оценка	429,500	780,500	-1,945	,052*
Мой ребенок Активность	377,000	728,000	-2,530	,011*

По данным таблицы видно, что достоверные различия выявлены только по шкалам: «Педантичность» (шкала темперамента) $U=707,500$ $p=0,041$, «Синергия» (показатель самоактуализации) $U=776,000$ $p=0,040$, и по шкале Семантического дифференциала «Мой ребенок» по показателям «Оценка» $U=429,500$ $p=0,052$ и «Активность» $U=377,000$ $p=0,011$. Достоверных различий по факторам качества жизни и удовлетворенности окружающей средой на выборке первого триместра выявлено не было. Полученные различия свидетельствуют о том, что женщины с нарушением процесса беременности отличаются большим стремлением к порядку, скрупулезности, склонности к сомнениям и частым самопроверкам, а также ригидностью, инертностью психических процессов и долгим переживанием травмирующих событий, чем женщины со здоровой беременностью. Женщины со здоровой бе-

ременностью склонны в большей степени к целостному восприятию мира и людей во всем его многообразии, к пониманию связанности противоположностей, позитивного и негативного, телесного и духовного. Различия по шкалам Семантического дифференциала свидетельствуют о том, что женщины со здоровой беременностью уже на первом триместре беременности склонны более отчетливо представлять своего внутриутробно развивающегося ребенка, выстраивать его образ в своем сознании и придавать ему самостоятельное значение и ценность. Данные различия подтверждаются результатами исследований Г.Г. Филипповой, А.Л. Филоненко о том, что формирование самостоятельной ценности ребенка уже на первых этапах беременности выступает психологическим условием здоровой беременности [5, 6].

Анализ достоверных различий с помощью U -критерия Манна-Уитни выя-

вил различия в группе женщин второго триместра беременности по следующим шкалам (Таблица 3).

Таблица 3. Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни на выборке второго триместра беременности (n=102)

Показатели	U Ман-на-Уитни	W Вил-коксона	Z	Асимптотическая значимость
Физическое функционирование	295,000	730,000	-,188	,851
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	254,000	485,000	-1,046	,296
Интенсивность боли	284,000	515,000	-,432	,666
Общее состояние здоровья	220,000	655,000	-1,667	,096
Жизненная активность	264,500	495,500	-,792	,429
Социальное функционирование	234,000	465,000	-1,434	,152
Рольное функционирование, обусловленное эмоц. состоянием	254,000	485,000	-1,099	,272
Психическое здоровье	241,000	472,000	-1,255	,209
1.3. Общительность-Замкнутость	206,500	437,500	-1,951	,051
2.3. Доверчивость -Подозрительность	215,500	446,500	-1,777	,046
Самочувствие	266,000	701,000	-,489	,625
Активность	264,500	474,500	-,519	,604
Настроение	285,000	495,000	-,102	,919
Тревожность	249,000	600,000	-,516	,606
Фрустрация	273,000	624,000	0,000	1,000
Агрессивность	269,500	500,500	-,075	,940
Ригидность	260,500	611,500	-,269	,788
Я сама Оценка	217,000	407,000	-,907	,365
Я сама Сила	219,500	597,500	-,839	,401
Я сама Активность	200,000	390,000	-1,307	,191
Моя беременность Оценка	217,500	407,500	-,990	,322
Моя беременность Сила	252,000	630,000	-,104	,917
Моя беременность Активность	252,000	630,000	-,103	,918
Мой ребенок Оценка	207,000	397,000	-1,358	,175
Мой ребенок Сила	208,500	586,500	-1,169	,242
Мой ребенок Активность	237,500	427,500	-,454	,650
Мое будущее Оценка	237,500	615,500	-,534	,593
Мое будущее Сила	251,500	629,500	-,115	,908
Мое будущее Активность	206,500	396,500	-1,233	,218

По данным таблицы видно, что анализ достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни выявил различия в группе женщин второго триместра беременности только по шкалам Пятифакторного личностного опросника: «Общительность – Замкнутость» $U=206,500$ $p=0,051$ и «Доверчивость – Подозрительность» $U=215,500$ $p=0,046$. Полученные различия свидетельствуют о том, что женщины со здоровой беременностью отличаются большей потребностью в общении с другими людьми и в получении новых впечатлений, они более эмоциональны и открыты, способны к сопереживанию и установлению более доверительных отношений. Женщины с нарушением процесса беременности более замкнуты, сдержаны, подозрительны и предпочитают одиночество шумным компаниям, они чаще всего ориентируются на свои силы, чем на других, предпочитают абстрактные идеи конкретным действиям.

На следующем этапе исследования с помощью метода логистической регрессии созданы математические модели

Таблица 4. Структура математической модели прогноза течения беременности для первого триместра беременности (n=138)

Индекс признака	Название признака	Значение весового коэффициента признака
A0	Свободное слагаемое	
A1	Физическое функционирование	0,021
A2	Интенсивность боли	-0,24
A3	Психическое здоровье	0,24
A4	Ценность ребенка	0,242
A5	Тревожность	-0,127
A6	Педантичность	-1,086
A7	Синергия	-0,839
B1	Наличие токсикоза	«Нет токсикоза» 1,009
		«Есть токсикоз» 0

прогноза течения беременности для первого и второго триместров беременности. Метод логистической регрессии – многомерный метод статистики, позволяющий на основе набора количественных и качественных признаков строить модели благоприятного и неблагоприятного прогноза течения беременности по триместрам беременности.

В математическую модель прогноза течения беременности для первого триместра беременности вошли показатели: шкала Семантического дифференциала «Мой ребенок» по показателю «Оценка» (Ценность ребенка), «Синергия», «Педантичность», «Тревожность», показатели Методики Качества жизни «Физическое функционирование», «Интенсивность боли», «Психическое здоровье», «Удовлетворенность экологией городской среды» и медицинские показатели «Наличие аборт» и «Наличие токсикозов» в анамнезе. Показатель специфичности равен 88,9%, показатель чувствительности – 63,2%. (Таблица 4, Таблица 5).

B2	Оценка экологии городской среды	«Отличная» 4,151
		«Очень хорошая» – 21,142
		«Хорошая» –19,818
		«Посредственная» –18,814
B3	Наличие аборт	«Нет аборт» 0,317
		«Есть аборт» 0

Таблица 5. Качество классификации:

Observed	Predicted		
	1,0	2,0	Percent Correct
1,0 Специфичность	32	4	88,9%
2,0 Чувствительность	7	12	63,2%
Overall Percentage	70,9%	29,1%	80,0%

Созданная модель позволяет с высокой степенью вероятности прогнозировать течение беременности в период первого триместра по оценке выстроенных показателей. Таким образом, беременные женщины с хорошим физическим состоянием, отсутствием болезненных проявлений, с низкой тревожностью, со способностью к целостному восприятию мира и людей во всем его многообразии, к пониманию связанности противоположностей, позитивного и негативного, телесного и духовного, удовлетворенные качеством городской среды и сформированной самостоятельной ценностью ребенка с высокой долей вероятности будут иметь более спокойное физиологическое течение беременности в первом триместре. Беременные женщины, ощущающие болезненные состояния, отмечающие у себя наличие тревожных и депрессивных расстройств, с большим

стремлением к порядку, скрупулезности, склонности к сомнениям и частым самопроверкам, а также ригидностью, инертностью психических процессов и долгим переживанием травмирующих событий, не удовлетворенные качеством городской среды и имеющие в анамнезе больше 3х аборт в период первого триместра беременности с большой вероятностью будут иметь осложнения.

В математическую модель прогноза течения беременности для второго триместра беременности вошли показатели: «Привязанность – Обособленность», «Эмоциональная неустойчивость – Эмоциональная устойчивость», «Психическое здоровье», «Интенсивность боли» и «Удовлетворенность экологией городской среды». Показатель специфичности равен 71,4%, показатель чувствительности – 82,8%. (Таблица 6, Таблица 7).

Таблица 6. Структура математической модели прогноза течения беременности для второго триместра

Индекс признака	Название признака	Значение весового коэффициента признака
-----------------	-------------------	---

A0	Свободное слагаемое	-1,010
A1	Психическое здоровье	,111
A2	Интенсивность боли	-,014
A3	Эмоциональная неустойчивость – Эмоциональная устойчивость	,287
A4	Привязанность – Обособленность	-,309
B1	Оценка экологии городской среды	«Отличная» 24,339
		«Очень хорошая» –5,062
		«Хорошая» –4,568
		«Посредственная» –5,605

Таблица 7. Качество классификации

Observed	Predicted		
	1,0	2,0	Percent Correct
1,0 специфичность	15	6	71,4%
2,0 чувствительность	5	24	82,8%
Overall Percentage	40,0%	60,0%	78,0%

Созданная модель позволяет с высокой степенью вероятности прогнозировать течение беременности во втором триместре по оценке выстроенных показателей. Таким образом, беременные женщины с удовлетворительным психическим состоянием, отсутствием болезненных проявлений, эмоционально устойчивые и готовые к созданию более близких эмоциональных отношений, удовлетворенные качеством городской среды с высокой долей вероятности будут иметь более спокойное физиологическое течение беременности в первом триместре. Беременные женщины, ощущающие болезненные состояния, склонные к быстрой смене настроения, предпочитающие уединение близким отношениям и не удовлетворенные качеством городской среды в период второго триместра беременности с большой вероятностью будут иметь осложнения.

Выводы:

Установлены наиболее важные факторы и условия для нормального физиологического течения беременности, их взаимосвязи. С помощью математического метода моделирования разработаны две модели, позволяющие прогнозировать течение беременности на основании оценки выраженности исследуемых факторов. Результаты исследования позволили выдвинуть рабочую гипотезу о том, что метод математического моделирования дает возможность прогнозировать с определенной долей вероятности течение беременности на сроках первого и второго триместров беременности.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости раннего выявления факторов риска по развитию осложнений беременности на первых этапах. Обосновано, что раннее выявление, согласно данному исследованию прогностических факторов неблагоприятного течения беременности позволит разрабо-

тать целенаправленные программы медико-психологического сопровождения процесса вынашивания беременности. Реализация данных программ будет способствовать профилактике развитию патологии беременности, решению важной демографической задачи, а также снижению экономических затрат на этапе клинического лечения.

Литература:

1. Мартыненко П. Г. Прогнозирование преждевременных родов на основе выявления наиболее значимых факторов риска / П. Г. Мартыненко, В. Г. Волков // *Акушерство и гинекология.* – 2012. – № 1. – С. 103–107.
2. Агаркова Л. А. Акушерство и гинекология. Неотложные состояния / Л. А. Агаркова, Г. А. Михеенко, Н. А. Габитова, И. Ю. Бухарина // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2012. – № 9. – С. 20–22.
3. Абрамченко В. В. Психические состояния при нормальном и осложненном течении беременности / В. В. Абрамченко, Н. П. Коваленко // *Сборник материалов конференции по пренатальной психологии.* – СПб., 2000. – С. 45–67.
4. Айвазян Е. Б. Развитие телесного и эмоционального опыта женщины в период беременности / Е. Б. Айвазян // *Перинатальная психология и психология родительства.* – 2008. – № 2. – С. 93–110.
5. Филиппова Г. Г. Нарушение репродуктивной функции и ее связь с нарушениями в формировании материнской сферы / Г. Г. Филиппова // *«Перинатальная психология и психология родительства».* – 2003. – № 4–5. – С. 145–149.
6. Филоненко (Ульянич) А. Л. Особенности становления «Пренатальной психологической общности» беременных женщин с нормальным физиологическим течением беременности и с угрозой её прерывания / А. Л. Филоненко (Ульянич) // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* – 2011. – № 12. – С. 112–117.
7. Хломов К. Д. Исследование психоэмоциональных и индивидуально-характерологических особенностей беременных женщин с угрозой прерывания беременности / К. Д. Хломов, С. Н. Ениколопов // *Журнал «Перинатальная психология и психология родительства».* – 2007. – № 3. – С. 38–49.
8. Агаркова Л. А. Акушерство и гинекология. Неотложные состояния / Л. А. Агаркова, Г. А. Михеенко, Н. А. Габитова, И. Ю. Бухарина // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2012. – № 9. – С. 20–22.
9. Филоненко (Ульянич) А. Л. Антропоориентированные основания психологического сопровождения процесса вынашивания у женщин с угрозой прерывания беременности / А. Л. Филоненко (Ульянич), Т. Г. Бохан, Т. В. Рогачева Т. В. // *Сибирский психологический журнал.* – 2013. – № 50. – С. 78–86.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕАКЦИИ В РОМАНТИЧЕСКИХ И СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СИТУАЦИЮ, ВЫЗЫВАЮЩУЮ РЕВНОСТЬ

Фурманов И. А. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация: В статье изучаются интерактивные и поведенческие реакции в ситуации ревности в зависимости от пола, возраста и роли в партнерских отношениях в период ранней взрослости. Исследования показывают, что вне зависимости от пола, возраста и роли в ситуации ревности чаще всего используются реакции интегративной коммуникации и компенсации/замещения. В ситуациях, вызывающих ревность, активность мужчин направлена на конкурента, а у женщин – на партнера. У более молодых партнеров активность направлена на налаживание продуктивной коммуникации с партнером, а у более старших – на изменение собственного поведения. В романтических отношениях реакция на ситуацию ревности определяется ценностью партнера, а в супружеских – ценностью отношений.

Ключевые слова: ревность, коммуникационные реакции на ревность, романтические и супружеские отношения

Summary: In article are studied interactive and behavioral reactions to jealousy situation of depending on a sex, age and a role in partner relations in early adulthood. The study suggest that the reactions of integrative communications and compensation/substitution are more often used without dependence from a sex, age and role in jealousy situation. In the situations provoked jealousy, men's activity is directed on the rival, and at women – on the partner. At younger partners activity is directed on adjustment of productive communications with the partner, and at more older – on change of own behavior. In romantic relations reaction to a jealousy situation is defined by value of the partner, and in marriage – value of relations.

Keywords: jealousy, communicative reactions to jealousy, romantic and spousal relations

Ревность возникает в случае угрозы или фактической потери ценных, значимых отношения с другим человеком, из-за существования реального или воображаемого конкурента [1, 2]. В целом ревность связана с негативными отношениями, приводящими к конфликтам, насилию в семье и разводам [3, 4, 5]. Поэтому многие авторы трактуют ревность скорее как негативное явление. Ревность может не только вести к ненадежности отношений и конфликтам, но также и заставить не склонного к ревности партнера чувствовать себя подозреваемым

и контролирующим. Кроме того, качество отношений может быть отрицательно связано с ревностью, еще и потому, что несчастливые индивиды, скорее всего, будут иметь экстрадиадические любовные связи на стороне и, как следствие, будут вызывать ревность у своих партнеров [6, 7]. На негативные взаимосвязи между ревностью и качеством отношений указывается и в других исследованиях [8, 9, 10, 11].

Другие авторы, напротив, полагают, что ревность, может играть и позитивную роль в отношениях [4, 12]. Они

утверждают, что ревность является индикатором того, что романтические партнеры беспокоятся друг о друге и оценивают свои отношения достаточно высоко, чтобы защитить их. Действительно, некоторые исследования выявили наличие положительной связи ревности с качеством отношений. Например, E. W. Mathes [13] обнаружил, что индивиды, которые имели высокие показатели ревности, характеризовали свои отношения с партнерами как более устойчивые и успешные, чем индивиды, которые имели низкие показатели ревности. В подобных исследованиях R. J. Rydell, A.R. McConnell и R. G. Bringle [14] установили, что индивиды, проявляющие в отношениях верность и преданность, отличались более высоким уровнем ревности.

Ревность имеет структуру, состоящую из трех взаимосвязанных компонентов – когнитивных, эмоций и поведения. Как отмечают, G.L. White и P.E. Mullen [15] обычно это мысли о мести и сравнении с себя конкурентом, чувства гнева и ярости и действия с намерением разрушить конкурентные отношения. При этом, как полагает S. W. Duck [16] ревнивое поведение представляет собой не просто одно отдельное действие, а скорее является межличностной диадной активностью, предполагающей как интерактивную вовлеченность, так и коммуникативные последствия. В этом смысле романтические и супружеские отношения представляют собой весьма «плодотворную почву» для возникновения и протекания ревнивых отношений между партнерами.

Романтические отношения – это диадные отношения, предполагающие взаимодействие партнеров с целью продолжать отношения до тех пор, пока один

или другой партнер не прервет отношения, или пока не будут установлены другие формы отношений (сожитительство, помолвка, брак) [17]. Данный вид отношений включает различные компоненты: выраженную взаимную направленность партнеров друг на друга; наличие реальных непосредственных или опосредованных контактов; выраженную эмоциональную вовлеченность, определяющую специфику отношений; интимность [18]. Таким образом, романтические отношения – это непрерывный процесс *взаимодействия* между двумя партнерами, которые признают определенную связь друг с другом. Романтические отношения характеризуются *добровольностью*, то есть возникают на основании личного выбора субъекта и могут быть завершены по усмотрению одного или обоих партнеров. Еще одной важной характеристикой является *аттракция*, привлекательность партнера, которая зачастую может приобретать форму страсти и мотивировать к сексуальной близости.

Супружеские (брачные) отношения – социально или ритуально признанные легальные отношения между супругами, которые регламентированы определенными правами, определяющими взаимодействие между ними, между ними и их детьми и ближайшими родственниками. Основной отличительной особенностью супружеских отношений от романтических является то, что эти отношения являются зарегистрированными, т.е. оформленными в соответствующих органах государственной власти. Помимо этого, в супружеских отношениях могут отсутствовать некоторые компоненты, характерные для романтических отношений.

Исследования показывают, что существуют различия в проявлениях ревности в романтических и супружеских отношениях. В частности, было установлено, что ревность более распространена в романтических отношениях, нежели в брачных [19, 20]. В брачных отношениях, партнеры, вероятнее всего, чувствуют себя более спокойными и уверенными и поэтому меньше волнуются о конкурентах. При романтических отношениях, напротив, более вероятно, что партнеры пребывают в неизвестности по поводу намерений и действий друг друга, а также будущности их отношений [21]. С. Kennedy-Lightsey и М. Booth-Butterfield [22] обнаружили различия в мотивах ревности в романтических и супружеских отношениях и установили, что ситуация романтических отношений чаще вызывает ревность и чувство беспокойства, чем ситуация брачных отношений.

Помимо этого, в целом ряде исследований уделяется внимание гендерным различиям в реакциях ревности. Чаще всего феномен ревности в романтических и супружеских отношениях рассматривается с позиций социокультурного и эволюционного подходов. В социокультурном подходе [23, 24, 25, 26] ревность понимается как культурное явление и поэтому, половые различия в ревности определяются социальными факторами, под влиянием социальных норм, которые обуславливают ситуации, вызывающие ревность и соответствующие реакции. Согласно эволюционному подходу [27], ревность является врожденной и универсальной реакцией, сформированная различными эволюционными силами и поэтому половые различия в ревности представляют собой результат суще-

ственной асимметрии в мужской и женской родительской уверенности. Вместе с тем в исследованиях представителей как одного, так и другого подходов были получены и противоречивые данные. Например, некоторые установили, что мужчины более ревнивы, чем женщины [28], а другие – что женщины более ревнивы, чем мужчины [23, 24, 29, 30].

Указанная разноречивость данных о различиях в реакциях на ревность романтического партнера или супруга и стало основанием для проведения данного исследования.

Методика.

В последние годы, специалисты в области коммуникации стали проявлять особый интерес к коммуникационным аспектам, или «защитным реакциям» индивидов на переживания ревности. Как отмечается коммуникационное реагирование в ситуации ревности выполняет по крайней мере три важные функции в межличностных отношениях [33].

Во-первых, коммуникация может помочь испытывающим ревность индивидам уменьшить неопределенность в первоначальных и/или нарушенных отношениях.

Центральный принцип теории редукции неопределенности – то, что люди чувствуют себя некомфортно, когда они сталкиваются с чрезмерной неопределенностью, и, таким образом, они чрезвычайно мотивированы, чтобы возратить определенность, ища информацию и взаимодействуя с другими людьми. Действительно, ситуация, вызвавшая ревность, заставляет индивида столкнуться с дилеммой: отношения, которые обычно обеспечивали безопасность, теперь начинают тревожить своей неопределенно-

стью, особенно относительно будущего отношений и соответствующего межличностного поведения. Исследования показали, что вызывающие ревность ситуации увеличивают мотивацию, чтобы снизить неопределенность. Уровни неопределенности воздействуют на выражение ревности и тем самым мотивируют индивидов к более активной коммуникации с их партнерами. Кроме того, вероятно, что ревность, вызванная неопределенностью, приводит к коммуникации, нацеленной на обдумывание и прояснение характера первоначальных и конкурирующих отношений, и поэтому может быть нацелена и на партнера по отношениям, и на конкурента.

Во-вторых, коммуникация может быть эффективным инструментом для поддержания и/или восстановления первоначальных отношений после того, как возникла ревность.

Значительная литература, посвященная поддержанию межличностных отношений, переполнена примерами нарушений отношений, которые приводят к усилиям по их восстановлению. События, вызывающие ревность, могут быть оценены как нарушение отношений, которое должно быть объяснено, предотвращено и/или оговорено, если отношения должны продолжиться. Действительно, было установлено, что экстрадиадические любовные связи и романтический интерес к «третьему лишнему» расцениваются как два самых сильных причин нарушения отношений. В ряде исследований [1, 24], утверждается, что дискуссия о правилах отношений в части привилегированности и взаимозависимости может предотвратить или деинтенсифи-

цировать ревность и поможет в стабилизации отношений.

В-третьих, коммуникация часто является необходимым компонентом в спасении репутации или восстановлении самооценки после того, как создалась ситуация, спровоцировавшая ревнивую реакцию.

Теория социального сравнения доказывает, что индивиды сравнивают себя с другими, чтобы укрепить или поддержать их самооценку. Когда возникает ревность, индивиды, вероятнее всего, будут сравнивать себя с конкурентом. Такое принудительное сравнение угрожает самооценке. Еще более важно, что ревнивые индивиды полагают, что их партнеры сравнивают их с конкурентом и что они, так или иначе были не в состоянии «оправдать надежды». Наиболее травматической ситуацией является та, при которой индивид располагает информацией, что его партнер романтически более сильно увлечен другим, чем им самим. Такая информация особенно угрожающа для самооценки, потому что романтические партнеры обычно знают друг друга достаточно хорошо, показали друг другу свои сильные и слабые стороны и полагаются друг на друга для обеспечения поддержки.

Кроме того, по результатам исследований было сделано заключение, что коммуникационные реакции индивидов могут оказывать большое влияние на характеристики отношений, чем просто переживания одной только ревности. Одно из потенциальных преимуществ коммуникации состоит в том, что она не только напрямую влияет на результаты отношений, но и помогает удовлетворить цели редукации неопределенности. В частно-

сти, разясняя и обсуждая события, которые привели к увеличению неопределенности, партнеры по отношениям могут уменьшить сомнения о статусе их отношений и получить гарантию преданности их партнера, и тем самым повысить удовлетворенность отношениями. Другое преимущество коммуникации состоит в том, что индивиды могут регулировать свои психологические переживания ревности. Например, у индивида, который чувствует ревность, но отказывается вступать в диалог или отрицает коммуникацию о переживаниях, ревность может усиливаться из-за сохранения, а, возможно, и увеличения неопределенности. В то время как тот индивид, который вступает в коммуникации о ситуации, может уменьшить или разяснить как собственные, так и ревнивые чувства партнера.

Таким образом, ревность не только интраличностное переживание, это часто определенные действия, паттерн поведения. Люди отвечают на ревность партнера и справляются с нею множеством путей [31, 32].

Нет сомнения, что редукция неопределенности, поддержание отношений и восстановление самооценки являются важными когнитивными и поведенческими реакциями копинга с романтической ревностью, которые представляют собой попытки изменить или влиять на самость, партнера, отношения, или ситуацию в целом. Стратегии преодоления можно условно сгруппировать в четыре широких категории. Первая категория, *действия, направленные на изменение отношений*, сосредотачиваются на том, чтобы повышать ценность позитивной связи. Это такие действия, связанные

с восстановлением близости и доверия или трансформацией конкурирующих отношений таким образом, чтобы контакты партнера больше не угрожали основным отношениям. Вторая категория, *когнитивная переоценка*, включает когнитивные процессы, предназначенные, чтобы поддержать чувство собственного достоинства или снизить неопределенность, с помощью приуменьшения важности основных отношений, переоценки ситуации или улучшения себя. Третья категория, *расширение социальных сетей*, сосредотачивается на том, чтобы восстанавливать уважение самости, обращаясь к другим за поддержкой. Наконец, *уклонение/отрицание* может также служить сохранению самооценки, блокируя связанные с ревностью эмоции и когниции.

За исключением нескольких реакций, большинство названных стратегий, представляют собой когнитивные реакции и коммуникации, однако вне взаимодействия партнеров по отношениям. Вместе с тем, ревнивые реакции, чаще всего, возникают в результате нарушения межличностных отношений, что предполагает наличие коммуникационных реакций на ревность, нацеленных непосредственно на партнера по отношениям. В целом, эти коммуникационные реакции могут быть разделены на две главных категории, основанные на позитивной или негативной валентности коммуникации. Позитивные коммуникационные реакции включают: пересмотр правил и границы отношений, совместное с партнером обсуждение переживаний ревности и выслушивание объяснений, усиление невербального сближения. Вторая категория включает коммуникацию, сопровождающуюся агрессией и негативизмом. Сюда

относятся обвинения, нытье или жалобы, выражение угрозы и обращение к долгу, моральным обязательствам, сарказм, поиск путей отмщения, формирование чувства вины, бросание предметов, или, наоборот, создание атмосферы «гробового молчания».

Учитывая диапазон потенциальных реакций на ревность, Л. К. Guetгего с коллегами [33] разработали таксономию реакций на ревность, разделенную на две широких категории интерактивных и поведенческих.

Реакции на ревность классифицировались как интерактивные, если партнеры по отношениям, либо участвуют во взаимодействии лицом к лицу, либо сосредотачиваются на том, чтобы избежать непосредственного взаимодействия друг с другом. Были определены шесть типов интерактивных реакций на ревность:

Активное дистанцирование (АД) – выражение неприятия, игнорирование партнера, уменьшение привязанности к нему.

Негативная аффективная экспрессия (НАЭ) – демонстрация негативных эмоций.

Интегративная коммуникация(ИК) – прямая, просоциальная коммуникация с партнером попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнёром.

Дистрибутивная коммуникация(ДК) – прямая, асоциальная коммуникация с партнером, попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с партнёром.

Избегание/отрицание(ИО) – непрямые действия, предпринимаемые чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Насильственная коммуникация/угрозы(НКУ) – прямые, агрессивные вербальные и невербальные угрозы или фактическое насилие над партнером.

Поведенческие реакции на ревность не всегда предполагают межличностное взаимодействие. Были определены следующие некоммуникативные (общие) реакции на ревность:

Контроль/ограничение(КО) – действия, используемые для того, чтобы контролировать поведение партнеров и ограничить их доступ к конкурентам.

Компенсация/замещение (КЗ) – попытки угодить партнёру, сделать ему что-то приятное; доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для него.

Манипуляция (М) – действия, предназначенные, чтобы вызвать негативные переживания у партнера и/или возложить на него ответственности за изменение ситуации.

Контакт с соперником (КС) – активная коммуникация с конкурентом, попытки противостоять сопернику.

Для диагностики реакций на ревность использовался русскоязычный вариант методики CRJ (Communicative Responses to Jealousy), разработанной Л. К. Guetгего и коллегами [33] и адаптированный и валидизированный И. А. Фурмановым и А. О. Вергейчик [34]. Данный опросник состоит из 52 суждений, каждое из которых оценивается по 7-мибалльной шкале Лайкерта.

В исследовании приняло участие 737 человек (мужчины, N= 333; женщины, N = 404), в возрасте 18–30 лет (N = 651) и 31–50 лет (N = 86), находящихся в романтических (N = 566) и супружеских (N = 171) отношениях.

Для статистической обработки результатов исследования использовался пакет SPSS.13 (рассчитывались среднее, стандартное отклонение, критерий U-Манна-Уитни).

Результаты и их обсуждение.

Половые различия.

Сопоставление иерархий реакций на ревность дало возможность выявить, что вне зависимости от пола доминирующее положение занимают такие реакции как интегративная коммуникация и компенсация/замещение. Вместе с тем в группу доминирующих реакций также входят у мужчин – избегание/отрицание, а у женщин – негативная аффективная экспрессия, избегание/отрицание и активное дистанцирование.

Интегративные реакции считаются самыми прямыми, но не угрожающими [33]. Они позволяют индивидам открыто обсуждать переживания ревности в неагрессивной манере, а также являются более выгодной стратегией для уменьшения или предотвращения возникновения ситуаций, связанных с ревностью, в будущем. Примечательно, что интегративная коммуникация связана с низким уровнем неопределенности. Это предлагает, что партнеры, которые испытывают большую уверенность в их чувствах, чаще используют интегративную стратегию, например, раскрытие ревнивых чувств. Кроме того, интегральная коммуникация имеет первостепенную значимость для редукции неопределенности, потому что партнеры открыто обсуждают ситуацию,

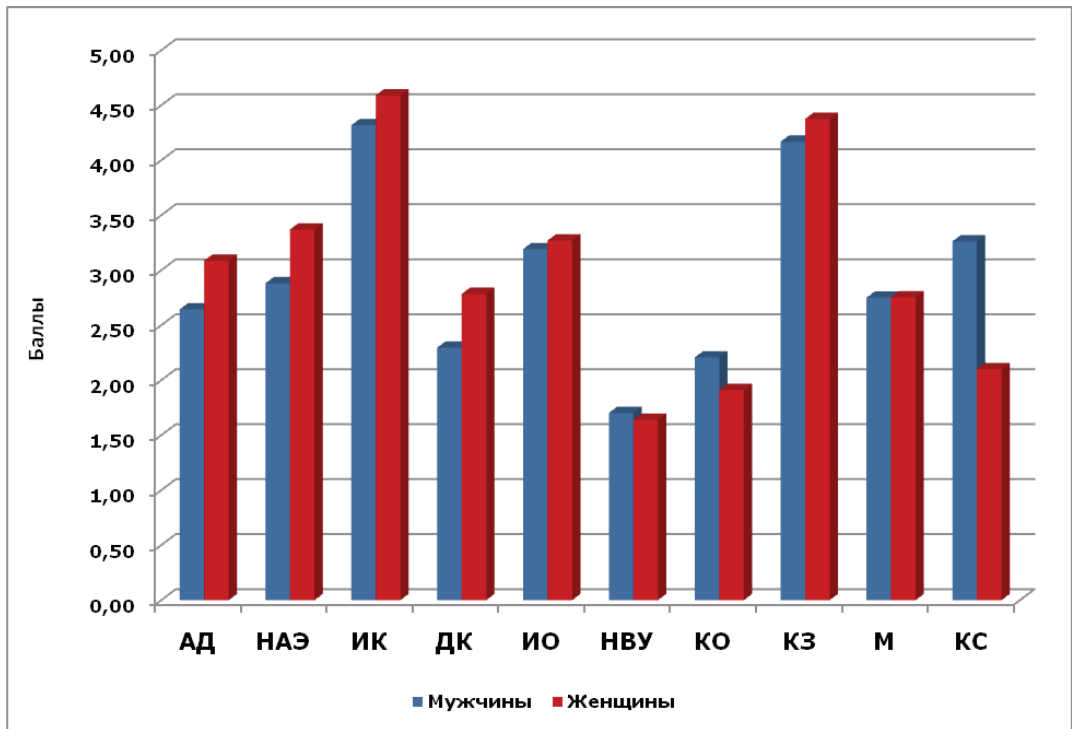

Рисунок 1– Половые различия в коммуникационных реакциях на ревность

связанную с чувствами, и потенциальными отношениями.

Таким образом, как мужчины, так и женщины в ситуации ревности отдают предпочтение действиям, направленным на решение возникших проблем через конструктивное взаимодействие с партнёром, обсуждение ситуации, проявляют готовность идти на уступки с целью удержания партнера.

Сравнительный анализ позволил установить, что мужчины в сравнении с женщинами (Рис. 1) имеют достоверно значимые более высокие показатели таких реакций на ревность как контроль/ограничение ($p \leq .001$) и контакт с соперником ($p \leq .001$) и более низкие показатели активного дистанцирования ($p \leq .001$), негативной аффективной экспрессии ($p \leq .001$) и дистрибутивной коммуникации ($p \leq .001$).

В зависимости от пола интенсивность реакций на ревность у мужчин не существенно ниже, чем у женщин ($p = .063$).

Иными словами, мужчины в ситуации провокации ревности чаще, чем женщины, предпринимают действия, которые позволяют контролировать поведение партнеров и ограничить их доступ к конкурентам (проверяют звонки, SMS-сообщения на телефоне и местонахождение партнёра, устраивают проверку, слежку, часто звонят партнёру и пр.), а также вступают в активную коммуникацию с конкурентом, совершают попытки противостоять сопернику (угрожают, оказывают сопротивление конкуренту).

Женщины чаще выражают неприятие, игнорирование партнера, стараются уменьшить степень привязанности к нему (физически отдаляются от партнёра, устраивают партнёру «молчаливый бой-

кот», пресекают попытки или требования общения и др.), демонстрируют негативные эмоции (выражают своё недоверие, негодование, досаду и печаль в присутствии партнёра, обижаются, плачут и др.), а также вступают напрямую асоциальную коммуникацию с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с партнёром (начинают сомневаться в поступках и чувствах партнёра, кричать, ругаться, делать обидные, оскорбительные, обвинительные замечания, проявлять грубость, ссориться или спорить и др.).

Активное дистанцирование и избегание/отрицание, которые преобладают у женщин, по своей природе хотя и являются косвенными и не угрожающими коммуникационными реакциями, как показали исследования – обратно пропорционально связаны с удовлетворенностью отношениями [33]. Одна из причин такой взаимосвязи видится в нехватке коммуникации о переживаниях ревности, которая не уменьшает неопределенность и приводит к более сильным негативным чувствам в отношении партнера. Дистрибутивные и насильственные коммуникационные стратегии являются стратегиями прямым и угрожающими. Именно поэтому их часто считают самыми негативными коммуникационными действиями, которые обратно пропорционально связаны с удовлетворенностью отношениями [8]. Использование угроз в отношениях влечет за собой стремление к завершению/уменьшению отношений или неверности [33]. Угрозы в отношениях также негативны для отношений еще и потому, что не решают проблемы неопределенности ситуации.

Можно обратить внимание, что существенное различие в стратегиях совладания с ревностью между мужчинами и женщинами, которое состоит в том, что активность мужчин направлена на конкурента, а у женщин – на партнера. Вероятно, данное различие можно объяснить разницей во взглядах на ситуацию ревности, которая обусловлена особенностями социализации и гендерных отношений между мужчинами и женщинами.

Как показывают исследования в ситуации ревности мужчины чаще выбирают стратегии, обеспечивающие поддержание самооценки [35, 36]. С точки зрения биологической теории уровень самооценки у мужчин в гендерных отношениях напрямую связан с завоеванием и сохранением положения «доминирующего самца». В связи с этим появление любого другого претендента на эту роль воспринимается и оценивается мужчиной как угроза Я–концепции, требующая устранения. В таксономии сохранения сексуального партнера R. Thornhill и J. Alcock [37] такая тактика получила название *физического предотвращения поглощения другими мужчинами*. Она, во-первых, включает поддержание тесного контакта с сексуальным партнером и, во-вторых, предотвращение вмешательства других мужчин. Отражение вмешательства может включать отваживание других мужчин, «строительство забора» вокруг женщин, и «выталкивание» других мужчин из круга общения.

В подтверждении этого было определено, что мужчины более вероятно, чем женщины, будут демонстрировать опасные, сексуально агрессивные и собственнические действия [38, 39]. Собственническая ревность предполагает конкретные действия, предназначенные, чтобы предотвратить контакт

партнера с третьим лицом (даже, в ответ на возможную его неверность). Кроме этого, сила агрессии, направленной на соперника, будет еще определяться и субъективной значимостью, ценностью для мужчины его «самки».

Возможно, существует и другая угроза, мотивирующая мужчин к контактам с соперником. Мужчина в отличие от женщины, никогда не может со стопроцентной уверенностью знать, что именно он будет или является отцом собственного потомства [27]. Поэтому проблема, с которой сталкивается заботящийся о собственном потомстве мужчина, состоит в том, чтобы гарантировать, что он потратил свои ресурсы только на генетически своих детей. В связи с этим он будет всячески стремиться к тому, чтобы минимизировать угрозу, препятствуя любым гетеросексуальным связям своей партнерши, тем самым, исключая даже гипотетические ситуации неверности. Мужчина также хочет быть уверенным в том, что его ресурсы (например, деньги, время, подарки и пр.), инвестированные в женщину, являются продуктивными. В этом случае, проявление бдительности, сокращение круга претендентов и устранение соперника – наиболее эффективные способы действий.

Вместе с тем, результаты исследований J. Bryson [35] свидетельствуют, что в ситуации ревности женщины чаще выбирают стратегии, обеспечивающие сохранение отношений. В отличие от мужчины, женщина всегда знает, что потомство, которое она родила, является ее собственным. Поэтому неверность сексуального партнера не представляет такую угрозу как для мужчин. Для женщин угроза состоит в другом – в том, что, если их сексуальный партнер станет привязанным к другой женщине, то он

может решить направить свои ресурсы на воспитание ребенка от той женщины, а не их совместного ребенка. Потеря ресурсов ее сексуального партнера может означать для женщины угрозу для выживания, существования и обеспечения ее генетического ребенка и ее самой. В рамках эволюционной психологии даже предполагается, что женщины генетически предрасположены и мотивированы к совершению действий, препятствующих привязанности их сексуальный партнера к другим женщинам [27]. В связи с этим усилия женщин будут направляться на сохранение и удержание мужчины, который инвестирует в их потомство.

Помимо этого, мужчины и женщины испытывают ревность по-разному. Дело не в частоте, продолжительности или интенсивности, а в эмоциональных и физических симптомах проявления ревности. Были обнаружены значимые и устойчивые гендерные различия в физических и эмоциональных реакциях на ревности. В большинстве случаев женская ревность была связана с большим количеством признаков дистресса. Одна из главных причин женской ревности – страх относительно повторного брака их мужа или страх относительно потери их мужей. В ситуации ревности женщины чувствовали себя более раздраженными, более возбужденными и более неуверенными; Они также сообщали о большей степени незащищенности, боли, страха потери, неполноценности и эмоционального истощения, чем мужчины. Более интенсивный, по сравнению с мужчинами, дистресс женщин в ситуациях, вызывающих ревность, возможно, объясняется, тем, что его выражение в виде переживаний страдания, горя, мучений более социаль-

но приемлемый способ реагирования. Мужчины могут испытать такой же дистресс, как и женщины, однако не выражают его открыто из-за социальных норм, которые запрещают им казаться слабыми и уязвимыми [40].

Вследствие того, что женщины более эмоционально реактивны в стимулирующих ревность ситуациях, в ответ на обнаружение неверности, женщины более вероятно, чем мужчины, прибегнут к физической и вербальной агрессии в отношении своих неверных сексуальных партнеров или супругов [29].

Возрастные различия.

Сравнительный анализ иерархий реакций на ревность дал возможность выявить, что у представителей первой возрастной группы доминирующее положение занимает такая реакция как интегративная коммуникация. В то время как у представителей второй возрастной группы – компенсация/замещение. Вместе с тем в группу доминирующих реакций также входят у представителей первой возрастной группы – компенсация/замещение, избегание/отрицание и негативная аффективная экспрессия, а у представителей второй возрастной группы – интегративная коммуникация, избегание/отрицание, негативная аффективная экспрессия и активное дистанцирование.

Таким образом, представители первой возрастной группы в ситуации ревности, в первую очередь, отдают предпочтение действиям, направленным на решение возникших проблем через конструктивное взаимодействие с партнёром, обсуждению ситуации, а представители второй возрастной группы – проявляют готовность идти на уступки с целью удержа-

ния партнера, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для него.

Здесь следует обратить внимание, что существенное различие в стратегиях совладания с ревностью между представителями первой и второй возрастных групп, состоит в том, что активность первых направлена на налаживание продуктивной коммуникации с партнером, а вторых – на изменение собственного поведения.

Было установлено, что представители первой возрастной группы в сравнении с представителями второй (Рис. 2) имеют достоверно значимые более высокие показатели таких реакций на ревность как интегральная коммуникация ($p \leq .001$), насильственная коммуникация/угрозы

($p \leq .001$), манипуляция ($p = .026$), контакт с соперником ($p = .003$) и более низкие показатели активного дистанцирования ($p = .045$), компенсации/замещения ($p = .005$).

В зависимости от возраста интенсивность реакций на ревность у представители первой возрастной группы не существенно выше, чем у представители второй возрастной группы ($p = .54$).

Таким образом, чем младше индивиды, включенные в ревнивые отношения, тем чаще они прибегают к прямой социальной коммуникации с партнером и предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнёром (объясняют свои чувства, рассказывают о своей ревности партнёру, обсуждают волнующие проблемы, стараются поговорить о проблеме и достичь понимания).

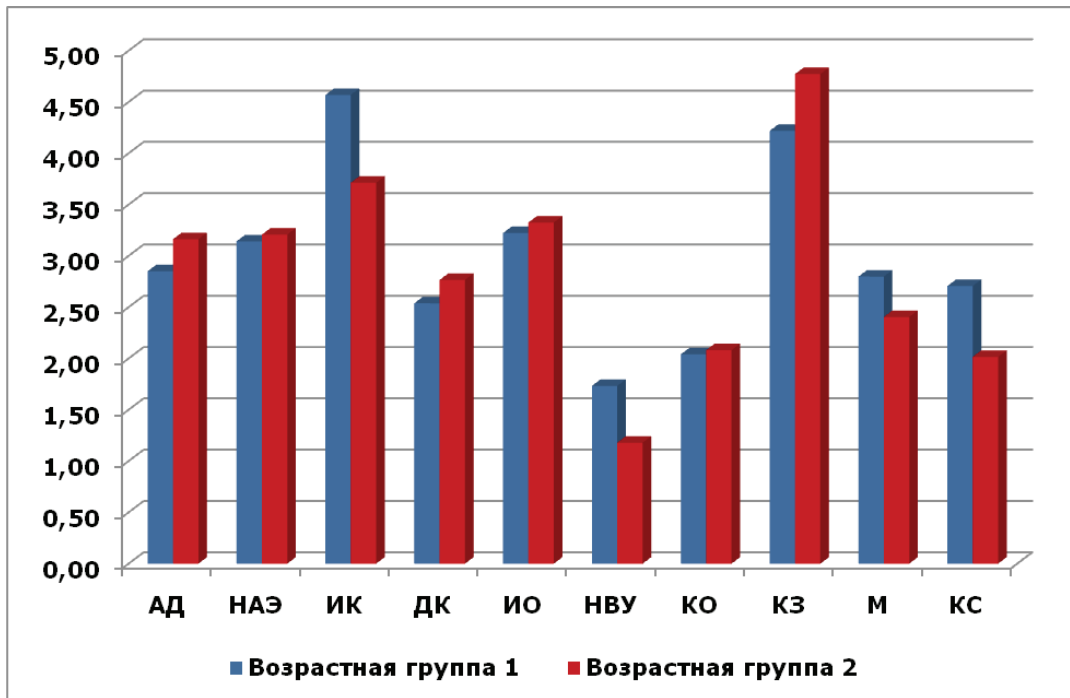

Рисунок 2– Возрастные различия в коммуникационных реакциях на ревность

Вместе с тем они более склонны к действиям, предназначенным, чтобы вызвать негативные переживания у партнера и/или возложить на него ответственности за изменение ситуации (заставляют партнёра испытывать ревность, предпринимают попытки отомстить, устраивают проверки на верность, делают так, чтобы партнёр чувствовал вину), использованию прямых агрессивных вербальных и невербальных угроз или совершению фактического насилия над партнером (угрожают навредить своему партнёру, применяют физическую силу и др.), а также к активной коммуникации с конкурентом, попыткам противостоять сопернику.

С возрастом у индивидов, включенных в ревнивые отношения, усиливаются тенденции выражения неприятия, игнорирования партнера, уменьшения привязанности к нему или, наоборот, предпринимаются попытки угодить партнёру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для него.

Следует отметить, что в литературе не обнаружено сколько-нибудь убедительных объяснений возрастных различий в реакциях на ситуацию ревности, а те, которые обнаружены, являются очень разноречивыми.

В частности, в одних исследованиях было установлено, что возраст не определял половые различия в ревности [41].

Эволюционный подход предполагает, что половые различия в ревности будут повторяться в более старшем взрослом возрасте, но эти различия могут быть меньшими по интенсивности, чем в младших возрастах [42, 43].

В частности, было установлено, что реакции более молодых и пожилых муж-

чин отличались не значительно. Вместе с тем отмечается, что мужчины более старшего возраста «охраняют» пожилых женщин меньше, чем более молодых женщин [44]. Кроме того, для мужчин более старшего возраста, находящихся в партнерских (супружеских) отношениях с женщинами, имеющими от них потомство, или постпродуктивного возраста, в сравнении с более молодыми мужчинами, существенно снижается угроза генетического «наставления рогов» [45].

Примерно те же тенденции наблюдаются и у женщин. Женщины старшего возраста, возможно, имеют потомство, которое менее зависимо от обеспечения их партнеров. В связи с этим, с возрастом снижается угроза потери ресурсной поддержки и инвестиций со стороны мужчины [42, 43].

Иными словами, с возрастом, как у мужчин, так и у женщин происходит понижение ценности партнера. Этот факт подтверждается результатами проведенного исследования: в частности, значительно более частым проявлением такой реакции как активное дистанцирование и менее частыми контактами с соперником.

Ролевые различия.

Сопоставление иерархий реакций на ревность дало возможность выявить, что вне зависимости от ролевого статуса индивидов, доминирующее положение занимают такие реакции как интегративная коммуникация и компенсация/замещение. Вместе с тем в группу доминирующих реакций также входят и индивиды, находящихся в романтических отношениях – избегание/отрицание и негативная аффективная экспрессия, а у индивидов, находящихся в супружеских отноше-

ях – избегание/отрицание и контакт с соперником.

Сравнительный анализ позволил установить, что индивиды, находящиеся в романтических отношениях в сравнении с индивидами, находящимися в супружеских отношениях (Рис. 3), имеют достоверно значимые более высокие показатели таких реакций на ревность как интегральная коммуникация ($p \leq .001$), избегание/отрицание ($p = .042$), компенсация/замещение ($p = .01$) и более низкие показатели контакта с соперником ($p = .004$).

В зависимости от роли интенсивность реакций на ревность у индивидов, находящихся в романтических отношениях, существенно выше, чем у индивидов, находящихся в супружеских отношениях ($p = .03$), что согласуется с данными

других исследований. В частности, в них было установлено, что для партнеров, находящихся в браке, и длительных преданных, скрепленных обязательствами, отношениях, переживание ревности является менее распространенным [8, 20, 33]. Романтическая ревность более распространена у молодых партнеров, строящих свои взаимоотношения время от времени, например, только в период свиданий.

Из выше изложенного следует, что индивиды, находящиеся в романтических отношениях в ситуации ревности чаще используют прямую просоциальную коммуникацию с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнёром, совершают непрямые действия с тем, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью (пред-

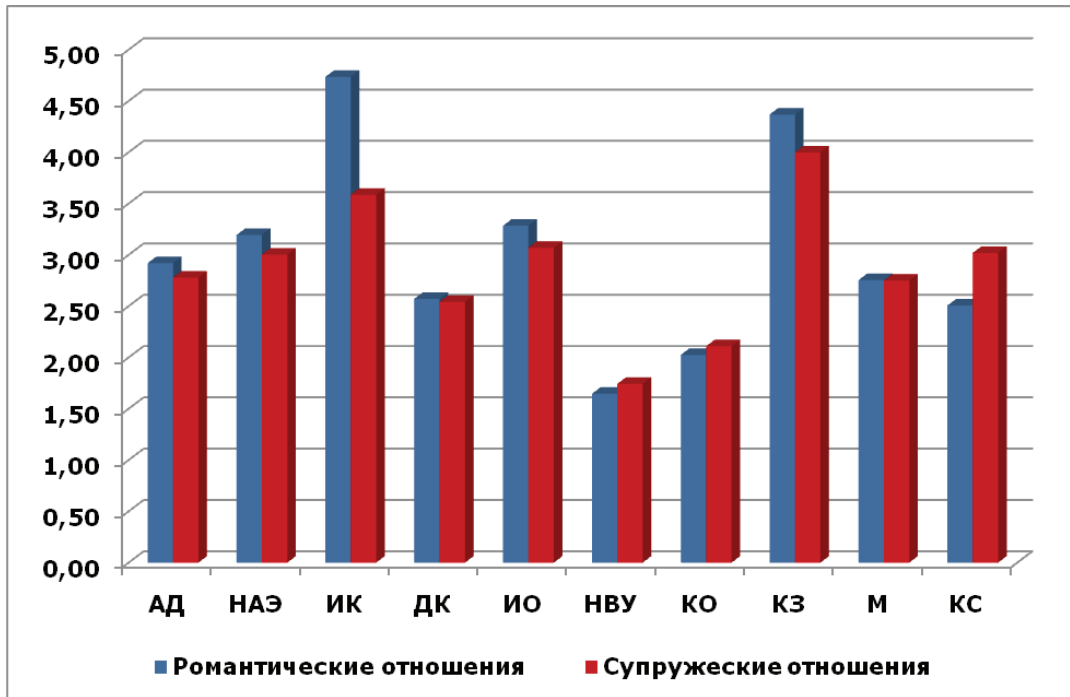

Рисунок 3– Рольевые различия в коммуникационных реакциях на ревность

принимают попытки сохранять спокойствие, делают вид, будто ничего не случилось, не признаются себе, что ревнуют, делают вид, что им всё равно), а также производят попытки угодить партнёру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для него.

В свою очередь индивиды, находящиеся в супружеских отношениях, чаще отдают предпочтение активной коммуникации с конкурентом, действиям, направленным на противостояние сопернику.

Здесь можно обратить внимание, что партнеры, находящиеся в супружеских отношениях, отличаются более низкими потребностями в конструктивном взаимодействии с партнером, компенсации/замещении и более сильным стремлением оградить свои отношения от вмешательства реальных или вероятных конкурентов, сохранить ощущение защищенности и безопасности. Таким образом, как нам кажется, акцент смещается с ценности партнера на ценность отношений.

Выявленные различия могут быть объяснены с точки зрения теории редукции неопределенности [46, 47]. Согласно данной теории многообразные ситуации, связанные с ревностью, могут быть сопряжены с различной степенью неопределенности о себе, партнере и/или отношениях, создавая сомнение и тем самым стимулируя определенные коммуникационные реакции. Иными словами, в ситуациях с высокой неопределенностью партнеры, пытается ее снизить, вступая в коммуникацию.

В связи с тем, что существуют различия в степени неопределенности, связанной с типом отношений, было сделано предположение, что находящиеся в бра-

ке, серьезно встречающиеся и встречающиеся время от времени партнеры будут по-разному испытывать и выражать ревность [8, 20, 48, 49, 50]. Во время начальных стадий отношений степень неопределенности в целом выше, чем тогда, когда отношения основываются на взаимной преданности и должностовании как, например, в браке [51]. В частности, партнеры, строящие взаимоотношения от свидания к свиданию, будут более вероятно иметь большую неопределенность по поводу своих собственных желаний оставаться включенным в эти отношения (самонеопределенность), желаний их партнера продолжать отношения (неопределенность партнера) и/или норм отношений вообще (неопределенность отношений). Хотя брачные отношения обычно отличаются меньшей неопределенностью, чем периодические взаимоотношения, исследования показывают, что реакции ревности, вызванные ситуацией неопределенности, могут возникать и между партнерами, находящимися в браке, особенно, когда пара отличается низким уровнем близости отношений [51, 52].

У романтических партнеров во время свидания или случайных встреч, история взаимоотношений, вероятно, будет более короткой, чем у партнеров, находящихся в браке, и поэтому, они, скорее всего, будут обладать меньшим опытом продуктивного взаимодействия для проговаривания своих ревнивых чувств или обсуждения ситуации, выявляющей ревность. Исследования показывают, что уровень неопределенности в отношениях был значимо связан с прямотой и откровенностью коммуникации между партнерами [48]. Было также определен-

но, когда люди не уверены в преданности своего партнера по отношениям, они, более вероятно, будут испытывать опасения в выражении ревности из-за страха разрушить эти отношения. Кроме того, более высокая неопределенность имеет тенденцию быть связанной с более негативными способами управления ситуацией, вызывающей ревность [48, 52].

Проведенное исследование позволило сделать следующие **выводы**:

1. Вне зависимости от пола, возраста и роли в партнерских отношениях в ситуации ревности чаще всего используются интерактивная реакция интегративной коммуникации и поведенческая реакция компенсации/замещения.
2. Интенсивность реакций на ревность не зависит от пола и возраста партнеров. Вместе с тем, в зависимости от роли интенсивность реакций на ревность у индивидов, находящихся в романтических отношениях, существенно выше, чем у индивидов, находящихся в супружеских отношениях.
3. Существенное различие в стратегиях совладания с ревностью между мужчинами и женщинами состоит в том, что активность мужчин направлена на конкурента, а у женщин – на партнера.
4. Существенное различие в стратегиях совладания с ревностью между представителями первой и второй возрастных групп, состоит в том, что активность первых направлена на налаживание продуктивной коммуникации с партнером, а вторых –

на изменение собственного поведения. С возрастом, как у мужчин, так и у женщин происходит понижение ценности партнера. Этот факт подтверждается результатами проведенного исследования: в частности, значительно более частым проявлением такой реакции как активное дистанцирование и менее частыми контактами с соперником.

5. Партнеры, находящиеся в супружеских отношениях, отличаются более низкими потребностями в конструктивном взаимодействии с партнером, компенсации/замещении и более сильным стремлением оградить свои отношения от вмешательства реальных или вероятных конкурентов, сохранить ощущение защищенности и безопасности. Таким образом, акцент смещается с ценности партнера на ценность отношений.

Литература

1. Buunk, B.P. Jealousy as a function of rival characteristics and type of infidelity / B.P. Buunk, P. Dijkstra // *Personal Relationships*.— 2004. — Vol. 11(4). — P. 395–409.
2. Dijkstra, P. Jealousy as a function of rival characteristics: An evolutionary perspective / P. Dijkstra, B.P. Buunk, // *Personality and Social Psychology Bulletin*.—1998. — Vol. 24. — P.1158–1166.
3. Barnett, O.W. B. Jealousy and romantic attachment in maritally violent and nonviolent men / O.W. Barnett, T.E. Martinez, B. Bluestein // *Journal of Interpersonal Violence*.— 1995. — Vol. 10. — P.473–486.
4. Buss, D.M. The dangerous passion: Why jealousy is as necessary as love and sex / D.M. Buss. — New York: Free Press, 2000.— 272 p.

5. Puente, S. Jealousy and the meaning (or nonmeaning) of violence / S. Puente, D. Cohen, // *Personality and Social Psychology Bulletin*.— 2003. — Vol. 29(4). — P.449–460.
6. Banfield, S. Extra relationship involvement among women: Are they different from men? / S. Banfield, M. McCabe // *Archives of Sexual Behavior*.—2001. — Vol. 30. — P.119–142.
7. White, G. L. Jealousy and partner's perceived motives for attraction to a rival / G. L. White // *Social Psychology Quarterly*.—1981. — Vol. 44. — P. 24–30.
8. Andersen, P.A. Romantic jealousy and relational satisfaction: A look at the impact of jealousy experience and expression / P.A. Andersen, S. V. Eloy, L. K. Guerrero, B. H. Spitzberg // *Communication Reports*.— 1995. — Vol. 8. — P.77–85.
9. Barnett, O.W. Jealousy and romantic attachment in maritally violent and nonviolent men / O. W. Barnett, T. E. Martinez, B. Bluestein // *Journal of Interpersonal Violence*.— 1995. — Vol. 10. — P.473–486.
10. Buunk, B. P. Jealousy in close relationships: An exchange theoretical perspective / Buunk, B. P. In P. Salovey (Ed.), *Psychological perspectives on jealousy and envy* New York: Guilford Publications.— 1991. — pp. 148–177.
11. Shackelford, T.K. Marital satisfaction and spousal costinfliction / T.K. Shackelford, D.M. Buss // *Personality and Individual Differences*.—2000. — Vol. 28. — P.917–928.
12. Barelds, D.P.H. Reactive, anxious and possessive forms of jealousy and their relation to relationship quality among heterosexuals and homosexual / D.P.H. Barelds, P. Dijkstra // *Journal of Homosexuality*.— 2006. — Vol. 51(3). — P.183–198.
13. Mathes, E.W. Jealousy and romantic love: A longitudinal study / E.W. Mathes // *Psychological Reports*.— 1985. — Vol. 58. — P.885–886.
14. Rydell, R.J., Jealousy and commitment: Perceived threat and the effect of relationship alternatives / R.J. Rydell, A.R. McConnell, R.G. Bringle // *Personal Relationships*.—2004. — Vol. 11(4). — P.451–469.
15. White, G.L. Jealousy: Theory, research, and clinical strategies / G.L. White, P.E. Mullen. — New York: Guilford, 1989. — p. 13.
16. Duck, S.W. *Human relationships* / S.W. Duck.— 2nd ed. — Newbury Park, CA: Sage, 1992. — p. 51.
17. Sousa, C. Teen Dating Violence. The Hidden Epidemic / C. Sousa // *Family and Conciliation Courts Review*.— 1999. — Vol.37 (3). — P. 356–374.
18. Клецина, И. С. Психология гендерных отношений: Теория и практика / И. С. Клецина. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 286–290.
19. Guerrero, L.K. Hers or his? The experience and communication of jealousy in close relationships / L.K. Guerrero, S.V. Eloy, P.F. Jorgensen, P. Andersen // *Interpersonal communication: Evolving interpersonal relationships* / ed. P. Kalbfleisch. — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. — P. 109–132.
20. Aylor, B.M. Antecedents in romantic jealousy experience, expression, and goals / B. Aylor, M. Dainton // *Western Journal of Communication*.—2001. — Vol. 65. — P.370–391.
21. Knobloch, L. K. Information seeking beyond initial interactions: Negotiating relational uncertainty within close relationships / L. K., Knobloch, D.H. Solomon // *Human Communication Research*.—2002. — Vol. 28. — P.243–257.
22. Kennedy-Lightsey, C. Responses to jealousy situations that evoke uncertainty in married and dating relationships / C. Kennedy-Lightsey,, M. Booth-Butterfield // *Communication Quarterly*.—2011. — Vol. 59. — P.255–275.
23. Buunk, B. Jealousy in sexually open marriages / B. Buunk // *Alternative Lifestyles*.—1981. — Vol. 4. — P.357–372.

24. Buunk, B. Strategies of jealousy: Styles of coping with extra marital involvement of the spouse / B. Buunk // *Family Relations*.—1982. – Vol. 31. – P.13–18.
25. Hupka, R.B. Cultural determinants of jealousy / R.B. Hupka // *Alternative Lifestyles*.—1981. – Vol. 4. – P.310–356.
26. Hupka, R.B. The motive for the arousal of romantic jealousy: Its cultural origin / R. B. Hupka. In P. Salovey (Ed.), *The psychology of jealousy and envy*. New York: Guilford Press.— 1991. – pp. 252–270.
27. Buss, D.M. Sex differences in jealousy: Evolution, physiology, and psychology / D.M. Buss, R.J. Larsen, D. Westen, J. Semmelroth // *Psychological Science*.— 1992. – Vol. 3. – P.251–255.
28. Mathes, E.W. Jealousy, romantic love, and liking: Theoretical considerations and preliminary scale development / E. W., Mathes, N. Severa // *Psychological Reports*.— 1981. – Vol. 49. – P.23–31.
29. De Weerth, C. Female aggression as a response to sexual jealousy: A sex role reversal? / C. De Weerth, A.P. Kalma // *Aggressive Behavior*.—1993. – 19. – P.265–279.
30. Hansen, G.L. Perceived threats and marital jealousy / G.L. Hansen // *Social Psychology Quarterly*.— 1985. – Vol. 48. – P.262–268
31. Buunk, B.P. Extradynadic relationships and jealousy / B.P. Buunk, P. Dijkstra,. In C. Hendrick, S. S. Hendrick (Eds.). *Close relationships: A sourcebook*. Thousand Oaks, CA: Sage.— 2000. – pp. 317–330.
32. McIntosh, E.G. Use of direct coping resources in dealing with jealousy / E. G. McIntosh, C.O. Matthews // *Psychological Reports*.— 1992. – Vol. 70. – P.1037–1038.
33. Guerrero, L.K. Coping with the green-eyed monster: Conceptualizing and measuring communicative responses to romantic jealousy / L.K. Guerrero, P.A. Andersen, P.F. Jorgensen, B.H. Spitzberg, S.V. Eloy // *Western Journal of Communication*.— 1995. Vol. 59. – P.270–304.
34. Фурманов, И. А. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики «Коммуникативные реакции на ревность» / И. А. Фурманов, А. О. Вергейчик // *Психологический журнал*.— 2012.— № 1–2 (31–32). – С. 81–89.
35. Bryson, J. Modes of Response to Jealousy Evoking Situations / J. Bryson // *The Psychology of Jealousy and Envy* / ed. P. Salovey. – Guilford Press, New York, 1991. – P.178–210.
36. Rusbult, C.E. Responses to dissatisfaction in close relationships: The exit-voice-loyalty-neglect model / C.E. Rusbult // *Intimate relationships: Development, dynamics, and deterioration* / eds. D. Perlman, S.W. Duck. – Beverly Hills, CA: Sage, 1987. – P. 209–237.
37. Thornhill, R. The Evolution of Insect Mating Systems / R. Thornhill, J. Alcock. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983.— 547 p..
38. Guerrero, L. K., Expressing emotion: Sex differences in social skills and communicative responses to anger, sadness, and jealousy / L. K. Guerrero, R. L. Reiter // *Sex differences and similarities in communication* / eds. D.J. Canary, K. Dindia. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. – P. 321–350.
39. Easton, J.A. Morbid jealousy and sex differences in partner-directed violence / J.A. Easton, T.K. Shackelford // *Human Nature*.— 2009. – Vol. 20. – P.342–350.
40. Pines, A. M. Gender Differences in Romantic Jealousy / A.M. Pines, A. Friedman // *The Journal of Social Psychology*.— 1998. – Vol. 138 (1). – P.54–71.
41. Voracek, M. Marital Status as a Candidate Moderator Variable of Male-Female Differences in Sexual Jealousy: The Need for Representative Population Samples / M. Voracek // *Psychological Reports*.— 2001. – Vol. 88. – P.553–566.
42. Buss, D.M. From Vigilance to Violence: Mate Retention Tactics in Married Couples / D.M. Buss, T.K. Shackelford // *Journal of Personality and Social Psychology*.— 1997. – Vol. 72. – P.346–361.

43. Flinn, M. Mate Guarding in a Caribbean Village/ M. Flinn // Ethology and Sociobiology.– 1988. – Vol. 9. – P.1–28.
44. Shackelford, T. K. Romantic jealousy in early adulthood and in later life / Shackelford, T. K. M. Voracek, D. P. Schmitt, D. M. Buss, V. A. Weekes-Shackelford, R. L. Michalski// Human Nature 2004. – Vol. 15 (3). – P. 283–300.
45. Shackelford, T. K., D. M. Buss, and J. Peters Wife Killing: Risk to Women as a Function of Age / Shackelford, T. K., D. M. Buss, J. Peters // Violence and Victims.– 2000. – Vol. 15. – P.273–282.
46. Berger, C. R. Some explorations in initial interactions and beyond: Toward a development theory of interpersonal communication / C. R. Berger, R. J. Calabrese // Human Communication Research.– 1975. – Vol. 1. – P.99–112.
47. Berger, C. R. Uncertain outcome values in predicted relationships: Uncertainty reduction theory then and now / C. R. Berger // Human Communication Research.– 1986. – Vol. 13. – P.34–38.
48. Afifi, W. A. Understanding the role of uncertainty in jealousy experience and expression / W. A. Afifi, T. Reichert // Communication Reports.– 1996. – Vol. 9. – P.93–103.
49. Dainton, M. A relational uncertainty analysis of jealousy, trust, and maintenance in long distance versus geographically close relationships / M. Dainton, B. Aylor // Communication Quarterly.– 2001. – Vol. 49. – P.172–188.
50. Guerrero, L. K. Relational satisfaction and jealousy across marital types / L. K., Guerrero, S. V. Eloy // Communication Reports.– 1992. – Vol. 5. – P.23–31.
51. Knobloch, L. K. Intimacy and the magnitude and experience of episodic relational uncertainty within romantic relationships / L. K. Knobloch, D. Solomon // Personal Relationships.—2002. – Vol. 9. – P.457–478.
52. Guerrero, L. K., Andersen, P. A. Jealousy experience and expression in romantic relationships / L. K. Guerrero, P. A. Andersen // Handbook of communication and emotion: Theory, research, applications, and contexts / eds. P. A. Andersen, L. K. Guerrero. – San Diego, CA: Academic Press, 1998. – P. 155–188.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ВАЖНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-НЕГАТИВНЫХ КАЧЕСТВ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ.

Чемякина А. В. (Ярославль)

В работе представлена проблема взаимосвязи профессионально-важных и профессионально-негативных качеств (ПНК) в структуре личности. Обоснована необходимость дифференциации нового операционального понятия – профессионально-негативных качеств (ПНК). Показано, что данная категория качеств (ПВК и ПНК) находится в неразрывной взаимосвязи. Эффекты структурной организации профессионально – важных и профессионально – негативных качеств имеют противоположную направленность по отношению к обеспечению результативных параметров управленческой деятельности.

The paper presents the problem of the relationship of the professionally important and professionally-negative qualities (PNQ) in the structure of personality. The necessity of differentiation of the new operational concepts – professionally-negative qualities (PNQ). It is shown that this category of qualities (PIQ and PNQ) is in a symbiotic relationship. Effects of structural organization of professionally important and professionally – negative qualities have an opposite direction in relation to the provision of effective parameters of managerial activity.

Ключевые слова: личностные качества, субъектные детерминанты, структура личности, профессионально-важные качества, профессионально-негативные качества.

Keywords: personality, subjective determinants, structure of personality, professionally important qualities, professional negative qualities.

Значимость исследования личностных качеств в системе управления обусловлена тем, что главным звеном процесса управления является, руководитель, с его психологическими особенностями, определенным набором личностных установок, оперируя которыми он успешно и эффективно, либо неумело и деструктивно осуществляет процесс руководства. Кроме того, личностные качества руководителя неразрывно связаны со всеми управленческими функциями (целеполаганием, прогнозированием, планированием, организацией, принятием решения, мотивированием, коммуникативной функцией, функцией контроля и коррекции, кадровой функцией, про-

изводственно-технологической, производной функцией) [2, 3, 6]. Обобщенная практическая цель психологических исследований управленческой деятельности – обеспечение эффективности работы руководителя и организации в целом.

Одним из наиболее значимых психологических направлений, исследующих проблему личностных качеств как в профессиональной деятельности в целом, так и в системе управления в частности, является психология субъекта профессиональной деятельности. Предметом ее исследования являются, в первую очередь, *субъектные детерминанты* деятельности. Это – те факторы, которые лежат в основе эффективной реализации

деятельности и связаны с особенностями ее субъекта. К ним относятся мотивация, направленность, степень подготовленности субъекта – его «обученность» (профессиональная компетентность). Однако главное место среди них занимают те индивидуальные, личностные качества индивидуума, которые необходимы и достаточны для нормативной реализации той или иной деятельности. Они обозначаются понятием профессионально-важных качеств [8].

Поиск субъектных детерминант профессиональной пригодности руководителя определяется объективной ролью, которую они выполняют в организации деятельности руководителя. Однако разнообразные подходы в этой области научных изысканий до сих пор не дали ответа на вопрос, какими именно психологическими характеристиками обладает успешный руководитель. Перечни профессионально-важных качеств руководителя включают разнообразные характеристики, которые подчас противоречат друг другу. В этой ситуации проще указать, каким не должен быть руководитель, чем перечислять, каким требованиям он должен соответствовать. Многообразие профессионально-важных качеств обусловлено вариативностью видов управленческой деятельности и структурно-компенсаторными особенностями организации субъектных характеристик. Поэтому успешным может быть руководитель общительный и замкнутый, рефлексивный и импульсивный, осторожный и рискующий. В таком случае практика профессионального отбора должна опираться на оценку выраженности у руководителя тех психологических характеристик, которые могут являться

противопоказаниями к управленческой деятельности. Однако до сих пор такой подход не реализуется, хотя именно исключение профессионально непригодных кандидатов на управленческие должности позволяет всем остальным претендентам реализовать свою деятельность на основе индивидуального стиля, обусловленного симптомокомплексом личностных и иных индивидуально – психологических черт [10].

Проблема профессионально-важных качеств фундаментально и наиболее комплексно разработана в трудах ученых ярославской психологической школы [2, 7, 8, 11, 12]. В качестве методологической основы исследования вопроса о генезисе ПВК ими было предложено и обосновано применение системного подхода.

Под ПВК понимаются свойства субъекта деятельности, необходимые для ее выполнения на нормативно заданном уровне и положительно коррелирующие хотя бы с одним (или несколькими) ее основными результативными параметрами – качеством, производительностью, надежностью [11]. В функции профессионально-важных могут выступать не только собственно психические, но и внепсихические свойства субъекта – соматические, биологические, морфологические, конституциональные, типологические, нейродинамические и др. Например, элементарная физическая сила и выносливость – ярко выраженные ПВК для многих видов деятельности [8]. В целях более полного раскрытия специфики и особенностей ПВК целесообразно остановиться на традиционно выделяемых, основных категориях и классификациях индивидуальных качеств, образующих

в своей совокупности структуру профессиональной пригодности:

- *Абсолютные ПВК* – свойства, необходимые для выполнения деятельности как таковой на минимально допустимом или нормативно заданном – «среднем» уровне.
- *«ПВК мастерства»* (относительные ПВК) – свойства субъекта деятельности, обеспечивающие возможность достижения высоких количественных и качественных профессиональных показателей.
- *Мотивационные ПВК*-свойства субъекта деятельности, синтезирующиеся через понятие мотивационной готовности к деятельности. Высокая мотивация может существенно компенсировать недостаточный уровень развития многих иных ПВК.
- *Анти-ПВК* – структура профессиональной пригодности предполагает минимальный уровень развития (или – отсутствие) так называемых «анти-ПВК». Это – свойства, которые выступают профессиональными противопоказаниями к той или иной деятельности. Они, в противоположность к качествам первых трех групп, коррелируют с параметрами деятельности значимо, но отрицательно.

В исследованиях последнего времени, в рамках ярославской психологической школы [9] было предложено новое операциональное понятие – профессионально-негативные качества (ПНК). Это понятие и, соответственно, сама категория ПНК раскрывает новый аспект общей структурной детерминации управленческой деятельности со стороны ее субъект-

ных детерминант. Данная характеристика, являющаяся противопоказанием к управленческой деятельности, не тождественна понятию «анти-ПВК», хотя, близка ему по смыслу. Если анти-ПВК характеризуются как свойства личности, выступающие противопоказаниями к той или иной профессиональной деятельности, значимо, отрицательно коррелирующие с параметрами деятельности, то ПНК – это характеристика системы негативных качеств личности более широкого плана. Было установлено, что категория личностных детерминант эффективности управленческой деятельности включает в себя как профессионально-важные, так и профессионально-негативные качества личности в их неразрывной взаимосвязи [9]. Разная степень выраженности личностных качеств на функциональном уровне управления способствует возникновению определенных интегративных механизмов в структуре личности, на основе которых происходит осуществление деятельности в сфере руководства. Некоторые личностные качества трансформируются в зависимости от выполняемой руководителем деятельности. Следовательно, структура личности руководителя вмещает в себя качества, которые могут быть как характеристиками – показаниями к управленческой деятельности, так и «отрицательными» качествами, препятствующими успешному руководству. Таким образом, профессионально-негативные качества являются не просто свойствами – противопоказаниями для профессиональной деятельности, это – система качеств негативного характера, представленная в структуре личности и находящаяся в неразрывной связи с ПВК, причем вариативное соче-

тание ПВК и ПНК определяет итоговые эффекты влияния всей совокупности личностных характеристик на параметры управленческой деятельности. Более того, в исследованиях, касающихся проблем профессиональной деятельности [1, 2, 4] указывается, что помимо профессионально-важных качеств, анти-ПВК, существуют и профессионально-нейтральные качества, не влияющие на результативность деятельности. По нашему мнению, структура личностных качеств как субъектных детерминант деятельности, должна быть представлена в виде континуума: профессионально-важные, профессионально-нейтральные и профессионально-негативные качества. Причем, полярные значения (ПВК и ПНК) являются вариативными. Они могут менять знак в зависимости от конкретной управленческой ситуации, либо при усилении какого-то из них. Данное положение подтверждается рядом исследований А. В. Карпова [3, 4]. В них указывается, что в определенных видах управленческой деятельности высокий уровень выраженности отдельных ПВК трансформируется в негативные качества – вредные в ситуации управления, то есть существует закономерность: чем сильнее выражено ПВК руководителя, тем больше вероятность его перехода в ПНК [3, 4]. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что данная группа качеств (как положительного, так и отрицательного характера) представлена в структуре личности и не может рассматриваться в отрыве друг от друга.

В этой связи, необходимо сформулировать более точное определение новому операциональному понятию. Профессионально-негативные качества – это

индивидуальные свойства субъекта, выступающие профессиональными противопоказаниями к той или иной деятельности, значимо отрицательно коррелирующие с одним или несколькими параметрами деятельности, находящиеся в неразрывной связи с системой ПВК в структуре личности, но, имеющие противоположную (по отношению к системе ПВК) направленность к обеспечению результативных параметров деятельности.

Следует отметить, что поскольку оба класса (ПВК и ПНК) взаимодействуют друг с другом и находятся в неразрывной связи в структуре личности, можно утверждать, что профессионально-негативными качествами могут выступать (так же, как и у ПВК): общесоматические (конституциональные) и нейродинамические свойства человеческого организма; свойства психических процессов; направленность личности, ее потребности, интересы, мировоззрение и убеждения, отношения личности и моральные качества. Например, «выжидающая» стратегия в профессиональной деятельности (феномен «антимотивации»), отсутствие инициативы при осуществлении трудовой деятельности, безусловно, является ПНК. В целях более полного раскрытия специфики и особенностей ПНК, на наш взгляд, необходимо выделить основные категории индивидуальных характеристик, образующих в своей совокупности систему качеств, препятствующих выполнению профессиональной деятельности:

- *Абсолютные ПНК*- свойства субъекта, не позволяющие выполнять деятельность на минимально допустимом или нормативно заданном – «среднем» уровне (психофизиоло-

гические ограничения, усвоенные социальные паттерны (семейные ценности, воздействие ближайшего окружения)).

- *Относительные ПНК*- свойства субъекта, препятствующие профессиональному развитию (отсутствие способностей, применительно к конкретной деятельности, наличие некомпенсируемых качеств (психофизиологических особенностей).
- *Мотивационные ПНК* – феномен «антимотивации». Наличие у субъекта деятельности мотивов, отвергающих профессиональную деятельность (мотивация спокойной жизни, «выжидающая» стратегия в профессиональной деятельности, отсутствие инициативы).
- *ПВК* – наличие у субъекта деятельности минимального уровня развития ПВК.

Последняя (четвертая) группа – в системе ПВК – наличие у субъекта деятельности минимального уровня развития анти-ПВК, в системе ПНК – наличие у субъекта деятельности минимального уровня развития ПВК, еще раз показывает тесную взаимосвязь данных категорий в структуре личности. Мера представленности ПВК и ПНК у конкретного индивидуума, психофизиологическое состояние субъекта деятельности, его мировоззренческие взгляды, моральное состояние и мн.др. в определенный момент времени, специфичность выполняемой им деятельности будут определять итоговые эффекты влияния совокупности личностных качеств на результативность деятельности.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что проблема детерминации личностных качеств, являясь органично взаимосвязанной со многими фундаментальными психологическими проблемами, играет важную роль в их развитии [5]. Личностные качества занимают центральное место в структуре деятельности и оказывают решающее влияние на ее результативные и процессуальные характеристики. Следовательно, любые психологические исследования, направленные на оптимизацию профессиональной деятельности, совершенствование подготовки и отбора к ней, повышение эффективности в сфере управления и решение некоторых иных задач прикладного плана, не включающие в свою сферу специфичность личностных конструктов, становятся по определению неполными и незавершенными.

Представленная в работе категория ПНК раскрывает новый аспект общей структурной детерминации профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности со стороны ее субъектных детерминант. Структурное изучение личностных детерминант в системе трудовой деятельности расширяет представления о той системной организации личностных характеристик, которая лежит в основе диагностируемых характеристик (ПВК и ПНК). Таким образом, проведенный анализ дополняет разработки, выполненные в рамках системно-структурного подхода к личности.

Литература

1. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития человека. М.: Изд-во «Академия», 2006. 240 с.

2. Карпов А. В. Психологический анализ трудовой деятельности: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1988. – 86 с.
3. Карпов А. В. Психология менеджмента. М.: Гардарики, 2000. – 584 с.
4. Карпов А. В. Психология принятия решений в профессиональной деятельности: монография. Ярославль: ЯрГУ, 1991. – 152 с.
5. Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений: монография. М.: Юристъ, 1998. – 440 с.
6. Организационная психология: учебник для бакалавров / под ред. А. В. Карпова. – М.: Юрайт, 2012. – 570 с.
7. Поварёнков Ю. П., Корчагина Г. И. Профессиональное самоутверждение личности: системогенетический подход. Киров: Изд-во. ВятГГУ, 2009. – 130 с.
8. Психология труда. Учебник для вузов / под ред. проф. А. В. Карпова. М.: Владос, 2001. – 219 с.
9. Чемякина А. В. Структурная организация личностных качеств как факторов эффективности управленческой деятельности и их половые различия: дис. ... канд. психол. наук / Чемякина Анна Вадимовна. Ярославль, 2014. – 221 с.
10. Чемякина А. В. Особенности структурной организации профессионально негативных качеств в управленческой деятельности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки: научный журнал. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. – № 2. – С. 54–59.
11. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности: монография. М.: Наука, 1982. – 185 с.
12. Шадриков В. Д., Дружинин В. Н. Формирование подсистемы профессионально-важных качеств в процессе профессионализации. Проблемы индустриальной психологии: сб. научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 1979. – С. 3–19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрашитова Т. А. – доктор психологических наук, профессор, Евразийский гуманитарный институт, член-корреспондент Международной академии психологических наук (Астана, Казахстан)

Агаркова Л. А. – доктор медицинских наук, профессор, директор ФГБНУ «Научно-исследовательский институт акушерства, гинекологии и перинатологии», (г. Томск)

Арутюнян Н. С. – Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна (Ереван)

Бабинцева Л. Н. – старший преподаватель, ГАУ ДПО «Институт развития образования» (Иркутск)

Барабанов Р. Е. – сотрудник научно-клинического отдела фониатрии ФГБУ «НКЦ оториноларингологии ФМБА России», преподаватель кафедры психологии гуманитарного факультета АОЧУ ВО МФЮА, член Российского общества психиатров

Баротов Ш. Р. – доктор психологических наук, профессор (Бухара, Узбекистан)

Белякова Е. В. – воспитатель 1 квалификационной категории МДОУ детский сад № 13 «Звездочка» города Углича Ярославской области (Углич)

Березуцкий В. И. – кандидат медицинских наук, доцент кафедры пропедевтики внутренней медицины ГУ Днепропетровская медицинская академия (Днепропетровск)

Биктагирова А. Р. – кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии и девиантологии, заместитель декана факультета психологии

по научной работе БГПУ им. М. Акмуллы, (Уфа)

Булатбекова А. Б. – студентка 4 курса специальности «Социальная работа» КазУЭФМТ (Астана)

Бухарина И. Ю. – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь ФГБНУ «Научно-исследовательский институт акушерства, гинекологии и перинатологии», (г. Томск)

Вербина Г. Г. – доктор психологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова» (Чебоксары)

Вербина О. Ю. – кандидат психологических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева, Чебоксары

Верещагина А. А. – доктор психологических наук, доцент кафедры психологии и социальной работы, Балтийский федеральный университет

им. И. Канта (Калининград)

Власова Г. И. – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой дошкольного образования, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования (Санкт-Петербург)

Герасимова В. В. – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой общей и коррекционной (специальной) психологии и педагогики ГАОУ ДПО «Институт развития образования Республики Татарстан», (Казань)

Гимранова Э. Ф. – частнопрактикующий психолог-консультант (г. Москва)

Гирфатова А. Р. – кандидат психологических наук, доцент, Башкирская ака-

демия государственной службы и управления, (Уфа)

Гордеева Е. Г. – врач психиатр-психотерапевт, кандидат медицинских наук, ректор НОУ ДПО ИПиКП, (Москва).

Гюлмамедов А. Б. – аспирант кафедры психологии ШГПИ ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» (Иваново)

Деревянко О. И. – магистр психологических наук, преподаватель кафедры общей и организационной психологии, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, (Минск, Республика Беларусь)

Дмитриева Л. Г. – доктор психологических наук, профессор БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа)

Дмитриева П. Н. – старший преподаватель, Алматинский филиал Санкт-Петербургского Университета профсоюзов (Алматы)

Донченко И. А. – кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии психологических наук, заведующая кафедрой менеджмента образования и психологии Коммунального учреждения «Запорожский областной институт последипломного педагогического образования» Запорожского областного совета (г. Запорожье, Украина)

Дунаева О. Н. – старший преподаватель кафедры психологии развития, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

Иванов Е. А. – кандидат психологических наук, доцент Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД РФ, член-корреспондент Международной академии психологических наук (Санкт-Петербург)

Игибаева А. К. – доктор педагогических наук, профессор ВКГУ им. С. Аманжолова, академик МАПН, (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Карапетян В. С. – доктор психологических наук, профессор, Армянский государственный педагогический университет им.Х.Абовяна (Ереван)

Карпов А. М. – д.м.н., профессор, зав. кафедрой психотерапии и наркологии ГОУ ДПО «Казанская государственная медицинская академия» МЗ РФ, (Казань)

Касымбекова Г. К. – кандидат психологических наук, ВКГУ им.С.Аманжолова (г. Усть-Каменогорск, Казахстан)

Кашапов А. С. – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и педагогической психологии государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова» (Ярославль).

Кашапов М. М. – профессор, доктор психологических наук, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова» (Ярославль).

Клюева Н. В. – зав. кафедрой консультационной психологии ЯрГУ им. Демидова, профессор, доктор психологических наук (Ярославль)

Кобяк М. В. – доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Москва)

Козлов В. В. – заведующий кафедрой социальной и политической психологии ЯрГУ, профессор, доктор психологиче-

ских наук, действительный член МАПН, президент МАПН (Ярославль)

Котина Н. Н. – аспирантка ФГБОУ ВПО ЯРГУ им П. Г. Демидова (Ярославль)

Кривобоков А. С. – аспирант кафедры консультационной психологии ФБ ГОУ ЯРГУ им П. Г. Демидова (Ярославль)

Курилович М. А. – кандидат психологических наук, доцент кафедры теории права, управления и психологии Российского государственного социального университета (Минск, Республика Беларусь)

Курешева О. В. – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии ВолГУ (Волгоград)

Кутукова Т. Ю. – психолог, Ярославский Государственный университет им. П. Г. Демидова, Центр корпоративного обучения и консультирования ЯРГУ им. П. Г. Демидова (Ярославль)

Логутова Е. В. – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет» (Оренбург)

Львов В. М. – доктор технических и психологических наук, профессор, директор Межотраслевого центра эргономических исследований и разработок, академик МАПН, (г. Тверь)

Лычагина С. В. – кандидат педагогических наук, член-корреспондент МАПН, заместитель начальника кафедры общей и прикладной психологии, Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России (Санкт-Петербург)

Мазиллов В. А. – заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушин-

ского, доктор психологических наук, профессор, действительный член МАПН (г. Ярославль).

Мазур Е. Ю. – кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (Москва)

Малых Т. А. – кандидат педагогических наук, заведующая кафедры Развития образовательных систем и инновационного проектирования Института развития образования Иркутской области, член-корреспондент Международной академии психологических наук (Иркутск)

Мантикова А. В. – ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», Медико-психолого-социальный институт, аспирант (Абакан, республика Хакасия, Россия)

Метельская Ю. С. – преподаватель кафедры социальной и политической психологии ЯРГУ (Ярославль)

Милютина Е. В. – кандидат психологических наук, преподаватель обучающих программ, Институт повышения квалификации и переподготовки Международной Академии Психологических Наук (ИПКИП МАПН) (Екатеринбург)

Морозов А. В. – доктор педагогических наук, профессор, академик (действительный член) Международной академии психологических наук, психолог-практик высшей категории, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт управления образованием Российской академии образования», (ФГБНУ «ИУО РАО»), (Москва, Россия)

Нагдян Р. М. – доктор психологических наук, доцент, кафедра психологии

магистратуры Международного научно-образовательного центра Национальной Академии наук Армении, член-корреспондент Международной академии психологических наук (г. Ереван)

Насырова А. А. – учитель, (Уфа)

Нелидов С. Н. – доктор биологических наук, академик РАЕН, Almaty Management University (Алматы, Республика Казахстан)

Овчинникова Н. Ф. – аспирант факультета психологии ЯрГУ им. Демидова (Ярославль)

Павлова В. А. – аспирант факультета психологии ЯрГУ им. Демидова (Ярославль)

Панкратова Т. М. – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и политической психологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», член-корреспондент МАПН, (Ярославль)

Панова Н. В. – врач-ординатор кафедры факультетской педиатрии Южно-Уральского государственного медицинского университета (Челябинск)

Пузырёв А. В. – доктор филологических наук, практический психолог, профессор кафедры психологии и дефектологии ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», член-корреспондент МАПН (Орехово-Зуево)

Пушкова Н. Н. – воспитатель 1 квалификационной категории МДОУ детский сад № 13 «Звездочка» города Углича Ярославской области (Углич)

Сабирова Д. А. – преподаватель кафедры психологии Бухарского государственного университета (Бухара, Узбекистан)

Сандомирский М. Е. – кандидат медицинских наук, преподаватель Института групповой и семейной психотерапии (г. Москва)

Сарбасова С. Б. – кандидат педагогических наук, доцент КазУЭФМТ (Астана)

Сергеева Д. Н. – ассистент БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа)

Синицына Л. В. – кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, доцент кафедры Общей, юридической и инженерной психологии (Хабаровск)

Сметанкина Л. В. – доктор философских наук, кандидат социологических наук, член-корр. МАПН, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного (Санкт-Петербург)

Солодчук О. Н. – доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры факультетской педиатрии с пропедевтикой детских болезней государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Ярославский государственный медицинский университет (Ярославль).

Стародубцева Г. А. – кандидат психологических наук, доцент кафедры развития образовательных систем и инновационного проектирования ГАУ ДПО «ИРО», (г. Иркутск)

Степанов О. Г. – доктор медицинских наук, профессор кафедры факультетской педиатрии Южно-Уральского государственного медицинского университета, член-корреспондент МАПН (Челябинск)

Стоюхина Н. Ю. – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский

государственный университет (Нижний Новгород)

Стрельцова А. В. – магистрант факультета психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова (Ярославль)

Толмачев И. В. – кандидат медицинских наук, доцент кафедры медицинской и биологической кибернетики ГБОУ ВПО «Сибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, (г. Томск)

Турчин А. С. – доктор психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД РФ, действительный член МАПН, (Санкт-Петербург)

Ульянич А. Л. – кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск)

Финькевич Л. В. – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и детской психологии, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, (Минск, Республика Беларусь)

Фролова О. П. – кандидат педагогических наук, доцент, действительный член МАПН, практический психолог, (г. Иркутск)

Чемякина А. В. – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова (Ярославль)

Черкасова А. А. – кандидат экономических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Москва)

Чернов А. Ю. – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии ВолГУ (Волгоград)

Шабанов Л. В. – доктор философских наук, кандидат психологических наук, академик МАПН, профессор кафедры Гражданско-правовых, гуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского филиала федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации» (Санкт-Петербург)

Янчук В. А. – доктор психологических наук, профессор, Академия последипломного образования, академик МАПН, (г. Минск, Беларусь)